

ШИРЪ-АЛИ-ХАНЪ

Эмиръ Авганскій.

ПУТЕШЕСТВІЕ
РУССКАГО ПОСОЛЬСТВА
ПО
АВГАНИСТАНУ
И
БУХАРСКОМУ ХАНСТВУ
ВЪ 1878—1879 гг.

ГЕОГРАФИЧ. ИНСТИТУТ БИБЛІОТЕКА
ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА
БИБЛІОТЕКА ФАКУЛЬТЕТ Л. Г. У.

ИЗЪ ДНЕВНИКОВЪ ЧЛЕНА ПОСОЛЬСТВА

Д-РА И. Л. ЯВОРСКАГО.

Дѣйствительнаго члена Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

ВЪ ДВУХЪ ТОМАХЪ.

ТОМЪ I.

Съ приложеніемъ: портретовъ эмира Авганскаго Ширъ-Али Хана и эмира Бухарскаго Сеидъ-Мозафаръ-ед-Динъ-Хана, изображенія Бамьянскихъ каменныхъ истукановъ, карты верховьевъ Аму-Дарьи и маршрута посольства, составленнаго топографомъ посольства Н. А. Бендерскимъ.

Ленинградская ордена Ленина государственная публичная библиотека им. М. Горького

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія д-ра М. А. Хана, Поварской пер., д. № 2.
1882.

Переводъ безъ разрѣшенія автора не дозволяется.

ПУТЕШЕСТВІЕ

РУССКАГО ПОСОЛЬСТВА

ПО

АВГАНИСТАНУ И БУХАРСКОМУ ХАНСТВУ

Amicus Plato, sed magis
amica veritas.

ТОМЪ I.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Глава I. Ташкентъ.—Самаркандъ.

Ташкентъ въ маѣ мѣсяцѣ 1878 г.—Приготовленія къ походу въ Индію.—Снаряженіе русской миссіи въ Кабулъ.—Обстоятельства, при которыхъ произошло это снаряженіе.—Составъ миссіи.—Приготовленія къ отъѣзду изъ Ташкента.—Путь отъ Ташкента до Самарканда.—Сборы миссіи въ Самаркандѣ . . . . . 1—23

Глава II. Самаркандъ.—Карши.

Отъ Самарканда до Джама.—Общее описаніе мѣстности.—Отъ Джама до Чиракчи.—Бухарское гостепріимство.—Въѣздъ въ Карши.—Жизнь миссіи въ Карши.—Аудіенція миссіи у эмира бухарскаго, Сеидъ-Музафаръ-эд-Динъ-хана.—Бухарскія увеселенія; бани.—Французъ Филишъ . . . . . 24—60

Глава III. Карши.—Аму-Дарья.

Отъ Карши до Гюзара.—Характеръ степи.—Эпизодъ съ гюзарскимъ бекомъ.—Гюзарскій еврей.—Горный путь отъ Гюзара до Ширъ-абада.—«Желѣзныя ворота».—Дневка въ Серъ-абѣ.—Джемадаръ-тюря.—Городъ Ширъ-абадъ.—Моя врачебная практика.—Пріѣздъ авганскаго посланца съ письмомъ.—Путь отъ Ширъ-абада до Чушка́-Гюзара.—Перипетіи переправы миссіи черезъ Аму-Дарью. . . . . 61—103

Глава IV. Въ Авганскомъ Туркестанѣ.

По ту сторону Аму-Дарьи. Пріемъ миссіи со стороны авганцевъ — Прибытіе авганскаго конвоя. — Первая ночь, проведенная нами въ Авганистанѣ.—Путь черезъ Туркменскую пустыню до

г. Мазари-Шерифа.—Каршіякъ.—Пріемъ, оказанный миссіи со стороны авганской администраціи въ Мазари-Шерифѣ.—Пребываніе миссіи въ этомъ городѣ.—Болѣзнь и смерть Лойнаба Чаяръ-вилайета.—Мѣстныя лихорадки.—Приглашеніе миссіи эмиромъ Ширъ-Али-ханомъ въ Кабулъ.—Выступленіе изъ Мазари-Шерифа . 104—150

Глава V. Въ Авганскомъ Туркестанѣ.

Выступленіе въ путь.—Авганская артиллерія.—Гури-Маръ.—Перевалъ Абъ-дугъ.—Наибъ-абадъ.—Нашъ путевой день.—«Гярмъ-сиръ».—Старый Хулумъ.—Ташъ-Курганъ—ворота Гинду-Куша.—Авганская дисциплина.—Положеніе миссіи.—Спички Воронцовой и К°.—Краткій историко-географическій очеркъ долины рѣки Аму.—Европейскіе путешественники по ней. . . . . 151—194

Глава VI. Отъ Ташь-Кургана до Бамьяна.

Путь вдоль рѣки Хулумъ.—Саядъ.—Ночной путь.—Бадесьябъ.—Гейбекская котловина.—Ущелье Дере-и-Зенданъ.—Гипербола Бёрнса. — Саръ-багъ. — Хуремъ. — Первый перевалъ по дорогѣ въ Бамьянъ, Чембаракъ.—Равнина Руи. — Верховья рѣки Хулумъ и Дуабская лощина. — Вторая гипербола, сообщаемая Бёрнсомъ. — Перевалы: Кизилъ и Кара-котель.—Долина Мадэръ.—Двѣ строки изъ современной исторіи Авганистана.—Ущелье Баджгахъ.—Бамьянскій губернаторъ.—Кагмардская долина.—Неточности Бёрслема.—Денданъ-Шикенскій подъемъ.—Сайганская долина.—Аса-фетида.—Ущелье Сухте-Чинаръ.—Урочище Риги-Ноу.—Акъ-Раббатскій перевалъ.—Видъ съ него на панораму окрестныхъ горъ. — Спускъ съ перевала въ Бамьянскую долину. . . . . 195—250

Глава VII. Въ Бамьянской долинѣ.

Три дня въ Бамьянѣ.—Памятники древности: пещеры, развалины.—Бамьянскіе колоссы.—Мое путешествіе по пещерамъ и восхожденіе на голову одного изъ колоссовъ.—Описаніе колоссовъ.—Мѣстныя преданія о нихъ.—Зоххаково Городище.—Малый Иракскій перевалъ. — Географія Бамьянской долины; ея флора и фауна.—Краткая исторія Бамьяна съ древнѣйшихъ временъ до настоящаго. — Нѣсколько словъ о мѣстоположеніи древняго города Бамьяна. . . . . 251—286

Глава VIII. Отъ Бамьяна до Кабула.

Иракская долина.—Подъемъ на Большой Иракскій перевалъ.—Соединительный узелъ между Гинду-Кушемъ и Кухи-Бабой.—Селеніе Харзаръ.—Укрѣпленіе Герденъ-Диваръ.—Перевалъ Уннай.—Спускъ въ долину Кабульской рѣки.—Сэръ-Чешмэ.—Коти-Ашру.—Прибытіе Сердаря Абдулла-хана.—Послѣдній на пути къ Кабулу перевалъ, Сефидъ-Хакъ.—Культура верхней части долины Кабулъ-Дарьи.—Пріѣздъ Везира-Шахъ-Магометъ-хана.—День въ Кала-и-Казы.—Слоны.—Послѣдняя почта изъ Ташкента; телеграмма о закрытіи Берлинскаго Конгресса.—Торжественное шествіе русской миссіи на слонахъ и въѣздъ въ Кабулъ.—Пріемъ, сдѣланный миссіи со стороны Кабульскаго населенія. . . . . 287—316

Глава IX. Въ Кабулѣ.

Помѣщеніе миссіи въ Бала-Хиссарѣ.—Пріемъ миссіи эмиромъ Ширъ Али-ханомъ.—Народное празднество.—Подарки, присланныя Туркестанскимъ генералъ-губернаторомъ эмиру.—Эмиръ даритъ миссіи 11,000 рупій.—Жизнь миссіи въ Кабулѣ.—Англійскія газеты, получавшіяся эмиромъ.—Полученіе почты изъ Ташкента.—Болѣзнь и смерть наслѣднаго принца Абдулла-Джана.—Переговоры генерала Столѣтова съ авганскимъ правительствомъ.—Извѣстія о снаряженіи англійскаго посольства въ Кабулъ.—Отказъ эмира.—Домашній базаръ . . . . . 317—344

Глава X. Возвращеніе ген. Столѣтова изъ Кабула.

Неожиданный сюрпризъ.—Авганскій военный министръ.—Выѣздъ изъ Кабула.—Краткая исторія г. Кабула.—Двадцать дней пути отъ Кабула до Самарканда.—Снова на берегу Аму.—«Безъ вины виноватые».—Въ Шахрисябзѣ.—Послѣдняя ночь пути.—Прибытіе въ Самаркандъ перваго авганскаго посольства.—Пріемъ, оказанный ему въ Самаркандѣ и Ташкентѣ.—Отъѣздъ генерала Столѣтова въ Ливадію.—Остальная часть миссіи получаетъ приказаніе остаться въ Кабулѣ на неопредѣленное время.—Краткій общій взглядъ на Бамьянскій путь.—Цифры маршрута. . . . . 345—383

ГЛАВА I.

Ташкентъ.—Самаркандъ.

Ташкентъ въ маѣ мѣсяцѣ 1878 г.—Приготовленія къ походу въ Индію.—Снаряженіе русской миссіи въ Кабулъ. — Обстоятельства, при которыхъ произошло это снаряженіе.—Составъ миссіи.—Приготовленія къ отъѣзду изъ Ташкента. — Путь отъ Ташкента до Самарканда. — Сборы миссіи въ Самаркандѣ.

Въ маѣ мѣсяцѣ 1878 г. въ Ташкентѣ царствовало болѣе замѣтное оживленіе среди общества, чѣмъ когда либо прежде.

Готовились къ походу въ Индію. Изданъ былъ приказъ по войскамъ Туркестанскаго Округа о сформированіи трехъ отрядовъ, имѣвшихъ выступить, въ самомъ непродолжительномъ времени, къ южнымъ границамъ Округа.

Все воинство туркестанское точно проснулось отъ долгой дремоты, зашевелилось, загудѣло; пошла спѣшная работа по снаряженію обозовъ, походныхъ лазаретовъ, санитарныхъ командъ; закупка лошадей, вьючныхъ принадлежностей и прочаго походнаго скарба. Лица, завѣдывавшія хозяйственной частью войскъ, разсѣялись во всѣ стороны степи, закупая лошадей и нанимая арбы (туземныя двухколесныя повозки). Офицеры имѣли очень веселый видъ, точно ихъ чѣмъ нибудь подарили. Вездѣ, въ ихъ кружкахъ, можно

было слышать выраженія крайняго удовольствія по поводу предстоящаго похода.

«Страсть какъ надоѣло сидѣть на одномъ и томъ же мѣстѣ. Скука! Куда ни оглянись—все знакомо, да давно и запримѣчено. То-ли дѣло походъ! Вольнымъ степнымъ вѣтромъ хоть обдуетъ васъ, да досыта надышетесь свѣжимъ воздухомъ. Спасибо англичанамъ! хоть они насъ выручили, а то куда ни погляди — вездѣ тишь да гладь, да Божья благодать; некуда, незачѣмъ и шагу сдѣлать; такъ бы и сгнили здѣсь въ Ташкентѣ. Ну, такъ нѣтъ-же! Теперь вотъ пойдемъ въ Индію—выгонять англичанъ оттуда. Положимъ, поговаривали о походѣ противъ Китайцевъ, да гдѣ имъ драться съ нами: убѣгутъ и не догонишь»!

Такія рѣчи можно было постоянно слышать въ кучкахъ собиравшихся въ разныхъ мѣстахъ офицеровъ. Многіе пытались отгадать: кто пойдетъ въ первыхъ эшелонахъ? Всѣмъ хотѣлось пойти первыми. Первымъ—первое дѣло и первая награда. Понятно, что о неудачахъ никто и не думалъ: туркестанскіе офицеры неудачъ не знаютъ; у нихъ неудачныхъ дѣлъ не было. Однако являлись и между ними скептики, допускавшіе возможность неудачи; но такихъ было очень немного. Большинство же ликовало и заранѣе потирало себѣ руки въ ожиданіи полученія подъемныхъ, суточныхъ и усиленныхъ раціоновъ. Положимъ, потирали себѣ они руки, въ чаяніи всѣхъ этихъ благъ, довольно неосновательно; носились даже слухи, что дѣло о подъемныхъ какъ-то затормозилось. Нѣкоторые же положительно завѣряли, что едва ли придется получить подъемныя, ибо начальникъ окружнаго штаба еще не получилъ разрѣшенія отъ военнаго министра о выдачѣ подъемныхъ, несмотря на неоднократно посланныя объ этомъ телеграммы, но... ни на что подобное не обращалось вниманія. Потомъ, хотя и довольно поздно, пришлось обратить вниманіе, и тогда они узнали, что подъемныя были очень урѣзаны, суточныя даны мизерныя, да и тѣ потомъ стребованы были обратно.

Даже и солдатики какъ будто повеселѣли; чаще стала слышаться молодецкая пѣсня, бойчѣе стала походка. Впрочемъ, это явленіе можно было объяснить чисто физіологическими причинами. Уже нѣсколько дней передъ тѣмъ былъ отданъ приказъ по частямъ войскъ, назначенныхъ къ походу, усилить довольствіе нижнихъ чиновъ. И

обыкновенно-то войска въ Туркестанскомъ краѣ — особенно стрѣлковыя части—питаются очень порядочно, а теперь ихъ стали кормить «какъ на убой». Впрочемъ, это «на убой», если хотите, можете понимать и въ буквальномъ смыслѣ.

Только женатые солдаты, а особенно тѣ, которые имѣли дѣтей,—тѣ какъ будто и призадумались. Однако и они все таки не хотѣли «ударить въ грязь лицомъ», бодрились и даже пробовали подсмѣиваться надъ молодыми солдатами, довольно сильно смахивавшими еще на деревенскихъ ротозѣевъ. Впрочемъ, особенно-то не о чемъ было горевать и женатымъ. Туркестанскіе походы никогда не сопровождались значительною убылью въ строѣ войскъ. Потери отъ непріятельскаго огня были почти всегда очень незначительны. Нужно, однако, замѣтить, что даже и здѣсь, въ средѣ солдатъ, являлись скептики. Большинство изъ нихъ, конечно, имѣло очень смутное понятіе о предстоящемъ походѣ. Одни говорили, что «идутъ Китайца бить»—за то де, что онъ «косоглазый» осмѣлился сдѣлать вызовъ русской власти [1]). Другіе говорили, что «Туркменъ опять взбунтовался,—такъ туркмена идутъ усмирять». Но были и такіе, которые, уловивъ нѣсколько фразъ изъ офицерскихъ бесѣдъ, говорили, что это будетъ совсѣмъ другой походъ — дальній да трудный.

Разговоры въ ташкентской публикѣ были совсѣмъ другаго свойства. Здѣсь одинаково неодобрительно относились къ какому бы то ни было походу,—тѣмъ болѣе къ дальнему. Здѣсь всѣмъ памятенъ еще былъ 1875 годъ, когда городъ со дня на день ожидалъ нападенія туземцевъ сартовъ на европейскіе кварталы Ташкента. Наличнаго количества войскъ тогда было очень мало въ городѣ, по случаю военныхъ дѣйствій въ Коканскомъ ханствѣ. Поэтому всѣмъ мирнымъ жителямъ было роздано оружіе; установлены были правила для осаднаго времени, и даже былъ изданъ приказъ, чтобы по сигналу всѣ русскіе обыватели собирались въ цитадель города. Въ городѣ царствовала почти паника. Сарты заявляли себя совсѣмъ неприличными выходками. Было нѣсколько случаевъ грабежа.

[1]) Въ мартѣ мѣсяцѣ этого года было получено письмо отъ Цзянь-Цзуня, начальника китайскихъ войскъ въ Монголіи и Кашгарѣ, невѣрно сначала переведенное и содержавшее будто бы угрозы Россіи, въ случаѣ, если она не возвратитъ Кульджу обратно Китаю. Потомъ объяснилось, что въ письмѣ никакихъ угрозъ не было.

Вотъ и теперь русскіе обыватели боялись возвращенія этого не совсѣмъ еще «стараго» и уже совсѣмъ не «добраго» времени. Положимъ, теперь въ Ташкентѣ оставался мѣстный батальонъ и двѣ вновь сформированныя резервныя роты, но публика думала, что для полной безопасности города, въ случаѣ чего либо... этого количества войскъ недостаточно... Многія дамы думали уѣзжать въ Россію—такъ здѣсь называется Европейская Россія. Другія же, выражая конечно только свои собственныя желанія, съ видомъ и тономъ пророчицъ говорили, что никакому походу не бывать, что «все это только такъ»...—Онѣ потомъ, дѣйствительно, оказались пророчицами; по крайней мѣрѣ желанія ихъ сбылись, такъ какъ хотя походъ и былъ, но все это было на самомъ дѣлѣ «только такъ»... Тѣмъ не менѣе наши пророчицы не забыли приготовить кому слѣдуетъ и «на всякій случай»—сухарей, консервовъ и другихъ походныхъ снѣдей. А я видѣлъ, какъ многія изъ нихъ приготовляли даже спеціально-походное бѣлье для своихъ храбрыхъ половинъ.

Дамы «Краснаго Креста», и дамы не принадлежащія къ нему, въ короткое время приготовили цѣлую груду разныхъ госпитальныхъ и перевязочныхъ принадлежностей, назначавшихся для будущихъ раненыхъ героевъ. Почти во всякой порядочной гостиной непремѣнно можно было увидать одну или нѣсколько паръ нѣжныхъ рукъ, проворно управлявшихся съ иголкой въ одной и ножницами въ другой рукѣ. Положимъ, иногда можно было примѣтить непритворный зѣвокъ и гримасу досадливой скуки, вызванныя работой «съ благотворительною цѣлью», но появленіе этого предательскаго зѣвка съ успѣхомъ можно было объяснить также тѣми адскими жарами, какіе наступили здѣсь послѣ дождливой весны и тянулись вотъ уже недѣли три сряду.

Ташкентскій госпиталь не отсталъ отъ общаго движенія. Дѣло шло о сформированіи походнаго лазарета для главнаго отряда. Былъ назначенъ, какъ это всегда водится, главный врачъ; были назначены и ординаторы. Въ то число попалъ и я. Откровенно говоря, я, какъ и большая часть офицерства, сильно желалъ похода. А разъ походъ былъ объявленъ, я только объ одномъ и думалъ: какъ бы мнѣ не остаться въ Ташкентѣ. Послѣднее мнѣ казалось хуже смерти.

«Какъ! Всѣ пойдутъ въ походъ, а я нѣтъ? Пойдутъ... вѣдь куда

пойдутъ... въ Индію! А я буду сидѣть въ этомъ скучномъ, противномъ Ташкентѣ? Да вѣдь я и поѣхалъ въ Туркестанскій Округъ передъ самой турецкой войной потому только, что предполагалъ движеніе въ Индію, такъ какъ еще и тогда было замѣтно, что Англія станетъ намъ вредить повсюду и, чего добраго, придется съ ней воевать. И вотъ теперь «сиди у моря, (даже океана—степи) да и жди погоды».

Но я вскорѣ успокоился, увидавъ себя въ числѣ врачей, назначенныхъ въ походный лазаретъ. Однако я долженъ сознаться, что мѣсто госпитальнаго ординатора меня не вполнѣ удовлетворяло. Для меня болѣе заманчивымъ казалось положеніе баталіоннаго врача—какъ по большей самостоятельности здѣсь врача, какъ практика, такъ и по большей подвижности части; можно было угодить въ авангардъ и тогда... Конечно, въ этомъ сказывался пылъ молодости, жажда простора, сильныхъ ощущеній. Но если бы мнѣ тогда, какимъ либо чудомъ, было открыто, что мнѣ предстояло потомъ испытать во время моихъ будущихъ путешествій по Средней Азіи, то, вѣроятно, мой юношескій жаръ мгновенно остылъ бы и я предпочелъ бы остаться въ этомъ, такъ вдругъ ужь очень опротивѣвшемъ мнѣ Ташкентѣ. Но—«будущее отъ насъ всегда сокрыто» и, вѣроятно, всегда къ нашему счастью.

Я горячо принялся за походныя приготовленія. Надо было прежде всего ликвидировать свое холостое хозяйство: это надо было продать, то купить. Надо было снарядить и себя, и коня и деньщика. Пуще всего меня занималъ вопросъ: на чемъ поѣдетъ деньщикъ? Нѣкоторые офицеры рѣшали этотъ вопросъ очень просто. «Онъ поѣдетъ, говорили они, съ обозомъ, или еще лучше: купить ему осла—и дѣлу конецъ». Но мнѣ казалось первое неудобнымъ, а второе какъ будто и комичнымъ. Вообразите, что могло бы тогда изъ этого выйти: ѣдутъ нѣсколько офицеровъ на хорошихъ, горячихъ лошадяхъ, а подлѣ нихъ галопируютъ на своихъ вислоухихъ скакунахъ-ослахъ ихъ вѣрные Санхо-Панхо; ослы при этомъ ревутъ благимъ матомъ—картина, которой не побрезгалъ бы и современный Сервантесъ. — Въ полномъ разгарѣ приготовленій къ походу меня застало новое назначеніе.

Около этого времени въ городѣ довольно глухо носился слухъ о

томъ, что въ округъ вызванъ ген. Столѣтовъ, извѣстный защитникъ Шипки. Говорили, что онъ долгое время жилъ среди мусульманскаго населенія, провелъ нѣсколько лѣтъ на Кавказѣ, былъ въ Персіи, жилъ нѣкоторое время въ Красноводскѣ, производилъ нивеллировку нижняго теченія Аму-Дарьи, хорошо знаетъ азіятскія нарѣчія—и вообще обладаетъ многими качествами, очень цѣнными для предстоящаго похода. Такъ вотъ и говорили, что онъ вызванъ въ Ташкентъ по поводу «Индійскаго» похода. О томъ же, что рѣшено было послать въ Афганистанъ русское посольство—не было и рѣчи; никто объ этомъ не произнесъ ни одного слова.

Въ одинъ прекрасный вечеръ, а именно 24-го мая 1878 г., я получаю записку секретаря Окружнаго Медицинскаго Управленія. Эта записка извѣщала меня, чтобы я «пожаловалъ немедленно къ его пр—ву окружному военно-медицинскому инспектору». Сбоку записки значилась надпись: «весьма экстренно».

Являюсь—и узнаю то, чего никто не ожидалъ,—а именно, что сформировано Посольство въ Авганистанъ. Главой посольства былъ назначенъ генералъ Столѣтовъ. Мнѣ окружной инспекторъ поручалъ ность врача посольства. Дѣло велось весьма экстренно. Я поспѣшилъ явиться къ моему новому и совсѣмъ неожиданному начальнику.

Проѣзжая мимо гостинницы Ильина, (находящейся на Большомъ просп.) нельзя было не замѣтить у домоваго подъѣзда двухъ ординарцевъ, вытянувшихся, какъ статуи, у обѣихъ половинокъ дверей. Подхожу и спрашиваю: здѣсь остановился генералъ Столѣтовъ?—«Точно такъ»—и одна изъ статуй исчезаетъ за дверью для доклада. Вхожу. Свѣжесть и прохлада, господствовавшія въ комнатахъ, составляли пріятный контрастъ съ раскаленнымъ воздухомъ улицъ.

Я прежде никогда не видалъ генерала Столѣтова. Составивъ себѣ о немъ понятіе по газетнымъ извѣстіямъ, я ожидалъ увидѣть браваго, закаленнаго воина, почти титаническую фигуру. Но я былъ неожиданно изумленъ, увидавъ передъ собою небольшаго роста человѣка, слабаго тѣлосложенія, съ мягкими манерами и тихимъ голосомъ. Особенно голосъ произвелъ на меня сильное впечатлѣніе. Интонація его была какъ то ужъ очень тушированна.

Я представился. Генералъ сейчасъ же заговорилъ о предстоящей поѣздкѣ въ Авганистанъ; онъ говорилъ, что необходимо будетъ очень

спѣшить, что по причинѣ болѣзни онъ запоздалъ въ Москвѣ и затѣмъ распространился о своей больной рукѣ, которая носила еще слѣды бывшаго воспаленія кожи. Генералъ кончилъ тѣмъ, что посовѣтовалъ мнѣ выѣхать изъ Ташкента въ Самаркандъ, сборный пунктъ всѣхъ членовъ миссіи, на другой же день.

Цѣлый день я, что называется, «пролъ горячку». Мнѣ надо было устроить свои дѣла, надо было снарядить походную аптеку; необходимо было, наконецъ, получить денегъ, хотя, мнѣ кажется, слѣдовало бы начать именно съ послѣдняго. Но, какъ я ни старался, а на слѣдующій день не успѣлъ выѣхать. Да къ тому-же и содержаніе, ассигнованное членамъ посольства, не было еще получено изъ областнаго казначейства.

А и содержаніе-то было назначено далеко не роскошное. Пяти оберъ-офицерамъ, входившимъ въ составъ посольства, было назначено по 200 руб. подъемныхъ и по 3 р. суточныхъ, выданныхъ впередъ за два мѣсяца. Вотъ и все. Всякій увидитъ, что назначеннаго содержанія было недостаточно, если я приведу нѣкоторыя статьи расходовъ.

По случаю мобилизаціи цѣны на всѣ походныя принадлежности сильно поднялись. Такъ напр., до похода пару вьючныхъ сундуковъ можно было купить за 10—12 руб., теперь же цѣна на нихъ возвысилась до 20—25 руб., а достоинство ихъ было хуже. До похода можно было купить очень порядочную верховую лошадь за 40—50 р. Теперь-же, за относительно плохихъ лошадей, приходилось платить 80, 90 и 100 р. Предположимъ, что я куплю двухъ лошадей, 1 верховую и 1 вьючную, и 1 пару вьючныхъ ящиковъ—вотъ и всѣ подъемныя будутъ израсходованы. А для деньщика какъ ни бейся, иначе нельзя обойтись, какъ купивъ ему длинноухаго скакуна (осла). Теперь—на что же купить другія дорожныя принадлежности? Запасы необходимыхъ пищевыхъ веществъ? Вѣдь мы ѣхали въ страну, о которой только и знали одну фразу изъ давно ученной географіи Ободовскаго, что «Авганистанъ населенъ разбойничьимъ племенемъ; главные города Кабулъ и Гератъ». Я знаю, что нѣкоторые члены миссіи, вслѣдствіе именно незнакомства со страной, взяли въ дорогу по пуду сухарей и болѣе или менѣе значительные запасы сахару, чаю и проч. припасовъ. Хуже всего было то, что никто изъ насъ не зналъ:

что брать и чего не брать. Иногда приходилось даже слышать и такіе курьезы, что въ Кабулѣ существуютъ, навѣрное, англійскіе магазины и что мы встрѣтимъ въ немъ чуть-ли не цѣлый корпусъ «красныхъ мундировъ».—Въ этомъ невѣденіи о странѣ, куда предстояло намъ ѣхать, пришлось купить и везти съ собой нѣкоторыя вещи совсѣмъ не нужныя и на оборотъ, нуждаться въ нѣкоторыхъ существенно необходимыхъ предметахъ.

Однако, какъ ни плохо пришлось мнѣ снарядиться, а когда я выѣзжалъ изъ Самарканда въ Кабулъ, то у меня оставалось въ карманѣ всего нѣсколько десятковъ «теньги» [1]), оставшихся отъ суточныхъ денегъ, выданныхъ за два мѣсяца впередъ. Чѣмъ бы пришлось питаться въ дорогѣ, еслибы не выручало гостепріимство бухарскаго эмира во время пути по бухарскимъ владѣніямъ, и авганскаго—во время проѣзда по Авганистану,—одинъ Аллахъ вѣдаетъ.

Новость — посланіе миссіи въ Кабулъ— разомъ облетѣла весь Ташкентъ. Я былъ засыпанъ со стороны своихъ знакомыхъ офицеровъ вопросами, разспросами, шутками, остротами, пожеланіями и разными соображеніями относительно предстоящаго пути. Всѣ были почему-то увѣрены, что миссія въ Кабулѣ встрѣтитъ чуть-ли не цѣлую англійскую армію. Многіе высказывали предположенія, что миссіи не видать Кабула, «какъ своихъ собственныхъ ушей», что авганскій эмиръ находится въ наилучшихъ отношеніяхъ съ англичанами и, конечно, не приметъ миссіи. Нѣкоторые сулили намъ всякія бѣды отъ разбойничьяго авганскаго народа, но при этомъ прибавляли, чтобы миссія не робѣла,—вѣдь за нею-де слѣдомъ пойдетъ наше храброе туркестанское воинство, и что если что и случится съ нею, то мы-де выручимъ...

Но въ чаду приготовленій къ отъѣзду, мнѣ было совсѣмъ не до праздныхъ словоизверженій. Болѣе или менѣе важныя указанія и совѣты я получилъ отъ полковника Н. И. Королькова и, признаюсь, они сослужили для меня добрую службу. И. П. Суворовъ также далъ весьма цѣнныя указанія.

26-го мая вся миссія, въ полномъ составѣ, представлялась Туркестанскому Генералъ-Губернатору. Составъ миссіи былъ слѣдующій:

---

[1]) „Теньга“—бухарская серебряная монета въ 20 к. (номинальная цѣна).

Начальникъ миссіи — генералъ-маіоръ Н. Г. Столѣтовъ; помощникомъ ему былъ назначенъ полковникъ (теперь генералъ-маіоръ) Н. О. Разгоновъ; топографомъ при миссіи Н. А. Бендерскій; затѣмъ переводчикомъ персидскаго языка — подпоручикъ Назировъ; переводчикомъ тюркскихъ нарѣчій — Замаанъ-бекъ-Шихалибековъ; чиновникъ Малевинскій былъ прикомандированъ къ миссіи, какъ знатокъ западно-европейскихъ языковъ и особенно англійскаго. Я же, какъ знаетъ читатель, назначенъ былъ врачемъ при миссіи. Уже въ Самаркандѣ къ миссіи былъ приданъ конвой изъ 22 казаковъ Уральскаго и Оренбургскаго войскъ. Всего 22 казака! Это не то, что конвой англійскаго посольства, сунувшаго было свой носъ въ Кабулъ по примѣру Русской миссіи: тамъ насчитывали до 2000 человѣкъ свиты и конвоя. Въ числѣ конвоировъ была даже артиллерія!

Въ тотъ же день, т. е. 26-го мая, я выѣхалъ изъ Ташкента въ Самаркандъ, а на другой день, въ 6 часовъ дня, я уже взбирался на Чапанъ-атинскія высоты, командующія надъ городомъ и прилегающею мѣстностію.

Путь отъ Ташкента до Самарканда столько разъ былъ описанъ и на столько разныхъ ладовъ, что мнѣ не остается сказать о немъ почти ничего новаго. Но все же я скажу о немъ нѣсколько словъ. Отъ Ташкента до Чиназа, грязнаго во всякое время года городка, совсѣмъ заполоненнаго бурьяномъ, дорога не представляетъ ничего особеннаго.

Отъ Чиназа до Джизака, то же города, одного изъ наиболѣе облюбленныхъ средне-азіатскимъ бичомъ—«риштой»,—степная дорога тоже не представляетъ ничего особеннаго. Тѣмъ не менѣе, я неутомимо смотрѣлъ во всѣ стороны: вѣдь я ѣхалъ по этой мѣстности еще въ первый разъ. Однако эта изъ виду уходящая, какъ скатерть разостланная, ровная степь наводитъ путника на нѣкорыя размышленія. Жирная почва способна была бы производить массу всевозможныхъ, разводимыхъ въ этомъ краѣ, злаковъ и деревьевъ. Многочисленное населеніе могло бы счастливо жить на этой обширной территоріи (около 10,000 кв. верстъ). А между тѣмъ, по дорогѣ вы не встрѣчаете ни одного поселенія, ни одного «кишлака» [1]).

[1]) Кишлакъ — названіе туземнаго селенія.

Лишь изрѣдка вы видите нѣсколько жалкихъ кибитокъ кочевниковъ, разбросанныхъ тамъ и сямъ вдали отъ дороги. Бездѣлицы не хватаетъ для того, чтобы разцвѣлъ этотъ край, какъ садъ... воды! Дѣло въ томъ, что на всемъ протяженіи отъ Чиназа до Джизака—болѣе 100 верстъ,—находится всего 4—5-ть колодцевъ, гдѣ съ трудомъ можно достать воду, съ грязью пополамъ и омерзительную на вкусъ. На всемъ этомъ протяженіи нѣтъ ни одного ручья, ни одной рѣчки, и вотъ почему эта богатая черноземная почва населена только лишь пресмыкающимися разныхъ видовъ, начиная отъ черепахи и кончая фалангой; вотъ почему эта обширная мѣстность названа «Голодной степью». Но было же, вѣроятно, время, когда эта мѣстность была садомъ, богатымъ и дарами природы и населеніемъ? На подобное предположеніе наводятъ путника едва различимые слѣды оросительныхъ канавъ, пересѣкающихъ степь въ разныхъ направленіяхъ. Несомнѣнно, что по нимъ текла вода,—жизненный элексиръ для средне-азіатскихъ пустынь. Невольно задаешься мыслью: когда же это было? Какъ давно стала пустовать эта богатая почва? Но едва ли кто въ состояніи положительно отвѣтить на этотъ вопросъ. Уже историки Александра Македонскаго описываютъ эту мѣстность, какъ безводную пустыню. Китайскій путешественникъ Сюань-Цань (въ VII вѣкѣ по Р. Хр.) тоже описываетъ это пространство, какъ пустыню. А затѣмъ и Арабскіе географы и путешественники также говорятъ объ этой пустынѣ, какъ о совершенно безводной. Народная память не сохранила никакого преданія о времени процвѣтанія этой мѣстности.

Но въ настоящее время для нея снова загорается заря жизни. Туркестанская администрація нашла возможнымъ оросить эту богатую почву. Уже въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ тысячи туземцевъ работаютъ надъ грандіознымъ каналомъ, имѣющимъ призвать къ жизни эту мертвую мѣстность. Лишь только планъ осуществится, лишь только степь изрѣжется оросительными каналами—какъ вся мѣстность будетъ быстро заселена и сдѣлается настоящей житницей не только русскаго Туркестана, но и всей Средней Азіи. Орошеніе и заселеніе этой степи, въ связи съ проведеніемъ въ Туркестанскій Край желѣзной дороги, въ состояніи произвести сильный экономическій переворотъ въ Средней Азіи. Понятно, что

этотъ результатъ получится только тогда, когда если не вся, то большая часть степи получитъ воду. Отводный каналъ изъ Сыръ-Дарьи, откуда хотятъ провести воду, потребуетъ конечно массу воды для орошенія такого огромнаго пространства. Но Сыръ-Дарья въ состояніи дать такое количество воды, хотя отъ этого судоходность ея и можетъ значительно пострадать, вслѣдствіе могущаго еще болѣе усилиться мелководія рѣки. Но объ этомъ горевать нечего. Судоходство по Сыръ-Дарьѣ, въ его настоящемъ видѣ, не приноситъ почти никакой пользы для страны, и только служитъ къ отягощенію ея бюджета содержаніемъ никуда негодныхъ пароходовъ и судовъ мѣстной флотиліи. Въ высшей степени желательно, чтобы главный оросительный каналъ былъ поскорѣе оконченъ, ибо — повторяю — орошеніе «Голодной степи» имѣетъ огромное значеніе для будущности не только Туркестанскаго Края, но и вообще Россіи въ Средней Азіи.

Но и въ настоящее время не всегда эта степь такъ безотрадно-гола, какъ теперь, когда я ѣхалъ по ней, въ концѣ мая. Ранней весной, въ мартѣ мѣсяцѣ, она представляетъ собою сплошной роскошный лугъ, покрытый густымъ ковромъ зелени. Масса разнообразныхъ цвѣтовъ, разбросанныхъ по степи, рябитъ въ глазахъ. Воздухъ упоительно благоухаетъ ароматами степныхъ травъ и цвѣтовъ—не надышешся имъ до-сыта.—Теперь же—знойное южное солнце давно уже сожгло малѣйшіе остатки зелени. Теперь вся эта обширная степь представлялась огромной раскаленною печью. Желто-бурая поверхность почвы испещрялась только изрѣдка попадающимися по дорогѣ небольшими черепахами, а горизонтъ разнообразился замѣчательными картинами степнаго марева: лѣса и рѣки манятъ вашъ воспаленный отъ нестерпимаго зноя взоръ; но причудливыя ихъ очертанія ежеминутно измѣняются — и тѣмъ говорятъ путнику о недѣйствительности этихъ видовъ.

Медленно, дряннoй рысцой, плетутся почтовыя лошади, тяжело дыша и уныло позвякивая подвѣшеннымъ подъ дугою коренника традиціоннымъ колокольчикомъ. Жара, медленность ѣзды и это непрерывное, монотонное позвякиванье колокольчика — наводятъ на сѣдока какое-то оцѣпенѣніе. Глядя на него, нельзя сказать, что онъ спитъ, но и нельзя сказать также, что онъ бодрствуетъ. —

Вотъ лошади пошли шагомъ, тише, тише... и наконецъ совсѣмъ встали. Вы съ трудомъ выходите изъ своего оцѣпенѣнія, открываете глаза и видите, что ямщикъ — обыкновенно мальчуганъ-киргизъ—отвязываетъ задымившуюся пристяжную. Отвязавъ, онъ бросаетъ ее тутъ же, въ степи, безъ всякаго присмотра, даже не спутавъ ногъ—не уйдетъ. Гдѣ уйти: лошадь еле-еле передвигаетъ ноги... Не торопясь, ямщикъ опять лѣзетъ на облучекъ, вотъ онъ махнулъ варовымъ кнутомъ; двѣ оставшіяся лошади, послѣ нѣсколькихъ безплодныхъ попытокъ сдвинуть громоздкую «трашпанку», наконецъ поплелись шажкомъ—и опять вами овладѣваетъ прежнее оцѣпенѣніе....

Я наконецъ за Джизакомъ. Горный потокъ шумно несетъ свои жиденькія мутныя воды. Впереди у меня виднѣется знаменитое ущелье, «Ворота Тамерлана». Грандіозныя вереи этихъ «воротъ» образованы отвѣсно спускающимися къ потоку скалами, въ нѣсколько сотъ футъ вышины. На отвѣсной, высокой скалѣ, съ правой стороны ущелья, саженяхъ въ 5-ти отъ земли, находятся слѣдующія надписи, изсѣченныя по персидски: «Да вѣдаютъ проходящіе пустыни и путешествующіе по пристанищамъ на сушѣ и водѣ, что въ 979 году здѣсь происходило сраженіе между отрядомъ вмѣстилища калифатства, тѣни Всевышняго, великаго хакана Абдулла-хана [1]), сына Искандеръ-ханова, въ 30 тыс. челов. боеваго народа и отрядомъ Дервишъ-хана и Баба-хана и прочихъ сыновей. Сказаннаго отряда (было) всего: родичей султановъ до 50 тыс. челов. и служащихъ людей всего до 400 тыс. изъ Туркестана, Ташкенда, Ферганы и Дешта—Кипчака. Отрядъ обладателя счастливаго сочетанія звѣздъ одержалъ побѣду. Побѣдивъ упомянутыхъ султановъ, онъ изъ того войска предалъ столькихъ смерти, что отъ людей, убитыхъ въ сраженіи и въ плѣну, въ теченіи одного мѣсяца въ рѣкѣ Джизакской (рѣчка Джеланъ-ута), на поверхности воды, текла кровь. Да будетъ это извѣстно»!

Выше этой надписи находится другая, тоже на персидскомъ языкѣ:

---

[1]) Абдулла-ханъ, одинъ изъ самыхъ видныхъ представителей династіи Шейбанидовъ, управлялъ Бухаріею во второй половинѣ 16-го столѣтія (родился въ 1538 г., умеръ 1597 г.).

«Съ помощію Господа Бога, великій султанъ, покоритель царей и народовъ, тѣнь Божія на землѣ, подпора постановленій суны и закона Божескаго, государь вспомоществующій вѣрѣ, Улугъ-бегъ-Гуруганъ (да продлитъ Богъ время его царствованія и его правленія), предпринялъ походъ въ страну Джеты и Монголовъ и отъ того народа возвратился въ эти страны невредимымъ въ 828 новолунномъ году» [1]).

Чѣмъ болѣе вы приближаетесь къ Самарканду, тѣмъ все яснѣе и яснѣе начинаютъ выступать на юго-восточномъ горизонтѣ снѣжныя вершины Туркестанскаго и Зеравшанскаго горныхъ хребтовъ.

Великаны горы выростаютъ передъ вами по часамъ. То, что нѣсколько часовъ тому назадъ терялось въ неясной дымкѣ воздушной перспективы, — теперь пріобрѣтаетъ болѣе очерченный рельефъ.—Рѣзкіе контуры кряжа горъ начинаютъ вырисовываться болѣе опредѣленно.

Вы находитесь за двѣ станціи до столицы азіатскаго завоевателя, Тамерлана. Эта станція называется Каменный мостъ.—Черезъ нѣсколько верстъ отсюда начинается воздѣланная долина Зеравшана, «Золотораздавателя» [2]) Средней Азіи.—Издали этотъ зеленѣющій, безконечный садъ, какимъ представляется долина, поражаетъ васъ своей роскошною растительностію. Но вотъ, вы въѣхали въ него — и очутились въ болотѣ: кругомъ — сады, перемѣжающіеся съ затопленными полями; вездѣ вода, а гдѣ ея нѣтъ, то и тамъ страшно грязно и сыро. Но за то вы ѣдете по прекрасно шоссированной дорогѣ. Такое шоссе тянется вплоть до Самарканда, верстъ на 30. Потомъ постепенно, съ каждымъ шагомъ впередъ, вы начинаете различать густой шумъ, какъ бы ревъ водопада. Черезъ нѣсколько времени вы выѣзжаете на берегъ «Златоносной» рѣки, и ея ревъ положительно оглушаетъ васъ.

Теперь вамъ придется совершить маленькую прогулку въ по-

---

[1]) Переводъ этихъ надписей приведенъ изъ книги Л е р х а: «Археологическая поѣздка въ Туркест. Край». Спб., 1870 г.

[2]) Буквальный переводъ слова Зеравшанъ.

возкѣ по водѣ, несущейся съ быстротою стрѣлы, пущенной изъ лука; мостовъ на рѣкѣ нѣтъ. Уровень воды, однако, настолько высокъ, что въ обыкновенной почтовой повозкѣ проѣхать нельзя, если не хотите, чтобы вы плавали въ ней. Тогда происходитъ перекладка вашего скарба изъ почтовой повозки въ арбу. Огромный діаметръ колесъ ея въ данномъ случаѣ какъ нельзя болѣе кстати. Вы совершаете ваше переселеніе и погружаетесь въ рѣчныя волны, бѣшено вырывающіяся изъ подъ арбы. Вы ждете, что вотъ-вотъ арба опрокинется подъ страшнымъ напоромъ воды и тогда — поминай какъ звали и вашъ багажъ, да, пожалуй, и васъ самихъ. Вода иногда бываетъ такъ глубока, что лошади, везущія арбу, погружаются въ ней всѣмъ тѣломъ. Но туземецъ-перевозчикъ весь свой вѣкъ прожилъ въ подобномъ занятіи и на столько опытенъ въ этомъ дѣлѣ, что вы ему можете смѣло ввѣрить руль оригинальнаго парома. Тѣмъ не менѣе, впереди ѣдетъ верховой и показываетъ дорогу. Приходится переѣхать такимъ образомъ черезъ нѣсколько рукавовъ рѣки, всего на протяженіи около 2-хъ верстъ.

На противоположной сторонѣ рѣки васъ поражаетъ остатокъ когда-то существовавшаго здѣсь каменнаго моста. Двѣ уцѣлѣвшія арки высоко возвышаютъ свои своды, свидѣтельствуя о прочности постройки и объ искусствѣ людей когда-то, въ неизвѣстныя времена, строившихъ этотъ мостъ. Современный Самаркандъ едва ли скоро дождется моста и, по всей вѣроятности, еще долго вольные и невольные туристы и обыватели будутъ пользоваться, при переправѣ черезъ рѣку, выгоднымъ діаметромъ арбянаго колеса.

Передъ вами подъемъ въ гору. Гора эта—Чапанъ-ата, гдѣ 1-го мая 1868 г. эмиръ Бухарскій Мозафаръ-ханъ былъ разбитъ на голову наступавшими на него туркестанскими войсками. Вы поднялись на гору—и передъ вами открывается одинъ изъ прекраснѣйшихъ видовъ Средней Азіи. Не даромъ это мѣсто было любимымъ становищемъ Великаго Азіатца — Тамерлана. — Самаркандъ, съ его величавыми памятниками былой славы, находится у васъ весь на виду, точно на ладони. А за нимъ, и кругомъ него, разстилается, уходящая изъ глазъ, великолѣпная, зеленѣющая долина Зеравшана. Еще дальше—громаднымъ поясомъ обхватываютъ рав-

нину горы, мѣстами, а особенно къ востоку, высоко и гордо подымающія свои снѣжныя вершины. Другой, хотя и не столь знаменитый государь, какъ Тимуръ, но вѣроятно не меньшій, чѣмъ онъ, эстетикъ, султанъ Баберъ, сравниваетъ Самаркандъ съ другими мѣстами извѣстнаго ему тогдашняго міра и отдаетъ пальму первенства ему-же. Только Кабулъ, этотъ по преимуществу излюбленный имъ городъ, могъ успѣшно выдержать въ его глазахъ сравненіе съ Самаркандомъ.

Вы въѣзжаете въ лѣсъ садовъ, нѣсколько разъ спускаетесь и снова поднимаетесь въ гору, при чемъ приходится экипажъ тормозить, и затѣмъ, сдѣлавъ послѣдній спускъ, вы становитесь лицомъ къ лицу съ знаменитыми постройками Тимуридовъ: медрессе и мечетями. Многолюдная, разношерстная толпа шумитъ у вашихъ ногъ; вы находитесь на центральномъ базарѣ Самарканда. Ямщикъ-киргизъ въ это время погоняетъ лошадей особенно усердно, желая щегольнуть своимъ искусствомъ передъ туземцами— и лошади несутся въ карьеръ, пока не покажутся стѣны и бастіоны цитадели. Теперь колокольчикъ отвязывается, а лошади пускаются шагомъ. Вы въѣзжаете въ русскій городъ.

При самомъ въѣздѣ въ городъ вамъ бросается въ глаза широчайшая улица, такъ называемый «Абрамовскій» бульваръ. Ширина этой улицы, съ бульваромъ посрединѣ, засаженнымъ деревьями, простирается до 50 саженъ. — Русскій Самаркандъ поражаетъ васъ правильностію и широтою улицъ, но также и... пустынностью ихъ, также и излишнимъ обиліемъ пыли, глубокимъ слоемъ лежащей на улицахъ, тротуарахъ и деревьяхъ. Улицы здѣсь, въ противуположность Ташкенту, поливаются очень рѣдко. Но вотъ, наконецъ, и вожделѣнный станціонный домикъ. Войдемъ въ него.

Отъ городскаго станціоннаго дома путнику позволительно ожидать нѣсколько болѣе удобствъ, чѣмъ отъ затерявшейся въ необъятной степи, обыкновенной почтовой станціи-мазанки. — Напрасное ожиданіе: вамъ и здѣсь придется обойтись безъ всякихъ удобствъ. Ну, что-жъ! Обойдемся и безъ нихъ. Путешественникъ по Средней Азіи до того свыкается въ дорогѣ со всевозможными лишеніями, что потомъ совершенно равнодушно относится къ отсутствію удобствъ даже тамъ, гдѣ можно было бы съ полнымъ правомъ разсчитывать

на нихъ. Не смотря на то, что мнѣ пришлось проспать всю ночь на сдвинутыхъ вьючныхъ ящикахъ, я спалъ отлично и ни разу даже не повернулся съ одного бока на другой, хотя жесткое ложе должно было сильно давать себя чувствовать моимъ бокамъ.

На слѣдующій день я долженъ былъ приняться за окончательное снаряженіе въ путь. Но дольше оставаться на станціи было неудобно. Въ городѣ же была всего одна только гостинница, да и та была вся занята. Надо было отыскать частное помѣщеніе. За 60 коп. въ сутки я нанялъ себѣ цѣлый домъ, конечно безъ мебели. Спать пришлось и здѣсь на тѣхъ же сдвинутыхъ вьючныхъ ящикахъ. Кстати, скажу здѣсь нѣсколько словъ о нихъ, а также и вообще о вьючкѣ.

Вьючные ящики составляютъ незамѣнимое перевозочное средство въ гористыхъ мѣстностяхъ Средней Азіи. Въ здѣшнихъ горахъ правильныхъ, разработанныхъ дорогъ не существуетъ; есть только тропы. Понятно, что по нимъ ни на какомъ колесномъ экипажѣ нельзя перевозить что бы то ни было. Существуетъ только одинъ способъ перевозки — вьючный. Лошадь, оселъ, быкъ, (въ горахъ Гиндукуша) верблюдъ — сѣдлаются особыми, такъ называемыми, вьючными сѣдлами; туземцы называютъ ихъ «паланами». Эти «паланы» состоятъ изъ деревяннаго, скрѣпленнаго гвоздями и ремнями арчака или скелета сѣдла. Арчакъ обвивается кошмами въ нѣсколько рядовъ. Образуется желобоватая, длиною въ $1^1/_2$—2 фута, довольно мягкая и довольно упругая, вогнутая подушка. Къ этой подушкѣ прикрѣпляютъ обыкновенныя подпруги, нагрудники и захвостники— и «паланъ» готовъ. Это—туземное вьючное сѣдло. Въ частяхъ войскъ Туркестанскаго Округа употребляется вьючное сѣдло другаго образца (вѣроятно такое, какое принято во всей нашей арміи). Оно состоитъ изъ короткаго (около 1 ф. длины) арчака, который не обвивается кошмой, а подъ него кладутся уже готовые войлочные потники. Этотъ образецъ сѣдла, по моему мнѣнію, совсѣмъ не долженъ быть употребляемъ въ гористой мѣстности, особенно въ дорогѣ съ частыми и крутыми спусками и подъемами. При подъемѣ и спускѣ такое сѣдло постоянно наклоняется то впередъ, то назадъ, по причинѣ очень короткой своей продольной оси. А это обстоятельство, не только затрудняетъ движеніе вьючнаго животнаго вслѣдствіе частаго перемѣ-

щенія центра тяжести лежащаго на немъ вьюка, но и увеличиваетъ вѣсъ его, а самое главное—скоро наминаетъ спину животному и, слѣдовательно, дѣлаетъ его совершенно не способнымъ къ дальнѣйшей работѣ. На ровной дорогѣ, при употребленіи этого сѣдла, такихъ послѣдствій, конечно, можетъ и не быть. Но, вѣдь, на ровной дорогѣ весьма рѣдко можетъ быть необходимъ вьючный обозъ; онъ предназначается почти исключительно для мѣстностей трудно проходимыхъ, гористыхъ.

Но вотъ животное засѣдлано; надо его вьючить. Теперь-то и нужны вьючные ящики, такъ называемые здѣсь «яхтаны». Яхтанъ есть ничто иное, какъ кожаный сундукъ. Его устройство слѣдующее: деревянная рама, имѣющая видъ куба, обтягивается прочной, толстой кожей; эта кожа вышивается иногда различными фигурными украшеніями, или изъ разноцвѣтной кожи, или изъ шелка. Часто яхтаны раскрашиваются въ разные цвѣта и оковываются, для прочности, желѣзомъ. У авганъ употребляются исключительно окованные желѣзомъ яхтаны [1]). Внутри ящикъ обивается дешевой бумажной матеріей. У крышки, которой закрывается сундукъ сверху, существуетъ пробой, на который накладывается цѣпь, идущая отъ нижняго края ящика; такимъ образомъ сундукъ можно запирать замкомъ. Крышка ящика укрѣплена на шарнирахъ. Въ стѣнкѣ ящика, противоположной пробою, т. е. задней, укрѣплены два крѣпкіе, сшитые изъ нѣсколькихъ кожъ, ремня; на концахъ ремней находятся пряжки, въ которыя пропускаются ремни отъ другаго парнаго ящика. Такимъ образомъ каждая пара ящиковъ соединяется помощію двухъ паръ ремней, застегиваемыхъ въ пряжки. Теперь остается только наложить соединенные такимъ образомъ ящики на сѣдло, причемъ одинъ ящикъ ляжетъ съ правой стороны, а другой—съ лѣвой. Затѣмъ они крестообразно укрѣпляются на сѣдлѣ еще веревкой, проведенной подъ брюхомъ лошади; при этомъ необходимо наблюдать, чтобы веревка (въ большинствѣ случаевъ волосяной арканъ) ложилась какъ разъ на подпругу. Въ противномъ случаѣ, лошадь, черезъ нѣсколько верстъ пути, можетъ совершенно испортить себѣ брюхо веревкой. Для того, чтобы лучше предохранить лошадь отъ пораненія вьючной веревкой,

[1]) Авганы называютъ вьючные ящики—«бархана».

лучше всего эту послѣднюю обматывать кошмой. Когда все это сдѣлано—лошадь завьючена; или, какъ говорится, — «вьюкъ готовъ».

Вьючные ящики бываютъ разной величины, смотря по тому—для какого животнаго они предназначены. Понятно, что для верблюда они будутъ значительно больше, чѣмъ для лошади или осла (ишака). Но, въ большинствѣ случаевъ, они предназначены для лошади; поэтому я здѣсь даю величину лошадиныхъ вьючныхъ ящиковъ. Длина каждаго ящика—отъ 2-хъ до $2^1/_2$ футовъ, ширина $1^1/_2$—$1^3/_4$ ф. и вышина $1^1/_2$ фута. Прочно сдѣланные ящики служатъ долго; иногда они отличаются даже изяществомъ работы; иногда бываютъ украшены рельефными, вышитыми изъ кожи, украшеніями, изображающими людей, звѣрей, различные сосуды и т. п. Въ пару такихъ ящиковъ можно наложить грузъ въ 5—6 пудовъ, разсчитывая на лошадь средней силы. Накладывать вьюкъ большаго вѣса неудобно; лошади не такъ быстро устаютъ, какъ портятъ себѣ вьючнымъ сѣдломъ спину. Въ сильно гористыхъ мѣстностяхъ даже и этотъ вьюкъ великъ.

Понятно, что вмѣсто вьючныхъ ящиковъ можно употреблять мѣшки разнаго рода. Но они, не говоря уже о непрочности и вредной ихъ порозности, не такъ удобны для вьючки и по другимъ причинамъ; ихъ труднѣе уравновѣсить и укрѣпить на сѣдлѣ. Гораздо удобнѣе ихъ такъ называемые «хоржумы». Это ничто иное, какъ сшитые изъ толстой шерстяной ткани переметныя, засѣдельныя сумы. Въ этомъ случаѣ двѣ сумы, плотно сшитыя верхними концами одна съ другой, вмѣстимостью въ три, четыре мѣры каждая, помѣщаются по обѣ стороны сѣдла, на которомъ и укрѣпляются веревками. Я испробовалъ всѣ эти способы вьючки и, конечно, отдаю преимущество первому, т. е. яхтанамъ. Итакъ, вотъ на какомъ ложѣ мнѣ пришлось спать и въ моемъ новомъ, обширномъ (5 комнатъ), но совершенно пустынномъ помѣщеніи.

Прежде всего, надо было закупить лошадей. Я въ первый еще разъ въ жизни снаряжался въ походъ; верхомъ ѣздить началъ только въ Ташкентѣ, т. е. менѣе года тому назадъ, и зналъ толкъ въ лошадяхъ немного болѣе, чѣмъ въ китайской грамотѣ. Поэтому выборъ лошадей былъ для меня весьма затруднителенъ. Конечно, какъ новичекъ въ этомъ дѣлѣ, я отдавалъ предпочтеніе наружнымъ, ярко бро-

сающимся въ глаза, лошадинымъ достоинствамъ. Меня плѣняли ростъ лошади, игра, масть, — и при этомъ я не имѣлъ понятія о томъ, что значитъ, что лошадь имѣетъ крѣпкія ноги. Мнѣ было очень досадно, что я не могъ, по ограниченности средствъ, купить одного рослаго, виднаго, игриваго коня, за котораго продавецъ — сартъ просилъ 160 руб. Впрочемъ я потомъ былъ очень доволенъ, что не купилъ подобнаго коня. Въ длинномъ, трудномъ, а особенно горномъ, походѣ, подобныя, такъ называемыя степныя лошади (аргамаки) — никуда не годятся: онѣ весьма быстро разбиваются на ноги. А излишняя игривость коня въ пути можетъ довести всадника до того, что онъ готовъ промѣнять его на первую попавшуюся клячу. Будь хоть изъ желѣза скованный всадникъ — и тотъ почувствуетъ себя не совсѣмъ пріятно, если онъ протанцуетъ на конѣ сегодня 40 верстный переходъ, завтра тоже, да и во всѣ слѣдующіе дни также. А иногда намъ приходилось дѣлать переходы по 60-ти верстъ въ сутки. Дневокъ не полагалось.

Но долго выбирать, однако, совсѣмъ не приходилось; генералъ Столѣтовъ торопилъ всѣхъ поспѣшить снаряженіями. Да и не изъ чего было долго выбирать-то. До пріѣзда миссіи въ Самаркандъ, здѣсь была уже закончена мобилизація мѣстнаго гарнизона, состоящаго изъ нѣсколькихъ баталіоновъ пѣхоты, нѣсколькихъ казачьихъ полковъ, съ соотвѣтствующимъ количествомъ артиллеріи. Во всѣхъ этихъ частяхъ войскъ, конечно, послѣдовало укомплектованіе, по военному времени, и обозовъ и запасныхъ верховыхъ лошадей. Все это потребовало довольно значительнаго количества лошадей, поставленныхъ мѣстнымъ населеніемъ. Поэтому миссія могла выбирать только изъ остатковъ отъ мобилизаціи, изъ бракованныхъ лошадей. И дѣйствительно, пришлось купить нѣсколько такихъ лошадей, которыя были нами брошены послѣ нѣсколькихъ дневныхъ переходовъ.

Я, однако, (конечно независимо отъ самого себя, а именно только благодаря случаю) купилъ своихъ лошадей довольно удачно. Двѣ изъ нихъ (всѣхъ купилъ три, такъ что и деньщикъ избавился отъ удовольствія ѣхать на ослѣ) сдѣлали весь путь въ Кабулъ и обратно, что называется, безъ всякой запинки. Одинъ конь—небольшой горный киргизъ, иноходецъ,—обладалъ нѣкоторыми капи-

тальными достоинствами: силой, крѣпостью ногъ и необычайно-быстрыми алюрами.

Между хлопотами по снаряженію,—хлопотами, всю мелочность и мѣшкотность которыхъ не сможетъ себѣ и представить житель Европы (надо было предусмотрѣть и закупить всякую мелочь, начиная съ носковъ, спичекъ, бумаги, прессованной капусты и кончая запасными подковами, гвоздями, нитками, шиломъ и т. п.)—я поспѣшилъ познакомиться съ городомъ. Мой первый визитъ былъ сдѣланъ, конечно, губернатору Самарканда, который, скажу мимоходомъ, имѣетъ прекрасный обычай оставлять обѣдать у себя всѣхъ пріѣхавшихъ и сдѣлавшихъ ему визитъ путешественниковъ,—обычай особенно прекрасный для Самарканда, гдѣ существуетъ всего одинъ ресторанъ (въ которомъ, впрочемъ, даютъ ѣсть не каждый день). Этотъ похвальный обычай приноситъ обоюдную пользу и хозяину и гостямъ. Генералъ Ивановъ, снискавшій себѣ любовь мѣстнаго населенія своею административною дѣятельностью, имѣетъ возможность такимъ образомъ знакомиться съ массой людей, что безъ сомнѣнія приноситъ ему немалую пользу въ дѣлѣ изученія жизни вообще и управляемаго имъ края въ частности. Для путешественниковъ же, послѣ утомительнаго пути по степи, польза сытнаго и вкуснаго обѣда несомнѣнна.

Затѣмъ я отправился въ здѣшній военный госпиталь. Здѣсь у меня былъ одинъ знакомый ординаторъ, не за долго передъ тѣмъ перешедшій изъ Ташкента въ Самаркандъ. Мнѣ надо было повидать его, а кромѣ того, мнѣ интересно было сравнить Самаркандскій госпиталь съ Ташкентскимъ. Въ этомъ случаѣ во мнѣ, какъ молодомъ врачѣ, сильно сказывалась жилка научно-практическаго соревнованія.

Но для того, чтобы посѣтить госпиталь, надо было поѣхать за городъ, разумѣя подъ городомъ только русскій Самаркандъ (ибо русскій городъ окруженъ со всѣхъ сторонъ на многіе версты туземнымъ городомъ). Верстахъ въ 5-ти отъ русскаго города, по Катта-Курганской дорогѣ, или собственно, по бухарскому тракту, въ обширномъ, но довольно пустынномъ и не особенно тѣнистомъ саду, было расположено лѣтнее помѣщеніе Самаркандскаго госпиталя. Нѣсколько бараковъ и палатокъ были скучены въ центрѣ огромнаго пустыря.

Передъ аптекой—небольшой прудъ, окруженный вѣчной тѣнью огромныхъ карагачей, обрамлявшихъ его со всѣхъ сторонъ. Нѣсколько другихъ пристроекъ, также очень легкихъ, было разбросано въ разныхъ мѣстахъ сада. Въ нихъ помѣщались: госпитальная администрація, нѣкоторые изъ врачей и госпитальная прислуга. Больные помѣщались въ обширныхъ палаткахъ. Здѣсь я узналъ, что нѣкоторые изъ врачей несли не только двойное бремя обязанностей—это въ Туркестанскомъ краѣ обычное явленіе,—но даже тройное и четверное. Такъ наприм., одинъ изъ здѣшнихъ врачей завѣдывалъ санитарною частью одного батальона, въ то же время (состоя единственнымъ врачемъ въ батальонѣ) завѣдывалъ нѣсколькими палатами въ госпиталѣ, былъ единственнымъ преподавателемъ фельдшерской школы и секретаремъ медицинскаго совѣщанія. Замѣчу, что мѣсто стоянки батальона было довольно значительно удалено отъ госпиталя. Вообще недостатокъ во врачахъ въ Туркестанскомъ краѣ всегда ощущается довольно сильный. Слѣдуетъ замѣтить, а тѣмъ кому надлежитъ, принять это къ свѣдѣнію, что врачи постоянно исправляя по 2 и 3 должности, лишены преимуществъ, присвоенныхъ служащимъ по совмѣстному отправленію заразъ нѣсколькихъ должностей. Во всякомъ другомъ вѣдомствѣ лица, исправляющія должность нѣсколькихъ постовъ, получаютъ или всѣ оклады жалованья, присвоенные означеннымъ должностямъ, или къ своему штатному окладу жалованья получаютъ половинные изъ тѣхъ, должность которыхъ они правятъ. Врачи не имѣютъ этихъ привиллегій. Хотя бы врачъ разрывался на части, исполняя прямыя и всевозможныя косвенныя обязанности, онъ всегда получаетъ только то, что присвоено его штатному мѣсту. Между тѣмъ вопросъ объ увеличеніи врачамъ ихъ, по истинѣ, нищенскаго содержанія хотя и былъ возбуждаемъ много разъ въ надлежащихъ правительственныхъ сферахъ, но рѣшенія не получилъ еще и до сихъ поръ. Вообще врачи военнаго вѣдомства, не смотря на то, что заслуживаютъ, по своей дѣятельности, величайшей признательности какъ арміи, общества, такъ и начальства [1])—далеко не пользуются тѣми правами и тѣмъ положеніемъ, которыя вполнѣ ими заслужены. Впрочемъ, теперь я за-

[1]) Прошу не смотрѣть на это выраженіе, какъ на «oratio pro domo sua».

трогиваю такой вопросъ, который потребовалъ бы обширнаго, спеціальнаго обсужденія; поэтому я умолкаю, по крайней мѣрѣ, на время, до болѣе подходящаго случая.

Главный врачъ госпиталя, съ которымъ я познакомился еще ранѣе, встрѣтилъ меня, какъ стараго знакомаго и обязательно разсказалъ мнѣ о санитарныхъ условіяхъ госпиталя и вообще Самарканда. Я исходилъ весь садъ вдоль и поперегъ, заглянулъ и въ аптеку и въ кухню; полюбопытствовалъ даже, какъ смотритель госпиталя чинилъ судъ и расправу въ камышевомъ баракѣ, долженствовавшемъ изображать изъ себя канцелярію госпиталя. Я полюбопытствовалъ также узнать, что находится за высокими глинобитными стѣнами сада. Но тамъ были такіе же сады—копіи съ изслѣдуемаго мною (за исключеніемъ госпитальныхъ построекъ). Вообще мѣстность для лѣтняго помѣщенія госпиталя выбрана какъ нельзя болѣе удачно. Вся эта часть города, высоко поднимающаяся надъ долиной Зеравшана, занята сплошными садами. Воздухъ необыкновенно чистъ и свѣжъ, что составляетъ рѣдкость даже и въ лѣтнихъ помѣщеніяхъ госпиталей. Если бы здѣсь (т. е. въ саду госпиталя) было побольше тѣни, тогда было бы просто прелестно. Я съ отраднымъ чувствомъ оставилъ это учрежденіе.

Дома, по возвращеніи изъ госпиталя, я встрѣтилъ только-что пріѣхавшаго изъ Ташкента фельдшера, назначеннаго мнѣ въ помощники. Онъ привезъ аптеку, снаряженную для миссіи. Пришлось снова приняться за упаковку и укладку аптечныхъ средствъ во вьючные ящики. Упаковка эта требовала большой предусмотрительности и предосторожности. Многіе изъ медикаментовъ были отпущены въ жидкомъ видѣ и находились въ обыкновенныхъ тонкостѣнныхъ стклянкахъ. Были сильныя кислоты, тоже въ стклянкахъ, наконецъ, былъ запасъ пустой стеклянной посуды. Малѣйшая неаккуратность въ укупоркѣ могла потомъ обусловить совершенное или болѣе или менѣе значительное уничтоженіе аптечныхъ средствъ. А онѣ, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, сослужили свою службу, и притомъ немалую. Съ аптекой пришлось провозиться два дня.

Въ это же время генералъ Столѣтовъ передалъ мнѣ ртутный барометръ и 1 термометръ Цельсія. Надо было хорошенько упаковать барометръ. Я взялъ себѣ эти инструменты въ видахъ болѣе

удобнаго производства метеорологическихъ наблюденій. Начальникъ миссіи предполагалъ, что въ Авганистанѣ нельзя будетъ открыто производить ни съемки маршрута, ни метеорологическихъ наблюденій. Въ этомъ отношеніи намъ всѣмъ еще были памятны случаи гг. Пржевальскаго и Куропаткина во время ихъ путешествій по Кашгаріи. Наблюденія имъ приходилось дѣлать украдкой, въ виду рѣшительнаго противодѣйствія мѣстныхъ туземныхъ властей производству подобныхъ наблюденій. Такого же противодѣйствія мы ожидали и отъ авганскихъ властей. Вотъ почему я и предложилъ ген. Столѣтову свои посильныя услуги. Здѣсь, въ средней Азіи, чего нельзя дѣлать другому европейцу, то врачу, окруженному въ глазахъ туземцевъ чуть ли не ореоломъ всемогущества,—можно. Вотъ поэтому-то я и думалъ, что, не навлекая подозрѣній, могу производить наблюденія, объяснивъ это просто требованіями своей науки. Послѣдствія до нѣкоторой степени оправдали мое предположеніе.

Пока шли подобныя приготовленія, почти вся миссія собралась въ Самаркандѣ. Отсутствовалъ только полковникъ Разгоновъ. Уже два дня прошло, какъ миссія совершенно была готова къ выступленію, а полковника Разгонова все еще не было; онъ пріѣхалъ только 1-го іюня. Въ одинъ изъ проведенныхъ здѣсь мною дней, я воспользовался случаемъ побывать въ здѣшнемъ импровизированномъ театрѣ. Сюда на лѣто только-что переѣхала Ташкентская драматическая труппа. Давали ни больше ни меньше, какъ «Свадьбу Кречинскаго»! Исполненіе было, конечно, плохое. Однако, вотъ куда уже проникаетъ русское искусство! Ничего нѣтъ мудренаго поэтому, если въ одинъ прекрасный вечеръ , можно будетъ слушать русскую оперу въ Бухарѣ.

Самаркандъ—конечно русскій—живетъ всего только 10-ть лѣтъ, а посмотрѣть на него, такъ это совершенно европейскій городъ; въ немъ есть и общественное собраніе, и женская прогимназія, и даже городская (земская) аптека съ безплатной раздачей лекарствъ бѣднымъ туземцамъ. Немногіе уѣздные города въ Европейской Россіи обладаютъ подобными учрежденіями.

ГЛАВА II.

Самаркандъ.—Карши.

Отъ Самарканда до Джама.—Общее описаніе мѣстности.—Отъ Джама до Чиракчи.—Бухарское гостепріимство.—Въѣздъ въ Карши.—Жизнь миссіи въ Карши.—Аудіенція миссіи у эмира бухарскаго Сеидъ-Музафаръ-эд-динъ-хана.—Бухарскія увеселенія; бани.—Французъ Филиппъ.

2-го іюня, около 12 часовъ дня, миссія въ полномъ составѣ собралась въ домѣ генерала Иванова.

Обширный дворъ передъ домомъ былъ заставленъ вьючными и верховыми лошадьми; въ разныхъ мѣстахъ кучками лежали вещи, предназначенныя для вьючки. Нѣсколько человѣкъ туземцевъ, крича во все горло, хлопотали около одной упрямой и пугливой лошади, никакъ не позволявшей положить на себя вьюкъ; она брыкалась, дрожа всѣмъ тѣломъ при видѣ громоздкой палатки, которую хотѣли взвалить на ея спину. Наконецъ ей набросили на голову какую-то попону—и дѣло уладилось. Деньщики радѣли около «господскихъ» коней и вьюковъ и занимались глубокомысленными соображеніями: чья лошадь выдержитъ лучше походъ; которая моложе, быстроходнѣе и т. п. Это вызвало у нихъ довольно оживленный споръ. Понятно, что каждый изъ нихъ выхваливалъ свое и бѣднымъ лошадямъ строгіе оцѣнщики порядочно намяли бока и ноги.

Двѣ дюжины казаковъ кучкой столпились у воротъ, вперемежку со своими «меренками». Бравый вахмистръ, съ весьма сильно развитой растительностью на лицѣ, производилъ сильное впечатлѣніе своимъ суровымъ, какъ-бы закаленнымъ, видомъ. На его груди болтался чуть-ли не цѣлый банъ «георгіевъ» и нѣсколько медалей. Казаки были выбраны всѣ точно на подборъ, высокіе, бравые, съ видомъ того закала, который можетъ дать человѣку лишь продолжительная степная жизнь, полная всякихъ приключеній.

Пуще всѣхъ работалъ и кричалъ, завьючивая лошадей, караванъ-баши вьючнаго обоза, Раджабъ-Али. Онъ рѣзко выдѣлялся

своею фигурою изъ среды туземцевъ-джигитовъ и лаучей [1]). Высокій ростъ, толстая жилистая шея, сильно развитая мускулатура — заставляли предполагать въ немъ такую силу и энергію, какой туземцы-таджики обладаютъ весьма рѣдко. Его очень смуглое выразительное лицо, черные блестящіе глаза и орлиный носъ заставляли усомниться въ его принадлежности къ какой либо изъ тюркскихъ расъ, населяющихъ Туркестанъ. И дѣйствительно, онъ — пришелецъ на этой территоріи; онъ—авганецъ. Потомъ, во время слѣдованія миссіи въ Кабулъ, мы узнали многія цѣнныя качества этого авганца. Назначеніе его караванъ-баши вьючнаго обоза миссіи было какъ нельзя болѣе умѣстно. Онъ нѣсколько разъ, въ различныхъ направленіяхъ, пересѣкъ Среднюю Азію. Былъ онъ нѣсколько разъ и въ Индіи, имѣлъ родство въ Кабулѣ, который онъ посѣтилъ даже въ прошломъ 1877 г., въ качествѣ посланца къ эмиру Ширъ-Али, которому возилъ письмо отъ туркестанскаго Генералъ-Губернатора.

Теперь онъ состоялъ «джигитомъ» въ распоряженіи начальника Самаркандскаго Отдѣла. Онъ свободно объяснялся на трехъ языкахъ: авганскомъ, турецкомъ и персидскомъ. Жаль было, что онъ не умѣлъ писать и говорить по русски.

Въ кабинетѣ генерала Иванова собрались всѣ члены миссіи, перебрасываясь замѣчаніями о предстоящей поѣздкѣ. Наконецъ генералъ Ивановъ сказалъ нѣсколько добрыхъ, задушевныхъ пожеланій—и миссія вышла къ своимъ конямъ.—Черезъ нѣсколько минутъ, по улицѣ растянулась длинная линія всадниковъ, съ длиннымъ хвостомъ вьючныхъ животныхъ. Дворъ совсѣмъ опустѣлъ. Нѣсколько лицъ изъ мѣстной администраціи провожали миссію на протяженіи нѣсколькихъ верстъ.

Полуденное солнце сильно припекало. Пыльная атмосфера извилистыхъ, узкихъ улицъ туземнаго города, обдавала путниковъ горячимъ паромъ. Полное безвѣтріе. Стройныя вершины пирамидаль-

---

[1]) Джигитъ—конный туземецъ, употребляемый русской администраціей для разныхъ порученій; лаучи—туземецъ, вожатый вьючнаго животнаго: верблюда, лошади и т. п. Караванъ-баши—туземецъ, завѣдующій движеніемъ вьючнаго обоза; онъ такимъ образомъ представляетъ собою ближайшаго начальника туземной прислуги каравана.

ныхъ тополей стоятъ неподвижно и только трепещущіе листья тихонько шепчутся между собою, поблескивая на солнцѣ гладкими, какъ бы лакированными поверхностями. Черезъ глинобитные заборы узкой улицы безпомощно повисли вѣтви абрикосовыхъ деревьевъ, облитыхъ золотымъ дождемъ вкусныхъ плодовъ. Иногда между вѣтвями появится молодое, улыбающееся лицо сартянки съ ясными, живыми глазами, боязливо хоронящееся за листву. У калитокъ часто встрѣчаются группы сартовъ; они встаютъ при проѣздѣ миссіи и, прижимая руки къ животу и закатывая подъ лобъ глаза, шепчутъ: аманъ, аманъ! [1]) туря (господа).

Долго пришлось ѣхать, поворачивая изъ стороны въ сторону, по извилистымъ, пыльнымъ улицамъ. Но мало по малу онѣ стали пустыннѣе, деревья рѣже—и мы наконецъ выбрались изъ города. Кончился городъ, кончились и сады, кольцомъ обхватывающіе его,—пустынная степь глянула намъ въ глаза, выставляя на видъ свою одежду-рубище, состоящую только изъ опаленной солнцемъ колючки. Зато пыли не стало; но степной вѣтеръ, пламенемъ пахнулъ на насъ и весь день продолжалъ душить насъ своимъ знойнымъ дыханіемъ.

Мы ѣхали по направленію къ Джаму. Маршрутъ нашего пути былъ слѣдующій. До бухарской границы надо было ѣхать на Джамъ. Потомъ, надо было, направиться на Каршн. Затѣмъ, черезъ Гюзаръ и Ширабадъ, миссія должна была достигнуть до одной изъ переправъ на Аму-Дарьѣ. Этотъ путь былъ значительно длиннѣе, чѣмъ предположенный сначала, черезъ Шахрисябзъ. Надо было однако сдѣлать такой кругъ по той причинѣ, что въ гор. Каршн, въ это время, находился бухарскій эмиръ, котораго, вѣроятно, нужно было видѣть начальнику миссіи.

И такъ мы отправились на Джамъ. Сначала ѣхали тихо. То и дѣло приходилось останавливаться. Къ этимъ остановкамъ насъ вынуждалъ вьючный обозъ. Оказалось, что лошади, купленныя подъ вьюки, до сего времени почти совсѣмъ не ходили подъ ними. Лаучи, нанятые для вьючнаго обоза, были плохо знакомы съ вьючкой. Вслѣдствіе этого лошади были плохо завьючены; вьюки часто раз-

[1]) Туземное привѣтствіе—будь здоровъ.

вязывались и падали. Надо было все передѣлывать сначала. Послѣ нѣсколькихъ подобныхъ остановокъ, генералъ махнулъ рукой на обозъ и, оставивъ при немъ часть казаковъ, съ остальными казаками и со всѣми членами миссіи проѣхалъ впередъ.

Дорога шла по широкой степи, управшейся къ югу въ круто подымающійся, рѣзко зубчатый, Самаркандскій горный хребетъ. Горы эти суть продолженіе массивнаго Зеравшанскаго хребта горъ, начинающагося въ горномъ узлѣ Мача. Въ Самаркандскомъ хребтѣ нѣтъ ни одного пика покрытаго вѣчнымъ снѣгомъ. Онъ представляетъ очень чистый типъ «хребта горъ». При длинѣ своей главной оси въ 200 или 300 верстъ, ширина его не превосходитъ нигдѣ 30-ти верстъ. Сѣверный склонъ его еще не такъ крутъ, какъ южный; этотъ послѣдній быстро поднимается, крутыми уступами, до наивысшей осевой линіи.

Высота вершинъ этого хребта нигдѣ не превышаетъ 7—8 тыс. фут. Вслѣдствіе отсутствія снѣжныхъ вершинъ, онъ очень бѣденъ водой. Только нѣсколько ручьевъ вытекаютъ изъ сѣверныхъ его отроговъ. Южный же склонъ горъ даетъ нѣсколько ничтожныхъ притоковъ рѣкѣ Кашка-Дарьѣ. Горы весьма пустынны, какъ и прилегающая къ нимъ степь. Лѣсовъ почти совсѣмъ нѣтъ, если не считать за лѣсъ, разсѣянные тамъ и сямъ, рѣдкіе стволы неприхотливой, горной арчи. Къ сѣверу и западу отъ этого хребта горъ простирается необъятная равнина—степь, по лицу которой рѣдко-рѣдко разсѣяны юрты кочевниковъ-киргизовъ.

Дорога, по которой мы теперь шли, тянулась почти параллельно горному хребту; тѣмъ не менѣе она постепенно приближалась къ нему. Валуны стали попадаться намъ все въ большемъ и большемъ количествѣ. Ихъ особенно было много въ ложахъ небольшихъ полувысохшихъ ручьевъ.

Сумерки уже густымъ туманомъ окутали горы и наполнили степь мглой,—когда мы совсѣмъ приблизились къ передовымъ устоямъ каменныхъ гигантовъ. Въ ущельѣ, прислонясь съ одной стороны почти къ отвѣсной стѣнѣ горы и опоясанный съ другой пѣнящимся горнымъ ручьемъ, пріютился сартовскій кишлакъ.

Эта деревушка была выбрана мѣстомъ для ночлега. И была пора. Когда мы въѣхали на покрытый ковромъ зелени дворъ мѣстнаго

акъ-сакала [1]), — ночь уже совсѣмъ окутала своимъ темнымъ покровомъ землю. Мы опасались, чтобы отставшіе вьюки въ темнотѣ не сбились съ дороги и чтобы лошади не переломали себѣ ногъ во время перехода по каменистому руслу ручья. Поэтому на дорогу были высланы нѣсколько казаковъ для встрѣчи вьючнаго обоза.

Тридцативерстный переходъ далъ себя почувствовать; колѣни у меня ныли, да и спина побаливала. Конечно, переходъ въ 30-ть верстъ не великъ, но я, прежде этой поѣздки, знакомъ былъ съ верховою ѣздою только по городскимъ экскурсіямъ. Поэтому ничего нѣтъ удивительнаго, что теперешній переходъ меня очень утомилъ. Сильно хотѣлось пить и ѣсть; но нашъ вьючный обозъ отсталъ, и объ этомъ пришлось только пожалѣть. Впрочемъ, акъ-сакалъ, какъ угорѣлый, заметался изъ стороны въ сторону, желая угостить посѣтившихъ его «тюрей»—и скоро досталъ гдѣ-то чаю и молока. Все это быстро было нами поглощено. Между тѣмъ подошли и вьюки. Сейчасъ же былъ разведенъ огонь, а черезъ нѣсколько минутъ, яркое пламя уже лизало закоптѣлые бока котла и кострюль, въ которыхъ приготовлялся, на скорую руку, дорожный ужинъ. Но не многіе изъ путниковъ дождались ужина. Нѣкоторые изъ насъ, въ томъ числѣ и я, протянувъ утомленные члены на войлокѣ, постланномъ прямо на землѣ, не замедлили заснуть крѣпкимъ сномъ усталости. Когда поспѣлъ ужинъ, то пробовали было будить заснувшихъ, да такъ и не добудились. А завтра, еще за-долго до солнечнаго восхода, надо было уже опять отправиться въ путь. До Джама,—предположенной нашей стоянки,—было отсюда немного болѣе 30 верстъ, стало быть, по крайней мѣрѣ 5-ть часовъ ѣзды; хотѣлось избѣжать дневнаго, палящаго зноя и прибыть ранѣе полудня на мѣсто стоянки; поэтому и нужно было выѣхать съ ночлега возможно раньше.

Около 5-ти часовъ утра слѣдующаго дня, всѣ мы были уже на лошадяхъ. И вотъ—снова потянулась однообразная скатерть степи, поросшая дикой колючкой и усѣянная валунами. Тѣже пустынныя, обитыя вѣтромъ и обожженныя солнцемъ, горы тянутся по лѣвую сторону дороги; тѣже черныя, покрытыя пылью и копотью, жалкія

---

[1]) Акъ-сакалъ въ буквальномъ русскомъ переводѣ значитъ «бѣлая борода»; этимъ именемъ называются туземные сельскіе старосты.

юрты кочевниковъ встрѣчаются изрѣдка вправо отъ дороги. Двѣ, три степныя куропатки съ шумомъ выпорхнули почти изъ-подъ самыхъ копытъ лошадей.

Но вотъ мы и въ Джамѣ [1]). На картахъ, имѣвшихся у насъ, Джамъ былъ обозначенъ укрѣпленіемъ. Поэтому, подъѣзжая къ нему, я ожидалъ увидѣть грозные валы съ амбразурами и съ выглядывающими оттуда темными массами орудій. Ничего подобнаго не оказалось. Джамъ—просто небольшой кишлакъ, заселенный узбеками. Онъ расположенъ почти въ центрѣ небольшой котловины, окруженной невысокими холмами. Мелкая, мутная рѣчка пересѣкаетъ эту котловину съ востока на западъ. Не вдалекѣ, къ юго-востоку отъ селенія, бѣлѣлись солдатскія палатки. Уже нѣсколько дней здѣсь стоялъ 9-й линейный баталіонъ, изображая изъ себя авангардъ главнаго отряда туркестанскихъ войскъ. Еще лѣвѣе, ближе къ горамъ, на вершинѣ невысокаго холма, виднѣлись развалины бывшей здѣсь бухарской крѣпостцы. Эта крѣпостца и была нѣкогда укрѣпленіемъ Джамъ. Эта мѣстность была назначена сборнымъ пунктомъ для всего главнаго отряда, намѣревавшагося выступить къ границамъ Индіи. Мы подъѣхали къ единственной, имѣющейся здѣсь, жиденькой группѣ деревьевъ, оттѣнявшихъ небольшой тинный прудъ. Здѣсь были для насъ уже разбиты палатки и юрты, приготовленныя гостепріимнымъ командиромъ 9-го батальона, Н. Плотниковымъ. Съ наслажденіемъ мы протянули свои утомленные члены въ тѣни палатокъ, а еще съ большимъ наслажденіемъ воспользовались радушнымъ угощеніемъ нашего хозяина. Чарка «русскаго добра» и нѣсколько дымящихся котлетъ были для насъ какъ нельзя болѣе кстати. Послѣ сытнаго обѣда и умѣреннаго жертвоприношенія извѣстному греческому богу, усталость какъ рукой сняло.

Здѣсь я началъ рядъ температурныхъ измѣреній и продолжалъ ихъ во все послѣдующее время пути настолько тщательно, какъ это было возможно. Температура измѣрялась обыкновенно три раза въ день: утромъ, передъ отъѣздомъ со станціи отъ 5 до 7 часовъ, въ полдень отъ 12—2 час. и вечеромъ въ 7—8 часовъ. Барометрическія наблюденія были отложены до прибытія въ Авганистанъ. Путь

---

[1]) Абсолютная высота Джама—2050 фут., по Ларіонову.

по Бухарскимъ владѣніямъ, который предстояло сдѣлать миссіи, былъ уже опредѣленъ барометрически на всемъ его протяженіи прежними путешественниками (Шварцемъ, Ларіоновымъ и др.). Поэтому барометръ остался упакованнымъ.

Начальникомъ миссіи рѣшено было, что на слѣдующій день, рано утромъ, мы двинемся на Карши, отъ котораго насъ раздѣляло разстояніе въ 90 верстъ совершенно пустыннаго пути. Я говорю: совершенно пустыннаго потому, что здѣсь ощущается недостатокъ даже и въ водѣ. При томъ же попадающаяся по дорогѣ вода имѣетъ всѣ характерныя свойства водъ солончаковыхъ степей; она солона и горька. Здѣсь степь-пустыня совсѣмъ необитаема и составляетъ одно изъ многочисленныхъ вторженій сосѣдней, необъятной Туранской пустыни. Это, такъ сказать, отмель необозримаго песчанаго океана, простирающагося отсюда до Каспія и Урала.

Намъ, однако, не пришлось испытать удовольствія поѣздки по такой заманчивой мѣстности. Вечеромъ этого же дня, прибыли посланцы бека (губернатора) города Чиракчи. Этотъ бекъ — младшій сынъ эмира Бухарскаго [1]). Посланцы передали начальнику посольства сильное желаніе бека видѣть насъ гостями въ его городѣ. Но для того, чтобъ исполнить просьбу юнаго бека, необходимо было сдѣлать крюкъ, верстъ въ 30—40, такъ какъ пришлось бы сильно уклониться къ югу отъ первоначальнаго направленія пути на Карши. Это обстоятельство, до нѣкоторой степени, и составляло препятствіе къ исполненію желанія бека. Тогда, посланцы постарались выставить на видъ всю трудность пути чрезъ пустынную мѣстность между Джамомъ и Каршами. По ихъ словамъ, на этой дорогѣ, въ настоящее время, нельзя было совсѣмъ достать корма для лошадей, да и воды было очень мало. Кромѣ того, они говорили о томъ, какъ бекъ былъ бы польщенъ и обрадованъ посѣщеніемъ русскихъ гостей, и что по дорогѣ въ Чиракчи для миссіи заготовлено все необходимое. Передъ такой вѣской аргументаціей трудно было устоять; приглашеніе бека было принято.

На слѣдующій день предстояло сдѣлать переходъ отъ Джама до Чиракчи, верстъ въ 60. Поэтому мы выѣхали еще до солнечнаго вос-

---

[1]) По имени Саматъ-ханъ.

хода. Вьюки были отправлены впередъ, еще ранѣе, чтобы они не замедляли общаго движенія.

Верстахъ въ двухъ отъ Джама, по направленію къ юго-западу, находится государственная межа между Русскими и Бухарскими владѣніями. Ее обозначаетъ невысокій каменный столбъ, поставленный у края дороги, на вершинѣ невысокаго холма. На сторонѣ обращенной къ русскимъ владѣніямъ изображенъ государственный гербъ, а на бухарской сторонѣ — персидская надпись.—Странное чувство охватило меня, когда я въ первый разъ переступилъ границу своего государства. Мнѣ сдѣлалось какъ то жутко, точно я что-либо потерялъ. И дѣйствительно,—переступая границу здѣсь, въ Средней Азіи, путешественникъ теряетъ очень многое: покровительство закона, увѣренность въ личной безопасности. И вотъ потекли въ головѣ моей невеселыя мысли; граница перейдена, когда-то снова придется увидѣть отчизну, да и придется-ли? Большая часть европейскихъ путешественниковъ по Средней Азіи легла костьми въ этой не гостепріимной странѣ... Положимъ, мы представляли изъ себя не простыхъ путешественниковъ, а представителей государства; личности наши должны были считаться неприкосновенными. Но вѣдь, въ 1865—66 гг. наше посольство выстрадало же нѣсколько мѣсяцевъ въ заключеніи, въ Бухарѣ. А вѣдь это было всего 10 лѣтъ тому назадъ. А въ 1863 году трое итальянцевъ, посланныхъ въ Бухару для закупки сѣмянъ шелковичныхъ червей, едва не потеряли свои головы на плахѣ, и если спаслись, то единственно благодаря настояніямъ русскаго правительства. Положимъ, теперь въ Бухарскихъ владѣніяхъ русскіе, кромѣ гостепріимства и полнѣйшей предупредительности, не рискуютъ встрѣтить ничего другаго; но вѣдь мы ѣхали въ Авганистанъ, который былъ для насъ — terra incognita, въ полномъ смыслѣ этого слова.—Вѣроятно всѣ мои спутники были заняты подобными же мыслями, такъ какъ они были сосредоточенно молчаливы. Даже г. М., врагъ всякаго молчанія и сосредоточенности, безумолку болтавшій во весь предъидущій путь, изобрѣвшій спеціальный языкъ знаковъ, съ помощію которыхъ онъ, (какъ самъ увѣрялъ), не зная ни одного слова, весьма удачно объяснялся съ туземцами,—даже и онъ на этотъ разъ молчалъ. Впрочемъ, онъ

молчалъ, можетъ быть, потому, что досыпалъ свою порцію сна на хребтѣ своего буланаго коня.

Нѣсколько времени мы ѣхали по довольно торной Каршинской дорогѣ. Мѣстность принимала все болѣе и болѣе волнистый характеръ. Все время тянувшійся слѣва отъ насъ Самаркандскій хребетъ горъ, круто поворотилъ здѣсь къ югу и также круто оборвался, пославъ къ западу лишь слабые холмистые отпрыски, которые еще далѣе на западъ, черезъ извѣстное разстояніе, снова довольно рѣшительно поднимаютъ свои зубчатые гребни. Такимъ образомъ въ промежуточной мѣстности, по которой мы ѣхали, образуются какъ-бы естественныя ворота изъ Зеравшанской долины въ Каршинскій оазисъ — и вотъ причина существованія здѣсь бывшей бухарской крѣпостцы, исполнявшей, кромѣ того, еще и роль ссыльно-каторжной тюрьмы, для провинившихся туземцевъ. Можетъ быть отсюда произошло и самое названіе укрѣпленія; Джамъ, если я не ошибаюсь, на туземномъ языкѣ значитъ—адъ.

Мѣстность принимала все болѣе и болѣе волнистый видъ. Вскорѣ мы своротили съ Каршинской дороги на г. Чиракчи, въ юго-восточномъ направленіи. Пришлось подняться на два-три довольно крутыхъ подъема, по глинисто-сланцеватой почвѣ. Здѣсь дороги уже не было; мы шли горной тропой, огибавшей оплечья холмовъ, мѣстами засѣянныхъ хлѣбами. Колесный обозъ здѣсь, однако, не можетъ встрѣтить болѣе или менѣе значительныхъ затрудненій при движеніи.

Вотъ конный бухарецъ подъѣхалъ къ начальнику миссіи, о чемъ-то поговорилъ съ нимъ, и стрѣлой полетѣлъ назадъ, забирая влѣво, по обрывистому берегу глубокой балки. За нимъ повернула и вся наша кавалькада. Топографъ, недоумѣвая—зачѣмъ это повернули назадъ, т. е. на сѣверо-востокъ, все же поставилъ въ своей аспидной книжкѣ сугубый крючекъ, означавшій перемѣну направленія, а возлѣ крючка цифру угла отклоненія. Но дѣло вскорѣ объяснилось. Посланцы бека разсчитали, что на этомъ мѣстѣ не дурно было бы подкрѣпиться завтракомъ къ длинному дневному переходу. Поэтому, верстахъ въ двухъ отъ поворота, они заранѣе поставили палатки и приготовили завтракъ. Минутъ черезъ 15-ть, мы доѣхали до очень крутаго спуска въ оврагъ. На противоположномъ, довольно отлогомъ берегу его виднѣлись разноцвѣтныя бухарскія палатки, разбитыя

въ тѣни абрикосовой рощицы. Тамъ и сямъ виднѣлись кучки вьюковъ и группы казаковъ, похаживавшихъ около своихъ «саврасокъ». Бухарская челядь возилась съ самоварами и угощеніемъ. Зелень и тѣнь абрикосовой рощицы обѣщали намъ пріятный отдыхъ, а дымящіяся блюда—сытный завтракъ. Съ этого времени посольство поступило на содержаніе бухарскаго эмира. Бухарцы сочли бы для себя величайшей обидой, если бы мы отказались отъ ихъ угощенія и кормовъ и вздумали бы кормиться за свой собственный счетъ. Угощеніе было весьма обильное, хотя и нельзя сказать, чтобъ въ равной мѣрѣ хорошо приготовленное. Жирныя блюда, въ родѣ неизмѣннаго среднеазіатскаго «пилава», не особенно удобоваримы для европейскаго желудка. Но, впрочемъ, мы скоро привыкли къ бухарской кухнѣ.

Солнце уже стояло довольно высоко и обильно обливало мягкія очертанія холмовъ своими теплыми, золотистыми лучами, когда нашъ караванъ снова двинулся въ путь. Мѣстность скоро снова измѣнилась. Холмы и поднятія мало по малу ступшевались. Окружающая степь плоска, однообразна, можно было бы сказать,—безжизненна, еслибы по сторонамъ дороги не виднѣлись изрѣдка юрты—эти первобытныя жилища не менѣе первобытныхъ обитателей, здѣшнихъ кочевниковъ - киргизовъ, — да мѣстами не тянулись тощія хлѣбныя поля, точно маленькія новыя заплатки на ветхой одеждѣ степи. Нѣсколько часовъ монотонной верховой ѣзды подъ палящими лучами солнца, при мертвомъ безвѣтріи, производятъ на путника какой-то столбнякъ, приводятъ его, если можно такъ выразиться, въ какое то безсознательное созерцаніе утомительнаго процесса передвиженія. Теперь, впрочемъ, до нѣкоторой степени еще выручала новизна дорожныхъ, хотя и не очень замысловатыхъ, впечатлѣній. Бухарская челядь, сопровождавшая насъ, тѣмъ временемъ съ удивительнымъ усердіемъ и предупредительностію исполняла свою трудную роль гостепріимныхъ хозяевъ. Кругомъ на много верстъ не было ни капли воды, а между тѣмъ стоило только кому либо изъ путниковъ сдѣлать намекъ на то, что захотѣлось пить — и сейчасъ живительная влага доставлялась въ изобиліи. Кромѣ воды бухарцы везли съ собой запасъ кислаго молока въ видѣ айрана и катыка; однимъ словомъ, предупредительность ихъ высказалась

здѣсь самымъ блистательнымъ образомъ. Около часу пополудни гостепріимная сѣнь палатокъ снова, на нѣкоторое время, пріютила насъ и дала отдыхъ отъ знойныхъ 40° лучей солнца. Оказалось, что это были тѣ же самыя палатки и юрты, которыя служили намъ на утреннемъ привалѣ. Дѣло было въ томъ, что лишь только онѣ опорожнились отъ своихъ утреннихъ гостей, какъ тотчасъ же были перенесены конными бухарцами на теперешнее мѣсто.

4 часа по полудни. Скоро конецъ утомительному дневному переходу. На южномъ горизонтѣ показалась, наконецъ, темная масса зелени, которая, по мѣрѣ приближенія, все болѣе и болѣе разрасталась, охватывая степь широко распростертыми объятіями. Рѣзко выдѣляются изъ этой массы двѣ, три стройныя вершины пирамидальныхъ тополей. Вотъ блеснула и рѣка, темно-синей лентой извивающаяся среди садовъ и постепенно блѣднѣющая, какъ бы замирая, по мѣрѣ удаленія ея въ степь. Передъ нами городъ Чиракчи [1]). Справа и слѣва по дорогѣ потянулись глиняные, раскаленные солнцемъ заборы. Кучка верховыхъ бухарцевъ столпилась на ближайшемъ пустырѣ, въ ожиданіи проѣзда посольства. Это была почетная встрѣча, высланная бекомъ изъ города. Послѣдовалъ обмѣнъ обычныхъ привѣтствій и пожеланій. Затѣмъ надо было перейти черезъ рѣку Кашка-Дарья въ бродъ, потому что моста черезъ рѣку нѣтъ, да и парома также нѣтъ. Глубина ея достигаетъ 5 футъ; ширина 20—30 саженъ. Переправились благополучно. Но вьюки необходимо было переложить съ лошадей на такія же повозки-арбы, какія употребляются при переправѣ черезъ Зеравшанъ, у Самарканда; иначе они могли замочиться въ рѣкѣ. Теперь, т. е. въ началѣ Іюня, рѣка была относительно маловодна, такъ какъ таяніе снѣговъ въ горахъ еще не было особенно сильно. Наивысшій уровень рѣки, соотвѣтствуетъ іюлю и августу мѣсяцамъ, когда высоты Хазретъ-Султана, гдѣ находятся источники этой рѣки, лишаются наибольшей массы своихъ снѣговъ.

На противоположномъ, обрывистомъ берегу рѣки прежде всего намъ бросилось въ глаза зданіе, похожее на квадратную цитадель, обнесенную высокими, зубчатыми, глинобитными стѣнами. Это былъ

[1]) Высота города Чиракчи надъ уровнемъ моря—1,340 фут.—по Шварцу.

«дворецъ» бека, отведенный, въ данное время, подъ помѣщеніе миссіи. Четвероугольный глиняный квадратъ — когда мы вошли въ него—оказался обширнымъ дворомъ, разбитымъ на нѣсколько меньшихъ, расположенныхъ концентрически. Въ самомъ внутреннемъ дворикѣ находилось нѣсколько жилыхъ комнатъ, которыя и были заняты нами. Первое впечатлѣніе, которое произвела на насъ внѣшность дворца бека, было незавидно. Внутреннее убранство помѣщеній было еще незавиднѣе. Голыя, даже неоштукатуренныя, стѣны маленькихъ, какъ бы втиснутыхъ въ дворовую стѣну, комнатъ, рѣзали глаза своимъ убожествомъ. Нѣсколько деревянныхъ кольевъ вбиты въ стѣны и служили вмѣсто вѣшалокъ для вѣшанія платья и другихъ домашнихъ вещей. По сторонамъ, у стѣнъ, разставлено было въ рядъ нѣсколько туземныхъ, широкихъ кроватей, покрытыхъ ватными одѣялами и тюфяками. Посрединѣ одной изъ комнатъ стоялъ на скоро сбитый столъ, а вокругъ него—нѣсколько грубо сколоченныхъ и обитыхъ кумачемъ стульевъ. Вотъ и вся обстановка резиденціи бека. Къ этому остается еще прибавить, что ни на одномъ изъ многочисленныхъ дворовъ этого обширнаго строенія незамѣчалось ни одного стекла; всѣ окна деревянныя, створчатыя, безъ малѣйшаго куска стекла и служатъ также, когда они отворены, вмѣсто дверей. Въ одномъ углу двора былъ раскинутъ навѣсъ изъ персидскихъ шалей, а глинобитный полъ былъ устланъ дешевыми туземными коврами (которые называются у туземцевъ «паласами»).

Едва мы въѣхали на дворъ, какъ были встрѣчены придворными бека, съ «мирахуромъ»[1]) во главѣ, который обыкновенно играетъ роль главнаго домостроителя какъ во дворѣ бековъ, такъ равно и у самаго эмира бухарскаго.

Нужно замѣтить, что въ Бухарѣ каждый бекъ—а ихъ число почти равно числу городовъ въ бухарскомъ государствѣ—изображаетъ изъ себя какъ бы удѣльнаго князя. Своимъ округомъ они правятъ почти независимо отъ эмира; ихъ воля въ своемъ округѣ—законъ. Каждый изъ нихъ имѣетъ свой дворъ, хотя довольно микроскопическихъ размѣровъ, но съ такой же градаціей чиновъ и должностей,

[1]) Мирахуръ—значитъ собственно конюшій бояринъ, переводя это названіе на языкъ нашей до-петровской терминологіи придворныхъ должностей.

какъ и при «высокомъ дворѣ» эмира. Назначеніе бековъ состоитъ вообще въ томъ, чтобы они управляли ввѣренными имъ округами; но все ихъ управленіе состоитъ, главнымъ образомъ, въ собираніи податей для казны эмира и для своего существованія. Обыкновенно подати собираются съ населенія натурой. Бекъ представляетъ ихъ эмиру тоже натурой: столько-то халатовъ, столько-то коней, столько-то батмановъ (кулей, вѣсомъ отъ 8 до 16 пудовъ) зернового хлѣба и проч. Металлическій сборъ податей отбываютъ обыкновенно только торговые люди. Власть бека ненаслѣдственна. Во всякое время эмиръ можетъ взять бекство у одного и отдать другому—что дѣйствительно не рѣдко практикуется подозрительными правителями Бухары. По смерти бека все имущество его поступаетъ въ казну эмира, такъ что наслѣдники бека, послѣ смерти отца, почти ничего не получаютъ. Но такъ какъ сыновья бековъ должны быть непремѣнно на службѣ эмира, причемъ они быстро выслуживаются и сами часто дѣлаются беками, то потеря наслѣдства послѣ отца для нихъ не особенно чувствительна. Каждый изъ нихъ, находясь на службѣ эмира и получая его «великое жалованье», или будучи бекомъ какого либо округа, всегда имѣетъ достаточно средствъ для того, чтобы жить, по бухарскимъ понятіямъ, весьма прилично. Обыкновенно въ Бухарѣ служба государству продолжается до самой смерти: никакихъ отставокъ за выслугою лѣтъ не полагается. Разъ назначенъ беку какой либо городъ—онъ уже и сидитъ въ немъ, никуда не выѣзжая, затворившись со своимъ гаремомъ въ четырехъ стѣнахъ своего глинянаго дворца, часто похожаго на редутъ. Это сидѣнье вошло ужъ въ обычай, освященный временемъ и предшественниками. Только разъ или два въ годъ бекъ покидаетъ свое насиженное, теплое гнѣздо, чтобы, по требованію эмира, явиться на поклонъ къ своему великому повелителю. Вмѣстѣ съ этимъ бекъ представляетъ въ казну эмира подати, какія слѣдуютъ съ его округа. Онъ проживаетъ въ Бухарѣ, или какомъ-либо другомъ городѣ,—смотря потому, гдѣ въ данное время находится эмиръ,—всего нѣсколько дней или вообще столько времени, сколько прикажетъ эмиръ. Въ большинствѣ случаевъ бекъ, при отъѣздѣ въ свой округъ, получаетъ отъ эмира разные подарки, главнымъ же образомъ халаты, въ знакъ того, что эмиръ доволенъ его службой. Но бываетъ и такъ, что прибывшій

бекъ безъ суда и слѣдствія исчезаетъ въ подземныхъ казематахъ арка (т. е. дворца) эмира, или съ нимъ кончаютъ скоро, перерѣзавъ, какъ барану, горло. Отецъ настоящаго эмира, Насруллахъ-ханъ, очень нерѣдко практиковалъ этотъ способъ, чтобъ подавить въ подозрѣваемыхъ бекствахъ вымышленную его болѣзненнымъ воображеніемъ крамолу. Но не смотря на такой способъ укрощенія, при немъ было нѣсколько бековъ, пользовавшихся такою широкою самостоятельностью, что только номинально они признавали эмира своимъ государемъ. Они вели войны съ своими сосѣдями, заключали миръ, чеканили свою монету и только тѣмъ и выражали свое подданство Бухарѣ, что отъ времени до времени посылали эмиру незначительные подарки. Такой самостоятельностію пользовались беки: Шахрисябскій (до 1870 г.), Гиссарскій (до 1875 г.), Каратегинскій и Кулябскій (до 1877 г.).

При этомъ, хотя и очень краткомъ описаніи бухарскихъ владѣтельныхъ лицъ, нельзя не замѣтить чертъ, общихъ съ нашими до-петровскими боярами. Бекъ такой же безотвѣтный холопъ передъ эмиромъ и такой же всесильный полубогъ на своемъ «володѣніи», какъ бывшій русскій бояринъ. Таже замкнутость замѣчается и здѣсь; таже жизнь въ кругу своей дворовой челяди; таже барская спѣсь и лѣнь выражаются въ каждой чертѣ бека; таже важность и степенность во внѣшнемъ видѣ и тоже слѣпое превозношеніе всего своего передъ иностраннымъ. Послѣ этого совершенно понятенъ тотъ вопросъ, которымъ встрѣтили бухарцы дервиша (quasi) Вамбери (1863 г.): «скажи, хаджи, есть-ли въ мірѣ другой такой городъ, какъ Бухара?—Ты ихъ много видѣлъ, странствуя отъ одного къ другому»?—Еще и теперь жителю Бухары опасно выразить громко сравненіе Бухары съ европейскими городами, а особенно сравненіе не въ пользу столицы эмира; его сейчасъ же приметъ въ свои объятія грязная и мрачная тюрьма, или дѣло кончится перерѣзаннымъ горломъ. Большое сходство замѣчается между беками и русскими боярами даже въ одеждѣ. Отбросьте только чалму [1])—и весь остальной костюмъ бухарскаго сановника можно смѣло надѣть на какого либо русскаго

[1]) Впрочемъ далеко невсегда носимую господствующею народностью въ Бухарскомъ ханствѣ—узбеками.

князя 16-го столѣтія: тѣже желтые, съ загнутыми вверхъ носками, сафьяные сапоги, тѣже широкіе опашни и шубы—въ видѣ простыхъ и мѣховыхъ халатовъ, подхваченныхъ широкими поясами съ серебряными и золотыми бляхами, усѣянными бирюзой. Для одежды употребляются тѣже матеріалы: парча, шали, шелковыя ткани и проч. Здѣсь воочію убѣждаешься, что Русь до-петровская многотаки позаимствовала изъ татарскаго быта. Я ужъ и не буду говорить едва ли не о самомъ важномъ заимствованіи изъ строя татарской жизни, — о вкоренившемся было у нашихъ до петровскихъ бояръ затворничествѣ женщинъ [1]).

Я уже сказалъ, что насъ встрѣтилъ, въ отведенномъ для насъ помѣщеніи, мирахуръ бека. Это былъ благообразный старикъ, убѣленный почтенными сѣдинами; его продолговатое лицо съ нѣсколько выдающимися скулами, крупными губами, большимъ прямымъ носомъ и отвислыми ушами, ясно свидѣтельствовало, что передъ нами находится узбекъ, членъ господствующей въ Бухарѣ народности. Голова его была покрыта безконечной чалмой, бѣлизною своею соперничавшей съ горнымъ снѣгомъ. Парчевый халатъ былъ подхваченъ широкимъ шалевымъ кушакомъ, завязаннымъ огромнымъ узломъ на почтенномъ, по объему, животѣ маститаго старика. За кушакомъ было заткнуто нѣсколько неизмѣнныхъ ножей, оправленныхъ въ бирюзу и золото. Онъ былъ хромъ на одну ногу; тѣмъ не менѣе быстро заковылялъ на встрѣчу миссіи, торопливо перебѣгая отъ одного члена къ другому и на лету пожимая всѣмъ руки.

Затѣмъ онъ захлопоталъ объ угощеніи. Неизбѣжный въ среднеазіатскомъ угощеніи «чай-тальхъ», уже былъ готовъ. Здѣшній чай есть ничто иное, какъ зеленый чай, вывозимый изъ Индіи. «Тальхъ» его называютъ тогда, когда пьютъ безъ сахара; съ сахаромъ же онъ называется «чай-ширинъ». Среднеазіатцы также очень любятъ, такъ называемый, «ширъ-чай». Онъ приготовляется изъ кирпичнаго чая, сваренаго съ молокомъ, жиромъ, солью, и другими приправами. Часто въ него кладутся пряности: корица, гвоздика, имбирь и др. Если о вкусѣ этого напитка иногда нельзя сказать ни-

[1]) Именно только у бояръ, да развѣ еще богатыхъ горожанъ; простой народъ не зналъ затворничества женщинъ.

чего хорошаго, то нельзя сказать того же о его несомнѣнномъ питательномъ достоинствѣ.—Кромѣ чая, тутъ было многое множество и другихъ напитковъ, закусокъ и разныхъ сластей: айранъ, катыкъ (сорта особеннымъ образомъ приготовленнаго кислаго молока), вода со льдомъ, варенье разныхъ сортовъ, яичные бѣлки, взбитые съ сахаромъ и сливками; миндаль простой и засахаренный; фисташки, приготовленныя подобнымъ же образомъ; урюкъ, сушенный и свѣжій; разныхъ сортовъ сушеный виноградъ (кишмишъ); очищенныя ядра абрикосовъ; абрикосы въ свѣжемъ видѣ, вишни, русскія конфекты; разные пряники изъ различныхъ фруктовыхъ и орѣховыхъ тѣстъ и проч. Русскій леденецъ-рафинадъ и сахаръ въ головкахъ играли здѣсь тоже не послѣднюю роль. Ко всему этому нужно прибавить еще разныя мясныя блюда—и вы будете имѣть понятіе о такъ называемомъ «достарханѣ» бухарцевъ. Достарханомъ называется собственно скатерть на которой разставлены разныя статьи угощенія; отсюда и самое угощеніе называется тѣмъ же именемъ. Часто достарханъ не убирается на столѣ, и тогда значительная часть пола покрывается нѣсколькими десятками блюдъ и подносовъ [1]).

Въ комнатахъ царила духота. Раскаленныя солнцемъ стѣны превращали помѣщеніе въ паровую баню. Потъ лилъ со всѣхъ градомъ и каждый изъ насъ невольно схватился за платокъ. Но лишь только это движеніе было замѣчено прислуживавшими намъ бухарцами, какъ нѣкоторые изъ нихъ тотчасъ схватили вѣера и начали махать ими такъ усердно, что произвели замѣтное движеніе воздуха. Сначала нельзя было удержаться, при видѣ этихъ махальщиковъ, отъ взрыва смѣха; но потомъ мы уже спокойно наслаждались навѣваемой ими прохладой.

Лишь только мы хотѣли было расправить свои, утомленные длиннымъ переходомъ, члены и возлечь на приготовленныя постели,—какъ мирахуръ сообщилъ, что сейчасъ изволитъ посѣтить насъ нашъ гостепріимный хозяинъ, Чиракчинскій бекъ. Снова пришлось натянуть на плеча пыльные кителя, а на ноги—раскаленные на солнопекѣ сапоги. Черезъ нѣсколько минутъ на дворъ въѣхалъ

---

[1]) Понятно, что вина не были въ числѣ предметовъ достархана, да и быть не могли, такъ какъ наши гостепріимные хозяева — истые мусульмане.

бекъ, на горячемъ, кровномъ конѣ, покрытомъ парчевой попоной; уздечка была осыпана бирюзой. Онъ былъ скорѣе снятъ съ лошади дюжими руками его свиты, чѣмъ самъ сошелъ съ нея. Бекъ, одинъ изъ многихъ сыновей эмира Бухарскаго, еще очень молодъ; самое большее, ему можно дать — 18 лѣтъ. Его цвѣтущее здоровьемъ лицо очень красиво, но, къ сожалѣнію, носитъ печать недомыслія. Большіе черные глаза тупо и какъ-бы боязливо выглядываютъ изъ подъ тонкихъ, дугой очерченныхъ, темныхъ бровей. Правильныя черты лица еще имѣютъ характеръ дѣтской незаконченности. Бороды и усовъ—нѣтъ и признаковъ.

Поздоровавшись съ посольствомъ, онъ сѣлъ за столъ и видимо былъ «не въ своей тарелкѣ». Генералъ, свободно объясняющійся по персидски и по турецки, старался занять его, но отвѣты и вопросы молодаго бека были, по большей части, односложны и по интонаціи походили на приказанія. При каждомъ словѣ онъ смотрѣлъ на своего Махрамъ-баши [1]), какъ-бы спрашивая его: такъ надо говорить, или нѣтъ? Мнѣ тогда показалось, что Махрамъ-баши при этомъ слегка кивалъ головой, какъ-бы подтверждая безмолвные вопросы бека. Принцъ пожелалъ осмотрѣть винтовку Бердана, которыми былъ вооруженъ казачій конвой посольства. Затѣмъ казаки продѣлали ружейные пріемы и показали рубку на шашкахъ.

Стало уже сильно темнѣть и бекъ, получивъ въ подарокъ отъ генерала почетный халатъ и серебрянные часы, уѣхалъ къ себѣ, видимо довольный всѣмъ видѣннымъ. При въѣздѣ и отъѣздѣ бека, нѣкоторые изъ его свиты — глашатаи — поднимали какіе-то дикіе крики, похожіе на вопли или завыванія. На вопросъ: что означаютъ эти крики?—я получилъ отвѣтъ, что этими криками возвѣщается проѣздъ члена царской семьи.

Нѣсколько минутъ спустя бекъ отдарилъ посольство, прислалъ семь лошадей подъ парчевыми и бархатными попонами. На нѣкоторыхъ изъ нихъ были уздечки, украшенныя бирюзой. Кромѣ того были присланы еще 7 пачекъ халатовъ, между которыми замѣчались парчевые, шалевые, шолковые и адрясовые. Мы замѣтили также, что

---

[1]) Махрамъ-баши—лицо, играющее роль дядьки и старшаго товарища въ забавахъ и играхъ бухарскихъ (да и вообще среднеазіатскихъ) принцевъ.

число 7-мь, было соблюдено даже въ такихъ мелочахъ, какъ: 7 головокъ сахару, 7 коробокъ леденца и проч. Очевидно, что все это было разсчитано по числу семи членовъ посольства. Хотя подобные подарки почти совсѣмъ не имѣютъ смысла для насъ русскихъ — ибо къ чему эти халаты, когда мы ихъ не носимъ?—тѣмъ не менѣе отказаться отъ принятія ихъ никакъ нельзя было. — Большей обиды нельзя сдѣлать среднеазіатцу, какъ—отказавшись отъ его подарковъ. Лошади, если бы онѣ были порядочныя, конечно очень пригодились бы въ дорогѣ; но хорошихъ лошадей бухарцы, какъ и вообще среднеазіатскіе кочевники, не дарятъ. Только самъ эмиръ бухарскій иногда даритъ великолѣпныхъ коней. Обдариванье своихъ гостей халатами бухарцы объясняютъ предписаніемъ корана, который повелѣваетъ сдѣлать для гостя-путника все возможное: напоить, накормить, но также и одѣть и снарядить въ дальнѣйшій путь,—заповѣдь безспорно великая и благодѣтельная, еслибы только она всегда и вездѣ исполнялась какъ слѣдуетъ.

Черезъ нѣсколько времени на дворѣ появилась длинная процессія бухарцевъ. Беззвучно ступая своими босыми ногами по убитому, глиняному полу двора, они казались, при мягкомъ свѣтѣ луны, какъ-бы таинственными тѣнями. Каждый изъ нихъ несъ какое-либо блюдо; отъ нѣкоторыхъ изъ блюдъ поднималась едва замѣтная струйка пара; это несли ужинъ для миссіи. Его сервировали просто на полу, покрытомъ коврами и скатертью. Когда все было уставлено, то можно было ужаснуться при видѣ огромнаго числа блюдъ; ихъ было никакъ не менѣе 30-ти. Не было никакой возможности не только съѣсть ихъ, но даже и упомнить всѣ ихъ названія. Среди всего этого горой возвышалось нѣсколько блюдъ съ неизбѣжнымъ пилавомъ.

На слѣдующій день, солнце еще не успѣло согрѣть своими косыми лучами охладѣвшую за ночь землю — какъ мы уже были въ сѣдлахъ. До Карши пришлось сдѣлать въ два дня около 70-ти верстъ пути. Дорога теперь пролегала уже по культивированной мѣстности. Кругомъ—поля, засѣянныя пшеницей и джугарой (сорго); мѣстами виднѣлись ячмень и просо. Дорогу, время отъ времени, пересѣкали «арыки», густою сѣтью раскинутые по полямъ. Вдали, изъ зелени деревьевъ выглядывали кишлаки и одинокія сакли и юрты. По дорогѣ мѣстами попадались одиночные курганы, о которыхъ, къ сожалѣнію,

не сохранилось никакихъ преданій. А вотъ виднѣется и бакша, засѣянная арбузами и дынями, которыми такъ славится Бухара и вообще Средняя Азія. Вообще степь приняла здѣсь болѣе оживленную физіономію. Дорога, по которой мы ѣхали, торная; видно было, что по ней происходитъ оживленное движеніе. Оно и понятно. Это большая торговая дорога между Шахрисябзомъ и городами Карши и Бухарой. Теперь намъ уже довольно часто приходилось встрѣчать длинныя вереницы верблюдовъ, горбатыя спины которыхъ были увѣшаны разнообразными, по величинѣ и по вѣсу, вьюками. Вотъ вьюки съ хлопчатой бумагой—они такъ длинны, что едва не волочатся по землѣ; а вотъ и маленькіе, но тяжелые вьюки съ русскими чугунными котлами. Иногда пересѣчетъ дорогу на своемъ «ходунѣ», нагруженномъ батманомъ пшеницы, возсѣдающій сверху батмана узбекъ,— и его лошадка, не смотря на двойную тяжесть, отчетливо выбиваетъ сильными ногами дробь «тропоты».

Съ этого дня начались огорченія для нашего топографа. «Знаковъ» для маршрута было обиліе: здѣсь деревенька, тамъ курганъ, а то развалины какія нибудь. Надо узнать и о томъ — какъ зовется деревенька, что это за развалины и т. п. Не владѣя туземнымъ языкомъ, онъ постоянно долженъ былъ обращаться за помощью то къ Назирову, то къ Заманъ-беку. Но наши «ученые» переводчики не особенно охотно исполняли его просьбы и справки — и вотъ отсюда-то и произошли огорченія, которыя впослѣдствіи перешли даже въ открытую распрю.

Верстъ за 35 до Карши намъ пришлось проѣхать обширными развалинами существовавшаго здѣсь когда-то города Чимъ. Исполинскіе арыки (оросительные каналы), полузасыпанные въ настоящее время иломъ и пескомъ, сѣтью расходятся на многія версты; огромныя насыпи, по всей вѣроятности остатки бывшихъ городскихъ валовъ, охватываютъ значительное пространство степи; на многихъ квадратныхъ верстахъ разсѣяны развалины домовъ; во многихъ мѣстахъ выдаются изъ всей этой кучи вершины кургановъ. — Все это свидѣтельствуетъ, что здѣсь, прежде, кипѣла дѣятельная жизнь многолюднаго населенія. Въ настоящее время отъ громаднаго города остался лишь жалкій кишлакъ. Свѣдущіе бухарцы сообщали мнѣ, что этотъ городъ былъ разоренъ во время бухарскихъ междуусобій,

происходившихъ лѣтъ 300 тому назадъ. Но, по моему мнѣнію, можно объяснить запустѣніе города и иначе. Это запустѣніе могло произойти вслѣдствіе обѣднѣнія водой, протекающей здѣсь, Кашки-Дарьи—чѣмъ бы это обѣднѣніе ни было вызвано. Въ окрестностяхъ Карши тоже находится много развалинъ запустѣвшихъ городовъ. Я не слыхалъ преданій о разрушеніи ихъ какимъ либо нашествіемъ непріятелей; поэтому я думаю, что и тамъ въ запустѣніи города играло важную роль уменьшеніе массы воды въ рѣкѣ Кашка-Дарьѣ. Весьма вѣроятно предположеніе, что обѣднѣніе водой Кашка-Дарьи вызвано увеличеніемъ народонаселенія въ Шахрисябзѣ, находящемся въ верховьяхъ названной рѣки; увеличенное народонаселеніе обусловило большее потребленіе воды для мѣстныхъ оросительныхъ цѣлей, а это обстоятельство несомнѣнно могло повліять на водоснабженіе мѣстностей въ низовьяхъ рѣки не иначе, какъ только невыгоднымъ образомъ.

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Чима мы ночевали. Но, до прибытія на мѣсто ночлега, намъ пришлось во время дневнаго перехода, два раза останавливаться на мѣстахъ, заранѣе выбранныхъ бухарцами. По восточнымъ понятіямъ—важнымъ лицамъ спѣшить какимъ либо дѣломъ неприлично. Неприлично также быстро ходить, ѣхать, говорить. Вообще здѣсь за мѣрило достоинства человѣка принимается его большая или меньшая тяжеловѣсность, неповоротливость, в а ж н о с т ь. Чѣмъ выше находится туземецъ на лѣстницѣ чиновъ и почестей — тѣмъ медленнѣе, плавнѣе его движенія. Сохрани Богъ, если онъ сдѣлаетъ рѣзкое движеніе, произнесетъ громкое, живое слово! Этотъ человѣкъ сразу утратитъ въ глазахъ окружающихъ его людей значительную долю уваженія. — Посольство, помня мудрую пословицу: «съ своимъ уставомъ въ чужой монастырь не ходятъ»— ѣхало теперь тихо, съ частыми остановками. Впереди ѣхали три конныхъ бухарца — э с а у л ъ-б а ш и [1]), съ золочеными палками въ рукахъ — символомъ власти ѣдущихъ вслѣдъ за ними особъ. Подобные предшественники означаютъ также, что ѣдущіе позади нихъ— люди, достойные высшаго почета.

На ночлежномъ привалѣ миссію встрѣтила новая бухарская депу-

---

[1]) Эсаулъ-баши—нѣчто вродѣ церемоніймейстеровъ; но имъ принадлежитъ также и полицейская власть.

тація. Въ ней, между прочимъ, находились два юноши, сыновья бека Каршинскаго. Они очень скоро подружились съ молодыми членами миссіи и жадно старались запомнить какъ можно болѣе русскихъ словъ. Это замѣчательные, для бухарцевъ, юноши, но я объ нихъ поговорю поподробнѣе послѣ. Вечеръ былъ въ этотъ день тихій, ясный. Раскаленный солнечный шаръ обливалъ своими послѣдними, красноватыми лучами опаленную, задыхающуюся отъ дневнаго зноя, землю. Тѣни единственныхъ почти деревьевъ въ жалкомъ кишлакѣ, расположенныхъ у нашихъ палатокъ и оттѣнявшихъ маленкій прудокъ,—длинными полосами легли по скатерти степи. Прошло нѣсколько минутъ—и, вмѣсто солнца, уже пожаромъ горѣла яркая вечерняя заря, полгоризонта обхватывая своими огненными объятіями. Въ воздухѣ стало свѣжо. Грудь съ наслажденіемъ вдыхала прохладный, чистый степной воздухъ. Какъ-бы ни была велика усталость путника—въ это время она забывается. Вы каждымъ членомъ чувствуете возстановленіе энергіи. Прочь усталость! Прочь дремота! Теперь только и жить; теперь только и наслаждаться этимъ живительнымъ воздухомъ.

На разосланномъ коврикѣ у самаго берега пруда сидѣла группа людей и довольно оживленно бесѣдовала. Здѣсь была вся миссія въ сборѣ. Предметъ бесѣды составляла настоящая поѣздка въ Авганистанъ. Генералъ Столѣтовъ, несомнѣнно обладавшій гораздо лучшими свѣдѣніями объ этой странѣ, чѣмъ остальные члены, разсказывалъ кое-что изъ исторіи Авганъ, знакомилъ съ ихъ обычаями, высказывалъ предположенія о томъ, что мы можемъ встрѣтить въ Авганистанѣ и т. п. Потомъ, онъ говорилъ о своемъ житьѣ на Кавказѣ и Красноводскѣ. Слушатели, понятно, ловили слова на лету, высказывая иногда прекурьезныя предположенія. Такъ напр. М. предположивъ, что въ Кабулѣ находится много англичанъ, думалъ найти тамъ англійскіе магазины съ готовымъ платьемъ... Мы потомъ увидимъ, что Афганистанъ совсѣмъ не такъ сильно заполоненъ англійскими товарами, какъ мы привыкли объ этомъ читать въ нашей ежедневной прессѣ. Въ данномъ случаѣ наша пресса пользуется исключительно англійскими источниками, а на сколько имъ, въ этомъ случаѣ, можно вѣрить—вопросъ въ настоящее время, кажется, уже достаточно разъясненный.

На слѣдующій день, лишь только мы проснулись и еще не успѣли одѣться, какъ намъ сообщили, что эмиръ прислалъ на встрѣчу миссіи своего Мирахура и карету. Этотъ Мирахуръ [1]) вскорѣ и самъ явился. Послѣ длинныхъ перекрестныхъ поздравленій и пожеланій желаній съ той и другой стороны, Мирахуръ объявилъ, что онъ посланъ эмиромъ встрѣтить дорогихъ гостей и проводить ихъ съ возможными удобствами до Карши, для чего и была прислана съ нимъ карета. Эта карета виднѣлась тутъ же, всего въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нашихъ палатокъ. Это былъ обширный, крытый экипажъ типа ландо, хорошо поставленный на осяхъ, съ прочными рессорами. Экипажъ былъ запряженъ 6-ю лошадьми по парно. На трехъ лошадяхъ сидѣли форейторы бухарцы, они же были вмѣссѣ съ тѣмъ и кучера, такъ какъ кучерское мѣсто въ каретѣ было пусто. По восточнымъ понятіямъ о достоинствѣ—не прилично сажать впереди знатной особы простаго человѣка, хотя бы то было въ экипажѣ и дѣло касалось кучера и управленія лошадьми [2]). Во весь кузовъ кареты, былъ постланъ толстый, эластичный, шелковый матрацъ; сидѣнья не было. Въ экипажѣ помѣстились генералъ Столѣтовъ и полковникъ Разгоновъ. Остальные члены ѣхали верхомъ. Сзади и съ боковъ посольской группы ѣхало много конныхъ бухарцевъ, въ халатахъ всѣхъ цвѣтовъ радуги, ослѣпительно-бѣлыхъ чалмахъ; они сидѣли на горячихъ лошадяхъ, въ большинствѣ случаевъ покрытыхъ богатыми, бархатными или парчевыми попонами. Между лошадьми можно было замѣтить двухъ, трехъ благородныхъ туркменскихъ коней. Въ продолженіи дневнаго перехода до Карши опять пришлось нѣсколько разъ останавливаться на заранѣе приготовленныхъ мѣстахъ, въ пріятной тѣни разноцвѣтныхъ бухарскихъ палатокъ. На одномъ изъ этихъ привалокъ миссію встрѣтили самые именитые бухарскіе сановники, убѣленные сѣдинами. Одинъ изъ нихъ былъ бекъ Каршинскій.

Верстъ за 10-ть до Карши, оба берега прихотливо извивающейся рѣки сплошь усѣяны селеніями. Сады непрерывной каймой тянутся по обѣимъ берегамъ ея. Наконецъ, вдали завидѣлась болѣе густая

---

[1]) Имя этого мирахура—Рахметъ-Уллахъ, что значитъ въ русскомъ переводѣ милость Божія.

[2]) Не съ востока ли перешла и къ намъ, въ наши центры цивилизаціи, мода на экипажи, съ мѣстами для кучеровъ сзади экипажа.

масса зелени, съ повиснувшимъ надъ ней пыльнымъ облакомъ. Это и былъ г. Карши [1]).

Чѣмъ болѣе мы приближались къ городу, тѣмъ болѣе и болѣе увеличивалась толпа окружавшихъ насъ бухарцевъ. Обширная, открытая равнина, подходящая съ юго-востока въ плотную къ самому городу, и по которой мы въ это время ѣхали,—была буквально залита массой разнохарактернаго люда, коннаго и пѣшаго. Работавшіе на поляхъ люди оставили свои работы и бѣжали вслѣдъ за нами. Другіе, со вскинутой на плечо мотыкой, съ раскрытымъ ртомъ, во всѣ глаза глядѣли на «урусовъ». Узко-глазый, какъ будто съ перекосившейся физіономіей, киргизъ стоялъ рядомъ съ рослымъ, мускулистымъ узбекомъ, крупныя черты лица котораго выражали не меньшее любопытство, чѣмъ и лицо его сосѣда. А вотъ и съ болѣе изящными очертаніями физіономіи таджикъ, пріостановивъ за уши своего навьюченнаго осла, прижался къ стѣнѣ ближайшей бахчи и также съ любопытствомъ вперилъ свои выразительные глазки на ѣдущую мимо него кавалькаду «урусовъ—тюрей».

Вотъ и предмѣстье города. Долго тянется пыльная и узкая улица. Она похожа на необитаемую: ни одного окна нѣтъ въ этихъ нескончаемыхъ, однообразныхъ глиняныхъ заборахъ. Только маленькія калитки, на подобіе звѣриныхъ норъ, напоминаютъ путнику, что тамъ, за заборомъ, все же есть жители. Въ слѣдующихъ улицахъ—вмѣсто заборовъ сплошными рядами потянулись невзрачныя лавки. Спертый вонючій воздухъ сразу насъ обдалъ и заставилъ почувствовать, что мы находимся въ азіатскомъ городѣ. У лавокъ и домовъ были также большія толпы народа. Нѣсколько фанатическихъ, хмурыхъ физіогномій сосредоточенно смотрѣли внизъ, не желая глядѣть на «кяфировъ» (невѣрныхъ). Другіе же грозно поблескивали изъ подъ нависшихъ бровей своими огненными глазами. Но это были только отдѣльныя, единичныя личности. Наибольшая же масса народа просто выражала какое-то тупое любопытство.

На углу одной мечети какой-то дивана [2]) произвелъ скандалъ.

---

[1]) Абсолютная высота гор. Карши, по Шварцу, 820 фут., астрономическое положеніе, тоже по Шварцу: Сѣверн. широта 38° 52′ 13″; долгота отъ Пулкова 35° 27′ 22″.

[2]) Бухарскій дервишъ, ордена „Накш-бенди“.

Онъ началъ осыпать посольство бранными словами, грозилъ кулаками и, наконецъ, возъимѣлъ было не совсѣмъ похвальную мысль—бросить въ насъ камнями. Но ѣхавшіе впереди «эсаулъ-баши» уняли буяна, прогнавъ его тѣми же самыми палками, которыя они такъ торжественно держали въ своихъ рукахъ. Меня очень поразилъ этотъ скандалъ и я поспѣшилъ разспросить, отчего все это произошло. Оказалось, что сначала диванà попросилъ милостыню, но ему почему-то ея не дали; послѣ этого онъ и прибѣгъ было къ убѣдительному пріему, практикующемуся на большихъ дорогахъ, съ камнемъ въ рукѣ.

Затѣмъ, пришлось проѣхать чрезъ небольшой крытый базаръ. Здѣсь улицы вымощены, но Боже милосердный,—что это за мостовыя!—Булыжникъ да камень просто зря набросаны на дорогу, безъ какой бы то ни было утрамбовки, вѣроятно съ спеціальною цѣлью ломать ноги лошадямъ и шеи всадникамъ. Карета, въ которой ѣхали генералъ и полковникъ, получала сильные толчки, она прыгала съ одной кучи камней на другую; сидѣвшихъ въ ней отбрасывало то въ одну, то въ другую сторону. Бѣдные сѣдоки морщились, но продолжали ѣхать.—Здѣсь грязь, вонь и смрадъ отъ базарныхъ кухонь, расположенныхъ тутъ же на открытомъ воздухѣ, и на которыхъ жарились туземные бифштексы—«кябабъ»,—достигли высшаго предѣла. Но блѣдное, какъ бы съ испитыми лицами, населеніе базара повидимому наслаждалось подобными запахами—сидѣло, стояло, возилось около своихъ лотковъ и шкаповъ. Нѣкоторые изъ нихъ, во время проѣзда миссіи, вставали съ своихъ мѣстъ и кланялись, но многіе оставались въ излюбленной позѣ среднеазіатца — на корточкахъ и «ножки калачикомъ». Лавки здѣсь расположены безъ всякаго порядка: рядомъ съ фруктовой лавкой помѣщается шорная; сахаръ находится на одной полкѣ съ ржавыми гвоздями и т. д. Здѣсь—что ни домъ, то лавка. Но посмотрите—многія ли изъ нихъ могутъ называться этимъ именемъ? Вотъ у этого криваго, съ носомъ какъ у совы, лавочника, всего товару на три кокана [1]), а у этого продавца плодовъ всего нѣсколько фунтовъ урюку, да нѣсколько пригоршень дряннаго кишмиша. Какіе могутъ быть барыши

[1]) Коканъ—серебряная мѣстная монета одинаковой стоимости съ «теньги», т. е. 20 к.

отъ подобной торговли? На что тутъ жить?—А посмотрите на физіономіи торгующихъ: они высматриваютъ истыми купцами.

Затѣмъ мы выѣхали съ базара, повернули налѣво, прошли нѣсколько десятковъ шаговъ по берегу арыка, отѣненнаго густыми тутовыми деревьями—и очутились передъ широкими воротами назначеннаго для миссіи дома.

Это помѣщеніе сохраняло тотъ же типъ постройки, какъ и въ Чиракчи. Оно было только обширнѣе и чище. Внутренній дворъ, также огороженный со всѣхъ сторонъ высокими стѣнами, занятъ былъ двумя флигелями. Въ одномъ изъ нихъ, одноэтажномъ, находилось всего двѣ комнаты, за то онѣ очень обширны. Потолокъ отъ пола отстоитъ по крайней мѣрѣ аршинъ на 9-ть. Въ этомъ зданіи, кромѣ обычныхъ «оконъ-дверей», былъ еще и верхній рядъ оконъ, съ вырѣзанными изъ камня рѣшетками; рѣшетки были обтянуты животнымъ пузыремъ, который здѣсь служитъ вмѣсто стеколъ. Стѣны зданія чисто выштукатурены и, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, покрыты мелко написанными стихами изъ персидскихъ поэтовъ и хронограммами. Потолокъ состоялъ изъ огромнаго числа очень тонкихъ (не толще одного дюйма) палочекъ, плотно сложенныхъ одна къ другой и составляющихъ такимъ образомъ прочный щитъ, укрѣпленный на часто положенныхъ балкахъ. Затѣмъ, для устройства кровли туземцы обыкновенно на этотъ щитъ кладутъ такъ называемые барданы—циновки, очень прочно приготовленные изъ рѣчнаго камыша. Циновки кладутся въ нѣсколько рядовъ—и на нихъ насыпается земля. Затѣмъ сверху слой земли смазывается саманнымъ тѣстомъ [1])—и крыша готова, настолько прочная, что можетъ съ успѣхомъ противостоять сильнымъ весеннимъ ливнямъ.—Балки потолка представляли, въ данномъ случаѣ, красивый переплетъ хорошо выштукатуренный и обведенный по краямъ золотымъ бордюромъ. Кромѣ того, какъ балки, такъ и карнизы, были расписаны живописью, которая состояла исключительно изъ букетовъ и цвѣтовъ. Краски очень живы, а изъ значительнаго количества фигуръ букетовъ не было даже двухъ, которыя были бы похожи одна на другую. Полъ комнатъ былъ покрытъ коврами и одѣялами. Половина комнаты

[1]) Саманная масса состоитъ изъ глины, смѣшанной съ мякиной.

была занята огромнымъ, на скоро сбитымъ столомъ, уставленнымъ обычнымъ достарханомъ. Впрочемъ, достарханъ далеко не весь помѣстился на столѣ; скатерть свѣшивалась со стола и тянулась по полу до конца комнаты. Понятно, что вся она была уставлена блюдами и подносами съ разными туземными сластями и деликатесами. Передъ этимъ зданіемъ возвышалась каменная эстрада.

На противоположной сторонѣ двора находилось другое, двухъэтажное зданіе. Рѣзкое отличіе его отъ общаго типа туземныхъ домовъ состояло въ томъ, что окна верхняго этажа выходили на улицу. Подъ окнами протекалъ широкій, мутный арыкъ, а по ту сторону арыка, въ тѣни деревьевъ, собралась значительная толпа туземныхъ зѣвакъ и, перешептываясь и перебрасываясь другъ съ другомъ замѣчаніями, упорно занималась созерцаніемъ довольно знакомыхъ уже имъ гостей—«урусовъ». Стѣны комнатъ двухъэтажнаго зданія пестрѣли также надписями; но тутъ была все проза и автографы. Вотъ, напр. одна изъ нихъ: «2-й уральской сотни своднаго казачьяго полка Егоръ Палкинъ». Далѣе идетъ надпись вахмистра Оренбургской 1-й сотни своднаго казачьяго полка. Всѣ эти надписи точно датированы. Одинъ счелъ необходимымъ даже пояснить происхожденіе этихъ надписей. Оказалось, что конвой казаковъ, бывшій здѣсь съ Г. Вейнбергомъ, за нѣсколько дней передъ нашимъ пріѣздомъ, возъимѣлъ счастливую мысль—дать знать о своемъ пребываніи здѣсь своимъ соотечественникамъ, если судьба когда либо заброситъ ихъ сюда. Какъ видитъ читатель, надписямъ этимъ пришлось ждать своихъ читателей не долго.

Человѣкъ вездѣ одинъ и тотъ же. Одни и тѣже чувства живутъ въ людяхъ, повидимому, рѣзко отличающихся другъ отъ друга. Несомнѣнно, что одна и та же мысль, одно и то же чувство водитъ какъ рукой знаменитаго путешественнила, надписывающаго свое имя на трудно доступныхъ скалахъ и утесахъ Швейцаріи, гордаго англичанина, вырѣзывающаго свое имя на тысячелѣтнихъ храмахъ Индіи,—такъ и рукою малограмотнаго казака съ береговъ Янка и Ори...

Съ обычными церемоніями миссія была введена въ помѣщеніе. Мирахуръ занялъ роль метр-д'отеля.

Наши гостепріимные хозяева, однако, скоро сообразили, что не-

обходимо дать своимъ гостямъ полный покой. Мирахуръ спросилъ генерала о времени представленія миссіи эмиру, на что и получилъ отвѣтъ, что «это вполнѣ зависитъ отъ благоусмотрѣнія эмира». Впрочемъ генералъ прибавилъ, что миссія очень спѣшитъ, а потому не можетъ долго оставаться въ Карши. Послѣ этого мирахуръ отправился къ эмиру бухарскому для доклада. Около 7-ми часовъ вечера онъ снова пришелъ и объявилъ, что эмиръ проситъ миссію пожаловать къ нему на аудіенцію на слѣдующій день утромъ.

Надо было приготовиться, почиститься, вымыться и т. п. Недѣльный путь покрылъ насъ толстымъ слоемъ пыли. Тѣло зудѣло, чесалось и просило русской бани. Вотъ тутъ-то и явилось очень кстати предложеніе мирахура — посѣтить здѣшнія городскія бани. Предложеніе было принято, конечно, съ удовольствіемъ. Мнѣ было очень интересно осмотрѣть бухарскія бани. — Мирахуръ отдалъ тотчасъ же соотвѣтствующія приказанія одному изъ приставленныхъ къ намъ для услугъ караулъ-бегу [1]). Черезъ нѣсколько минутъ все было готово—и мы всѣ вмѣстѣ отправились въ путь.

Между тѣмъ солнце уже сѣло. сумерки погрузили въ неясный мракъ узкія и кривыя улицы города, которыя теперь представлялись совершенно пустынными: ни одного человѣка не виднѣлось на нашемъ пути. Только нѣсколько бездомныхъ собакъ надрывались хриплымъ лаемъ и бросались съ задорнымъ рычаніемъ подъ ноги лошадей. Но послѣ ближайшаго и нельзя сказать чтобы пріятнаго знакомства съ лошадиными копытами, онѣ отпрянули подальше, и только издали изливали въ жалобномъ завываніи свою, уже не безпричинную теперь, злобу. Долго пришлось намъ колесить по разнымъ переулкамъ, пока мы добрались до бань. Мѣстами воздухъ былъ нестерпимо вонючъ и гадокъ, такъ что духъ захватывало въ нашихъ непривычныхъ грудяхъ. Наконецъ изъ мрака уже совершенно сгустившихся сумерекъ блеснулъ слабый красноватый свѣтъ. Два жирника освѣщали незавидный входъ въ бани—небольшое куполообразное зданіе. Мы вошли. Все зданіе бани состояло только изъ двухъ

---

[1]) Караулъ-беги—бухарскій чиновникъ, исполняющій полицейскія обязанности.

неособенно обширныхъ комнатъ, незатѣйливость, даже бѣдность обстановки которыхъ рѣзко бросалась въ глаза. Полъ устланъ простыми грязными «палассами», нѣсколько табуретовъ было разбросано по комнатѣ. Стѣны—не оштукатурены, потолокъ состоялъ изъ простыхъ бардановъ. На извѣстной высотѣ протянуты были вдоль всей комнаты веревки, а на нихъ сушились разноцвѣтные платки, только что снятые съ мывшихся до насъ людей. Въ одномъ изъ угловъ—незатѣйливый очагъ, въ другомъ — огромный, повидимому, никогда не чистившійся, русскій самоваръ. У дверей, ведущихъ въ отдѣленіе для мытья, точно статуи, неподвижно стояли 3 или 4 мыльщика. Они были совершенно раздѣты; только непзмѣнный платокъ обхватывалъ ихъ чресла и спускался спереди до колѣнъ.

Хозяинъ бани встрѣтилъ своихъ нежданныхъ посѣтителей низкими поклонами, пожатіемъ руки и отрывистымъ: аманъ! повтореннымъ имъ нѣсколько разъ каждому изъ насъ. Нѣсколько минутъ спустя мрачные своды мыльнаго отдѣленія огласились непривычными звуками чуждой для нихъ русской рѣчи, быть можетъ никогда еще не раздававшейся здѣсь прежде. Мыльная комната имѣла такую же непривлекательную наружность, какъ и пріемная. Яйцеобразный сводъ, съ единственнымъ окномъ въ своемъ центрѣ, погруженъ былъ въ смутный полумракъ. Освѣщеніе состояло изъ одной только лампады, спускавшейся на шнуркѣ изъ купола. Свѣтъ почти совсѣмъ не достигалъ глубины нишъ, высѣченныхъ по бокамъ стѣнъ. Тамъ царилъ полнѣйшій мракъ. Съ непривычки трудно было оріентироваться въ этой темнотѣ, но потомъ—ничего, мы обглядѣлись.

Мыльщики вступили въ свои права. Наслышавшись прежде о восточныхъ баняхъ, понятно,—я ожидалъ совсѣмъ другой обстановки. Но неприглядная дѣйствительность, встрѣченная мною здѣсь, производила очень рѣзкій контрастъ съ тѣмъ, что я слышалъ. Точно также и отъ способа мытья я ожидалъ большаго. Но первые же пріемы мыльщиковъ заставили меня отнестись къ ихъ искуству болѣе, чѣмъ скептично. Посуды въ банѣ почти совсѣмъ не было. На полу —надо отдать справедливость строителямъ бани, единственной вещи удовлетворительно построенной и нагрѣваемой снизу — валялось нѣсколько деревянныхъ и каменныхъ чашекъ, около фута въ діаметрѣ каждая. Онѣ замѣняли здѣсь тазы. Мыльщикъ началъ съ того, что зачерп-

нулъ изъ резервуара, помѣщеннаго въ одной изъ боковыхъ нишъ, теплой воды и облилъ ею голову своего кліента. Затѣмъ онъ началъ тереть голыми, ненамыленными руками также ненамыленную голову. Если для брито-головыхъ бухарцевъ этотъ способъ мытья и умѣстенъ, то для человѣка, обладающаго густыми волосами, подобное мытье является совершенно не желательнымъ воспроизведеніемъ школьныхъ «вселенскихъ смазей» и «вывертовъ». Поэтому я поспѣшилъ освободить моего патрона отъ его обязанностей. Онъ этимъ, впрочемъ, не смутился, принесъ 10 яицъ, и разбивъ ихъ и смѣшавъ въ общую массу, вылилъ мнѣ ихъ на голову. Не ожидая подобной продѣлки—такъ какъ до тѣхъ поръ я и не подозрѣвалъ такой роли яицъ въ экономіи природы,—я просто обезумѣлъ и пришелъ въ сильную ярость, когда липкая масса заклеила мнѣ глаза, носъ и угрожала запечатать ротъ. Услыхавъ мою распрю съ мыльщикомъ, Заманбекъ поспѣшилъ мнѣ объяснить, что подобный «методъ мытья» очень въ ходу у среднеазіатскихъ мыльщиковъ и что «это очень хорошо очищаетъ голову».—Я долженъ былъ покориться своей участи, хотя и не былъ убѣжденъ въ особенной пользѣ этого способа мытья. Затѣмъ я почувствовалъ, что мой мыльщикъ началъ какъ будто скребницей драть мою спину. Оказалось въ «методъ» мытья входитъ также способъ растиранія тѣла моющагося едва смоченной въ водѣ грубой шерстяной перчаткой. На ней также не было ни грана мыла. Но этимъ дѣло еще не кончилось. Надо было испить чашу наслажденій до конца. М. предложилъ мнѣ попробовать среднеазіатскій «massage». Долго мой мыльщикъ перебиралъ и мялъ мои мышцы и кости. Затѣмъ онъ началъ вытягивать руки, ноги, все туловище. Суставы хрустѣли и трещали; но всѣ эти манипуляціи были продѣланы мыльщикомъ настолько искусно, что, даже при очень сильныхъ вытяженіяхъ, не ощущалось ни малѣйшей боли. Заключительнымъ актомъ «massage'а» долженствовало быть хожденіе моего баннаго патрона по всему моему тѣлу: по спинѣ, животу и послѣдующее «рубленіе» тѣла. Прочитавъ предпослѣднее слово, читатель прійдетъ, вѣроятно, въ недоумѣніе. «Рубленіе! что это такое»?—Вотъ это что. Мыльщикъ, начинаетъ быстро ударять ребрами ладони своихъ рукъ по тѣлу кліента, направляя удары поперегъ мышицъ; онъ какъ будто рубитъ мышцы поперегъ своими ладонями. Отъ «хожденія» я отказался,

но рубленіе попробовалъ съ удовольствіемъ. Вотъ каковъ среднеазіатскій massage.

Въ пріемной, по выходѣ изъ бани, мы нашли чай уже готовымъ. Пузатый самоваръ внушительно шипѣлъ и пускалъ къ потолку цѣпыя облака пара. Мыльщики и содержатель бани были одарены халатами, что заставило ихъ низко согнуть свои спины, въ знакъ благодарности.

Послѣдняя нотка муэззина прозвучала въ ночномъ, безмолвномъ воздухѣ и какъ то вдругъ оборвалась; правовѣрные призывались передъ сномъ совершить «намазъ-хуфтенъ». Въ это время мы медленно возвращались домой по совершенно безжизненнымъ улицамъ. Ночь была такъ темна, что проводникъ, караулъ-беги, счелъ необходимымъ идти впереди пѣшкомъ, освѣщая путь тусклымъ, изъ промасленной бумаги сдѣланнымъ, фонаремъ; луна еще не взошла, но звѣзды ярко сіяли на безоблачномъ небѣ. Вотъ сверкнули два, три скользящихъ свѣтовыхъ луча падающихъ метеоровъ. Гулко раздавались удары копытъ о небрежно разбросанные по улицѣ камни. Одинъ изъ казаковъ напѣвалъ тихонько пѣсню. Издали доносился оживленный, хотя и неясный говоръ другихъ казаковъ, оставшихся назади. А кругомъ царила тишина; городъ точно весь вымеръ...

На слѣдующее утро (7-го іюня), часовъ около 8-ми, мы всѣ были заняты приготовленіями къ аудіэнціи, которую долженъ былъ дать миссіи эмиръ бухарскій. Вскорѣ пріѣхалъ и мирахуръ, сообщившій что «посольству время отправиться къ эмиру». Мы поѣхали верхомъ, въ полной парадной формѣ; только генералъ вмѣсто каски имѣлъ на головѣ обыкновенную бѣлую фуражку. Улицы, по которымъ мы проѣзжали, были запружены народомъ. Огромная толпа шла слѣдомъ за нами. На поворотѣ къ крѣпости одинъ дервишъ, обратившись къ намъ, сказалъ какую-то рѣчь. Послѣ я узналъ, что это было пожеланіе счастливаго пути. Оно было выражено чисто въ бухарскомъ вкусѣ; въ русскомъ переводѣ это выходитъ довольно энергично, именно: онъ желалъ чтобъ мы всѣ возвратились отъ эмира въ цѣлости и въ добромъ здоровьѣ. Очевидно, что почтенный кандидатъ въ мусульманскіе святые примѣнялъ къ намъ таковой же масштабъ милостей эмира, какъ и къ своимъ соотечественникамъ. Дѣйствительно, совсѣмъ не рѣдкость, особенно въ

прежнія времена, что отправившійся къ эмиру бухарецъ болѣе не возвращался оттуда. Но вѣдь теперь уже совсѣмъ прошла пора примѣненія такого масштаба милостей эмира бухарскаго къ иностраннымъ гостямъ,—тѣмъ болѣе, что эти гости, въ данномъ случаѣ, были представителями великой державы, силу и великодушіе которой эмиръ, да и весь народъ бухарскій, имѣлъ много случаевъ испытать и оцѣнить по достоинству.

Передъ нами крѣпость Карши. Высокал (до 5 саж.) глинобитная стѣна, мѣстами обвалившаяся, охватываетъ значительное пространство земли. Ворота, черезъ которыя мы проѣхали, обставлены съ обѣихъ сторонъ толстыми, зубчатыми башнями, снабженными бойницами. Толщина стѣны внизу—до 5-ти саженъ. Внутренность крѣпости занята домами болѣе значительной величины, чѣмъ обыкновенные обывательскіе дома. Нѣкоторые изъ нихъ построены изъ жженаго кирпича. Два или три дома плохо отдѣланы мозаикой изъ разноцвѣтныхъ изразцевъ. Это—медрессе, мусульманскіе университеты. Нѣсколько яйцеобразныхъ, полинялыхъ куполовъ возвышаются надъ сосѣдними зданіями,—это мечети. Вообще, покуда ничего нѣтъ замѣчательнаго. Пришлось проѣхать еще двумя воротами — и мы въѣхали въ цитадель крѣпости, гдѣ жилъ въ данное время эмиръ. Передъ вторыми воротами былъ выстроенъ отрядъ бухарской пѣхоты; во время проѣзда миссіи онъ отдалъ ей честь. Я явственно разслышалъ команду на русскомъ языкѣ: смирно! на караулъ! Солдаты, преимущественно киргизы и узбеки, были одѣты въ короткіе красные халаты, которые должны были изображать собою мундиры. На головахъ у нихъ были высокія мохнатыя шапки, а на ногахъ—высокіе кожаные сапоги. Солдаты были вооружены ружьями, заряжающимися съ дульной части.

Передъ этими воротами мирахуръ предложилъ миссіи сойти съ лошадей и пройти чрезъ нихъ пѣшкомъ. Но переводчикъ персидскаго языка, онъ же и истолкователь среднеазіатскихъ «свычаевъ и обычаевъ», Назировъ, предполагая въ этомъ предложеніи только неумѣренное требованіе придворнаго этикета, состоящее въ томъ, чтобы никто не входилъ въ крѣпость, гдѣ живетъ эмиръ, на конѣ а непремѣнно пѣшкомъ,—отклонилъ это предложеніе. Мы проѣхали верхомъ; а мирахуръ состроилъ кислую гримасу. Наконецъ еще однѣ

и уже послѣднія ворота отдѣляли насъ отъ помѣщенія эмира. Здѣсь мы спѣшились, отдали лошадей бухарскимъ джигитамъ и вошли во дворъ. Дворъ былъ обширный, чисто выложенный плитами изъ обожженной глины. Почти посрединѣ его—небольшой бассейнъ, едва наполненный водой. Во всю сѣверную стѣну квадратнаго двора тянулось длинное одноэтажное зданіе. Вся передняя стѣна зданія была пробита многочисленными «окнами-дверями». Крыша зданія обыкновенная «саманная». Во внутреннія комнаты вели двѣ двери, къ которымъ пристроены 2 неуклюжія, въ 3—4 ступени, крыльца. На дворѣ—ни одного деревца и ни одного живаго существа.

Мирахуръ шелъ впереди насъ, боязливо осматриваясь по сторонамъ, точно ожидая увидѣть что-либо страшное. Мы шли сзади отъ него, въ разстояніи нѣсколькихъ шаговъ. Вотъ онъ тихонько сказалъ, чтобы мы остановились, а самъ торопливо вошелъ на крыльцо и пугливо заглянулъ въ дверь. Затѣмъ онъ быстро откинулся отъ дверей и пошелъ назадъ, пятясь задомъ и, съ каждымъ шагомъ, низко кланяясь. Вотъ онъ подалъ знакъ—и мы, одинъ за другимъ, вошли на крыльцо. Сердце тревожно билось у меня въ груди. Жуткое чувство охватывало все мое существо: я въ первый еще разъ становился такъ близко къ коронованной особѣ, хотя это былъ только эмиръ бухарскій. Мысль невольно устремилась въ далекое прошлое, когда одного мановенія руки этого страшнаго властителя достаточно было для того, чтобы человѣкъ переставалъ существовать, къ какой бы національности онъ ни принадлежалъ. Мы вошли. Посреди обширной залы сидѣлъ эмиръ бухарскій, Сеидъ-Мозафаръ-эддинъ-ханъ.

Это довольно тучный, пожилой человѣкъ, лѣтъ подъ 60. Черты лица его очень правильны и носятъ слѣды бывшей замѣчательной красоты. Черные глаза проницательно смотрятъ изъ подъ посѣдѣвшихъ бровей. Слегка выгнутый носъ и борода съ просѣдью дополняютъ характеристику лица повелителя правовѣрныхъ Средней Азіи. Онъ сидѣлъ въ очень простомъ креслѣ; одѣтъ былъ болѣе чѣмъ скромно. Простая бѣлая чалма на головѣ, полушелковый, полосатый—темныхъ цвѣтовъ съ зеленымъ—халатъ на плечахъ, желтыя сафьянныя туфли на ногахъ—вотъ и весь костюмъ эмира. Когда посольство приблизилось къ нему, то онъ слегка привсталъ, но не сдѣлалъ ни

одного шага на встрѣчу. Сейчасъ же генералъ Столѣтовъ обратился (черезъ переводчика) съ привѣтствіемъ къ эмиру, а потомъ представилъ ему остальныхъ членовъ посольства отдѣльно, обозначая спеціальность каждаго. Когда я былъ, въ свою очередь, представленъ, то эмиръ улыбнулся и сказалъ едва-ли не единственную, во все время аудіэнціи, длинную фразу: Онъ выразилъ удивленіе, что я такъ молодъ, а между тѣмъ врачъ.

— У насъ, сказалъ эмиръ, врачи обыкновенно люди очень пожилые, часто сѣдобородые.

Онъ каждому члену посольства подалъ руку и жестомъ пригласилъ всѣхъ насъ садиться. У стѣны, напротивъ кресла эмира, были разставлены семь стульевъ, видимо домашняго приготовленія, покрытыхъ краснымъ сукномъ. Затѣмъ генералъ Столѣтовъ бесѣдовалъ съ эмиромъ около $1\frac{1}{4}$ часа. Эмиръ, по большей части ограничивался односложными фразами—«да», «нѣтъ» и т. п. При этомъ голосъ его нѣсколько дрожалъ и звучалъ какъ то особенно мягко, а проницательные глаза нервно оглядывали всѣхъ членовъ миссіи.

Теперь я имѣлъ возможность осмотрѣться. Аудіэнцъ-зала эмира совсѣмъ не блистала ни роскошью, ни красотой, ни убранствомъ. Это была просто большая комната, сажень 10 въ длину и до 5—въ ширину. Исключая кресла, на которомъ сидѣлъ эмиръ, и 7-ми стульевъ, занятыхъ членами миссіи, въ ней не было никакой другой мебели. Голыя, чисто выштукатуренныя стѣны блистали отсутствіемъ какихъ бы то ни было украшеній. Полъ былъ устланъ простыми, хотя и огромной величины, паласами. Весь полъ покрывался только двумя такими коврами.—Потолокъ былъ лишенъ даже и тѣхъ незатѣйливыхъ украшеній, которыя замѣчались въ нашемъ помѣщеніи. Обстановка помѣщенія эмира, какъ видитъ читатель, совсѣмъ была незавидная и весьма мало говорящая о восточной пышности среднеазіатскихъ потентатовъ,—той пышности, которая послужила предметомъ восторженныхъ описаній немногихъ европейцевъ и цѣлой плеяды персидскихъ писателей. Потомъ, впрочемъ, мы узнали, что эмиръ принималъ насъ въ мечети, такъ какъ въ Карши дворца, спеціально выстроеннаго для него, нѣтъ.

Вскорѣ мы откланялись эмиру. До самой двери всѣмъ намъ пришлось идти задомъ, т. е. оборотясь лицомъ къ эмиру, который провожалъ насъ взглядомъ.

Когда мы вышли отъ эмира, то Каршинскій бекъ пригласилъ насъ къ себѣ. Онъ помѣщался въ сосѣднемъ зданіи, еще болѣе незавидномъ, чѣмъ то, въ которомъ насъ принималъ эмиръ.

Бекъ разсыпался въ любезностяхъ и усердно началъ угощать насъ всѣмъ, что только онъ имѣлъ. Генералъ черезъ нѣсколько минутъ опять отправился къ эмиру. На этотъ разъ его сопровождалъ только переводчикъ Н. Отсутствіе генерала продолжалось около 20 минутъ.—Тѣмъ временемъ мы очень оживленно бесѣдовали съ нашими гостепріимными хозяевами. Бекъ разспрашивалъ насъ о томъ, что дѣлается въ Ташкентѣ и Самаркандѣ, зачѣмъ и куда идутъ наши войска; онъ разсказывалъ также о недавнемъ пребываніи здѣсь г. Вейнберга и о разныхъ другихъ событіяхъ. Между тѣмъ возвратился генералъ. Вслѣдъ за нимъ пришелъ и неизмѣнный, подобно тѣни вездѣ за нами слѣдовавшій, мирахуръ. За нимъ шла цѣлая вереница прислужниковъ, которые несли подносы и узлы съ различными подарками; этими подарками изволилъ одарить миссію эмиръ бухарскій. Тутъ были, главнымъ образомъ, разнообразные халаты, куски бархата, куски шелковой матеріи, пояса украшенные золотыми и серебрянными, осыпанными бирюзой, бляхами, халаты изъ каракульскихъ мерлушекъ, нѣжныхъ какъ древнее колхидское руно и проч. Потомъ мимо оконъ другіе прислужники провели семь лошадей, покрытыхъ парчевыми, шитыми золотомъ попонами. Уздечки на коняхъ были оправлены въ серебро и украшены бирюзой. Бекъ каршинскій, въ свою очередь, также подарилъ миссіи много различныхъ предметовъ и вещей въ томъ же родѣ.

Отправляясь обратно домой, мы сѣли на подаренныхъ лошадей и ѣхали такимъ образомъ черезъ весь городъ до нашего помѣщенія, съ трудомъ пробираясь черезъ многолюдную толпу, наполнявшую всѣ улицы, по которымъ должна была слѣдовать миссія. Духота была страшная; потъ лилъ ручьями съ лица каждаго изъ насъ. Понятно, что лишь только мы пріѣхали въ свое помѣщеніе, какъ сейчасъ же сбросили съ себя долой совсѣмъ не по сезону теплые мундиры, и облеклись въ болѣе легкіе бѣлые кителя, безъ которыхъ здѣсь, въ Средней Азіи, военному люду было бы совсѣмъ плохо.

Мнѣ кажется, что мирахуръ имѣлъ запасную пару ногъ. Не успѣли мы переодѣться, какъ онъ уже былъ опять у насъ. Онъ передалъ

генералу Столѣтову добрыя пожеланія эмира и выраженіе великаго удовольствія, вынесеннаго повелителемъ Бухары изъ аудіэнціи. Къ этому онъ прибавилъ, что для увеселенія своихъ дорогихъ гостей эмиръ прислалъ придворныхъ актеровъ, пѣвцовъ, плясуновъ и «иныхъ художниковъ». Поэтому онъ, мирахуръ, просилъ генерала разрѣшить всѣмъ этимъ людямъ войти и показать свое искуство. Но генералъ отказалъ ему въ этой просьбѣ.

— Къ чему это?—вѣдь мы пріѣхали не ради забавы, а по дѣлу, отвѣчалъ онъ.

Такъ и не пришлось посмотрѣть туземныхъ актеровъ и «иныхъ художниковъ». А между тѣмъ мнѣ очень хотѣлось посмотрѣть одну вещь, о которой существуютъ два противорѣчащія одно другому мнѣнія. Это—пляска бачей. Я знаю людей, которые восторгаются этими танцами; другіе же, напротивъ, сводятъ ихъ къ безобразнымъ кривляньямъ. Пѣвцы и музыканты также очень интересовали меня. Но и въ этомъ желаніи я долженъ былъ отказать себѣ. За то изъ оконъ флигеля, въ которомъ я помѣстился, видна была разношерстная толпа народа, обступившая со всѣхъ сторонъ фокусника, выдѣлывавшаго разныя штуки. Нѣсколько серебряныхъ монетъ, брошенныхъ ему мною изъ окна, привлекли сюда вожака медвѣдя съ козой; вскорѣ къ нимъ присоединился индѣецъ съ мартышкой. Черезъ нѣсколько минутъ приплелся сюда же вчерашній дивана—и они всѣ, наперерывъ другъ передъ другомъ, старались овладѣть вниманіемъ зрителей-гостей, свѣсившихъ головы изъ оконъ верхняго этажа зданія. Медвѣдь, положимъ, не показывалъ обычное у насъ,—«какъ малыя ребята горохъ воруютъ», но за то изображалъ весьма удачно, судя по задушевному смѣху толпы, сопровождавшему различныя штуки мишеньки,—пьянаго, шатающаго туземца и сартянку, смотрящуюся въ зеркало; онъ подражалъ работѣ при навьючкѣ и развьючиваніи животныхъ, плясалъ вмѣстѣ съ козой и боролся съ своимъ вожакомъ-хозяиномъ. Обезьяна прыгала по шесту, а затѣмъ повисла на ближайшихъ вѣтвяхъ тутоваго дерева, гибкія вѣтви котораго тянулись черезъ широкій арыкъ и почти достигали нашихъ оконъ. Потомъ она забралась на самую вершину дерева и ни за что не хотѣла слѣзть оттуда, что заставило ея хозяина взобраться на дерево, для пущаго комизма упасть съ него въ арыкъ, и продѣлать нѣсколько другихъ

ухватокъ, по ловкости и остроумію не много отличавшихся отъ продѣлокъ сосѣда—мишеньки, но совершенно достаточныхъ, чтобы вызвать оживленную веселость въ окружавшей его нетребовательной туземной публикѣ. Дивана, послѣ нѣсколькихъ кривляній и борьбы съ оборваннымъ нищимъ, упалъ на землю, носомъ внизъ, и приказалъ себя засыпать землею. Окружающіе его зѣваки, преимущественно уличные мальчишки, тотчасъ принялись за дѣло—и скоро дивана изчезъ подъ мягкимъ слоемъ арычнаго песка и ила. Уже нельзя было различить подъ грудой песка очертаній человѣческаго тѣла, а мальчишки продолжали его все засыпать. Нѣсколько минутъ лежалъ дивана подъ пескомъ. Ребятишки прекратили свою работу, равнодушно смотрѣли и ждали, что изъ этого выйдетъ. Куча недвигалась. Я не знаю чѣмъ бы все это кончилось, если бы нѣкоторые изъ присутствовавшихъ туземцевъ не вмѣшались въ эту шутку. Они сдвинули, вмѣстѣ съ кучей земли, дивану въ арыкъ. Проплывъ двѣ, три сажени въ водѣ, онъ, при общемъ смѣхѣ толпы, выбрелъ на берегъ. Нѣсколько бѣлыхъ монетъ, выброшенныхъ нами изъ окна, были ему наградой за его потѣху.

Между тѣмъ время было уже за полдень. Жара была такъ сильна, какъ еще ни въ одинъ изъ предъидущихъ дней. Въ тѣни разбитой на дворѣ палатки, въ которой помѣстился полковникъ Разгоновъ въ 1 часъ дня $t°$ достигла 42,6° С.—Въ ней можно было выпариться, какъ въ паровой банѣ, но полковникъ—ничего, жилъ и даже не жаловался.

На завтра было назначено выступленіе изъ Карши. Направленіе пути было выбрано на Гюзаръ, Ширабадъ и Чушка-Гюзаръ, на Аму-Дарьѣ. Путь этотъ на большемъ своемъ протяженіи пролегаетъ горами. Надо было, поэтому, приготовиться къ нему; необходимо было взять съ собою въ запасъ подковъ, веревокъ, кошемъ и т. п. За всѣмъ этимъ были посланы джигиты на мѣстный базаръ. На расходы имъ даны были русскія серебряныя деньги. Но оказалось, что наши 20 копѣечныя монеты идутъ здѣсь только по 15 коп.—«Урусъ теньга—яманъ теньга», (русская теньга—худая теньга) говорили туземцы. Они были конечно правы. Бухарское размѣнное серебро заключаетъ въ себѣ очень незначительную примѣсь лигатуры, между тѣмъ какъ наше размѣнное серебро содержитъ 52 части лига-

туры. Бухарцы очень скоро это узнали и оцѣнили нашу монету по достоинству. А наши кредитные билеты здѣсь совсѣмъ не имѣютъ сбыта.

Часовъ въ 5-ть дня мы были удивлены появленіемъ на нашемъ дворѣ какой-то странной фигуры, одѣтой въ европейскій костюмъ. Это былъ старикъ, лѣтъ подъ 50, а можетъ быть и больше. На его тощія плечи былъ натянутъ очень потертый, чернаго сукна, фракъ; на головѣ — черная поярковая, сильно помятая, шляпа. Онъ прошелъ прямо къ генералу и долго съ нимъ о чемъ-то бесѣдовалъ. Разговоръ ихъ происходилъ на французскомъ языкѣ,—что привело насъ въ еще большее недоумѣніе. Когда онъ вышелъ отъ генерала, то мы узнали, что это—авантюристъ, нѣкто Филиппъ, французъ по національности. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, онъ пріѣхалъ въ Ташкентъ, а отсюда—въ Самаркандъ, показывая различные эквилибристическіе фокусы. Потомъ онъ пробрался въ Бухару и въ данное время состоялъ первымъ актеромъ въ придворной труппѣ Его высокостепенства, эмира бухарскаго. Кажется, бѣдный старикъ радъ былъ бы возвратиться на родину, но не могъ этого исполнить вслѣдствіе безденежья. Бѣдный, несчастный старикъ! какъ должно быть тебѣ тяжело жить среди этихъ дикарей, вспоминая о своей прекрасной Франціи! И въ такіе годы!.. у порога могилы!... Начальникъ миссіи говорилъ потомъ, что Филиппъ отчасти забылъ свой родной языкъ. Я не знаю, помогъ ли какимъ либо образомъ генералъ этому, по истинѣ достойному состраданія, человѣку. Его мы больше не видали.

Вечеръ этого дня былъ посвященъ писанію писемъ въ Туркестанскій край и Европейскую Россію. Генералъ писалъ донесенія Туркестанскому Генералъ-Губернатору.

ГЛАВА III.

Карши.—Аму-Дарья.

Отъ Карши до Гюзара.—Характеръ степи.—Эпизодъ съ Гюзарскимъ бекомъ.—Гюзарскій еврей. — Горный путь отъ Гюзара до Ширъ-абада.—«Желѣзныя ворота».—Дневка въ Серъ-абѣ.—Джемадаръ-тюря.—Городъ Ширъ-абадъ.—Моя врачебная практика.— Пріѣздъ авганскаго посланца съ письмомъ.—Путь отъ Ширъ-абада до Чушка-Гюзара.—Перипетіи переправы миссіи черезъ Аму-Дарью.

На слѣдующій день, 8-го іюня, около 5-ти часовъ по полудни, мы выѣхали изъ Карши. Отъ этого города до Гюзара считаютъ около 50 верстъ пути по прямой дорогѣ. Генералъ рѣшилъ пройти это разстояніе въ одни сутки, такъ что половину пути нужно было сдѣлать вечеромъ этого дня, а другую половину на слѣдующее утро. На перепутьѣ, въ небольшомъ кишлакѣ Янги-кентѣ, предположено было сдѣлать небольшой отдыхъ.

Передъ выѣздомъ изъ Карши я велѣлъ осѣдлать себѣ коня только-что подареннаго эмиромъ. Это былъ огромный аргамакъ, рыжей масти и свирѣпаго вида. Меня прельстилъ исполинскій ростъ и я думалъ найти у него крупный шагъ. Но уже черезъ нѣсколько минутъ ѣзды, я долженъ былъ разочароваться въ своемъ подаркѣ: шагъ у него былъ совсѣмъ незавидный. Кромѣ того, онъ имѣлъ не совсѣмъ похвальное поползновеніе схватить за гриву или ударить задомъ то ту, то другую лошадь ѣхавшихъ со мной сосѣдей. Много мнѣ пришлось употребить хлопотъ и зоркости, чтобы во-время удержать коня отъ его совсѣмъ непозволительныхъ шалостей. Наконецъ я не выдержалъ, рѣшилъ пересѣсть на другаго. Для этого мнѣ пришлось остановиться и дождаться оставшихся, по обыкновенію, назади вьючныхъ и заводныхъ лошадей.

Возлѣ самой дороги протекаетъ здѣсь широкій «Бишъ-арыкъ», каналъ, отведенный изъ Кашка-Дарьи за многія версты выше этого мѣста, съ цѣлію орошенія мѣстныхъ полей. Я сѣлъ на берегъ канала, высокимъ брустверомъ подымавшійся надъ уровнемъ воды, и сталъ

дожидаться. Скажу кстати, что вообще всѣ оросительные каналы характеризуются здѣсь очень высокими берегами. Издали виденъ только довольно высокій валъ, и вы совсѣмъ не подозрѣваете, что этотъ валъ есть ничто иное какъ арыкъ. Когда вы уже совсѣмъ подъѣдете къ этому валу, то и тогда замѣчаете въ глубинѣ русла лишь слабую полоску воды. Такой видъ имѣютъ мѣстные оросительные каналы потому, что вода въ нихъ имѣетъ очень низкій уровень. Среднеазіатскія рѣки и рѣчки содержатъ огромное количество твердаго осадка, взвѣшеннаго въ водѣ и увлекаемаго ими механически. Поэтому русла арыковъ быстро мелѣютъ и со временемъ, вслѣдствіе возвышенія дна канала, совсѣмъ становятся неспособными проводить воду въ данномъ направленіи. Вслѣдствіе такого засоренія необходимо ихъ часто чистить, т. е. вырывать ежегодно, или время отъ времени, слой земли, нанесенный въ русло арыка. Эта земля складывается по обѣ стороны канавы и образуетъ со временемъ очень высокіе валы, которые, въ свою очередь, немало затрудняютъ орошеніе прилегающихъ къ нимъ полей. Можно—конечно до извѣстной степени—судить о давности оросительной канавы по ея берегамъ; чѣмъ выше и толще валы, окаймляющіе русло арыка, тѣмъ онъ старше.

Заходящее солнце уже заливало пурпуромъ необъятную степь, плоскую въ этомъ мѣстѣ, какъ доска, когда я, пересѣдлавъ лошадь, пустился въ карьеръ догонять миссію, далеко, тѣмъ временемъ, ушедшую впередъ. Скоро остались назади тихо плетущіеся вьюки, гуськомъ вытянувшіеся вдоль дороги; только отрывочный говоръ лаучей еще долго доносился до моихъ ушей, да гнусливая, подъ носъ напѣваемая, пѣсня казака-уральца давала знать, что въ степи есть и еще кто-то кромѣ меня. Я догналъ миссію уже тогда, когда солнце, бросивъ послѣдній пукъ расходящихся лучей, погрузилось въ вечерній туманъ, постепенно завладѣвавшій горизонтомъ.

Вскорѣ сдѣлалось такъ темно, что пришлось ѣхать чуть не ощупью. Дорога была очень изрыта, и лошади часто спотыкались. Ночь принесла съ собой непріятную свѣжесть, какая обыкновенно смѣняетъ дневной зной въ мѣстностяхъ открытыхъ, степныхъ. Ѣхать въ одномъ кителѣ стало очень непріятно. Понятно, что всѣмъ захотѣлось пріѣхать на ночлегъ поскорѣе. Тѣмъ не менѣе, пришлось еще много часовъ продремать въ сѣдлѣ, пока мы не услыхали звонкій лай, да-

леко разносившійся по степи—первый и наиболѣе вѣрный признакъ близости селенія. Вскорѣ, при поворотѣ изъ-за оплечья небольшаго кургана, сверкнула свѣтовая мигающая точка, на которую и взяли направленіе наши довольно таки утомившіеся кони. Передъ нами былъ кишлакъ Янги-кентъ [1]). Недалеко отъ кишлка насъ встрѣтилъ мѣстный аксакалъ, быстро соскочившій съ сѣдла при нашемъ приближеніи, и бросившійся пожимать всѣмъ намъ руки, подпрыгивая при этомъ къ сѣдлу каждаго всадника и стараясь въ темнотѣ поймать его руки.

Насъ принялъ въ свои объятія небольшой, пыльный караванъ-сарай, съ раскинутыми посреди его двора ветхими юртами. Очень вкусной показалась мнѣ теперь, послѣ длиннаго перехода, туземная незатѣйливая стряпня. За ужиномъ между топографомъ и генераломъ возникъ разговоръ на тему о неудобствѣ веденія маршрута ночью, но не смотря на то, что разговоръ принялъ довольно острый характеръ, я не дослушалъ его до конца; сонъ—могучій сонъ усталости—быстро овладѣлъ мною.

Не знаю долго ли я спалъ—только вдругъ я почувствовалъ, что меня толкаютъ. Открываю глаза и вижу, что въ кибиткѣ уже никого нѣтъ; только мой деньщикъ собираетъ вещи, объясняя мнѣ, что всѣ уже сѣли на лошадей, и что мой конь меня ожидаетъ совсѣмъ уже готовый. А между тѣмъ солнце еще не золотило отдаленнаго востока. За то «розоперстая вѣстница утра, Эосъ», посылала землѣ свой утренній привѣтъ. Я бы охотно отказался отъ воздушнаго поцѣлуя прекрасной греческой богини взамѣнъ нѣсколькихъ часовъ сна, но.... заскрипѣли ворота, повернулись на своихъ, никогда не мазавшихся саломъ, петляхъ и пропустили длинную вереницу гуськомъ слѣдовавшихъ другъ за другомъ всадниковъ, въ томъ числѣ и меня.

Опять въ путь дорогу! Опять та же голая степь мозолитъ глаза. Но вотъ горы, виднѣвшіяся на востокѣ до сихъ поръ только въ неясныхъ, общихъ очертаніяхъ, стали мало по малу, съ каждымъ шагомъ впередъ, пріобрѣтать болѣе и болѣе рельефный видъ. Слѣва появилась небольшая степная рѣчка, съ очень обрывистыми берегами, широкимъ русломъ и тонкимъ слоемъ воды въ немъ. Опять потяну-

[1]) Высота его надъ уровнемъ моря 1,150 ф. по Шварцу.

лись, и справа и слѣва, высокіе курганы и развалины древнихъ построекъ. Изъ за нихъ выглядывали двѣ-три жалкія деревушки, съ чахлыми деревцами въ садахъ. Нѣсколько оросительныхъ каналъ снова пересѣкли дорогу—и наконецъ вдали, почти у самыхъ горъ, завидѣлся городъ, изобилующій зеленью, какъ и всякій другой туземный городъ.—Здѣшніе города—это въ полномъ смыслѣ слова зеленѣющіе оазисы, разбросанные по пустынѣ. Тѣмъ не менѣе и эта пустыня носитъ въ себѣ неистощимые зародыши жизни, которая могла бы развиться во всемъ ея могуществѣ и разнообразіи формъ, если бы только было... достаточно воды. Здѣшняя почва, сама по себѣ, не оставляетъ желать ничего лучшаго. Это такъ называемый лёсъ, едва ли не самая благодарная изъ всѣхъ плодородныхъ почвъ. Но, нѣтъ воды—и нѣтъ жизни; безъ воды и эта богатая почва—мертва.

Вскорѣ, перейдя въ бродъ мелкую рѣченку, мы вступили въ городъ Гюзаръ[1]). Въ одномъ изъ садовъ, подъ сѣнью карагачей, были разбиты пестрыя бухарскія палатки, которыми мы и не замедлили воспользоваться.

Я расположился было записать въ дневникъ тѣ немногія впечатленія, вынесенныя мною изъ только что сдѣланной ночной поѣздки отъ одного степнаго города до другаго, но недоспанные часы ночи, усталость и пріятный свѣжій вѣтерокъ, такъ мягко шумѣвшій листвою карагачей—сдѣлали свое дѣло: черезъ нѣсколько минутъ я могъ быть причисленъ къ сонму праведниковъ, если только во снѣ, какъ гласитъ народная пословица, человѣкъ находится въ состояніи непогрѣшимости.

Мирахуръ (не Рахмет-Улла, который угощалъ насъ въ Карши, а другой,—мирахуръ мѣстнаго бека) по обыкновенію вступилъ въ свои права гостепріимнаго хозяина. Но генералъ потребовалъ отъ него, чтобы бекъ Акрэмъ-ханъ [2]), — одинъ изъ сыновей эмира бухарскаго,

---

[1]) Городъ Гюзаръ имѣетъ абсолютную высоту въ 1310 фут., астрономическое опредѣленіе: 38°36′18″ сѣв. шир. и 35°53′15″ вост. долготы отъ Пулкова (по Шварцу).

[2]) Старшій послѣ Катты-тюря, бѣжавшаго въ 1868 г. изъ Бухары; вслѣдствіе возмущенія противъ отца и укрывавшагося въ данное время въ Авганистанѣ.

принялъ на себя роль хозяина, а для этого явился бы въ наше помѣщеніе. Мирахуръ былъ видимо смущенъ подобнымъ требованіемъ, и незная что на это отвѣтить, наудачу сказалъ, что бекъ боленъ и, вслѣдствіе этого, не можетъ посѣтить посольство. Но генералъ не повѣрилъ наскоро придуманному предлогу и настаивалъ на своемъ желаніи. Послѣ этого мирахуръ отправился къ беку.

Часа черезъ два онъ возвратился къ намъ и привезъ тотъ же отвѣтъ, какой далъ и прежде. Вслѣдствіе этого генералъ сильно разсердился; онъ грозилъ написать эмиру, что въ Гюзарѣ его приняли не какъ слѣдуетъ. Не повѣривъ въ болѣзнь бека, генералъ послалъ къ нему 'Назирова съ цѣлію узнать, дѣйствительно болѣнъ бекъ, или нѣтъ. Н. отправился и черезъ нѣсколько минутъ привезъ извѣстіе, что бекъ, повидимому, здоровъ и обѣщалъ пріѣхать. На это заявленіе мирахуръ тотчасъ-же замѣтилъ, что у бека «ришта» [1]), и что по наружному виду нельзя судить о его болѣзни.

Вскорѣ послѣ этого послышались знакомые уже мнѣ вопли, которые здѣсь всегда сопровождаютъ проѣздъ особы царскаго рода, — и бекъ въѣхалъ въ садъ. Его заботливо сняли съ сѣдла и онъ, прихрамывая, поднялся въ палатку при содѣйствіи сопровождавшихъ его сановниковъ. Генералъ, тѣмъ временемъ только что ушедшій въ нарочно поставленную для этого случая отдѣльную палатку, былъ тотчасъ увѣдомленъ о прибытіи бека. Онъ вышелъ оттуда со строгимъ лицомъ. Поздоровавшись съ бекомъ, онъ сухо пригласилъ его садиться. Бекъ—слабый мужчина лѣтъ подъ 30, безбородый, съ идіотскимъ выраженіемъ въ карихъ глазахъ—молча опустился на пододвинутую ему табуретку. Послѣ этого генералъ обратился къ беку съ слѣдующею рѣчью (онъ говорилъ по турецки самъ, почти безъ помощи переводчика).

— Такъ между добрыми сосѣдями не дѣлается, обратился генералъ къ беку.—Вашъ отецъ, Джонаб-и-Али [2]), воздалъ должное

---

[1]) Ришта (filaria medinensis)—очень распространенная мѣстная паразитная болѣзнь. Она имѣетъ еще и другія названія, какъ напр., гвинейскій червь, мединскій червь. Эта болѣзнь была извѣстна въ Средней Азіи еще во времена процвѣтанія здѣсь арабской медицинской школы.

[2]) Джонаб-и-Али — въ русск. перев. значитъ высокій господинъ; какъ титулъ это названіе соотвѣтствуетъ выраженію: Ваше Высочество; но адми-

почтеніе Русскому посольству, которое Бухара имѣетъ счастіе видѣть на своей землѣ, а вы не хотѣли посѣтить насъ!.. Вы бы должны были это сдѣлать, какъ гостепріимный хозяинъ... Я уже рѣшился было о вашемъ поступкѣ написать вашему отцу, эмиру, а вѣдь онъ не замедлилъ-бы учинить за это примѣрное наказаніе (генералъ употребилъ при этомъ слово «чубукъ»—палка).

Глаза бека при послѣдней фразѣ загорѣлись какимъ-то дикимъ огнемъ; онъ сосредоточенно смотрѣлъ на одну точку. Окружавшіе его придворные тоже сосредоточенно молчали, насупивъ брови. Мирахуръ сидѣлъ точно на иголкахъ, не смѣя поднять глазъ и пошевельнуть какимъ либо членомъ. Минута была тяжелая и опасная. Произнеси бекъ одно слово, подай лишь знакъ—и... ножи его свиты, рукоятки которыхъ въ этотъ моментъ судорожно сжимала не одна пара рукъ, окрасились бы въ русской крови. Это было большое испытаніе для бека. И оно было очень тяжело для него...

Робкимъ, плаксивымъ голосомъ, точно нищій, вымаливающій на базарномъ перекресткѣ себѣ милостыню, началъ мирахуръ извиняться за бека: «Тюря-джанъ боленъ... онъ и не думалъ оскорбить русское посольство... напрасно генералъ гнѣваться изволитъ... зачѣмъ писать Хазрету» (т. е. эмиру)? и т. п.—Генералъ продолжалъ и еще нѣкоторое время говорить въ томъ же тонѣ, но мало по малу рѣчь его смягчалась и онъ закончилъ ее словами, что «теперь, когда бекъ пріѣхалъ,—онъ забудетъ все, и что теперь между нимъ и бекомъ можетъ быть только дружба».

Бекъ сидѣлъ точно въ воду опущенный. Мирахуръ какъ будто слегка повеселѣлъ.

Послѣ извиненія мирахура генералъ сказалъ, что болѣе не сердится и велѣлъ принести нѣсколько почетныхъ халатовъ. Самый лучшій изъ нихъ онъ поручилъ переводчику Назирову надѣть на бека. Бекъ не надѣлъ однако халата, а только принялъ его и сейчасъ же передалъ махрамъ-баши. Казалось бы, что теперь беку можно было откланяться и уѣхать восвояси. Но судьба видно хотѣла, на этотъ разъ, переполнить для него чашу испытаній. — Послѣ этого генералъ

нистрація Русскаго Туркестана, насколько мнѣ извѣстно, всегда придавала этому титулу только значеніе Его Высокостепенства.

предложилъ беку чаю. Отказаться отъ предложенія, по азіатскимъ обычаямъ гостепріимства, нельзя было. Сейчасъ же махрамъ-баши потребовалъ отъ одного изъ прислужниковъ чайную чашку принца. Когда она была налита чаемъ, то самъ махрамъ-баши подалъ ее своему господину, ставъ при этомъ на колѣни. Исполняя этотъ обычай, онъ точно желалъ особенно оттѣнить свою преданность и уваженіе къ беку, и продолжалъ стоять на колѣняхъ во все время пока бекъ пилъ чай.—Не сладокъ, вѣроятно, показался «чай-ширинъ» бѣдному беку. Впрочемъ, я готовъ пари держать, что онъ не могъ бы потомъ сказать: съ сахаромъ былъ чай, или безъ сахара,—такъ, вѣроятно, мало думалъ онъ въ это время о чаѣ. Подъ конецъ визита генералъ пробовалъ уже шутить, но гости, за исключеніемъ мирахура, сохраняли свои деревянныя физіономіи. Вскорѣ бекъ поднялся съ мѣста, пожалъ генералу руку и, опираясь на руки приближенныхъ, добрался до своей лошади, на которую и былъ посаженъ предупредительными руками своей свиты.

Черезъ нѣсколько минутъ бекъ прислалъ миссіи обычные подарки.

— Я такъ и думалъ, говорилъ потомъ топографъ, котораго мы почему то прозвали фотографомъ,—что вотъ, вотъ блеснутъ ножи и кривыя сабли, когда генералъ дѣлалъ выговоръ Тюря-джану...

— А я въ это время думалъ удрать изъ палатки, шутилъ Малевинскій.

— Ну, вѣдь они трусы!—замѣтилъ генералъ.

— Да. дѣло вышло бы тогда скверное, философски замѣтилъ полковникъ.

Тѣмъ всѣ дѣло и кончилось.

Генералъ рѣшилъ выступить изъ города часа въ 4 пополудни, а ночевать въ Кушъ-лушѣ, кишлакѣ, отстоящемъ отъ Гюзара верстъ на 20-ть. Теперь путь предстоялъ по горамъ почти вплоть до самой Аму.

Среди бухарской челяди, прислуживавшей намъ здѣсь, рѣзко выдѣлялся одинъ человѣкъ. Длинные пейсы, развѣвавшіеся на вискахъ, сразу опредѣляли его національность. Съ пейсами весьма хорошо гармонировалъ этотъ типичный носъ, какъ у хищной птицы,—носъ, который можно было бы съ такимъ же правомъ обособить въ

отдѣльный видъ, какъ греческіе и римскіе носы, и назвать его просто—еврейскимъ. Этотъ человѣкъ былъ первый еврей, котораго я встрѣтилъ въ бухарскомъ ханствѣ. Онъ былъ одѣтъ въ такой же костюмъ, какъ и туземцы, только на головѣ у него была низкая, неуклюжая баранья шапка, вмѣсто обычной чалмы среднеазіатца-мусульманина. По бухарскимъ законамъ «невѣрнымъ» воспрещено ношеніе чалмы. Только «сыны ислама» могутъ обвивать ею свое чело.

Жидъ былъ такой же юркій, какъ и вся его собратія, разсѣянная «по лицу земли». Засаленныя полы его халата быстро развѣвались отъ вѣтра, когда онъ торопливо бѣжалъ, исполняя какое либо порученіе. Спустя нѣсколько времени послѣ пріѣзда миссіи, онъ осмѣлился войти къ намъ въ палатку, помогая бухарской прислугѣ въ исполненіи различныхъ дѣлъ; черезъ нѣсколько минутъ онъ принесъ какое то кушанье. При этомъ онъ сказалъ довольно чисто по русски: здравствуй!—Далѣе оказалось, что онъ состоитъ у бека чѣмъ-то вродѣ управляющаго или ключника, и умно пользуется своимъ положеніемъ, извлекая для себя всѣ возможныя выгоды. Туземцы говорили, что онъ нажилъ такимъ образомъ порядочное состояніе.

Въ Гюзарѣ живетъ нѣсколько десятковъ еврейскихъ семействъ. Они занимаютъ отдѣльный кварталъ, а на базарѣ—отдѣльную улицу. Здѣсь они не только народъ торговый, но и ремесленники. Никто лучше ихъ не умѣетъ красить матеріи; они пекутъ лучшій хлѣбъ въ городѣ. Повидимому евреи составляютъ здѣсь полезное населеніе.

Генералъ разговорился съ этимъ евреемъ. Онъ разспрашивалъ оригинальнаго фактотума бека о разныхъ вещахъ, между прочимъ объ авганцахъ), и наконецъ задалъ этому бухарскому жиду даже вопросъ такой важности: примутъ ли авганцы русскую миссію, или нѣтъ?—На этотъ вопросъ еврей совершенно развязно отвѣчалъ, что «конечно примутъ, ибо эти авганцы—паршивый народъ; они очень обрадуются, узнавъ, что великое Русское государство посылаетъ къ нимъ своихъ пословъ». Потомъ еврей распространился о томъ, какіе «собаки» и «разбойники» эти авганцы, какъ они жадны, лѣнивы и грубы; вообще онъ не скупился на совсѣмъ нелестные эпитеты для нашихъ сосѣдей и будущихъ союзниковъ. Несомнѣнно, что онъ имѣлъ

причины такъ поносить своихъ «названныхъ братьевъ»[1]). Извѣстно, что авганцы—заклятые враги евреевъ; никого такъ глубоко они не презираютъ, какъ евреевъ.

Генералъ, по окончаніи разговора съ евреемъ, велѣлъ подарить ему халатъ. Глаза еврея заблистали отъ радости и онъ, потряхивая пейсами и прижавъ руки къ желудку, отвѣсилъ генералу нѣсколько низкихъ поклоновъ.

Затѣмъ, опять въ сѣдло и—маршъ по пыльной дорогѣ! Городъ съ садами скоро остался назади. Мы постепенно поднимались на гору. Спустя нѣкоторое время дорога, достигнувъ вершины горы и перегнувшись въ ея сѣдловинѣ, начала опять спускаться внизъ. Теперь гора совсѣмъ закрыла собой городъ. Впереди возвышаются каменные холмы, безъ всякаго признака жизни, растительности. На право шумно реветъ рѣка, только что вырвавшаяся здѣсь изъ горъ на свободу. На противоположномъ берегу рѣки бродитъ разбросавшееся стадо овецъ. Вотъ и все. Виды мало приковывали къ себѣ мое вниманіе. Поневолѣ приходилось глядѣть «промежъ ушей лошади»[2]), да думать свою, чисто механическую, думу. И какихъ только пустяковъ не передумаешь въ это время, монотонно покачиваясь въ сѣдлѣ, когда глаза ничѣмъ не заняты! Процессъ мысли совершается какъ-то автоматично, точно заведенная машина; въ это время онъ не очень то стѣсняется законами ассоціаціи представленій. Иногда, очнувшись отъ такого мыслительнаго забытья, если можно такъ выразиться, долго ищешь связи между обрывками сужденій, удержанными въ памяти, понятно, чисто механически—и, часто, такъ и не находишь того моста, по которому проходятъ иногда столь противоположныя представленія. Людямъ, незнакомымъ съ нескончаемой верховой ѣздой изо дня въ день, только что описанное состояніе мыслительнаго процесса, по всей вѣроятности, покажется непонятнымъ. Но оно будетъ понятно всякому, знакомому съ чисто механической работой—будетъ ли это вязанье чулокъ, строганье досокъ или работа аршиномъ за прилавкомъ. Эти люди знаютъ, какъ иногда имъ приходится ловить себя на какой нибудь мысли, спрашивая себя: «что

---

[1]) Авганцы производятъ себя отъ уведенныхъ Салманассаромъ въ плѣнъ 10-ти колѣнъ израилевыхъ.

[2]) Одно изъ классическихъ правилъ правильной кавалерійской ѣзды (?).

это? о чемъ это я теперь думаю? вѣдь я только что хотѣлъ рѣшить такой-то вопросъ, а вѣдь то, что я теперь думаю, какъ будто совсѣмъ не вяжется съ предъидущимъ?» Человѣкъ до извѣстной степени привыкшій анализировать свои мысли, непремѣнно захочетъ при этомъ прослѣдить связь между представленіями, и часто находитъ поразительные скачки въ области ассоціаціи. Мнѣ самому иногда приходилось отъ души хохотать надъ собой, при отысканіи нѣкоторыхъ такихъ скачковъ. Если потомъ захочешь узнать—каковъ въ данномъ случаѣ результатъ думъ, то затруднишься сказать его. Поэтому совершенно понятны отвѣты лицъ, застигнутыхъ въ моментъ подобнаго механическаго мышленія вопросомъ: о чемъ они думаютъ? — что они «ни о чемъ не думаютъ». Совершенно вѣрно! Ибо нельзя же думой назвать чисто механическую рефлексію. Если же вопрошающій продолжаетъ настаивать на своемъ вопросѣ, то вопрошаемый только послѣ извѣстнаго усилія,—напряженія воспоминанія, сможетъ сказать предметъ своихъ думъ. Но въ это-то время, онъ уже дѣйствительно думаетъ, т. е. вполнѣ сознательно относится къ мыслительному процессу.

Вотъ въ такое-то состояніе я теперь и погрузился. Изрѣдка лишь я выходилъ изъ него. Это—когда лошадь спотыкалась, или приходилось ѣхать надъ самой рѣкой, по обрывистому берегу. Двѣ, три смѣло вздымающіяся скалы также только на нѣсколько минутъ овладѣвали моимъ вниманіемъ.

Солнце уже давно скрылось гдѣ-то за горами; вечернія тѣни сгущались все болѣе и болѣе; ночная мгла уже охватила всю непирокую долину рѣчки,—когда мы доѣхали до мѣста ночлега. Вотъ и Кушъ-лушъ [1]). Нѣсколько закоптѣлыхъ юртъ разбито на лугу у самаго берега рѣчки. Невдалекѣ отъ нихъ слабо мерцаетъ пламя едва тлѣющаго костра. Вслѣдъ за нами подтянулись и вьюки.

На слѣдующій день, рано утромъ, вьюки гуськомъ, медленно ползли уже по крутой тропинкѣ въ гору, когда и мы снялись съ мѣста. Опять пришлось перейти рѣчку въ бродъ. Она была въ этомъ мѣстѣ такъ глубока, что явилось опасеніе—не подмокли ли вьючные ящики. А въ

---

[1]) Кушъ-лушъ по русски значитъ—сліяніе, соединеніе; здѣсь соединяются въ одинъ потокъ двѣ горныя рѣчки.

другихъ мѣстахъ лошади могли переходить рѣку только вплавь. Медленно, съ частыми остановками, взбирались мы въ гору. На самой вершинѣ подъема, образовавшей горбину невысокаго перевала, остріемъ торчала гранитная полоса, образуя, въ буквальномъ смыслѣ слова, «гребень» горы. Отсюда открывался довольно обширный видъ на окружающую мѣстность. На далекомъ востокѣ и сѣверѣ синева горъ вѣнчалась яркой полосой вѣчныхъ снѣговъ, широкой пеленой покрывавшихъ горныя массы. На западѣ открывалась безбрежная, какъ океанъ, уходящая вдаль степь. У самыхъ же ногъ растилалось море холмовъ, какъ бы каменныхъ волнъ, то мягко округленныхъ, то рѣзко возвышавшихъ свои острые ребра и гребни... Я въ первый еще разъ созерцалъ настоящій горный ландшафтъ. Понятно, что эта картина произвела на меня сильное впечатлѣніе. Я жадно вдыхалъ, полной грудью, свѣжій, чистый, живительный горный воздухъ.

Нѣсколько минутъ спустя, наша кавалькада также тихо спускалась въ неглубокую долину, мѣстами зеленѣвшую посѣвами хлѣбовъ. Вотъ съ нами поравнялось цѣлое стадо ословъ; они усердно тащили на своихъ крѣпкихъ хребтахъ по два толстыхъ арчевыхъ кола. Погонщики ихъ равнодушно посмотрѣли на насъ, перебросились нѣсколькими словами съ нашими лаучами—и продолжали свое монотонное шествіе.

Пробираясь берегомъ все той же рѣчки, которая теперь значительно съузилась, мы дошли до эфектнаго ущелья «Акъ-даганъ» [1]). Это ущелье находится въ поперечномъ къ оси рѣки, мощномъ известковомъ кряжѣ. Рѣчка буквально пробуравила этотъ кряжъ; обѣ стороны ущелья отвѣсно падаютъ къ самой водѣ и, въ нижней своей части, гладко отшлифованы рѣкой. Стѣны возвышаются по обѣимъ сторонамъ ущелья саженъ на 20.

Затѣмъ, слѣдуя все параллельно руслу рѣчки, теперь ставшей уже ручьемъ, мы достигли ея истоковъ при деревнѣ Чашма-и-Хафизанъ. Дорога во весь переходъ была безлѣсна. Только въ одномъ мѣстѣ мы прошли мимо одинокой исполинской арчи. Отъ этой арчи и самое урочище получило названіе «Екь арча» [2]), что въ русскомъ пе-

---

[1]) Въ русскомъ переводѣ значитъ «бѣлый проходъ».

[2]) Высота Екь-арчи надъ уровнемъ океана 3,150 фут. по Шварцу.

реводѣ значитъ: одна арча. Рядомъ съ арчей возвышался шестъ съ тряпками—знакъ, что здѣсь находится могила какого-то мусульманскаго святого. Нетрудно было понять, почему уцѣлѣла эта единственная арча, между тѣмъ какъ кругомъ не было ни одного деревца: дерево это посвящено тому святому, кости котораго покоятся въ его корняхъ. Это обстоятельство охраняло дерево отъ порубки лучше, чѣмъ всевозможные приказы начальства. Среднеазіатцы вообще любятъ приписывать старымъ, величественнымъ деревьямъ какое либо особенное значеніе. Непремѣнно окажется, если вы дадите себѣ трудъ спросить объ этомъ, что оно или посажено руками святаго, или было ему полезно своей тѣнью. Отсюда и происходитъ почитаніе большихъ деревьевъ. Очень можетъ быть, что тутъ сказалась инстинктивная забота воспрепятствовать полному истребленію лѣсовъ. Но еще вѣроятнѣе, что въ данномъ случаѣ сказывается стремленіе не только азіатцевъ, но и вообще всего человѣчества—придавать особыя значенія предметамъ, наиболѣе выдающимся изъ ряда другихъ. Если это такъ, то подобное явленіе, мнѣ кажется, можно признать какъ остатокъ древняго фетишизма.—Чашма-и-Хафизанъ [1])—небольшая деревушка, пріютившаяся у подножія горъ, вздымающихся съ востока отъ нея отвѣсной стѣной въ нѣсколько сотъ футъ. Здѣсь мы ночевали.

На слѣдующій день, 11-го іюня, холодъ заставилъ насъ встать еще раньше, чѣмъ это предполагалось: t^0 въ 5 часовъ утра, въ тѣни палатки, достигала только 12° С. Сверхъ кителей пришлось надѣть пальто. Въ этотъ день мы перевалили черезъ невысокій перевалъ Акъ-раббатъ и проѣхали знаменитымъ ущельемъ. Въ древности это ущелье называлось «Желѣзными воротами» [2]). Еслибы въ немъ и не было поставлено массивныхъ желѣзныхъ воротъ, о которыхъ разсказываетъ знаменитый китайскій путешественникъ 7-го вѣка по Р. Хр., Сюань-Цань, то и тогда названіе имѣло бы смыслъ. Мрачныя, черныя скалы ущелья, отвѣсно вздымающіяся на десятки саженъ, походятъ на гигантскія желѣзныя вереи воротъ. Тѣмъ не менѣе, въ настоящее время это ущелье у туземцевъ зовется «Бузголе-хана», т. е.

[1]) Высота Чашма-и-хафизанъ надъ уровнемъ океана 3,540 фут. по Шварцу.

[2]) Высота «Желѣзныхъ воротъ» надъ уровнемъ моря: западный конецъ ущелья 3,740 ф. восточный—3,540 ф. по Шварцу.

въ переводѣ съ персидскаго—«козій домъ». Я не могъ добиться отъ туземцевъ болѣе или менѣе правдоподобнаго объясненія такого названія ущелья. Длина ущелья равняется почти двумъ верстамъ; оно представляетъ собою буквально трещину въ поперечномъ гранитномъ хребтѣ горъ. Впрочемъ, гранитъ образуетъ преимущественно низшій слой горнаго разрѣза; верхніе же слои состоятъ изъ пластовъ сланца. Ущелье мѣстами съуживается до 5 шаговъ ширины и нигдѣ не превосходитъ 30. Дорога крайне затруднительна, вслѣдствіе огромныхъ камней, обвалившихся со стѣнъ ущелья и загромождающихъ его. Тѣмъ не менѣе въ 1875 г. бухарцы ухитрились провезти по этой дорогѣ тяжелую артиллерію въ Гиссаръ. Весной, во время таянія снѣговъ, по ущелью несется яростный горный потокъ, и тогда сообщенія по нему нѣтъ; тогда обходятъ ущелье вправо, черезъ невысокій перевалъ.

Интересно описаніе этого ущелья, сдѣланное извѣстнымъ китайскимъ путешественникомъ Сюань-Цанемъ, который, кажется, первый по времени, описалъ его. Послѣ трехдневнаго пути по этимъ горамъ [1]) въ югозападномъ направленіи путешественникъ вошелъ въ проходъ, называемый «Желѣзными воротами». «Это тѣснина», говоритъ онъ, «между двухъ горъ, которыя поднимаются параллельно, справа и слѣва, до изумительной высоты. Раздѣляетъ ихъ только тропинка, чрезчайно узкая и крутая. Двѣ горы образуютъ съ двухъ сторонъ громадныя стѣны, цвѣта желѣза. Проходъ запирается створчатыми воротами, обитыми желѣзомъ и къ воротамъ привязано множество колоколовъ. Отъ этого обстоятельства, равно какъ и отъ трудности и силы прохода, онъ и получилъ свое названіе» [2]).

Изъ этого описанія видно, что дно ущелья уже въ историческія времена было гораздо выше, чѣмъ теперь (тропинка крутая). За неимѣніемъ другаго стока для весеннихъ водъ изъ долины, расположенной выше ущелья, онѣ должны были въ ней скопляться. Такимъ образомъ передъ ущельемъ должно было образоваться озеро. Мнѣ кажется, что котловина, изъ которой ведетъ это ущелье, еще и теперь носитъ характеръ бывшаго озера; дно этой котловины состоитъ изъ

[1]) Сюань Цань ѣхалъ изъ Кеша (Шахрисябся) въ долину Аму, въ Тохарское царство.

[2]) Юль. Очеркъ географіи и исторіи верховьевъ Аму-Дарьи, перевела О. Федченко, 1873 г. стр. 17.

наносной земли. На днѣ котловины разсѣяны въ безпорядкѣ огромные камни. Это предположеніе имѣетъ нѣкоторую долю вѣроятія, но... тотъ же Сюань-Цань ничего не говоритъ объ озерѣ. Теперь ущелье, правда, все еще очень узко и представляется узкой тропой, но не только не идетъ круто, но почти горизонтально, съ легкими пониженіями и повышеніями. 1200 слишкомъ лѣтъ, протекшихъ со времени Сюань-Цаня до нашего, сильно измѣнили физіономію ущелья, и горный потокъ сдѣлалъ свое дѣло, смывъ даже и малѣйшій намекъ на перевалъ въ этомъ ущельѣ [1]).

600 лѣтъ спустя, кажется, этимъ ущельемъ проходилъ другой китаецъ, Чанъ-Чунь, слѣдуя тоже изъ Кеша въ Тохаристанъ, для свиданья съ Чингизъ-ханомъ. Но описаніе его очень не точно, такъ что заставляетъ сомнѣваться въ проѣздѣ его здѣсь. Вотъ его текстъ [2]): «Слѣдуя на юго-востокъ (отъ Кеша), мы переѣхали черезъ одну гору; гора чрезвычайно высока и велика; камни грудами лежали въ безпорядкѣ; солдаты сами тащили телѣги; уже черезъ два дня мы достигли передней стороны горы. Мы поѣхали по потоку на югъ, а конвой углубился на сѣверъ, для разбитія разбойниковъ. Черезъ пять дней мы прибыли къ небольшой рѣкѣ, которую переплыли на суднѣ; оба берега опушены густымъ лѣсомъ; на 7-й день мы переправились на суднѣ черезъ большую рѣку, которая и есть «Аму-Мулянъ».

Въ этой выдержкѣ только общее, съ Сюань-Цаневымъ, направленіе пути и наводитъ на предположеніе, что Чанъ-Чунь проходилъ знаменитымъ ущельемъ, именно: «слѣдуя на юго-востокъ»... Между тѣмъ, у Сюань-Цаня детали говорятъ за то, что онъ проходилъ означеннымъ ущельемъ, тогда какъ общее направленіе пути, показанное въ его описаніи, заставляетъ читателя усумниться въ этомъ, а именно мы читаемъ у него: «послѣ 3-хъ дневнаго пути въ юго-западномъ

---

[1]) Впрочемъ въ переводѣ Сюань-Цаневыхъ мемуаровъ у St. Julien'a вотъ какъ описывается это ущелье: «on appelle ainsi (les Portes de fer) les gorges de deux montagnes parallèles, qui s'élèvent à droite et à gauche et dont la hauteur est prodigieuse. Elles ne sont separées que par un sentier, qui est fort étroit et en outre hérissé de précipices» (vol. I, p. 23). Это hérissé de précipices, у О. Федченко переведено словомъ: «крутая» (тропинка), что, очевидно, не одно и тоже.

[2]) Палладій, труды Россійской духовной миссіи въ Пекинѣ, т. IV, стр. 319.

направленіи путешественникъ вошелъ въ проходъ»... и т. д. Если отъ Кеша ѣхать 3 дня въ юго-западномъ направленіи,—къ Аму-Дарьѣ, конечно, можно придти, но ужъ никакъ не къ «Желѣзнымъ воротамъ». Для этого надо непремѣнно ѣхать изъ Кеша въ юго-восточномъ направленіи [1]).

800 лѣтъ спустя, (въ 1404 году, 24 августа, въ понедѣльникъ). «Желѣзными воротами» прошелъ, вѣроятно, первый европеецъ,—посланникъ испанскаго короля Генриха III, Рюи-Гонзалесъ де Клавихо, посланный къ Тамерлану.

Онъ такъ описываетъ этотъ проходъ [2]): «Эта гора очень высокая и въ этомъ мѣстѣ есть проходъ, которымъ можно пройти сквозь гору по трещинѣ; и кажется, точно онъ продѣланъ человѣческими руками, потому что съ обѣихъ сторонъ поднимаются очень высокія горы, а проходъ ровный и очень глубокій. Посреди этого горнаго прохода стоитъ селенье, а надъ нимъ очень высоко поднимается гора.. Этотъ проходъ въ горахъ называется: «Желѣзныя ворота» и во всей этой цѣпи горъ нѣтъ другаго прохода, кромѣ этого. Онъ защищаетъ Самаркандское царство, такъ какъ со стороны малой Индіи нѣтъ другаго прохода, кромѣ этого, чтобы войти въ царство Самаркандское и точно также жители Самаркандскаго царства не могутъ пройти въ Индію иначе, какъ черезъ этотъ проходъ. Этими Желѣзными воротами владѣетъ Тимуръ-бекъ и они приносятъ ему большой доходъ, потому что черезъ нихъ проходятъ купцы изъ малой Индіи въ Самаркандское царство. Горы, въ которыхъ находятся Желѣзныя ворота, не покрыты лѣсомъ; говорятъ, что въ этомъ проходѣ отъ горы къ другой были ворота, всѣ покрытыя желѣзомъ и никто не смѣлъ пройти въ нихъ безъ позволенія».

Не много раньше (въ 1398 г.) этого путешественника Желѣзны-

---

[1]) Впрочемъ къ такому заключенію можно придти опять таки только тогда, если удовольствоваться только выдержкою Федченки. Читая же переводъ St. Julien'a, становится ясно, что китайскій путешественникъ сначала дѣйствительно ѣхалъ въ юго-западномъ направленіи, а потомъ повернулъ на юго-востокъ. Съ большой вѣроятностью можно предположить, что поворотъ этотъ былъ сдѣланъ Сюань-Цанемъ въ Гюзарѣ.

[2]) Рюи-Гонзалесъ де Клавихо, «Путешествіе въ Самаркандъ въ 1403—6»; стр. 230,—2. перев. И. И. Срезневскаго.

ми воротами проходилъ съ войсками грозный Тимуръ, возвращаясь изъ индійскаго похода.

Затѣмъ до 1875 г., кажется, ни одинъ европеецъ не былъ въ этомъ ущельѣ. Въ этомъ году здѣсь прошли Маевъ, Петровъ и Шварцъ...

Причудливыя очертанія скалъ ущелья дѣлались еще привлекательнѣе оттого, что во многихъ мѣстахъ они отѣнялись зеленью фисташковыхъ и миндальныхъ деревьевъ. Многія деревья запустивши свои цѣпкія корни въ трещины скалъ, росли горизонтально и буквально висѣли надъ головой путешественника. Во многихъ мѣстахъ висѣли гирлянды плюща.

Изъ этой щели мы выѣхали къ рѣчкѣ Шуръ-абъ, свойства которой видны изъ названія: шуръ-абъ—соленая вода [1]). Рѣчка протекаетъ среди горной лощины. Подкрѣпивъ здѣсь отдыхомъ себя и коней, мы отправились далѣе. Пришлось пройти въ этотъ день еще однимъ не менѣе грандіознымъ ущельемъ, чѣмъ и Желѣзныя ворота, называющимся по имени рѣчки Шуръ-абъ. Потомъ переваливъ черезъ два перевала, и сдѣлавъ верстъ 7—8 по узкой лощинѣ, мы добрались до ночлега, назначеннаго въ кишлакѣ Сэръ-абъ, или Сейръ-абъ.

Прежде всего, что особенно привлекло наше вниманіе, когда, обогнувъ послѣдній холмъ, мы спустились въ кишлакъ,—это два великана чинара. Они ростутъ по обоимъ берегамъ прозрачнаго, игриваго ручья, давая обширную тѣнь, подъ которой помѣстились и наши юрты, и убогая мечеть деревушки, и два небольшіе резервуара, изобилующіе рыбой (маринкой). Одинъ изъ чинаровъ въ данное время уже отживалъ свой вѣкъ; вершина его высохла, вѣтви обломались, а внутри была такая огромная пустота, что въ ней помѣстился на житье со всей своей семьей сторожъ мѣстной мечети. Другой чинаръ—еще колоссальнѣе и обладаетъ полной мощью и крѣпостью. Онъ возвышается надъ ручьемъ по крайней мѣрѣ саженъ на 15. Вѣтви его составляютъ цѣлую рощицу; окружность его ствола на высотѣ $2^1/_2$ арш. отъ земли равняется 45 четвертямъ, что даетъ для діаметра значительно болѣе сажени. Свѣтлозеленая, матовая, бархатная кора его свидѣтельсвовала объ избыткѣ соковъ. На сѣверной сторонѣ ствола существуетъ пер-

[1]) Тѣмъ не менѣе вода въ этой рѣчкѣ нисколько не солона.

сидская надпись: «Маевъ и Петровъ 1875 г.» Возрастъ этого колосса доженъ быть весьма почтененъ. Туземцы говорятъ, что подъ его тѣнью отдыхалъ послѣ труднаго похода въ сосѣднія горы IV-й калифъ, Алій. Слѣдовательно народная молва даетъ этому дереву около 1200 лѣтъ; но эта цифра конечно очень преувеличена. Нужно при этомъ замѣтить, что среднеазіатцы обыкновенно пріурочиваютъ къ Алію чуть ли не всякій выдающійся предметъ, или чѣмъ либо замѣчательную мѣстность. Такъ, городъ Ширабадъ также считается построеннымъ Аліемъ, въ честь котораго будто-бы этимъ именемъ и названъ («ширъ»—левъ одинъ изъ эпитетовъ Алія, и «абадъ»—селеніе, городъ). Но вычисленія, выведенныя изъ величины ежегоднаго прироста дерева и его діаметра, даютъ цифру лѣтъ приблизительно въ 800, 900.—Внизъ по теченію ручья стояли меньшіе колоссы, орѣховыя деревья. По обѣ стороны ручья тянулись обширные сады, перекинутые съ переднихъ холмовъ въ овраги и затѣмъ снова взбирающіеся на дальнѣйшіе холмы. Среди зелени садовъ виднѣлись глиняныя постройки, жилища туземцевъ. Кишлакъ заключаетъ въ себѣ около 200 дворовъ и расположенъ на высотѣ 2,790 футовъ [1]) надъ уровнемъ моря. Населеніе кишлака все состоитъ изъ таджиковъ. Это прелестное, чарующее взоръ мѣстечко, съ востока и запада защищено круто возвышающимися горами. Западный кряжъ, въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ отъ деревни, отвѣсно поднимается на 2,000—3,000 футъ, сверкая на солнцѣ еще уцѣлѣвшими, въ данное время, клочками зимняго снѣга. Ребра и трещины скалъ отѣнены рѣдкими арчевыми деревьями, издали кажущимися зеленоватымъ мохомъ.

Здѣсь генералъ назначилъ дневку. Сутки были проведены великолѣпно. Въ ручьѣ можно было выкупаться и освободиться отъ пыли, насѣвшей на тѣло во время предыдущаго пути и дававшей себя чувствовать зудомъ во всемъ тѣлѣ. Въ этотъ день генералъ опять разсказывалъ объ авганцахъ.

Понятно, что мы съ большимъ вниманіемъ слушали его, стараясь запомнить каждое слово. Это была единственная, въ настоящее время, возможность познакомиться съ Авганистаномъ. Впрочемъ, потомъ у генерала оказались нѣкоторые изъ источниковъ по географіи и исто-

[1]) По Шварцу.

ріи Авганистана и вообще Средней Азіи. Такъ между прочимъ были книги: Григорьева, «Кабулистанъ и Кафиристанъ» и «Восточный Туркестанъ», «Кабулъ«» Бёрнса, «Походы Александра Македонскаго» Квинта-Курція и проч.

Разсказывая о географическихъ особенностяхъ Авганистана, генералъ очень восхвалялъ растительность страны.—«Тамъ вѣдь», говорилъ онъ, «совсѣмъ не то, что мы видѣли здѣсь, проѣзжая по этимъ безжизненнымъ, каменнымъ массамъ; тамъ, по разсказамъ путешественниковъ, горы покрыты лѣсами, прозрачные ручьи и рѣчки текутъ по ущельямъ, вообще страна въ полномъ смыслѣ прекрасная. Не даромъ Авганцы такъ любятъ свою страну и такъ стойко ратуютъ за свою независимость. Да и сами авганцы, продолжалъ генералъ,— это совсѣмъ не то, что бухарцы: эти халатники и—только. Совсѣмъ другое дѣло авганцы; у нихъ сохранилось въ характерѣ нѣчто средне-вѣковое, рыцарское»...

Генералъ посовѣтовалъ мнѣ учиться по персидски, и я въ тотъ же день, съ его словъ, записалъ и заучилъ нѣсколько десятковъ словъ и фразъ.

Въ тотъ же день составъ миссіи увеличился еще нѣсколькими личностями.

Около полудня 12-го іюня, когда мы наслаждались дневкой въ тѣни огромнаго чинара, мимо нашихъ палатокъ проѣхалъ одинъ высокій старикъ, съ большой сѣдой бородой. Онъ былъ одѣтъ по азіатски весьма прилично и держалъ себя съ большимъ достоинствомъ. За нимъ ѣхало нѣсколько человѣкъ прислуги, съ нѣсколькими вьючными лошадьми. Онъ уже скрылся за сосѣднимъ холмомъ, когда Заманбекъ призналъ его и сообщилъ объ этомъ полковнику Р. Этотъ, послѣдній, сейчасъ же сообщилъ генералу, который и рѣшилъ послать за проѣхавшимъ старикомъ и попросить его вернуться. Тотчасъ былъ посланъ верховой, а черезъ нѣсколько минутъ мы увидали этого почтеннаго человѣка ѣдущимъ назадъ. Онъ подъѣхалъ къ нашимъ юртамъ и, по приглашенію генерала, вошелъ въ одну изъ нихъ. Путникъ сейчасъ же узналъ З. и подружески, какъ со старымъ знакомымъ, поздоровался съ нимъ. Личность эта заслуживаетъ полнаго вниманія съ нашей стороны. Поэтому я сообщу о немъ нѣсколько, какъ я думаю, не лишнихъ словъ.

Старикъ этотъ извѣстенъ въ Средней Азіи подъ именемъ Джамадара-тюри. Онъ родился въ Пенджабѣ, недалеко отъ Лагора. Свою военную карьеру началъ еще въ войскахъ Ренджитъ-Синга. Послѣ смерти послѣдняго и перехода владѣній Сейковъ въ загребистыя руки англичанъ, онъ перенесъ свою военную дѣятельность въ Среднюю Азію. Во время штурма генераломъ Черняевымъ г. Ташкента (въ ночь съ 14-го на 15-е іюня 1865 г.) Джамадаръ-тюря находился въ числѣ защитниковъ города и былъ раненъ. Послѣ паденія Ташкента онъ удалился въ Коканское ханство, откуда вскорѣ отправился въ Кашгаръ, гдѣ и былъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ правою рукою Якубъ-бека. Быстро онъ достигъ высокаго званія «перваначи» и сдѣлался главнымъ начальникомъ Кашгарской артиллеріи [1]). Въ 1877 году, послѣ смерти Якубъ-бека, когда послѣдовало распаденіе Кашгарскаго ханства и завоеваніе его китайцами, Джемадаръ, подобно многимъ кашгарцамъ, удалился въ Ташкентъ, гдѣ и жилъ до весны 1878 г. Не задолго до поѣздки миссіи въ Авганистанъ, Джамадаръ собрался на богомолье въ Мекку и выбралъ путь на Кабулъ и Бомбей, а отсюда хотѣлъ ѣхать моремъ. Туркестанскій Генералъ-Губернаторъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы переслать съ нимъ письмо эмиру авганскому Ширъ-Али-хану. Но Джамадаръ почему-то замедлилъ отъѣздомъ и вотъ только теперь ѣхалъ одновременно съ нами.

Въ данное время это былъ очень высокій—вершковъ 14—старикъ, лѣтъ подъ 80, немного сгорбленный, но повидимому еще очень крѣпкій и бодрый. Его худощавое, жилистое тѣло свидѣтельствовало, что въ прежнее время онъ, несомнѣнно, обладалъ страшной силой и желѣзнымъ здоровьемъ. Лицо его имѣетъ правильныя черты и не лишено пріятности; огненные глаза зорко смотрятъ изъ подъ посѣдѣвшихъ, навислихъ бровей. Говоритъ онъ медленно, густымъ басомъ. Генералъ, говорившій съ нимъ по персидски, сообщилъ намъ, что отчетливость рѣчи у Джамадара сильно страдала, отчасти вслѣдствіе недостаточнаго выговора, отчасти оттого, что онъ сдѣлалъ изъ четырехъ языковъ и нѣсколькихъ азіатскихъ нарѣчій какую-то смѣсь, универсальный языкъ. Въ одной и той же фразѣ онъ произносилъ персидскія

[1]) О немъ говоритъ также и Куропаткинъ въ своемъ трудѣ «Кашгарія» стр. 186—7.

слова рядомъ съ турецкими и заканчивалъ ее индійскими. Съ З. онъ познакомился въ бытность свою на службѣ у Якубъ-бека, гдѣ они провели вмѣстѣ нѣсколько лѣтъ; З. въ весьма лестныхъ выраженіяхъ отзывался о личности Джамадара. По его словамъ, это—высокоправдивый и честный человѣкъ, обладающій при томъ же недюжинной храбростью.—Генералъ, видя въ немъ очень полезнаго человѣка для миссіи, предложилъ ему ѣхать вмѣстѣ съ нами, что и было принято Джамадаромъ охотно. Съ этого дня мы смотрѣли на него, какъ на члена миссіи и онъ впослѣдствіи вполнѣ оправдалъ подобный взглядъ.

На слѣдующій день, т. е. 13-го іюня, рано утромъ, задолго до того времени, когда беззубый муэззинъ мѣстной мечети долженъ былъ возгласить призывъ къ совершенію намаза-еввель (утренняя молитва мусульманъ),—мы уже оставили этотъ уютный уголокъ. Скоро дорога опять потянулась въ гору по подъему, усѣянному острыми камнями и крупной галькой.

До Ляйлякана, ближайшей станціи отъ Сэръ-аба,—30 верстъ пути. Это—довольно обширное селеніе, расположенное на берегу рѣки Ширабадъ-Дарьи. Въ селеніи находятся довольно обширные сады.

Отсюда до города Ширабада оставалось около 20-ти верстъ. Этотъ путь былъ скоро пройденъ, и часовъ въ 5, того же дня, мы уже въѣзжали въ обширные сады города. Отъ Сэръ-аба мы ѣхали все время вдоль рѣки Ширабадъ-Дарьи, которая и даетъ жизнь этой долинѣ. По берегамъ ея, мѣстами, виднѣются довольно обширныя поля, засѣянныя преимущественно пшеницей.

Не доѣзжая до города Ширъ-абада верстъ пять, приходится проѣзжать послѣднимъ ущельемъ въ этомъ кряжѣ горъ. Это ущелье называется Нанъ-даганъ (нанъ-хлѣбъ, лепешка). Какъ повидимому ни странно подобное названіе ущелья—«хлѣбъ-проходъ», но оно совершенно вѣрно и вполнѣ соотвѣтствуетъ обычаю среднеазіатцевъ, да и вообще некультурныхъ народовъ, употреблять наглядныя сравненія для опредѣленія разныхъ предметовъ. Названное ущелье состоитъ собственно изъ двухъ проходовъ, какъ бы двухъ воротъ,—однѣ входныя, другія выходныя. Обои ворота пробиты рѣчкою Ширабадъ-Дарьею. Стороны входнаго ущелья постепенно расширяются и описываютъ, каждая, полукругъ, который замыкается выходнымъ ущельемъ. Такимъ образомъ изъ дугообразныхъ сторонъ образуется довольно пра-

вильный кругъ, или вѣрнѣе—овалъ, съ длинною осью въ 3 версты и съ короткой—въ 2. Площадь этого овала имѣетъ совершенное подобіе туземнаго хлѣба-лепешки—«нанъ». Полковникъ Р. весьма удачно сравнилъ эту котловину съ огромнымъ каменнымъ пузыремъ, верхушка и средняя часть котораго провалились. Дѣйствительно, именно такое впечатлѣніе производитъ на зрителя-путника котловина «Нанъ-даганъ».

Вслѣдствіе таянія снѣговъ въ верховьяхъ рѣки, она была теперь довольно многоводна. Дорога во входномъ ущельѣ пролегаетъ по карнизу, лѣпящемуся у отвѣсной стѣны ущелья, и слегка была залита водой. Выходное же, южное ущелье было залито водой гораздо глубже. Кромѣ того оно было завалено огромными камнями, лежащими поперегъ потока. Вода страшно напирала на скалы и камни и стремительно прорывалась черезъ очень съуженное отверстіе ущелья. Понятно, что проѣздъ подобными воротами былъ не особенно удобенъ. Ночью же здѣсь положительно было невозможно ѣхать. Въ періодъ наибольшаго половодья рѣки ущелье совсѣмъ не проходимо, и дорога огибаетъ его слѣва, дѣлая нѣсколько подъемовъ и спусковъ черезъ горную гряду.

Это ущелье у Чанъ-Чуня описано болѣе ясно, чѣмъ «Желѣзныя ворота». Вотъ что онъ говоритъ: «Мы проѣхали большую гору (на обратномъ пути изъ Тохаристана въ Самаркандъ), въ горѣ есть каменныя ворота; издали онѣ представляются сглаженными, какъ свѣчи; огромный камень лежитъ поперегъ ихъ, образуя какъ будто мостъ; внизу стремительный потокъ. Вершники, погоняяословъ, чтобы переѣхать потокъ, топили ихъ; по берегамъ его лежало еще много труповъ (животныхъ). Этотъ пунктъ есть проходная застава, въ недавнее время взятая войскомъ» [1]).

Судя по этому описанію, съ большою вѣроятностью можно принять, что путешественникъ говоритъ объ ущельѣ, называемомъ теперь «Нанъ-даганъ».

У выхода изъ ущелья миссію встрѣтила администрація города Ширъ-абада [2]), съ сыномъ бека во главѣ. Затѣмъ намъ опять

---

[1]) Палладій I. cit. стр. 323.

[2]) Абсолютная высота Ширъ-абада 920 ф., астроном. опредѣленіе: 37°40′36″ сѣверн. широты и 36°43′0″ вост. долготы, по Шварцу.

пришлось идти кривыми, узкими и пыльными улицами города, пока мы не достигли отведеннаго для насъ сада.—Въ тѣни густыхъ карачей, окружавшихъ небольшой прудокъ, были разбиты палатки и юрты. Садъ изобиловалъ фруктовыми деревьями. Золотистые абрикосы и еще не зрѣлые, но уже зарумянившіеся, персики массами виднѣлись сквозь нѣжную листву деревьевъ. Не вдалекѣ виднѣлись сочныя, но также еще не совсѣмъ готовыя гроздья краснаго винограда. Въ саду было изобиліе мягкой травы и душистаго клевера.—Въ числѣ блюдъ достархана здѣсь были поданы уже совсѣмъ созрѣвшія дыни и арбузы; дыни были превосходны, но того же нельзя сказать объ арбузахъ; они слишкомъ водянисты.

Только было я съ величайшимъ наслажденіемъ растянулся на мягкой травѣ, подъ деревомъ, осыпаннымъ абрикосами,—какъ былъ позванъ къ генералу.

Генералъ мнѣ объявилъ, что здѣшній бекъ боленъ и проситъ прислать къ нему врача миссіи. Я тотчасъ же собрался и, взявъ съ собой З., въ качествѣ переводчика, отправился къ больному.

Нашъ путь лежалъ черезъ городской базаръ. Всѣ обитатели его выползли изъ своихъ глиняныхъ лавокъ, чтобъ посмотрѣть на невѣдомыхъ почти до сихъ поръ въ этомъ городѣ «урусовъ». Извѣстіе, что бекъ послалъ за русскимъ «хакимомъ»[1]) облетѣло уже весь базаръ, и теперь они съ любопытствомъ пялили на меня глаза. Вотъ мѣдникъ оставилъ свой кумганъ (туземный чайникъ) и, съ долотомъ въ одной рукѣ и съ полудой въ другой, перебрасывается съ сосѣднимъ кузнецомъ замѣчаніями на мой счетъ. Этотъ послѣдній совсѣмъ забылъ въ данное время о лошадиной ногѣ, къ которой онъ пригонялъ подкову. Лошадь воспользовалась этимъ моментомъ, чтобы ткнуть мордой дремавшаго рядомъ съ ней ишака (осла), который съ просонокъ заоралъ во все ослиное горло, самымъ отчаяннымъ образомъ. Рядомъ сапожникъ-старикъ, усердно примѣривавшій какому-то муллѣ новые сафьянные сапоги, забылъ о немъ и, скрестивъ на желудкѣ руки, шепталъ своимъ беззубымъ ртомъ, аманъ! и щурилъ свои красные, подслѣповатые глаза на «урусъ-хакима», можетъ быть съ надеждой, что и ему, бѣдному старику, «урусъ» поможетъ вернуть хорошее зрѣніе,

[1]) Хакимъ—туземное названіе доктора.

утраченное имъ уже много лѣтъ тому назадъ. На одномъ поворотѣ двѣ, три фигуры съ длинными пейсами быстро вскочили съ своихъ наръ-прилавковъ съ крикомъ: «здравствуй». Я тотчасъ же узналъ эти типичныя лица. Евреи нѣкоторое время бѣжали за мной слѣдомъ, выражая свою радость, хотя я и не могъ отыскать причинъ этой радости.

Вскорѣ дорога пошла въ гору—и черезъ нѣсколько минутъ мы подъѣхали къ воротамъ цитадели, гдѣ жилъ бекъ. За этими воротами дорога продолжала взбираться все выше и выше. Наконецъ, она стала очень крутой и тогда на ней появились ступени, сдѣланныя изъ дерева и камня. Впереди возвышалась еще стѣна, а въ ней—еще ворота. Передъ этими воротами находится небольшая площадка. На этой площадкѣ я на минуту остановился. Отсюда открывался обширный и красивый видъ на городъ, растилающійся у подножія этого замка и утопающій въ зелени садовъ; на горы, острые гребни которыхъ цѣдили черезъ свои зубцы послѣдніе лучи заходящаго солнца; на безбрежный океанъ степи, начинающейся въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города и простирающейся къ югу до Паропамиса, а къ юго-западу сливающійся съ великой туркменской пустыней... Внизу, у самой подошвы холма, шумитъ быстрая рѣка, обдавая пѣной устои массивнаго утеса, на которомъ сооружена эта цитадель. Въ самомъ дѣлѣ,—холмъ, на которомъ построенъ дворецъ-цитадель бека, замѣчательная вещь въ своемъ родѣ. Онъ представляетъ изъ себя скалу, около 20-ти сажень высоты отъ уровня рѣки, съ трехъ сторонъ, а именно: съ западной, сѣверной и восточной ограниченную отвѣсными стѣнами. Единственная болѣе пологая сторона холма—южная. За то она защищена двумя толстыми стѣнами. Любой средневѣковый баронъ-грабитель не остался бы равнодушнымъ къ такому крѣпкому мѣсту, очень подходящему для того, чтобы свить здѣсь разбойничье гнѣздо [1]).

Я былъ снятъ съ сѣдла руками челяди бека и вошелъ во дворъ замка. Еще въ самыхъ воротахъ меня встрѣтилъ сынъ бека во главѣ многочисленной дворни, и повелъ во внутренніе покои дома.

[1]) Цитадель Ширъ-абада сама собою напрашивается на отожествленіе ея съ крѣпостью С а м ъ, въ которой скрывался извѣстный мусульманскій лжепророкъ Моканна. Но противъ этого отожествленія говоритъ то обстоятельство, что неизвѣстно—существовалъ ли въ то время гор. Ширъ-абадъ. У первыхъ, по времени, мусульманскихъ географовъ я не нашелъ названія этого города.

Внутренная обстановка «этого дворца» была также незавидна, какъ и всѣхъ видѣнныхъ мною до сихъ поръ бекскихъ «дворцовъ». Единственной роскошью можно было назвать нѣсколько дѣйствительно хорошихъ туркменскихъ ковровъ, разостланныхъ по глиняному полу комнатъ.

Въ наиболѣе обширной комнатѣ, съ окнами обращенными на югъ, дозволявшими видѣть прекрасную панораму города, на тюфякахъ, посланныхъ поверхъ ковровъ, сидѣлъ бекъ. Ему можно было дать лѣтъ 45. Глаза его тускло свѣтились; щеки были покрыты желтоватой блѣдностью; сухія губы не содержали въ себѣ ни кровинки; отъ носа остался одинъ лишь остовъ съ широко расширявшимися, при дыханіи, ноздрями. Голова его съ видимымъ усиліемъ держалась на плечахъ, а руки висѣли безпомощно, какъ плети. Вотъ каковъ на видъ былъ бекъ Абдулъ-Рахманъ-ходжа.

Слабымъ голосомъ, поминутно прерываемый своими приближенными и родственниками, разсказалъ онъ мнѣ про свою болѣзнь. Онъ жаловался на очень продолжительный, сильный поносъ и рвоту, большой упадокъ силъ, отсутствіе аппетита и потерю чувствительности въ нижнихъ конечностяхъ. Я предложилъ ему произвести полное медицинское изслѣдованіе, на что и получилъ полное согласіе. Когда я пустилъ въ ходъ стетоскопъ, плесиметръ, молоточекъ и сунулъ ему подъ мышку термометръ, то родственники и окружающіе бека смотрѣли на меня такъ, какъ, по всей вѣроятности, буряты или самоѣды смотрятъ на продѣлки своихъ шамановъ. Тихимъ шепотомъ передавали они другъ другу свои замѣчанія, стараясь въ то же время не просмотрѣть ни одного моего движенія. Когда я говорилъ,—они смотрѣли мнѣ прямо въ ротъ, точно ожидая, что мои слова вотъ-вотъ превратятся въ сонмъ крылатыхъ духовъ.—Между тѣмъ термометръ показалъ 38,3° С. Изслѣдованіе ногъ обнаружило сильно пониженную чувствительность. Ступни ногъ и нижняя часть голеней были отечны въ довольно значительной степени. Въ груди не оказалось ничего особеннаго. Я далъ беку соотвѣтствующія лѣкарства, къ счастію оказавшіяся въ моей походной сумкѣ совсѣмъ готовыми, по нужной для означеннаго случая формулѣ, и, обѣщавъ ему завтра снова его посѣтить, возвратился въ городъ.

14-го іюня въ Ширабадѣ была произведена совершенно неожи-

данная дневка, такъ сказать не въ счетъ обонемента. Генералъ вообще былъ скупъ на дневки, но теперь и онъ отнесся къ ней болѣе или менѣе снисходительно.

Я рано утромъ опять ѣздилъ къ своему паціенту—беку и, какъ и слѣдовало ожидать, почти никакой перемѣны не нашелъ. Но субъективное чувство больнаго видимо улучшилось. Онъ говорилъ, что порядочно спалъ въ эту ночь, и теперь чувствовалъ себя хорошо. Бекъ даже попросилъ чего-либо съѣсть, ибо почувствовалъ, по его словамъ, позывъ на пищу. Посовѣтовавъ куриный бульонъ, я долженъ былъ объяснить какъ его дѣлать, даже опредѣлить на вѣсъ количество соли и крупъ—до такой степени точно онъ хотѣлъ соблюсти всѣ мои предписанія. Онъ выражалъ полную надежду на выздоровленіе и въ этомъ руководился своего рода знаменіемъ.

— Вотъ, говорилъ бекъ, меня здѣшніе врачи лечили нѣсколько мѣсяцевъ и я едва не умеръ. Теперь же, когда я ни откуда не ждалъ помощи, вдругъ, совершенно неожиданно, приходишь ты, русскій хакимъ, совсѣмъ чужой для меня человѣкъ, и начинаешь лечить меня. Ну развѣ не Богъ послалъ тебя? На все воля Аллаха, и если онъ тебя прислалъ ко мнѣ, то, значитъ, мнѣ предстоитъ исцѣленіе».

Я, конечно, не сталъ разувѣрять его въ этомъ и объяснять серьезность его болѣзни. Я только старался, по возможности, сдѣлать то, что сдѣлалъ бы на моемъ мѣстѣ и всякій врачъ. Такъ какъ замокъ, въ которомъ жилъ бекъ, страдалъ полнѣйшимъ отсутствіемъ древесной растительности и днемъ сильно раскалялся подъ отвѣсными солнечными лучами, что дѣлало воздухъ его далеко неблагорастворенным, то я посовѣтовалъ беку выѣхать куда нибудь въ другое мѣсто, болѣе тѣнистое, напр. въ хорошій садъ. На это онъ мнѣ отвѣчалъ, что «еще никогда никто не видалъ и не знаетъ, чтобы бекъ города жилъ не въ крѣпости. Такъ жили и живутъ всѣ беки; такъ долженъ и я жить».—Я спросилъ его, развѣ онъ не имѣетъ загороднаго сада, гдѣ бы онъ могъ прожить хотя нѣкоторое время, ради болѣзни? Бекъ отвѣчалъ, что у него есть загородные сады, но жить въ нихъ онъ не будетъ и не можетъ. «Всякій бекъ по закону долженъ жить въ крѣпости».

— Но вѣдь выѣхать изъ замка въ садъ необходимо для излеченія вашей болѣзни, старался убѣдить я бека. Вѣдь иначе, вы—да со-

хранитъ васъ Аллахъ,—можете здѣсь умереть; здѣсь, въ этомъ пеклѣ, не поможетъ никакое лѣченье!

— Что же дѣлать, отвѣтилъ бекъ, если нужно будетъ умереть, то я и умру здѣсь... Только нѣтъ, я увѣренъ, что я, благодаря вашимъ лекарствамъ и милости Аллаха, выздоровѣю».

Видя, что бекъ не хочетъ сказать настоящей причины, почему онъ не можетъ оставить крѣпость, я больше не спрашивалъ его объ этомъ.

На слѣдующее утро я успѣлъ опять побывать у бека и на этотъ разъ и самъ замѣтилъ улучшеніе. Я ему оставилъ нѣкоторыя лекарственныя средства и просилъ его писать мнѣ въ Авганистанъ о состояніи болѣзни, а также и о томъ, если лекарства будутъ израсходованы. Онъ выслушалъ съ величайшимъ благоговѣніемъ всѣ совѣты относительно употребленія лекарствъ и со слезами на глазахъ простился со мной.—Передъ отъѣздомъ миссіи изъ города онъ прислалъ мнѣ 400 тенегъ вознагражденія (116 р. по курсу), но я отказался. Впрочемъ, я потомъ предложилъ генералу мысль—взять эти деньги и отослать въ Общество «Краснаго Креста», но разрѣшенія на это не получилъ.

— Вы думаете, они поймутъ такое употребленіе денегъ?—сказалъ генералъ,—просто подумаютъ, что докторъ сначала поломался—не бралъ, ожидая бо́льшаго.

Я, однако, имѣлъ данныя думать, что беки бухарскіе знаютъ о существованіи Общества «Краснаго Креста». Эмиръ бухарскій почти ежегодно жертвуетъ нѣсколько тысячъ тенегъ на «Красный Крестъ». Но генералъ былъ не совсѣмъ въ духѣ и потому я не счелъ возможнымъ настаивать на предложеніи.

Наконецъ, 15-го іюня, мы выступили изъ Ширабада по направленію къ Аму-Дарьѣ, древнему Оксу.

Изъ Ширабада къ Аму-Дарьѣ ведутъ двѣ дороги, по направленію къ двумъ переправамъ. Верхняя переправа, Патта-Гюзаръ, находится почти въ одномъ меридіанѣ съ Ширабадомъ. Нижняя же переправа, Чушка-Гюзаръ, находится верстахъ въ 30—40 отъ предъидущей, внизъ по теченію рѣки. Рѣшено было, что мы направимся на нижнюю, именно Чушка-Гюзаръ.

Около 12 часовъ дня, пыльныя улицы города были запружены

массой народа, провожавшаго миссію. Сынъ бека, во главѣ приближенныхъ его и аксакаловъ города, ѣхалъ впереди и показывалъ дорогу.—Невдалекѣ отъ нашего помѣщенія мы встрѣтили нѣчто для насъ совершенно новое. Черезъ толпу народа протѣснились трое всадниковъ страннаго обличья и въ странной одеждѣ. Одинъ изъ нихъ подъѣхалъ къ генералу Столѣтову и подалъ ему запечатанный пакетъ. Генералъ взялъ пакетъ и отдалъ его не вскрытымъ одному изъ переводчиковъ, а затѣмъ продолжалъ ѣхать далѣе. Тогда человѣкъ, подавшій конвертъ, попросилъ (на персидскомъ языкѣ) генерала прочесть письмо. Но генералъ отвѣтилъ, что читать письмо теперь не время, а что когда миссія пріѣдетъ на ночлегъ, то онъ сейчасъ же его и прочтетъ. Незнакомый всадникъ не настаивалъ и, отѣхавъ въ сторону, съ равнодушнымъ видомъ послѣдовалъ за нами. Намъ сообщили, что это были авганцы.

Эти три всадника, а особенно тотъ изъ нихъ, который подавалъ письмо и казался начальникомъ, произвели на насъ сильное впечатлѣніе. Они до такой степени мало походили на бухарцевъ и обличіемъ, и одеждой, что рѣзко выдѣлялись изъ всей многочисленной толпы, сопровождавшей миссію. Старшій изъ нихъ представлялъ скорѣе европейскій типъ, чѣмъ азіатскій. Это былъ человѣкъ среднихъ лѣтъ и средняго роста, коренастаго тѣлосложенія, съ энергическимъ видомъ. Лицо его было слишкомъ бѣло для азіатца. Прямой носъ, каріе глаза и почти русые волосы на головѣ и подбородкѣ довершали ансамбль его физіономіи. Платье его можно было, по матеріалу, изъ котораго оно было сдѣлано, и по покрою, тоже назвать почти европейскимъ. Онъ былъ одѣтъ въ жакетку, широко скроенную, и длинные панталоны. То и другое было сдѣлано изъ свѣтло-сѣраго, хорошаго сукна. Жакетка опоясывалась широкимъ кожаннымъ поясомъ, съ прикрѣпленными къ нему кожанными коробками для пистоновъ, пуль и писемъ. Поясъ застегивался спереди серебряной пряжкой, украшенной золотой насѣчкой. Слѣва на поясѣ висѣла $1^1/_2$ аршинная, едва изогнутая шашка, а справа—пистолетъ крупнаго калибра. На головѣ всадника была войлочная каска, того типа, какой употребляется обыкновенно англичанами въ Индіи. Ноги были обуты въ прочные нечерненые сапоги.—Какъ видитъ читатель, наружность этого всадника была такова, что можно было усомниться въ его авганскомъ происхожде-

ніи. Если къ этому прибавить, что онъ сидѣлъ въ англійскомъ сѣдлѣ, а въ рукахъ держалъ поводья отъ англійской же уздечки,—то станетъ понятно, почему миссія сочла его за англичанина, находящагося на службѣ у авганскаго правительства. Къ этому предположенію миссія была уже приготовлена отчасти и тѣмъ, что генералъ Столѣтовъ неоднократно высказывалъ мысль, что миссіи прійдется встрѣтить въ Авганистанѣ много англичанъ, находящихся на службѣ у эмира Ширъ-Али-хана [1]).

Совершенную противоположность съ этимъ загадочнымъ человѣкомъ составляли его нѣсколько спутниковъ. Это были истые горцы, съ мелкими и жесткими чертами лица, огненными черными глазами, поблескивающими изъ-подъ густыхъ, нависшихъ бровей. Физіономіи ихъ были украшены горбатыми носами. На головахъ ихъ были навиты чалмы, по цвѣту нисколько не отличающіяся отъ черныхъ, какъ смоль, и жесткихъ, какъ щетина, волосъ. Они были также вооружены съ головы до ногъ. Кромѣ перечисленнаго оружія, какое имѣлъ ихъ начальникъ, у нихъ за плечами висѣло въ чехлахъ по винтовкѣ, повидимому малаго калибра, а за поясомъ заткнуто было по два-три, разной величины, ножа. Всѣ они сидѣли на небольшихъ, крѣпкихъ лошадяхъ, обладавшихъ хорошей тропотой (перестунь, или тропота—алюръ, вообще очень любимый въ средней азіи по относительной быстротѣ и удобству ѣзды для всадника). Нѣсколько разъ два авганца, вѣроятно, чтобы щегольнуть своей удалью и быстротой коней,—съ дикимъ крикомъ пускали своихъ коней во весь карьеръ и быстро скрывались изъ вида. Старшій же изъ нихъ, уже совсѣмъ признанный нами за англичанина, держалъ себя все время съ большимъ достоинствомъ и, повидимому, совершенно равнодушно относился ко всему окружающему.

Однако признанный нами «англичанинъ» самъ себя повидимому не признавалъ сыномъ гордаго Альбіона. Дѣло въ томъ, что Малевинскій, во время дневнаго перехода, нѣсколько разъ обращался къ нему на англійскомъ языкѣ, но всегда получалъ въ отвѣтъ упорное молчаніе. Во взглядѣ «англичанина» при этомъ иногда просвѣчивала

---

[1]) Нужно также имѣть въ виду, что въ то время бродилъ по Туркменіи извѣстный англичанинъ, капитанъ Бётлеръ.

ирония. Вслѣдствіе всего этого онъ становился для насъ все большей и большей загадкой.

Между тѣмъ, пройдя нѣсколько верстъ, мы опять вышли изъ раіона культурной мѣстности, окружающей Ширабадъ съ трехъ сторонъ поясомъ кишлаковъ и полей. Теперь снова дорога пролегала по богатѣйшей лёсовой почвѣ, но безплодной и безжизненной вслѣдствіе отсутствія воды. На право (если смотрѣть на югъ) эта степь ограничивается хребтомъ Ширабадскихъ горъ, поднимающихъ свои, покрытыя туманомъ, вершины на высоту 6—7 тысячъ футъ. Къ югу же и юго-востоку степь уходила изъ глазъ и сливалась съ горизонтомъ.—Верстахъ въ 20 отъ Ширабада, по дорогѣ на Чушка-Гюзаръ, въ несчастномъ кишлакѣ былъ назначенъ нашъ ночлегъ. Неподалеку отъ него возвышались развалины крѣпости, городскихъ стѣнъ и жалкіе остатки домовъ. Я обозвалъ этотъ кишлакъ несчастнымъ не даромъ. Если вѣрить сообщеніямъ туземцевъ,—а почему же бы имъ и не вѣрить,—то эта деревушка пользуется водой проведенной изъ Ширабадъ-Дарьи, но вода отпускается для нея всего одинъ разъ въ три года! Изъ трехъ лѣтъ въ продолженіи двухъ она не получаетъ ни капли воды изъ Ширабадъ-Дарьи (удаленной отъ нея верстъ на 15). Подобное распоряженіе со стороны бухарской администраціи вызвано будто бы какимъ-то проступкомъ жителей этого и еще двухъ другихъ, сосѣднихъ, кишлаковъ. Странное и вмѣстѣ съ тѣмъ страшное наказаніе! Но я, лично, сомнѣваюсь въ мотивахъ подобнаго снабженія водой. Если такое водоснабженіе есть результатъ наказанія, то развѣ только—небеснаго, и обусловлено вообще бѣдностью воды въ Средней Азіи. Извѣстно, напр., что городъ Бухара получаетъ воду изъ Зеравшана только въ извѣстное число дней въ году. Большую же часть года канавы города сухи и не содержатъ въ себѣ ни капли воды. И это [illegible] не есть слѣдствіе наказанія гор. Бухары со стороны русской [illegible]министраціи, находящейся въ Самаркандѣ, а происходитъ прос[illegible] потому, что въ извѣстное время года Зеравшанъ содержитъ сравнительно небольшое количество воды, которая вся и разбирается на поля, находящіяся въ верхнемъ и среднемъ теченіи этой рѣки. Очевидно, тутъ—просто космическое наказаніе. Вотъ, вѣроятно, такое же наказаніе испытываютъ и эти деревни.

Тотчасъ по прибытіи на мѣсто стоянки, генералъ заперся въ своей кибиткѣ и только вдвоемъ съ переводчикомъ Н. прочелъ письмо.—Содержаніе письма было таково, что генералъ счелъ нужнымъ сообщить его и полковнику. Остальные члены не были посвящены въ чтеніе письма. Но вскорѣ мы, всѣ непосвященные, замѣтили, что письмо повидимому произвело неблагопріятный эффектъ, ибо генералъ досадливо шепталсяся съ Н. и полковникомъ и выказывалъ несомнѣнные признаки неудовольствія рѣзкими нотами вопросовъ и отвѣтовъ. Вскорѣ Н. вышелъ изъ юрты и направился къ палаткѣ, гдѣ остановились авганцы. Тамъ вскорѣ также послышался непонятный говоръ, при чемъ голосъ Н. звучалъ недоумѣніемъ, и вопросительно, голосъ же авганца изобличалъ спокойствіе и самоувѣренность. Я, какъ человѣкъ непосвященный въ дѣло, и которому въ данное время нечего было дѣлать, возлегъ на коверъ, разостланный среди юртъ, и наблюдалъ происходящее. Наскучивъ созерцаніемъ чего-то для меня непонятнаго, совершающагося съ генераломъ, я отправился посмотрѣть своего любимца-коня, моего вислоухаго иноходца, прозваннаго общимъ хоромъ всѣхъ спутниковъ «вислоухимъ философомъ». Не вдалекѣ отъ него находились кони авганцевъ. Они были привязаны къ приколамъ цѣпями, которыя годились бы даже для слона. Недоуздки, попоны—все было у нихъ сдѣлано изъ очень прочнаго матерьяла и съ тѣмъ знаніемъ дѣла, которое могли имѣть только люди, проводящіе большую часть своей жизни въ сѣдлѣ. Но не успѣлъ я окончить полнаго обзора заинтересовавшихъ меня коней, какъ меня извѣстили, что ужинъ поданъ.

Во время ужина содержаніе письма сдѣлалось извѣстнымъ всѣмъ членамъ миссіи. Письмо это было прислано отъ «Лойнаба»[1]) Чааръ-вилайета[2]), Ширъ-Диль-хана[3]). Мѣстопребываніемъ означеннаго Лойнаба служитъ въ настоящее время городъ Мазари-Шерифъ.—Въ письмѣ своемъ на имя начальника русскаго по-

---

[1]) Это чисто авганскій титулъ: «лой»—великій и «наибъ»—намѣстникъ; лойнабъ значитъ «великій намѣстникъ», въ переводѣ на русскій языкъ.

[2]) Такъ называется Авганскій Туркестанъ.

[3]) Ширъ-Диль-ханъ, въ переводѣ съ персидскаго на русскій, значитъ: львиное, мужественное сердце (ширъ—левъ и диль—сердце).

сольства, въ отвѣтъ на извѣщеніе генерала Иванова, Лойнабъ сообщалъ, что относительно проѣзда означеннаго посольства по Авганистану въ Кабулъ, онъ, Лойнабъ, никакихъ приказаній отъ эмира Ширъ-Али-хана не получалъ. Поэтому онъ не можетъ разрѣшить своею властію проѣздъ миссіи по Авганистану и проситъ ее обождать въ Ширабадѣ или гдѣ ей угодно, не вступая, однако, въ предѣлы Авганистана. Это ожиданіе было оговорено 10-ти дневнымъ срокомъ, къ концу котораго Лойнабъ надѣялся получить изъ Кабула, отъ эмира Ширъ-Али-хана, опредѣленныя инструкціи относительно даннаго вопроса.

Генералъ однако рѣшилъ, что письмомъ смущаться особенно не слѣдуетъ, а непремѣнно нужно продолжать путь до тѣхъ поръ, пока авганцы не выкажутъ явнаго и рѣшительнаго намѣренія воспрепятствовать дальнѣйшему движенію миссіи.

— Это обычная уловка авганцевъ, говорилъ онъ. — Они вообще не любятъ пускать въ свою страну европейцевъ, подозрѣвая всѣхъ ихъ въ посягательствѣ на свою свободу. Такъ напр. когда Дугласъ-Форсайтъ въ 1873 г. возвращался изъ Кашгара въ Индію и выразилъ желаніе проѣхать въ Индію черезъ Бадахшанъ и Кабулъ, то получилъ отъ авганскаго правительства рѣшительный отказъ. Тоже самое они и съ нами теперь продѣлываютъ. Не слѣдуетъ только поддаваться на ихъ удочку, а твердо идти впередъ.

Такъ и было рѣшено продолжать завтра путь, а если возможно, то и переправиться черезъ Аму-Дарью.

— Смѣшно было бы теперь возвратиться опять въ Ширъ-абадъ и тамъ ждать эти 10 дней, продолжалъ генералъ. Очень возможно, что по истеченіи этихъ 10-ти дней будетъ предложенъ еще 10-ти дневный срокъ, и такъ дѣло можетъ затянуться Богъ знаетъ до котораго времени.

Съ этимъ всѣ согласились. Тѣмъ не менѣе генералъ рѣшилъ написать Лойнабу письмо, въ которомъ онъ объяснялъ, почему миссія не можетъ ждать въ бухарскихъ владѣніяхъ, а должна безостановочно продолжать путь. Я потомъ имѣлъ возможность узнать дословный текстъ письма. Вотъ онъ.

Послѣ обычныхъ привѣтствій генералъ Столѣтовъ писалъ, что «миссія не можетъ ожидать разрѣшенія, оставаясь на берегу Аму,

считая это постыднымъ для имени русскаго; что онъ, генералъ, готовъ оставить конвой и свиту и ѣхать одинъ; что не видитъ для себя ничего постыднаго, если будетъ въ дорогѣ убитъ, ограбленъ или взятъ въ плѣнъ, но ожидать отказывается; что кромѣ того обѣщаетъ, въ случаѣ, если эмиръ Ширъ-Али-ханъ не пожелаетъ миссію принять,—вернуться немедленно съ того мѣста, гдѣ его застанетъ собственноручное эмира о томъ объявленіе».—Письмо это тою же ночью было передано авганскому посланцу для скорѣйшей отсылки Лойнабу, въ Мазари-Шерифъ.

Между тѣмъ Маметъ-ханъ—такъ назвалъ себя авганскій посланецъ—сталъ для насъ еще большей загадкой. На вопросъ: въ какомъ онъ состоитъ званіи и какой на немъ чинъ, онъ отвѣчалъ: «какой-бы чинъ я ни имѣлъ, въ настоящее время я все равно какъ бы безъ чина». Очевидно, было, что онъ не желалъ измѣнить своей роли простаго посланца и старался держать себя изолировано.

На слѣдующій день, рано утромъ, нашъ караванъ опять тронулся въ путь. Степь здѣсь приняла песчаный характеръ. Кругомъ властвуетъ, царитъ неограниченно смерть: ни кустика, ни травки. Только подъ конецъ перехода, ближе къ рѣкѣ, появились песчаные барханы (холмы), увѣнчаные на своихъ сѣрыхъ верхушкахъ корявыми кустами саксаульника. Но за то песокъ здѣсь сталъ очень глубокъ; ноги лошадей вязли почти по колѣно. Жаръ, при полномъ безвѣтріи, положительно душилъ и людей и животныхъ. Понятна радость овладѣвшая нами, когда, при одномъ поворотѣ дороги, вдали, прямо на югъ отъ насъ, свернула блестящая голубая лента Аму. Скоро, впрочемъ, она опять скрылась за холмами и только черезъ $1^1/_2$ часа пути мы вышли изъ бархановъ и ясно увидѣли величавую рѣку. Появляясь вдали, на востокѣ, свѣтло-синей лентой, она дѣлаетъ здѣсь нѣсколько изгибовъ и уходитъ изъ глазъ на западѣ. Съ обѣихъ сторонъ она окаймлена широкой полосой зелени. Берега ея, на нѣсколько верстъ въ глубь страны, покрыты камышами, небольшими рощами и, иногда, пашнями.

Мѣсто для стоянки было выбрано не у самой рѣки, а верстахъ въ двухъ отъ нея, на возвышенномъ берегу. Это было сдѣлано съ цѣлію избѣжать знакомства съ знаменитыми аму-дарьинскими комарами, которые по своей ядовитости сравнивались нѣкоторыми путе-

шественниками съ средне-африканскими москитами. Кромѣ того не лишне было держать себя подалѣе и отъ еще болѣе знаменитой амударьинской лихорадочной міазмы, свившей себѣ гнѣздо на берегахъ рѣки, среди тростниковыхъ зарослей. — Селеніе Чушка-Гюзаръ [1]), осталось у насъ справа, въ нѣсколькихъ верстахъ ниже по теченію рѣки.

И такъ,—вотъ та таинственная рѣка, которая долгое время была для цивилизованнаго міра такой же загадкой, какъ и Нилъ! Она имѣетъ своихъ Мунго-Парковъ и Ливингстоновъ въ лицѣ Муркрофта, Бёрнса и Вуда. Изслѣдованіе ея стоило не меньшихъ жертвъ, и она имѣла своихъ мучениковъ, незадумавшихся умереть ради науки...

Мнѣ не сидѣлось въ юртѣ. Пригласивъ съ собой топографа, я отправился на берегъ Аму. Тропинка, которая вела къ берегу, пролегала камышами и высокой травой. Испаренія какого-то особеннаго, остраго, какъ будто сѣрнаго запаха, сильно били въ носъ. Но вотъ мы и на самомъ берегу рѣки. Издали казавшаяся голубой лентой, теперь она представлялась широкимъ потокомъ, быстро несущимъ большую массу очень грязной воды. Ширина рѣки въ этомъ мѣстѣ достигаетъ 2-хъ верстъ. Посреди русла, мѣстами, виднѣются низменные острова, заросшіе густымъ тростникомъ. Берега рѣки весьма низменны, а мѣстами даже нельзя было опредѣлить линію берега; вода покрывала его, и рѣка терялась въ прибрежныхъ зарослях. Весь берегъ былъ покрытъ массой различныхъ растеній, выброшенныхъ волнами; перегнивая здѣсь, они представляли богатый матерьялъ для образованія міазмъ; нѣкоторыя изъ растеній были еще свѣжи, многія же—въ различныхъ стадіяхъ разложенія. Тростники, растущіе на берегу, иногда разнообразились жидкими кустами колючки и густыми порослями гигантской осоки. Нѣсколько уродливыхъ приземистыхъ тополей (патта) дополняли убранство береговъ. Вода въ рѣкѣ была очень мутна и содержала огромное количество взвѣшенныхъ въ ней твердыхъ веществъ. Захваченная въ пригоршню вода давала большое количество осадка. Идя на рѣку, я разсчитывалъ выкупаться въ ней, но теперь, при видѣ такой грязной воды, вся охота къ купанью

---

[1]) Чушка-Гюзаръ находится на абсолютной высотѣ 800 ф. подъ широтою 37°, 21′ 51″, долгота отъ Пулкова 36°, 27′ 52″, по Шварцу.

пропала. Т° воды рѣки въ 1 ч. дня была 23,4° С. По вынутіи изъ воды, термометръ съ смоченнымъ ртутнымъ шарикомъ далъ 18,6° С., а затѣмъ ртуть снова стала подниматься и въ тѣни достигла 39° С.

Противуположный, авганскій берегъ рѣки казался такимъ же низменнымъ и пустыннымъ, какъ и бухарскій. Два, три песчанныхъ холма возвышали надъ окружающей равниной свои тупые конусы, а вдали виднѣлись группы довольно высокихъ деревьевъ. На южномъ горизонтѣ, при нѣкоторомъ напряженіи зрѣнія, можно было различить, сквозь дымку тумана, слабо вырисовывающіяся очертанія Паропамизскихъ горъ. Онѣ отдѣляются здѣсь отъ рѣки почти стоверстнымъ разстояніемъ.

Между тѣмъ генералъ распорядился послать Назирова впередъ, съ письмомъ къ Лойнабу. Это письмо составляло копію съ письма, врученнаго наканунѣ авганскому посланцу для отосланія Лойнабу. Н. тотчасъ же переправился на противуположный берегъ.—Бухарцы, съ своей стороны, тоже не дремали. Они сдѣлали распоряженіе о доставкѣ къ данному мѣсту трехъ паромовъ, которые здѣсь называются громкимъ именемъ «кораблей» [1]).

На слѣдующій день, 17-го іюня, рано утромъ, начались приготовленія къ переправѣ. Маметъ-ханъ, видя эти сборы, предупредительно замѣтилъ, что миссія лучше сдѣлала бы, если бы подождала отвѣта, что во всякомъ случаѣ, по переправѣ на другую сторону рѣки, пограничная стража не допуститъ ее идти дальше. Но на его предупрежденія не было обращено никакого вниманія.

Скоро мы всѣ, и весь нашъ вьючный обозъ, были у мѣста посадки на «корабли». Боже мой! что только это были за корабли! При одномъ взглядѣ на нихъ я почувствовалъ, что какъ будто разомъ перенесся въ доисторическія времена. «Корабль» представлялъ изъ себя неуклюжее, плоскодонное судно, кое-какъ сколоченное изъ грубыхъ, плохо прилаженныхъ брусьевъ. Въ суднѣ не было ни палубы, ни даже простаго наката. Двѣ поперечныя балки скрѣпляли этотъ неповоротливый паромъ. На немъ не было замѣтно ни веселъ, ни руля. Внутри его была вода. Бортъ судна возвышался надъ уровнемъ рѣки около аршина. Длина парома доходила сажень до 5, ширина до 2.

---

[1]) Два «корабля» принадлежатъ авганцамъ и одинъ—бухарцамъ.

Три вотъ такихъ то «корабля» стояли теперь у низменнаго берега рѣки и ожидали насъ; каждый изъ нихъ могъ поднять на себя нѣсколько сотъ пудовъ грузу.

Началась погрузка. Генералъ рѣшилъ переправить сначала вьюки, лошадей, прислугу и часть казаковъ, ибо вся миссія, въ полномъ составѣ, со всѣми лошадьми и вьюками, переправиться за одинъ разъ не могла. Самый способъ погрузки былъ ниже всякой критики. Съ берега къ «кораблямъ» не было положено никакихъ сходень или накатовъ. Паромы хотя довольно близко пристали къ берегу, но все же между ними и берегомъ оставался промежутокъ отъ 1 до 2 аршинъ. Люди, конечно, могли легко перепрыгнуть это разстояніе, но съ лошадьми пришлось долго таки повозиться. Онѣ ни за что не хотѣли прыгать въ паромъ. Вслѣдствіе этого лаучи подгоняли ихъ ударами нагаекъ и палокъ, а спереди люди, находившіеся на паромѣ, тянули ихъ въ лодки арканами, прицѣпленными къ недоуздкамъ. Но все это плохо помогало: лошади рвали волосяные орканы, били задними ногами погонщиковъ, метались въ сторону... Берегъ огласился такимъ гвалтомъ, такой смѣсью ржанія лошадей, понуканья и крикомъ погонщиковъ, ревомъ, свистомъ лаучей, прорѣзывающими воздухъ палочными ударами, щедро сыпавшимися на лошадиные крупы, что просто—хоть уши зажимай. Даже полковникъ принялъ участіе въ этой разноголосицѣ, и его отчаянное: тратуръ! (стой!) не рѣдко останавливало занесенныя надъ бѣдными лошадьми палки и нагайки. Наконецъ погонщиками и перевозчиками рѣшено было употребить новый способъ посадки лошадей, придуманный нашимъ караванъ-баши. Этотъ способъ состоялъ въ слѣдующемъ. Къ одной изъ переднихъ ногъ лошади привязывался арканъ. Нѣсколько людей, стоявшихъ на паромѣ, усердно тянули за этотъ арканъ, а также и за недоуздокъ, заставляя такимъ образомъ лошадь сдѣлать невольный прыжокъ. Въ тоже время, съ помощію другаго аркана, обхватывавшаго заднія ноги лошади, нѣсколько человѣкъ старались столкнуть ее съ берега. Все это сопровождалось обычнымъ свистомъ, гвалтомъ и щедрыми ударами нагаекъ. Лошадь по необходимости должна была сдѣлать прыжокъ. Часто она, не соразмѣривъ величину прыжка, застревала передними или задними ногами въ щели между берегомъ и паромомъ. Тогда приходилось вытаскивать ее на рукахъ и переносить

на паромъ. При подобномъ способѣ погрузки, лошади весьма легко могли поломать себѣ ноги, но, къ счастію, дѣло обошлось только несильными ушибами. Нужно однако замѣтить, что подобное затрудненіе при погрузкѣ встрѣтилось, главнымъ образомъ, съ тѣми лошадьми, которыя никогда прежде не видѣли такой переправы. Лошади же, принадлежавшія авганцамъ и прибрежнымъ жителямъ, смѣло прыгали въ паромъ, и всегда удачно.

Теперь надо было переправить «корабли» на противуположный берегъ рѣки. Но какъ? Въ каюкахъ (мѣстное названіе парома) не было ни веселъ, ни руля. На днѣ парома валялся единственный шестъ, но въ глубокихъ частяхъ рѣки онъ едва ли годился на что-либо, по причинѣ своей незначительной длины. Вопросъ этотъ, однако, скоро разрѣшился, но и это рѣшеніе сильно пахло доисторической жизнью. Спереди парома въ воду была спущена лошадь. Она была взнуздана, а къ поводьямъ была прикрѣплена веревка. Эту веревку держали два человѣка, находившіеся на носу лодки. Такимъ образомъ лошадь должна была везти паромъ. Еслибы рѣка была мелка, то роль лошади еще, до нѣкоторой степени, понятна; но понятно также и то, что плывущая лошадь (рѣка нигдѣ не мельче 1 сажени) была совершенно не въ состояніи везти паромъ, да еще съ грузомъ въ нѣсколько сотъ пудовъ, не только противъ теченія рѣки, но и въ поперечномъ направленіи. Она могла играть только роль руля, и то до извѣстной степени. Она могла сообщать парому только направленіе, движущей же силой оставалось теченіе рѣки. По тому незначительному влеченію въ сторону, производимому лошадью на паромъ, она была, по результату дѣйствія, ниже простаго кормоваго весла, роль котораго состоитъ также въ сообщеніи парому или лодкѣ, боковаго движенія, вслѣдствіе разложенія силы теченія рѣки. Употреблять лошадь съ подобною цѣлью, не додуматься до руля, знакомаго даже дикимъ племенамъ Средней Африки — это ли еще не явленіе первобытной жизни, царящей на берегахъ знаменитой въ лѣтописяхъ исторіи рѣки!? Какое нужно еще болѣе яркое доказательство, что здѣсь человѣчество не только не ушло ни на шагъ впередъ со времени Греко-бактрійской монархіи, но даже отступило назадъ? А вѣдь отсюда только въ нѣсколькихъ переходахъ находятся развалины Балха,— «Матери го-

родовъ»[1]), какъ его называли арабскіе географы,—того самаго Балха, который въ древности гремѣлъ своей цивилизаціей—во времена-ли Греко-бактрійской монархіи, позднѣе-ли, во время распространенія господства арабовъ,—о которомъ разсказываютъ такія чудеса арабскіе путешественники. По этимъ свѣдѣніямъ, жизнь,—да, жизнь, а не прозябаніе!—лилась здѣсь широкимъ потокомъ; науки и искусства процвѣтали, люди были въ состояніи производить такія постройки, какъ гремѣвшая тогда славой великая балхская мечеть, громадный куполъ которой смѣло возвышался на нѣсколько десятковъ сажень. Но еще много ранѣе этого времени, Аму-Дарья была уже посредницей между востокомъ и западомъ, югомъ и сѣверомъ. Она представляла единственный оживленный путь для индо-европейской торговли [2]). А теперь?—Теперь это—царство чисто космической жизни. Теперь человѣчество, живущее здѣсь, спитъ глубокимъ, летаргическимъ сномъ. Но приходитъ конецъ этому прозябанію, этой жизни «во тьмѣ и сумракѣ». Поднимается *съ запада* заря новой жизни и все ярче и ярче начинаетъ освѣщать эту темницу, называемую Средней Азіей,—темницу, въ которой цѣлыми столѣтіями томилась человѣческая душа, окованная цѣпями свирѣпаго деспотизма и необузданнаго своеволія, какъ извѣстно, служащихъ всегда и вездѣ источникомъ невѣжества, умственнаго оцѣпененія, моральной смерти какъ отдѣльныхъ людей, такъ и цѣлыхъ народовъ. Теперь скоро воды этой тихой, величавой рѣки, слышавшей до сихъ поръ только ревъ тигра, да монотонную импровизацію кочевника,—огласятся свистками русскихъ пароходовъ и удалой пѣсней русскихъ матросовъ. Гуманныя, человѣчные законы, которые вноситъ Россія, съ каждымъ своимъ шагомъ въ глубь Центральной Азіи, обезпечатъ мирное процвѣтаніе и этого края. Тогда проснется страна отъ тяжелаго сна, наполненнаго видѣніями своего славнаго прошлаго...

Понятно, что паромъ, уносимый сильнымъ теченіемъ, очень мало

---

[1]) По арабски: «Умъ-юль-биладъ». Другіе эпитеты, какіе давали арабскіе писатели этому городу, суть: «куполъ ислама», «рай земной», «прекраснѣйшая страна на землѣ»; см. Aboul Ghazi-khan, Histoire des Mogols et des Tatares, publiée, traduite et annotée par baron Desmaisons, примѣчаніе на стр. 20.

[2]) Wilson, Ariana antiqua, London: 1841 г. стр. 162—3. См. также у Страбона, въ его «Географіи» книга 2-я, глава 1, § 15.

подвигался къ срединѣ рѣки и быстро спускался внизъ. Скоро онъ совсѣмъ скрылся изъ глазъ за камышами низменнаго острова, перегородившаго рѣку, нѣсколькими верстами ниже нашей стоянки, на два неровные потока. Главный потокъ былъ по ту сторону острова.

Долго пришлось намъ просидѣть на берегу рѣки, пока снова показались каюки на противуположномъ берегу рѣки. Для того, чтобы съ противуположнаго берега можно было пристать къ тому мѣсту, гдѣ мы находились, необходимо было завести паромы вверхъ по теченію, на нѣсколько верстъ. И вотъ теперь они велись кверху, подтягиваемые лошадьми. Такимъ образомъ путь, который проходилъ паромъ въ оба конца, имѣлъ видъ треугольника, со сторонами, приблизительно, въ 5-ть верстъ каждая. Слѣдовательно, въ одинъ рейсъ путь парома, туда и обратно, составлялъ около 15-ти верстъ длины. Можно себѣ представить сколько времени, потрачено было на подобную переправу! Достаточно сказать, что въ цѣлый день всего сдѣлано было только два рейса. Къ тому же, среднеазіатцы—вообще народъ неотличающійся подвижностью,—дѣлаютъ все чрезвычайно медленно: когда-то онъ повернется, да когда-то оглянется, медленно возметъ дѣло въ руки, безчисленное число разъ пробормочетъ «Аллахъ», во всѣхъ формахъ и пословицахъ,—и наконецъ-то начнетъ дѣлать то, что слѣдуетъ. Для европейца видъ всего этого сначала просто невыносимъ и вызываетъ какое-то нервное раздраженіе, но всякіе нервы притупляются, и потомъ, черезъ нѣсколько времени, уже смотришь на то же самое гораздо равнодушнѣе.

Легко себѣ представить, какъ весело было сидѣть намъ на пустынномъ берегу, подъ жгучими лучами солнца. Между тѣмъ знаменитый англійскій путешественникъ Бёрнсъ смотритъ на этотъ способъ переправы совсѣмъ другими глазами. Вотъ что мы читаемъ у него по этому поводу [1])... «Привязавъ за гриву двухъ лошадей, надѣли на нихъ узды, потомъ оттолкнули паромъ отъ берега и лошади, безъ всякой другой помощи (?), перетащили его на противуположный берегъ въ одномъ изъ самыхъ быстрыхъ мѣстъ потока».

«Этимъ замысловатымъ способомъ мы въ 15-ть минутъ (?!) пе-

---

[1]) Бёрнсъ. Путешествіе въ Бухару, пер. Голубкова. 1848 г. Т. II, стр. 359—60.

рѣхали рѣку шириною въ 1/2 мили, текущую съ быстротою 3 1/2 миль въ часъ».

Бёрнсъ до такой степени былъ восхищенъ этимъ способомъ переправы, что преподалъ такой совѣтъ кому слѣдуетъ: «я не вижу причинъ, препятствующихъ повсемѣстному примѣненію этого способа переправы, который былъ бы безцѣннымъ улучшеніемъ въ Индіи, ниже Гатовъ»... Можетъ быть тамъ, въ Индіи, это и было бы улучшеніемъ, но здѣсь, на Аму,—подобная переправа ниже всякой критики.

Но вотъ очертанія лодокъ, постепенно приближавшихся къ нашему берегу, стали выростать. Вотъ онѣ уже на срединѣ рѣки и поровнялись съ нами. Но ихъ пронесло ниже нашей стоянки версты на полторы. Онѣ не могли пристать къ тому мѣсту, гдѣ находились мы, не смотря на то, что взяли перевалъ черезъ рѣку очень высоко. Медленно подтянулись каюки по берегу тѣми же лошадьми, которыя переправили ихъ и по водѣ. Но лодочники были не одни. Съ ними переправился и Раджабъ-Али. Онъ живо соскочилъ съ парома и повѣдалъ намъ такія вещи, которыя заставили насъ сильно задуматься.

— Авганцы насъ не хотятъ пустить далѣе; они обижаютъ нашихъ людей, ругаются... Назировъ-тюря, посланный съ письмомъ къ Ширъ-Диль-хану, по разсказамъ авганской стражи, не могъ уѣхать по назначенію и находится на авганскомъ берегу. Я его самъ не видалъ. Боюсь, что онъ арестованъ.

Вотъ что повѣдалъ намъ встревоженный Раджабъ-Али. Генералъ сейчасъ же позвалъ къ себѣ авганскаго посланца и потребовалъ отъ него объясненія всего переданнаго.

— Я вѣдь вамъ говорилъ и прежде, невозмутимо объявилъ Маметъ-ханъ,—что безъ позволенія эмира никому нельзя и шагу сдѣлать по авганской землѣ; генералъ-саибъ меня не послушалъ,—ну, вотъ теперь онъ и самъ убѣдился въ правдивости моихъ словъ. Что же касается до ареста вашего посланнаго, то я объ этомъ ровно столько же знаю, сколько и генералъ-саибъ. Весьма вѣроятно, что его не допустили въ Мазари-Шерифъ пограничныя власти, руководясь простымъ желаніемъ не подвергнуть себя отвѣтственности передъ русскими и передъ эмиромъ-саибомъ, въ случаѣ, еслибы съ посланнымъ въ дорогѣ что-либо случилось дурное. А дорога въ Мазари-Ше-

рифъ не совсѣмъ безопасна; туркмены недавно дѣлали набѣгъ на эти мѣста.

Вотъ все, что сообщилъ Маметъ-ханъ. Очевидно, что это̀ нисколько не разъясняло дѣла и вообще положенія миссіи. Ждать здѣсь, на берегу—просто было глупо. Тогда генералъ образовалъ совѣтъ изъ членовъ миссіи, спрашивая, что дѣлать? Переправиться на ту сторону и безъ позволенія продолжать путь далѣе, или нѣтъ? Но какая могла быть цѣль подобной переправы? А что, если, переправившись на другой берегъ рѣки, миссія, по опасенію генерала, вдругъ окажется въ положеніи плѣнной? Кто же знаетъ, какіе у авганцевъ планы относительно миссіи? Плѣненіе ея могло быть совершено авганцами по совѣту англичанъ. (Вотъ до какой степени миссія была увѣрена въ большомъ вліяніи англичанъ въ Авганистанѣ!) Очевидно, что перспектива плѣна въ Мазари-Шерифѣ, или Кабулѣ,—все равно, гдѣ бы то ни было,—не могла казаться намъ заманчивою. По этому рѣшено было: на авганскій берегъ не переправляться; вьюки и людей, что переправились на авганскій берегъ, вытребовать обратно. При этомъ высказывалось даже опасеніе, что авганцы разграбятъ наши вещи и уведутъ въ неволю людей.

Генералъ написалъ письмо начальнику авганской пограничной стражи, требуя объясненія,—почему Н. задержанъ? Письмо должны были отвезти З. и, вызвавшійся «въ добровольную неволю», никогда неунывающій М. Они должны были привезти обратно вьюки и людей. По инструкціи начальника миссіи, они должны были также разъяснить постовому начальнику—какой отвѣтственности онъ подвергается, задерживая миссію и препятствуя ей переправиться на другой берегъ рѣки. Въ крайнемъ случаѣ, наши посланные должны были пригрозить ему тѣмъ, что генералъ Столѣтовъ, получивъ окончательныя донесенія о противодѣйствіи авганскихъ властей, непремѣнно, съ нарочнымъ, извѣститъ обо всемъ Туркестанскаго Генералъ-Губернатора, что конечно, не можетъ имѣть хорошихъ послѣдствій, какъ лично для начальника поста, такъ и вообще для Авганистана.—Замаанъ-бекъ и Малевинскій сейчасъ же сѣли на паромъ и отправились на авганскій берегъ.

Теперь на берегу остались только четверо изъ всѣхъ членовъ миссіи. Солнце палило немилосердно. Добрые бухарцы наскоро со-

орудили, для защиты «урусовъ-тюрей» отъ солнца, что-то похожее на шалашъ. Въ тѣни этого шалаша темп. достигала 41,5° С. На открытомъ же мѣстѣ солнечный жаръ былъ до того силенъ, что находившійся въ саквояжѣ полковника фунтъ стеариновыхъ свѣчъ совершенно расплавился и залилъ находившееся тамъ платье. Генералъ утѣшалъ себя и остальныхъ членовъ различными изрѣченіями изъ персидскихъ поэтовъ, подходящими къ данному случаю. Возсѣдая на голомъ прибрежномъ пескѣ, онъ цитировалъ то мѣсто изъ Саади, гдѣ этотъ поэтъ такъ образно говоритъ о самообладаніи: «на коверъ ожиданія положи подушку терпѣнія». Конечно, въ нашемъ положеніи, ничего другаго и не оставалось дѣлать, какъ ждать и ждать. Генералъ вскорѣ опять позвалъ Маметъ-хана и занялся съ нимъ персидскимъ разговоромъ. Я вступилъ съ полковникомъ въ ученый дебатъ о рефракціи и аккомодаціи глаза, а топографъ, котораго мы условились называть въ Авганистанѣ, для отвода глазъ, или вѣрнѣе, для обмана слуха, «натуралистомъ»,—просто погрузился въ ожиданіе.

Не задолго до захода солнца, снова появились каюки у нашего берега. Вскорѣ передъ нами предсталъ М., громко увѣрявшій насъ, что онъ «первый изъ русскихъ открылъ авганскую землю». Вмѣстѣ съ М. пріѣхалъ Н., мнимый плѣнникъ, жертва авганскаго фанатизма, чуть было уже не произведенный нами въ санъ мученика. Онъ спокойно объяснилъ, что не имѣлъ удовольствія сидѣть подъ арестомъ, но что его, тѣмъ не менѣе, не допустили отправиться въ Мазари-Шерифъ. Когда же онъ, не взирая ни на что, хотѣлъ было ѣхать, то предупредительная рука авганца взяла подъ уздцы лошадь и повернула ее задомъ туда, гдѣ только что была ея голова, а солдаты скрестили свои розвилки, прикрѣпленныя къ ружьямъ вмѣсто штыковъ, и преградили ему дорогу. Ясно было, что надо покориться. Вмѣстѣ съ тѣмъ Н. объявилъ, что вьюковъ онъ не видалъ и не знаетъ, кто выдумалъ извѣстіе объ его арестѣ. Наоборотъ, онъ сообщилъ, что авганцы весьма любезны, ждутъ русское посольство, какъ дорогихъ гостей, и приглашаютъ переправиться на ихъ берегъ, что всякаго довольствія для миссіи они запасли въ достаточномъ количествѣ; но, за всѣмъ тѣмъ, авганцы говорили, что безъ позволенія эмира они не

допустятъ миссію продолжать путь далѣе. З. остался съ людьми и вьюками на томъ берегу.

Теперь для миссіи предстояло рѣшить новую дилемму. Очевидно было, что опасеніе попасть въ плѣнъ, по переходѣ Аму, было ничто иное какъ плодъ очень живаго воображенія; авганцы гостепріимны; они рады русскимъ гостямъ, но стоятъ на почвѣ строгой законности, не дозволяя намъ идти далѣе безъ разрѣшенія эмира, или вообще высшей власти.

— Все это хорошо, говорилъ генералъ, но, если миссія переправится на ту сторону рѣки, то что она будетъ тамъ дѣлать? Вѣдь все равно—дальше идти нельзя. Не лучше ли въ такомъ случаѣ поблагодарить авганцевъ за любезность и гостепріимство и ожидать надлежащаго разрѣшенія здѣсь, на бухарскомъ берегу? Но... не ловко обременять бухарцевъ дальнѣйшимъ своимъ присутствіемъ, сопряженнымъ съ разными издержками для нихъ. Да и что подумаютъ они, эти благоговѣющіе передъ русскимъ именемъ бухарцы, когда увидятъ, что «дрянные авганцы», какъ они называютъ своихъ сосѣдей, осмѣлились такъ твердо сказать русской миссіи свое veto, и она покорилась ему?

Да, неудобное положеніе, съ которой стороны на него ни посмотри! такъ или иначе—выходило неладно.

Между тѣмъ наступила ночь; о переправѣ черезъ рѣку теперь нечего было и думать. Поэтому начальникомъ миссіи рѣшено было: Назировъ снова долженъ переправиться на авганскій берегъ и употребить всѣ средства, чтобы уѣхать въ Мазари-Шерифъ. Въ крайнемъ же случаѣ онъ долженъ былъ постараться отправить письмо къ Ширъ-Диль-хану съ авганскимъ нарочнымъ. По нашимъ разсчетамъ выходило, что письмо могло быть доставлено въ Мазари-Шерифъ, (отстоящій отъ пункта переправы на 90 верстъ слишкомъ) съ «чеббаромъ» (летучая авганская почта) на слѣдующій день, около 10-ти часовъ утра; отвѣтное письмо отъ Ширъ-Диль-хана, можно было надѣяться получить здѣсь вечеромъ того же дня. Если бы этотъ разсчетъ оправдался, то на слѣдующій день вечеромъ, т. е. ровно черезъ сутки, можно было имѣть уже опредѣленный результатъ сношеній. Поэтому вьюки рѣшено было оставить на томъ берегу до слѣдующаго дня. Теперь же мы всѣ, бывшіе на этомъ берегу рѣки, снова направились на старое

пепелище, вчерашнюю станцію, и еще разъ доставили возможность бухарцамъ выказать свои гостепріимныя качества во всемъ своемъ блескѣ.—Туманъ окуталъ густымъ бѣловатымъ саваномъ рѣку и сосѣднюю долину. На землю спустилась ночь и закончила этотъ обильный перипетіями день.

Уже передъ самымъ разсвѣтомъ возвратился съ авганскаго берега З. и объявилъ, что Назирову удалось отправиться въ Мазари-Шерифъ. Люди и лошади, оставшіеся на авганскомъ берегу, ни въ чемъ не нуждались, а со стороны авганцевъ онъ, Замаанъ-бекъ, кромѣ любезности и предупредительности, ничего другаго не видалъ.

Утромъ Маметъ-ханъ явился къ генералу и объявилъ, что имъ получены извѣстія, въ силу которыхъ миссія можетъ безпрепятственно продолжать путь до Мазари-Шерифа. Поэтому онъ просилъ насъ переправиться на другую сторону Аму. Предложеніе его было нами принято и мы на тѣхъ же доисторическихъ посудинахъ медленно переправились на авганскую территорію. Прощай гостепріимная Бухара! До свиданія дорогая Россія! Теперь мы вступили на землю, которая смѣло могла быть для насъ озаглавлена: «Terra incognita».

ГЛАВА IV.

Въ Авганскомъ Туркестанѣ.

По ту сторону Аму-Дарьи. — Пріемъ миссіи со стороны авганцевъ. — Прибытіе авганскаго конвоя.—Первая ночь, проведенная нами въ Авганистанѣ.—Путь черезъ Туркменскую пустыню до г. Мазари-Шерифа.—Каршіякъ.—Пріемъ оказанный миссіи со стороны авганской администраціи въ Мазари-Шерифѣ.—Пребываніе миссіи въ этомъ городѣ.—Болѣзнь и смерть Лойнаба Чааръвилайета.—Мѣстныя лихорадки.—Приглашеніе миссіи эмиромъ Ширъ-Али-ханомъ въ Кабулъ. — Выступленіе изъ Мазари-Шерифа.

По ту сторону Аму насъ встрѣтили около дюжины авганцевъ. Большая часть изъ нихъ вооружены были кремневыми ружьями, съ подставками, имѣющими форму развилокъ, которыя, вѣроятно, играли также и роль штыковъ. Ружейныя ложи были невиданной мною до сихъ поръ формы: нѣкоторыя—въ видѣ простой круглой палки, другія—въ видѣ сильно изогнутой цилиндрической рогульки, и пр. Настоящихъ ложъ, какія мы привыкли видѣть у русскихъ и вообще у европейскихъ ружей, я не замѣтилъ. Матерьялъ, изъ котораго были сдѣланы ружья, былъ несомнѣнно доброкачественъ. Объ этомъ можно было судить по изящной насѣчкѣ, набитой на нѣкоторыхъ стволахъ; другіе стволы были витые и граненые. Одни солдаты были въ курткахъ изъ сѣраго сукна, вродѣ нашихъ казакиновъ, другіе были окутаны во что-то напоминающее англійскій мундиръ и бухарскій военный халатъ. У большей части изъ нихъ на головахъ были косматыя коническія шапки.

Это былъ пограничный авганскій постъ и теперь составлялъ «почетный караулъ» миссіи. Лишь только мы вышли изъ лодокъ, какъ онъ отдалъ честь. Всматриваясь ближе въ физіономіи солдатъ, я за-

мѣтилъ, что почти всѣ они носятъ несомнѣнные признаки принадлежности къ монголо-татарской расѣ: тѣ же широкія скулы, тѣ же съуженные разрѣзы вѣкъ, даже и уши точно также «на отлетѣ», какъ у самаго чистокровнаго казанскаго татарина. Впослѣдствіи я узналъ, что это были гезарейцы—и сходство ихъ съ татарами для меня стало понятнымъ.

Между тѣмъ началась разгрузка «кораблей». Низменный берегъ—еще низменнѣе, чѣмъ бухарскій—казался совсѣмъ необитаемымъ. Кругомъ, на протяженіи нѣсколькихъ верстъ, не видно было никакого признака человѣческаго жилья. Рѣка, уровень которой на мѣстѣ нашей высадки, разнился отъ уровня берега всего на одну-двѣ четверти аршина,—во многихъ мѣстахъ врывалась въ прибрежную мѣстность, затопивъ огромныя пространства земли. Прилегающій берегъ постоянно подмывается рѣкой, имѣющей здѣсь наисильнѣйшее теченіе. У авганскаго берега пролегаетъ ея главный фарватеръ, и быстрота теченія здѣсь очень велика. Вѣроятно и глубина рѣки здѣсь тоже велика; шестъ въ двѣ сажени не могъ достать до дна; точнѣе измѣрить глубину ея было нечѣмъ. На всемъ пространствѣ, которое мы проплыли, переправляясь черезъ рѣку,—а его нужно считать по меньшей мѣрѣ въ 5 верстъ,—глубина нигдѣ не была меньше сажени. Можно себѣ представить, какую массу воды несетъ эта могучая среднеазіатская водная артерія!

Скоро лошади были снова завьючены, и мы отправились въ ближайшее селеніе, отстоящее отъ берега, какъ сообщили солдаты (принадлежащіе, по всей вѣроятности, къ авганской милиціи), на нѣсколько верстъ. Путь къ нему сначала пролегалъ по сплошному болоту. Лошади, особенно вьючныя, вязли въ грязи по колѣно, а нѣкоторыя даже падали подъ тяжестью вьюковъ. Среди одной наиболѣе глубокой лужи миссію встрѣтилъ авганскій офицеръ, съ нѣсколькими всадниками. При нашемъ приближеніи онъ отдалъ честь. Это былъ «серхэнгъ» (соотвѣтствующій нашему чину поручика) во главѣ пограничной конной стражи. Самъ по себѣ онъ не былъ ничѣмъ замѣчателенъ. Даже зеленый, огромный тюрбанъ на головѣ, съ концемъ, воткнутымъ въ макушку на подобіе вѣера, не могъ особенно заинтересовать. Но что обратило на себя наше общее вниманіе, — это его бѣлая, съ сѣрыми пятнами, лошадь, чистой арабской крови. Скоро, однако, грязь

стала не такъ глубока, какъ прежде. Справа и слѣва потянулись поля, засѣянныя пшеницей и кукурузой, а вслѣдъ затѣмъ мы въѣхали въ огороженную съ обѣихъ сторонъ глиняными заборами улицу узбекской деревушки. Что особенно обратило здѣсь мое вниманіе — это форма домовъ. Они напоминали собой египетскіе храмы въ миніатюрѣ. Дѣло въ томъ, что стѣны ихъ не представляютъ отвѣсной линіи, а представляются скошенными по направленію сверху внизъ. Второе было то, что вездѣ замѣчалось множество тутовыхъ деревьевъ, подстриженныхъ, съ молодыми вѣтвями—несомнѣнный признакъ шелководства.—Обширный дворъ съ однимъ «египетскимъ храмомъ въ миніатюрѣ» былъ занятъ миссіей. Юрты были уже разбиты, и наши казаки и люди, переправившіеся еще наконунѣ, встрѣтили насъ всѣ, въ полномъ составѣ и въ вожделенномъ здравіи. Вьюки были сложены въ порядкѣ, посреди двора, и у нихъ былъ учрежденъ сторожевой постъ.

Когда мы устроились на нашей новой стоянкѣ, серхэнгъ сообщилъ, что миссіи все же придется прожить здѣсь, въ этой деревнѣ, дня два или три. Понятно, что подобное сообщеніе вызвало съ нашей стороны протестъ. — Если необходимо ждать, то зачѣмъ же было звать миссію на этотъ берегъ? — говорили мы. Зачѣмъ, въ такомъ случаѣ, обѣщали вы не задерживать движенія миссіи по дорогѣ въ Мазари-Шерифъ? Что же это? Смѣетесь что-ли вы надъ нами?

Серхэнгъ съ величайшимъ почтеніемъ на всѣ эти вопросы отвѣчалъ, «что они, авганцы, не только не намѣрены обманывать русскихъ пословъ, а напротивъ чрезвычайно рады видѣть ихъ у себя, готовы даже считать ихъ какъ бы своими братьями. Если же теперь миссіи необходимо нѣсколько обождать, то для блага ея же».

— Дорога не безопасна, продожалъ серхэнгъ.—Мы не хотимъ, чтобы наши дорогіе гости подверглись какимъ либо непріятностямъ въ пути. Поэтому русское посольство будетъ сопровождать конвой, который долженъ на дняхъ придти сюда изъ Мазари-Шерифа. Съ конвоемъ пріѣдутъ также знатныя лица для встрѣчи посольства.

На это ему мы возразили, что конвоя миссіи не надо; 22 вооруженныхъ казака и дюжина видѣнныхъ нами авганскихъ пѣхотинцевъ и всадниковъ могутъ служить достаточнымъ конвоемъ. Что же ка-

сается до встрѣчи, то вѣдь онъ, серхэнгъ, насъ встрѣтилъ, онъ и проводитъ...

— Я лицо маленькое и чинъ у меня маленькій. Я недостоинъ встрѣтить, а тѣмъ болѣе проводить такое высокое посольство, говорилъ серхэнгъ.—Для этого пріѣдутъ знатные люди. А что касается вашего желанія идти безъ конвоя, то я позволю себѣ сказать, что вы не знаете нашей страны, а особенно здѣшнихъ мѣстъ. Конвой, и при томъ большой конвой, необходимъ. Онъ необходимъ также для почета, который подобаетъ русскому посольству.

Дѣлать было нечего. Пришлось покориться снова своей участи. Было ясно, что, идя на проломъ, ничего тутъ не подѣлаешь. Поэтому, отпустивъ серхэнга, миссія занялась своими обычными дѣлами. Генералъ сталъ писать свои донесенія, казначей (въ данномъ случаѣ З.) выстроилъ въ длинную шеренгу нашихъ перевозчиковъ и каждаго наградилъ за труды халатомъ. Курьезно было видѣть потомъ цѣлый рядъ туземцевъ, облеченныхъ въ халаты, блестѣвшіе на солнцѣ всѣми цвѣтами радуги, прижимавшихъ свои руки, скрывавшіяся въ длинныхъ рукавахъ, къ желудку, и точно по командѣ отвѣшивавшихъ низкіе поклоны, бормоча безсвязныя слова благодарности. Злоязычникъ М. сейчасъ-же обозвалъ ихъ попугаями. Вскорѣ онъ куда-то исчезъ; сколько я ни искалъ его—не могъ найти. Потомъ онъ вдругъ появился съ довольно большимъ моткомъ шелку-сырца, показывая его всѣмъ и восхваляя свое пріобрѣтеніе. Шелкъ дѣйствительно былъ хорошъ, и М. заранѣе наслаждался впечатлѣніемъ, которое онъ думалъ произвести этой вещью на Г. Ашанина, извѣстнаго ташкентскаго шелковода, которому М. и предназначалъ въ подарокъ свой шелкъ.

Теперь я могъ объяснить себѣ тотъ мѣрный шумъ, какъ-бы шумъ мельничнаго жернова, который доходилъ до нашихъ помѣщеній изъ сосѣдняго строенія. Тамъ оказалась шелкомотальня. Мнѣ любопытно было видѣть, какимъ образомъ продѣлывается здѣсь размотка шелка; поэтому я сейчасъ же и отправился туда.

Въ небольшемъ сараѣ, откуда распространялся шумъ, въ полутьмѣ я замѣтилъ нѣсколько грязныхъ туземцевъ различнаго возраста. На земляномъ полу, возлѣ небольшаго окна—единственнаго, кромѣ двери, источника свѣта въ комнатѣ — помѣщалась шелкомо-

тальная машина. Она состояла изъ деревяннаго, очень грубо сдѣланнаго, станка, на которомъ была укрѣплена вьюшка, состоящая изъ нѣсколькихъ поперечныхъ вальковъ, прикрѣпленныхъ къ двухъ кругамъ. Эту вьюшку при помощи палки вертѣлъ мальчикъ лѣтъ 10-12. У самаго окна на земляной скамьѣ была поставлена большая чашка съ нѣсколькими парами коконовъ. Отъ чашки, наполненной на половину горячей водой, поднимался паръ. Возлѣ чашки стоялъ пожилой человѣкъ, съ узбекскими чертами лица. Одной рукой, вооруженной палочкой, онъ постоянно помѣшивалъ коконы въ чашкѣ, другой держалъ нитку, образовавшуюся изъ разматываемыхъ волосковъ коконовъ, и заправлялъ правильнымъ наложеніемъ нитки на вьюшку. Тутъ же рядомъ былъ вмазанъ въ стѣну котелокъ съ водой, постоянно подогрѣваемой. По окончаніи размотки положенныхъ коконовъ, старикъ выбрасывалъ шелковичныя куколки въ окно. Смрадъ царствовалъ въ этой первобытной мастерской. Груды выброшенныхъ за окно куколокъ разлагались и заражали воздухъ продуктами гніенія. Но туземцевъ, видимо, это нисколько не безпокоило. Двое изъ нихъ отъ нечего дѣлать болтали между собой всякій вздоръ. Но—истощился ли весь разговорный матерьялъ, или имъ надоѣло, въ сотый разъ, разсказывать новости дня, именно прибытіе «урусовъ»,—только одинъ изъ нихъ медленно поднялся съ мѣста, сунулся въ одинъ изъ угловъ сарая, вытащилъ оттуда покрытый толстымъ слоемъ грязи и коноти «чилимъ» и неторопливо началъ приготовлять кальянъ. Послышавшеся вскорѣ послѣ этого хрипѣніе дало знать, что важная операція приготовленія кальяна кончилась—и мѣдный, украшенный плохой бирюзой, чубукъ началъ переходить изъ одного рта въ другой, поочередно. Даже мѣрный шумъ колеса на нѣкоторое время стихъ. «Уста» (мастеръ) тоже не преминулъ въ свою очередь сдѣлать нѣсколько затяжекъ дымомъ запрещеннаго кораномъ зелья.

Мотокъ шелку, пріобрѣтенный М. вѣсилъ приблизительно около 2-хъ фунтовъ. За него было заплачено 20 тенегъ, т. е. 4 р. сер.

3. заболѣлъ въ этотъ день легкой формой перемежающейся лихорадки. Безъ сомнѣнія заболѣваніе произошло отъ того, что онъ провелъ цѣлую ночь на берегу Аму, когда ѣздилъ «выручать» Н. и перевозить обратно вьюки. Я еще прежде слыхалъ, что амударьинскія лихорадки особенно жестоки; поэтому принялъ противъ нихъ надле-

жащія мѣры. По крайней мѣрѣ мнѣ казалось, что принялъ, потому что—какъ самъ ежедневно принималъ небольшія количества хинина, такъ и другимъ рекомендовалъ то же самое. Несмотря на это З. все-таки заболѣлъ. Къ счастію пароксизмъ былъ очень слабый, и онъ къ вечеру этого же дня чувствовалъ себя уже сносно.

Я занялся было своимъ дневникомъ, но въ юртѣ царствовала такая жара и духота, что и это легкое дѣло можно было съ трудомъ дѣлать. Впрочемъ я долженъ былъ прервать занесеніе фактовъ въ свой дневникъ по причинѣ прибытія авганскаго конвоя, который долженъ былъ сопровождать миссію въ Мазари-Шерифъ. Во главѣ конвоя прибыли два генерала. Прибытіе конвоя было совсѣмъ неожиданное. Мы уже совсѣмъ было собрались проспчучать здѣсь необходимые два-три дня, въ ожиданіи конвоя. Понятна охватившая насъ радость при извѣстіи, что конвой прибылъ. Нельзя было не замѣтить той особенной поспѣшности, съ которой конвой прибылъ къ мѣсту стоянки миссіи; подобная поспѣшность совсѣмъ не въ обычаѣ азіатцевъ. Вслѣдствіе этого можно было предположить, что авганская администрація придавала прибытію русскаго посольства чрезвычайно важное значеніе. Очевидно было, что посольство было желаннымъ гостемъ для Авганистана. Въ этой мысли насъ укрѣпляло еще и то обстоятельство, что во главѣ пришедшаго конвоя были два генерала, изъ которыхъ одинъ былъ помощникомъ Лойнаба, а другой—комендантомъ Тахтапуля,—крѣпости, служащей опорнымъ пунктомъ владычества авганцевъ въ Чааръ-вилайетѣ. Конвой состоялъ изъ 200 всадниковъ и около 100 пѣхотинцевъ.

Часовъ около 4-хъ дня оба авганскіе генерала, съ нѣсколькими офицерами, сдѣлали миссіи визитъ. Одежда ихъ была такая же, какъ и Маметъ-хана. Только старшій генералъ, помощникъ Лойнаба,—былъ въ туфляхъ. Но это обстоятельство было обусловлено ревматизмомъ ноги, какъ онъ потомъ объяснилъ. Генералъ носилъ имя Мирза-Магометъ-Гассанъ-ханъ, «Кемнабъ». Онъ также носилъ еще титулъ Дебиръ-уль-мулькъ [1]). Это былъ средняго роста человѣкъ, лѣтъ подъ 50. Его выразительное лицо, съ горбатымъ носомъ и огненными, чер-

[1]) Кемнабъ и Дебиръ-уль-мулькъ—разныя градаціи чиновъ и должностей въ лѣстницѣ авганской военной и свѣтской администраціи.

ными глазами, свѣтилось умомъ. Черная, окладистая борода, была легко подкрашена въ красно-рыжій цвѣтъ. Его товарищъ, комендантъ Тахтапуля, наоборотъ, поражалъ глазъ яркостью окраски своей бороды и ногтей. У этого невзрачнаго человѣка на сморщенномъ, какъ бы сведенномъ узломъ, лицѣ рѣзко выдѣлялись пронизывающіе васъ насквозь глаза. Въ этомъ холодномъ блескѣ глазъ, сжатыхъ губахъ и угловатыхъ чертахъ лица виднѣлась закаленная, желѣзная воля. Дѣйствительно, онъ слылъ между авганами храбрецомъ и особенно отличился при взятіи авганцами г. Меймене въ 1875 г., гдѣ и былъ серьезно раненъ.

Миссія встрѣтила авганскихъ генераловъ на небольшой терассѣ, устроенной на берегу довольно широкаго арыка, проведеннаго сюда изъ Аму-Дарьи. За неимѣніемъ мебели, какъ гости, такъ и мы должны были расположиться на коврѣ, на корточкахъ. Впрочемъ, фраза: «за неимѣніемъ мебели»—не совсѣмъ вѣрна. Миссія везла съ собой полдюжины складныхъ табуретовъ и два складныхъ стола, но они не были распакованы и, такимъ образомъ, не могли быть употреблены въ дѣло.

Генералы поздоровались съ миссіей, прикладывая руки къ краямъ каски-шляпы («кюлахъ»), а потомъ пожиманіемъ руки каждаго изъ членовъ миссіи. Послѣ этого Дебиръ-уль-мулькъ еще разъ приложилъ обѣ руки къ полямъ шляпы и устало опустился на коверъ. Большинство авганскихъ офицеровъ, прибывшихъ съ генералами, стояло по сторонамъ, кругомъ посольской группы. Они представляли интересное зрѣлище. Всѣ цвѣта солнечнаго спектра отражались на ихъ платьяхъ. Вотъ высокій, съ энергичнымъ видомъ, авганецъ, съ пистолетомъ за поясомъ; онъ одѣтъ во все ярко-зеленое. Рядомъ съ нимъ стоитъ совершенно коричневый человѣкъ, въ узкихъ, какъ трико, обтягивающихъ ноги, штанахъ. Рѣсницы и края вѣкъ его поражаютъ очень темной окраской, которая заставляетъ сильно сомнѣваться въ естественности цвѣта. Нѣкоторые имѣли черезъ плечо на ремнѣ артиллерійскія коробки съ цѣпочками и шпильками. Нѣкоторые были въ коническихъ, или вѣрнѣе куполообразныхъ, довольно высокихъ, мерлушковыхъ шапкахъ. Это національный головной авганскій уборъ. Нашъ знакомецъ Маметъ-ханъ присѣлъ рядомъ съ комендантомъ. Теперь мы узнали, кто онъ. Оказалось, что онъ былъ

совершенно не причастенъ къ сынамъ туманнаго Альбіона. Это—природный авганецъ, одинъ изъ приближенныхъ Лойнаба, дитэнъ (чинъ, соотвѣтствующій эсаулу) Мосинъ-ханъ. Онъ спокойно сидѣлъ въ своемъ углу и невозмутимо слушалъ разговоры Дебиръ-уль-мулька съ ген. Столѣтовымъ. Иногда онъ вставлялъ въ общую рѣчь и свои два-три слова, и затѣмъ опять умолкалъ. Комендантъ не раскрывалъ рта почти во все время разговора. Онъ только щурился, да пощипывалъ окрашенные волоски своей бороды, точно хотѣлъ «намотать себѣ на усъ» все сказанное. Но разговоръ ограничился простыми дружескими привѣтствіями и пожеланіями взаимнаго благополучія. Потомъ Дебиръ-уль-мулькъ сообщилъ, что эмиръ Ширъ-Али-ханъ несомнѣнно радъ будетъ принять пословъ великаго бѣлаго Царя. Затѣмъ, поговоривъ еще нѣсколько минутъ, оба генерала удалились къ себѣ, извиняясь усталостью послѣ дороги.

Во время ихъ визита былъ поданъ дессертъ изъ абрикосовъ и персиковъ. Я удивился при видѣ, что персики были уже совсѣмъ спѣлы. Вѣдь мы имѣли только еще 18-е іюня! Тѣмъ не менѣе персики были очень хороши. Сочностью средне-азіатскіе персики очень славятся и едва ли имѣютъ себѣ соперниковъ. Но того же нельзя сказать объ ихъ вкусѣ. Это, впрочемъ, весьма понятно. Всѣ здѣшнія персиковыя деревья совершенно дики, не культивированы. Опыты, произведенные въ этомъ направленіи въ Ташкентѣ и въ другихъ городахъ Туркестана русскими садоводами, показали, что путемъ тщательнаго ухода и прививки лучшихъ породъ можно получить превосходные по вкусу плоды. Величина плодовъ иногда просто изумительна. Вообще садоводству въ Туркестанскомъ краѣ предстоитъ блестящая будущность. Это замѣчается уже и теперь, при видѣ сильно развившагося въ Русскомъ Туркестанѣ огородничества, основаннаго на русскихъ началахъ.

Относясь вообще очень осторожно къ употребленію въ пищу плодовъ, я сначала не рѣшался ѣсть принесенные персики, ограничиваясь абрикосами. Но Дебиръ-уль-мулькъ, замѣтивъ мое воздержаніе, предупредительно сообщилъ, что это—вполнѣ спѣлые плоды, и что ихъ ѣсть можно безъ всякаго вреда для здоровья. Узнавъ потомъ о моей спеціальности, онъ, по поводу только что даннаго имъ совѣта, съ

улыбкой замѣтилъ, что «конечно, докторъ-саибъ (господинъ), самъ знаетъ это лучше, чѣмъ кто-либо».

Между тѣмъ день приближался къ концу. Вскорѣ вечерняя заря заревомъ своего пожара охватила полгоризонта. Послѣднія огненныя жилки солнечнаго свѣта, отражаемыя полупрозрачной облачной полосой, постепенно меркли. Тѣни сгущались все болѣе и болѣе. Съ берега рѣки повѣяло свѣжестью, а въ воздухѣ почувствовалась сырость, смѣнившая зной и жару длиннаго лѣтняго дня. Часовой казакъ мѣрно шагалъ взадъ и впередъ передъ сложенными, посреди дворовой площадки, вьюками. Нѣсколько лаучей купали въ сосѣднемъ арыкѣ взятыхъ подъ свое наблюденіе вьючныхъ коней. Бѣдныя животныя видимо наслаждались прохладной струей и стояли въ водѣ неподвижно, фыркая, отдуваясь и тяжело переводя духъ. Кругомъ нашего помѣщенія выросли длинныя фигуры авганскихъ часовыхъ. Ихъ синія куртки въ сгущавшемся мракѣ казались совсѣмъ темными. Такихъ постовъ кругомъ нашего помѣщенія было нѣсколько. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ стояли козла изъ ружей, принадлежавшихъ смѣннымъ часовымъ. Гамъ и шумъ постепенно смолкали, даже и на томъ дворѣ, гдѣ были расположены джигиты, лаучи и лошади. Лишь изрѣдка проносилась въ воздухѣ запоздалая болтовня лауча, да громкое ржанье коня, завидѣвшаго принесенную торбу съ ячменемъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ стени вспыхнули мигающіе огоньки. Тополевая роща, находившаяся у края деревни, вскорѣ совсѣмъ погрузилась въ мракъ...

За ужиномъ, генералъ, говоря объ авганцахъ, къ немалому моему удивленію, характеризовалъ ихъ теперь очень рѣзкими и непривлекательными штрихами. Это были, по его словамъ, беззастѣнчивые воры и грабители. «Ихъ предательство», говорилъ онъ, «вошло въ пословицу: авганецъ-сынъ можетъ безъ зазрѣнія совѣсти убить отца, продать его и т. п.» По этому ген. рекомендовалъ миссіи крайнюю осторожность въ отношеніи къ авганамъ. Кромѣ обычнаго казачьяго караульнаго поста былъ наряженъ еще и другой постъ. Но этимъ мѣры осторожности не ограничились. Генералъ предложилъ учредить ночной караулъ также и изъ членовъ миссіи. Каждый изъ насъ долженъ былъ продежурить по $1^1/_2$ часа. Всѣ мы, конечно, согласились съ предложеніемъ. Генералъ хотѣлъ и самъ дежурить наравнѣ съ прочими, но остальные члены миссіи не согласились на

это. Было бы неделикатно допустить главу посольства, отягченнаго бременемъ отвѣтственности за все и вся, еще отягчать и случайнымъ бременемъ ночнаго караула. Поэтому мы упросили генерала отказаться отъ своей доли дежурства и достигли этого лишь послѣ долгихъ упрашиваній. Первая очередь ночнаго караула досталась мнѣ. Я долженъ былъ дежурить отъ 10 до 12 ч. ночи. Лишніе полчаса были накинуты мнѣ въ виду того, что это время было самымъ легкимъ для дежурства. Впрочемъ, значительную часть своего дежурства я провелъ не одинъ: генералъ раздѣлялъ мое одиночество. Онъ долго сидѣлъ со мной на террасѣ, разсказывая различные эпизоды изъ только что оконченной русско-турецкой войны, въ которой онъ былъ, какъ извѣстно, далеко не дюжиннымъ участникомъ. Рѣзкими штрихами передалъ онъ отступленіе отряда генерала Гурко, послѣ дѣла подъ Эски-Загрой. Во время разсказа о «Шибкинскомъ сидѣньи», онъ очень воодушевился. Его сравненіе Турціи, послѣ второй Плевны и Шибки, съ расправлявшимъ крылья ворономъ, по моему мнѣнію, очень характеристично. Конечно, Турція, даже въ случаѣ рѣшительнаго успѣха надъ нами, никогда не могла бы быть не только орломъ, но даже и соколомъ. Да, только кровожаднымъ вороном она и могла бы быть. Долго я слушалъ про вошедшее въ пословицу мужество русскаго солдата, его беззавѣтную готовность жертвовать собой для блага ближнихъ—будетъ ли то подъ жерломъ крупповскаго орудія, или подъ снѣжнымъ бураномъ дикихъ горныхъ ущелій. Казалось, генералъ самъ снова переживалъ всѣ минуты страданія арміи.—Наслышавшись вдоволь различныхъ мнѣній за и противъ болгаръ, по поводу ихъ поведенія въ отношеніи русской арміи во время войны, я, естественно, захотѣлъ узнать мнѣніе генерала объ нихъ, какъ лица, имѣвшаго дѣло съ болгарами едва ли не болѣе, чѣмъ кто либо другой. Вѣдь онъ былъ начальникомъ болгарскаго ополченія.

— Видите ли дѣло въ чемъ, говорилъ мнѣ генералъ,—у болгаръ существуютъ двѣ партіи: интелигентная, нѣсколько разочарованная въ Россіи, и чисто народная, слѣпо идущая за нею. Эта послѣдняя всѣ свои надежды и упованія возлагаетъ на Россію. Эти люди—въ полномъ смыслѣ слова «братушки». Понятно, почему болѣе интелигентная партія разочаровалась въ Россіи. Она ожидала отъ Россіи большаго. А ожидала она на основаніи обѣщаній самихъ же русскихъ

людей, власть и вліяніе имѣвшихъ. Очень много говорили и говорятъ еще и до сихъ поръ о томъ, что болгары неблагодарны, брали съ русскихъ воиновъ, проливавшихъ за нихъ свою кровь, за все въ тридорога. Но вы бы посмотрѣли до какой нищеты доведены были болгары вслѣдствіе военнаго времени. А тутъ еще явились иные грабители, въ лицѣ подрядчиковъ продовольственной компаніи Коганъ, Грегеръ и К°. Вѣдь какія только штуки они не продѣлывали съ населеніемъ. Подрядятъ напр. партію быковъ за извѣстную цѣну, а при разсчетѣ даютъ другую. Часто также случалось, что агенты продовольственной компаніи наряжались въ военное платье и отъ имени русской власти забирали разные припасы у несчастныхъ болгаръ. Нѣтъ, объ этомъ лучше и не говорить...—закончилъ генералъ и отправился спать.

Съ часъ я дежурилъ одинъ. Звѣзды ярко блестѣли на этомъ глубокомъ, южномъ небѣ. Тишина была полная; только мѣрные шаги часоваго казака будили мертвую тишину ночи. Авганскіе часовые стояли неподвижно, какъ статуи. Я заглянулъ за уголъ террасы. Въ кустахъ, окаймлявшихъ арыкъ, тотчасъ же зашелестѣла фигура авганца, опиравшаяся на дуло ружья. Онъ встрепенулся, пристально посмотрѣлъ на меня и вскорѣ погрузился опять въ прежнее оцѣпенѣніе. Ясно было, что насъ охраняли крѣпко!

Лишь только часовая стрѣлка поравнялась съ 12-ю, я сейчасъ же разбудилъ топографа, который долженъ былъ замѣстить меня на дежурствѣ. Въ юртѣ было очень жарко и душно, но я заснулъ, какъ убитый.

Солнце уже стояло высоко, когда я проснулся утромъ слѣдующаго дня. Ночь прошла безъ всякихъ происшествій,—первая наша ночь въ Авганистанѣ. Въ нашемъ маленькомъ лагерѣ поднялась обычная возня дорожной жизни. Издали доносились отрывистые звуки рожка, а иногда—два, три удара въ барабанъ. Нѣсколько красныхъ мундировъ заглянули въ наше становище. Крупнымъ галопомъ проскакали мимо насъ три авганскихъ кавалериста. Поравнявшись съ нашими юртами, они нарочно усилили бѣгъ, точно хвастаясь своими конями. Въ сосѣднемъ зданіи опять запѣла шелкомотальная машина... День шелъ обычнымъ своимъ порядкомъ.

Генералъ пошелъ къ авганскимъ сановникамъ—отдать имъ визитъ.

Онъ отправился къ нимъ одинъ. Остальные члены миссіи остались дома. Я занялся раскупоркой барометра. До сихъ поръ я не употреблялъ его въ дѣло по той причинѣ, что наша дорога по бухарскимъ владѣніямъ была во многихъ пунктахъ барометрически уже опредѣлена. Но здѣсь, въ Авганистанѣ, а особенно сѣверной его части, барометрическихъ наблюденій, даже и англійскихъ, почти совсѣмъ нѣтъ. Но и мнѣ не суждено было пополнить эти скудныя свѣдѣнія. Съ величайшей осторожностью сталъ я снимать съ барометра чехолъ и обшивку изъ кошмы. Уже снимая чехолъ, я замѣтилъ зловѣщіе маленькіе шарики ртути. При раскрытіи обѣихъ половинокъ деревянной коробки барометра шарики ртути градомъ посыпались въ разныя стороны. Я просто оцѣпенѣлъ отъ горя. Полковникъ, присутствовавшій при этой операціи, флегматично проговорилъ: «худо»! Первый взглядъ, брошенный на барометрическую трубку убѣдилъ меня, что самая трубка цѣла. Я постарался въ этомъ убѣдиться. Дѣйствительно она была совершенно цѣла, но... въ ней была только половина ртутнаго столба. Оказалось, что барометръ былъ выданъ изъ топографическаго отдѣла старый, бывшій нѣсколько разъ въ чинкѣ: черезъ дурно зачиненный кранъ и вытекла часть ртути. Досаду, которая овладѣла мной, можетъ себѣ представить только человѣкъ, бывшій въ подобномъ положеніи. Эта досада усилилась еще оттого, что невозможно было поправить зло; запасной ртути не было взято ни капли. Еслибъ была запасная ртуть, то въ крайнемъ случаѣ можно было бы попытаться снова налить трубку ртутью. Но теперь дѣлать было нечего.

Генералъ скоро возвратился изъ авганскаго лагеря и объявилъ, что рѣшено выступить въ путь сегодня же въ 6 часовъ вечера и идти впродолженіе всей ночи. Это ночное шествіе было рѣшено въ тѣхъ видахъ, чтобы избѣжать дневного жара, который здѣсь былъ положительно невыносимъ. Туркменская пустыня заливомъ вдается между берегомъ Аму и отрогами Паропамиза. Нашъ путь въ Мазари-Шерифъ пролегалъ именно по этому заливу, на протяженіи 50-ти верстъ. Топографу очень не по вкусу пришлось это рѣшеніе: ночью маршрутъ вести затруднительно. Но дѣлать было нечего.

Ровно въ 6 часовъ вечера мы сѣли на коней.

— Справа по два рядами—маршъ! послышалась команда вахмистра—и 22 казака и 4 деньщика слѣдомъ за нами вытянулись ве-

реницею вдоль узкой дороги. Вьюки слѣдовали отдѣльно; они были оставлены на этотъ разъ безъ какого либо прикрытія изъ казаковъ,—даже деньщики не были оставлены при нихъ. Весь присмотръ былъ порученъ лаучамъ и джигитамъ. А охрана была цѣликомъ возложена на авганскихъ солдатъ и кавалеристовъ. Мнѣ кажется, что такое распоряженіе не выдерживаетъ критики. Могло случиться, что мы остались бы совсѣмъ безъ багажа. Если не авганцы, то сами же лаучи, набранные по большей части въ бухарскихъ владѣніяхъ, безъ всякой гарантіи съ ихъ стороны, могли бы разворовать наши вещи и подѣлиться нашимъ добромъ съ конвоирующими ихъ авганцами. Это они могли бы сдѣлать тѣмъ легче, что вьюки шли совершенно отдѣльно отъ насъ, и при томъ въ ночное время. Если генералъ имѣлъ въ виду сплоченіемъ всѣхъ казаковъ и деньщиковъ увеличить оборонительную силу миссіи, то эта цѣль, мнѣ кажется, также не достигалась. Въ случаѣ вѣроломства со стороны авганцевъ и ихъ нападенія на насъ,—что̀ могли бы сдѣлать 30 человѣкъ противъ 300 авганцевъ въ пустынѣ, въ совершенно неизвѣстной для насъ мѣстности, въ темнотѣ ночи? Очевидно, что, отправляясь въ Авганистанъ съ такимъ незначительнымъ, спеціально почетнымъ конвоемъ, какъ 22 казака, надо было прямо положиться на благородство чувствъ суровыхъ горцевъ. Объ охранительномъ значеніи 22-хъ казаковъ и 4-хъ деньщиковъ, въ подобныхъ обстоятельствахъ, нечего было и думать.

При выѣздѣ изъ деревушки насъ встрѣтили оба авганскіе генерала со свитой и длиннымъ хвостомъ всадниковъ, блестѣвшихъ своими красными мундирами. Большая часть всадниковъ на головахъ имѣла коническія, косматыя мѣховыя шапки. Всѣ они были вооружены ружьями, заряжающимися съ дула. У многихъ были кромѣ того за широкими кожаными поясами пистолеты и длинные ножи. У офицеровъ были длинныя шашки и пистолеты. Передніе всадники имѣли значки, въ видѣ небольшихъ флачковъ. Эти значки были прикрѣплены къ длиннымъ пикамъ изъ бамбука.

Когда мы выѣхали на открытое мѣсто, то всадники распредѣлились слѣдующимъ образомъ. Часть ихъ поднялась въ карьеръ и отъѣхавъ на 2,000 шаговъ впередъ, поѣхала тише; она составила авангардъ. Сзади, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ насъ, также слѣ-

довала группа всадниковъ, составляя арріергардъ. По обѣимъ сторонамъ посольской группы вытянулись двѣ длинныя шеренги конныхъ авганцевъ. Такимъ образомъ миссія ѣхала въ прямоугольникѣ изъ конныхъ авганцевъ. Въ то время, когда насъ встрѣтили авганскіе генералы, раздалась густая дробь барабана. Рѣзкіе звуки рожка вторили ему.

Признаюсь, очутившись въ густой толпѣ авганцевъ, я почувствовалъ себя не совсѣмъ спокойно. Вѣдь по данному сигналу авганцы могли насъ въ одну минуту всѣхъ перебить, — и пикнуть не успѣли бы. Полагаю, что я не одинъ испытывалъ подобное чувство. Но никакого нападенія на насъ не послѣдовало. Авганцы посматривали на насъ только съ любопытствомъ; нельзя было подмѣтить ни одного косаго, недоброжелательнаго взгляда. Видно было, что они насъ стерегли сильно, но не какъ плѣнниковъ, жертву, но какъ дорогихъ, даже очень дорогихъ гостей,—заботиться о безопасности которыхъ имъ очень строго было наказано.—Черезъ нѣсколько сотъ шаговъ произошла неожиданная остановка. Единственный вьюкъ, который былъ взятъ съ миссіей, казна,—развьючился. Поэтому надо было его снова завьючить; при этомъ генералъ посовѣтовалъ называть его не «казной», а «денежнымъ ящикомъ». Дѣло въ томъ, что «казна»—тюркское слово и его могли понимать авганцы, а особенно хезарейцы, которыхъ было много въ числѣ всадниковъ. Поэтому новое названіе было предложено для того, чтобы скрыть отъ нашихъ конвоировъ значеніе этого вьюка.

И такъ мы тронулись въ путь. Черезъ полчаса ѣзды, мѣстность, по которой мы ѣхали, совершенно измѣнила свой характеръ. На нашей бывшей стоянкѣ вездѣ ощущался избытокъ воды, вездѣ господствовала сырость, кругомъ виднѣлись болота; теперь же почва стала совершенно суха, кругомъ—ни одной капли воды. Вмѣсто тутовыхъ и персиковыхъ деревьевъ—на вершинахъ песчаныхъ холмовъ торчали жалкіе кустики саксаула.

Въ Средней Азіи контрасты въ жизни природы наблюдаются очень часто, и они очень рѣзки. Здѣсь бокъ-о-бокъ уживаются такія противуположности, о какихъ въ Европѣ и понятія не имѣютъ. Рядомъ съ громадной рѣкой—вы находите безводную обширную пустыню. Изъ громадной, плоской низменности сразу выростаютъ исполины-

горные кряжи и хребты. Тропическій жаръ лѣта смѣняется въ зимнее время чуть не полярными холодами [1]). Цвѣтущій оазисъ—и кругомъ развалины... и т. п.

Скоро намъ пришлось ѣхать въ темнотѣ; ночь совсѣмъ спустилась на землю. Мракъ еще болѣе усиливался облакомъ пыли, взметаемымъ копытами нѣсколькихъ сотъ лошадей и окутавшимъ всю нашу кавалькаду. Безвѣтріе было полное. Иногда только блеснетъ во мглѣ ружейный стволъ; пламя зажженной спички поиграетъ на немъ нѣсколько секундъ—и погаснетъ. Рѣдко-рѣдко потянетъ слабая струя вѣтра, принесенная съ горъ Паропамиза, и порветъ на время облачную одежду, окутавшую и небо и степь. Тогда на мгновеніе появляется вся стройная, колыхающаяся масса всадниковъ, и затѣмъ опять скрывается въ пыльномъ облакѣ. Пустыня, окружавшая насъ, совершенно безжизненна. Это—могила для всего органическаго. Тишина поэтому здѣсь полнѣйшая. Она нарушалась теперь только глухимъ топотомъ лошадей, лязгомъ цѣпочекъ у удилъ и, иногда, протяжнымъ, перекатывающимся съ одного холма на другой, ржаніемъ горячаго авганскаго коня. Время отъ времени пустыня будилась также отъ своего глубокаго сна густой дробью барабановъ и рѣзкими звуками рожка. Однако пустыня глухо душила звуки барабана, а окружающіе барханы не охотно посылали свое эхо въ отвѣтъ на звуки рожка...

Дорога мѣстами пролегала по твердому грунту. Тогда и кони шли бодрѣе. Но вскорѣ послѣ этого ноги ихъ начинали снова вязнуть въ пескѣ.

Нѣсколько разъ Дебиръ-уль-мулькъ отставалъ. Тогда и миссія должна была останавливаться. Послѣ нѣсколькихъ подобныхъ отставаній Дебиръ пришелъ въ очень веселое настроеніе духа. Еще прошло нѣсколько времени — и всѣмъ намъ стало уже ясно, что почтенный авганскій вельможа положительно былъ пьянъ. Это показалось намъ, конечно, очень удивительнымъ, ибо авганцы слывутъ очень религіозными; а вѣдь употребленіе вина воспрещается кораномъ. Но фактъ былъ на лицо. Потомъ объяснилось, что Дебиръ-

[1]) Напр. въ гор. Ташкентѣ, въ іюнѣ и іюлѣ мѣс. 40° жара — обычное явленіе. Зимой же 1877—78 гг. морозы доходили до—26° С.

уль-мулькъ не природный авганецъ, а персидскій выходецъ. Слѣдовательно, совершенно понятна его страсть къ вину. Персіяне, какъ извѣстно, нисколько не стѣсняются предписаніями корана, если дѣло идетъ о винѣ и выпиваньи. Извѣстный Фэтали-Шахъ, персидскій шахъ,—имѣвшій, какъ говорятъ, столь многочисленное семейство, что даже не могъ знать всѣхъ своихъ дѣтей въ лицо, — отзывался о винѣ и чаѣ слѣдующимъ образомъ: «чай горячитъ кровь, поэтому, въ жаркомъ климатѣ Персіи, не можетъ быть употребляемъ; вино же, наоборотъ, — составляетъ охлаждающій напитокъ, а потому достойно полнаго вниманія и предпочтенія передъ первымъ». Весьма вѣроятно, что и Кемнабъ, какъ потомственный персіянинъ, не прочь былъ придержаться мнѣнія такого авторитетнаго лица, какъ упомянутый шахъ. Это ему тѣмъ болѣе пріятно было исполнить, что вино-то было у него даровое, некупленное. Оно было прислано Лойнабомъ Ширъ-Диль-ханомъ для русской миссіи. Лойнабъ предположилъ, что русскіе, какъ и прочіе «феринги» (европейцы) пьютъ и любятъ вино, вслѣдствіе чего и прислалъ, вмѣстѣ съ другими столовыми припасами, также нѣсколько бутылокъ вина. Но начальникъ миссіи категорически отказался отъ вина. Вотъ теперь это вино и истреблялъ Дебиръ-уль-мулькъ.

Не знаю какъ это случилось, но только начальникъ миссіи подозвалъ къ себѣ вахмистра и предложилъ казакамъ спѣть какую-нибудь хоровую пѣсню. Послѣдовало обычное «слушаю-съ!» И вотъ, въ необъятной, мрачной пустынѣ, въ землѣ чуждой, вѣроятно впервые отъ сотворенія міра прозвучала могучая пѣсня русскаго солдата!... О чемъ же пѣли казаки?

Конечно о своихъ походахъ, побѣдахъ и даже отступленіяхъ. Когда пѣли о побѣдѣ, то голоса звучали мощно, смѣло, но при воспоминаніи объ отступленіи тонъ пѣсни дѣлался печальнымъ. Непритворная веселость и размашистость русской натуры слышалась, когда пѣли пѣсню:

«Генералъ Скобелевъ съ нами—
Намъ и смерть съ нимъ не страшна!...
Онъ отецъ нашимъ казакамъ,
Покровитель всѣмъ войскамъ! [1])...
и т. д.

[1]) Пѣсня, сложенная на взятіе г. Кокана ген. Скобелевымъ.

Потомъ послышался мощный гулъ, точно трубный звукъ:

«Гремитъ слава трубой,
Мы дрались за Дарьей—
По степямъ твоимъ Чиназъ
Разнеслась слава объ насъ» [1])...

и т. д.

Дебиръ постоянно обращался къ генералу и хвалилъ пѣніе казаковъ. При этомъ онъ замѣтилъ, что «авганцы не умѣютъ такъ согласно пѣть хоромъ, хотя отдѣльные пѣвцы есть и между ними, а между гератцами такъ есть даже и очень хорошіе». Комендантъ Тахтапуля все время не проронилъ ни одного слова. Онъ былъ точно запечатанъ. Казалось, онъ все свое вниманіе сосредоточилъ на ушахъ своего сѣренькаго иноходца. Интересно было бы посмотрѣть, какое впечатлѣніе произвела пѣсня казаковъ на авганскій конвой. Но темнота ночи ничего не позволяла видѣть далѣе нѣсколькихъ шаговъ. Только Мосинъ-ханъ нѣсколько разъ оборачивался въ сторону казаковъ, долго и пристально смотрѣлъ на нихъ и слушалъ. Но онъ также ничего не сказалъ о своихъ впечатлѣніяхъ.

Какъ ни былъ богатъ репертуаръ пѣсень у нашихъ казаковъ, но наконецъ они должны были замолчать: все пропѣли. Запѣвало, казакъ Гагушкинъ, пробовалъ было повторить снова уже пропѣтыя пѣсни, но его никто не поддержалъ и онъ вскорѣ также замолкъ.

Опять все погрузилось въ безмолвіе. Даже барабанщикъ—и тотъ, кажется, позабылъ про свой барабанъ, и ужъ не будилъ глухое пустынное эхо своей дробью. Утомленіе начинало меня сильно разбирать. Очень хотѣлось спать. Я имѣлъ поползновеніе нѣсколько разъ заснуть въ сѣдлѣ, но полковникъ, ѣхавшій рядомъ со мной, зорко слѣдилъ за моимъ балансированьемъ, и лишь только я начиналъ усиленно раскачиваться на сѣдлѣ и «клевать носомъ», какъ сейчасъ же до уха моего долетали слова: «докторъ, спите? Упадете подъ ноги лошади... ушибетесь!» Перспектива—очутиться подъ ногами лошади,—вѣроятно, была не особенно привлекательна и для соннаго моего воображенія, потому что я сейчасъ же открывалъ глаза и принималъ уже болѣе активное участіе въ ѣздѣ. Но черезъ нѣсколько времени

[1]) Пѣсня, сложенная на дѣло при Ирджарѣ въ 1866 г.

вѣки опять тяжелѣли и надвигались на глаза, поводья выпадали изъ рукъ, а ноги отказывались осязать стремена—и балансирующее состояніе всего моего тѣла снова вызывало предостереженія полковника. Для того чтобы занять меня онъ началъ какой-то разсказъ. Но ни средины, ни конца его я уже не слыхалъ, а услыхалъ только опять обычную фразу о непріятной возможности знакомства съ конскими копытами...

Такимъ образомъ по этой пустынѣ было сдѣлано нами около 40 верстъ пути. Дальше ѣхать положительно не было возможности. Не я одинъ чувствовалъ непреодолимое влеченіе къ объятіямъ Морфея. Даже весельчакъ М. умолкъ и подъ шумокъ казацкихъ пѣсенъ, кажется, съ пользой употребилъ нѣкоторую толику времени, тѣмъ болѣе, что сѣдло у него было прекрасное, удобное,—«отъ самаго Вальтера», какъ онъ съ гордостью говорилъ о немъ.

Наконецъ и авганскіе генералы не выдержали. Рѣшили сдѣлать коротенькій привалъ въ открытой пустынѣ, на голомъ пескѣ. Богъ вѣсть, какимъ образомъ авганцы ухитрились сейчасъ же приготовить чай. Вѣроятно они везли извѣстное количество воды съ собой. Но гдѣ они достали топлива, чтобъ согрѣть воду? Этого я и потомъ не узналъ; кругомъ не замѣчалось ни прутика саксаула, ни стебелька травки. Выпили по стакану чаю—и растянулись гдѣ кто могъ. Пришлось удовольствоваться самымъ первобытнымъ ложемъ. Китель послужилъ и постелью и одѣяломъ: вьюки остались далеко назади, а потому воспользоваться ими мы не могли. Вмѣсто подушки мнѣ прекрасно сослужила службу сумка съ лекарствами. Дебиръ долго стоналъ и охалъ, отдавшись въ опытныя руки авганца, профессора туземнаго massage'а, который началъ, кажется, «хожденіемъ», а закончилъ «рубленіемъ».

Блѣдный свѣтъ наступающаго дня уже охватилъ всю необъятную пустыню, когда мы снова двинулись въ путь. Дрожь пробирала меня. Сдѣлалось очень свѣжо, а я былъ въ одномъ китель. Можно было опасаться не совсѣмъ пріятныхъ послѣдствій проведенной на голой землѣ ночи, въ видѣ разныхъ ревматизмовъ, лихорадокъ, катарровъ и т. п., но—ничего, дѣло обошлось на этотъ разъ благополучно.

Нѣсколько часовъ пришлось ѣхать все тою же неприглядной пустыней. Кругомъ—ни одного признака жизни. На югѣ медленно, съ

каждымъ шагомъ впередъ, выростали синія горы. На сѣверѣ—силуэты Ширабадскихъ горъ совершенно скрылись въ туманной дали. Черезъ нѣсколько времени ѣзды, по сторонамъ потянулись разбросанные остатки жалкихъ развалинъ древняго города. Они занимали пространство въ нѣсколько квадратныхъ верстъ. Мѣстами виднѣлись довольно хорошо уцѣлѣвшія арки воротъ; остатки башень одиноко возвышались изъ этой груды обломковъ, точно желая вѣчно высказывать свой протестъ противъ виновниковъ этого разрушенія. Два-три незатѣйливыхъ купола довольно хорошо сохранились и могли защитить странника отъ расходившейся грозной стихіи, когда песчаный буранъ грозитъ похоронить въ себѣ все живое, встрѣтившееся ему на пути. Но вотъ, о чудо!—среди мертвыхъ развалинъ сверкнули двѣ-три полосы, покрытыя уже совсѣмъ созрѣвшею, золотистою пшеницей. Полные колосья ея тяжело склонялись къ землѣ. Чѣмъ можно объяснить появленіе этого луча жизни въ мрачной, безплодной пустынѣ? Загадка скоро разъяснилась. Въ нѣсколькихъ верстахъ ѣзды отсюда показалась масса зелени. Эта масса зелени, когда мы приблизились къ ней, оказалась большимъ селеніемъ, съ широкимъ арыкомъ, протекающимъ по срединѣ его. Изъ арыка слабая струйка живительной влаги лилась и къ тѣмъ, нѣжащимъ глазъ утомленнаго пустыней путника, полоскамъ пшеницы. И опять стало ясно, а здѣсь болѣе, чѣмъ гдѣ либо, что вода—жизнь земли.—Древесная растительность селенія, его хлѣбныя поля, окрасившія въ золото окрестности, на нѣсколько квадратныхъ верстъ вокругъ,—рѣзко контрастировали съ безжизненною, угрюмою физіономіей песчанаго океана, охватившаго со всѣхъ сторонъ этотъ оазисъ.

Селеніе это называется Каршіякъ. Своей жизнью, своей роскошной растительностью, своими богатыми хлѣбными полями, оно обязано каналу, проведенному сюда изъ Балхской рѣки. Отъ берега Аму это селеніе отстоитъ верстъ на 50, а отъ развалинъ г. Балха—верстъ на 40. Почти тоже разстояніе отдѣляетъ его и отъ Мазари-Шерифа. Селеніе это имѣетъ до 200 дворовъ и изобилуетъ фруктовыми садами.

Мы были почти первые европейцы, которыхъ оно увидало въ своихъ стѣнахъ. Муркрофтъ, на пути своемъ въ Бухару, прошелъ этимъ селеніемъ въ Январѣ 1824 г., Бёрнсъ прошелъ черезъ Турк-

менскую пустыню западнѣе этого селенія, на Андхой и Ходжа-Саля. Вамбери прошелъ еще западнѣе, чѣмъ Бёрнсъ.

Что особенно рѣзко бросалось въ глаза, при въѣздѣ въ селеніе,—это типъ домовъ. Вездѣ въ Туркестанѣ, гдѣ мнѣ привелось быть до сихъ поръ, я встрѣчалъ обыкновенный типъ квадратныхъ построекъ съ плоской кровлей. Здѣсь же дома—почти исключительно куполообразной формы. Часто они имѣютъ по нѣсколько правильныхъ, шарообразныхъ куполовъ. Купола обыкновенно имѣютъ въ своемъ центрѣ небольшое отверстіе для прохожденія дыма. Подобныя жилища производятъ впечатлѣніе какъ бы окаменѣвшей юрты. Кишлакъ оказался заселеннымъ исключительно узбеками. Это обстоятельство, по моему мнѣнію, хорошо выясняетъ происхожденіе формы ихъ жилищъ. Узбеки, какъ народъ кочевой, еще въ не особенно отдаленномъ времени, жили въ юртахъ—обычномъ переносномъ жилищѣ номадовъ Азіи. При переходѣ къ осѣдлости, они сохранили прежній типъ своихъ жилищъ, только сдѣлали ихъ постоянными, стали строить юрты не изъ войлока, а изъ камня и глины [1]).

Мы проѣхали черезъ кишлакъ и остановились на восточной его окраинѣ, въ саду изъ старыхъ, гигантскихъ абрикосовыхъ деревьевъ. Здѣсь для насъ были поставлены юрты. Кругомъ сада сейчасъ же разставлена была цѣпь авганскихъ часовыхъ.

Мнѣ очень хотѣлось узнать что либо о встрѣченныхъ нами развалинахъ. Но я ничего почти не могъ добиться. Среди мѣстнаго населенія не сохранилось никакихъ преданій о нихъ. Только Дебиръ-уль-мулькъ сообщилъ, что это—остатки «города кафировъ». Но что это были за кафиры, каковъ былъ самый городъ, въ какое время произошло его запустѣніе и проч.,—на всѣ эти вопросы я не получилъ никакого разъясненія [2]). Въ Средней Азіи, вообще, рѣзко бросается въ глаза то обстоятельство, что мѣстныхъ преданій почти совсѣмъ не существуетъ. Конечно, это явленіе весьма естественно при той частой

---

[1]) Замѣчу здѣсь кстати, что постройки на киргизскихъ кладбищахъ, гробницы,—имѣютъ обыкновенно также куполообразную, или вѣрнѣе—юртообразную форму. Такимъ образомъ, хотя эти постройки и дѣлаются изъ глины и камня, но типъ постояннаго жилища, юрты, всегда удерживаютъ.

[2]) Я не могъ найти никакихъ указаній относительно этихъ развалинъ и у большей части арабскихъ и персидскихъ географовъ и историковъ.

смѣнѣ населявшихъ ее племенъ, которая здѣсь практиковалась. Здѣсь одинъ потокъ народа смѣнялся другимъ и совершенно стиралъ съ лица земли, какъ своихъ предшественниковъ, такъ и всѣ ихъ легенды и преданія. Пришельцы были совершенно чужды тѣмъ воспоминаніямъ, которыя были почему либо дороги, или достойны сохраненія для прежнихъ жителей страны. По этому нечего удивляться отсутствію здѣсь народной памяти, хотя, конечно, объ этомъ и стоитъ пожалѣть.

Въ этотъ день, т. е. 20-го іюня, намъ пришлось впервые познакомиться съ мѣстнымъ с и р о к к о — «гярмъ-сиромъ» [1]), какъ его здѣсь зовутъ. Въ полдень t° воздуха въ тѣни юрты, въ густомъ саду, достигла 42,6° С. Замѣчательно было то, что вѣтеръ былъ не западнаго, а восточнаго направленія. Я нѣсколько разъ повѣрялъ его направленіе и всякій разъ находилъ, что онъ дуетъ съ востока. Конечно, это явленіе было очень странно. На востокѣ высятся громады снѣжныхъ горъ, которыя играютъ роль естественнаго холодильника для паровъ и воздуха прилегающей къ нимъ пустыни. Поэтому вѣтеръ восточнаго направленія долженъ былъ бы приносить свѣжесть и дѣйствовать умѣряющимъ образомъ на t°. Наоборотъ, на западѣ разстилается огромная площадь Туранской пустыни, граничащей съ Каспіемъ и Ураломъ и заходящей далеко на сѣверъ, даже въ степи Сибири. Эта мѣстность, при полномъ почти безводіи, представляетъ какъ бы огромный раскаленный очагъ. Вѣтры западнаго направленія необходимо должны приносить къ восточнымъ границамъ этой площади массу раскаленнаго воздуха. Этимъ-то собственно и обусловливается существованіе здѣсь г я р м ъ - с и р а. Но фактъ былъ на лицо. Я, однако, предполагаю его объяснить отраженіемъ воздушнаго потока отъ высей Памира. Несомнѣнно, что здѣсь должны быть особенно рѣзко выражены два слоя воздушныхъ теченій: верхній и нижній. Верхній долженъ образоваться изъ слоя воздуха, приносимаго западнымъ вѣтромъ; нижній—приносится восточнымъ вѣтромъ. Очевидно, что, въ данномъ случаѣ, разница въ t^{0} слоевъ была такъ велика, что западный токъ воздуха и послѣ отраженія его отъ горъ Бадахшана и Вахана, и послѣ охлажденія отъ дѣйствія снѣжныхъ

[1]) Гярмъ-сиръ въ русскомъ переводѣ значитъ горячій вѣтеръ.

горныхъ вершинъ, все еще сохранилъ достаточно большое количество тепла. Сознаюсь, что это объясненіе довольно натянуто, но иначе объяснить это явленіе я не вижу возможности.

Зной особенно усилился часамъ къ 3-мъ пополудни. Съ однимъ китайскимъ мальчикомъ, бывшимъ въ услуженіи у З., случился солнечный ударъ. Нѣсколько ушатовъ вылитой на него воды и нѣкоторыя другія пособія привели его скоро въ чувство.

На слѣдующій день—звуки рожка и глухіе удары барабана опять раздались и дали намъ знать, что пора садиться на коней.

Теперь дорога потянулась мимо кишлаковъ, изрѣдка попадавшихся при дальнѣйшемъ нашемъ слѣдованіи. Мѣстами разстилались небольшія, золотистыя поля. Изрѣдка можно было встрѣтить узбека съ семьей, убирающаго свое богатство—хлѣбъ. Но вообще дорога была все еще очень однообразна и пустынна. Въ одномъ мѣстѣ пришлось проѣхать мимо довольно высокой насыпи съ уцѣлѣвшими остатками крѣпостныхъ стѣнъ. Вокругъ этого насыпаннаго холма можно было замѣтить еще не совсѣмъ засыпанный ровъ. Объ этой насыпи, также какъ и о прочихъ развалинахъ, не сохранилось никакихъ преданій.

Верстахъ въ 25 отъ Каршіяка, въ селеніи Майданъ, былъ приготовленъ авганцами ночлегъ для миссіи. Бокъ о бокъ съ возвышающейся здѣсь авганской крѣпостцой были разбиты наши палатки. Одна изъ нихъ особенно обращала на себя вниманіе. Это была обширная палатка, квадратная, но съ коническимъ верхомъ. Сторона квадрата равнялась 5-6 саженямъ; вышина палатки, отъ земли до верхушки конуса, доходила до $2^1/_2$ сажень. Палатка была сдѣлана изъ бумажной парусины. Она была двойная, т. е. эта палатка окружалась другой. Стѣны и конусъ этой другой палатки отстояли отъ стѣнъ первой на $1^1/_2$ аршина. Двойныя стѣны образовали такимъ образомъ корридоры. Конусъ былъ также двойной. На двухъ противуположныхъ стѣнахъ расположены двери и окна, которыя могли быть закрыты соотвѣтствующими кусками парусины. Вся тяжесть палатки была уравновѣшена на срединномъ столбѣ, состоящемъ изъ двухъ кусковъ дерева, скрѣпляемыхъ другъ съ другомъ желѣзною гайкою. Этотъ столбъ упирался верхнимъ концомъ въ центръ конуса. Бока палатки туго натягивались множествомъ веревокъ, прикрѣпленныхъ къ кольямъ вбитымъ въ землю на извѣстномъ разстояніи отъ палатки. Одинъ изъ

корридоровъ былъ уставленъ растеніями. Полъ палатки былъ устланъ коврами мѣстнаго производства. Кругомъ этой палатки, которую мы прозвали «индійской», было разбито также нѣсколько другихъ меньшихъ и болѣе простыхъ. Нарочно для палатки проведенный арыкъ обтекалъ ее со всѣхъ сторонъ. Вся мѣстность нашего маленькаго лагеря также была изрѣзана маленькими арычками, проведенными изъ сосѣдняго большаго арыка, нарочно на случай прибытія миссіи.

Было очевидно, что авганцы всячески хотѣли угодить намъ и не скупились на любезности. Къ числу этихъ любезностей надо отнести также и обѣщаніе ихъ, въ случаѣ нужды, дать намъ своихъ лошадей и вообще перевозочныя средства для багажа. Вмѣстѣ съ этимъ авганцы старались угостить своихъ гостей на славу. Если въ бухарскихъ владѣніяхъ столъ миссіи былъ всегда загроможденъ огромнымъ количествомъ явствъ и питій, по большей части далеко не удовлетворяющихъ вкусу европейца, то того же нельзя было сказать объ авганской кухнѣ. Кушанья были приготовлены съ совершенствомъ, достойнымъ и не такой пустыни, въ которой мы находились. Шашлыкъ, такъ называемый здѣсь «кябабъ» [1]), былъ просто превосходенъ. Особенное удовольствіе доставили намъ также и авганскіе маринады, поданные къ жаркому, весьма нѣжно зажаренному. Между тѣмъ бухарцы не имѣютъ понятія о маринадахъ. Очевидно было, что авганцы далеко превосходятъ своихъ сосѣдей по части кулинарнаго искуства.

Въ этотъ же день прибылъ гонецъ изъ Келифа. Бекъ этого города прислалъ означеннаго гонца съ письмомъ къ начальнику миссіи. Въ этомъ письмѣ совершенно неизвѣстный намъ бекъ выражалъ совершенно неизвѣстному ему, лично, генералу всякія благія пожеланія въ предстоящемъ путешествіи. Понятно, что этотъ бекъ дѣлалъ такъ по приказанію эмира Бухарскаго. Но это обстоятельство составляло своего рода признакъ времени. Бухарскій губернаторъ города, отстоящаго на 200 верстъ отъ насъ, шлетъ своего посланца для привѣтствія проѣзжающаго мимо русскаго генерала!...

Посланецъ былъ удержанъ при миссіи до прибытія ея въ Мазари-Шерифъ. Нужно было, чтобъ онъ самъ видѣлъ, какъ принимаютъ ав-

---

[1]) Странно, что Бёрнсъ называетъ «кябабъ» плодами. Кабулъ, перев. Голубкова 1847 г., стр. 236.

ганцы русское посольство и разсказалъ бы все видѣнное своему беку, а тотъ, конечно, незамедлитъ передать все эмиру Бухарскому.

До Мазари-Шерифа намъ пришлось сдѣлать еще два небольшихъ дневныхъ перехода. Послѣдній переходъ былъ всего верстъ 15. Авганцы относительно важности и почета держались тѣхъ же правилъ, какъ и ихъ сосѣди бухарцы, какъ и вообще азіатцы: больше медленности—больше почета.

23-го іюня мы вступили въ столицу Чааръ-вилайета, или Авганскаго Туркестана, Мазари-Шерифъ. Еще наканунѣ въ нашемъ кружкѣ очень много говорилось о предстоящей встрѣчѣ русской миссіи. Авганцы какъ-то загадочно-самолюбиво улыбались. Кемнабъ увѣдомилъ насъ, что встрѣчать посольство будутъ всѣ войска, расположенныя въ Мазари-Шерифѣ и сосѣдней крѣпости Тахтапулѣ. Предполагалось, что самъ Лойнабъ, съ многочисленной свитой, выѣдетъ на слонѣ для встрѣчи миссіи.

Утромъ, часовъ въ 6 этого дня, мы сѣли на коней и направились къ темнѣвшей на юго-востокѣ отъ насъ массѣ зелени. Воздухъ былъ такъ прозраченъ, что на разстояніи 15 верстъ можно было ясно различить вырѣзывающіеся изъ массы садовъ два зеленые купола. Это — «мазаръ» (часовня), въ которомъ, по мѣстному преданію, покоятся кости легендарнаго мусульманскаго героя-святаго, Алія. Это преданіе однако не составляетъ достоянія только мусульманъ Чааръ-вилайета. Среди жителей бухарскихъ владѣній, также какъ и русскаго Туркестана, очень распространены пилигримства къ предполагаемому гробу Алія въ Мазари-Шерифѣ.

Вотъ что повѣствуетъ намъ объ открытіи этой гробницы Миръ-Абдулъ-Керимъ-Бухари [1]).

«Гробница была открыта въ царствованіе султана Хуссейна-Мирзы Баикара (въ 1480 г.). Въ то время здѣсь былъ просто земляной холмъ. Беди-узъ-Земанъ-Мирза, тогдашній губернаторъ Балха, прочиталъ однажды въ лѣтописяхъ (арабскихъ), что въ этомъ мѣстѣ находится гробъ Алія (Богъ да будетъ милостивъ къ нему!).

«Онъ велѣлъ срыть холмъ—и тогда нашелъ гробъ; объ этомъ

---

[1]) Mir Abdul Kerim Boukhari, Histoire de l'Asie Centrale, publiée, traduite et annotée par Ch. Schefer. Paris 1876 г., стр. 74.

обстоятельствѣ Земанъ Мирза извѣстилъ своего отца, находившагося тогда въ Гератѣ. Султанъ Хуссейнъ-Мирза тотчасъ отправился въ Балхъ и убѣдился собственными глазами въ дѣйствительности факта. Онъ велѣлъ воздвигнуть надъ гробомъ куполъ; основалъ при немъ училище и монастырь—пристанище для странниковъ. Для содержанія этихъ учрежденій онъ назначилъ значительные доходы съ земель. Онъ учредилъ при гробѣ должности: инспектора, имама, сторожа и издалъ приказъ, чтобы каждый вечеръ выдавались (путешественникамъ безплатно) порціи пищи».

«Эти благочестивыя постройки, свидѣтельствующія такъ громко о душевной доблести этого великаго государя и выдача даровой пищи богомольцамъ существуютъ еще и теперь [1]). Если бы даже тысяча путешественниковъ пришла сразу, то и тогда смотритель (мутевалли) завѣщанныхъ въ пользу гробницы имѣній не преминетъ раздать каждому изъ нихъ порцію пищи и нѣсколько денегъ. Каждый годъ сюда стекаются богомольцы изъ разныхъ странъ Индіи, Хоросана и Туркестана. Слѣпые, разслабленные и одержимые различными болѣзнями стремятся поклониться гробу и нѣкоторые изъ нихъ получаютъ исцѣленіе».

У Мирхонда находятся нѣкоторыя варіаціи и подробности относительно исторіи открытія гробницы.

По словамъ этого автора, одинъ святой, по имени Азисъ-Шемсъ-удъ-Динъ-Магометъ, потомокъ султана Баязидъ Бестами, въ 885 году геджиры (1480 г.) отправился изъ Газны въ Балхъ съ цѣлію показать Мирзѣ Баикара одну историческую книгу, написанную въ правленіе Сельджукскаго князя, султана Сенджара, въ которой говорилось, что гробъ Алія находится въ 3-хъ ферсахахъ [2]) отъ Балха, въ деревнѣ Хаджи-Хейранъ.

Раскопки, произведенныя въ присутствіи князя, кадіевъ, шерифовъ и знатныхъ лицъ Балха, привели къ открытію плиты изъ бѣлаго камня, на которой находилась слѣдующая арабская надпись:

«Это гробъ Льва Божія, побѣдоноснаго
Алія, сына Абу Талиба;

---

[1]) Т. е. въ 1817 г., когда писалъ Миръ-Абдулъ-Керимъ.

[2]) Ферсахъ мѣра пути, равняющаяся 7—8 верстамъ.

Двоюроднаго брата Пророка Божія;
Возлюбленнаго Богомъ».

Султанъ Хуссейнъ Баикара, извѣщенный объ этомъ открытіи, самъ отправился изъ Герата въ Балхъ. Онъ выстроилъ вблизи гробницы базаръ, лавки и бани, съ которыхъ доходы должны были собираться въ пользу гробницы. Для этой же цѣли были назначены водяныя подати съ одного изъ балхскихъ каналовъ, который сталъ называться съ этихъ поръ «Негери-Шахи». Каждый годъ султанъ Хуссейнъ посылалъ въ даръ гробу Алія сумму во сто тумановъ [1])...

Ближе къ горамъ, повидимому очень круто вздымающимся тотчасъ за Мазари-Шерифомъ, виднѣлись болѣе или менѣе значительныя селенія. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ блестѣли на солнцѣ стѣны, опоясывавшія нѣсколько мѣстечекъ. Одно такое мѣстечко, оставшееся въ сторонѣ отъ дороги, прямо на югъ отъ насъ, было обнесено высокой и длинной стѣной. Это и есть Тахтапуль—гнѣздо авганскаго владычества въ Чаяръ-вилайетѣ. Ѣхавшіе съ нами авганцы восторженно отзывались объ этой крѣпости. По ихъ словамъ, она совсѣмъ неприступна.

Городъ между тѣмъ все болѣе и болѣе обрисовывался. Можно было уже различать отдѣльныя большія деревья; нѣсколько высокихъ домовъ возвышали свои плоскія кровли надъ лиственнымъ покровомъ города, садами. Скоро мы своротили съ довольно торной дороги къ югу и пошли цѣликомъ, черезъ поля. Жалко было смотрѣть, какъ болѣе 300 лошадей топтали уже совсѣмъ созрѣвшія, но еще не сжатыя нивы. Арыки (оросительныя канавы) густой сѣтью покрывали поля, засѣяныя преимущественно пшеницей. Нѣкоторые изъ нихъ были довольно широки и глубоки. Перепрыгивая черезъ одинъ изъ нихъ, моя лошадь оборвалась задней ногой и я едва не упалъ вмѣстѣ съ конемъ въ воду.

Затѣмъ пришлось проѣхать подъ стѣной небольшой крѣпостцы, скорѣе отдѣльнаго форта. Стѣна окружена была наполненнымъ водою рвомъ. Изъ за зубцовъ стѣны, вышиною сажени въ $2^1/_2$, въ нѣсколькихъ мѣстахъ выглядывали блестѣвшіе на солнцѣ концы штыковъ часовыхъ авганскихъ солдатъ. У воротъ форта, расположенныхъ въ

[1]) Тамъ же стр. 75, примѣчанія.

юго-восточной стѣнѣ, караулъ изъ нѣсколькихъ пѣхотинцевъ отдалъ честь миссіи, при ея проѣздѣ. Вскорѣ мы выѣхали на очень торную, широкую и ровную дорогу. По сторонамъ ея были прорыты рвы. Видно было, что она знакома съ ремонтировкой. Это—большая дорога изъ Мазари-Шерифа въ Тахтапуль и далѣе, въ Балхъ. Въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ отъ насъ, ближе къ городу, виднѣлись разставленныя по обѣимъ сторонамъ дороги войска.

Когда мы приблизились къ нимъ, то на встрѣчу намъ красивымъ галопомъ подъѣхали два знатныхъ авганца со свитой. Одинъ изъ нихъ былъ высокій мужчина, атлетическаго тѣлосложенія. Онъ по англійски сидѣлъ на своемъ кровномъ арабскомъ, сѣромъ въ яблокахъ, конѣ. Костюмъ его состоялъ изъ краснаго мундира съ золотымъ шитьемъ, съ перекинутой черезъ правое плечо красной лентой. На головѣ его была металическая блестящая каска съ перьями въ шишакѣ, съ цѣпочкой, спускавшейся по англійски только подъ нижнюю губу. Съ боку висѣла богатая шашка. Этотъ всадникъ былъ Сердарь [1]), Фейзъ-Магометъ-ханъ; онъ въ данное время командовалъ всѣми войсками, расположенными въ Чааръ-вилайетѣ. Его спутникъ былъ красивый брюнетъ средняго роста и среднихъ лѣтъ, коренастый. Изящныя, какъ бы изваянныя рѣзцемъ художника, черты лица его производили очень пріятное впечатлѣніе. Глядя на него никакъ нельзя было подумать, что передъ вами находится суровый горецъ, почти дикарь. Костюмъ его состоялъ изъ бархатной, черной визитки, съ золотымъ и басоннымъ шитьемъ на воротникѣ и рукавахъ. Голова была покрыта бархатной шляпой-каской, съ повязаннымъ поверхъ ея полей изящнымъ кашемировымъ кушачкомъ, вмѣсто обычной ленты. Вооруженіе его состояло изъ весьма изящной шашки и солиднаго револьвера. Его танцующая лошадь была чистой арабской крови, бѣлой масти, безъ отмѣтинъ. Это былъ старшій сынъ Лойнаба, Кемнабъ-Хошь-Диль-ханъ [2]).

Подъѣхавъ къ миссіи, оба сановника поздоровались съ ней—съ

---

[1]) Сердарь—старшій представитель извѣстнаго отдѣла авганскаго народа, собственно какъ званіе сердарь соотвѣтствуетъ нашему допетровскому боярину или удѣльному князю.

[2]) Прекрасное сердце, въ перев. съ персидск. на русскій.

генераломъ за руку, а съ остальными членами—приложивъ руку къ каскѣ. Въ то же время горнисты затрубили въ трубы; послышались сигналы—и войска закричали привѣтствіе. На нѣсколько минутъ миссія пріостановилась. Затѣмъ опять послышались сигналы—и выстроенныя вдоль дороги двѣ длинныя шеренги солдатъ двинулись впередъ, по направленію къ городу. Намъ пришлось проѣзжать мимо отдѣльныхъ баталіоновъ, выстроенныхъ у самаго полотна дороги, мимо полковъ конницы и батарей артиллеріи. Когда мы поровнялись съ первой батареей, то она произвела нѣсколько орудійныхъ салютовъ. При прохожденіи мимо второй батареи салюты повторились. Наши лошади, при неожиданныхъ выстрѣлахъ всего въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ расположенныхъ орудій, сначала страшно переполошились. Лошадь генерала—подарокъ Ширабадскаго бека,—взвилась на дыбы и бросилась въ сторону. Генералъ едва усидѣлъ, схватившись за гриву коня. Нѣсколько авганскихъ солдатъ тотчасъ же взяли лошадь подъ уздцы и вели такимъ образомъ пугливое животное въ продолженіе всего пути вплоть до нашего помѣщенія. При такой обстановкѣ мы продолжали путь по фронту войскъ, до самаго города. Слѣдовавшій пѣшкомъ возлѣ главнокомандующаго авганскій офицеръ время отъ времени выкрикивалъ команду—и идущія вмѣстѣ съ нами, по обѣимъ сторонамъ дороги, шеренги солдатъ то ускоряли, то замедляли шагъ.

Но вотъ и городъ. Узкія и кривыя улицы его были запружены массой народа, глазѣвшаго на невиданныхъ дотолѣ здѣсь «урусовъ». Вся эта многоголовая толпа пристально, съ большимъ любопытствомъ, смотрѣла на новыхъ людей. Кромѣ любопытства на лицахъ ихъ я не могъ ничего болѣе прочесть. Ни одного угрожающаго жеста. Напротивъ, мнѣ показалось, что многіе выражали благія пожеланія. Послѣ нѣсколькихъ поворотовъ по узкимъ и кривымъ улицамъ мы пріѣхали въ отведенный намъ домъ. У воротъ насъ встрѣтилъ почетный караулъ.

Общая характеристика этого дома была та же, что и въ Каршн. Тотъ же глиняный квадратъ, разбитый на нѣсколько меньшихъ. Тѣ же высокія стѣны отдѣляютъ обитателей этого дома отъ остальнаго міра. Отличіе его состояло только въ томъ, что это помѣщеніе было обширнѣе и чище, чѣмъ въ Каршн. Внутренній дворъ, занимающій

около ½ десятины земли, на сѣверной и южной сторонѣ застроенъ двумя длинными флигелями, въ которыхъ было большое количество комнатъ, плохо устроенныхъ и лишенныхъ почти всякой мебели. Крыши флигелей были отчасти плоскія, отчасти куполообразныя. Но что здѣсь было особенностью, рѣзко бросающеюся въ глаза—это много тѣни и зелени. Посреднѣ двора протекалъ довольно широкій арыкъ, отѣненный гигантами-чинарами. Въ тѣни этихъ деревьевъ, у самаго арыка, была устроена возвышенная эстрада съ навѣсомъ. Эстрада была устлана коврами и на ней, въ моментъ пріѣзда посольства, сервированъ былъ чай и дессертъ [1]). Въ двухъ углахъ двора виднѣлись цвѣты и трава.

Когда мы расположились на эстрадѣ закусить, то рота почетнаго караула (изъ гвардейцевъ эмира, какъ мы потомъ узнали) показала ружейные пріемы. Генералъ потомъ отзывался о движеніяхъ солдатъ очень хорошо, замѣтивъ только, что они дѣлаютъ двѣ или три лишнія фигуры, впрочемъ употребляющіяся еще и теперь въ англійской арміи. Потомъ солдаты маршировали, продѣлали ломку строя и бой на штыкахъ. Послѣ этого главнокомандующій и сынъ Лойнаба, Кемнабъ, пожелавъ миссіи пріятнаго отдыха, удалились изъ нашего помѣщенія.

Въ это время къ посольству присоединился и Назировъ. Онъ былъ тотчасъ же забросанъ вопросами относительно своего путешествія. Въ дорогѣ съ нимъ, однако, не случилось никакихъ происшествій. 100 верстное разстояніе, раздѣлявшее нашу стоянку на Аму отъ Мазари-Шерифа, онъ проѣхалъ въ одни сутки. Ѣхалъ и день и ночь, съ очень небольшимъ отдыхомъ въ Каршіякѣ. Его сопровождали нѣсколько авганскихъ всадниковъ и одинъ джигитъ изъ посольской прислуги. По пріѣздѣ въ Мазари-Шерифъ, онъ тотчасъ же былъ принятъ Лойнабомъ.

— Это—разсказывалъ Назировъ—высокій старикъ, лѣтъ 60, атлетическаго сложенія, съ умнымъ и энергичнымъ лицомъ. Онъ принялъ меня въ постели, извинившись нездоровьемъ. Получивъ письмо, переданное ему мною, Ширъ-Диль-ханъ выразилъ удовольствіе по по-

---

[1]) Въ Авганистанѣ совсѣмъ нѣтъ обычая подносить гостямъ такой огромный достарханъ, какъ въ Бухарѣ.

воду пріѣзда русскаго посольства и говорилъ о немъ, какъ о желанномъ гостѣ. На мой вопросъ: отчего же миссію задерживаютъ въ пути?—онъ, отвѣчалъ, что относительно ея проѣзда въ Кабулъ, онъ, Лойнабъ, послалъ донесеніе эмиру, но разрѣшенія на дальнѣйшее слѣдованіе миссіи, отъ него еще не получилъ; самовольно же дозволить миссіи продолжать путь далѣе Мазари-Шерифа онъ, Лойнабъ, не можетъ. «Но вы не думайте», продолжалъ Лойнабъ, «чтобы эта задержка была результатомъ непріязненнаго отношенія къ вамъ авганскихъ властей. Поживъ здѣсь, вы убѣдитесь въ благорасположеніи моемъ и вообще всѣхъ авганъ къ вамъ, нашимъ гостямъ. Вы будете приняты съ честію, какой заслуживаютъ послы великой державы Бѣлаго Царя. Поживите здѣсь нѣсколько времени, погостите у меня до разрѣшенія эмира, которое, я несомнѣваюсь, не замедлитъ придти. Что же касается того, что миссіи пришлось прожить на берегу Аму два дня въ ожиданіи достаточнаго, для сопровожденія ея, конвоя, то мѣра эта вызвана необходимостью. Большинство авганъ, я знаю, радушно встрѣтитъ русскихъ гостей, но могутъ найтись и злые люди, желающіе сдѣлать какой-либо вредъ русской миссіи—по своему ли неразумію, или по наущенію другихъ людей, для которыхъ было бы выгодно поссорить авганъ съ русскими. А я, какъ вѣрный слуга эмира, моего государя, обязанъ доставить къ нему русскихъ пословъ цѣлыми и невредимыми, безъ малѣйшей тѣни неудовольствія съ ихъ стороны».

Вотъ, что повѣдалъ намъ Назировъ.

Нельзя было конечно не согласиться съ разумными рѣчами Ширъ-Диль-хана. Особенно замѣчательна была его мысль, что могутъ найтись въ Авганистанѣ люди, которымъ было-бы выгодно поссорить авганъ съ русскими. Нельзя это мѣсто понимать иначе, какъ разумѣя подъ этими «людьми» тайныхъ шпіоновъ и агентовъ англійскихъ [1]).

Затѣмъ Назировъ разсказалъ, что сначала самъ Ширъ-Диль-ханъ намѣревался встрѣтить миссію, но долженъ былъ отказаться отъ

---

[1]) Впослѣдствіи намъ нерѣдко приходилось слышать подобныя опасенія отъ многихъ лицъ изъ авганской администраціи. Насколько основательны были подобныя опасенія, читатель убѣдится впослѣдствіи.

этой мысли, по причинѣ своей болѣзни. Затѣмъ, что касается пріема самого Назирова со стороны авганъ, то во всемъ замѣчалась полнѣйшая предупредительность. Тѣмъ не менѣе, онъ постоянно находился подъ бдительнымъ надзоромъ почетнаго караула. Онъ слышалъ также, что въ Мазари-Шерифѣ находились въ данное время посланцы бухарскаго эмира.

Весь слѣдующій день прошелъ для насъ совершенно незамѣтно. Мы отдыхали отъ дороги, писали письма въ Ташкентъ; топографъ началъ отдѣлывать свою ленту маршрута; вообще каждый былъ занятъ своимъ обычнымъ дѣломъ. Тишина и спокойствіе, которыя разлились по нашему маленькому лагерю, были прерываемы только приходомъ Дебиръ-уль-мулька, или—что случалось чаще—Мосинъ-хана. Можно было узнать о приходѣ послѣдняго даже не видя его. Привѣтствія, выкрикиваемыя имъ во всю мощь легкихъ: «Джернель-саибъ! Кэрнэль!» [1])—сразу выдавали его. Если онъ встрѣчалъ также и меня, то обыкновенно прибавлялъ къ двумъ привѣтствіямъ еще и третье: докторъ-саибъ! Неизвѣстно почему остальные члены миссіи не удостоивались привѣтствія съ его стороны. Я думаю, что это произошло потому, что Мосинъ-ханъ не могъ сразу упомнить всѣхъ именъ.

Мосинъ-ханъ каждый день регулярно посѣщалъ миссію утромъ, въ полдень и вечеромъ. Онъ обыкновенно справлялся,—хорошо ли миссіи живется, довольно ли продовольствія и проч. На его обязанности также лежалъ надзоръ за почетнымъ карауломъ, который былъ разставленъ у всѣхъ входовъ и выходовъ нашего дома. Кучки пѣхотинцевъ виднѣлись за каждой стѣной, за каждымъ угломъ нашего глинянаго квадрата, который претендовалъ на названіе дворца генералъ-губернатора Чааръ-вилайета. Можно было, впрочемъ, съ нѣкоторымъ основаніемъ предположить, что этотъ дворецъ, до нашего пріѣзда, былъ обитаемъ преимущественно женской половиной семьи Лойнаба. За это предположеніе говорили грядки цвѣтовъ, посѣянныхъ противъ одного изъ флигелей, купа деревьевъ съ зеленымъ газономъ, находившаяся въ одномъ изъ угловъ квадрата—явленіе несвойствен-

[1]) Авганцы усвоили для своей военной іерархіи англійскіе чины и наименованія. Приведенныя привѣтствія означаютъ: господинъ генералъ! господинъ полковникъ!

пое вообще среднеазіатскому жилищу, которое, обыкновенно, поражаетъ глазъ европейца своей не комфортабельностью и полнѣйшимъ отсутствіемъ растительности [1]). Но самое главное доказательство моего мнѣнія состояло въ томъ, что нѣсколько комнатъ, находившихся въ южномъ флигелѣ, были пестро раскрашены букетами изъ цвѣтовъ и различными фигурами. На карнизахъ красовались разныя изрѣченія на персидскомъ языкѣ. Такъ одно гласило, что «красотѣ этой комнаты завидуетъ даже солнце». Во многихъ мѣстахъ на бѣлыхъ простѣнкахъ пестрѣли надписи, стихи—плодъ среднеазіатской музы. Въ pendant всему этому какъ то странно было видѣть нѣсколько бумажекъ, приклеенныхъ къ стѣнамъ. На бумажкахъ читалось: «русскій рафинадъ-сахаръ, или леденецъ-рафинадъ»; тутъ же было и изображеніе фабрики означенныхъ веществъ, съ садомъ и нѣсколькими женскими лицами. Рядомъ съ ними были налѣплены картинки съ конфетныхъ конфектъ, такъ распространенныхъ въ нашемъ простомъ народѣ. Очевидно было, что означенныя отечественныя произведенія пользовались здѣсь не меньшимъ почетомъ, чѣмъ въ домѣ, хотя бы сельскаго о. дьякона или зажиточнаго крестьянина, гдѣ, какъ извѣстно, косяки оконъ, а особенно доски кривыхъ и косыхъ зеркалъ, обильно «украшены» подобными конфетными «портретами».

Меня радовала, конечно, та мысль, что русскій «леденецъ-рафинадъ» могъ забраться въ такую глушь. Потомъ, впрочемъ, пришлось увидѣть на здѣшнихъ рынкахъ и нѣкоторыя другія статьи нашей торговли, статьи, повидимому, бойко идущія.

Самую пеструю комнату, именно ту, «которой завидовало даже солнце», топографъ «опредѣлилъ» подъ свой рабочій кабинетъ. Здѣсь онъ потомъ скрывался по цѣлымъ днямъ, согнувшись надъ своею длиннѣйшею лентою маршрута. Онъ дѣйствительно скрывался, производя эту работу. Дѣло въ томъ, что когда сдѣлалось извѣстнымъ, что въ Мазари-Шерифѣ намъ придется пробыть нѣсколько дней, то топографъ, радѣя о своихъ обязанностяхъ, высказалъ генералу свое намѣреніе—перевести свои наброски маршрута съ дневниковъ на общую ленту. Но генералъ, опасаясь, какъ бы авганцы не увидѣли то-

---

[1]) Я говорю о городскихъ домахъ среднеазіатцевъ, загородные же дома, напротивъ, изобилуютъ древесной растительностью.

нографа за подобнымъ занятіемъ,—категорически воспретилъ ему это. Тогда топографъ на свой собственный страхъ сталъ отдѣлывать маршрутъ, прячась и отъ генерала и отъ авганцевъ.

Предположенный на 25-е іюня визитъ миссіи Лойнабу не могъ состояться, потому что нездоровье его усиливалось со дня на день. Однако Дебиръ-уль-мулькъ, а равно и другіе авганцы, не выражали никакихъ опасеній относительно исхода его болѣзни. Напротивъ, всѣ они выражали надежду на скорое выздоровленіе. Генералъ предложилъ было имъ мои услуги, но предложеніе не было принято, такъ какъ болѣзнь, по ихъ отзывамъ, не представлялась столь опасною, чтобъ вызвать вмѣшательство чужеземнаго врача. Настаивать на моемъ вмѣшательствѣ, конечно, не сталъ ни генералъ, ни я.

26-го іюня сынъ Лойнаба, Хошъ-Диль-ханъ, пригласилъ миссію во дворецъ Лойнаба. Одѣвшись въ полную парадную форму, мы сѣли на лошадей и отправились въ путь, въ сопровожденіи Дебира, Мосинъ-хана и отряда тѣлохранителей Лойнаба. Эти «гвардейцы» были одѣты въ синіе суконные мундиры и такіе же шаровары. На головахъ—тупо-коническія шапки, съ 4-мя полулунными, бѣлыми мѣховыми полосками, нашитыми по одной съ каждой стороны шапки. Спереди на шапкахъ были прикрѣплены желтые шарики изъ шерсти. На мундирахъ, на плечахъ—желтые, безъ надписи, погоны. Вооруженіе ихъ состояло изъ винтовокъ, заряжающихся съ дульной части. На поясѣ, при лѣвомъ бедрѣ, были привѣшены большіе ножи. Всего болѣе меня заинтересовала обувь солдатъ. Долгое время спустя и послѣ этого, я никакъ не могъ помириться съ нею. Безобразнѣе подобной обуви, вѣроятно, могутъ быть только деревянные башмаки дикихъ савойяровъ! Представьте себѣ неуклюжіе башмаки изъ толстой, грубой, никогда не смазывающейся кожи, носокъ и задокъ которыхъ сильно загнуты кверху. Толстая и твердая, какъ желѣзо, подметка, прибита крупными желѣзными гвоздями. Если надѣть подобный снарядъ на ногу, то она сдавливается точно тисками. Достаточно сдѣлать нѣсколько верстъ пути, чтобъ натереть такими башмаками кровавыя мозоли. Это послѣдствіе можетъ случиться тѣмъ легче, что авганцы носятъ ихъ на босую ногу, безъ портянокъ, а тѣмъ болѣе безъ чулокъ. Нужно замѣтить, что подобную обувь носятъ только солдаты и при томъ исключительно пѣхотинцы; кавалеристы же носятъ сапоги изъ столь же

грубой и также нечерненой кожи. Тѣмъ не менѣе, авганцы отзывались объ этой обуви, особенно во время похода по горамъ, съ большой похвалой. Съ своей стороны, я могу объяснить эту похвалу только тѣмъ, что крупныя головки гвоздей, которыми подбиты подметки туфель, даютъ хорошую устойчивость ногѣ на скользкихъ горныхъ тропинкахъ. А кожа ноги авганскаго пѣхотинца настолько загрубѣла, что безъ всякаго вреда можетъ переносить треніе туфли.

Дворецъ Лойнаба отстоялъ отъ помѣщенія, которое мы занимали, ровно на 1,000 шаговъ. Значительная часть этого разстоянія была занята клевернымъ полемъ. За нимъ, прямо къ сѣверу, возвышалась глинобитная стѣна, составлявшая наружную ограду помѣщенія Лойнаба. Мы проѣхали широкими воротами и углубились въ довольно обширный, но еще молодой садъ, правильно распланированный и снабженный утрамбованными дорожками. Мы продолжали ѣхать по саду верхомъ, пока не выѣхали на болѣе открытое мѣсто, въ виду двухъ обширныхъ, хорошо выштукатуренныхъ флигелей. Западный флигель былъ о двухъ этажахъ, съ вышкой на плоской кровлѣ. Прямо передъ нами, шагахъ въ 50, темнѣла куча гигантскихъ чинаровъ, окаймлявшихъ небольшой бассейнъ, наполненный проточной водой. Подъ тѣнью этихъ великановъ былъ устроенъ навѣсъ, а подъ навѣсомъ насъ ожидалъ Кемнабъ-Хошь-Диль-ханъ.

Мы сошли съ коней, отдали ихъ слѣдовавшей за нами прислугѣ и, сопровождаемые дюжиной казаковъ, направились къ купѣ чинаровъ. Хошь-Диль-ханъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ намъ на встрѣчу, поздоровался за руку со всѣми членами посольства и пригласилъ насъ подъ навѣсъ. Здѣсь было разставлено нѣсколько креселъ незатѣйливой конструкціи; но ихъ оказалось недостаточно для всѣхъ насъ. Недостатокъ былъ пополненъ, но, повидимому, съ нѣкоторымъ затрудненіемъ. Дебиръ сѣлъ рядомъ съ Кемнабомъ, а Мосинъ-ханъ продолжалъ стоять въ почтительномъ отдаленіи отъ насъ.

День былъ ясный, знойный. Не ощущалось ни малѣйшаго дуновенія вѣтра. Даже легко подвижные, кружевчатые листья чинара не нарушали своимъ обычнымъ «шепотомъ» тишины залитаго солнечнымъ свѣтомъ дня. Тѣмъ рѣзче отдавались въ ушахъ моихъ мѣрные шаги авганскихъ часовыхъ, расхаживавшихъ взадъ и впередъ вдоль флигелей и стѣнъ сада. Между генераломъ и Хошь-Диль-ханомъ завя-

залась оживленная бесѣда. Генералъ рѣдко обращался къ помощи переводчика. Понятно, что остальные члены миссіи, не знавшіе по персидски даже «аза»,—принимали участіе въ бесѣдѣ только созерцаніемъ разговаривающихъ лицъ. Къ счастію я сидѣлъ рядомъ съ Замаанбекомъ, который мнѣ и переводилъ весь разговоръ, почти слово въ слово.

Хошь-Диль-ханъ сообщилъ намъ, что болѣзнь Лойнаба, къ сожалѣнію, все еще продолжается, что улучшенія незамѣтно. «Но», продолжалъ онъ, «инш-Аллахъ (дастъ Богъ) болѣзнь скоро пройдетъ». По мнѣнію туземныхъ врачей, какъ передавалъ намъ Хошь-Диль-ханъ, болѣзнь Лойнаба была такого свойства, что въ ней много значилъ 9-й день болѣзни. Если же этотъ день проходилъ безъ какихъ либо послѣдствій, то 11-й или 14-й. Онъ говорилъ также, что больной, въ случаѣ хорошаго исхода болѣзни, сильно потѣетъ въ означенные дни и вслѣдъ за тѣмъ много спитъ.

— Теперь же, продолжалъ Кемнабъ, Лойнабъ находится въ безсознательномъ состояніи и ничего не ѣстъ.

Форма болѣзни меня очень заинтересовала и я предложилъ ему свое содѣйствіе. Генералъ снова предложилъ Хошь-Диль-хану воспользоваться моими совѣтами; но и теперь, какъ и прежде, желаемаго результата не получилось.

— У насъ вѣдь есть хорошіе врачи, говорилъ Хошь-Диль-ханъ; они обѣщаютъ черезъ нѣсколько дней поставить больнаго на ноги.

Генералъ, однако, выразилъ ему свое сомнѣніе въ искуствѣ туземныхъ врачей и продолжалъ настаивать на моемъ вмѣшательствѣ.

— Слушайте, джернель-саибъ, отвѣтилъ на это Хошь-Диль-ханъ. Я не сомнѣваюсь въ томъ, что ваши доктора знаютъ больше нашихъ. Но, тѣмъ не менѣе, я считаю неудобнымъ пригласить вашего доктора къ моему больному, и вотъ по какимъ причинамъ: наши врачи обидятся на вторженіе въ сферу ихъ дѣйствій чужеземнаго врача и могутъ совершенно отказаться отъ дальнѣйшаго леченія больнаго. Что же тогда будетъ съ нами, когда вы уѣдете?

Приведенный Хошь-Диль-ханомъ аргументъ былъ, дѣйствительно, очень вѣсокъ. Туземные доктора, дѣйствительно, не приняли бы дружелюбно мое вмѣшательство. Поэтому генералъ болѣе не настаивалъ.

Между тѣмъ «чайчи» или «чай-ханъ»—лицо, завѣдывающее

приготовленіемъ чая—роздалъ всѣмъ чашки (русской фабрики Корниловыхъ) съ ароматнымъ настоемъ зеленаго чая.—Нужно замѣтить, что авганцы, а также и бухарцы, пьютъ почти исключительно зеленый чай и истребляютъ его огромное количество. Они съ презрѣніемъ отзываются о нашемъ, черномъ, «фамиль-чаѣ», какъ они его называютъ.—За чаемъ возобновился разговоръ о предстоящей поѣздкѣ миссіи въ Кабулъ. Хошь-Диль-ханъ снова повторилъ увѣреніе въ томъ, что эмиръ Ширъ-Али-ханъ непремѣнно будетъ радъ видѣть «русскихъ гостей». При этомъ онъ прибавлялъ, что сопровождать миссію до Кабула будетъ, по всей вѣроятности, самъ Лойнабъ, такъ какъ выздоровленіе его, по отзыву туземныхъ врачей, не подлежитъ сомнѣнію. По словамъ Кемнаба, Лойнабу необходимо было поѣхать въ Кабулъ также и по своимъ дѣламъ. Онъ долженъ былъ доставить эмиру Ширъ-Али-хану годичныя подати съ Чааръ-вилайета. Размѣры податей, которыя долженъ былъ Лойнабъ отвезти эмиру, довольно значительны. Подати состояли изъ нѣсколькихъ тысячъ лошадей, 800 верблюдовъ и одного «лака» рупій [1]). Конечно, достовѣрность этихъ цифръ подлежитъ нѣкоторому сомнѣнію [2]).—Пожелавъ Лойнабу скораго выздоровленія, мы простились съ Хошь-Диль-ханомъ и возвратились тѣмъ же путемъ въ свой, сильно раскаленный солнцемъ, глиняный квадратъ.

Послѣ этого визита миссія два дня жила ожиданіями вѣстей изъ Кабула. Мы пробовали даже вычислять, гдѣ можетъ находиться въ данный моментъ почтовый гонецъ, руководясь при этомъ слѣдующими соображеніями.—Авганцы увѣряли, что чапаръ (верховой почтарь) можетъ проѣхать разстояніе отъ Мазари-Шерифа до Кабула—около 550 верстъ—въ три дня. Три дня туда, три дня оттуда, да въ Кабулѣ, в ѣ р о я т н о, дня два, разсчитывали мы,—итого восемь дней. Теперь же прошло уже шесть дней съ тѣхъ поръ, какъ послано къ эмиру донесеніе Ширъ-Диль-хана о прибытіи русской миссіи. Очевидно,

---

[1]) «Лакъ»—туземная цифра счисленія=100,000. Сто лаковъ составляютъ куруръ»=10,000,000.

[2]) Впослѣдствіи отъ достовѣрныхъ лицъ я узналъ, что вся цифра податей, которую выплачиваетъ эмиру авганскому населеніе Авганскаго Туркестана, считая и расходы на мѣстную администрацію, доходитъ до 3,000,000 рупій (рупія=60 коп.).

надо было подождать еще только два дня. Разсчеты наши оказались, однако, невѣрными, такъ какъ, вмѣсто двухъ дней, намъ пришлось прожить въ «глиняномъ дворцѣ», подъ почетнымъ карауломъ, цѣлыхъ 10 дней.

Время такимъ образомъ шло да шло. Сидѣть безвыходно въ нашемъ, обнесенномъ тройной стѣной, квадратѣ становилось скучновато. Съ террасообразныхъ крышъ нашихъ помѣщеній, по которымъ было весьма удобно прогуливаться,—открывался видъ на городъ и окружающую его мѣстность. Кругомъ нашего помѣщенія разстилался обширный островъ зелени, обильный древесной растительностью. Изъ чащи садовъ виднѣлись куполообразныя и плоскія крыши домовъ. Весь городъ имѣлъ видъ огромной пасѣки, а дома казались настоящими ульями. Къ югу, верстахъ въ 20 отъ города, крутыми контрфорсами начинается Паропамизъ, разорванный на меридіанѣ Балха на двѣ части. Темносѣрыя массы скалъ, нагромождаясь одна на другую, высоко вздымаютъ свои вершины, но все же далеко не достигаютъ вѣчной снѣжной линіи. Съ сѣверо-востока и отчасти съ запада—необъятная Туранская пустынная равнина обхватываетъ городъ своими мертвыми объятіями...

Мнѣ, да и нѣкоторымъ другимъ членамъ миссіи, очень хотѣлось проѣхаться по городу и окрестностямъ. Городъ особенно интересовалъ меня: вѣдь это первый авганскій городъ, который мы видѣли. Масса вопросовъ, возникшихъ по этому поводу, требовала практическаго разрѣшенія. Интересно было посѣтить здѣшніе базары, рынки, медрессе, наконецъ казармы. Но этимъ желаніямъ не суждено было сбыться. Генералъ никакъ не хотѣлъ согласиться на прогулки по городу, опасаясь фанатизма населенія, въ силу котораго оно будто бы вообще враждебно настроено противъ европейцевъ, кто бы они ни были. Дебиръ и Мосинъ-ханъ повторяли за генераломъ то же самое. Такъ и сидѣли мы все время въ четырехъ стѣнахъ безвыходно.

27-го іюня было для насъ днемъ сюрприза, и притомъ сюрприза весьма непріятнаго свойства: въ этотъ день умеръ Лойнабъ Ширъ-Диль-ханъ. Я говорю «сюрприза» потому, что авганцы тщательно скрывали отъ насъ опасное состояніе здоровья Лойнаба; напротивъ, они постоянно увѣряли насъ въ скоромъ выздоровленіи больнаго. «Дня черезъ два-три, Лойнабъ-санбъ будетъ имѣть удовольствіе сопровож-

дать нашихъ гостей въ Кабулъ», говорили они еще наканунѣ его смерти. А между тѣмъ, теперь приходилось намъ провожать самого Лойнаба въ область... вѣчнаго кутежа, вѣчнаго, нескончаемаго загула, характеризующаго, по понятіямъ мусульманъ, загробный міръ. Теперь для насъ возникла новая задержка для движенія къ Кабулу.

Дебиръ говорилъ, что если и будетъ получено отъ Ширъ-Али-хана разрѣшеніе на дальнѣйшее слѣдованіе посольства, то оно все же должно будетъ подождать въ Мазари-Шефирѣ нѣсколько дней, до назначенія новаго Лойнаба. Говорили также, что, по смерти Лойнаба, все его имущество было опечатано и поступило въ казну эмира, что, если угодно будетъ эмиру отдать имущество наслѣдникамъ Лойнаба—отдастъ, но что можетъ и не отдать—и тогда средства къ жизни осиротѣвшей семьи весьма сократятся, если только эмиръ не дастъ сыновьямъ умершаго выдающихся мѣстъ въ администраціи края. Кандидатовъ на мѣсто Лойнаба насчитывали нѣсколько; между ними былъ и старшій сынъ Лойнаба, Кемнабъ-Хошъ-Диль-ханъ. Но по тѣмъ же слухамъ, шансы его на удержаніе за собой отцовской власти были плохи, хотя, вслѣдъ за этимъ, сомнѣвающіеся и говорили, что Ширъ-Диль-ханъ, приходившійся эмиру Ширъ-Али-хану роднымъ дядею, былъ самымъ искреннимъ и преданнымъ его другомъ. Кромѣ того—Хошъ-Диль-ханъ былъ женатъ на дочери эмира Ширъ-Али-хана, и при томъ на дочери отъ любимѣйшей его жены. Это обстоятельство также, конечно, увеличивало шансы Хошъ-Диль-хана на полученіе должности Лойнаба. Дебиръ, какъ старшій помощникъ покойнаго Лойнаба, кажется, и самъ, въ свою очередь, питалъ надежду сдѣлаться полновластнымъ хозяиномъ Чааръ-вилаейта, хотя и тщательно скрывалъ эту мысль въ безчисленныхъ оборотахъ своей спальной чалмы.

Со смертью Лойнаба мы были лишены даже такого незначительнаго удовольствія, какъ едва долетавшіе до насъ звуки авганской музыки, регулярно каждый день игравшей у дворца Лойнаба, утромъ и вечеромъ. По отдѣльнымъ отрывкамъ, какіе доносились до насъ, можно было догадываться, что музыканты обыкновенно играли персидскій маршъ. Со смертью Лойнаба оркестръ замолкъ, и только рѣзкіе звуки рожка горниста неуклонно, каждый день, возвѣщали утреннюю и вечернюю зорю.

И въ нашемъ квадратѣ воцарилась тишина. Удалыя пѣсни каза-

ковъ, которыми они иногда невозбранно баловались сами и баловали насъ,—тоже смолкли.

Вечеромъ того же дня, въ который умеръ Лойнабъ, во время «намаза дигеръ» (около 5 часовъ дня) я былъ пораженъ какими то необычайно-дикими выкриками муэззина на текстъ: «ла иллаги иль аллахъ акберъ». Звуки выражали какъ будто сильную боль, скорбь, отчаяніе. Въ нихъ слышалось что то среднее между воплемъ и плачемъ. Выкрики эти повторились нѣсколько разъ и затѣмъ смолкли среди гробоваго безмолвія, которое воцарилось въ городѣ при первыхъ же звукахъ этого страшнаго, ноющаго голоса. Тогда я не могъ объяснить себѣ это явленіе. Замаанбекъ, котораго я избралъ для себя истолкователемъ Востока, или вѣрнѣе, Средней Азіи, былъ въ это время болѣнъ лихорадкой, и я не тревожилъ его своими распросами.

И такъ мы продолжали вести свою монотонную жизнь въ 4-хъ стѣнахъ. Бывшій гаремъ превратился какъ бы въ монастырь. «Натуралистъ» совсѣмъ исчезъ въ своей пестрой комнатѣ. М. метался изъ угла въ уголъ и положительно не могъ найти примѣненія своей сильно развитой подвижности.

Нѣкоторое разнообразіе вносилъ въ нашу жизнь, нашъ спутникъ, Джемадаръ-тюря.

Онъ жилъ теперь въ одномъ помѣщеніи съ посольствомъ, только на другомъ дворѣ. При входѣ во дворъ нашего квадрата, онъ обыкновенно густой и низкой октавой произноситъ только одно слово: Замаанбекъ! На встрѣчу ему сейчасъ же неслась цѣлая куча привѣтствій и восклицаній отъ всѣхъ членовъ миссіи. Если генералъ былъ на эстрадѣ, то тотчасъ же восклицалъ «ахвали-шума?» (т. е. какъ поживаете?) при чемъ, вѣроятно изъ безсознательнаго подраженія октавѣ Джемадара, онъ сообщалъ своему голосу болѣе мужественную интонацію, чѣмъ въ обычное время. Если же генералъ былъ въ комнатѣ, то выглядывалъ въ окно и произносилъ тоже привѣтствіе. Почтенный Джемадаръ обыкновенно отвѣчалъ на это: «альгамъ-дюль-илльлахъ ахваль бахайръ, генералъ-саибъ?» (т. е. благодареніе Богу; вы все ли хорошо поживаете, генералъ-саибъ?)—Даже «натуралистъ», выглядывая изъ щели свой потайной комнаты, съ линейкой въ одной рукѣ и съ циркулемъ въ другой, обыкновенно разражался въ это время фразой, обращенной, вѣроятно, къ стѣнамъ (такъ какъ къ

комнатѣ онъ былъ обыкновенно одинъ), а можетъ быть и къ маршруту: «вотъ идетъ «махина» Джемадаръ,—сражаться въ шахматы съ Замаанбекомъ»—и снова циркуль въ его рукахъ начиналъ описывать круги, а транспортиръ намѣчать углы и градусы.

Тогда Замаанбекъ важно спускался по ступенямъ своего крылечка и здоровался съ Джемадаромъ. Сзади Джемадара всегда слѣдовала «тѣнь его», кашгарецъ, послѣдовавшій за нимъ изъ Джитышара,—въ необъятной полосатой чалмѣ, босой, въ засаленномъ халатѣ. Эта тѣнь называлась мулла Якубъ, и всегда носила съ собой мѣшечекъ съ шахматами и чилимъ [1]). Вскорѣ послѣ прихода Джемадара шахматы разставлялись, чилимъ начиналъ усиленно хрипѣть и испускать густыя облака дыма, а черезъ нѣсколько минутъ поле битвы было уже усѣяно трупами «пьяде», «аспь» (пѣшка, лошадь) и др. родовъ оружія шахматныхъ войскъ...

Вскорѣ М. нашелъ занятіе по своему вкусу. Если нѣкоторыя принадлежности походной посольской кухни не испортились понапрасну, а вина не скислись (что весьма легко могло случиться въ такомъ жаркомъ климатѣ)—то этимъ были обязаны онѣ единственно М. Это ему принадлежитъ заслуга, что хересъ, лафитъ и шартрёзъ, затерянные до сихъ поръ въ одномъ изъ ящиковъ нашего вьючнаго обоза, увидѣли свѣтъ божій и могли подышать воздухомъ священной гробницы Алія. Я не скажу также, чтобъ несвоевременно и неумѣстно было появленіе на столѣ, рядомъ съ шашлыкомъ и пловомъ,—пикулей, сыра, соуса-кабулъ (о которомъ, т. е. объ этомъ соусѣ, впрочемъ, въ Кабулѣ не имѣютъ ни малѣйшаго понятія) и tutti quanti въ этомъ же родѣ. М. добирался было и до черныхъ и бѣлыхъ, черезъ-чуръ ужъ прочно закупоренныхъ, засмоленныхъ и загипсованныхъ головокъ, но... безуспѣшно; должно быть онъ сбился съ направленія, такъ какъ неизвѣстно, пользовался ли онъ компасомъ въ своей колоніальной экскурсіи. Послѣ обѣда, вмѣсто десерта, который теперь состоялъ исключительно изъ винограда (пора абрикосовъ и даже персиковъ въ это время здѣсь уже прошла),—М. всегда находилъ въ своей памяти или воображеніи (рѣшить трудно) массу разсказовъ, анекдотовъ, въ большинствѣ которыхъ онъ, по обыкно-

[1]) Мѣстной конструкціи кальянъ.

венію, всегда игралъ дѣятельную роль. Впрочемъ, я нисколько не сомнѣваюсь, что онъ, если не во всѣхъ, то во многихъ разсказахъ на самомъ дѣлѣ игралъ роль; дѣло въ томъ, что онъ перебывалъ чуть ли не во всѣхъ государствахъ Европы, былъ одно время, кажется, консуломъ, или чѣмъ-то въ этомъ родѣ, въ Марокко, Тунисѣ, или какой то другой дикой странѣ Африки,—хорошенько не припомню; прекрасную половину человѣческаго рода всѣхъ странъ и расъ онъ изучилъ до тонкости. Во время его дессертныхъ разсказовъ даже полковникъ—и тотъ выходилъ изъ своего нейтральнаго положенія, а его невозмутимая серьезность уступала мѣсто самому непринужденному веселью.

Тѣмъ не менѣе свободнаго, а главное,—скучнаго времени было много. Въ эти дни я отъ доски до доски прочиталъ книгу Григорьева: «Кабулистанъ и Кафиристанъ», «Кабулъ» Бёрнса и даже пробовалъ читать «Походы Александра Македонскаго» Курціуса во французскомъ переводѣ. Но этого было мало. Я записалъ со словъ генерала много персидскихъ словъ и выучилъ ихъ наизусть. Кромѣ того у генерала нашлась персидская грамматика съ французскимъ текстомъ. Я и за нее принялся.—Вскорѣ, однако, мое вниманіе было отвлечено въ другую сторону. Ко мнѣ стали обращаться туземцы съ различными болѣзнями. Я не отказывалъ никому въ своей посильной помощи. Я сожалѣлъ только о томъ, что были случаи, въ которыхъ я, при всемъ моемъ желаніи, ничѣмъ не могъ помочь. Къ этой категоріи относится, между прочимъ, слѣдующій случай. Ко мнѣ приносятъ молодаго человѣка, лѣтъ 23.—Земляного цвѣта лицо, съ бурыми пятнами на скулахъ, лихорадочно блестящіе глаза, глубоко запавшіе въ своихъ орбитахъ, почти полное отсутствіе подкожнаго жирнаго слоя, безпомощно висящія, какъ плети, конечности—сразу давали право заключить о какой-либо тяжкой хронической болѣзни даннаго субъекта. Дальнѣйшее изслѣдованіе дало данныя, достаточныя для того, чтобъ установить діагнозъ: pneumonia catarralis chronica. Больной—племянникъ умершаго Лойнаба. Предъидущій отказъ Лойнаба отъ моей помощи, несмотря на неоднократныя настоянія генерала, давалъ мнѣ право заключить, что только крайность, можетъ быть послѣ долгой внутренней борьбы, заставила больнаго обратиться къ иноземному «каффиру»-врачу. Ясно было, что туземные врачи-зна-

хари, при всемъ своемъ невѣжественномъ самомнѣніи, отказались отъ надежды на хорошій исходъ болѣзни. Очевидно было также, что мое положеніе, въ данномъ случаѣ, было очень щекотливо. Надо было, во что бы то ни стало, показать разницу между туземнымъ знахаремъ и европейскимъ врачемъ. Отъ успѣха лѣченія этого больнаго зависѣло все мое реноме среди туземцевъ. А субъектъ, который долженъ былъ послужить пробнымъ камнемъ для этого, оказался, какъ разъ, неподходящій. Понятно, что въ данномъ случаѣ надо было бить на эффектъ, хотя бы и кратковременный. И вотъ я пустилъ въ дѣло всю медицинскую артиллерію, какая употребляется въ данныхъ случаяхъ. Затѣмъ я посовѣтовалъ больному перемѣнить мѣсто жительства. Въ отрогахъ Паропомизскихъ горъ можно было найти довольно возвышенную долину съ достаточно ровнымъ климатомъ. Однако легко было посовѣтовать это, но далеко не такъ легко было добиться того, чтобъ больной и его родственники поняли, какъ слѣдуетъ,—какого рода мѣстность надо было выбрать. Понятно, что нельзя было опредѣлять имъ высоту мѣстности числомъ футовъ, ибо они о подобномъ измѣреніи и понятія не имѣютъ. Точно также, говоря объ относительной ровности климата, странно было бы указать имъ на maximum и minimum суточной t°. Объ этомъ они имѣютъ не бо̀льшее понятіе, чѣмъ и о предъидущемъ. Дѣло опредѣленія мѣстности затруднялось еще и тѣмъ, что я совсѣмъ не зналъ въ Авганистанѣ подходящихъ мѣстностей. Тѣмъ не менѣе, черезъ нѣсколько минутъ, при общемъ содѣйствіи обоихъ переводчиковъ, а также и генерала, дѣло, повидимому, уладилось. По переѣздѣ на новое мѣсто, больной, по моему совѣту, долженъ былъ пить кумысъ. Но въ отвѣтъ на это предложеніе, я получилъ со стороны пацієнта и его родственниковъ полное недоумѣніе. Оказалось, что почтенные сыны Авганистана не имѣютъ ровно никакого понятія о кумысѣ. Одинъ изъ нихъ даже спросилъ: не айранъ ли это?.. Пришлось разъяснять имъ, что̀ такое кумысъ, какъ его дѣлаютъ, какъ употребляютъ и т. п. Наконецъ, я не вытерпѣлъ и выразилъ съ своей стороны удивленіе по поводу незнанія авганами кумыса.

— Вѣдь въ вашемъ государствѣ живетъ много узбековъ, особенно въ Чааръ-вилайетѣ. Развѣ авганцы не знаютъ, что узбеки приготовляютъ кумысъ? спросилъ я.

Но на этотъ вопросъ я получилъ отрицаніе и, въ добавокъ къ этому, презрительное замѣчаніе объ узбекахъ.

Тѣмъ не менѣе я посовѣтовалъ воспользоваться услугами какого нибудь знающаго узбека.—Не знаю былъ ли приведенъ въ исполненіе мой совѣтъ. Скорѣе нѣтъ, если принять во вниманіе непримиримую ненависть узбека къ авганцу съ одной стороны, и крайнее презрѣніе и угнетеніе авганцемъ узбека—съ другой стороны.

Вслѣдъ за этимъ больнымъ ко мнѣ потянулись и другіе больные и увѣчные авганцы и узбеки. Ихъ всѣхъ перебывало у меня, за время пребыванія миссіи въ Мазари-Шерифѣ, до ста человѣкъ. Но это была еще не вся цифра желавшихъ получить помощь отъ доктора-саиба, хотя бы и «каффира». Потомъ я узналъ, что авганскій караулъ, тщательно охранявшій всѣ входы и выходы нашего «дворца», многихъ больныхъ до меня не допускалъ.

Между больными вообще сильно преобладали надъ всѣми формами болѣзней — лихорадки. О типѣ лихорадокъ я поговорю ниже, когда рѣчь будетъ о больныхъ изъ состава миссіи, такъ какъ тутъ являлась возможность произвести болѣе продолжительныя и болѣе точныя наблюденія.

Были случаи и другихъ родовъ болѣзней. Такъ, однажды мнѣ принесли дѣвочку, лѣтъ 3-хъ, съ гангренозной язвой на лѣвой щекѣ. Это былъ noma, развившійся у ребенка послѣ заболѣванія оспой. Это былъ однако единственный случай оспы, наблюдавшійся мною вообще въ Авганистанѣ, хотя я и зналъ, что въ $187^{7}/_{8}$ гг. по средней Азіи прошла сильная оспенная эпидемія. Приносили ко мнѣ также мальчика, лѣтъ 8, съ страшною язвою колѣннаго сустава. Дефектъ былъ такъ великъ и глубокъ, что, не смотря на реактивное воспаленіе, сильно утолщившее сумочныя связки,—хрящъ праваго мыщелка лѣваго бедра былъ совершенно обнаженъ и его можно было ощупать пальцами. Былъ одинъ случай конституціональнаго syphilis. Едва ли не большую цифру, послѣ лихорадочныхъ, представляли глазные больные. Впрочемъ здѣсь не мѣсто подробно перечислять болѣзненныя формы, встрѣченныя мною въ этомъ городѣ. Объ этомъ я поговорю въ другомъ мѣстѣ.

А дни шли, да шли своей чередой. Мы все сидѣли въ 4-хъ стѣнахъ своего помѣщенія. Теперь мы совсѣмъ одиночествовали. Даже

Дебиръ почему-то пересталъ ходить къ намъ. Единственнымъ развлекателемъ этого одиночества былъ «толстопузый маіоръ», какъ въ шутку прозвалъ Мосинъ-хана Малевинскій. Да и этотъ, впрочемъ, дня два совсѣмъ не показывался, потому что, какъ онъ сообщалъ потомъ, «табъ дердъ» т. е. имѣлъ лихорадку.

1-го іюля заболѣлъ генералъ. Болѣзнь началась лихорадочнымъ знобомъ, сопровождаемымъ умѣренно выраженнымъ гастрицизмомъ. T° подъ мышкой была около 39°. Типъ лихорадки былъ ежедневный, съ ремиссіей (послабленіемъ) по утрамъ. Онъ былъ болѣнъ въ теченіе трехъ дней сряду.

Въ тоже время начали болѣть казаки, а равно и туземная прислуга. У нѣкоторыхъ были очень бурные пароксизмы лихорадки, съ сильной рвотой, бредомъ, даже судорожнымъ сведеніемъ конечностей. До 6-го іюля переболѣло 18-ть человѣкъ изъ 48 лицъ всего наличнаго состава миссіи. Преобладающій типъ лихорадокъ меня поразилъ оригинальностью; до этого времени мнѣ не доводилось еще наблюдать его. Вотъ нѣсколько примѣровъ температуры больныхъ, измѣрявшейся день за днемъ, въ извѣстные часы:

Казакъ Бѣлоносовъ: t° по C.

Дни болѣзни.	Утро. Отъ 8 до 10 ч.	Вечеръ. Отъ 4 до 6 ч.
1-й.	38,6°	39,6°
2-й.	39°	40,5°
3-й.	39°	40,5°
4-й.	36,5°	37°

Этотъ примѣръ показываетъ, что лихорадочное состояніе, съ незначительными утренними пониженіями, длилось ровно три дня. Это—чистый типъ ежедневной постоянной лихорадки (febris-continua quotidiana).

А вотъ примѣръ, который даетъ, при ежедневной лихорадкѣ, утреннія пониженія ровно черезъ день:

Казакъ Кузнецовъ:

Дни болѣзни.	Утро.	Вечеръ.
	Тѣ же часы.	
1-й.	39,9°	40,5°
2-й.	36,5°	40,3°
3-й.	38°	38,9°

4-й.	37°	38°
5-й.	36,5°	37°

Этотъ типъ лихорадки я назову ежедневнымъ съ пониженіями (febris quotidiana remitens). Какъ видоизмѣненіе этого типа, приведу еще слѣдующій примѣръ:

Казакъ Фофановъ:

Дни болѣзни.	Утро. Тѣ же часы.	Вечеръ.
1 й.	39,5°	40,1°
2-й.	36,8°	38,5°
3-й.	37,5°	38,2°
4-й.	37°	37,3°

Въ этой разновидности ежедневнаго ремиттирующаго типа лихорадки утреннія пониженія (реммисіи) получаются уже каждый день.

Эти два типа составляли преобладающія формы наблюдавшихся мною лихорадокъ. Встрѣчался и чистый типъ трехдневной перемежающейся лихорадки, но изъ 26 наблюдавшихся мною случаевъ лихорадки между лицами, принадлежащими къ посольству, онъ былъ только въ 6. Наибольшая t°, 41,2° С. подъ мышкой, была наблюдаема мною только одинъ разъ, въ случаѣ чистой трехдневной перемежающейся лихорадки.

Зная заранѣе изъ разсказовъ нѣкоторыхъ лицъ, что въ дорогѣ мнѣ придется имѣть дѣло съ знаменитыми «балхскими» лихорадками, я долженъ былъ обратить особенное вниманіе на гигіеническую обстановку мѣстъ, въ которыхъ устраивались стоянки. Такъ и здѣсь, въ Мазари-Шерифѣ, я не отступалъ отъ принятой мною программы. Нашъ глиняный квадратъ содержался въ возможной чистотѣ. Когда на конномъ дворѣ накоплялся навозъ, я тотчасъ же просилъ сдѣлать распоряженія о свозѣ его, чѣмъ не мало удивилъ авганцевъ и даже собственную прислугу изъ туземцевъ. Они до такой степени привыкли къ грязи, что навозъ считаютъ чѣмъ-то въ родѣ родной стихіи, и мое заявленіе показалось въ ихъ глазахъ, кажется, очень дикимъ.

Несмотря на всѣ эти мѣры, люди стали болѣть. Появлялись съ каждымъ днемъ новые и новые больные. Чѣмъ объяснить это явленіе?—Иначе конечно и нельзя объяснить, какъ—принявъ существованіе въ этихъ мѣстахъ эндемической маляріи, которая, господствуя въ

городѣ, необходимо должна была произвести свое дѣйствіе и въ нашемъ квадратѣ. Послѣ я подробно войду въ разсмотрѣніе этого вопроса, теперь же буду продолжать свою хронику.

Когда болѣзненность состава посольства достигла извѣстной степени, я посовѣтовалъ генералу вывести миссію совсѣмъ изъ города, на открытое степное пространство. Но мое предложеніе не было принято. Исполненіе этого предложенія генералъ считалъ неудобнымъ; но почему—не объяснилъ. Я могу только предположить, что онъ въ силу ложно понятой деликатности въ отношеніи авганцевъ, допустилъ дальнѣйшія заболѣванія и членовъ миссіи, и прислуги, оставшись въ міазматическомъ городѣ.

Вообще нужно замѣтить, что генералу не доставало въ сношеніяхъ съ авганцами самостоятельности. Что скажутъ они—то и хорошо.

Какъ на примѣръ подчиненія генерала той ложно понятой деликатности, о которой я завелъ рѣчь, можно указать на слѣдующее:

Миссія съ перваго же дня прибытія на авганскую территорію поставлена была въ необходимость принять матеріальное содержаніе отъ авганскихъ властей. Это продолжалось во все время пути до Мазари-Шерифа. Тоже продолжалось и въ Мазари-Шерифѣ. Все необходимое для стола посольства присылалось авганскими властями. При этомъ авганцы присылали обыкновенно уже готовыя блюда. Я не имѣю ровно ничего противъ питательности и обилія блюдъ авганской кухни. Но форма приготовленія ихъ не всегда соотвѣтствовала русскимъ вкусамъ, какъ бы хорошо ни были приготовлены кушанья. Даже превосходный шашлыкъ—и тотъ могъ надоѣсть вслѣдствіе ежедневнаго употребленія. Черезъ нѣсколько дней можно было, поэтому, видѣть, что большинство членовъ миссіи едва дотрогивалось до блюдъ. Кажется, весьма естественно было устроить русскую кухню и готовить изъ тѣхъ продуктовъ, которые присылались авганцами, русскія кушанья. Это можно было устроить тѣмъ легче, что миссія имѣла въ своемъ распоряженіи двухъ довольно сносныхъ поваровъ, походную кухню и вообще все необходимое для этой цѣли.

Дѣло оказалось однако не такъ просто.

Устроить русскую кухню, по мнѣнію генерала, было неудобно:

«потому что авганцы могутъ обидѣться, что мы какъ будто брезгаемъ ихъ хлѣбомъ-солью».

Въ нашемъ помѣщеніи было очень мало мебели; не было ни одного стола—авганцы ихъ совсѣмъ не употребляютъ. Но у насъ была собственная походная мебель. Можно, да, мнѣ кажется, и должно было воспользоваться ею. А между тѣмъ она лежала въ тюкахъ, нераспакованною, потому что было бы не деликатно, по мнѣнію генерала, употреблять свою мебель въ данномъ случаѣ. «Это могло бы задѣть у авганцевъ чувство самолюбія, выставляя на видъ ихъ бѣдность», объяснялъ генералъ.

3-го іюля и я подвергся общей участи—заболѣлъ лихорадкой.

4-го іюля сдѣлалось извѣстнымъ, что пламенно ожидаемое нами разрѣшеніе Ширъ-Али-хана уже было получено. Теперь же мы узнали, что Лойнабомъ Чааръ-вилайета назначенъ сынъ умершаго Ширъ-Диль-хана, Хошъ-Диль-ханъ.

5-го іюля мы снова ѣздили во дворецъ Лойнаба. Хошъ-Диль-ханъ принималъ насъ на той же эстрадѣ, подъ тѣми же чинарами, при томъ же ясномъ, солнечномъ освѣщеніи, какъ и въ первый разъ. Онъ выглядывалъ теперь какъ будто сановитѣе, чѣмъ прежде. Онъ угостилъ насъ концертомъ, исполненнымъ его оркестромъ изъ туземцевъ: музыка довольно сносная. Сильно преобладали инструменты съ высокимъ діапазономъ и турецкій барабанъ. Въ этотъ день у меня былъ опять пароксизмъ лихорадки, не смотря на предварительное обильное принятіе хинина.

ГЛАВА V.

Въ Авганскомъ Туркестанѣ.

Выступленіе въ путь.—Авганская артиллерія.—Гури-Маръ.—Перевалъ Абъ-дугъ.—Наибъ-абадъ.—Нашъ путевой денк.—«Гярмъ-сиръ».—Старый Хулумъ.—Ташъ-Курганъ—ворота Гинду-Куша.—Авганская дисциплина.—Положеніе миссіи.—Спички Воронцовой и К°.—Краткій историко-географическій очеркъ долины рѣки Аму.—Европейскіе путешественники по ней.

6-го іюля, часовъ въ 6 утра, миссія выступила изъ Мазари-Шерифъ по направленію къ Кабулу. Сопровождать ее въ дорогѣ назначены были опять Дебиръ-уль-мулькъ и Мосинъ-ханъ.

Съ удовольствіемъ оставили мы непривлекательное, хотя по своему и гостепріимное, помѣщеніе. Даже больные казаки—и тѣ какъ то встрепенулись и бодро сѣли на своихъ коней. «Натуралистъ», какъ мы теперь звали Н. А. Бендерскаго, вооружился, по обыкновенію, буссолью и книжкой съ аспидными листками. Понятно, что и буссоль и книжку онъ тщательно скрывалъ отъ авганцевъ, а замѣтки дѣлалъ въ рукавѣ пальто или же въ портъ-сакѣ, показывая видъ, что приготовляетъ себѣ папиросы. Несмотря на подобныя уловки, нѣсколько разъ Мосинъ-ханъ заставалъ его на мѣстѣ преступленія. Но топографу всякій разъ удавалось довольно удачно маскировать цѣль своихъ манипуляцій. Разъ, когда онъ, открывъ циферблатъ буссоли, намѣревался отмѣтить уголъ, подъ которымъ путь отклонялся отъ даннаго направленія,—Мосинъ-ханъ, принявъ очевидно буссоль за часы, спросилъ: «чендъ-вахтъ-эстъ?» (т. е. который часъ). Топографъ, застигнутый вопросомъ въ расплохъ,—такъ какъ, углубясь въ свое дѣло, онъ даже и не подозрѣвалъ, что за нимъ зорко наблюдалъ Мосинъ-ханъ,—наугадъ сказалъ ему время. Но вѣроятно разница

между настоящимъ временемъ и сказаннымъ топографомъ была очень велика, такъ какъ Мосинъ-ханъ выразилъ сомнѣніе въ вѣрности часовъ топографа. «Натуралистъ» не сталъ противорѣчить предположенію Мосинъ-хана, объявивъ, что давно не повѣрялъ часовъ, а потому и не ручается за вѣрность ихъ,—чѣмъ, повидимому, вполнѣ удовлетворилъ своего назойливаго спутника.

И такъ, послѣ двухнедѣльнаго сидѣнья мы, наконецъ, тронулись.

Долго пришлось ѣхать по узкимъ и кривымъ улицамъ города. Въ одномъ мѣстѣ улица была такъ узка, что два всадника не могли по ней ѣхать рядомъ. Вслѣдствіе этого мы ѣхали гуськомъ, другъ за другомъ. Черезъ нѣсколько времени мы выѣхали на болѣе широкую и прямую улицу, направляющуюся прямо къ востоку. Она насъ поразила пріятной неожиданностью. Улица была вымощена весьма порядочно булыжникомъ. Мостовая была выведена во всю ширину улицы, которая имѣла саженъ 15 ширины. На углу базара, выходящаго на эту улицу, къ нашей кавалькадѣ присоединился новый Лойнабъ, со своей свитой. По сторонамъ улицы, а также спереди и сзади насъ, шли шеренги авганскихъ солдатъ. Рядомъ съ Лойнабомъ шелъ пѣшкомъ офицеръ, повидимому артиллеристъ, который командовалъ конвоемъ. Онъ шелъ, положа руку на крупъ коня, на которомъ ѣхалъ Лойнабъ. Команда произносилась по авгански.

На улицѣ, по обѣимъ ея сторонамъ, виднѣлись ряды любопытныхъ обывателей; эти ряды были однако не такъ густы, какъ во время въѣзда миссіи въ городъ. Во время проѣзда Лойнаба туземцы вставали со своихъ мѣстъ, прикладывали руку ко лбу, отдавая честь по военному и бормоча, а иногда и громко выкрикивая фразу: «ассалямъ-алейкумъ» [1]). Лойнабъ любезно раскланивался на обѣ стороны, отвѣчая на привѣтствія.—Крыши домовъ представляли въ данный моментъ довольно оригинальное зрѣлище. На нихъ группами и въ одиночку виднѣлись бѣлыя, неуклюжія фигуры. Это была наилюбопытнѣйшая часть человѣческаго рода—дщери Евы. Но, Боже милосердый!—въ какія одѣянія онѣ были закутаны! Длинныя, бѣлыя чадры [2]), совершенно похожія на саваны, наглухо закрывали ихъ съ головы

---

[1]) Обычное мусульманское привѣтствіе.

[2]) Родъ мѣшкообразнаго покрывала.

до ногъ. Здѣсь чадры дѣлаются совсѣмъ глухія, т. е. не распашныя, какъ напр. у татарокъ, или сартянокъ, а сплошь спитыя мѣшкомъ, съ маленькимъ оконцемъ для глазъ. Но и это оконце обыкновенно заткано черной или бѣлой волосяной сѣткой. Рядомъ съ женщинами виднѣлись и дѣти. Юныя, смуглыя, въ большинствѣ случаевъ черноглазыя лица ихъ съ любопытствомъ слѣдили за нашимъ медленнымъ движеніемъ. Нѣсколько дѣвочекъ-подростковъ, съ кольцами въ ноздряхъ, обѣщали сдѣлаться со временемъ красивыми смуглянками, и такимъ образомъ давали, до нѣкоторой степени, понятіе о возможной красотѣ туземныхъ взрослыхъ женщинъ. Но многія дѣти были рябыя, съ болѣзненнымъ выраженіемъ на дѣтскомъ лицѣ, черезъ чуръ блѣдный, а иногда землисто-желтый цвѣтъ котораго—такъ несовмѣстенъ съ дѣтскимъ возрастомъ.

Вотъ и «Кабульскія ворота», довольно высоко поднимающіеся надъ остатками когда-то опоясывавшей городъ стѣны. Теперь городъ не имѣетъ общей стѣны. Но на сѣверовосточной окраинѣ его находится фортъ, снабженный пушками. Между этимъ фортомъ и дворцомъ Лойнаба помѣщается городской базаръ.

За воротами мѣстность сдѣлалась совершенно открытою. Направо, по направленію къ горамъ, расположенъ молодой паркъ, состоящій главнымъ образомъ изъ тополевыхъ деревьевъ. Несомнѣнно, что этотъ лѣсокъ разведенъ въ очень недавнее время, такъ какъ деревья еще очень молоды. Нѣсколько оросительныхъ каналъ изрѣзываютъ паркъ въ разныхъ направленіяхъ, раздѣляя его на нѣсколько довольно большихъ участковъ.

По лѣвую сторону дороги, напротивъ лѣска, виднѣлись разставленныя авганскія войска. Лишь только мы къ нимъ приблизились, какъ началась стрѣльба изъ орудій, поочередно. Когда стрѣльба прекратилась—орудія, запряженныя шестью лошадьми каждое, взялись на передки и понеслись полнымъ карьеромъ, сначала прямо на перерѣзъ дороги, а затѣмъ, не доѣхавъ до насъ всего нѣсколько саженъ, поворотили направо и пошли параллельно дорогѣ. Любо было смотрѣть на огненныхъ лошадей, разомъ бравшихъ въ карьеръ, и какъ вихрь мчавшихся съ орудіями!

Генералъ выразилъ желаніе осмотрѣть орудія. Вслѣдствіе этого онъ, въ сопровожденіи полковника, быстрымъ галопомъ направился къ

нимъ. Я хотя и былъ очень слабъ послѣ пароксизма лихорадки, во второй разъ посѣтившей меня наканунѣ выѣзда—все же не хотѣлъ упустить случая посмотрѣть авганскія орудія, и, въ свою очередь, рысцой поплелся за галопирующими всадниками.

Мы увидѣли орудія двухъ образцовъ, разнаго калибра. Два орудія (изъ восьми бывшихъ здѣсь) были стальныя (?), нарѣзныя, калибромъ, какъ говорилъ полковникъ, похожія на наши 4-хъ фунтовки. Эти орудія заряжались съ казенной части; казна запиралась вкладывающимся замкомъ, имѣвшимъ форму параллелограмма. По отзывамъ полковника конструкція этихъ орудій очень несовершенна.

— Я бы не рискнулъ пустить ихъ въ дѣло, замѣтилъ онъ.

Лойнабъ сказалъ,—и сказалъ съ видимою гордостью,—что орудія эти приготовлены въ Кабулѣ, на собственномъ (эмира) заводѣ. На это заявленіе полковникъ замѣтилъ, что «это весьма вѣроятно, ибо англичане не дѣлаютъ такихъ плохихъ орудій». Хорошо, что онъ сдѣлалъ это замѣчаніе на отечественномъ языкѣ, который для авганцевъ менѣе знакомъ, чѣмъ китайская грамота. А то подобный комплиментъ плохо, вѣроятно, поощрилъ бы народную гордость въ Лойнабѣ.

Другія орудія были всѣ мѣдныя (желтой мѣди), гладкостѣнныя пушки, заряжающіяся съ дула. Калибръ ихъ соотвѣтствовалъ, приблизительно, калибру нашихъ 9-ти фунтовокъ. О нихъ полковникъ отзывался лучше, чѣмъ о предъидущихъ, и производилъ генеалогію ихъ по прямой линіи отъ англійскихъ мастеровъ и изъ англійскихъ арсеналовъ. Я не замѣтилъ тогда, были ли на нихъ клейма, но, кажется, Лойнабъ говорилъ, что онѣ нѣкогда были подарены эмиру англичанами.

Послѣ такого бѣглаго осмотра авганской полевой артиллеріи мы снова двинулись впередъ. Когда мы поравнялись съ послѣдней шеренгой войскъ,—Лойнабъ, пожелавъ намъ счастливаго пути, простился съ нами и отправился назадъ въ свою «столицу», Мазари-Шерифъ. При насъ остался Дебиръ, Мосинъ-ханъ, и, конечно, приличный случаю авганскій конвой. Этотъ «приличный случаю» конвой состоялъ изъ 300 всадниковъ и около 200 пѣхотинцевъ.

Дорога, по которой мы продолжали свой путь, направлялась отъ города прямо на востокъ. Она довольно хорошо разровнена и имѣетъ

видъ шоссированной, но только «имѣетъ видъ». Полотно дороги, саженъ въ 10 ширины, окаймляется съ обѣихъ сторонъ канавками, впрочемъ, бывшими въ это время года безъ воды. По краямъ канавокъ кое-гдѣ торчали тощіе кусты ивняка. Далѣе за кустами, въ глаза смотрѣла старая знакомая наша—степь широкая, раздольная. Жесткіе стебли сожженной солнцемъ травы щетинистой щеткой покрывали лицо степи.

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Мазари-Шерифа намъ пришлось переѣхать по мосту, перекинутому черезъ довольно широкій арыкъ. Мостъ этотъ носитъ названіе Сэри-пуль, что въ переводѣ на русскій языкъ значитъ «голова моста» (tête de pont). Судя по названію, слѣдовало бы ожидать, что здѣсь существуетъ укрѣпленіе, защищающее мостъ. Но вмѣсто укрѣпленія на мосту существуетъ одна жалкая лачуга, въ которой устроена мельница.

Затѣмъ на всемъ протяженіи дневнаго перехода слѣва отъ насъ непрерывно тянулся арыкъ. Впрочемъ, эта непрерывность равняется только 16 верстамъ. На такомъ разстояніи отъ Мазари-Шерифа находится урочище Гури-Маръ (Долина змѣй). Гури-Маръ—кучка полуразрушенныхъ домовъ, очень маленькая кучка. За то здѣсь бросается въ глаза очень обширная казарма, наполненная авганскими солдатами.

Миссію ожидала здѣсь уже совсѣмъ разбитая, обширная индійская палатка. Это было какъ разъ кстати. Ослабленный вчерашнимъ лихорадочнымъ пароксизмомъ, я во время перехода такъ утомился, что сейчасъ же, по пріѣздѣ на стоянку, повалился на коверъ и заснулъ, какъ убитый.

— Docteur, docteur! послышалось мнѣ во снѣ. Я раскрылъ глаза.

— Нанъ теяръ эстъ! (обѣдъ готовъ) звалъ меня генералъ.

Нужно замѣтить, что генералъ весьма поощрялъ мое желаніе овладѣть персидскою рѣчью, такъ распространенною въ Авганистанѣ. Поэтому онъ часто въ разговорѣ со мной употреблялъ простыя персидскія фразы. Если я не понималъ, то онъ обязательно переводилъ мнѣ ихъ на русскій языкъ. Персидская грамматика на французскомъ діалектѣ также настойчиво рекомендовалась имъ мнѣ.

— Ну, что? какъ ваша лихорадка, продолжалъ онъ, видя, что я

не выказывалъ особеннаго усердія въ поглощеніи плова и шашлыковъ.

Я отвѣчалъ, что сегодня у меня льготный день, а что будетъ завтра—вопросъ для меня весьма существенный, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ и совершенно неизвѣстный.

Генералъ посовѣтовалъ мнѣ побольше принять хинина. Понятно, что я не стѣснялся съ собой въ этомъ отношеніи. Я ѣлъ хининъ до оглушенія. Но—что за скверное состояніе испытываетъ человѣкъ послѣ сильнаго лихорадочнаго пароксизма! Тѣло все какъ будто избито; мускулы становятся какими-то тряпками; кости мозжатъ; въ головѣ пустота, а въ желудкѣ—точно цѣлый эскадронъ гусаръ ночевалъ... Прибавьте къ этому еще то милое обстоятельство, что необходимо было сдѣлать верхомъ дневной переходъ, извѣстное число верстъ (рѣдко менѣе 20—25 верстъ). И безъ того голова шла кругомъ, а тутъ еще нужно было трястись въ сѣдлѣ впродолженіи нѣсколькихъ часовъ. Хорошо еще, если лошадь у больнаго сѣдока покойная и обладаетъ хорошимъ и спокойнымъ шагомъ. Въ противномъ случаѣ положеніе всадника становится совсѣмъ невыносимымъ. Впрочемъ, я не могъ пожаловаться на своихъ лошадей; онѣ были и покойны и быстроходны. Но у большинства казаковъ лошади вообще не отличались быстроходностью. А между тѣмъ быстроходность имѣла, въ данномъ случаѣ, важное значеніе. У генерала были, конечно, хорошіе ходоки—кони. Нужно было не отставать отъ него. Шагомъ же казачьи лошади не поспѣвали за генераломъ; поэтому имъ по необходимости приходилось идти полу-рысью. Но безпокойнѣе и мучительнѣе этого алюра я ничего не знаю. Ѣзда такимъ алюромъ положительно способна вытрясти всѣ внутренности даже и у здороваго сѣдока. Состояніе же больныхъ казаковъ, одержимыхъ лихорадкою, при такой ѣздѣ было просто ужасно.

На слѣдующій день мы выступили въ путь опять очень рано. Теперь намъ предстояло сдѣлать переходъ значительно большій, чѣмъ вчера. Отъ Гури-Мара до Наибъ-абада, мѣста назначеннаго для сегодняшняго ночлега, считается около 25 верстъ. Первыя 7—8 верстъ идутъ по мягкому степному грунту; но вслѣдъ за тѣмъ начинается медленный подъемъ на перевалъ Абъ-дугъ. Этотъ перевалъ находится помѣченнымъ на всѣхъ картахъ. Но это собственно не пе-

ревалъ, а рядъ небольшихъ, почти параллельныхъ другъ другу холмовъ, черезъ которые и пролегаетъ дорога. Рядъ этихъ холмовъ занимаетъ полосу земли верстъ въ 10 шириною. Они начинаются отъ круто обрывающихся сѣверныхъ отроговъ Паропамиза, приблизительно на срединѣ разстоянія между Мазари-Шерифомъ и Хулумомъ (Ташъ-курганъ). Эта полоса невысокихъ холмовъ тянется на сѣверъ почти до самой рѣки Аму. По дорогѣ, переходящей съ одного холма на другой и спускающейся изъ одного оврага въ другой, мѣстами сильно усѣянной крупной галькой и валунами—расположены три крѣпости, или вѣрнѣе, сторожевыя башенки. Въ средней башнѣ, стоящей едва-ли не на самомъ высокомъ холмѣ, существуетъ колодезь, будто-бы съ такой хорошей водой, что и самый перевалъ получилъ отъ нея свое названіе [1]).

Зачѣмъ поставлены эти три башни? Авганцы ихъ называютъ даже калѣ—укрѣпленія. Мнѣ объяснили существованіе этихъ башенъ необходимостью дать безопасность проѣзжающимъ по этому перевалу путешественникамъ, такъ какъ въ прежнее время здѣсь были сильно развиты грабежи.

Здѣсь кстати упомянуть о неточности, вкравшейся въ карту туркестанскаго военнаго округа, составленную туркестанскимъ топографическимъ отдѣломъ. На этой картѣ (издан. 1877 г.) означено двѣ дороги черезъ только что пройденный нами поперечный кряжикъ горъ: одна—черезъ перевалъ Абъ-дугъ, на Афзаль-абадъ; а другая—на «Гуре-миръ» и Наибъ-абадъ, огибающая перевалъ съ сѣвера. Тутъ что ни слово, то—ошибка. Дорога между Гури-Маромъ и Наибъ-абадомъ—одна, и идетъ черезъ Гури-Маръ на Абъ-дугъ, а затѣмъ спускается въ Наибъ-абадъ. О селеніи Афзаль-абадъ я не слыхалъ. Очень можетъ быть, что Наибъ-абадъ иногда называется Афзаль-абадомъ.

Но вотъ и Наибъ-абадъ. Мы помѣстились на дворѣ обширной казармы. По срединѣ двора—большой резервуаръ воды, съ бьющей изъ каменнаго желоба струей воды. Бассейнъ обложенъ камнемъ. По западной и восточной сторонамъ двора разбиты куртины деревьевъ.

---

[1]) Абъ-дугъ есть ничто иное, какъ вода, смѣшанная съ творогомъ и смѣтаною—очень пріятное прохлаждающее питье, весьма употребительное въ Авганистанѣ.

Дворъ хорошо былъ политъ. Кругомъ бассейна разбито нѣсколько палатокъ, среди которыхъ особенно возвышалась та, которая назначена для членовъ миссіи. Эта палатка придвинута была къ самому краю бассейна. Крылья ея были подняты. Полъ, какъ всегда, устланъ былъ коврами и кошмами. Двойной коническій верхъ достаточно защищалъ отъ вертикальныхъ, жгучихъ лучей солнца. Я всегда относился къ этой палаткѣ съ бо̀льшимъ сочувствіемъ, чѣмъ къ «дворцамъ» среднеазіатскихъ владѣтелей. Нѣсколько пирамидальныхъ палатокъ, разбитыхъ неподалеку отъ нашей, были назначены для казаковъ и прислуги. Дебиръ, Мосинъ-ханъ и ихъ свита помѣстились на отдѣльномъ, сосѣднемъ дворѣ.

Нашъ путевой день отнынѣ обыкновенно проводился, за немногими исключеніями, слѣдующимъ образомъ. Прямо съ дороги Дебиръ вмѣстѣ съ миссіей направляется къ нашей палаткѣ, въ которую онъ и приглашаетъ насъ войти. Входимъ—и всѣ усаживаемся à la musulman, т. е. на корточкахъ, ибо мебели въ палаткѣ нѣтъ никакой. Сейчасъ приходитъ чай-ханъ, приноситъ и разливаетъ чай. Сейчасъ-же является и завтракъ, состоящій изъ молока, сливокъ, «маста» (особеннымъ образомъ приготовленное кислое молоко), хлѣба и яицъ.

Дебиръ и Мосинъ-ханъ пьютъ чай отдѣльно отъ насъ, изъ своихъ чашекъ, а закусываютъ той же провизіей, что и мы, изъ общей посуды. За завтракомъ идетъ обыкновенно незначительный разговоръ о пройденномъ переходѣ, о лошадяхъ, о завтрашнемъ переходѣ и т. п. вещахъ. Но разговоръ видимо не клеится: всѣ устали. Послѣ завтрака Дебиръ встаетъ со словами:

— Генералъ-саибъ!—«вахтъ эстъ истерагатъ керденъ». (Господинъ генералъ! пора и отдохнуть).

Затѣмъ онъ раскланивается съ миссіей, обыкновенно прикладывая обѣ руки къ полямъ своего «кюлахъ» и уходитъ. Мосинъ-ханъ также поднимается и уходитъ, или остается еще на нѣкоторое время и продолжаетъ болтать съ генераломъ по персидски. Но за то, уходя къ себѣ, онъ никогда не забудетъ лично провѣрить часовыхъ и убѣдиться—всѣ-ли они на своихъ мѣстахъ, и горе тому, кого онъ замѣтитъ неисправнымъ. Обѣдаемъ мы въ 3—4 часа пополудни, а иногда и позднѣе. Обѣдаемъ одни. Дебиръ не показывается до вечера, когда онъ, въ большинствѣ случаевъ, снова приходитъ провѣдать миссію,

шьетъ вмѣстѣ съ нами вечерній чай и просиживаетъ у насъ обыкновенно часа два. Вообще нужно сказать, что вскорѣ Дебиръ пріобрѣлъ общую симпатію членовъ миссіи.

Того-же нельзя сказать про Мосинъ-хана. Несмотря на пунктуальную точность, съ которою онъ выполнялъ возложенныя на него порученія и заботы о миссіи, несмотря на неусыпное бдѣніе о нашей безопасности—онъ все болѣе и болѣе терялъ во мнѣніи членовъ миссіи, за однимъ, впрочемъ, весьма важнымъ исключеніемъ. Начальнику посольства онъ, повидимому, очень нравился.

Шумъ каскада очень пріятно щекоталъ нашъ слухъ. Вѣдь это такая рѣдкость въ степи! Такъ и тянуло поскорѣе наполнить стаканъ пѣнящейся влагой и утолить жажду. Но вода оказалась негодной для питья, или, по крайней мѣрѣ, подозрительною. Она сильно отзывалась сѣро-водороднымъ газомъ. Пришлось умѣрить восторги.

Въ Наибъ-абадъ мы прибыли въ 8 часовъ утра. Съ этого времени до 12-ти часовъ я проглотилъ такое огромное количество хинина, и въ порошкахъ и въ растворѣ, что вскорѣ у меня развились всѣ признаки отравленія имъ. Въ головѣ уже не шумѣло и звенѣло, а стоялъ какой-то гулъ, точно вой хвойнаго лѣса во время бури. Слухъ сдѣлался притупленнымъ до такой степени, что людская рѣчь казалась мнѣ такою, какъ будто я слушалъ ее изъ погреба или изъ подъ колокола воздушнаго насоса. Въ мышечной системѣ также замѣчался непорядокъ; то въ одной, то въ другой мышцѣ происходили непріятныя фибрилярныя сокращенія. Удары сердца стали неправильны: то они часты, то рѣдки; то сильны, то слабы; наблюдался даже перебой. Ясно было, что я хватилъ черезъ край; но во мнѣ было такъ сильно желаніе предотвратить пароксизмъ лихорадки, который долженъ былъ, по счету дней, непремѣнно посѣтить меня сегодня, послѣ обѣда,—что я не жалѣлъ себя.

Между тѣмъ довольно умѣренное по t° утро смѣнилось знойнымъ днемъ. Къ полудню вполнѣ развился такъ называемый «гярмъ-сиръ» (горячій вѣтеръ). Вотъ въ чемъ состоитъ это явленіе.

Послѣ нѣсколькихъ дней почти полнаго безвѣтрія начинаетъ дуть умѣренной силы западный вѣтеръ. Чѣмъ долѣе онъ дуетъ, тѣмъ все болѣе и болѣе дѣлается знойнымъ. Наконецъ зной до такой степени усиливается, что вамъ кажется, будто вы находитесь въ громадной

раскаленной печи. Вѣтеръ положительно жжетъ васъ своимъ огненнымъ дыханіемъ. Бѣда, если подобный вѣтеръ застанетъ путника въ песчаной пустынѣ! Здѣсь кромѣ страшнаго жара, ему придется имѣть дѣло еще и съ тучей раскаленнаго, мельчайшаго песку, поднимаемаго вѣтромъ. Этотъ песокъ проникаетъ всюду; отъ него нѣтъ никакого спасенья: глаза, уши, ротъ, носъ—все наполняется раскаленнымъ, солонцеватымъ [1]) пескомъ. Дышать становится тяжело; духота достигаетъ крайней степени. Пыльная мгла окутываетъ путника и заставляетъ его отказаться отъ дальнѣйшихъ попытокъ продолжать путь. Въ этой формѣ «гярмъ-сиръ» называется «теббадомъ».

Въ настоящемъ случаѣ мы находились въ прекрасной палаткѣ, дававшей хорошую тѣнь. Мѣстность была довольно хорошо защищена отъ вѣтра стѣнами двора и деревьями. Наконецъ—и что всего важнѣе—здѣсь было изобиліе воды. Тѣмъ не менѣе $t°$ въ тѣни нашей палатки въ 1 часъ дня достигла 43,6°C, а въ 3 часа дня—цифры въ 44,3°C. Какая-же $t°$ была на открытомъ мѣстѣ, въ степи, на солнцѣ?—Я боюсь сдѣлать даже и предположеніе объ этомъ. Люди, застигнутые въ пустынѣ этимъ «дыханіемъ смерти» рѣдко выживаютъ; но даже въ селеніяхъ и городахъ бываютъ смертные случаи, какъ сказалъ мнѣ Мосинъ-ханъ. Подобные вѣтры господствуютъ въ Чааръ-вилайетѣ съ половины іюня до половины августа мѣсяца. Въ Русскомъ Туркестанѣ подобные вѣтры также наблюдаются. Городъ Ходжентъ ежегодно, въ извѣстный періодъ, сильно страдаетъ отъ нихъ. Эти вѣтры чувствительны даже въ Коканѣ и Ташкентѣ. Я, конечно, ужъ и не говорю о при-аму-дарьинской мѣстности. Тамъ такіе вѣтры составляютъ обычное явленіе. Въ Чааръ-вилайетѣ подобные вѣтры дуютъ обыкновенно два-три дня сряду, рѣдко болѣе; но иногда продолжительность ихъ ограничивается лишь нѣсколькими часами: за то они часто повторяются [2]).

---

[1]) Среднеазіатскія пустыни представляютъ собою въ большинствѣ случаевъ сухіе солончаки.

[2]) Замѣчательно, что англійскіе путешественники по долинѣ Аму совсѣмъ не говорятъ объ этомъ вѣтрѣ, и только лейтенантъ Ирвинъ въ своихъ «мемуарахъ объ Авганистанѣ» говоритъ, что даже въ Бухарѣ извѣстны горячіе вѣтры. (Journal of the Asiatic Society of Bengal, vol VIII. p. 786).

Между тѣмъ еще Рюи Гонзалесъ де Клавихо говоритъ объ этомъ явленіи.

— Ну что, docteur, какъ вы?—обратился ко мнѣ генералъ.

— Ничего особеннаго, отвѣчалъ я. Только вотъ слегка чувствуется отравленіе хининомъ.

Онъ посовѣтовалъ мнѣ не очень ужь налегать на хининъ. По моей просьбѣ онъ приказалъ приготовить кофе, изъ собственнаго запаса. Казакъ Солодовниковъ [1]) живо приготовилъ мнѣ благодѣтельный напитокъ. Жадно я выпилъ два стакана крѣпкаго кофе, и въ это время онъ мнѣ показался такимъ вкуснымъ, какъ никогда.

Между тѣмъ «гярмъ-сиръ» начиналъ давать себя чувствовать намъ все болѣе и болѣе. Всѣ—и здоровые, и больные люди начали сильно жаловаться на удушающій жаръ. М. пилъ воду стаканъ за стаканомъ. Впрочемъ,—не стаканъ за стаканомъ, а чашка за чашкою. Стаканы (стеклянные) въ походной среднеазіатской жизни весьма неудобны и замѣняются обыкновенно особыми чашками, такъ называемыми «кашгарскими». Но это собственно не кашгарскія, а низшій сортъ китайскихъ, привозимыхъ изъ Китая въ Кашгаръ, а оттуда въ Туркестанъ. Онѣ имѣютъ форму обыкновенныхъ нашихъ чайныхъ полоскательныхъ чашекъ и покрыты снаружи выпуклыми украшеніями въ видѣ цвѣтовъ, животныхъ—почти всегда излюбленныхъ китайцами драконовъ. Чашки эти очень прочны. Между тѣмъ стеклянные стаканы очень хрупки и скоро бьются. Прочность чашекъ увеличивается еще тѣмъ, что для нихъ туземцы придумали особенные, твердые, кожанные или деревянные чехлы. Чашка въ чехлѣ привязывается обыкновенно къ сѣдельной лукѣ. Въ русскихъ войскахъ въ Туркестанскомъ краѣ подобныя чашки также вошли во всеобщее употребленіе, особенно въ походной практикѣ. Онѣ обыкновенно носятся привязанными къ поясу. Почти у каждаго солдата есть своя чашка.

«На другой день въ Воскресенье, 14-го августа», читаемъ мы у него, «уѣхали мы оттуда (изъ Андхоя); и былъ такой сильный вѣтеръ, что людей едва не сбрасывало съ лошадей, и онъ былъ такой жаркій, точно огонь. Дорога шла по пескамъ и вѣтеръ поднималъ песокъ и несъ съ одного мѣста на другое и заносилъ дорогу и людей». Дневникъ путешествія ко двору Тимура, въ Самаркандъ въ 1403—5 г. подлинный текстъ, съ переводомъ и примѣчаніями И. И. Срезневскаго, стр. 222.

[1]) Это замѣчательный человѣкъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ попалъ въ плѣнъ къ хивинцамъ и былъ освобожденъ въ 1873 г., послѣ покоренія нами Хивы.

Но китайскія чашки довольно дороги. Довольно плохая чашка стоитъ—самое меньшее—50 к.; посредственная—2, 3 и даже 5 руб. Понятно, что такія цѣны не по карману солдату. Ему нужно подешле, хотя и попроще. Поэтому русскія фарфоровыя полоскательныя чашки съ успѣхомъ замѣняютъ китайскія. Даже и на туземныхъ рынкахъ русскія чашки теперь уже вытѣсняютъ китайскія. Эти чашки, равно, какъ и чайныя, достигаютъ даже рынковъ Авганистана. Такъ въ Мазари-Шерифѣ я могъ купить для себя двѣ русскія фарфоровыя чашки.

Топографъ бросилъ свой маршрутъ и ежечасно измѣрялъ t°. Я по причинѣ сильной слабости не могъ измѣрять самъ t°. Я метался по ковру изъ стороны въ сторону. На меня, ослабѣвшаго отъ лихорадки, такая высокая t° воздуха производила просто подавляющее дѣйствіе. Во рту все пересохло; дышать было трудно; голова была точно свинцомъ налита. Я почти ежеминутно пилъ ледяную воду съ клюквеннымъ экстрактомъ. Генералъ часто и съ большимъ участіемъ спрашивалъ меня, какъ я себя чувствую. Понятно, что я жаловался на страшный внѣшній жаръ. Онъ посовѣтовалъ мнѣ обернуть голову полотенцемъ, намоченнымъ въ холодной водѣ. Это, однако, мало приносило пользы. Но не я только страдалъ такъ сильно. Больные казаки также были не въ лучшемъ положеніи, чѣмъ я. Но за то они не жаловались на свои страданія такъ громогласно и такъ малодушно, какъ я,—лежали, пили воду со льдомъ—и только.

Въ 7-мъ часовъ вечера t° спустилась на 35°C. Теперь можно было вздохнуть свободнѣе. Какъ бы то ни было,—разница въ $9^1/_2$ градусовъ что нибудь да значитъ!

Мосинъ-ханъ пришелъ сегодня только вечеромъ. Днемъ же, противъ обыкновенія, онъ не былъ у насъ. На жалобы, обращенныя къ нему со всѣхъ сторонъ, по поводу непомѣрной жары, онъ отвѣчалъ, что единственное спасеніе въ этомъ случаѣ,—одѣться какъ можно теплѣе.

— Я сегодня сидѣлъ весь день, сказалъ онъ, надѣвши на себя почти всю одежду, какую имѣю съ собой, и постоянно пилъ воду со льдомъ. Такъ обыкновенно у насъ всѣ дѣлаютъ въ этомъ случаѣ.

Онъ сообщилъ, что бываютъ вѣтры еще болѣе горячіе, чѣмъ сегодня,—и тогда смертные случаи не рѣдки.

Для того, чтобы избѣжать во время пути дневнаго жара, нашъ

подъемъ со станціи былъ назначенъ въ 2 часа ночи. Разсчитано было, что мы будемъ въ Ташъ-Курганѣ (Хулумѣ) рано утромъ. Мосинъ-ханъ, повѣривъ по обычаю караульные посты,—что сопровождалось въ теченіи долгаго времени дикимъ крикомъ авганской команды,—ушелъ къ себѣ.

Въ 2 часа ночи заигралъ рожокъ—теперь уже обычный сигналъ общаго подъема. Вскорѣ послѣ этого глухо, точно изъ подземелья, понеслись къ намъ звуки барабана. Это значило, что авганскій конвой выстроился и былъ готовъ къ выступленію.

Бѣлѣсоватая мгла окутывала землю—когда я поднялся съ знойнаго ложа. Луна стояла почти посрединѣ неба, матово-багровая, безъ лучей; она производила впечатлѣніе закоптѣлаго фонаря, въ которомъ зажжена сальная свѣча, и давала такъ мало свѣта, что въ нѣсколькихъ саженяхъ въ сторону отъ дороги очертанія предметовъ сливались и представлялись въ какомъ-то хаотическомъ видѣ.—Отчаянный лай собакъ проводилъ насъ изъ селенія.

Несмотря на ночное время, t° воздуха была довольно высока. Легкій вѣтерокъ тянулъ съ горъ. Но этотъ вѣтерокъ обдавалъ насъ точно теплымъ паромъ. Вообще атмосфера напоминала собою въ это время русскую паровую баню. Можно было ѣхать не только безъ верхняго платья, но даже безъ бѣлья. Я ѣхалъ въ одной лишь шелковой сорочкѣ, но и то былъ весь въ поту. Ѣхали весьма тихо. Раза два по дорогѣ встрѣчались «чеппаръ-ханѣ», т. е. почтовыя станціи.

Около 6-ти часовъ утра мы стали въѣзжать въ разбросанныя на нѣсколькихъ квадратныхъ верстахъ развалины. Эти развалины и есть собственно Хулумъ, представлявшій, около ста лѣтъ тому назадъ, довольно многолюдный населенный пунктъ [1]). Зданія сохрани-

---

[1]) Вотъ, что говоритъ, по поводу запустѣнія этого города, Муркрофтъ: «Въ прошломъ году (т. е. въ 1823) населенію гор. Ташъ-Кургана угрожало насильственное переселеніе въ Кундузъ, куда Мурадъ-Бегъ, иногда выселяетъ цѣлыя деревни и даже города. Годъ тому назадъ, онъ выселилъ туда жителей Саръ-бага и Хулума. Ташъ-Курганъ избѣжалъ этой участи только благодаря большой взяткѣ, данной этимъ городомъ офицерамъ Мурадъ-Бега. Опустошенія, производимыя кундузскими лихорадками среди переселенцевъ, угрожаютъ въ скоромъ времени обезлюдить всю долину, если не прекратится подобный, деспотическій режимъ надъ населеніемъ». Moorkroft. Journey into Kabul and Bokhara». Т. II, стр. 452—3.

лись весьма хорошо. Почти всѣ онѣ имѣютъ юртообразную форму и построены изъ сырцоваго кирпича. Впрочемъ, селеніе не запустѣло совершенно. Я видѣлъ нѣсколько «каменныхъ» юртъ—какъ я назову эти дома—обитаемыми.

Отъ развалинъ Хулума до Ташъ-Кургана считается около 8-ми верстъ разстоянія. Дорога постепенно придвигается къ горамъ и у самаго города совсѣмъ подходитъ къ нимъ. За нѣсколько верстъ до города дорога усѣяна мелкой и крупной галькой. По сѣверной сторонѣ дороги тянется довольно большой арыкъ, орошающій разбросанныя здѣсь поля, съ которыхъ хлѣбъ (пшеница) былъ въ это время уже снятъ.

Въ одномъ мѣстѣ, недоѣзжая нѣсколько верстъ до Ташъ-Кургана, изъ подъ тутоваго дерева выскочилъ косматый, весь въ лохмотьяхъ, звѣроподобный человѣкъ и что-то закричалъ намъ. Это былъ туземецъ дервишъ; онъ просилъ подаянія. Если-бы вы слышали этотъ дикій вопль, нисколько не похожій на человѣческій голосъ, увидали бы эти дико блуждающіе глаза, это лицо и вообще всю фигуру, утратившую не только образъ и подобіе божіе, но и человѣческое,—то, вѣроятно, не задумались бы произвести его происхожденіе отъ обезьяны по прямой линіи. И это, въ данномъ случаѣ, никого и нисколько не стало бы шокировать. Я полагаю, что и противники Дарвина въ данномъ случаѣ ничего не возразили бы противъ такого вывода. Изъ конуры, пріютившейся у ствола дерева, показалась другая такая-же звѣроподобная фигура, испускавшая глухое ворчанье,—ибо я никакъ не могу назвать испускаемые имъ звуки человѣческимъ голосомъ. Но Дебиръ—повидимому не любитель этихъ убогихъ существъ; онъ сдѣлалъ знакъ одному изъ сопровождавшихъ насъ авганцевъ—и дервишъ былъ прогнанъ.

Верстъ за 5 до города довольно сильный южный вѣтеръ далъ намъ себя почувствовать. Это былъ уже не знойный вѣтеръ пустыни, душившій насъ своими раскаленными объятіями цѣлыя сутки,—это былъ довольно свѣжій, горный вѣтеръ, вырывавшійся изъ виднѣвшагося прямо на югъ отъ насъ Хулумскаго ущелья. Когда мы въѣхали въ самый городъ, расположенный главною своею массою къ сѣверу отъ этого ущелья,—порывъ вѣтра достигъ значительной силы. Такой вѣтеръ, съ небольшими колебаніями въ силѣ порыва, обыкно-

венно дуетъ здѣсь каждый день до 11—12 час. дня. Послѣ 12 часовъ онъ совершенно стихаетъ.

Прежде чѣмъ въѣхать въ городъ, намъ пришлось идти нѣсколько сотъ саженъ по кладбищу. Огромное число могилъ, разбросанныхъ на нѣсколькихъ квадратныхъ верстахъ, свидѣтельствуетъ о значительной смертности въ здѣшнемъ городѣ, а можетъ быть и о давности его заселенія[1]). Но ничто не мѣшаетъ допустить существованіе здѣсь обѣихъ причинъ вмѣстѣ. Я считаю также умѣстнымъ сказать, что на сѣверной окраинѣ города находится еще одно довольно обширное кладбище. Тамъ, гдѣ кладбище клиномъ вдается въ въ городъ, какая то семья, когда мы проѣзжали мимо, совершала обрядъ погребенія. Мусульманскій обрядъ погребенія очень не сложенъ; онъ не только чуждъ всякой эффектности, но даже грѣшитъ излишней, суровой простотой обряда; трупъ зарытъ—и дѣлу конецъ, и никакого воспоминанія потомъ объ умершемъ...

Вотъ мы на площади, полулунно охватываемой съ трехъ сторонъ городомъ; съ четвертой, именно съ западной, она замыкается кладбищемъ. На восточной сторонѣ площади, по ту сторону Хулумской рѣчки, имѣющей здѣсь сажень 20 въ ширину и нѣсколько футовъ въ глубину, возвышается цитадель города—«курганъ». Это дѣйствительно «Ташъ-Курганъ» (каменная крѣпость въ буквальномъ переводѣ на русскій языкъ съ тюркскаго), потому что главный замокъ цитадели представляетъ естественное укрѣпленіе и состоитъ изъ скалы, сажень въ 15 высоты. Рядомъ съ этой скалой расположены казармы и другія постройки, гдѣ живутъ мѣстныя войска. Все это обнесено довольно высокой глинобитной стѣной, примыкающей къ замку. Намъ говорили, что въ крѣпости помѣщаются два «палтана» (т. е. баталіона) пѣхоты, при нѣсколькихъ орудіяхъ. Эти «палтаны» въ данное время маршировали по площади, передъ нашими глазами. Маршировка была устроена мѣстными властями, вѣроятно, для произведенія на насъ вящшаго впечатлѣнія авганскаго могущества, въ

---

[1]) Кто знаетъ,—можетъ быть это—Ἄορνος Арріана, одинъ изъ тѣхъ двухъ величайшихъ городовъ, которые были покорены Александромъ. Македонскимъ тотчасъ по переходѣ его черезъ Индѣйскій Кавказъ. Ἀρριάνου Ἀνάβασις кн. III, гл. 29.

pendant встрѣчи и проводамъ, устроеннымъ для миссіи въ Мазари-Шерифѣ.—Какъ бы то ни было, нѣсколько сотъ здоровенныхъ дѣтинъ, въ разнообразныхъ костюмахъ и съ разнокалибернымъ оружіемъ въ рукахъ, усердно отбивали тактъ ногами подъ меланхолическіе звуки персидскаго марша. Вотъ они построились въ колонну и прошли мимо насъ въ цитадель.

Помѣщеніе намъ было отведено въ саду Лойнаба, на сѣверномъ краю площади, бокъ о бокъ съ кладбищемъ и свѣжею, едва засыпанною землею, могилой. Подобное сосѣдство сильно намъ не нравилось, но дѣлать было нечего. По крайней мѣрѣ садъ, въ которомъ мы расположились, можно было назвать этимъ именемъ: здѣсь кромѣ фруктовыхъ деревьевъ были и кустарники и, что заслуживаетъ особеннаго вниманія,—клумбы съ цвѣтами. Въ глубинѣ сада находится дворецъ Лойнаба. Этотъ дворецъ представляетъ квадратное трехъэтажное зданіе, съ внутреннимъ дворомъ, превращеннымъ въ цвѣтникъ. На крышѣ дома устроена вышка, съ которой открывается видъ на городъ и на окружающую мѣстность. Я долго любовался на открывающуюся съ высоты ея панораму. Прямо на югъ, въ отвѣсной горной грядѣ передъ вами зіяетъ черная трещина—ущелье Хулумъ. На востокъ и сѣверъ отъ васъ раскидываются чащи садовъ, а за ними тощія поля. Аму-Дарья отстоитъ отъ города верстъ на 20 къ сѣверу.—Комнаты въ этомъ дворцѣ устроены и отдѣланы такжне незатѣйливо, какъ и въ Мазари-Шерифѣ. Плохая живопись—все главнымъ образомъ деревья и цвѣты—покрываетъ стѣны.

Около полудня дневной зной достигъ такой силы, что заставилъ насъ искать убѣжища въ нижнемъ этажѣ дворца. Одна обширная, сводчатая комната, съ единственнымъ небольшимъ оконцемъ у самаго потолка, по всей вѣроятности, тюрьма,—была выбрана нами для спальни. Не удивляйтесь, читатель, что именно эта комната, была выбрана нами для подобной цѣли, а не другая какая-либо: въ 3 часа дня t° въ ней была 33,3° С., между тѣмъ какъ въ палаткѣ и въ комнатахъ верхняго этажа, въ то же время,—42° С. Вотъ именно эта-то разница въ 9° и заставила насъ предпочесть тюрьму всякому другому помѣщенію.

Только въ 7 часовъ вечера въ палаткѣ установилась та же t°.

Наступила ночь. Мосинъ-ханъ, по обыкновенію, повѣрилъ цѣпь

часовыхъ и растянулся на своемъ медвѣжьемъ коврикѣ, разостланномъ тутъ же, вблизи нашей палатки. Я совсѣмъ сталъ было засыпать, когда услыхалъ какіе то глухіе, неопредѣленные, но мѣрные удары. Въ то же время Малевинскій сказалъ: «послушайте, докторъ, что это?» Я приподнялся на постели и прислушался. Удары раздавались гдѣ-то вблизи, въ сосѣднихъ кустахъ. При этомъ какой-то голосъ сдержанно, но съ оттѣнкомъ злобы, что-то приговаривалъ. Черезъ нѣсколько минутъ я узналъ этотъ голосъ: онъ принадлежалъ Мосинъ-хану. Малевинскій не утерпѣлъ,—тихонько вышелъ изъ палатки и пробрался къ кустамъ. Вскорѣ потомъ возвратившись, онъ разсказалъ мнѣ, что весь этотъ шумъ произошелъ вслѣдствіе того, что Мосинъ-ханъ наказывалъ часоваго авганца; онъ билъ прикладомъ ружья, не разбирая—по чему придется ударъ, билъ съ ожесточеніемъ. Часовой авганецъ не проронилъ при этомъ ни одного слова, не испустилъ ни одного звука, и какъ былъ брошенъ Мосинъ-ханомъ на землю—такъ и лежалъ безъ движенія.—Черезъ нѣсколько минутъ удары прекратились; послышались голоса. Голосъ Мосинъ-хана звучалъ какъ будто безпокойно; его собѣсѣдникъ говорилъ очень тихо. Затѣмъ я видѣлъ, какъ четверо авганскихъ солдатъ пронесли мимо нашихъ палатокъ что-то, завернутое въ кошму.

Утромъ я получилъ объясненіе загадочнаго ночного происшествія. Дѣло состояло въ томъ, что, когда мы улеглись въ постели, Мосинъ-ханъ произвелъ экстренную повѣрку авганскихъ караульныхъ постовъ. При этомъ онъ нашелъ одного часоваго спящимъ. Несчастный былъ разбуженъ ударомъ приклада. Слабыя мольбы солдата о прощеніи не имѣли другихъ послѣдствій, кромѣ учащенія ударовъ. Несчастный былъ битъ до потери сознанія и снесенъ съ мѣста на кошмѣ...

Это происшествіе произвело на насъ очень тяжелое впечатлѣніе. Что за варварство! Къ чему такая строгость? Къ чему насъ такъ тщательно стерегутъ? Развѣ наше положеніе дѣйствительно небезопасно? Но какая причина этой небезопасности?—Тысячи подобныхъ вопросовъ возникали въ головѣ и просили отвѣта. А отвѣтъ на лицо былъ только одинъ: избитый до полусмерти часовой... Постоянная тройная цѣпь часовыхъ вокругъ посольства, запрещеніе начальника сдѣлать хотя бы одинъ шагъ за черту этой цѣпи, полнѣйшая изолированность миссіи—сопровождаютъ насъ отъ самой Аму-Дарьи. Съ

нами авганскія власти обращаюся какъ съ весьма цѣннымъ товаромъ. который нужно имъ сдать съ рукъ на руки, въ цѣлости-сохранности, по контракту, съ громадной неустойкой въ случаѣ порчи или утери этого товара. Намъ въ сущности ни въ чемъ не было отказа, но всегда при этомъ приходилось слышать фразу о небезопасности. Такъ, напр., сдѣлать кому либо изъ насъ нѣсколько сотъ шаговъ въ сторону отъ лагеря—можно, дозволяется; но для этого нужно назначить спеціалный конвой, а для назначенія его чуть ли не надо было испрашивать особое дозволеніе эмира. Въ результатѣ выходило, что и можно, да, въ то же время, и нельзя. Странное, непонятное положеніе! И вѣдь всѣ подобныя странности, рекомендованныя будто бы заботами о безопасности миссіи, оказались потомъ совершенно излишними.

Въ этотъ день (9-е іюня) насъ всѣхъ очень порадовалъ одинъ случай.—У г. Малевинскаго вышли всѣ спички и онъ очень горевалъ, что теперь ему придется, для добыванія огня, обходиться съ помощію одного лишь огнива. Раджабъ-Али, караванъ-баши миссіи, выразилъ, однако, надежду, что на мѣстномъ базарѣ можно купить спичекъ («кугюртъ»): дѣйствительно, черезъ полчаса онъ принесъ нѣсколько коробочекъ сѣрныхъ спичекъ, фабрики «Ворожцовой и К°». Конечно, мы никакъ не ожидали встрѣтить это отечественное произведеніе здѣсь, въ самомъ глухомъ мѣстѣ Средней Азіи. А не ожидали мы подобнаго явленія потому, что вообще всѣ мы, русскіе, глубоко убѣждены въ ничтожности нашихъ торговыхъ сношеній съ Среднею Азіей. Объ этомъ приходится часто читать и въ оффиціальныхъ отчетахъ о нашей среднеазіатской торговлѣ, и въ разныхъ частныхъ источникахъ. Понятно, можно ли было послѣ этого ожидать, чтобы такъ далеко забрался нашъ фабрикатъ, къ тому же еще—сильно подверженный порчѣ? Но фактъ былъ на лицо. Прибавлю къ этому, что за 10 коробочекъ—по 1 сотнѣ спичекъ въ каждой—была заплачена одна тенька (номинальн. стоимость ея 20 к.).—Въ послѣдующее время мы, однако, узнали, что этотъ случай проникновенія нашихъ фабрикатовъ въ Авганистанъ—не единственный; потомъ мы увидали на авганскихъ рынкахъ и русское желѣзо, и русскій сахаръ, и еще многое другое; но объ этомъ послѣ. Теперь же я считаю не лишнимъ дать коротенькій географическій очеркъ той части долины Аму-Дарьи,

которую посѣтило посольство, а также и ближайшихъ къ ней, сосѣднихъ мѣстностей.

Долина рѣки Аму—очень широкая долина. Въ томъ меридіанѣ, въ которомъ мы пересѣкли ее, т. е. отъ Ширъ-абада до сѣверныхъ отроговъ Гинду-Куша, за Мазари-Шерифомъ, ширина ея доходитъ до 150 верстъ. Но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ она то шире, то уже, постепенно съуживаясь, однако, къ востоку, гдѣ въ исполинскомъ горномъ узлѣ Памира сливаются обѣ массивныя системы горъ, окаймляющія долину съ сѣвера и юга. На западѣ же она незамѣтно переходитъ въ необъятный океанъ Туранской пустыни. Почти посрединѣ долины, съ легкимъ уклоненіемъ то къ сѣверу, то къ югу, протекаетъ величайшая рѣка Средней Азіи—величественная Аму, Оксъ Грековъ, Джейхунъ Арабовъ.

Еще не такъ давно много спорили о томъ, на сколько годна эта рѣка для судоходства. Почти общее мнѣніе было таково, что Аму—неудобна для судоходства почти до самаго Балха [1]). Между причинами, препятствующими будто бы судоходству и, въ частности, пароходству, приводились слѣдующія: быстрота теченія, мелкость русла, большое количество подвижныхъ мелей и т. п. Послѣднія изысканія русскихъ путешественниковъ (Гротенгельмъ, Быковъ и др.) доказали, что почти до устья рѣки Вахши, Аму доступна не только вообще для судоходства, но и для пароходства. Лично отъ себя я, конечно, могу прибавить къ уясненію этого вопроса очень немногое. Но, тѣмъ не менѣе, я считаю себя обязаннымъ сообщить и то немногое, что я видѣлъ, или слышалъ на мѣстѣ, объ этой рѣкѣ.

---

[1]) Между тѣмъ еще Страбонъ писалъ, что «Оксъ, отдѣляющій Бактріану отъ Согдіаны, настолько удобенъ для плаванія, что перевозимые по немъ индійскіе товары легко доставляются въ Гирканію, и въ мѣстности, далѣе лежащія до Понта посредствомъ рѣкъ». Страб. Географія кн. 2, гл. I, § 15.— Въ началѣ 14-го столѣтія извѣстн. арабскій путешественникъ, Ибнъ Батута вотъ что писалъ относительно судоходства по Оксу: «Durant l'été on navigue sur l'Oxus, dans les bateaux jusqu'à Termedh (находившійся на правомъ берегу Окса, выше Балха), et l'on rapporte de cette ville du froment et de l'orge. Cette navigation prend dix jours à quiconque descend le fleuve». Voyages d'Ibn Batoutah traduits par Défrémery, vol III, page 5.

Что касается перваго возраженія, приводимаго противъ доступности рѣки для судоходства, быстроты ея теченія,—то въ меридіанѣ Чушка́-Гюзаръ скорость теченія рѣки, правда, очень значительна; но такая скорость наблюдается не на всей ширинѣ русла, а главнымъ образомъ по направленію главнаго фарватера, ближе къ авганскому берегу рѣки. Непосредственныхъ измѣреній скорости теченія не было сдѣлано нами, но ее легко вычислить по тѣмъ даннымъ, которыми въ настоящее время мы располагаемъ. По Шварцу абсолютная высота Чушка́-Гюзара = 800 ф., а высота Аральскаго моря = 163 ф. Разстояніе между этими пунктами извѣстно; ширина рѣки колеблется отъ 300 саженъ до 2 верстъ. Отсюда средній требуемый x для относительной скорости теченія Аму, въ означенныхъ предѣлахъ, вычислить не трудно.

Вторая причина, составляющая будто-бы препятствіе для судоходства по рѣкѣ, мелкость русла, удерживаетъ свое значеніе развѣ только въ нижней части Аму. Послѣдніе промѣры, произведенные Быковымъ, отъ устья Вахши до Чарджуя, показали, что глубина рѣки нигдѣ не менѣе 1 саж. У селенія Чушка-Гюзаръ, напримѣръ, при 2-хъ верстной ширинѣ, рѣка вездѣ имѣетъ не менѣе 1 сажени глубины, а по направленію главнаго фарватера, у авганскаго берега, глубина ея не менѣе 3-хъ саженъ, а можетъ быть и еще значительнѣе. Въ другомъ пунктѣ переправы, у селенія Патта-Гюзаръ [1]), расположенномъ верстъ на 30—40 выше селенія Чушка́-Гюзара, глубина рѣки, при 400 саженяхъ ширины, еще значительнѣе. Изслѣдованія Быкова доказали ясно, что Аму отнынѣ включена въ число рѣкъ болѣе или менѣе удобныхъ для судохства—какъ по обилію воды въ ней, такъ и по средней глубинѣ русла.

И ужъ, конечно, не эти фиктивныя неудобства окажутся тормазами для развитія нарождающагося на этой великой рѣкѣ русскаго пароходства. Серіозное, и притомъ едва-ли устранимое, препятствіе для развитія пахородства состоитъ почти въ полномъ отсутствіи запасовъ топлива на всемъ протяженіи рѣки. Изрѣдка встрѣчающіяся на берегахъ ея небольшія тополевыя рощицы и кустарники, какъ напримѣръ, у Патта-Гюзара,—не могутъ имѣть серіознаго значенія въ во-

[1]) Гдѣ я переправлялся черезъ рѣку три раза: въ августѣ и декабрѣ 1878 г. и въ февралѣ 1879 года.

просѣ объ отопленіи пароходовъ. Здѣсь нѣтъ тѣхъ богатыхъ саксауловыхъ лѣсовъ, которыми изобилуетъ извѣстная часть береговъ Сыръ-Дарьи. Если къ этому прибавить еще и то обстоятельство, что и въ сосѣднихъ, облегающихъ съ обѣихъ сторонъ рѣку, пескахъ и солончакахъ попадаются только тощіе кусты саксаула, да и то мѣстами—то станетъ яснымъ, что именно это, такъ сказать, дровяное препятствіе и есть наиболѣе существенное въ дѣлѣ развитія мѣстнаго пароходства. Это препятствіе достойно вниманія тѣмъ болѣе, что въ данное время вопросъ о томъ, существуютъ-ли по берегамъ Аму, или по близости отъ нея, мѣсторожденія минеральнаго топлива—остается еще открытымъ.

Другимъ существеннымъ препятствіемъ для успѣшнаго развитія пароходства на этой рѣкѣ можетъ служить крайне незначительная населенность ея береговъ. Между пунктами осѣдлой жизни, расположенными на Аму, считаются иногда не только десятки, но и сотни верстъ разстоянія [1]).

Такая малая населенность береговъ самой большой рѣки Средней Азіи на первый взглядъ представляется странною. Въ Средней Азіи болѣе, чѣмъ гдѣ либо, жители дорожатъ каждою пядью орошенной земли, такъ какъ въ ней повсемѣстно чувствуется большой недостатокъ. Этотъ недостатокъ служитъ причиною такого чрезвычайнаго скученія населенія на такихъ относительно небольшихъ рѣкахъ, какъ Зеравшанъ, Чирчикъ, Ангренъ и др. Казалось бы, что обиліе воды въ Аму, способной оросить огромное количество земли, должно было бы привлечь на ея берега значительное населеніе. А между тѣмъ берега ея на большомъ протяженіи совершенно безлюдны. Подобная странность объясняется, однако, весьма легко, особенно для человѣка, видѣвшаго берега ея на извѣстномъ протяженіи.—Дѣло въ томъ, что только узкая прибрежная полоса земли, повидимому, удобна для земледѣльческой культуры. Я говорю «повидимому удобна» потому, что прибрежная почва покрыта камышами и лугами и, кажется, состоитъ изъ жирнаго чернозема. Но при болѣе внимательномъ обзорѣ оказывается, что почти вся эта полоса земли представляетъ собою одно сплошное болото. Даже и въ

---

[1]) Я конечно имѣю въ виду при этомъ только среднюю и верхнюю часть теченія Аму-Дарьи.

тѣхъ мѣстахъ, гдѣ лугъ не находится подъ водой,—онъ такъ мало возвышается надъ уровнемъ воды въ рѣкѣ, что при лѣтнемъ полноводіи совершенно затопляется. Итакъ, эта способная къ обработкѣ полоса земли въ главной своей массѣ не можетъ быть пригодна для земледѣлія, а слѣдовательно и не можетъ быть заселена.

Что же находится далѣе прибрежной полосы земли, по ту и другую сторону рѣки?—Насколько я могъ прослѣдить это въ двухъ пунктахъ на Аму, именно тамъ, гдѣ мнѣ приходилось переправляться черезъ нее,—я могу сказать, что далѣе прибрежной, способной къ культурѣ полосы земли, находится безжизненная, песчаная, а мѣстами—солончаковая пустыня. На многія версты, а иногда на многія десятки верстъ въ глубь страны, по обѣ стороны рѣки тянется однообразная, мертвая мѣстность, которая ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть пригодна для заселенія.—Итакъ—вотъ почему берега этой рѣки, несмотря на обиліе воды, заселены весьма рѣдко. Конечно, къ этимъ причинамъ малонаселенности береговъ Аму нужно прибавить еще и политическія, и соціальныя причины, которыя имѣли здѣсь мѣсто въ продолженіи столькихъ вѣковъ и которыя отчасти существуютъ еще и теперь. Нѣтъ сомнѣнія, что при дальнѣйшемъ распространеніи гуманитарнаго вліянія Россіи въ Средней Азіи, оказавшаго такое благотворное дѣйствіе въ мѣстностяхъ, присоединенныхъ къ Имперіи,—и долина великой Аму, обиженная и Богомъ и людьми, если и не сдѣлается въ скоромъ времени цвѣтущею, то, во всякомъ случаѣ, значительно утратитъ свой дикій, непривѣтливый видъ, какой она имѣетъ теперь. Трудъ человѣка можетъ дѣлать чудеса, лишь бы онъ былъ свободенъ и былъ бы употребляемъ на пользу трудящихся. Прежде именно этого-то здѣсь и не было. Чтобы вызвать къ жизни эту обширную страну, нужно устроить значительныя ирригаціонныя сооруженія. Но для того, чтобы могли возникнуть такія сооруженія нужна увѣренность въ безопасности труда и собственности. Обо всемъ этомъ здѣсь, до этого времени, и понятія не имѣли, или вѣрнѣе—имѣли, но уже давно забыли. Но вотъ Россія пришла на помощь человѣчеству, живущему по берегамъ древняго Яксарта (Сыръ-Дарьи) и дала гарантіи мирнаго преуспѣянія края. Несомнѣнно, что ея цивилизующая миссія не ограничится этимъ; она придетъ и въ долину Окса (Аму-Дарьи), чтобы

вызвать здѣсь къ жизни дремлющее, со времени упадка арабскаго процвѣтанія, человѣчество...

За широкой полосой песковъ и солончаковъ, облегающихъ Аму съ юга и съ сѣвера, ближе къ горамъ, число населенныхъ пунктовъ уже значительно увеличивается. Городъ Ширъ-абадъ съ своимъ округомъ, а также и Кобадіанъ,—представляютъ довольно значительные оазисы по сѣверную сторону Аму. По южную же сторону рѣки, въ предѣлахъ Авганистана, у крайнихъ сѣверныхъ отроговъ Гинду-Куша, въ различныхъ, но не особенно большихъ разстояніяхъ другъ отъ друга, расположены довольно многолюдные города: Мазари-Шерифъ, Тахтапуль, Ташъ-Курганъ, Кундузъ, Балхъ, Сары-Пуль, Шиберъ-Ханъ, Андхой и другіе. Всѣ эти населенныя мѣста суть ничто иное, какъ оазисы, окруженные прилегающими къ нимъ песками необъятной Туранской низменности, доходящей почти вплотную до ближайшихъ отроговъ горной системы Гинду-Куша. Обыкновенно, каждый изъ этихъ оазисовъ расположенъ на рѣчкѣ, вытекающей изъ ближайшихъ горныхъ отроговъ. Исключеніе изъ этого общаго правила составляютъ города: Мазари-Шерифъ и Тахтапуль, расположенные на оросительныхъ каналахъ, выведенныхъ изъ Балхской рѣки. Большая часть мѣстныхъ городовъ удерживаетъ названія рѣкъ, на которыхъ они расположены; напримѣръ, Кундузъ—на рѣкѣ того-же имени, Хулумъ (Ташъ-Курганъ), Балхъ, Сары-Пуль и другіе—на рѣкахъ, имѣющихъ тѣ же названія. Кромѣ Кундузской рѣки ни одна изъ этихъ рѣчекъ не доходитъ до Аму. Всѣ онѣ вообще не особенно богаты водой. Нужда въ искусственномъ орошеніи мѣстныхъ полей такъ велика, что вся вода рѣчекъ разбирается на поля. Наибольшая масса воды тратится на испареніе (за исключеніемъ, конечно, извѣстнаго количества воды, поглощаемаго растеніями и и животными). Потеря воды вслѣдствіе просачиванія въ почву должна быть считаема ничтожной, такъ какъ почва годныхъ, для земледѣльческой обработки, мѣстностей состоитъ изъ такъ называемаго лёса, обладающаго, какъ извѣстно, весьма малою просачиваемостію для воды.

Такимъ образомъ типъ культурной почвы и здѣсь остается тотъ же, какъ и въ прочихъ частяхъ обширнаго Туркестанскаго Края—какъ въ русскихъ владѣніяхъ, такъ и въ бухарскомъ, и хивинскомъ ханствахъ. Свойствами этой почвы объясняется легкость, съ какою

производятся здѣсь ирригаціонныя сооруженія. Стѣнки канавъ и при незначительной ихъ толщинѣ (въ тѣхъ случаяхъ, когда канава возвышается надъ уровнемъ почвы—что составляетъ обычное явленіе на мелкихъ оросительныхъ сѣтяхъ каналовъ) отлично проводятъ воду по руслу. вслѣдствіе плохой просачиваемости почвы.

Вода Аму-Дарьи, а равно и мелкихъ горныхъ рѣчекъ, въ лѣтнее время содержитъ громадное количество взвѣшенныхъ въ ней минеральныхъ частицъ, отчего она кажется сильно мутной, а иногда имѣетъ видъ какъ-бы жировой эмульсіи. Это богатство воды минеральными частицами и обусловливаетъ плодородіе полей, орошаемыхъ водою изъ названныхъ рѣкъ. Но несомнѣнно также и то, что воды здѣшнихъ рѣкъ содержатъ въ себѣ примѣсь, — едва-ли еще не болѣе значительную, чѣмъ минеральныхъ частицъ, —и органическихъ веществъ. Къ сожалѣнію я не могъ, путемъ химическаго анализа, опредѣлить количество органическихъ веществъ въ водѣ здѣшнихъ рѣчекъ и оросительныхъ каналовъ. Поэтому, если я и говорю, что вода должна содержать въ себѣ значительную примѣсь органическихъ веществъ, то потому только, что вездѣ я видѣлъ крайнее загрязненіе канавъ мусоромъ и отбросами домашняго хозяйства, которые мѣстными жителями безъ всякаго стѣсненія выбрасываются въ оросительныя канавы. Кромѣ того, на пути большихъ и малыхъ оросительныхъ канавъ существуютъ рисовыя поля, которыя, конечно, не мало, въ свою очередь, загрязняютъ воду. Наконецъ, предположеніе о засореніи мѣстныхъ водъ большимъ количествомъ органическихъ веществъ подтверждается также и обильнымъ образованіемъ здѣсь лихорадочной міазмы. А въ настоящее время то мнѣніе, что образованіе лихорадочной міазмы совершается при условіяхъ разложенія органическихъ веществъ въ водѣ, при соотвѣтственной t°,—составляетъ почти азбучную истину. Въ разсматриваемой нами мѣстности существуютъ на лицо всѣ три, приведенные мною, фактора для развитія лихорадочной міазмы.

Теперь мнѣ слѣдовало бы коснуться—насколько позволяютъ мнѣ это мои личныя наблюденія—вопроса о климатѣ данной мѣстности, жителяхъ страны, бытѣ населенія и проч., но изложеніе этихъ рубрикъ моего труда было бы теперь преждевременнымъ. При изложеніи этихъ отдѣловъ мнѣ пришлось бы ссылаться на свою вторичную поѣздку въ Авганистанъ, предпринятую мною въ концѣ того же 1878 г.,

приводить цифры и наблюденія изъ дневника за январь и февраль уже слѣдующаго 1879 г. Поэтому описаніе этихъ отдѣловъ я оставляю для втораго тома моего «Путешествія». Теперь же я попытаюсь коротко разсказать исторію долины Аму, касаясь главнымъ образомъ только описываемой мною мѣстности. Я думаю, что читатель не посѣтуетъ на меня за это,—тѣмъ болѣе, что я буду руководиться въ своемъ изложеніи не однимъ какимъ либо компилятивнымъ историческимъ трудомъ, а, преимущественно, оригинальными источниками.

Исторія всякой страны, каждаго государства обыкновенно начинается, или вѣрнѣе,—предшествуется различными мифами, сказаніями, легендами и преданіями. Разсматриваемая нами мѣстность, классическая Бактріана, не составляетъ исключенія изъ этого общаго правила. Напротивъ, мало странъ на земномъ шарѣ, которыя могли бы поспорить въ этомъ отношеніи съ нею. Если же она и отличается отъ другихъ странъ, то развѣ лишь тѣмъ, что здѣсь предметъ преданій болѣе общій и глубокій, чѣмъ въ другихъ странахъ. Здѣсь предметомъ преданій служитъ цѣлое человѣчество, и притомъ—колыбельный періодъ его жизни. Преобладаніе такого характера въ мѣстныхъ сказаніяхъ и мифахъ на столько сильно, что даже частныя преданія, объ отдѣльныхъ мѣстностяхъ, непремѣнно связаны съ общею исторіею человѣчества. Скажу болѣе. Общія преданія сохранились здѣсь гораздо лучше, чѣмъ частныя,—какъ бы въ ущербъ этимъ послѣднимъ. Вотъ поэтому-то и приходится здѣсь часто получать отрицательный отвѣтъ на вопросъ о преданіяхъ, пріуроченныхъ къ мѣстнымъ городамъ, развалинамъ и пр. Между тѣмъ, вамъ въ тоже время, сообщаютъ сказанія о пребываніи здѣсь, т. е. вообще въ верхней половинѣ долины Аму, Адама, Ноя и др. ветхозавѣтныхъ патріарховъ...

Согласно съ этими сказаніями главный городъ страны, Балхъ, былъ построенъ Адамомъ, послѣ того какъ онъ былъ изгнанъ изъ Рая [1]). Варіація этого преданія состоитъ въ томъ, что этотъ го-

---

[1]) Wilford говоритъ по этому поводу слѣдующее: «Мусульмане, населяющіе страны, прилежащія къ Бамьяну, утверждаютъ, что мѣсто Балхъ на

родъ былъ построенъ Каюмарсомъ, первымъ персидскимъ царемъ изъ Пишдадійской династіи [1]). Извѣстно, однако, что мусульманскіе писатели отожествляютъ Каюмарса съ Адамомъ; такъ, что онъ былъ не только первымъ персидскимъ царемъ, но и первымъ человѣкомъ [2]). Но тѣ же мусульманскіе авторы при этомъ говорятъ, что Каюмарсъ имѣлъ брата, и самое основаніе Балха ставятъ въ зависимость отъ этого обстоятельства. Такъ, названіе города производятъ отъ восклицанія Каюмарса, вырвавшагося у него при встрѣчѣ съ своимъ братомъ,—Bal-akh! (да, дѣйствительно, это мой братъ! [3]).

Иныя преданія приписываютъ основаніе города Балха позднѣйшимъ персидскимъ владѣтелямъ: то Тахмурасу, то Логораспу. Послѣдній вслѣдствіе этого обстоятельства даже получилъ у историковъ прозваніе Balki, т. е. Балхскій [4]).

Съ этимъ городомъ связываются также сказанія о походѣ ассирійскаго царя Нина въ верхнюю Азію. Согласно съ этими сказаніями Балхъ (Бактры) былъ взятъ Нином только благодаря энергіи и уму Семирамиды, въ это время бывшей еще только женою одного изъ начальниковъ ассирійскаго войска [5]). Но еще раньше этого времени здѣсь жилъ Авраамъ, который будто бы отсюда, изъ древней Бактріаны, и выселился въ землю Ханаанскую. Это преданіе я лично слышалъ изъ устъ авганцевъ [6]). Тѣ же сказанія говорятъ, что Аму есть одна изъ рѣкъ, вытекавшихъ изъ Рая [7]).

звано такъ потому, что Адамъ и Ева, послѣ того какъ были изгнаны изъ Рая и блуждали въ продолженіи нѣкотораго времени отдѣльно другъ отъ друга, случайно встрѣтились на этомъ мѣстѣ, привѣтствуя другъ друга объятіями; вслѣдствіе этого мѣсто это и названо Bahla, или въ измѣненной формѣ—Bahlaca, что означаетъ «мѣсто привѣтствія». Asiatic researches of the Society instituted in Bengal, vol. VI, p. 492.

[1]) Mirkhond, Rausat us Sefa, Shea's translat. vol. I, стр. 58.

[2]) Wilford. loco cit. стр. 465.

[3]) Mirkhond, loco cit. стр. 58.

[4]) Wilson, Ariana antiqua, p. 123.

[5]) Діодоръ Сицилійскій, кн. 2-я, гл. 6.

[6]) Просматривая по этому поводу литературу, я нашелъ упоминовеніе объ этомъ преданіи только у Вильфорда, въ цитированной выше статьѣ; но онъ относитъ это преданіе скорѣе къ Бамыяну, чѣмъ къ Балху.

[7]) Юль, Очеркъ географіи и исторіи верховьевъ Аму-Дарьи, пер. О. Ѳедченко, стр. 1. У Клавихо Аму также называется рѣкою, вытекающею изъ Рая, стр. 224, пер. И. Срезневскаго.

Всѣ мѣстныя преданія сходятся въ томъ, что именно здѣсь, въ Балхѣ, было положено основаніе религіозному культу огнепоклонничества. Именно здѣсь Зороастръ наиболѣе успѣшно проповѣдывалъ свое ученіе. Гуштаспъ (Дарій Гистаспъ грековъ) не только самъ принялъ это ученіе, но и употребилъ съ своей стороны всѣ усилія съ цѣлію повсемѣстнаго распространенія поклоненія огню. Альбируни говоритъ, что сынъ Гуштаспа, Исфендіаръ, склонялъ всѣхъ къ принятію новой религіи, не останавливаясь при этомъ ни передъ какимъ насиліемъ, и успѣлъ воздвигнуть огнепоклонническія капища на всемъ пространствѣ Азіи, отъ границъ Китая даже до земли Рума (Византіи) [1]). О городѣ Балхѣ упоминается въ Зендъ Авестѣ, какъ объ одномъ изъ первыхъ мѣстъ, созданныхъ Ормуздомъ [2]). Съ этихъ поръ, однако, преданія уже уступаютъ свое мѣсто исторіи.

Довольно точныя, хотя нельзя сказать, чтобы подробныя, историческія свѣдѣнія касаются все же очень отдаленной эпохи существованія этой страны. Еще въ эдиктахъ Дарія Гистаспа говорится о странахъ, расположенныхъ по обѣ стороны Окса [3]). Геродотъ, перечисляя въ своей исторіи сатрапіи, на которыя была разрѣшена, во время царствованія Дарія Гистаспа, Персидская монархія, между прочимъ говоритъ, что въ 12-й сатрапіи жили Бактрійцы; въ 15-й—Саки и Каспіи, а въ 16-й—Парѳяне, Хоразмійцы, Согдіанцы и Арійцы [4]). Всѣ эти народы обитали по обѣ стороны Окса. Въ это, и въ послѣдующее затѣмъ время, Балхъ, хотя уже и не представлявшій собою столицу царей Персидскихъ,—достигъ цвѣтущаго состоянія. Онъ служилъ центральнымъ сборнымъ мѣстомъ для торговцевъ Запада и Востока. Великая среднеазіатская рѣка, Оксъ, служила главнымъ путемъ для этой міровой торговли [5]).

---

[1]) Reinaud, Mémoire sur l'Inde, Paris. 1849 г. стр. 91.

[2]) Zend-avesta, ouvrage de Zoroastre, trad. par Anketil du Perron, Paris 1771 г. vol. I, p. 266: «Четвертое мѣсто, четвертый городъ, подобный Behescht, который я, Ормуздъ, сотворилъ—былъ Балхъ» (Bâkhdi).

[3]) Минаевъ, свѣдѣнія о странахъ по верховьямъ Аму-дарьи, стр. 55.

[4]) Геродотъ, Талія, 92—93 гл.

[5]) У Страбона объ Оксѣ мы читаемъ слѣдующее: «По словамъ Аристобула Оксъ — самая большая изъ рѣкъ, видѣнныхъ имъ въ Азіи. И онъ и Эратосѳенъ, со словъ Патрокла говорятъ, что рѣка эта судо-

Но не только этому городу долины Аму приписывается мусульманскими писателями такое древнее и такое блестящее прошлое. Мервъ былъ отчасти соперникомъ Балха. По одному преданію онъ былъ построенъ Тахмурасомъ [1]); другіе же приписываютъ основаніе его уже Александру Македонскому [2]). Ниже мы увидимъ, что этотъ городъ, въ эпоху распространенія мусульманства въ Средней Азіи, достигъ той же славы и такого же блеска, какъ и Балхъ.

Походы Александра Македонскаго въ Верхнюю Азію пролили для его современниковъ яркій свѣтъ географическаго знанія на страны, находившіяся между Оксомъ и Яксартомъ, а въ частности и на Бактріану. Нѣкоторыя части Средней Азіи описаны историками Александра Македонскаго очень точно и ясно. Къ числу мѣстностей наиболѣе ясно описанныхъ относится, между прочимъ, и то мѣсто у Квинта Курція, которое цитируетъ Бёрнсъ [3]). Арріанъ очень точно описываетъ рѣку Оксъ [4]). Городъ Бактры былъ астрономически опредѣленъ впервые Эратосѳеномъ, а потомъ—Птоломеемъ [5]). Но что вообще игнорируется греческими писателями—это религіозный культъ страны. А между тѣмъ указанія этого свойства имѣли бы для насъ необычайную цѣнность.

Во времена Александра Македонскаго Бактріана составляла часть Персидской монархіи. Послѣ его смерти она присоединена была къ удѣлу Селевкидовъ. Но уже черезъ 67 лѣтъ послѣ смертм Александра [6]) Бактріана отдѣлилась и зажила самостоятельной жизнію. Теодотъ, прозванный «правителемъ тысячи городовъ Бактріи», осно-

---

ходна, что по ней перевозится въ Гирканію много индійскихъ товаровъ; отсюда они доставляются въ Албанію, и наконецъ, черезъ Куръ и слѣдующія за нимъ мѣстности въ Евксинъ». Географія, кн. XI, гл. 7, § 3. См. также у Вильсона, въ Ariana antiqua, стр. 163.

[1]) Barbier de Meynard, Dictionnaire de la Perce extrait de Jacout, стр. 526. Paris 1861 г.

[2]) Ebn-Haukal, Oriental Geography, transl. by Ouseley, стр. 215. Lond. 1880 г.

[3]) Борнсъ. Путешествіе въ Бухару, русск. перев. т. 2-й, стр. 353.

[4]) Ἀρριάνου Ἀνάβασις, кн. 3-я, 29.

[5]) Gosselin, Géographie de Grecs analysée, таблицы I и IV, Paris. 1790 г.

[6]) Минаевъ, свѣдѣн. о стр. по верхов. Аму; стр. 57.

валъ изъ отторгнувшихся при-Окскихъ земель самостоятельное Греко-Бактрійское государство. Столицею сдѣлался опять городъ Балхъ. — Въ разное время своего почти 200 лѣтняго существованія это новое царство заключало въ своихъ предѣлахъ слѣдующія страны: Согдіану на сѣверѣ, а на югѣ въ него входилъ почти весь нынѣшній Авганистанъ съ Кабуломъ и Бамьяномъ, а также и западная часть Индіи. Расширенію предѣловъ этого государства много способствовалъ Евкратидъ, одинъ изъ наиболѣе воинственныхъ греческихъ царей Бактрійскаго государства. Онъ сдѣлалъ нѣсколько побѣдоносныхъ походовъ въ Индію [1]). Онъ былъ современникомъ Митридата, царя парфянскаго и называется Юстиномъ «великимъ монархомъ» [2]). Распространенію могущества Бактрійскаго государства много способствовали также Менандръ и Деметрій [3]). Тѣмъ не менѣе, уже въ концѣ царствованія Евкратида Бактріана подверглась нападенію Парфянъ и Скифовъ, которые и овладѣли нѣкоторыми провинціями Бактрійскаго государства [4]). Начиная съ этого времени оно начинаетъ все чаще и чаще подвергаться нападеніямъ со стороны сѣверныхъ варваровъ, пока, наконецъ, за сто съ небольшимъ лѣтъ до Р. Хр. (126 г. [5]) это царство окончательно не было разрушено.

Около начала нашей эры Бактріана входитъ въ составъ Индо-Скифскаго царства. Въ это время Кюеншавангъ покорилъ Юэчей,

---

[1]) Wilson, Ariana antiqua, глава объ Евкратидѣ.

[2]) Justin, Liber XLI,6: «Eodem fere tempore sicuti in Parthis Mithridates, ita in Bactris Eucratides, magni uterque viri, regnum ineunt».

[3]) Страбонъ въ 11 кн. 11 гл. говоритъ слѣдующее: «Бактрія обширна и производитъ все кромѣ оливы. Еллины, отдѣлившіе эту страну, достигли такого могущества, благодаря доброкачественности земли, что подчинили себѣ даже Аріану и индійцевъ, какъ утверждаетъ Аполлодоръ Артемитенъ, и покорили большее число народовъ, чѣмъ самъ Александръ. Отличился больше всѣхъ Менандръ, который на востокѣ перешелъ Гипанисъ и дошелъ до Имая; одни завоеванія онъ совершилъ самъ, другія же сынъ Бактрійскаго царя Евеидема, Деметрій. Они овладѣли не только Паталеною, но также такъ называемымъ царствомъ Сараоста и Сигердиды на остальной части морскаго берега. Вообще Бактріана, по словамъ Аполлодора, служитъ украшеніемъ всей Аріаны. Бактрійскіе цари простерли свои владѣнія до Серовъ и Фриновъ. Они владѣли также Согдіаной, лежащей выше Бактріаны къ востоку, между рѣкою Оксомъ, отдѣляющимъ Бактріану отъ Согдіаны, и Іаксартомъ.

[4]) Именно Аспіономъ и Туриною. Страбонъ, loco cit.

[5]) Юль, loco cit. стр. 2.

главныхъ виновниковъ разрушенія Бактрійскаго царства [1]), занялъ страну къ югу отъ Гинду-Куша, а также и долину Инда, и основалъ Индо-Скифское царство.

Въ 6-мъ вѣкѣ по Р. Хр. Бактріана снова подвергается наплыву хищныхъ ордъ. Это были турки, которые въ началѣ и образовали было на развалинахъ Бактрійскаго государства новое царство Турковъ. Но уже Сюань-Цань, сто лѣтъ спустя послѣ этого событія, нашелъ это царство раздробленнымъ на множество мелкихъ полунезависимыхъ владѣній. Весь конгломератъ этихъ княжествъ, расположенныхъ въ верхней и средней части долины Аму (которая у Сюань-Цаня называется Po-tsou—древній Oxus) обозначается китайскимъ путешественникомъ собирательнымъ именемъ Tou-cho-lo (Touchará), т. е. Тохаристанъ. Географическія и этнографическія свѣдѣнія, сообщаемыя намъ Сюань Цанемъ относительно данной мѣстности, настолько точны и любопытны, что я считаю не лишнимъ привести здѣсь выдержки изъ его описанія.

«По выходѣ изъ Желѣзныхъ воротъ, говоритъ Сюань Цань, вы вступаете въ царство Tou-cho-lo. Страна эта занимаетъ пространство около 1,000 ли [2]) съ юга на сѣверъ и 3,000 ли отъ востока къ западу. Къ востоку она ограничена горами Цунъ-Линъ, а къ западу—Персіей. На югѣ она соприкасается съ большими снѣжными горами, а на сѣверѣ опирается о Желѣзныя ворота. Великая рѣка Po-tsou (Oxus, Аму) протекаетъ по срединѣ этой страны, направляясь на западъ. Уже нѣсколько сотъ лѣтъ тому назадъ, царскій родъ (въ этой странѣ) прекратился. Могущественные начальники, послѣ продолжительнаго междоусобія, усвоили для себя, каждый, титулъ государя и, считая себя огражденными (отъ нападеній внѣшняго врага) рѣками и естественными препятствіями, раздѣли государство Tou-cho-lo на двадцать семь частей (штатовъ). Но хотя ихъ владѣнія строго разграничены, въ общей массѣ онѣ под-

---

[1]) Страбонъ говоритъ, что Скифы, отнявшіе у Еллиновъ Бактріану, принадлежали къ слѣдующимъ народностямъ: Асіямъ (Азы нашихъ лѣтописцевъ?), Пасіанамъ, Тохарамъ и Саракавламъ; всѣ они вышли изъ за Яксарта (Сыръ-Дарьи). кн. XI, гл. 8, 2.

[2]) Ли—китайская мѣра пути, около ⅓ версты.

чиняются Tou-kioue (туркамъ). Такъ какъ температура здѣсь всегда очень высока, то эпидеміи здѣсь очень часты.

«Въ концѣ зимы и въ началѣ весны здѣсь идутъ постоянные дожди. Вотъ почему въ южной части этой страны, къ сѣверу отъ Lan-Po, сильно распространены эпидеміи [1]). Вслѣдствіе этого всѣ благочестивые (жители) входятъ въ прочныя жилища въ 16-й день двѣнадцатаго мѣсяца, а выходитъ изъ нихъ только въ 15-й день третьяго мѣсяца. Этотъ обычай вызванъ обиліемъ дождей. Религіозныя предписанія, данныя имъ, приноровлены къ обстоятельствамъ времени года. Жители—вялаго характера, трусливы; ихъ фигура неблагородна, груба. Они имѣютъ нѣкоторыя понятія объ истинной вѣрѣ... Что касается разговорнаго языка, то онъ отличается мало отъ нарѣчій другихъ (сосѣднихъ) народовъ. Письмена состоятъ изъ 25 знаковъ, которые, соединяясь вмѣстѣ, служатъ для обозначенія всѣхъ предметовъ. Книги пишутся въ поперечномъ направленіи и читаются съ лѣва на право.

«Большая часть жителей одѣвается въ платье изъ бумажной ткани; шерстяныя ткани носятъ здѣсь мало. Въ торговыхъ сношеніяхъ они пользуются монетами золотыми, серебряными и проч., которыя по формѣ отличаются отъ денежныхъ знаковъ другихъ государствъ» [2]).

Къ этому времени въ долинѣ Окса сильно распространился Буддизмъ. Главнымъ разсадникомъ этого соціально-религіознаго культа служилъ для всей долины Балхъ,—древняя Бактра, или же Po-ho-lo, какъ его называетъ Сюань-Цань.—Наряду съ религіознымъ первенствомъ этотъ городъ, кажется, и въ политическомъ отношеніи составлялъ главное звено въ ряду удѣльныхъ княжествъ Тохаристана. Вотъ что мы читаемъ о немъ у того же автора:

---

[1]) По китайски слова: ouen-tsi буквально значатъ «горячія болѣзни», т. е. болѣзни, причиненныя высокой температурой.—Примѣч. St.-Julien'a къ его переводу «Мемуаровъ» Сюань-Цаня.—Я думаю, что подъ словами: «горячія болѣзни» нужно понимать «горячечныя болѣзни» вообще и лихорадки—въ частности. Весной и въ началѣ лѣта лихорадки въ данной мѣстности особенно распространены, между тѣмъ, какъ «солнечный ударъ»—болѣзнь обусловливаемая высокой температурой воздуха—наблюдается здѣсь главнымъ образомъ въ іюлѣ и августѣ мѣсяцѣ.

[2]) Mémoires sur les contrées occidentales par Hiouen Thsang vol. I p. 23—24.

«Государство Po-ho-lo (Ba-ha-râ, Bactra, Балхъ) занимаетъ пространство около 800 ли съ запада на востокъ и 400 ли—съ сѣвера на югъ. Сѣверную границу княжества составляетъ рѣка Po-tsou (Oxus). Окружность столицы равняется, приблизительно, 20 ли. Всѣ называютъ ее малымъ царскимъ городомъ. Хотя городъ хорошо укрѣпленъ, но заселенъ мало. Произведенія почвы чрезвычайно разнообразны, было бы трудно перечислить всѣ виды цвѣтовъ, растущихъ здѣсь въ водѣ и на землѣ.

«Здѣсь имѣется 100 монастырей, въ которыхъ находится около 3,000 благочестивыхъ людей, которые слѣдуютъ ученію «petit Vehicul» [1]).

Въ то же время и христіанство прочно привилось на этой почвѣ древняго парсизма. Въ Мервѣ, около 334 г. по Р. Хр., была учреждена епископія. Въ половинѣ 6-го вѣка христіанство успѣшно распространилось и между Хевталитами (Бѣлыми Гуннами), покорителями данной мѣстности [2]).

Совмѣстное существованіе здѣсь трехъ религій, бокъ о бокъ одна съ другой, даетъ поводъ предположить съ одной стороны, что—какъ мѣстные коренные жители, иранскаго происхожденія, такъ и пришельцы, тюркскія племена,—отличались широкою вѣротерпимостью; а съ другой стороны,—что ученіе Зороастра къ тому времени, вѣроятно, утратило въ значительной степени свое значеніе и силу въ глазахъ мѣстнаго населенія—что, впрочемъ, совершенно понятно, и составляло естественное послѣдствіе тѣхъ политическихъ переворотовъ, какіе страна пережила въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій до этого времени.

Вскорѣ послѣ утвержденія власти Турковъ въ Бактріанѣ и Согдіанѣ, Среднюю Азію опять посѣтили греки, едва ли не впервые со времени походовъ Александра Македонскаго. Теперь, однако, это не были грозныя фаланги завоевателя міра, все сокрушавшія на своемъ пути огнемъ и мечемъ; нѣтъ,—это были мирные послы императора Юстина. Они имѣли своею цѣлію—завязать торговыя сношенія съ тюркскимъ княземъ Дизабуломъ и правителемъ Согда, Маніахомъ. Это событіе случилось въ 570 г. [3]).

[1]) Mémoires, т. I, стр. 29.
[2]) Юль, стр. 3.
[3]) Юль, стр. 8.

Немного времени дано было, однако, христіанству для своего развитія среди народовъ Бактріаны. Уже въ концѣ 7-го столѣтія сюда пришли арабы и начали огнемъ и мечемъ насаждать религію Магомета. Ученіе Христа было искоренено съ усердіемъ и ревностію, достойными лучшаго дѣла. Но какъ ни жестоко свирѣпствовалъ мечъ, направленный мусульманскимъ фанатизмомъ,—христіанство еще нѣкоторое время держалось и послѣ арабскаго нашествія, какъ въ Хоросанѣ, такъ и Трансоксаніи. Ибнъ-Хаукалъ, арабскій путешественникъ и географъ первой половины 10-го столѣтія нашей эры, говоритъ, что въ Герате, въ его время, находилось отдѣльное селеніе, занятое христіанами, а въ немъ—христіанская церковь [1]).

Уже въ 666 г. по Р. Хр. (46-й г. «геджри») арабскій полководецъ Реби-ибнъ-уль-Харитъ, покоряя Хоросанъ, дошелъ до Балха. Вскорѣ (въ 670 г.) былъ занятъ Мервъ; онъ въ теченіи извѣстнаго времени служилъ хоросанскимъ намѣстникамъ Калифа опорнымъ пунктомъ въ ихъ войнахъ съ Бухарою. Въ 705 г. былъ занятъ арабами и Балхъ, древняя столица Бактріаны. Онъ безъ сопротивленія покорился своей участи. На этотъ разъ онъ отдѣлался отъ грозныхъ завоевателей довольно дешево—только военной контрибуціей [2]). Но нѣсколько позднѣе онъ все же былъ разрушенъ арабскимъ полководцемъ Ахнеромъ-бинъ-Кайсомъ [3]).

На этотъ разъ «Матери городовъ» не долго пришлось лежать въ развалинахъ. Насръ-бинъ-Саяръ снова его возстановилъ [4]) (около 742 г.). При этомъ энергичномъ намѣстникѣ Хоросана не только окончательно была завоевана вся долина Аму, но и Фергана, и даже отдаленный Восточный Туркестанъ вошелъ въ раіонъ владѣній Калифа.

Съ этого времени начинается блестящій фазисъ исторіи странъ, расположенныхъ по обѣимъ сторонамъ Окса. Арабы пришли сюда не только какъ разрушители и завоеватели; они явились сюда также и созидателями и насадителями новой культуры. Въ блестящій періодъ правленія Хоросаномъ Саманидовъ (конецъ этой династіи послѣдо-

---

[1]) Oriental Geography, p. 218.

[2]) Вамбери, Трансоксанія, т. I, стр. 26, русск. перев. 1873 г.

[3]) Barbier de Meynard, Dictionnaire de la Perse, сноска на стр. 121.

[4]) Тамъ-же.

валъ въ 999 г. по Р. Хр.) страна покрылась цвѣтущими, многолюдными городами. Арабскіе писатели и путешественники того времени особенно восхваляютъ слѣдующіе города, расположенные въ долинѣ Аму: къ югу отъ этой рѣки—Мервъ, Талканъ и Балхъ; къ сѣверу—Термезъ, Кобадіанъ и Чаганіанъ. Болѣе всѣхъ состязались между собой въ цивилизаторской дѣятельности два города: Балхъ и Мервъ. Послѣдній въ половинѣ 10-го столѣтія уже насчитывалъ въ числѣ своихъ гражданъ многихъ знаменитыхъ лицъ, еще жившихъ въ данное время и уже умершихъ.

«Изъ Мерва возсіялъ свѣтъ Аббасидовъ», сообщаетъ намъ извѣстный арабскій путешественникъ, Ибнъ Хаукалъ, «и Мамунъ жилъ въ этомъ городѣ, когда сдѣлался обладателемъ Калифата. Мервъ произвелъ на свѣтъ многихъ храбрыхъ полководцевъ и знаменитыхъ ученыхъ мужей. Врачъ Варзуйе, превосходившій искусствомъ всѣхъ остальныхъ сотоварищей, и Барбедъ—музыкантъ, сочинившій такія прелестныя пѣсни,—родились въ этомъ-же городѣ» [1]).

Къ этому времени Балхъ уже получилъ прозваніе «купола науки—куббетъ эль ильмъ».

Само собою разумѣется, что древняя Бактріана, бывшій Тохаристанъ, а въ данное время—часть Хоросана, за все это время не наслаждалась непрерывнымъ миромъ. Продолжительный миръ въ Средней Азіи—вещь немыслимая, тѣмъ болѣе въ тѣ отдаленныя времена. Поэтому страна играла не маловажную роль въ религіозныхъ замѣшательствахъ 8-го и 9-го вѣковъ, равно какъ и въ междоусобіяхъ хоросанскихъ владѣтелей. Въ концѣ правленія династіи Саманидовъ страна опять подверглась наплыву непрошенныхъ гостей—сѣверныхъ хищниковъ. На этотъ разъ этими «гостями» оказались Сельджукскіе Турки. Въ началѣ 11-го столѣтія Мервъ и Балхъ представляли главные ихъ этапы на пути побѣдоноснаго шествія на западъ. Несмотря на грабежи и опустошенія, какимъ подверглась страна при этомъ нашествіи,—все же дерево цивилизаціи пустило здѣсь такіе сильные корни, что процвѣтаніе страны продолжаю подвигаться впередъ и впередъ, гигантскими шагами. Къ этому времени долина Аму-Дарьи успѣла вырастить на своей почвѣ цѣлую плеяду ученыхъ людей и

[1]) Oriental Geography, стр. 216.

поэтовъ, которые и въ настоящее время сдѣлали-бы честь любой странѣ. Достаточно сказать, что здѣсь выросли и дѣйствовали такіе колоссы знанія и ученой дѣятельности, какъ знаменитый врачъ Авиценна (Ebn Sinah) справедливо называемый, «отцомъ арабской врачебной науки»,—и Альбируни. Чтобы дать понятіе объ объемѣ дѣятельности Авиценны, я скажу, что мусульманскіе историки насчитываютъ болѣе 100 сочиненій [1]), которыя написалъ и издалъ этотъ свѣточъ арабской науки. О качествѣ же его работъ можно судить по тому обстоятельству, что многіе изобрѣтенные имъ химическіе препараты цитируются еще и въ современныхъ фармакологіяхъ. Обладая необычайной для своего времени эрудиціей, онъ, въ тоже время, обладалъ такими свойствами души, которыхъ очень часто недостаетъ нашимъ современнымъ медицинскимъ свѣтиламъ. Вотъ примѣръ. Когда Махмудъ, знаменитый основатель могущественной Газнійской монархіи, желая окружить свой тронъ первыми людьми науки и искусства своего времени, сдѣлалъ весьма лестное предложеніе и Авиценнѣ, то этотъ послѣдній отказался отъ предложенія, «потому что независимость положенія цѣнилъ выше всего» [2]). Абдулъ Риханъ Магометъ, прозванный Альбируни и извѣстный болѣе подъ этимъ именемъ,—другой «столпъ» тогдашней науки. Онъ написалъ массу работъ по астрономіи, математикѣ, географіи, лингвистикѣ и проч. Это былъ какой то всеобъемлющій геній. Не говоря о томъ, что онъ въ совершенствѣ зналъ арабскій и персидскій языки, читалъ въ подлинникѣ греческихъ и латинскихъ писателей,—онъ изучилъ и санскритскій языкъ. Свѣдѣнія, какія онъ даетъ намъ объ Индіи—единственныя въ своемъ родѣ. Онъ произвелъ массу астрономическихъ опредѣленій, настолько точныхъ что даже и при настоящихъ усовершенствованныхъ средствахъ астрономической науки, ошибки его считаются совсѣмъ незначительными.

Между поэтами составляющими гордость славнаго прошлаго Хорасана, достаточно назвать современника Альбируни и Авиценны, Ансэри, уроженца Балха, [3]) автора «Vamiq el Azra». «Краснаго Идола», «Бѣлаго Идола» и проч.

---

[1]) Haeser, Lehrbuch der Geshichte der Medicin, 3 bearbeit. 1875 г. Т. I, стр. 585.

[2]) Reinaud, Mémoire sur l'Inde, стр. 28; или также см. у Aboul feda Géographie trad. par Reinaud.

[3]) Barbier de Meynard, loc.—cit, сноска на стр. 112.

Въ 12-мъ столѣтіи долина Аму достигла апогея своего процвѣтанія. Арабскіе географы, историки и путешественники достаточно не могутъ удивляться чудесамъ процвѣтанія Балха, Мерва и Термеда. Мервъ представлялъ собою столицу могущественныхъ Сельджукидовъ. Султанъ Санджаръ особенно старался надъ развитіемъ и процвѣтаніемъ своей столицы [1]). Но еще въ правленіе этого князя Мервъ испыталъ страшное бѣдствіе. Гуззы опять съ сѣвера же, какъ и прежніе варвары, нахлынули въ цвѣтущую долину Окса—и Мервъ на нѣсколько лѣтъ покрылся развалинами. Однако онъ скоро оправился отъ этого погрома.

О Балхѣ же этого времени мы вотъ что читаемъ у современнаго арабскаго географа Эдризи:

«Балхъ, расположенный на равнинѣ, въ 12 миляхъ отъ горъ, есть столица страны Турковъ; это главная квартира ихъ войскъ и резиденція ихъ правителей и судей. Здѣсь находятся прекрасные базары, гдѣ производится обширная торговля, и гдѣ можно найти всѣ предметы роскоши и всѣ статьи торговли. Городъ имѣетъ семь воротъ; предмѣстья его процвѣтаютъ и хорошо населены, занимаются промышленностью и торговлей. Великая мечеть построена въ центрѣ города и окружена базарами. Городъ расположенъ на берегахъ рѣчки; эта рѣчка течетъ возлѣ воротъ Нью-Бехаръ [2]) и орошаетъ окрестности города, гдѣ повсюду виднѣются виноградники, плодовые сады, бурсы [3]) дня студентовъ и всякія другія учрежденія этого рода и гдѣ изучаютъ науки. Въ этомъ городѣ собраны большія богатства; здѣсь много именитыхъ людей и богатыхъ купцовъ; вообще вездѣ виднъ большой достатокъ и благоденствіе [4]).

Якутъ насчитываетъ въ Балхѣ 1,200 мечетей и столько же бань [5]).

---

[1]) Тамъ же, стр. 526.

[2]) Нью Бехаръ—испорченное санскритское слово nâvâ wichârâ, новый монастырь.

[3]) Такъ называемыя медрессе.

[4]) Géographie d'Edrisi, trad. par Amedée Jaubert, Paris. 1863 г. стр. 473—4.

[5]) Barbier de Meynard, loc. cit. стр. 112.

До какой степени развитія достигла общественная жизнь въ разсматриваемой нами мѣстности Средней Азіи—можно видѣть изъ слѣдующаго.—Въ то время, когда въ Европѣ врачебное искусство стояло на степени знахарства, когда о госпиталяхъ въ Европѣ (за исключеніемъ Византійской имперіи) еще и не думали,—въ Мервѣ, въ 9-мъ столѣтіи, были уже образцовыя больницы [1]). Въ этомъ же городѣ Якутъ насчитываетъ 10 библіотекъ. Одна изъ нихъ, по его словамъ, содержала только 200 томовъ; но за то книги, находившіяся въ ней, были драгоцѣнны [2]).

«Именно въ различныхъ библіотекахъ этого города, пишетъ Якутъ, я и провелъ почти все время, въ продолженіи котораго я здѣсь жилъ, забывъ въ прелестяхъ изученія наукъ и свое отечество и семью; это здѣсь я собралъ почти всѣ матеріалы, которые мнѣ послужили потомъ при составленіи какъ этой книги, такъ и другихъ моихъ сочиненій» [3]).

Затѣмъ, послѣ пораженія султана Санджара Курханомъ, предводителемъ дикихъ ордъ Гуззовъ,—пораженія, положившаго конецъ владычеству Сельджукидовъ въ Хоросанѣ,—разсматриваемая нами часть его, т. е. долина верхняго и средняго теченія Аму, поочередно переходила изъ однихъ рукъ въ другія. Сначала ею завладѣли князья Гоура, только что утвердившіе свое господство въ Авганистанѣ, на развалинахъ монархіи Газневидовъ; потомъ она подчинилась эфемерной, вдругъ изъ ничего образовавшейся, обширной монархіи Харезмійскихъ владѣтелей.

Но съ этихъ поръ древняя Бактріана вступила въ новый фазисъ своего существованія.

Въ началѣ 13-го столѣтія по всей почти Азіи пронеслись полчища дикихъ монголовъ, предводительствуемыхъ «княземъ міра», Чингизъ-Ханомъ. Это былъ какой то огненный потокъ, все уничтожавшій на своемъ пути; это была какая то расходившаяся безумная стихія, стиравшая съ лица земли все живое—будетъ ли это человѣкъ, животное или растеніе! Хорасанъ, а слѣдовательно и древняя Бактріана,—не

---

[1]) Haeser, Lehrbuch der Geschichte der Medicin, т. I, стр. 564.
[2]) Barbier de Meynard, l. cit. стр. 528.
[3]) Тамъ же, стр. 529.

избѣжалъ своей печальной участи. Цвѣтущіе города послѣ этого нашествія представляли одни развалины. Ничто не спасало ихъ отъ разоренія: ни стойкая оборона, ни покорность и встрѣча побѣдителя съ повинною и огромнымъ выкупомъ. Такъ погибъ Балхъ; такъ погибъ Мервъ и множество другихъ городовъ. «Жители и духовенство Балха, повѣствуетъ намъ Абуль Гази Бедадуръ-ханъ [1]), отправились къ Чингизъ-хану, умоляя его о пощадѣ ихъ города: но онъ отвергъ ихъ просьбу, потому что, говорилъ онъ, Султанъ Джелалъ-удъ-динъ еще живъ, жители Балха всегда могутъ возстать снова» — и населеніе все было вырѣзано, а крѣпость и городъ разрушены. — Съ Мервомъ повторилась таже исторія. Громадное населеніе этого города, доходившее до 1,300,000 душъ [2]) было, послѣ сдачи монгольскому полководцу, Тули-хану, роздано въ качествѣ военноплѣнныхъ монгольскимъ солдатамъ; каждый солдатъ получилъ 400 плѣнниковъ [3]). Всѣ плѣнные были убиты; только 400 ремесленниковъ и художниковъ были пощажены и отосланы въ далекую Монголію для украшенія столицы «міроваго бича» Чингизъ-хана.

Послѣ такого кореннаго опустошенія разсматриваемая нами часть Хоросана никогда не могла уже подняться до прежней высоты процвѣтанія.

Пятьдесятъ лѣтъ спустя, по этой мѣстности проѣзжалъ знаменитый венеціанецъ Марко Поло. — «Въ древнія времена, говоритъ онъ, городъ Балхъ былъ гораздо обширнѣе, но теперь онъ сильно пострадалъ отъ набѣговъ татаръ, разрушившихъ бо́льшую часть его построекъ; прежде въ немъ было много мраморныхъ дворцовъ и садовъ, развалины которыхъ видны до сихъ поръ» [4]).

До какой степени страна была разорена монгольскимъ погромомъ — видно изъ того, что Ибнъ-Батута, странствовавшій по Средней Азіи спустя цѣлое столѣтіе послѣ походовъ Чингиза, говоритъ, что страна наполнена развалинами. Балхъ не былъ во-

---

[1]) Aboul Ghazi Behadour khan, Histoire des Mogols et des Tartars. т. 2 стр. 121.

[2]) Тамъ же стр. 135·

[3]) Barbier de Meynard, l. cit стр. 528.

([4] Марко Поло, Путешествіе по Татаріи и др. странамъ въ 1286 г., стр. 41, изд. 1873, ПБ.

зобновленъ со времени погрома и представлялъ изъ себя кучу развалинъ. Ибнъ-Батута особенно сожалѣетъ объ одной разрушенной мечети, которая представляла собою, по его словамъ, одно изъ величайшихъ зданій въ мірѣ [1]).

Конецъ 15-го столѣтія для долины Аму былъ едвали лучшимъ временемъ, чѣмъ и предыдущее. Теперь во всей Азіи хозяйничалъ «хромой» Тимуръ. Правда, разоряя цѣлыя страны, разрушая десятки городовъ, онъ украшалъ на ихъ счетъ Самаркандъ; древняя Согдіана при немъ процвѣтала; но древней Бактріанѣ отъ этого нисколько не было лучше. Въ 1369 году Балхъ былъ опять разрушенъ, также какъ и 1½ столѣтія тому назадъ, рукою великаго монгола, Тимура. Поводомъ къ опустошенію едва начавшаго было оправляться отъ разоренія города послужила распря между Тимуромъ и эмиромъ Гератскимъ, Хуссейномъ. Но вслѣдъ за тѣмъ Балхъ сдѣлался свидѣтелемъ выдающагося историческаго событія, случившагося въ его старыхъ стѣнахъ.

8-го апрѣля 1369 г. [2]) на Курилтаѣ, т. е. верховномъ собраніи монгольскихъ старшинъ и предводителей, Тимуръ Бекъ, болѣе извѣстный намъ подъ именемъ Тамерлана, былъ провозглашенъ эмиромъ Маверанніахра (Трансоксаніи), что сопровождалось традиціоннымъ монгольскимъ обычаемъ поднятія избранника народа на бѣломъ войлокѣ.

Послѣ этого, въ продолженіи довольно долгаго періода, миръ почилъ на пустынныхъ мѣстностяхъ, расположенныхъ по Оксу.

Во время управленія Хоросаномъ Гератскихъ эмировъ разсматриваемая нами мѣстность до нѣкоторой степени оправилась отъ постигшихъ ее бѣдствій. Эмиръ Хуссейнъ-Баикара особенно способствовалъ этому поднятію благосостоянія. Въ это время выступилъ на арену политической жизни страны неизвѣстный до сихъ поръ поселокъ, представляющій въ настоящее время административный центръ авганскаго Туркестана.

Я говорю о городѣ Мазари-Шерифѣ. Такое возвышеніе незначительной деревушки обусловлено мнимымъ открытіемъ въ ней гробницы извѣстнаго мусульманскаго святого и героя Алія [3]).

[1]) Voyages d'Ibn Batoutah, traduits par Défrémery, vol. III, p. 59.
[2]) Вамбери, Трансоксанія или Исторія Бохары, т. I, стр. 192.
[3]) См. предыдущую главу настоящаго сочиненія, стр. 127—8.

Въ началѣ 15-го столѣтія землями древней Бактріаны проѣхало испанское посольство, снаряженное ко двору Тимура Генрихомъ III Кастильскимъ. Глава этого посольства, Рюи-Гонзалесъ де Клавихо, оставилъ намъ интересныя записки о путешествіи посольства по Азіи. Вотъ что онъ сообщаетъ намъ о древней столицѣ страны, городѣ Балхѣ.

«На другой день, въ понедѣльникъ, 18-го августа (1404 г.), пріѣхали (мы) въ городъ, окруженный очень широкимъ земляным валомъ, такъ что въ ширину вала было около 30 шаговъ; но этотъ валъ былъ проломанъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Городъ раздѣлялся на три отдѣленія валами, которые шли вдоль и пересѣкали его съ одного конца до другаго. Первое отдѣленіе, которое находилось между первымъ и вторымъ валомъ, было пустое и тамъ никто не жилъ; тамъ было посѣяно много хлопчатника; во второмъ отдѣленіи живутъ люди, но населеніе не очень густо; а въ третьемъ отдѣленіи очень много жителей; и хотя большая часть городовъ, которые мы встрѣчаемъ, была безъ стѣнъ, у этого стѣны были очень хорошія» [1]).

Вотъ и все, что могъ сообщить намъ наблюдательный путешественникъ о замѣчательнѣйшемъ когда-то городѣ Средней Азіи.

Въ началѣ 16-го столѣтія Шейбани, основатель новой династіи, возсѣвшей на «кокъ-ташѣ» (кокъ-ташъ—зеленый камень, который изображалъ собою тронъ бухарскихъ хановъ; онъ находится и по настоящее время въ Самаркандѣ), снова наполнилъ шумомъ битвы всю Среднюю Азію. Узбекскія полчища, предводимыя имъ, наводнили долину Зеравшана и продвинулись далѣе къ югу, въ долину Аму. Города Хорасана одинъ за другимъ падали подъ ударами необузданной, никакого удержу незнавшей, руки дикаго, кровожаднаго узбека. Эти новые завоеватели были не меньшіе варвары и убійцы, чѣмъ и полчища Чингизъ-Хана. «Мученіями и пытками они заставляли беззащитныхъ бѣдняковъ выдавать спрятанныя цѣнности и уводили въ неволю всѣхъ, кого только могли взять съ собою». Застонала опять вся Средняя Азія! Тщетно послѣдняя отрасль благородныхъ, просвѣщенныхъ Тимуридовъ, Баберъ-Мирза, старался отразить бурный потокъ новыхъ вандаловъ, нагрянувшихъ опять таки съ сѣвера,—гру-

[1]) Путешествіе Клавихо, стр. 223.

бая сила восторжествовала. «Юлій Цезарь» Средней Азіи долженъ былъ уступить и удалиться въ Кабулъ...

Шейбанидъ Абдулла-Ханъ (род. 1538 г., умеръ 1597 г.), не смотря на то, что также, какъ и основатель династіи, всю жизнь велъ войны,—однако успѣвалъ и излѣчивать раны, наносимыя имъ странамъ, находившимся подъ его властью. Съ именемъ этого государя въ устахъ среднеазіатца связаны всѣ позднѣйшія болѣе или менѣе замѣчательныя сооруженія, находящіяся въ странахъ, прилегающихъ къ Аму-Дарьѣ. «Кто провелъ такой-то большой оросительный каналъ?» спросите вы туземца—и получите отвѣтъ: Абдулла-Ханъ. «Кто построилъ эти караванъ-сараи и сердобы (колодцы, питаемые дождевой водой), въ песчанной пустынѣ?» — Абдулла-Ханъ. Тѣмъ не менѣе, при-Аму-Дарьинская долина все болѣе и болѣе хирѣла, города вымирали, села пустѣли. Этому запустѣнію не помогли и Великіе Моголы Индіи, часть имперіи которыхъ одно время составляла древня Бактріана.

Въ половинѣ 17-го столѣтія Средняя Азія, кажется, впервые увидала въ стѣнахъ своихъ городовъ, представителей русскаго Царства. Въ 1675 г. въ Бухару было снаряжено русское посольство [1]). Оно состояло изъ слѣдующихъ лицъ: Василія Александрова Даудова, Никифора Венюкова, Ивана Шапкина и астраханца-мусульманина Магомета Исупъ Касимова [2]). Даудовъ и Венюковъ имѣли спеціальною цѣлію своего путешествія только Бухару; но Шапкинъ и Касимовъ должны были отправиться гораздо далѣе, — къ Индѣйскому Шаху. Они направились на Келифъ, пробыли нѣкоторое время въ Балхѣ и затѣмъ, дорогою на Чарикаръ и «Курбентъ» (Горбендъ), направились въ Кабулъ. Въ бытность свою въ Балхѣ они успѣли заручиться благорасположеніемъ балхскаго хана, въ это время почти совсѣмъ уже не зависѣвшаго отъ имперіи Моголовъ. Балхскій ханъ настолько проникся дружелюбіемъ по отношенію къ Россіи, что даже послалъ съ Касимовымъ въ Москву свое посольство.

Но еще раньше Касимова и Шапкина, въ 1644—50 г., въ Балхѣ побывалъ Никита Медвѣдевъ, состоявшій толмачемъ при Борисѣ

---

[1]) Первыя сношенія Россіи съ Бухарой начались, впрочемъ, еще за много лѣтъ до этого времени.

[2]) Минаевъ, Свѣдѣнія о странахъ по верховьямъ Аму, стр. 217.

Пазухинѣ, во время нахожденія послѣдняго въ Бухарѣ, въ качествѣ Русскаго посла. Вотъ что доносилъ Медвѣдевъ о результатахъ своей поѣздки въ Балхъ.

«Балхскій царь Супхонь-Кули-ханъ желаетъ къ себѣ великаго государя, царя и великаго князя Алексѣя Михаиловича, всей Великія, Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца совѣту и дружбы и послами пересылкою. И говоритъ царь Супхонь-Кули-ханъ: если-де великій государь укажетъ прислать въ Балхъ и Индѣю и въ иныя государства людей своихъ и пословъ и онъ-де Супхонь-Кули-ханъ людей великаго государя велитъ пропускать и своею землею оберегать... А Индѣйская дорога изъ Балху жилыми мѣсты и никакого дурна и грабительства и налога не бываетъ» [1]).

Это было, кажется, первое сношеніе Московскаго Царства съ отдаленными странами нынѣшняго Авганистана. Фактъ этотъ замѣчателенъ тѣмъ, что Россія такъ называемаго «московскаго періода», очевидно, совсѣмъ не была тою «коробочкою», какою принято ее теперь представлять. Торговля Россіи, правда, не была такъ обширна, какъ въ настоящее время; но за то она и не была такъ убыточна, какъ теперь; интересы же ея были тогда преслѣдуемы и оберегаемы правительствомъ ничуть не хуже, чѣмъ теперь.

Все болѣе и болѣе усиливающемуся запустѣнію классической Бактріаны способствовалъ и ураганъ, — къ счастью, кажется, послѣдній,—налетѣвшій внезапно и снова перевернувшій почти всю Азію; этотъ ураганъ произведенъ былъ «персидскимъ разбойникомъ» Надиръ-Шахомъ. На развалинахъ его эфемерной монархіи возникло впослѣдствіи Авганское государство, подъ главенствомъ Саддозаевъ-Дурани. Балхъ и другіе города по ту сторону Аму вошли въ составъ новаго государства. Но въ началѣ нынѣшняго столѣтія, когда авганская имперія распалась на части,—долина Аму своимъ политическимъ состояніемъ напоминала древній Тохаристанъ. Сюань-Цаня. Здѣсь образовалось множество отдѣльныхъ полунезависимыхъ узбекскихъ ханствъ. Хулумское ханство, во время правленія Киличъ-Али-хана, достигло въ въ то время наибольшаго политическаго вліянія въ долинѣ Аму, чѣмъ какое либо другое. Миръ-Абдулъ-Керимъ свидѣтельству-

[1]) Минаевъ, l. cit, стр. 228.

етъ [1]), что страна во время правленія означеннаго хана достигла было извѣстной степени процвѣтанія. Но уже въ 1823 г. «кундузскій воръ», Мурадъ-Бегъ, овладѣлъ Хулумскимъ ханствомъ и все населеніе города Хулума выселилъ въ Кундузъ, гдѣ оно почти до послѣдняго человѣка вымерло отъ лихорадокъ. Отъ Хулума, какъ и отъ Балха, остались одни только развалины.

Четверть столѣтія передъ этимъ—«царицу міра» (буквальный переводъ одного изъ эпитетовъ города—Шахъ-и-Джанъ), Мервъ, постигла та же участь, что и Хулумъ. Одинъ изъ наиболѣе «правовѣрныхъ» государей Бухары, Шахъ Мурадъ-бій, желая окончательно доканать Мервъ, разрушилъ плотину, удерживавшую воды рѣки Мургаба, которая способствовала снабженію города водой. Послѣ этого Мервъ долженъ былъ сдаться войскамъ эмира Бухарскаго. Часть населенія Мерва была переселена въ Бухарское ханство, а остальные жители выселились въ Гератъ [2]).

Какъ извѣстно, Мервъ въ настоящее время представляетъ главный сборный пунктъ Туркменъ-Теке.

Въ 1824—5 гг. долину Окса посѣтилъ извѣстный англійскій путешественникъ Муркрофтъ. Всѣ члены его экспедиціи легли костьми въ этой пустынной, наполненной развалинами, долинѣ [3]). По слѣдамъ этого замѣчательнаго путешественника въ 1832 году долиной Аму прошелъ отважный Бёрнсъ. Въ 1838—9 г. Вудъ и д-ръ Лордъ посѣтили верхнюю часть долины Аму. Но ниже Ташъ-Кургана они не спускались. Въ 1840 г. въ Ташъ-Курганѣ были англійскіе офицеры Бёрслемъ и Стартъ. Въ этомъ же году Стоддартъ и Конолли проѣз-

---

[1]) Mir Abdoul Kerim, Histoire de l'Asie centrale, стр. 245.

[2]) Тамъ же. стр. 140.

[3]) Вотъ что по поводу смерти Муркрофта мы читаемъ у Бёрнса. «При этомъ прилагаю (письмо д-ра Лорда къ Бёрнсу) лоскутокъ бумаги, найденный мною между счетами, на которомъ рукою Г. Требека написаны подъ числомъ 6 сентября 1825 г. слѣдующія слова: «Пріѣхалъ въ Балхъ 25-го августа Г. М. скончался 27-го августа».

«Это ставитъ время смерти Муркрофта,—говоритъ по поводу письма Бёрнсъ—внѣ всякаго сомнѣнія и вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожаетъ предположеніе о томъ, что она произошла вслѣдствіе какой-либо насильственной причины». Борнесъ, Кабулъ, стр. 275.

Всѣ члены экспедиціи Муркрофта погибли вслѣдствіе зараженія ядомъ злокачественной аму-дарьинской лихорадочной міазмы.

жали этою долиною, направляясь въ Бухару. Въ 1845 г. Феррье проѣхалъ почти по всему Хорасану Калифовъ. Онъ сдѣлалъ кругъ отъ Герата на Меймене, Балхъ, Ташъ-Курганъ, Хуремъ—и по совершенно неизвѣстнымъ, впервые имъ однимъ (послѣ султана Бабера) посѣщеннымъ, странамъ центральнаго Гезареджата возвратился обратно въ Гератъ.

Съ тѣхъ поръ до путешествія русской миссіи не было ни одного европейца на земляхъ древней Бактріаны, позднѣйшаго Тохарестана, нынѣшняго же авганскаго Туркестана.

ГЛАВА VI.

Отъ Ташъ-Кургана до Бамьяна.

Путь вдоль рѣки Хулумъ.—Саядъ.—Ночной путь.—Бадесьябъ.—Гейбекская котловина.—Ущелье Дере-и-Зенданъ.—Гипербола Бёрнса.—Саръ-багъ.—Хуремъ.—Первый перевалъ по дорогѣ въ Бамьянъ, Чембаракъ.—Равнина Руи.—Верховья рѣки Хулумъ и Дуабская лощина.—Вторая гипербола, сообщаемая Бёрнсомъ.—Перевалы: Кизилъ и Кара-котель.—Долина Мадэръ.—Двѣ строки изъ современной исторіи Авганистана.—Ущелье Баджгахъ.—Бамьянскій губернаторъ.—Кагмардская долина.—Неточности Бёрслема.—Денданъ-Шикенскій подъемъ.—Сайганская долина.—Аса-фетида.—Ущелье Сухте-Чинаръ.—Урочище Риги Ноу.—Акъ-Раббатекій перевалъ.—Видъ съ него на панораму окрестныхъ горъ.—Спускъ съ перевала въ Бамьянскую долину.

9-го іюля мы выступили изъ Ташъ-Кургана по направленію въ Кабулъ.

Медленно собрался нашъ вьючный обозъ, еще медленнѣе выступилъ онъ изъ воротъ сада и потянулся черезъ площадь, прямо на югъ, туда, гдѣ зіяла черная трещина горныхъ твердынь Паропамиса—Хулумское ущелье. Снова мы въ сѣдлахъ—всѣ, здоровые и больные; эти послѣдніе имѣли видъ если и не совсѣмъ бодрый, то все же и не унылый. Плохо, однако, приходилось Назирову. Страшно ослабленный вчерашнимъ пароксизмомъ лихорадки, онъ положительно не въ силахъ былъ владѣть своей горячей лошадью. Мосинъ-ханъ, видя его въ затруднительномъ положеніи, предложилъ ему свою отлично выѣзженную лошадь, а самъ взялъ другую. Признаюсь, этотъ поступокъ произвелъ на меня какое-то неопредѣленное впечатлѣніе; вчера—страшная жестокость, жертвой которой былъ избитый до полусмерти

солдатъ; сегодня—вѣжливость, приличная хотя бы и не дикарю-авганцу.

Наша кавалькада потянулась вдоль рѣчки Хулумъ. Влѣво, на противоположной сторонѣ ея, осталась цитадель города, съ ея очень высокимъ замкомъ.

Дорога два раза пересѣкаетъ рѣку. Въ мѣстахъ перехода черезъ нее построены превосходные каменные мосты, съ гранитными устоями. Мосты эти сдѣлали бы честь и не такой дикой и бѣдной странѣ, какъ Чааръ-вилайетъ. Ширина ихъ достаточна для проѣзда самой широкой арбы (туземной повозки), а прочность достаточна для выдержанія значительной тяжести. Надо замѣтить, что стремительность рѣки въ этомъ мѣстѣ очень значительна.—Мы подвигаемся все дальше и дальше, мимо зеленѣющихъ садовъ, живописно оттѣняющихъ нависшія надъ рѣкой скалы, мимо разбросанныхъ тамъ и сямъ домовъ и могилъ. Остались назади двѣ-три мечети, или часовни святыхъ—не знаю; груды сложенныхъ здѣсь бараньихъ роговъ говорятъ скорѣе въ пользу гробницъ мѣстныхъ мусульманскихъ праведниковъ.

Но вотъ начались и короткіе, могучіе передовые устои прямо передъ нами отвѣсно стоящей гряды горъ. Эта гряда имѣетъ около 1,000 футъ высоты надъ уровнемъ рѣчки. Крайнія точки ея, направо и налѣво,—особенно налѣво,—значительно возвышаютъ свои конусы надъ окружающей мѣстностью. Между тѣмъ центръ гряды постепенно понижается и въ оси Хулумской рѣчки образуетъ грандіозное ущелье, со стѣнами въ нѣсколько сотъ футъ вышины. Я совсѣмъ было погрузился въ созерцаніе этой грандіозной красоты, видѣнной мною еще въ первый разъ. Но я вскорѣ былъ вызванъ изъ этого состоянія непріятнымъ извѣстіемъ, принесеннымъ мнѣ прискакавшимъ во весь опоръ конвойнымъ казакомъ обоза,—что аптечный вьюкъ упалъ. Аптечный вьюкъ! Вѣдь это не простой вьюкъ упалъ. Упади и разбейся вьюкъ съ закусками, съ винами, съ другимъ чѣмъ хотите—бѣда не велика, но аптека!.. Въ здѣшнихъ мѣстахъ она дороже всего. Не будь хины въ аптекѣ—и лихорадки могли бы обработать нашъ миніатюрный отрядецъ также дѣйствительно, какъ и экспедицію Муркрофта. Если не будетъ запасныхъ сухарей—ничего; вездѣ можно достать туземныхъ хлѣбовъ-лепешекъ. Но—бѣда, если бы пришлось лишиться запаса опія...

Понятно, что, получивъ непріятное извѣстіе, я стрѣлой полѣтѣлъ къ обозу и... увидалъ дѣйствительно валяющіеся на землѣ вьючные ящики, а въ сторонѣ отъ нихъ—изнуренную, со сбитой спиной, лошадь, видимо совершенно довольную тѣмъ, что ей удалось отдѣлаться отъ ненавистнаго вьюка. Я бросился къ ящикамъ, отперъ ихъ, открылъ—и могъ свободно перевести духъ: повидимому, разбитыхъ вещей не было.

Такъ какъ это было уже не первое паденіе аптечнаго вьюка, а можно было опасаться, что паденія и впредь воспослѣдуютъ, причемъ едва ли будутъ такъ счастливы, какъ до сихъ поръ,—я обратился къ генералу съ представленіемъ объ опасности подобнаго обхожденія съ аптекой, выставляя на видъ, что въ одно прекрасное время мы вдругъ можемъ остаться безъ грана хинина и безъ капли кислоты.—Мое представленіе было принято какъ слѣдуетъ, и караванъ-баши былъ отданъ строжайшій приказъ—впредь подъ аптеку назначать самую сильную и здоровую лошадь.

Но вотъ мы и въ стѣнахъ ущелья. Только это не ущелье; это скорѣе—громадныя ворота съ гладко отполированными временемъ и рѣкой каменными вереями въ нѣсколько сотъ футъ вышины. Стѣны зеленовато сѣраго цвѣта, мрачны; онѣ своей грандіозностью производятъ на васъ какое-то угнетающее впечатлѣніе. Вверху, тамъ на недосягаемой высотѣ, виднѣется узкая полоска лазурно-голубаго неба; внизу, у самыхъ ногъ шумитъ прорвавшая эту каменную плотину рѣчка, а впереди—мракъ и неясныя очертанія прохода. Ширина ущелья не превышаетъ 40 шаговъ, а мѣстами и того уже. Ширина собственно дороги, которая лѣпится вдоль правой стѣны ущелья, а съ лѣвой стороны ограничивается бушующею рѣчкой, не превышаетъ 5—8 шаговъ,

Когда мы въѣхали въ ущелье,—звуки рожка огласили эти угрюмыя каменныя громады, а бой барабана наполнилъ его могучими, громоподобными раскатами.—Длина ущелья менѣе полуверсты. Затѣмъ оно медленно начинаетъ расширяться и переходитъ въ узкую горную долину, вездѣ слѣдующую за рѣчкой и окаймленную съ обѣихъ сторонъ высокими и очень крутыми, параллельными грядами горъ. Горы мѣстами обнажали свои острыя ребра, и здѣсь можно было видѣть, что они состоятъ изъ глинистаго сланца; мѣстами же обнажен-

ныя кручи видимо представляли просто массы отвердѣлой глины. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ склоны горъ не такъ круты, они были одѣты побурѣвшею, сожженною солнцемъ, тощею травкой и мхомъ; лишаи лѣпились по карнизамъ скалъ.

Берегъ рѣчки вскорѣ оказался уже удобнымъ для земледѣльческой культуры. Тамъ и сямъ появлялись плоскія гряды хлопчатника, изъ растреснувшихся бутоновъ котораго уже выглядывали желтые и алые цвѣты. Еще далѣе—появились и миніатюрные посѣвы пшеницы, но она была уже снята; на поляхъ оставалось только одно жнивье.

Между тѣмъ дорога то шла самымъ берегомъ рѣки, то лѣпилась у отвѣсныхъ скалъ сосѣдней каменной гряды, слегка поднималась въ гору и опускалась... вилась, какъ обыкновенно говорится. Полотно ея превосходно. Лучшаго шоссе и желать не надо. Мѣстами это естественное шоссе покрыто, однако, значительнымъ количествомъ мелкихъ и острыхъ камней, что, конечно, не удобно для лошадей.

Верстахъ въ 10-ти отъ Ташъ-Кургана мы прошли мимо небольшаго селенія съ грудами сноповъ пшеницы и клевера (люцерны) на плоскихъ крышахъ неприглядныхъ жилищъ туземцевъ. Селеніе казалось совершенно необитаемымъ. По дорогѣ, однако, иногда намъ встрѣчались рѣдкіе проѣзжающіе, въ числѣ которыхъ было нѣсколько женщинъ, съ головы до ногъ похороненныхъ въ свои бѣлыя чадры-саваны. Впрочемъ, я видѣлъ и синія покрывала, видѣлъ даже, что скрывается подъ покрываломъ, которое вслѣдствіе неловкаго движенія одной изъ наѣздницъ раскрылось. Но я былъ въ соотвѣтственной степени наказанъ за свое любопытство. Наѣздница, такъ важно возсѣдавшая на своемъ ослѣ, оказалась беззубой старухой съ мертвенно-блѣдными и сухими губами, потухшими глазами и сѣдыми и жесткими, какъ конская грива, волосами. Старуха видимо сконфузилась и судорожно накинула на себя свой саванъ, а я... я перепугался на смерть, увидѣвъ копію съ Макбетовскихъ вѣдьмъ. Боже милосердный! Развѣ должно такъ сурово наказывать простое, хотя бы немного и легкомысленное любопытство?

А дорога продолжаетъ прихотливо извиваться, слѣдуя очертаніямъ ленты рѣчки. Острые гребни горъ неуклонно сопровождаютъ ее. Но вотъ, какъ будто конецъ ущелья. Оно совершенно запирается поперечной стѣной горъ. Гдѣ же дорога? Куда идти? Вы доходите до предположеннаго

вами конца и неожиданно усматриваете, что влѣво открывается прогалина, загибающаяся почти подъ прямымъ угломъ къ прежнему направленію пути. Теперь нужно обогнуть острое ребро, угломъ выдвинувшейся, скалистой массы. А за этимъ ребромъ глазу вашему вдругъ открывается живописная панорама. Ущелье расширяется почти въ правильную кругообразную котловину, съ діаметромъ приблизительно въ одну версту. Рѣчка разрѣзываетъ эту котловину на двѣ неравныя половины. Большая, правая половина только что освобождена отъ созрѣвшихъ хлѣбовъ; меньшая, лѣвая—занята довольно обширнымъ селеніемъ, уютно и живописно расположившимся на уступахъ горнаго амфитеатра. Это селеніе называется Саядъ, и отстоитъ отъ Ташъ-Кургана на 15 верстъ.

Мы переходимъ по деревянному мосту на лѣвый берегъ рѣки. Палатки уже ждутъ насъ, давно приготовленныя и разбитыя на самомъ берегу рѣки. Авганское начальство, сопровождавшее насъ, дѣлаетъ намъ обычный утренній визитъ, спрашиваетъ хорошо ли мы помѣстились и затѣмъ, откланявшись, уходитъ въ свои палатки. Бѣдные казаки! Пятеро изъ нихъ сильно страдали лихорадкой; одинъ изъ нихъ представлялъ даже всѣ признаки опасной, апоплектической формы. У всѣхъ вообще селезенка была очень опухшая, болѣзненная при давленіи.

На слѣдующій день мы поднялись рано утромъ, часа въ три. Было еще совсѣмъ темно. Сильно хотѣлось спать. Однако сѣли на лошадей. Казаки выстроились въ линію и—«здравія желаемъ, ваше—ство»! прогудѣло въ ночномъ воздухѣ въ отвѣтъ на привѣтствіе начальника. Снова пришлось переѣхать черезъ мостъ, пройти съузившимся ущельемъ, потомъ довольно широкой долиной, повидимому воздѣланной (въ темнотѣ нельзя было разглядѣть, какъ слѣдуетъ); направо—горы, на лѣво — тѣ же горы; дорога то мягкая, то каменистая; нѣсколько разъ пришлось переѣзжать черезъ оросительныя канавы; потомъ—пологій подъемъ, за нимъ крутой и длинный спускъ—вотъ и все, что можно сказать о сегодняшнемъ переходѣ. Въ темнотѣ приходилось ѣхать положительно ощупью. Даже яркія, южныя звѣзды—и тѣ плохо помогали. Луна же зашла этою ночью во второмъ часу по полуночи; по этому мы не могли воспользоваться ея освѣтительными услугами. Ѣхали по причинѣ темноты, конечно, очень тихо.

Около 6-ти часовъ утра, когда уже сдѣлалось довольно свѣтло, при спускѣ съ горы мы увидали влѣво отъ дороги, въ 5-ти верстахъ разстоянія, повидимому довольно большое селеніе Хазретъ-Султанъ. Оно такъ и осталось въ сторонѣ отъ насъ. По окончаніи спуска дорога пошла вдоль большаго оросительнаго канала, который тянулся до самаго селенія Бадесьябъ, гдѣ была назначена наша дневная стоянка.

По пріѣздѣ на какую либо станцію, я всегда сначала оріентируюсь. Такъ я сдѣлалъ и здѣсь. Наша стоянка, а также и не особенно большое селеніе Бадесьябъ, расположены въ закрытой лощинѣ. Съ запада и востока лощина эта ограничивается круто поднимающимися, какъ бы отдѣльно стоящими, скалистыми холмами, достигающими нѣсколько сотъ футъ высоты. Съ сѣверо-востока тянутся поля, доходящія, повидимому, до селенія Хазретъ-Султана, съ сѣвера и сѣверо-запада—плоская возвышенность, по которой мы спустились къ селенію, а съ юга лощина остается совершенно открытой. Я очень былъ доволенъ, что въ Самаркандѣ, передъ отъѣздомъ, купилъ ради шутки компасъ-бездѣлушку, всего за 30 коп. Теперь эта бездѣлушка, привѣшенная для удобства къ часовой цѣпочкѣ, служила мнѣ хорошую службу. При каждомъ взглядѣ на часы, я вмѣстѣ съ тѣмъ пользовался и компасомъ, и при томъ въ формѣ, совершенно исключающей всякое подозрѣніе авганцевъ, повидимому очень усердно подсматривавшихъ за намъ и не мало возмущавшихъ, вслѣдствіе этого, нашего «натуралиста». Разъ онъ совсѣмъ было попался. Это случилось какъ разъ въ то время, когда онъ отмѣчалъ въ своей аспидной книжкѣ, послѣдній поворотъ дороги и какое-то селеніе. Мосинъ-ханъ, почему-то особенно полюбившій сосѣдство «натуралиста», не замедлилъ спросить, что это у него за книжка? Но «натуралистъ» состроилъ физіономію молящагося человѣка, пошевелилъ нѣсколько секундъ губами, глубокомысленно потомъ помолчалъ, тяжко вздохнулъ... и наконецъ съ чувствомъ захлопнулъ свою книжку. Подобная продѣлка лучше всякаго отвѣта удовлетворила Мосинъ-хана и, кажется, совершенно успокоила его относительно дальнѣйшихъ заглядываній топографа въ его «черную» книжку.

Обычная палатка индійскаго типа уже ждала насъ на мѣстѣ остановки. Но было еще такъ рано (8 часовъ утра), воздухъ былъ такъ

свѣжъ и чистъ, наконецъ было совершенно прохладно (только 20°С.— что составляло почти необыкновенное явленіе для насъ, привыкшихъ въ предыдущіе дни къ 30° жарѣ даже и во время ночи), что положительно не хотѣлось воспользоваться ея гостепріимной тѣнью.

Сегодня Мосинъ-ханъ съ чего-то вздумалъ угощать меня своимъ прохладительнымъ напиткомъ. На дворѣ 25°С. въ 10 часовъ утра, а Мосинъ-ханъ, предлагаетъ свой прохладительный «аби-лиму»! Нечего сказать, время выбрано какъ нельзя болѣе кстати, особенно если вспомнимъ, что во время самыхъ сильныхъ жаровъ, доходившихъ до 44, 3 ° С. въ тѣни, тотъ же Мосинъ-ханъ и не заикнулся о своемъ «прохладительномъ» нектарѣ. Но, да отпуститъ ему Аллахъ его усердіе не по разуму! Все же попробуемъ этотъ нектаръ. «Аби-лиму», въ переводѣ съ персидско-англійскаго жаргона, на которомъ произносится это сложное слово, значитъ — лимонная вода. Это есть ничто иное, какъ сгущенная водная вытяжка лимоновъ мѣстнаго произрастанія [1]). Къ этой вытяжкѣ прибавлено немного сахарнаго песку и, кажется, водки. Напитокъ довольно пріятный и совершенно соотвѣтствуетъ своему назначенію — прохладительнаго. Но оказалось, что если Мосинъ-ханъ и пьетъ этотъ напитокъ, если и признаетъ за нимъ прохлаждающее свойство, то вовсе не потому, чтобъ онъ самъ по себѣ былъ таковымъ. Ни чуть не бывало! Все прохлаждающее дѣйствіе и вся пріятность этого напитка, по его мнѣнію, пріобрѣтаются только тогда, когда въ него всыпятъ нѣкоторое количество какихъ-то сѣмянъ, похожихъ по своему виду и цвѣту, а равно и величинѣ, на тыминныя. Эти сѣмяна имѣютъ способность разбухать въ жидкости, вслѣдствіе чего они дѣлаются слизистыми. Мосинъ-ханъ увѣрялъ, что именно эти-то сѣмяна и производятъ прохладительное дѣйствіе, что безъ нихъ «аби-лиму» ничего не значитъ...

Послѣ завтрака часть пословъ легла спать, часть же болѣе подвижная, еще неугомонившаяся отъ гнета жизненнаго опыта, заявляла желаніе что-либо сдѣлать, куда-либо пойти, осмотрѣть окрестности,— ну хотя бы вотъ развалины этой вѣтряной мѣльницы, торчащей передъ глазами и почему-то выстроенной на очень крутомъ холмѣ, такомъ крутомъ и высокомъ (до 150 футовъ вышины), что доставка и

---

[1]) Кажется, мѣстные лимоны растутъ только въ Джелалабадѣ.

отправка зерна и муки туда и оттуда были вѣроятно сопряжены съ большими трудностями. Я сомнѣваюсь, что это развалины мельницы. Къ чему строить ее на такомъ неудобномъ мѣстѣ, тѣмъ болѣе, что широкая оросительная канава позволяетъ устроить на ней водяную мельницу съ меньшими затратами и большими удобствами? Я скорѣе готовъ принять эти развалины за остатки замка или укрѣпленія. Во всякомъ случаѣ, отчего не убѣдиться въ сущности этихъ развалинъ? Холмъ какъ ни крутъ, но пѣшкомъ взойти на него можно. Опять же—онъ отстоитъ отъ нашей палатки—самое большее—шаговъ на 200. Теперь слѣдуетъ испрошеніе позволенія: сходить къ развалинамъ на холмѣ. За испрошеніемъ слѣдуетъ... что?—«Конечно, позволеніе», подсказываетъ читатель, и подсказываетъ неосновательно и на свой собственный страхъ. Выведу васъ изъ неизвѣстности: послѣдовало veto—«опасно». Эта фраза стала теперь въ средѣ миссіи стереотипной; значитъ, оставалось только присоединиться къ почивающимъ.

На слѣдующій день... Впрочемъ нѣтъ, это была еще ночь, и довольно глубокая,—когда мы снова отправились въ путь. Звѣзды совсѣмъ еще «не догорали»; нѣтъ, они еще ярко блестѣли, не торопясь, въ полномъ сознаніи своихъ правъ освѣщать нашу хладную планету еще въ продолженіи едва-ли не цѣлой половины ночи. Господи, какъ не хотѣлось подниматься такъ рано! Нѣкоторые больные казаки, измученные лихорадочнымъ пароксизмомъ, сжигавшимъ ихъ во весь предыдущій день, едва только забылись было, едва только благодѣтельный сонъ дѣйствительно принесъ было имъ благодѣяніе,—какъ теперь они должны были снова сѣсть въ сѣдла и трястись въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ...

Тѣмъ не менѣе, сигнальный рожокъ оглашаетъ своими рѣзкими звуками окрестные холмы и будитъ ночное эхо. Но онъ будитъ также и нашъ маленькій станъ. Вотъ глухо зарокоталъ барабанъ—и мы двинулись. Было очень темно, такъ темно, что въ нѣсколькихъ шагахъ—«зги не было видно». Едва мы сдѣлали нѣсколько шаговъ, какъ кто-то изъ всадниковъ вдругъ исчезъ, точно сквозь землю провалился. Послышались барахтанье и крики. Ѣхавшіе рядомъ тотчасъ сошли съ лошадей и бросились на помощь упавшему всаднику. Оказалось, что это былъ Замаанбекъ. Его лошадь въ темнотѣ не замѣтила ямы, оступилась и упала въ нее. Конечно и всадникъ неми-

нуемо упалъ вмѣстѣ съ лошадью. Къ счастію, паденіе обошлось довольно дешево. Замаанбекъ получилъ только легкій ушибъ лѣвой ноги, а лошадь вывихнула правое плечо. Перемѣнивъ себѣ лошадь, Замаанбекъ опять сѣлъ въ сѣдло.

И поѣхали мы въ темнотѣ ночи далѣе. Объ этомъ переходѣ можно сказать только то, что ѣхали мы съ часъ какимъ-то косогоромъ, причемъ влѣво возвышалась гряда горъ. Изрѣдка на встрѣчу намъ попадались одиночныя хижины. Одинъ Богъ знаетъ—воздѣланное-ли было то поле, по которому мы ѣхали и которое, повидимому, довольно далеко тянулось вправо,—или нѣтъ. Попались двѣ-три оросительныя канавы, изъ чего можно было заключить, если ужъ нельзя было видѣть, что поле какъ будто и воздѣлано. О направленіи пути можно было судить только по положенію полярной звѣзды. Потомъ мнѣ топографъ говорилъ, что для отсчитыванія градусовъ на буссоли онъ закуривалъ папиросу и, при свѣтѣ ея, съ грѣхомъ пополамъ, отмѣчалъ углы. Ѣхали опять тихо, и опять по причинѣ темноты. Только уже спустя нѣсколько часовъ ѣзды, когда обозначился разсвѣтъ, а бѣловатая волнистая пелена утренняго тумана стала медленно подниматься и исчезать; когда вслѣдъ затѣмъ первые лучи восходящаго солнца прорѣзались черезъ острые зубцы горъ и потянулись золотыми нитями по вибрирующему утреннему туману—только тогда стало возможнымъ отдать себѣ отчетъ въ томъ, гдѣ мы ѣхали. Теперь мѣстность представлялась обширной равниной, вытянутой съ юго-востока на сѣверо-западъ. Въ длину глазъ обнималъ ее верстъ на 15. Ширина ея представлялась около 5—7 верстъ. Она вся сплошь воздѣлана. Среди полей тамъ и сямъ виднѣлись селенія, буквально утонувшія въ тѣнистыхъ, зеленѣющихъ садахъ. Теперь можно было видѣть, а не догадываться только, какъ раньше, что та рѣчка, черезъ которую мы переходили въ бродъ, еще когда было темно,—Хулумская рѣчка.

Обширная долина очевидно была хорошо заселена и воздѣлана. Вскорѣ потомъ мы проѣхали мимо одного селенія, названіе котораго осталось для меня неизвѣстнымъ. Еще раньше этого селенія слѣва присоединилась къ нашей дорогѣ прямая дорога изъ Хазретъ-Султана.

Теперь дорога представлялась широкой и удобной для движенія колесныхъ экипажей. Повидимому по ней происходитъ большое дви-

женіе, такъ какъ она сильно избита арбяными колеями и тропами вьючныхъ каравановъ. Мы постепенно приближались къ юго-восточному концу долины. Селенія, расположенныя по рѣкѣ Хулумъ, протекающей почти по срединѣ долины, становились все значительнѣе, а сады гуще. Наконецъ мы достигли каменнаго моста о нѣсколькихъ устояхъ, переброшеннаго черезъ рѣку Хулумъ. Мостъ очень крѣпкій, хорошій, сдѣланъ онъ изъ большихъ камней, сводчатый; своды каменные. Перебравшись на другую сторону, мы сейчасъ же въѣхали въ селеніе и ѣхали садами его, до самой стоянки. За версту приблизительно отъ нея, пришлось въѣхать въ улицы селенія Гейбекъ. Это очень большое селеніе; на пути намъ пришлось нѣсколько разъ сворачивать изъ одной улицы въ другую. Снова перешли по мосту, перекинутому черезъ глубокій оврагъ, по дну котораго течетъ ручей, поднялись въ гору, потомъ опять спустились къ рѣчкѣ, прошли нѣсколько сотъ шаговъ вдоль ея берега, и пришли къ двумъ огромнымъ чинарамъ. Подъ тѣнью этихъ чинаровъ-гигантовъ и были разбиты наши палатки. Выборъ этого мѣста подъ станцію дѣлалъ честь эстетическому вкусу авганцевъ. Чинары были такъ вѣтвисты, что наша огромная индійская палатка, а также и всѣ остальныя, были совершенно покрыты ихъ тѣнью.

Привалъ. Опять нѣкоторые изъ насъ легли спать; опять нѣкоторые бодрствовали...

— Docteur! послышался обычный возгласъ генерала.—Ну, что?.. какъ?.. Вѣдь воздухъ чудный; я думаю, что и высота здѣсь довольна значительная (высота по англійскимъ свѣдѣніямъ около 4.000 ф.). Что казаки? Теперь они, я думаю, должны поправляться. Вѣдь уже здѣсь... высокое положеніе мѣста... ну и вода опять же... скажите пожалуйста, вѣдь все это должно хорошо подѣйствовать?

Я согласился съ мнѣніемъ генерала, что казаки должны дѣйствительно поправиться, что мѣстность дѣйствительно довольно возвышенная, но прибавилъ, что на Кавказѣ есть очень высокія, но въ тоже время и очень лихорадочныя мѣстности.

Генералъ сейчасъ же увлекся воспоминаніями своей службы на Кавказѣ. Онъ много говорилъ о знаменитой Лезгинской линіи, гдѣ онъ былъ одно время окружнымъ начальникомъ, о Дагестанѣ, и т. п. Теперь говорилъ и полковникъ, вызванный изъ своей дремоты назва-

ніемъ знакомыхъ мѣстъ. У генерала и полковника относительно Кавказа было очень много точекъ соприкосновенія; какъ тотъ, такъ и другой служили долго на Кавказѣ.

Во время завязавшагося такимъ образомъ разговора, пересмотра взаимныхъ воспоминаній генерала и полковника, я вышелъ изъ палатки и, увлекшись любознательностью, отправился на близь лежащій холмъ. Со мной пошелъ также и топографъ.

Мы перелѣзли черезъ глиняный заборъ, отдѣлявшій нашъ лагерь отъ холма, на которомъ возвышалось укрѣпленіе, и полѣзли вверхъ, въ гору. Авганскіе часовые видѣли насъ, но нисколько не воспрепятствовали намъ идти далѣе. Все выше и выше мы взбирались по крутому каменистому скату горы, поровнялись съ укрѣпленіемъ, обошли его вправо и, черезъ нѣсколько минутъ, достигли высшей точки холма. Передъ нами, какъ на ладони, видна была вся обширная долина Гейбека. Далеко на западѣ терялась пройденная нами въ этотъ день часть долины. Съ сѣвера она стѣсняется въ этомъ мѣстѣ горами, но за то къ сѣверо-востоку снова расширяется и уходитъ изъ глазъ. Къ югу—горы начинаются тѣмъ холмомъ, на которомъ мы стояли, а къ юго-востоку виднѣлась съуженная лощина Хулумской рѣки, теряющаяся вскорѣ въ изгибахъ Гейбекскаго ущелья.

Селеніе Гейбекъ состоитъ въ сущности изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ селеній, полулунно окаймляющихъ тотъ холмистый выступъ южной гряды горъ, на которомъ мы стояли, и на которомъ, нѣсколькими десятками футовъ ниже насъ, расположено укрѣпленіе. Это укрѣпленіе состоитъ изъ замка въ нѣсколько этажей, обнесеннаго высокими глинобитными стѣнами. Укрѣпленіе положительно господствуетъ надъ селеніемъ и примыкающими къ нему восточной и сѣверной частями долины. Во многихъ мѣстахъ изъ темной массы садовъ вставали гигантскія деревья, высоко поднимаясь надъ общимъ лиственнымъ уровнемъ долины. Это были, по всей вѣроятности, такіе же могучіе чинары какъ и тѣ, въ тѣни которыхъ пріютились наши палатки.

Едва топографъ успѣлъ сдѣлать нужныя для маршрута засѣчки и замѣтки, едва я успѣлъ познакомиться съ общей и, нужно отдать справедливость, весьма грандіозной картиной мѣстности, какъ мгновенно очутившійся возлѣ насъ авганскій часовой съ жаромъ что-то началъ разсказывать и махать руками по направленію внизъ, къ на-

шей стоянкѣ. Изъ всего, что онъ говорилъ, я понялъ только: «не мишеветъ» и «джернель». Не мишеветъ—нельзя и джернель—генералъ—были истолкованы нами въ томъ смыслѣ, что генералъ требуетъ насъ къ себѣ. Дѣлать нечего, пришлось возвратиться въ лагерь и выслушать выговоръ за самовольную отлучку со стоянки.

Ко мнѣ приносили въ этотъ день одного больнаго старика, болѣзнь котораго состояла единственно въ его старости; онъ давно позабылъ счетъ своимъ годамъ. Понятно, что тутъ therapia—nulla.

На слѣдующій день, 12-го іюля, мы прошли величественнымъ ущельемъ Дере-и-Зенданъ. Ущелье это называется также Гейбекскимъ. Бёрнсъ, прошедшій этимъ ущельемъ въ 1832 г. объясняетъ происхожденіе названія ущелья «дере-и-зенданъ» тѣмъ, что оно будто-бы такъ мрачно, стѣны его такъ высоки и такъ близко отстоятъ другъ отъ друга, что лучи солнца никогда незаглядываютъ сюда, отчего здѣсь царитъ постоянный мракъ, какъ въ тюрьмѣ [1]) (дере-и-зенданъ—значитъ по русски: «проходъ темницы»). Я долженъ сказать, что почтенный Бёрнсъ въ данномъ случаѣ игру своей фантазіи превратилъ въ дѣйствительность.

Скалистыя стѣны ущелья, дѣйствительно, очень высоки, мѣстами достигаютъ 500 фут. высоты, при чемъ они часто отвѣсны; но доступъ солнечнымъ лучама въ ущелье возможенъ уже потому, что главное направленіе оси ущелья—съ сѣвера на югъ. Кромѣ того, мѣстами ущелье достигаетъ версты шириною, и никогда не уже 50 саженъ. Если-бы я незналъ достовѣрнаго объясненія столь интереснаго названія ущелья, то я скорѣе-бы объяснилъ происхожденіе его чисто оптическими причинами. Дѣло въ томъ, что ущелье по оси иногда загибается то въ одну, то въ другую сторону. Въ отрѣзкѣ ущелья между двумя подобными загибами, въ силу законовъ линейной перспективы, вы не видите ни входа ни выхода изъ ущелья и такимъ образомъ, видя себя окруженными со всѣхъ сторонъ отвѣсными, часто очень высоки стѣнами, чувствуете себя какъ бы похороненнымъ заживо въ громадной ямѣ—тюрьмѣ. Я говорю, что я далъ-бы, такое объясненіе этимологіи слова, если-бы не зналъ настоящаго происхож-

---

[1]) Борнсъ, путешествіе въ Бухару, ч. 2-я стр. 292.

денія этого названія. Но оно очень просто и дѣлаетъ совершенно ненужнымъ всевозможныя измышленія по этому поводу. Верстахъ въ пяти къ югу отъ Гейбека, у селенія Акамъ, на сѣверной стѣнѣ ущелья видны остатки пещеръ. Эти то пещеры и играли прежде, а можетъ быть и теперь еще играютъ, роль тюрьмы. Тутъ, говорятъ, нѣкогда долгое время содержался какой-то извѣстный среднеазіатскій узникъ. Но я никакъ не могъ узнать, что это за узникъ былъ, и на этотъ разъ моя страсть—собирать различныя сказанія и преданія не была удовлетворена.

Въ этотъ день мы выѣхали съ мѣста стоянки часовъ въ 7 утра. На этотъ разъ мы отдали каждому должное: ночи—сонъ, а дню—бодрствованіе. За то, съ какимъ удовольствіемъ я сдѣлалъ сегодняшній переходъ! Я имѣлъ полную возможность любоваться грандіозными, отвѣсными, блестящими, известковыми скалами; прекрасными плодовыми садами, которые точно сплошной лѣсъ тянутся по ущелью на протяженіи первыхъ 10-ти верстъ перехода; бурною, клокочущею и кипящею въ водоворотахъ и водопадахъ рѣкою, милліономъ брызгъ орошающею нависшія надъ рѣкой вѣчныя скалы... Въ ущельѣ, на различныхъ разстояніяхъ другъ отъ друга расположены селенія, куполообразныя дома которыхъ, точно улья на безконечной пасекѣ, выглядывали тамъ и сямъ изъ древесной чащи. Розово-золотистые абрикосы, пурпурно-бокіе персики и сочныя гроздья винограда, смѣняли и дополняли другъ друга. Мѣстами сады прерываются и даютъ мѣсто хлѣбнымъ посѣвамъ, правда, довольно миніатюрнымъ. Кукуруза уже выколосилась и гордо возвышала свои блѣдноватыя, вѣтвистыя шишки; мощные стебли джугары сгибались подъ тяжестью еще не созрѣвшихъ кистей ея...

Все ущелье буквально залито было золотымъ солнечнымъ свѣтомъ, а надъ всѣмъ этимъ, выше зубчатыхъ скалъ, отражающихся въ зеркалѣ рѣки, выше кружевныхъ узоровъ острыхъ гребней горъ, тѣсными объятіями обнимающихъ нескончаемый зеленѣющій садъ-лѣсъ, смотрѣло на землю ясное темно-голубое небо, не омраченное ни малѣйшей облачной тѣнью...

Верстахъ въ 15 отъ Гейбека сады прекращаются; миніатюрные посѣвы на нѣкоторомъ протяженіи еще оспариваютъ владычество надъ ущельемъ у все болѣе и болѣе сдвигающихся скалистыхъ массъ.

Скоро, однако, и они исчезаютъ—и ущелье пріобрѣтаетъ мрачный, но все же величественный характеръ.

Дорога по ущелью возможна только для вьючнаго обоза; арбы здѣсь во многихъ мѣстахъ не могутъ пройти. Дорога то идетъ у самаго берега рѣки. то лѣпится по карнизамъ, высоко нависшимъ надъ потокомъ, переходитъ съ одного берега на другой—вообще «колеситъ». Въ мѣстахъ перехода ея съ одного берега на другой устроены хорошіе каменные мосты, настолько широкіе, что по нимъ свободно могутъ проходить два всадника рядомъ.

Мѣстами дорога загромождена крупной галькой, булыжникомъ и обломками сосѣднихъ скалъ. Путь въ этихъ мѣстахъ требуетъ большой осторожности со стороны всадника. На слабоногой лошади здѣсь ѣхать болѣе, чѣмъ рискованно.

Но вотъ загрохоталъ барабанъ—и всѣ остановились. Здѣсь ровно половина пути до слѣдующей станціи; надо дать отдохнуть и лошадямъ и людямъ. А затѣмъ—опять впередъ! Черезъ нѣсколько верстъ пути мертвое однообразіе ущелья, хотя бы и грандіознаго, начинаетъ надоѣдать. Скалы и камни; камни и водовороты; потомъ опять скалы, камни... Голо, мертво, пусто! Ни одна вѣтка зелени не оттѣняетъ этихъ суровыхъ скалъ. Скоро ли начнутся опять сады? Нѣсколько разъ ущелье вѣтвилось, дѣлилось вилообразно, посылало въ разныя стороны много побочныхъ щелей, но характеръ его оэтавался все тотъ же.

Вдругъ, послѣ одного поворота, глазамъ сразу представилась роща гигантскихъ абрикосовыхъ деревьевъ, плотно прижавшихся къ правой стѣнѣ ущелья. Потомъ начали появляться, одинъ за другимъ, небольшіе садики, каждый непремѣнно съ куполообразнымъ домомъ въ своей густой чащѣ. Стѣны ущелья постепенно раздвигались; скалы стали не такъ отвѣсны. Появились опять и миніатюрныя поля. «Скоро-ли Саръ-багъ?»—«Якъ курухъ», отвѣчаетъ Мосинъ-ханъ.—Курухъ? что это за мѣра пути? А это авганская, или вѣрнѣе—индѣйская мѣра пути=4,000 шаговъ. Четыре тысячи шаговъ—это немного. Но вотъ вы сдѣлали, по вашему разсчету, эти четыре тысячи, и даже слишкомъ; по сторонамъ раскинуты густые сады; они манятъ васъ отдохнуть подъ своею тѣнью, а между тѣмъ знакомыхъ палатокъ не видно. Мосинъ-ханъ не подаетъ никакого знака, чтобы

остановились; а главное—не играетъ рожокъ. Теперь вошло въ правило, что рожокъ играетъ передъ выступленіемъ со станціи и передъ приходомъ на нее. Поэтому лишь только заслышится во время ѣзды рѣзкій звукъ рожка, какъ всякій изъ насъ уже знаетъ, что это вѣрный знакъ прибытія на станцію. А теперь рожокъ молчитъ, да и только! Вотъ снова зачѣмъ-то мы полѣзли по высокому карнизу; взбираемся все выше и выше, прошли опустѣвшимъ селеніемъ съ разрушенными домами. Разрушенные дома? Опустѣвшее селеніе! И это въ такомъ прекрасномъ саду, которымъ занята вся лощина? Что это значитъ? [1]). А золотые абрикосы такъ и манятъ васъ къ себѣ, крупныя грани грецкихъ орѣховъ висятъ надъ самой вашей головой; стоитъ только протянуть руку—и эта грань къ вашимъ услугамъ. Вотъ видны и «чалтыки» (рисники), расположенные тамъ далеко внизу, подъ ногами. Затѣмъ—снова спускъ, верста ѣзды по густымъ садамъ, и наконецъ станція Саръ-Багъ.

Саръ-багъ—такая чудная мѣстность, что трудно поддается простому описанію. Все же я попробую это сдѣлать. Только, предварительно, надо отдать должную дань аппетиту, сильно возбужденному 30-ти верстнымъ переходомъ. Здѣсь мы позавтракали шашлыкомъ, а дессертъ составляли сочныя, вкусныя вишни.

Наши палатки разбиты въ тѣнистомъ саду, на прекрасномъ зеленомъ газонѣ. Садъ, состоящій только почти изъ плодовыхъ деревьевъ, за исключеніемъ немногихъ карагачей и чинаровъ, представляетъ небольшую площадку, ограниченную съ трехъ сторонъ отвѣсной сланцевой скалой. Изъ подъ этой скалы съ шумомъ вырываются три мощныхъ источника, разрѣзавшихъ, въ своемъ теченіи, нашу зеленѣющую площадку на нѣсколько маленькихъ островковъ. Прозрачность, чистота и вкусъ воды чрезвычайны. Ложе источниковъ блещетъ разнообразной мозаикой изъ разноцвѣтныхъ камешковъ, а берега обрамлены бордюромъ изъ разнообразныхъ цвѣтовъ.

Гирлянды виноградной лозы и повилики перекинулись въ нѣкоторыхъ мѣстахъ черезъ потокъ, образуя живые зеленые мосты, на ко-

---

[1]) Moorkroft (смотри выше, примѣч. къ стр. 163) говоритъ, что селевіе это разрушено извѣстнымъ Мурадъ-Бегомъ, «Кундузскимъ воромъ», въ 1823 году.

торыхъ слегка качались еще незрѣлые виноградные гроздья. Къ востоку и сѣверо-востоку отсюда открывается восхитительный видъ на расширившееся ущелье и возвышавшуюся за нимъ зубчатую стѣну прихотливо нагроможденныхъ другъ на друга скалъ. Надъ площадкой господствуютъ два гигантскихъ чинара, высотой спорящіе съ сосѣдними каменными великанами.

Я долженъ сказать, что почти во всѣхъ селеніяхъ, которыми мы до сихъ поръ проѣзжали, начиная съ Ташъ-Кургана,—непремѣнное явленіе составляетъ чинаровое дерево, служащее какъ бы представителемъ здѣшней могучей растительности. И нужно замѣтить, что едва ли есть что либо въ растительномъ мірѣ Средней Азіи величественнѣе и прекраснѣе этихъ деревьевъ! Даже карагачъ, этотъ среднеазіатскій дубъ по роли, которую онъ здѣсь играетъ,—и тотъ не можетъ, по моему мнѣнію, выдержать сравненія съ чинаромъ.

Сейчасъ же по прибытіи миссіи на станцію, мѣстность была тщательно изслѣдована мною и топографомъ. Генералъ сегодня дозволилъ намъ сдѣлать небольшую экскурсію по окрестностямъ. На этотъ разъ мы путешествовали въ сопровожденіи авганскаго конвоя.

А на слѣдующій день, часовъ въ 8 утра, мы опять выступили въ путь. Во весь этотъ переходъ, длиною въ 13 верстъ, дорога идетъ по сплошь воздѣланной и густо заросшей деревьями мѣстности. Это—все то же ущелье, которымъ мы шли и вчера, мѣстами расширяющееся, мѣстами съуживающееся, но вездѣ воздѣланное. Оно представляетъ собою какъ бы одинъ безпрерывный садъ. И что за роскошная растительность здѣсь! Въ селеніи Хуремъ я видѣлъ стволы виноградной лозы толщиною въ футъ! Здѣсь виднѣлось также много кустовъ барбариса, что указывало на возможность произрастанія его рядомъ съ виноградной лозой; для русскаго Туркестана это не совсѣмъ обычное явленіе.

Дорога изъ Саръ-бага въ Хуремъ идетъ сначала на протяженіи двухъ верстъ прямо на югъ, а затѣмъ круто поворачиваетъ на западъ, уклоняясь здѣсь отъ Хулумской рѣки вправо. Но затѣмъ, версты черезъ 3—4, именно пройдя селеніе Гази-Мазаръ, опять поворачиваетъ на югъ. Потомъ она извивается сообразно изгибамъ рѣки Хулумъ, черезъ которую нѣсколько разъ переходитъ съ одного берега

на другой. Въ этихъ мѣстахъ вездѣ устроены хорошіе каменные, на быкахъ, мосты.

На половинѣ дороги была сдѣлана небольшая остановка; Дебиръ угощалъ насъ здѣсь сухими плодами и чаемъ.

Потомъ общее направленіе дороги, особенно за 2—3 версты до Хурема, и въ немъ самомъ, держится юго-востока. Здѣсь ущелье, обставленное все такими же гигантскими, почти вездѣ отвѣсными, чрезвычайно живописными скалами, расширяется до того, что позволяетъ обрабатывать довольно большіе участки земли подъ посѣвы разныхъ хлѣбовъ. Мы ѣхали въ теченіи нѣкотораго времени полями, покрытыми густой нивой еще не сжатой пшеницы. Просо едва выходило «въ трубку».

На пути по селенію, которое растянулось на 2—3 версты,— встрѣчалось много мечетей. Я обратилъ вниманіе на это обстоятельство, и узналъ, что Хуремъ попреимуществу заселенъ мусульманскимъ духовенствомъ. Земля эта составляетъ его неотъемлемую собственность; даже кабульскіе эмиры не могутъ по своему произволу распоряжаться ею.

Дебиръ при этомъ сообщилъ, что будто не только мы, посольство, но и онъ самъ, Дебиръ, и сопровождающіе его конвойные авганцы, здѣсь не болѣе, какъ гости. Поэтому онъ просилъ миссію не быть взыскательною, если здѣсь угощеніе будетъ не такъ хорошо, какъ бы могъ устроить его самъ Дебиръ. Понятно, что мы не могли быть взыскательными, если бы наши духовные хозяева вздумали угостить насъ даже пищей св. Антонія. Но кто же лучше духовныхъ отцовъ всѣхъ странъ и религій знаетъ толкъ въ угощеніи? Достаточно сказать, что лучшій ликеръ выдуманъ бенедиктинскими монахами. Муллы Хурема не ударили лицомъ въ грязь и угостили «кафировъ» на славу, т. е. прислали намъ плова и великое множество шашлыковъ. Обѣдъ достопочтенныхъ мусульманскихъ отцовъ былъ орошенъ русской мадерой.

Въ этотъ день нѣкоторые изъ казаковъ не вынесли соблазна— выкупались въ рѣкѣ. Я думаю, что только близость довольно широкой, многоводной рѣки и соблазнила ихъ на купанье. Т° воздуха вотъ уже въ продолженіи 3-хъ дней стоитъ очень умѣренная. Въ Саръ-багѣ въ 2 ч. дня она была 29° С, а здѣсь, въ Хуремѣ, въ 1 ч.

дня, 30,2°С. Эти цифры въ сравненіи съ данными t°, какія мы имѣли въ степной мѣстности авганскаго Туркестана, гдѣ обычное явленіе составляли 40 и 41° С., конечно, очень не высоки. Онѣ пріобрѣтаютъ еще большее значеніе, если я скажу, что утренняя и вечерняя t° (въ 7 часовъ) для Саръ-бага была 28,2° С. и 27°, а для Хурема 24,6° и 24° С. Изъ цифръ видно, что здѣсь совсѣмъ нѣтъ тѣхъ рѣзкихъ суточныхъ колебаній t°, которыя наблюдались въ степной мѣстности Авганскаго Туркестана.

Это постоянство t°, чистый хорошій воздухъ, прекрасная мѣстность, по которой мы ѣхали уже въ продолженіи трехъ дней,—сдѣлали то, что новыхъ случаевъ заболѣванія лихорадкой въ средѣ миссіи болѣе не наблюдалось. Казаки снова повеселѣли, послышались и пѣсни, совсѣмъ было замолкшія со времени почти повальнаго заболѣванія лихорадками въ Мазари-Шерифѣ; лица у всѣхъ прояснились и оживились тою беззавѣтной удалью, которая вездѣ сопровождаетъ русскаго солдата, а казака особенно.

Казакъ, подобно туркмену, часто своего коня любитъ и холитъ болѣе самого себя. Поэтому было бы не естественно, если бы онъ, выкупавшись самъ, забылъ выкупать и свою «савраску» или «гнѣдышку»; послѣдніе также вволю насладились прохладной ванной въ быстрой рѣкѣ. И, ржанье лошадей и гоготъ и гамъ казаковъ долго носились надъ сонной рѣкой, будя эхо тѣнистыхъ, обрамлявшихъ берега рѣки, садовъ.

Слава Богу! Мы теперь встаемъ и выступаемъ въ путь не съ полуночи. Самое раннее—въ 6 часовъ утра. Вотъ если бы теперь добиться еще того, чтобы по утрамъ, передъ выступленіемъ въ путь подкрѣпляться завтракомъ,—тогда было бы совсѣмъ хорошо. А то—трястись 25—30 верстъ въ сѣдлѣ, на тощій желудокъ, совсѣмъ неудобно. Генералъ, однако, думаетъ иначе: онъ противъ завтрака. Я думаю, что и въ этомъ случаѣ, т. е. отказываясь отъ завтрака, онъ руководствуется чувствомъ ложно понятой деликатности по отношенію къ авганцамъ.

Сегодня у насъ 14-е іюля и мы перевалили черезъ первый перевалъ въ системѣ Гинду-Куша, по Бамьянскому пути. Дорога на протяженіи первыхъ 7—8 верстъ отъ Хурема тянется все тѣмъ же ущельемъ, которое началось у Гейбека. За селеніемъ Пули-абъ-

Джили каменный мостъ, переброшенный черезъ рѣку Хулумъ, приводитъ насъ на правый берегъ ея. Вслѣдъ за этимъ дорога, оставивъ рѣку вправо, начинаетъ взбираться въ гору. Широкая вначалѣ дорога потомъ, по мѣрѣ поднятія въ гору, становится узкой тропой, выбитой въ скалистомъ ложѣ. Подъемъ тянется версты двѣ. Затѣмъ, достигнувъ высшей точки подъема, она въ продолженіи нѣкотораго времени идетъ почти по горизонтальной плоскости. Потомъ небольшой спускъ приводитъ насъ въ узкую, безводную долину, которая, въ свою очередь, заканчивается очень узкимъ, загроможденнымъ камнями ущельемъ. За этимъ ущельемъ начинается опять нѣсколько расширенная долина, переходящая во второй подъемъ. Но вотъ опять спускъ. Здѣсь нужно спуститься только за тѣмъ, чтобы черезъ нѣсколько минутъ ѣзды снова подняться на еще болѣе высокій перевалъ. Этотъ-то перевалъ и есть собственно Чембаракъ, хотя имя это носитъ и вся группа переваловъ между Хуремомъ и Руи. Прежде, чѣмъ подняться на послѣдній, т. е. на третій, по счету, перевалъ, дорога круто поворачиваетъ на западъ. Зигзагообразно взбираясь по каменистой и очень крутой покатости, она доходитъ до высшей точки перевала, при чемъ на протяженіи $^1/_4$ версты тропа буквально выбита въ скользкой скалѣ. Большинство изъ насъ здѣсь спѣшилось, а Мосинъ-ханъ, какъ говорится, «и въ усъ себѣ не дулъ». Его цѣпкій «кадагани» [1]) не знаетъ что такое трудная и скользкая дорога. Онъ даже и не разбираетъ, есть дорога или ея нѣтъ; для него лишь была бы какая-нибудь трещина въ скалѣ, куда бы онъ могъ поставить копыто, а разъ копыто поставлено—его нога стоитъ уже твердо, точно впилась въ скалу. По этому ничего нѣтъ удивительнаго, что Мосинъ-ханъ предпочелъ ѣхать цѣликомъ, на прямки. Онъ даже не обращалъ ни малѣйшаго вниманія на дорогу; поводья уздечки брошены имъ на луку, а самъ онъ и пальцемъ не пошевельнетъ для того, чтобы указать коню дорогу. Впрочемъ это для него совершенно излишне. «Кадагани» знаетъ дорогу и свойство почвы лучше всякаго всадника; онъ не сдѣлаетъ ни одного ложнаго шага; горы—его стихія. И вѣдь что это за дрянь-лошаденка на видъ! Просто — глядѣть не на что: ма-

[1]) Особенная порода горныхъ лошадей. Кадагани—мѣстность между Ташъ-Курганомъ и Кундузомъ.

ленькая, худенькая, горбатая, вислоухая, да еще вдобавокъ къ тому, съ побитой спиной. А между тѣмъ эта кляча составляла предметъ зависти для всѣхъ насъ. Разъ какъ-то генералъ спросилъ Мосинъ-хана: сколько бы онъ взялъ за свою лошадь? «Ничего не возьму», отвѣчалъ онъ, давая понять этимъ, что его лошадь для него безцѣнна. Но вѣдь за то онъ не только знатокъ лошадей, но еще и большой любитель ихъ. Не думайте, что онъ пріобрѣтаетъ своихъ лошадей такимъ же путемъ, какъ и всѣ прочіе, т. е. просто купивши ихъ уже взрослыми въ какомъ либо селеніи округа Кадагани. Нѣтъ, онъ прежде всего узнаетъ: у кого есть хорошія кобылицы. Затѣмъ беретъ нѣсколько молодыхъ жеребятъ и воспитываетъ ихъ у себя дома. До четырехлѣтняго возраста, онъ не употребляетъ ихъ для трудныхъ поѣздокъ, а постепенно, исподволь пріучаетъ ихъ къ ѣздѣ и развиваетъ въ нихъ тѣ качества, которыя такъ поражаютъ посторонній глазъ. По этому поводу онъ потомъ говорилъ, что далеко не всѣ жеребята, взятыя имъ, оказываются годными, удовлетворяющими тѣмъ требованіямъ, которыя онъ предъявляетъ къ нимъ. Изъ 10-ти жеребятъ выхаживаются 2—3 такихъ, какіе ему нужны, рѣдко болѣе. Онъ развиваетъ у своихъ лошадей два алюра: такъ называемую тропоту [1]), или переступь (называется также ходой) и карьеръ. И тотъ и другой алюръ у его лошадей не оставляютъ желать ничего лучшаго. Тропотой его «кадагани» можетъ дѣлать до 15-ти верстъ въ часъ.

Почти у самой высшей точки перевала, представляющей обнаженіе известковаго гребня, растетъ нѣсколько арчей. Это единственныя деревья, которыя я видѣлъ до сихъ поръ въ странѣ растущими въ естественномъ состояніи, т. е. не насажденныя руками человѣка. Вся растительность, и, нужно замѣтить, очень роскошная, которую я наблюдалъ доселѣ,—есть дѣло рукъ человѣческихъ. Естественныхъ же лѣсовъ я не видалъ ни въ горахъ, ни въ долинахъ.

---

[1]) Тропота—характерный для лошадей Средней Азіи, а особенно гористыхъ ея мѣстностей, алюръ. Онъ состоитъ въ перебоѣ алюра иноходи. Если вы представите себѣ движеніе ногъ лошади въ порядкѣ иноходи и если ноги той и другой стороны не вмѣстѣ ступаютъ на землю, а съ интервалами, то вы будете имѣть «тропоту». Темпъ, оббиваемый ногами «тропотуна», походитъ на темпъ 4-хъ молотильщиковъ, молотящихъ цѣпами «въ ладъ».

Тропа обогнула высшую точку перевала и стала спускаться по слегка наклонной плоскости. Тамъ далеко внизу, на западѣ, виднѣлась обширная долина. Вотъ по направленію къ этой-то долинѣ мы теперь и спускались. Спускъ тянется 6—7 верстъ. Спустились—и опять Хулумская рѣчка передъ нами. Вотъ и каменный, хорошій мостъ переброшенъ съ одного берега рѣки на другой. А на обширной горной долинѣ, которая разстилалась передъ нами, въ нѣсколькихъ саженяхъ разстоянія отъ рѣчки, разбитыя палатки уже ожидали усталыхъ и томимыхъ жаждой путниковъ. По дорогѣ, на всемъ протяженіи перехода, нельзя было достать ни капли воды.

Долина Руи, на которую мы спустились, представляетъ почти квадратную площадь, съ поперечникомъ верстъ въ 5. Горы, окружающія ее, не высоки и вообще имѣютъ очертанія довольно мягкія. Только на сѣверѣ означается узкое, окаймленное зубчатыми стѣнами ущелье, пробиваемое рѣчкою Хулумъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нашей стоянки, вверхъ по рѣкѣ, т. е. къ югу, находится караванъ-сарай. Онъ выстроенъ въ видѣ небольшаго укрѣпленія. Вокругъ него разбросано было нѣсколько глиняныхъ мазанокъ и войлочныхъ юртъ. Долина частію покрыта посѣвами пшеницы, въ это время еще едва созрѣвавшей. Большая же часть пространства занята пастбищами.— Мосинъ-ханъ намъ сообщилъ, что въ нѣсколькихъ верстахъ отъ нашей стоянки расположены два большихъ селенія, въ которыхъ можно безъ труда достать фуража и продовольствія на значительно большій отрядъ, чѣмъ наша кавалькада (наша кавалькада съ конными и пѣшимъ авганскимъ конвоемъ доходила до 500 человѣкъ при 400 лош. и ословъ).

Дуабъ. Сегодня (т. е. 15 іюля), опять мы сдѣлали довольно большой переходъ, именно 27 верстъ. Шли сначала по долинѣ Руи, засѣянной пшеницей и просомъ. Вскорѣ рѣка Хулумъ удалилась отъ дороги влѣво, (т. е. къ востоку). Послѣ этого нашъ путь, въ продолженіи нѣкотораго времени шелъ долиной рѣчки Руи, очень извилистой и очень мелкой. На 4-хъ верстахъ разстоянія пришлось перейти ее въ бродъ разъ 8.

На 6-й верстѣ отъ станціи Руи, рѣчка Руи осталась вправо отъ насъ. Дорога здѣсь дѣлится на двѣ вѣтви; одна идетъ прямо по ущелью, другая же идетъ вправо, въ обходъ этого ущелья, подни-

маясь при этомъ на не высокій перевалъ. Нашъ вьючный обозъ направился по этому пути. Мы же сами поѣхали прямо черезъ ущелье. Я никогда не видалъ ничего подобнаго этому ущелью ни прежде, ни послѣ. Это не ущелье, а просто щель, трещина въ сплошной горѣ, имѣющая въ длину до 2-хъ верстъ. Мѣстами ущелье до того узко, что неба совсѣмъ не видно; всадникъ едва можетъ проѣхать въ одиночку; разъѣхаться же двумъ всадникамъ совсѣмъ нельзя. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ колѣни всадника и стремена задѣваютъ за стѣны ущелья. Ширина его въ этихъ мѣстахъ доходитъ только до $1^1/_2$ аршинъ. Мѣстами ущелье расширяется до 10—15 саженъ, но не болѣе. Высоту стѣнъ ущелья можно опредѣлить только въ этихъ расширенныхъ мѣстахъ; она доходитъ до 300—400 ф. Вы чувствуете себя въ этой щели, точно въ погребѣ; кругомъ какая-то полутьма, которая смѣняется яркой полосой свѣта только тамъ, гдѣ существуетъ расширеніе. Стѣны ущелья, на высоту 2—3 аршинъ, гладко отшлифованы—несомнѣнное доказательство происхожденія этой щели путемъ размывки скалы горнымъ потокомъ. Такъ какъ въ данное время ложе ущелья было совершенно сухо, хотя и усѣяно мелкой галькой и щебнемъ, то очевидно, что здѣсь течетъ потокъ только во время таянія снѣговъ, весной, а также и во время дождей. Я бы не желалъ находиться здѣсь во время внезапной грозы и ливня... Мѣстами ущелье было загромождено только что обвалившимися грудами скалъ. Про одну такую груду Дебиръ говорилъ, что она только нѣсколько дней тому назадъ упала. Могло случиться нѣчто подобное и во время нашего проѣзда,—могло, но не случилось. Въ противномъ случаѣ наше любопытство обошлось бы очень дорого. Но за то мы и ѣхали теперь съ величайшею осторожностію. Впереди, на различныхъ разстояніяхъ, ѣхали пробные авганскіе всадники. Всѣ ѣхали въ глубокомъ молчаніи, даже въ трубу не трубилъ горнистъ, а барабанщикъ — и совсѣмъ не ѣхалъ съ нами; онъ, съ двумя барабанами по обѣимъ сторонамъ сѣдла, не могъ бы проѣхать здѣсь.—Но вотъ, наконецъ, показалась яркая полоса свѣта. Черезъ нѣсколько минутъ мы выѣхали изъ этого ущелья на небольшую горную прогалину, гдѣ и соединились съ вьючнымъ обозомъ.

Затѣмъ мы должны были взобраться на невысокій, но довольно крутой перевалъ черезъ горный отрогъ. Спускъ съ него, не очень крутой

и не длинный, снова привелъ насъ въ долину рѣки Хулумъ. Здѣсь долина очень узка, обставлена не очень высокими, но почти отвѣсными скалами. Замѣчательно, что разрѣзъ этихъ скалъ имѣетъ такой рисунокъ, что будто онѣ состоятъ изъ нѣсколькихъ, различной толщины, пластовъ, наложенныхъ другъ на друга совершенно горизонтально. До сихъ поръ я видѣлъ пласты или вертикально стоящіе, или подъ угломъ, или перемѣшанные, въ разныхъ направленіяхъ; здѣсь же они располагались совершенно горизонтально. Соотвѣтственно этому расположенію пластовъ и скалы поднимаются террасовидно, одна надъ другою. Рѣка Хулумъ здѣсь уже не болѣе, какъ широкій ручей. Она подходитъ къ дорогѣ слѣва и затѣмъ сопровождаетъ ее до селенія Д у а б ъ.

Когда мы въѣхали въ только что описанную лощину, то въ глубинѣ ея сейчасъ же увидали конную группу, выстроившуюся въ двѣ или три шеренги. Эти всадники были не кто иные, какъ мѣстные горные жители, гезарейцы, собравшіеся здѣсь для привѣтствія и сопровожденія посольства. Они находились по правую сторону рѣки, между тѣмъ какъ мы ѣхали по лѣвой ея сторонѣ. Этотъ новый конвой издали отдалъ миссіи честь и затѣмъ поѣхалъ параллельно съ нами, но во все время перехода—по противоположному берегу рѣки.

По внѣшности всадники не отличались отъ авганцевъ: тѣ же коническія, косматыя бараньи шапки, тѣ же суконные кафтаны и длинные нечерненые сапоги. Лошадки у нихъ были небольшаго роста и преимущественно сѣрой масти. О типѣ лица всадниковъ я къ сожалѣнію ничего не могу сказать, такъ какъ они держались во все время ѣзды въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ насъ. Но у нихъ я замѣтилъ нѣкоторую новость костюма. У нѣкоторыхъ изъ нихъ къ конической шапкѣ былъ придѣланъ подвижной кожанный козырекъ. Козырекъ могъ быть по желанію передвигаемъ со лба на затылокъ, съ затылка на любой високъ, не двигая самой шапки. Я видѣлъ, какъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ дорога, слѣдуя изгибáмъ рѣки, поворачивала то вправо, то влѣво и, сообразно съ этимъ, солнце жгло своими и здѣсь еще очень знойными лучами то одну, то другую сторону лица и головы—козырьки мѣняли свое положеніе и переходили съ одного виска на другой и со лба на затылокъ. Нѣсколько разъ, вся группа всадниковъ съ гикомъ поднималась въ карьеръ и, проскакавъ съ версту, останавливалась, дожидалась насъ и затѣмъ снова ѣхала шагомъ.

Узенькая долинка рѣки здѣсь тщательно воздѣлана. Если есть гдѣ либо по берегамъ рѣчки клочекъ удобной подъ пашню земли, то онъ непремѣнно воздѣланъ и засѣянъ. И какая прекрасная пшеница выросла на этихъ клочкахъ земли! Высокая, густая, колосистая, но еще совершенно зеленая. Хотя здѣсь мѣстоположеніе на столько высокое, что сильныхъ лѣтнихъ жаровъ, по всей вѣроятности, не бываетъ, и есть основаніе думать, что здѣсь выпадаютъ дожди даже и лѣтомъ—тѣмъ не менѣе, иногда можно было видѣть оросительныя канавы, лѣпившіяся часто по отвѣсной скалѣ, или перебрасывающіяся по деревянному желобу даже черезъ самое русло рѣчки. По всему видно было, что мѣстное населеніе въ поляхъ для посѣвовъ сильно нуждается, поэтому и не упускаетъ случая воспользоваться даже малѣйшими клочками годной для земледѣльческой обработки земли.

Покуда мы шли по этой очень красивой долинкѣ, намъ пришлось нѣсколько разъ перебраться по деревяннымъ, весьма плохимъ мостамъ то на ту, то на другую сторону рѣчки. Впрочемъ, мосты здѣсь пожалуй и излишни, потому что рѣка не глубока и можетъ быть легко перейдена въ бродъ въ любомъ мѣстѣ, что гезарейцы и продѣлали, на нашихъ глазахъ, нѣсколько разъ. Я даже думаю, что мосты были выстроены на скоро, спеціально для проѣзда посольства, что явствовало изъ свѣжести и легкости ихъ постройки.

А вотъ и опять подъемъ. На этотъ разъ, вмѣстѣ съ нами, поднимается и рѣчка Хулумъ, образуя здѣсь рядъ эффектныхъ водопадовъ и каскадовъ. На протяженіи почти 2 верстъ рѣка безпрерывными каскадами поднимается футовъ на 200—300. И нужно видѣть, какъ она здѣсь пѣнится и клубится, перескакивая съ камня на камень, съ порога на порогъ, низвергаясь цѣлыми лавинами прозрачной, какъ кристаллъ, воды; а въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ уступы достигаютъ 2—3 саженъ—нужно слышать, или вѣрнѣе, быть оглушеннымъ этимъ постояннымъ могучимъ ревомъ рѣки, чтобы представить себѣ всю эффектность картины!..

У самаго подножія водопадовъ, во время нашего прохода, расположилась группа путешественниковъ. Какой-то караванъ, вѣроятно изъ Индіи, расположился здѣсь на отдыхъ. Но странно, что здѣсь были и женщины и даже—дѣти. Значитъ, едва ли это былъ торговый караванъ. Типъ людей напоминалъ нашихъ цыганъ. Замѣчательно,

что женщины, находившіяся при караванѣ, были безъ покрывалъ, нисколько не конфузились при встрѣчѣ съ нами и не пытались прятаться при видѣ незнакомыхъ людей.

Когда мы миновали водопады, дорога пошла опять по ровной мѣстности. Долина здѣсь занята непрерывными, разбитыми на маленькіе участки, полями. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ есть посѣвы люцерны, и при томъ такой прекрасной и душистой, какой я совсѣмъ не видалъ въ Ташкентѣ. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ рѣчка разливается, выходя изъ своего окаймленнаго изумрудно-зелеными берегами ложа,—находятся миніатюрные луга. Но скалы, окружающія съ обѣихъ сторонъ долину, здѣсь также высоки и все также безжизненны, какъ и прежде: ни кустика на нихъ нѣтъ, ни стебелька травки. Вдали, наконецъ, показалось большое дерево. Говорятъ, что тутъ-то и находится наша стоянка.

Вотъ мы уже и подошли къ ней. У дерева, которое оказалось очень старой ветлой, находится «замокъ» Дуабъ.

Но это былъ очень плохой замокъ. Впрочемъ, если я и назвалъ такимъ громкимъ именемъ тотъ глиняный четыреугольникъ, съ полуразрушенными башенками по всѣмъ четыремъ угламъ, который былъ передъ моими глазами,—то только изъ подражанія нашимъ могущественнымъ и просвѣщеннымъ предшественникамъ въ Авганистанѣ, сынамъ коварнаго Альбіона. Съ легкой руки (хотя было бы вѣрнѣе сказать—съ тяжелой руки) сэра Муркрофта,—обыкновенный типъ среднеазіатскихъ селеній былъ окрещенъ и пожалованъ англійскими путешественниками названіемъ «замка». Такъ какъ эти замки часто будутъ намъ попадаться впереди, въ дальнѣйшей дорогѣ, то я считаю не лишнимъ дать здѣсь коротенькое описаніе ихъ.

Передъ вами большой (или небольшой) четырехугольный прямоугольникъ, рѣдко квадратъ. Всѣ стороны четырехугольника состоятъ изъ глинобитной стѣны, въ 1—2 сажени вышиной; стѣны иногда зубчаты. По всѣмъ четыремъ угламъ прямоугольника находятся круглыя, иногда многоугольныя башни различнаго діаметра и различной высоты. Крыша башень куполообразна или плоска. Толщина стѣнъ четырехугольника достигаетъ 2 аршинъ. Въ башняхъ продѣланы узкія окна, которыя могутъ быть разсматриваемы какъ бойницы. Въ срединѣ которой либо стѣны находятся довольно широкія ворота, запираемыя створчатыми дверями.

Если вы войдете внутрь такого четырехугольника, то увидите, что по двумъ противоположнымъ сторонамъ его устроены жилыя помѣщенія. Это—просто рядъ глинобитныхъ сакель, обыкновенно устроенныхъ очень грубо и грязно; крыши сакель, то куполообразныя (особенно въ мѣстностяхъ населенныхъ узбеками), то плоскія (преимущественно въ долинахъ Бамьянской, Иракской и верхней части Кабульской). У третьей, а иногда и четвертой, стѣны—устроены помѣщенія для скота, лошадей, верблюдовъ и проч. На крышахъ домовъ обыкновенно складываются запасы клевера, соломы, а также и необмолоченнаго хлѣба.

Башни обыкновенно играютъ двоякую роль: какъ кладовыя и какъ мѣста обороны. Поэтому они состоятъ изъ двухъ этажей: въ нижнемъ помѣщается разная домашняя рухлядь, а верхній совершенно свободенъ и имѣетъ тѣ бойницы, о которыхъ я упомянулъ выше.

Такіе зàмки бываютъ различной величины,—отъ величины небольшаго караванъ-сарая, до четыреугольника, въ 30—40 саженъ въ каждой его сторонѣ. Обыкновенно въ зàмкахъ нѣтъ колодцевъ, но за то черезъ нихъ часто протекаютъ ручьи, или даже въ нихъ находятся самые источники ручья. Чаще же всего такія селенія стоятъ на берегу рѣчки или ручья.

Вотъ такого-то рода «зàмокъ» и представляетъ селеніе Дуабъ. Теперь должно быть времена значительно измѣнились сравнительно съ тѣми, когда здѣсь проѣзжалъ Бёрнсъ, и когда здѣсь процвѣтали «алламаны» (разбои). Двѣ стѣны селенія и одна башня упали и не возобновлены. Очевидно, что возобновленіе ихъ не нужно, такъ какъ опасности отъ разбойниковъ больше нѣтъ. Тѣмъ не менѣе, самое существованіе такого типа построекъ ясно говоритъ о той неурядицѣ и шаткости гражданскаго быта, которыя въ этой странѣ всегда были обычнымъ явленіемъ.

Если общественная безопасность здѣсь выиграла, сравнительно съ тѣмъ временемъ, въ которое посѣтилъ эти мѣста Бёрнсъ, то физическія свойства страны, безъ сомнѣнія, остались тѣ же. Я совершенно раздѣлялъ восторгъ англійскаго путешественника, созерцая эту зеленую долину, покрытую изумрудно-зеленой травой-муравой. Но, признаюсь, я не понимаю его описанія Дуабской долины,—именно того мѣста описанія, гдѣ онъ говоритъ о страшныхъ отвѣсныхъ скалахъ,

заслонявшихъ ночью всѣ звѣзды, за исключеніемъ мерцавшихъ въ зенитѣ [1]). У самаго селенія Дуабъ, долина довольно широка и я могъ отчетливо наблюдать полярную звѣзду. Я не думаю, чтобы Бёрнсъ въ цитируемомъ мѣстѣ говорилъ о той щели, чрезъ которую мы прошли, въ 6-ти верстахъ отъ Руи, такъ какъ по ней не только навьюченные верблюды, но и навьюченныя лошади не могутъ пройти; а онъ путешествовалъ съ вьючнымъ караваномъ. Да, наконецъ, ночью здѣсь невозможно ѣхать и легко-верховымъ людямъ. Скорѣе всего можно было бы отнести это мѣсто изъ описанія Бёрнса къ Кара-Котельскому перевалу, но тѣснина этого перевала находится въ 13-ти верстахъ къ юго-востоку отъ Дуаба. Между тѣмъ Бёрнсъ говоритъ: «Мы спустились близь деревни Дуабъ въ русло рѣки и шли по немъ между страшными, отвѣсными скалами». Такъ какъ Бёрнсъ шелъ въ направленіи съ юга на сѣверъ, то очевидно, что фразу: «спустились близь Дуаба», никакъ нельзя отнести и къ Кара-Котельскому перевалу. Нужно, конечно, и то принять въ соображеніе, что англійскій путешественникъ могъ описать путь только въ общихъ чертахъ, такъ какъ онъ былъ поставленъ, въ этомъ отношеніи, въ неудобное положеніе. Читая его описаніе Бамьянскаго пути, я сильно склоненъ думать, что ему иногда не удавалось записывать путь день за днемъ, вслѣдствіе чего и произошли неясности въ текстѣ.

Бёрслемъ, другой англійскій путешественникъ, бывшій здѣсь въ 1840 году, разсказываетъ, что въ нѣсколькихъ миляхъ къ югу отъ селенія Дуабъ находится замѣчательная пещера, представляющая собою вѣчный, обширный ледникъ, и называющаяся «Ермалликъ». Но не этотъ ледникъ дѣлаетъ эту пещеру замѣчательною. Въ ней, по свидѣтельству Бёрслема находится нѣсколько сотъ человѣческихъ череповъ [1]). Вотъ этотъ-то антропологическій складъ, если можно такъ выразиться, и былъ въ данномъ случаѣ величайшей для меня приманкой. Мнѣ очень хотѣлось посѣтить пещеру, и при этомъ непремѣнно взять съ собой если не цѣлый скелетъ, то, по крайней мѣрѣ, нѣсколько череповъ. Полковникъ и «натуралистъ» вполнѣ раздѣляли со мной это желаніе. Исполнить это желаніе можно было безъ всякаго

---

[1]) Борнсъ, путешествіе въ Бухару, ч. 2-я, стр. 286.
[1]) Burslem. A peep into Toorkistan, pp. 110—111.

затрудненія, такъ какъ мы пріѣхали на станцію довольно рано; еще было не болѣе 11 часовъ утра и до вечера легко можно было сдѣлать эту небольшую поѣздку. Генералъ, однако, не далъ своего разрѣшенія на эту поѣздку, хотя отказъ и былъ смягченъ обѣщаніемъ осмотрѣть все «на обратномъ пути».

Проскучавъ цѣлый день, сидя на одномъ мѣстѣ, мы дождались, наконецъ, и вечернихъ тѣней, потянувшихся черезъ зеленый лугъ и рѣчку отъ однихъ зубчатыхъ горныхъ вершинъ къ подножію другихъ. По мѣрѣ того какъ снопъ солнечныхъ лучей становился все рѣже и рѣже, процѣживаемый черезъ зубцы горъ, а самые лучи постепенно переходили отъ золотыхъ тоновъ къ алымъ, а отъ алыхъ къ пурпурнымъ; по мѣрѣ того, какъ тѣни захватывали все большее и большее пространство долины и поднимались все выше и выше по изборожденнымъ временемъ и непогодами бокамъ скалъ—бѣлѣсоватый туманъ прозрачной скатертью сталъ разстилаться по долинѣ, а надъ долиной. въ темно-синемъ небѣ поочередно, одна за другою, вспыхивали яркія южныя звѣзды... Мало по малу острыя очертанія скалъ сгладились подъ полупрозрачной пеленой тумана, а утесы получили фантастическій видъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ воздухъ сталъ какъ-то звуко-прозрачнѣе. Звуки пріобрѣли бо́льшую рѣзкость; горное эхо охотнѣе посылало свой отзывъ изъ темныхъ ущелій. Нѣсколько зажженныхъ костровъ освѣщали характерныя группы собравшихся вокругъ нихъ авганцевъ. Изъ этихъ кружковъ неслась по долинѣ бойкая, непонятная рѣчь. Вокругъ нашихъ палатокъ появились знакомыя козла изъ ружей, а по всѣмъ четыремъ сторонамъ уже расхаживали авганскіе часовые. Значитъ, ночь вполнѣ вступила въ свои права. Еще прошло нѣсколько минутъ—и эти права она распространила и на пишущаго эти строки.

На слѣдующій день, 16-го іюля, мы перешли черезъ два перевала: Кизылъ-Котель и Кара-Котель. Тотъ и другой вполнѣ оправдываютъ свои названія. Кизылъ-Котель значитъ—красный, а Кара-Котель—черный перевалъ. Но я поведу за собой читателя не сразу на перевалы, а по порядку; сначала заставлю перейти вбродъ рѣчку, или вѣрнѣе, ручей Аби-Ахурекъ, нѣсколькими саженями выше нашей стоянки впадающій въ рѣчку Хулумъ. Селеніе Дуабъ своимъ именемъ и обязано тому обстоятельству, что находится у мѣста сліянія двухъ потоковъ: ду—два и абъ—ручей (вода). Аби-Аху-

рекъ—представляетъ собою узкій, мутный потокъ, вытекающій изъ ущелья, расположеннаго прямо на югъ отъ Дуаба. Мы же съ вами, читатель, или будущій путешественникъ—что было-бы для меня еще болѣе пріятно—пойдемъ въ юго-восточномъ направленіи, лѣвымъ берегомъ все еще той же Хулумской рѣчки. Но если вамъ уже надоѣлъ этотъ постоянный нашъ спутникъ, то утѣшьтесь: черезъ нѣсколько верстъ отсюда вы отъ него избавитесь навсегда.

Теперь же, въ продолженіи этихъ нѣсколькихъ верстъ (4—5 верстъ всего) вы должны, если не увѣрены въ своемъ конѣ, тщательно смотрѣть ему подъ ноги. Дорога лѣпится иногда по карнизамъ, правда, невысокимъ, но за то заваленнымъ хрящевикомъ и валунами. На 6-й верстѣ отъ мѣста стоянки дорога круто поворачиваетъ на югъ и идетъ нѣкоторое время ущельемъ, не представляющимъ, впрочемъ, ничего особеннаго. Потомъ начинается подъемъ, длинный, каменистый, по открытому косогору. Послѣ $^3/_4$ часа пути, вы достигаете сѣдлообразной вершины перевала; цвѣтъ почвы перевала совершенно красный. Это и есть Кизылъ-Котель.—Спускъ съ него очень крутъ, но мягокъ, а дорога настолько широка, что не представляетъ затрудненій даже для проѣзда арбы. Вы спускаетесь потомъ въ небольшую лощину съ болотистой почвой. Мѣстами во время пути по этой лощинѣ, попадаются родники. По срединѣ долины, ширина которой вообще не превышая $^3/_4$ версты, струится ручей, обрамленный сильно болотистыми берегами. Это есть истокъ рѣчки Хулумъ. Иногда попадаются посѣвы едва выколосившейся, въ данное время, пшеницы. Покатости горъ отлоги и покрыты хорошей, сочной травой. Лощина тянется съ сѣвера на югъ на 5—6 верстъ; на всемъ ея протяженіи нѣтъ ни одного деревца. Влѣво, по округлымъ скатамъ горъ, во время нашего проѣзда, пасся большой табунъ лошадей, а немного подалѣе виднѣлось нѣсколько юртъ, въ которыхъ жили владѣльцы табуна.

Вотъ и подъемъ на Кара-Котель. Лошади сначала упрямились и не хотѣли идти по грязному и очень вязкому болоту, расположенному у самой подошвы горы. Но добрый ударъ нагайки сдѣлалъ свое дѣло—и, черезъ нѣсколько минутъ, мы полѣзли вверхъ по тропинкѣ, обхватывающей вилообразно бока великана-горы. Мы выбрали правую тропинку; она хотя длиннѣе лѣвой, но не такъ крута, да

и грунтъ ея мягче. Все же я долженъ сказать, что подъемъ на перевалъ довольно крутъ. Арбы здѣсь не будутъ въ состояніи подняться.

Вотъ и вершина перевала. По Бёрнсу высота этого перевала= 10,500 ф. Дорога, ведущая съ вершины перевала, сначала, на протяженіи 2—3-хъ верстъ, очень полога и удобна. Вскорѣ ее начинаетъ сопровождать ручей, источники котораго находятся возлѣ плохаго караванъ-сарая, достаточнаго однако для того, чтобы дать убѣжище и защиту каравану, застигнутому снѣжной мятелью, въ зимнее время. Затѣмъ спускъ дѣлается очень крутымъ; онъ очень усѣянъ камнями и здѣсь доступенъ только для вьючныхъ животныхъ. На 16-й верстѣ отъ Дуаба, гдѣ спускъ доходитъ до площадки, находится крѣпостца, вблизи которой беретъ начало обильный водою источникъ. Крѣпостца, пріютившаяся у отвѣсной правой стѣны ущелья, совершенно запираетъ входъ въ него. Съ юга она вплотную примыкаетъ къ скалѣ; съ западной стороны крѣпостцы круто поднимается горная гряда, почти такой же высоты, какъ и остальныя окружающія горы. Подъ самыми стѣнами крѣпостцы спускается съ означенной горной гряды въ ущелье торная тропинка. Куда ведетъ эта тропинка—мнѣ не удалось узнать.

Отъ самой крѣпостцы спускъ тянется въ продолженіи получаса ѣзды по дорогѣ, положительно невозможной для проѣзда колесныхъ экипажей. Тропа круто вьется по узкому ущелью, страшно заваленному обломками отвѣсныхъ скалъ, обхватывающихъ его съ двухъ сторонъ. На нѣкоторохъ пространствѣ дорогу пересѣкаетъ ручей, съ ревомъ несущійся внизъ по крутымъ извилинамъ тропы. Чѣмъ далѣе вы продолжаете спускаться, тѣмъ выше и выше выростаютъ надъ вашей головой отвѣсныя скалы, стѣсняющія ущелье до 5—10 саженъ въ ширину. Но эти 5—10 саженъ составляютъ ширину всего ущелья. Собственно же тропинка, доступная для проѣзда, имѣетъ въ ширину нѣсколько футовъ. Мѣстами она двоится, но все же остается очень неудобной, даже опасной. Я не преувеличу, опредѣливъ высоту отвѣсныхъ стѣнъ ущелья въ тысячу футовъ. Сюда, на дно этого ущелья, дѣйствительно никогда не заглядываютъ лучи солнца; здѣсь вѣчно царятъ сумерки; поэтому-то оно и кажется мрачнымъ.

Теперь становится понятнымъ и названіе перевала: Кара-Котель (т. е. черная тѣснина).

Мы продолжали безостановочно спускаться. Этому спуску и конца не видно было, точно онъ велъ въ преисподнюю. И, вѣдь, что всего невыносимѣе—это обманъ зрѣнія, въ который васъ вводитъ здѣсь линейная перспектива. Вамъ кажется, что вотъ, у ближайшаго поворота, конецъ спуску. Доходите до этого поворота и видите, что зіяющая щель продолжаетъ спускаться далѣе и далѣе, и исчезаетъ за угломъ новаго поворота. Наконецъ среди насъ послышались нетерпѣливые возгласы: да скоро-ли будетъ конецъ этому ужасному спуску! Мосинъ-ханъ только самодовольно посмѣивался себѣ въ бороду; вѣдь онъ еще за нѣсколько дней до этого говорилъ о трудностяхъ перехода черезъ перевалъ Кара-Котель.

Но и на мрачномъ горизонтѣ осенняго неба, одѣтаго тяжелыми свинцовыми тучами, иногда вдругъ прорвется веселый солнечный лучъ; и среди мрачныхъ думъ явится иногда, совершенно неожиданно, свѣтлая мысль, а то и какая-либо игривая вольность фантазіи—такъ и наше мрачное ущелье вдругъ смѣнилось обширной поной, усѣянной мелкой галькой. Поляна была положительно залита потоками солнечнаго свѣта. Когда мы выѣхали на эту поляну, я оглянулся назадъ и сильно удивился, невидя входа въ ущелье,—до того былъ рѣзокъ переходъ. Только скалы, точно гигантскія стѣны крѣпости, отвѣсно вздымались позади насъ чуть не до самыхъ облаковъ. Ручей скоро совершенно затерялся въ наполненномъ мелкой галькой и щебнемъ ложѣ, и изсякъ.—Мы ѣхали этой поляной минутъ 20. Затѣмъ дорога опять съузилась, пришлось пройти по тропинкѣ, переброшенной черезъ невысокій горный отрогъ. Слѣва появилась послѣдняя гигантская отвѣсная скала. Она состоитъ изъ глинистаго сланца, пласты котораго стоятъ вертикально. Если смотрѣть съ боку, то можно замѣтить, какъ широкія трещины разрѣзаютъ эту скалу на нѣсколько вертикальныхъ пластовъ. Кажется, что эти отдѣльныя плиты вотъ, вотъ рухнутъ—и невозможно себѣ представить того хаоса обломковъ, который загромоздилъ бы узкую, вьющуюся тропинку!.. Изъ подъ этой скалы снова появляется сильный источникъ съ чистѣйшей, прозрачной, какъ кристалъ, водой и будитъ своимъ веселымъ журчаньемъ строгое безмолвіе сосѣднихъ скалистыхъ велика-

новъ. Лишь только появилась влага—какъ явилась и растительность. Берега ручья обрамлены кустарникомъ изъ ивы и тополя.

Ущелье вскорѣ расширяется окончательно и даетъ мѣсто долинѣ Мадеръ, достигающей въ нѣкоторыхъ мѣстахъ 3. верстъ ширины. Долина сильно поката къ югу и, собственно говоря, все еще представляетъ собой спускъ съ Кара-Котеля. Этотъ спускъ, если включить въ него и долину Мадеръ, до ущелья Баджгахъ, достигаетъ 12-ти верстъ длины.

Вотъ появились и признаки обитаемости долины: впереди темнѣетъ садъ изъ абрикосовыхъ деревьевъ, а въ немъ виднѣются нѣсколько домовъ. Изъ чащи сада возвышаются нѣсколько шестовъ съ грязными тряпками—значитъ здѣсь находится мѣсто успокоенія какого-либо мусульманскаго праведника. Куча бараньихъ роговъ, сложенныхъ на садовой стѣнѣ и небольшой глиняной могилѣ-саклѣ, еще болѣе утверждаетъ васъ въ вашемъ предположеніи.

Съ этого мѣста по обѣимъ сторонамъ дороги уже разстилаются воздѣланныя поля. Генералъ обратилъ мое вниманіе на то явленіе, что хлѣба здѣсь были уже сжаты, между тѣмъ какъ въ Руи пшеница представлялась еще несозрѣвшею; а въ Дуабѣ она была еще совсѣмъ зелена.

По англійскимъ свѣдѣніямъ (Муркрофтъ, Бёрслемъ) высота долины Мадеръ надъ уровнемъ моря достигаетъ $5^1/_2$ тысячъ футъ. Принимая во вниманіе высоту этой долины и высоту Кара-Котеля, я нисколько не удивляюсь тому, что Бёрслемъ считалъ этотъ перевалъ едва ли не самымъ высокимъ на всемъ протяженіи Бамьянскаго пути [1]). Дѣйствительно, относительная высота его едва ли не болѣе всѣхъ переваловъ Бамьянскаго пути, развѣ за исключеніемъ только Калуйскаго (который достигаетъ 13,000 фут., возвышаясь надъ Бамьянской долиной (8,500 ф.) почти на такую же высоту, какъ и Кара-Котель надъ долиной Мадеръ).

Относительно удобопроходимости спуска съ Кара-Котельскаго перевала я долженъ сказать, что для колесныхъ экипажей онъ представляетъ положительно непреодолимыя трудности. Самое главное неудобство состоитъ въ томъ, что и разчистить этотъ спускъ нельзя,

---

[1]) Burslem. A peep into Toorkistan, p. 95.

ибо некуда убрать огромныя глыбы и каменья, загромождающія дорогу въ ущельѣ.—«Но», можетъ быть, возразятъ мнѣ нѣкоторые изъ читателей,—«какъ же авганцы провезли свою довольно тяжелую артиллерію въ Туркестанъ, если дорога такъ неудобопроходима?»—На это я отвѣчу, что орудіе—не экипажъ, а практика нашей послѣдней войны показала, что оно можетъ быть протащено даже по недоступнымъ почти тропинкамъ. Я говорю о непроходимости пути только для колесныхъ экипажей.—Но вотъ виднѣется наша конусообразная палатка. Остановимся и осмотримся.

Мадеръ—долина, среди которой находится небольшой замокъ. Длина ея, начиная отъ того мѣста, гдѣ беретъ начало ручей, и кончая замыкающимъ ее съ юга ущельемъ Баджгахъ, простирается до 6—7 верстъ. Долина постепенно расширяется по направленію къ югу. Справа, въ двухъ верстахъ отъ ущелья Баджгахъ, она соединяется съ другой горной лощиной, почти одинаковой съ нею длины и ширины.

Въ глубинѣ этой послѣдней лощины виднѣлось довольно обширное селеніе, съ тѣнистыми садами. Эта лощина называется по имени ущелья—Баджгахъ и также, какъ и Мадеръ, на большей своей части покрыта полями, хлѣба на которыхъ также были уже сжаты. По лощинѣ течетъ ручей, который почти въ самомъ ущельѣ Баджгахъ соединяется съ источникомъ Мадеръ и образуетъ рѣчку Баджгахъ въ 2—3 сажени шириной и въ 2—3 фута глубиной.

Я могу только предположить, что тропа, видѣнная мною съ Кара-Котельскаго перевала, и которая вилась въ нѣсколькихъ верстахъ вправо (т. е. къ западу) отъ него и отъ той дороги, по которой мы только что прошли,—ведетъ именно въ это селеніе. Это предположеніе, до извѣстной степени, подтверждается тѣми свѣдѣніями, которыя я получилъ гораздо позднѣе,—что изъ Мазари-Шерифа, кромѣ обычной дороги въ Баміанъ на Хулумъ и т. д., существуютъ еще двѣ: 1) на Муръ-и-Маръ, лѣтнюю резиденцію Лойнаба; эта дорога выходитъ на обычную караванную дорогу въ Баміанъ у Гейбека; 2) ущельемъ Юсуфъ-Дере; эта дорога идетъ прямо изъ Тахтапуля на югъ и выходитъ на Бамьянскую дорогу, минуя Кара-Котель, у долины Кагмардъ. До извѣстной степени вѣроятно, что именно эта-то дорога и идетъ на селеніе Баджгахъ, соединяясь съ Кара-Котельскою дорогою въ

самомъ ущельѣ Баджгахъ. По разсказамъ авганцевъ (Дебира, Мосинъхана)—эта дорога значительно короче обычной, такъ сказать, главной, караванной дороги, по которой мы шли теперь. Сокращенною дорогою обыкновенно пользуются «чаппары», авганскіе почтари [1]).

Я уже сказалъ, что долина Мадеръ хорошо обработана; оросительныя канавы, выведенныя изъ извѣстнаго уже читателю ручья, мѣстами поднимаются на высоту нѣсколькихъ десятковъ футовъ надъ общимъ уровнемъ до́лины. Одна изъ нихъ, именно на лѣвомъ, если можно такъ выразиться, берегу долины, лѣпится по очень крутому откосу. Если обратить на этотъ откосъ нѣсколько большее вниманіе, то можно замѣтить въ его очертаніяхъ что-то необыкновенное. Слѣдя за его выпуклостями и углубленіями, нельзя не придти къ мысли, что передъ вами находятся остатки существовавшаго здѣсь нѣкогда пещернаго города, теперь почти совсѣмъ засыпаннаго обвалами горъ, состоящихъ здѣсь изъ отвердѣлой глины и конгломерата. Углубленія въ откосѣ суть остатки пещеръ. Наиболѣе южныя изъ нихъ еще обитаемы и теперь, и я видѣлъ какъ нѣсколько людей входили и выходили изъ устій этихъ, до половины засыпанныхъ, пещеръ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, особенно въ обрывѣ горнаго мыса, раздѣляющаго двѣ сосѣднія лощины—Мадеръ и Баджгахъ—пещеры расположены въ нѣсколько этажей. Разумѣется, я спросилъ у авганцевъ о прошломъ этихъ пещеръ и читатель можетъ уже безошибочно предположить, какой отвѣтъ я получилъ на этотъ вопросъ: «здѣсь, въ отдаленныя времена, жили каффиры»—и только [2]).

---

[1]) Очень можетъ быть, что Конолли въ 1840 году направился изъ ущелья Баджгахъ именно этой дорогой, такъ какъ онъ оставилъ Кара-Котель вправо отъ себя.

[2]) Между тѣмъ эта мѣстность вошла въ географическіе трактаты нѣкоторыхъ арабскихъ писателей. Вотъ что мы читаемъ, напр., у Эдризи (умершаго въ 1154 г. по Р. Х.): «L'itineraire de Balkh à Bamian est comme il suit. De Balkh à Meder, petite ville, bâtie sur une plaine, à peu de distance de la montagne, trois journées. De Meder à Kah (Кагмардъ), bourg bien peuplée avec bazar et mosquée, où l'on fait la khotba, 1 journée. De Kah à Namian (Bamian) 3 journées». Géographie d'Edrisi, trad. par Amedée Jaubert. Paris 1836 г., vol I, p. 477.

Нужно, однако, замѣтить, что маршрутъ, сообщаемый славнымъ географомъ, не очень точенъ, если только онъ не имѣетъ въ виду кратчайшій путь, именно тотъ, о которомъ я упомянулъ, т. е. минуя Хулумъ, по ущелью

На слѣдующій день, въ 5 часовъ утра, мы снова отправились въ путь. На этотъ разъ пришлось ѣхать мѣстами, о которыхъ говорятъ уже страницы новѣйшей исторіи Авганскаго государства. Вотъ передъ нами встаетъ обагренное кровью ущелье Баджгахъ. Здѣсь родной братъ эмира Ширъ-Али-хана, Афзаль-ханъ, съ сыномъ своимъ Абдуррахманъ-ханомъ, оспаривали у перваго господство надъ жалкими остатками бывшей имперіи Дураніевъ. 3-го іюня 1864 г. войска противниковъ сошлись здѣсь въ братоубійственной рѣзнѣ. Ширъ-Али-ханъ, во время подкрѣпленный отрядомъ сердаря Махметъ-Рафикъ-хана, остался побѣдителемъ и, вслѣдствіе этого, обладателемъ Кабула. Но извѣстно, что вскорѣ послѣ этого событія, только что побѣжденнымъ соперникамъ Ширъ-Али-хана удалось совершенно вытѣснить его изъ Кабула. Рядъ неудачныхъ сраженій, которыя Ширъ-Али давалъ своимъ противникамъ при Сеидъ-абадѣ и при Келати-Гильзаи, довелъ его до такой слабости, что побѣда его союзника, Балхскаго генералъ-губернатора, Фензъ-Магометъ-хана, одержанная здѣсь же, въ этомъ ущельѣ, въ апрѣлѣ 1867 г. надъ Сарваръ-ханомъ, сторонникомъ Афзаль-хана,—не имѣла рѣшительно никакого вліянія на дальнѣйшее теченіе междуусобной распри братьевъ.

Ущелье Баджгахъ съ сѣвера, т. е. съ той стороны, съ которой мы вошли въ него, запирается укрѣпленіемъ, расположеннымъ на скалистомъ обрывѣ, съ лѣвой стороны отъ ущелья. Это было еще первое укрѣпленіе изъ жженаго кирпича, которое я увидѣлъ въ Авганистанѣ. Штурмовать его со стороны долины положительно невозможно, и оно совершенно можетъ запереть своею артиллерію входъ и выходъ изъ ущелья. Я не знаю, есть ли какая-либо другая дорога изъ долины Кагмардъ въ долину Мадеръ, обходящая это ущелье, а слѣдовательно, и это укрѣпленіе. Теперь же укрѣпленіе это не было

Юсуфъ-дере. У писателей и географовъ арабскихъ, писавшихъ гораздо ранѣе Эдризи, и которыми онъ пользовался какъ источниками, показано иное разстояніе отъ Балха до Мадера, именно у Истахри мы читаемъ: von Balkh nach Modar 6 Stationen (а не три, какъ у Эдризи); von Modar nach Kah 1 Station; von Kah nach Bamian 3 Stationen.—Al-Estakhry. Liber climat. überzetzt von Mordtman, стр. 122.—Abuzayd и Moqadasy, современники Истахри, даютъ тѣ же разстоянія, что и Истахри. Sprenger, Abhandlungen, III b, s. 44.—Но теперь въ долинѣ Мадеръ нѣтъ и признаковъ города, о пещерахъ же упомянутые географы не обмолвились ни однимъ словомъ.

занято войсками и предоставлено въ распоряженіе всѣхъ стихій земныхъ, которыя и не замедлили начать свою разрушительную работу.

Длина дороги по ущелью Баджгахъ не превышаетъ 1,500 шаговъ, ширина же его,—самое большее—200 шаговъ. Почти по срединѣ его течетъ рѣчка Баджгахъ. Высота стѣнъ ущелья просто изумительна. Я думаю, что немного ошибусь, давъ на глазомѣръ цифру высоты ихъ въ 1,000 фут. Представьте себѣ отвѣсную стѣну такой высоты! Вѣдь это почти невѣроятно! Пласты сланца, изъ котораго состоятъ стѣны ущелья, положены очень круто на ребро, наклонъ ихъ съ обѣихъ сторонъ таковъ, что въ разрѣзѣ всей массы горы, получается фигура удлиненнаго треугольника. Въ правой стѣнѣ, на высотѣ 200—300 футъ отъ уровня рѣчки, существуетъ огромная нишь, а въ ней видны отверстія пещеръ, расположенныхъ въ нѣсколько этажей. Кромѣ этихъ пещеръ, тамъ замѣчаются остатки полуразвалившихся глиняныхъ домовъ. Къ этому «селенію троглодитовъ», какъ мы его назвали, ведетъ чрезвычайно крутая тропинка. Я не замѣтилъ никакого внѣшняго признака обитаемости этого оригинальнаго селенія. Мнѣ очень хотѣлось вскарабкаться въ загадочную нишь, быть можетъ, съ неменѣе загадочными остатками доисторическихъ обитателей ея, но я получилъ обѣщаніе осмотрѣть все «на обратномъ пути»—и мы проѣхали мимо.

Затѣмъ, уже въ самомъ выходѣ изъ ущелья, по плохому деревянному мосту мы перешли черезъ ручей Баджгахъ. Прямо передъ нами, у южнаго конца ущелья, возвышается еще «замокъ», совершенно запирающій выходъ изъ долины Мадеръ и защищающій входъ въ долину Кагмардъ. Этотъ «замокъ» имѣетъ историческое значеніе. Въ 1840 году онъ представлялъ собою крайній сѣверный пунктъ, который занимали англійскія войска. Бёрслемъ, между прочимъ, говоритъ о немъ слѣдующее: «The fort seemed a locus for all the rays of the sun, and was intensely hot, the thermometer ranging from 95 to 100° in the shade; nor was the situation healthy, for a great many Goorkahs were in hospital, and all were more or less debilitated from the effects of the climate» [1]).

[1]) «Фортъ представлялъ изъ себя фокусъ для всѣхъ солнечныхъ лучей; было такъ жарко, что термометръ достигалъ 95—100° (43° С; это было въ

Сказать правду—трудно было бы найти мѣсто болѣе неудобное въ гигіеническомъ отношеніи для устройства болѣе или менѣе продолжительнаго пребыванія войскъ, чѣмъ это. Тѣмъ болѣе непонятенъ такой выборъ, что въ 1 верстѣ къ востоку отъ форта расположенъ фруктовый садъ, гдѣ можно было бы устроить болѣе сносное расквартированіе войскъ. По этому поводу тотъ же Бёрслемъ совершенно кстати приводитъ старую латинскую пословицу: «Quem Deus vult perdere prius dementat» [1]).

Извѣстно, что англійскій гарнизонъ долженъ былъ оставить это укрѣпленіе, вслѣдствіе возстанія авганъ, вспыхнувшаго въ Кабулѣ.

Позади этого укрѣпленія снова возвышается очень крутая скалистая г о р а-п л и т а. Я нарочно подчеркнулъ это составное слово. Гора, или вѣрнѣе, гряда горъ, подымается отъ поверхности долины подъ угломъ въ 70—80° до высоты и з у м и т е л ь н о й (о к о л о 4.000 ф.) и тянется на многія версты къ западу и востоку отъ этого форта совершенно ровною, скалистою, гладкою и какъ бы отшлифованною поверхностью. Я наконецъ пересталъ удивляться необычайному разнообразію рельефа горной системы Гинду-Куша.

Долина К а г м а р д ъ тянется узкой лентой (самое широкое мѣсто ея не болѣе 1 версты) съ востока на западъ, или вѣрнѣе—съ запада на востокъ, такъ какъ въ этомъ направленіи течетъ мѣстная рѣчка. Она ограничена съ сѣвера и юга двумя параллельными скалистыми грядами горъ. Гряды эти одинаково высоки и поднимаются на 3.000—4.000 фут. надъ уровнемъ долины.

У «историческаго» замка наша дорога круто повернула на западъ и во весь переходъ тянулась у подножія сѣверной гряды горъ. Южная гряда представляетъ, какъ я уже выразился, сплошную п л и т у, въ 3—4.000 ф. высоты, безъ перерыва тянущуюся на 20—25 верстъ, поставленную на ребро подъ угломъ въ 70—80°. Мѣстами она изорвана узкими трещинами, мѣстами часть ея брони—верхніе слои глинистаго сланца—скатилась внизъ.

іюнѣ мѣсяцѣ) въ тѣни; мѣстоположеніе его было очень нездорово; большая часть Гуркасовъ находилась въ госпиталѣ (здѣсь былъ расположенъ 1 батальонъ Гуркасовъ), и всѣ вообще, болѣе или менѣе, страдали отъ мѣстныхъ климатическихъ условій». Burslem. l. cit. p. 85.

[1]) Тамъ же, стр. 83.

На десятиверстномъ протяженіи отъ ущелья Баджгахъ, долина, или вѣрнѣе,—лощина Кагмардъ, представляетъ одно сплошное поле, засѣянное почти исключительно рисомъ. Рисъ, въ данное время года, еще только вился въ трубку и совсѣмъ не показывалъ колосьевъ. Рисовая нива была очень пышна. Изрѣдка попадались также клеверныя поля. Посреди долины вьется не широкая (до 5 саж.), но довольно глубокая (отъ 4 до 10 ф.) рѣчка Кагмардъ, несущая большую массу чистой, прозрачной воды. Мѣстами она отдаетъ отъ себя оросительныя канавы, иногда достигающія до 2-хъ саженъ ширины. Въ рѣкѣ, именно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ она разливается по прилегающимъ лугамъ, виднѣлось много рыбы. Дебиръ спросилъ, ѣдимъ-ли мы рыбу, и, получивъ утвердительный отвѣтъ, сказалъ, что сегодня онъ угоститъ насъ «кябабомъ» (шашлыкомъ) изъ рыбы. Шашлыкъ изъ рыбы былъ для насъ совершенною новостью; поэтому всѣ мы охотно приняли его предложеніе.

Берега рѣчки мѣстами обрамлены кустарниками изъ ивы и особаго, низкорослаго тополя, джидою (дикимъ финикомъ), абрикосовыми деревьями и др. Между ними рѣзко выдѣлялись кусты барбариса, буквально осыпанные уже закраснѣвшимися ягодами.

Приблизительно въ срединѣ долины, слѣдовательно верстахъ въ 10-ти отъ ущелья Баджгахъ, черезъ всю ширину ущелья, отъ одной гряды горъ до другой тянется невысокій земляной валъ, мѣстами скрѣпленный камнями. У южной горной гряды, по ту сторону рѣчки, у этого вала находится четырехугольный фортъ.

На 21-й верстѣ отъ нашей стоянки, въ долинѣ Мадеръ начинаются сплошные сады и тянутся версты 3—4 безпрерывно. Въ каждомъ саду находится одинъ или нѣсколько глиняныхъ домовъ, въ которыхъ живутъ туземцы. Изрѣдка попадаются пещеры, выбитыя въ отвѣсныхъ скалахъ, стѣсняющихъ здѣсь долину до ширины 100—200 саженъ,—тоже обитаемыя людьми. Въ садахъ находятся тѣ же представители растительности, какъ и въ Ташкентѣ, какъ и въ Самаркандѣ, какъ и вообще въ Туркестанѣ. Тѣ же персики, абрикосы, виноградъ, тутъ, грецкіе орѣхи, сливы, джида, тополь, ветла. Въ данное время персики здѣсь были еще зелены; абрикосы уже поспѣли и въ нѣкоторыхъ садахъ сушились. Сушка ихъ производится здѣсь очень просто. Спѣлые плоды раскладываются въ одинъ рядъ на землѣ, тра-

вѣ или на коврѣ, какомъ либо торпьѣ—и сохнутъ на солнцѣ. Недѣли достаточно, чтобы они высохли, какъ слѣдуетъ. Долина даетъ очень много абрикосовъ, и я видѣлъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ большія пространства, устланныя сушащимися плодами. Но количество ихъ все же не такъ велико, какъ говоритъ Бёрслемъ. «На этой станціи (Кагмардъ) было очень много фруктовъ», говоритъ онъ; «я замѣтилъ, что склоны обрамляющихъ долину горъ, вблизи нашей стоянки, были окрашены въ блестящій желтый цвѣтъ на пространствѣ 1½ миль; когда я приблизился къ нимъ, чтобы узнать причину этого явленія, то нашелъ, что все пространство покрыто было абрикосами, разложенными на солнцѣ въ одинъ рядъ для сушки» [1]).

Конечно, здѣсь видно ни болѣе, ни менѣе, какъ простое увлеченіе туриста. Долина не въ состояніи произвести такого громаднаго количества плодовъ, еслибы сады были засажены исключительно абрикосовыми деревьями. Кромѣ того, я разспрашивалъ туземцевъ о наибольшемъ количествѣ плодовъ, какое могли дать сады, и получилъ цифры значительно меньшія. Я имъ разсказалъ—что пишетъ по этому поводу Бёрслемъ, но на это они дали мнѣ такой отвѣтъ: «Инглизъ хватилъ черезъ край».—Орѣхи и виноградъ были въ данное время еще незрѣлы. Между тѣмъ Бёрслемъ, бывшій здѣсь гораздо раньше насъ по времени года, (14 іюня) восхищается вкусомъ винограда [2]). Я недоумѣваю, какой виноградъ пробовалъ Бёрслемъ? Даже въ серединѣ августа, когда я проѣзжалъ обратно изъ Кабула, виноградъ былъ здѣсь еще совсѣмъ зеленъ.

Верстъ за 5 до начала садовъ, насъ встрѣтилъ Бамьянскій губернаторъ Сердарь-Лаль-Магометъ-ханъ. Онъ—родственникъ эмира-Ширъ-Али-хана. Это мужчина среднихъ лѣтъ и средняго роста, крѣпкаго тѣлосложенія, съ пріятными манерами и умнымъ взглядомъ. Меня особенно поразилъ цвѣтъ его волосъ на бородѣ и усахъ. Между тѣмъ какъ волосы на головѣ были черные, какъ смоль (авганцы волосъ не брѣютъ и не стригутъ гладко; они носятъ что-то въ родѣ парика, а иногда такъ и совсѣмъ не стригутъ волосъ), его борода обритая эспаньолкой, и усы à la Викторъ-Эммануилъ,

---

[1]) A peep into Toorkistan, p. 77

[2]) Тамъ же... «the grape, which is unequalled», p. 77.

отличались огненно-рыжимъ цвѣтомъ. Я зналъ, что у авганъ, равно какъ и персіянъ, красная краска въ большомъ ходу; тѣ и другіе красятъ ногти и бороды; но окрашиваніе бороды дѣлается очень легко, иногда, какъ напр., у Дебира,—всего нѣсколько волосковъ. Ради большаго шика и джентльменства изъ всей бороды выбираются нѣсколько отдѣльныхъ волосковъ, которые и окрашиваются непремѣнно во всю свою длину. Дебиръ видимо щеголялъ своими нѣсколькими золотыми волосками, ярко выдѣлявшимися на темномъ фонѣ его густой бороды. Между тѣмъ Бамьянскій Сердарь тщательно выкрасилъ всю свою, очень хорошо сдѣланную, эспаньолку въ огненно-красный цвѣтъ.

Между тѣмъ, покуда мы разсматривали Сердаря, онъ поздоровался съ генераломъ, раскланялся съ остальными членами посольства и, разговаривая съ генераломъ, поѣхалъ рядомъ съ нимъ далѣе.

Съ Лаль-Магометъ-ханомъ было до 200 всадниковъ, которые тотчасъ присоединились къ нашему конвою. Большинство изъ нихъ, какъ намъ потомъ сообщили, были гезарейцы. Здѣсь же былъ и вождь гезарейцевъ округа Калу, Миръ-Баба. И опять я не могъ хорошо разсмотрѣть этотъ интересный народъ. Самъ же Миръ-Баба ничѣмъ не отличался отъ истаго авганца, развѣ только тѣмъ, что онъ не былъ такъ сильно горбоносъ, какъ кровный авганецъ. Бамьянскій губернаторъ былъ въ авганскомъ костюмѣ, съ шитьемъ на одеждѣ. Миръ-Баба былъ въ сѣромъ суконномъ кафтанѣ, подпоясанномъ ремнемъ, а на головѣ у него была обыкновенная коническая шапка.

Но вотъ дорога повернула къ югу и вскорѣ перешла на другой берегъ рѣки. Въ этомъ мѣстѣ долина значительно расширяется. Мы переходимъ черезъ рѣку по хорошему каменному мосту, проходимъ полемъ, взбирается на невысокій отрогъ южной гряды горъ, вслѣдъ затѣмъ переходимъ черезъ широкій арыкъ, идемъ версты четыре по полямъ, мимо нѣсколькихъ замковъ—и доходимъ до нашей стоянки. Наши палатки разбиты въ тѣнистомъ абрикосовомъ саду.

Сегодня ко мнѣ пришли трое больныхъ, въ числѣ которыхъ былъ солдатъ изъ сопровождающаго насъ пѣшаго конвоя, двое другіе—жители этой долины. У всѣхъ трехъ болѣзнь заключалась въ страда-

нін соединительной оболочки глазъ. У солдата—рубцовое стягиваніе слизистой оболочки уже обусловило заворотъ вѣкъ внутрь. У другаго, кромѣ упомянутаго страданія былъ еще и хроническій катарръ лѣваго слезнаго мѣшка. Понятно, что я постарался имъ помочь, насколько это было возможно. Я сказалъ также имъ, чтобъ они прислали ко мнѣ всѣхъ больныхъ, какіе только были въ данное время въ здѣшней долинѣ, что я охотно, чѣмъ могу—помогу. Они должно быть выполнили мой наказъ, такъ какъ спустя нѣкоторое время пришло еще нѣсколько больныхъ. Но, къ сожалѣнію, я въ это время не былъ дома. Авганскій же конвой, всегда тройной цѣпью, окружавшій нашу «резиденцію дня», прогналъ этихъ бѣдняковъ прочь, не дозволивъ имъ даже дождаться моего возвращенія.

Еще прежде я упоминалъ, что по пріѣздѣ на станцію, мы обыкновенно справлялись о дорогѣ до слѣдующей станціи. При этомъ приходилось перечитывать о нашемъ пути все, что мы имѣли подъ рукою. Такъ было и сегодня. Хорошо было, конечно, дѣлать, съ цѣлію болѣе подробнаго ознакомленія съ мѣстностью, небольшія экскуріи въ окрестности нашей стоянки. Здѣсь, въ этой долинѣ, было еще болѣе интересно сдѣлать подобную экскурсію. Поэтому я, заручившись позволеніемъ генерала и взявъ съ собой авганскій конвой въ дюжину пѣхотинцевъ, отправился въ путь. Со мною вмѣстѣ пошелъ также и топографъ. Онъ на всякій случай захватилъ буссоль и «черную книжку».

До рѣки, которая составляла цѣль нашего путешествія, намъ пришлось идти въ продолженіи почти часа времени. Я никакъ не ожидалъ, чтобъ она была такъ далеко отъ нашей стоянки, такъ какъ почти во весь сегодняшній переходъ мы слѣдовали ея берегомъ. Теперь, однако, оказалось, что съ того мѣста, гдѣ мы должны были подняться на небольшой отрогъ, рѣка идетъ все также къ западу, какъ и прежде, между тѣмъ, какъ дорога, по которой мы шли, повернула прямо на югъ. Это было совершенно неожиданнымъ открытіемъ для топографа.

Съ того мѣста, на которомъ мы стояли, видна была вся эта прелестная, неправильно-овальная горная котловина Кагмарда. Наибольшій діаметръ ея достигаетъ здѣсь 8—10 верстъ и идетъ косвенно съ В.С-В. на З.Ю-З. Наименьшій діаметръ ея имѣетъ не

болѣе 4—5 верстъ въ длину и направляется съ сѣвера на югъ. Со всѣхъ сторонъ котловину окружаютъ величественныя, просто подавляющія васъ своимъ грандіознымъ рельефомъ горы. Съ нашего мѣста особенно хорошо видна была сѣверная гряда горъ, почти совсѣмъ отвѣсно вздымающаяся на 3—4 тысячи футовъ. Разнообразіе окраски этихъ гигантскихъ скалъ трудно передать словами. Сѣрыя, мрачныя громады, окутанныя туманомъ воздушной дымки, смѣняются отвѣсными стѣнами ярко-краснаго цвѣта, съ горизонтальными, блестящими бѣлыми полосами. Фіолетоваго цвѣта глина смѣняется аспидно-сѣрымъ сланцемъ; а еще далѣе передъ вами, встаютъ известковые колоссы, одѣтые въ блестящую, свѣтлую одежду... На вершинахъ горъ снѣга не было видно.

Вся площадь долины прекрасно воздѣлана. Поля, прерываемыя садами, рощами и испещренныя «замками», тянутся по обѣимъ сторонамъ рѣки, достигающей въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы стояли, 20 сажень ширины. Стремительность потока очень велика; по всей вѣроятности, скорость теченія не менѣе 4—5 фут. въ секунду; цвѣтъ воды здѣсь какой-то бѣлѣсоватый. Я измѣрилъ t° воды и получилъ 18,2°С., смѣренная здѣсь же t° воздуха дала 24,4°С. Въ это время было около 5 часовъ по полудни.

Мы пробыли на берегу съ $^1/_2$ часа времени, а затѣмъ пошли гулять по разстилавшимся вокругъ насъ полямъ. Здѣсь рисъ уже шелъ въ трубку; просо совсѣмъ выколосилось, а пшеница была уже сжата. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ поля были не засѣяны и оставались подъ паромъ, а въ другихъ—только что вспаханы. Тутъ же на полѣ валялось и орудіе обработки—деревянный плугъ, безъ желѣзнаго наконечника, вообще нисколько не отличающійся отъ плуга, которымъ пашутъ наши узбеки и киргизы.—На нашемъ пути попадались частыя оросительныя канавы, черезъ которыя приходилось перепрыгивать, а черезъ одну, очень широкую, мы были перенесены нашими конвойными авганцами на рукахъ. Изъ травы и изъ хлѣбовъ при нашемъ приближеніи вылетали перепела и куропатки. Начальникъ конвоя, да и всѣ часовые, сопровождавшіе насъ, оказались людьми очень любезными и словоохотливыми. Жаль только, что мы съ топографомъ знали по персидски очень мало, а то можно было-бы разспросить ихъ о многомъ, интересовавшемъ насъ. Иногда, желая что

нибудь намъ объяснить, авганцы прибѣгали къ забавнымъ пантомимамъ; такъ напримѣръ, желая объяснить названіе подъема «Денданъ-Шикенъ», начальникъ конвоя показалъ видъ, что у него болятъ зубы, которыя онъ будто-бы ушибъ при паденіи съ горы [1]). Съ грѣхомъ пополамъ онъ объяснилъ также, что рѣчка Кагмардъ вытекаетъ изъ разсѣлины скалы, верстахъ въ 12 отъ этого мѣста, что самъ онъ здѣшній житель, а равно и нѣкоторые изъ конвойныхъ солдатъ. Долина, какъ онъ сказалъ, называется въ данномъ мѣстѣ не Кагмардъ, а Шишъ-Бурчъ, т. е. шесть замковъ.

Между тѣмъ долина мало по малу погрузилась въ вечернія сумерки, и только вершины восточной гряды горъ еще были одѣты въ золото и пурпуръ, разливаемые лучами заходящаго солнца.—Когда мы воротились домой, то ужинъ былъ уже готовъ, и въ числѣ блюдъ мы сегодня имѣли уху изъ форелей, пойманныхъ въ здѣшней рѣчкѣ. Форели имѣли вершковъ 6 въ длину, красно-пятнистыя, но была въ числѣ пойманной рыбы и маринка. Авганцы сдержали свое обѣщаніе, они приготовили также шашлыкъ («кябабъ») изъ рыбы. Для этого съ рыбы сначала снимаютъ кожу и затѣмъ уже жарятъ на вертелѣ.

Наскоро выпивъ по чашкѣ «ширинъ-чая», рано утромъ слѣдующаго дня мы сѣли на лошадей и снова двинулись въ путь. Вотъ начачался подъемъ на перевалъ Денданъ-Шикенъ. Вьюки были посланы, на этотъ разъ, впередъ. У самаго начала подъема одинъ авганскій «ябу» (вьючная лошадь) поскользнулся и упалъ. Увидавъ упавшую лошадь, выбивавшуюся изъ силъ подъ тяжестью гнетущаго ее вьюка, Дебиръ, несмотря на свою важность и сановитость, быстро соскочилъ со своего «юрги» (иноходца) и началъ дѣятельно помогать вожатому вьюка (лаучи) поднять лошадь. Вскорѣ къ нимъ присоединилось еще два-три авганца—и вьюкъ былъ поднятъ. Я съ большимъ удовольствіемъ смотрѣлъ на Дебира, когда онъ, отбросивъ свою важность, такъ усердно работалъ, когда требовало этого дѣло, и работалъ ничуть не хуже обыкновеннаго рабочаго. Вѣдь на подобнаго рода поступокъ способны, вѣроятно, очень немногіе изъ нашихъ начальниковъ. Между тѣмъ здѣсь и теперь, какъ и во времена Кира

---

[1]) Денданъ-Шикенъ—въ переводѣ на русскій языкъ значитъ «сокрушитель зубовъ».

Младшаго [1]), все еще замѣтна та здоровая простота нравовъ, которою такъ отличались древніе персы. И такъ, «Зуболомъ» уже начиналъ оправдывать свое названіе: одна лошадь упала еще, такъ сказать, ничего не видя. Что-то будетъ дальше...

Наша кавалькада длинной вереницей растянулась по зигзагамъ узкой, въ одну лошадь, тропинки, круто и скользко вьющейся по сплошной сланцевой плитѣ, мѣстами гладко отполированной лѣтними дождями и зимними снѣгами, мѣстами же изорванной зимними морозами и лѣтними жарами. Я не помню, сколько разъ я останавливался для отдыха во время подъема на перевалъ, но скажу только, что дѣлалъ это приблизительно черезъ каждыя 5—10 минутъ.

Подъемъ этотъ такъ труденъ не вслѣдствіе очень большой крутизны своей (мѣстами онъ все же очень крутъ), а главнымъ образомъ потому, что дорога неимовѣрно скользкая. Она представляетъ собою не что иное, какъ желобъ, выбитый въ сплошной каменной плитѣ. Направо и налѣво—гладкая поверхность скалы, по которой нельзя сдѣлать ни одного шага.

Казакъ Трекинъ могъ бы весьма печально продѣлать подобный экспериментъ, еслибы не обошлось все благополучно. Нужно замѣтить, что генералъ разъ на всегда приказалъ казакамъ въ гору и подъ гору спѣшиваться, всходить и спускаться съ перевала непремѣнно пѣшкомъ.

---

[1]) Вотъ что мы читаемъ у Ксенофонта: «Однажды намъ пришлось проходить тѣснымъ и очень грязнымъ ущельемъ, трудно проходимымъ для повозокъ. Киръ останавился здѣсь вмѣстѣ съ знатнѣйшими и богатѣйшими изъ своихъ придворныхъ и приказалъ Глусу и Пигрету, взявши отрядъ персидскаго войска (варваровъ), вытащить повозки, засѣвшія въ грязи. Когда же ему показалось, что тѣ медленно исполняютъ порученное имъ дѣло, то онъ (Киръ) гнѣвно приказалъ окружавшимъ его персидскимъ сановникамъ помочь вытащить повозки. Тогда можно было увидѣть прекрасный образецъ дисциплины. Каждый изъ нихъ мгновенно сбросилъ свою пурпурную мантію на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ въ данное время находился, и по крутому косогору устремился бѣгомъ внизъ, точно дѣло шло о побѣдѣ, не обращая никакого вниманія ни на свои богатые хитоны, ни на пестрые шаровары; а нѣкоторые изъ нихъ имѣли ожерелья на шеѣ и кольца на пальцахъ. Тотчасъ они прыгнули въ грязь, не обращая никакого вниманія на свои украшенія, и быстрѣе, чѣмъ кто-либо могъ подумать объ этомъ, вытащили повозки». Ξενοφῶντος Ἀνάβασις кн. I, гл. 5.

Тогда, съ цѣлію облегчить себѣ подъемъ на перевалъ, казаки придумали слѣдующій способъ. Впередъ они пускали лошадей, а сами шли сзади, *держась за хвостъ лошади*. Лошадь, такимъ образомъ, на своемъ хвостѣ вытягивала казака на гору. Вотъ именно такимъ образомъ Трекинъ теперь и путешествовалъ. Вдругъ его лошадь своротила съ тропинки и пошла по наклону скалы. Черезъ нѣсколько шаговъ и она, и буксируемый ею казакъ поскользнулись и упали на колѣни. Счастье ихъ, что уклонъ горы въ данномъ мѣстѣ былъ не очень большой, а то пришлось бы казаку, вмѣстѣ съ своимъ конемъ, съѣхать съ горы по прямому направленію, и тогда...

Перевалъ представлялъ теперь интересное зрѣлище. Вверху, надъ головой у меня и внизу, подъ ногами, были разсѣяны конныя фигуры, въ одиночку и группами, ѣхавшія и шедшія пѣшкомъ, отдыхавшія, курящія и даже пьющія. Нужно замѣтить, что мы взбирались на «Зуболомъ» при наилучшихъ обстоятельствахъ. Задолго до этого времени здѣсь не было дождей—это одно благопріятное условіе; второе состояло въ томъ, что Бамьянскій губернаторъ спеціально для проѣзда посольства исправилъ дорогу настолько хорошо, насколько это было возможно. Я видѣлъ, напримѣръ, что въ наиболѣе скользкихъ мѣстахъ тропинка была покрыта выбитыми нарубами, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на дорогу были нанесены галька, гравій и песокъ. Весь подъемъ тянется версты 4 и оканчивается широкой горной площадью. Здѣсь мы остановились на нѣсколько минутъ, чтобы дать отдохнуть измученнымъ лошадямъ. Высота перевала, по Бёрслему, около 9,000 футовъ.

Отсюда открывается необозримый видъ на окружающія горныя поля. Онѣ—безжизненны и своимъ сѣрымъ и бурымъ фономъ производятъ непріятное, тяжелое впечатлѣніе. Трава, даже и на этой высотѣ, совершенно выжжена была солнцемъ. Изъ ближайшихъ овраговъ выглядывали сухія высокія стебли какихъ-то растеній.

— Эсъ инджа та Кабулъ нисфи рахъ эстъ, докторъ—саибъ (отсюда до Кабула остается половина пути), обратился ко мнѣ словоохотливый Дебиръ,—и протянулъ мнѣ горсть сушонаго винограда, присовокупивъ: «бихуридъ» (кушайте). Я съѣлъ виноградъ, поду-

мавъ про себя, что охотнѣе принялъ бы предложеніе выпить чашку чаю.

— Скажите пожалуйста, Кемнабъ-сагибъ, обратился я къ нему—конечно черезъ переводчика, роль котораго принялъ на себя весьма любезно самъ генералъ,—вѣдь въ этихъ мѣстахъ растетъ аса-фетида?

Дебиръ не понялъ вопроса и не могъ мнѣ сказать, что такое аса-фетида. Однако, послѣ дальнѣйшихъ разъясненій, онъ весело воскликнулъ: «инкъ, инкъ!» Оказалось, что аса-фетида у авганъ извѣстна подъ именемъ инкъ. Послѣ этого Дебиръ сообщилъ, что въ здѣшнихъ мѣстахъ дѣйствительно растетъ инкъ, и сока этого растенія собирается очень много. Онъ обѣщалъ указать мнѣ на это растеніе, если бы оно попалось намъ на пути.

Затѣмъ намъ пришлось пройти верстъ 6 по горному плато, слегка всхолмленному. Южная окраина плато оканчивается спускомъ въ Сайганскую долину. Спускъ также крутъ, а можетъ быть, еще круче, чѣмъ Денданъ-Шикенскій подъемъ, но за то далеко не такъ скользокъ, при томъ же онъ значительно короче предыдущаго, а грунтъ—мягче. Такимъ образомъ долины Кагмардъ и Сайганъ отдѣляются другъ отъ друга не двумя перевалами: Денданъ-Шикэнскимъ и Сайганскимъ, какъ это показано на англійскихъ картахъ (напримѣръ, Уокера и у Бёрслема), а лишь однимъ, имѣющимъ видъ обширнаго горнаго плато. Денданъ-Шикэнъ, слѣдовательно, есть только подъемъ на перевалъ, а Сайганскій перевалъ англійскихъ авторовъ есть, собственно, спускъ съ перевала. Самый же перевалъ слѣдовало бы называть Дешти-Гашакъ—названіе, усвоенное для горнаго плато туземцами.

Сойдя по Сайганскому спуску, мы съ часъ времени ѣхали ущельемъ прямо на югъ, съ легкимъ уклономъ на западъ. Но вотъ кончилось безмолвное ущелье, и мы выѣхали на довольно узкую, въ этомъ мѣстѣ, долину Сайганъ. Она тянется съ запада на востокъ и также тщательно воздѣлана, какъ и ея предшественница. Въ разныхъ мѣстахъ опять зазеленѣли группы деревьевъ. Пшеница была здѣсь еще не сжата, и роскошныя поля длинной полосой тянулись по обѣимъ берегамъ многоводнаго, прозрачнаго ручья. Часть конныхъ авганскихъ конвоировъ вбродъ переправилась на противо-

положную сторону рѣчки и, нисколько не стѣсняясь тѣмъ, что они мяли прекрасную ниву, устроили скачки, состязуясь другъ съ другомъ въ быстротѣ своихъ горныхъ скакуновъ.

Черезъ нѣсколько минутъ ѣзды мы приблизились къ тому мѣсту долины, гдѣ она съуживается, имѣя всего около 200 саженъ ширины. Въ этомъ мѣстѣ видны остатки стѣны, запиравшей когда-то долину. На обѣихъ оконечностяхъ стѣны виднѣются развалины такъ часто встрѣчающихся здѣсь «зàмковъ». Около сѣвернаго зàмка расположена группа выбитыхъ въ скалѣ пещеръ.

Куръ (французскій авантюристъ, бывшій на службѣ у Ренджитъ-Сингa) къ этимъ развалинамъ пріурочиваетъ построенную Александромъ Македонскимъ «Alexandriam sub Caucaso»[1]). Насколько подобное предположеніе вѣрно, можно заключить уже изъ того, что Куръ самъ невидалъ этихъ развалинъ, а только слышалъ о нихъ.

Мы проѣхали мимо развалинъ и подвигались впередъ, все вдоль и внизъ по теченію ручья. Долина вскорѣ расширяется до 2-3 верстъ въ поперечникѣ, а ея западный конецъ уходитъ совсѣмъ изъ глазъ, теряясь въ зигзагахъ окружающихъ ее горъ. Ручей превратился въ рѣчку 5 саж. шириною, съ 3-4 футами глубины. Затѣмъ мы прошли однимъ селеніемъ; вотъ и другое тянется съ своими садами; версты на полторы раскинулось оно. Въ немъ-то и устроена наша стоянка. Но это не есть само мѣстечко Сайганъ; оно осталось далѣе къ востоку отъ нашей стоянки.—Такъ я и не увидѣлъ по дорогѣ растенія «инкъ». Но я хотѣлъ во чтобы то ни стало имѣть корень его, а если можно, то и все растеніе, со стеблемъ. Поэтому я попросилъ разрѣшенія генерала отправиться послѣ завтрака въ горы, поискать это растеніе, столь меня интересовавшее.

Но начальникъ посольства мнѣ отвѣтилъ, что вблизи отъ нашей стоянки этого растенія нѣтъ, а потому на мою просьбу отвѣчалъ отказомъ. Сердарь Лаль-Магометъ-ханъ, видя мое великое желаніе имѣть «инкъ», послалъ своихъ гезарейцевъ въ горы, поручивъ имъ непремѣнно найти и доставить мнѣ нужный корень.

---

[1]) Journal Asiatique, vol. IV pp. 376—377, 1837 г.

Палатки наши были разбиты сегодня опять въ тѣнистомъ фруктовомъ саду. За завтракомъ здѣсь впервые были поданы огромной величины огурцы. Они представляютъ спирально завитую фигуру, величиной нѣсколько болѣе полуаршина, а діаметромъ въ 2-3 дюйма. Но если можно было любоваться ихъ величиной, то о вкусѣ ихъ ничего нельзя было сказать хорошаго; полное отсутствіе аромата.

Послѣ обѣда мнѣ принесли одинъ экземпляръ аса-фетиды; принесли цѣлое растеніе—корень и стебель. Стебель въ данное время былъ уже совсѣмъ сухой. Проницательный, невыносимо-вонючій запахъ сразу заявилъ о близкомъ сосѣдствѣ этого корня. Стебель растенія имѣетъ около 3—4 фут. высоты, при чемъ листья имѣютъ лапчатый видъ, какой имѣютъ наши зонтичныя (напр. обыкновенный дягиль).

Корень мнѣ былъ принесенъ со смолой, выступившей на его срѣзанной поверхности; смола матово-янтарнаго цвѣта, твердой консистенціи, имѣетъ видъ кристаллическій. Длина корня—фута $1^1/_2$—2; онъ имѣетъ нѣсколько второстепенныхъ отпрысковъ, и покрытъ чешуйчатой, буроватой кожицей, снабженной поперечными, обхватывающимя корень, кольцами. Изломъ корня волокнистый, сѣраго цвѣта. Растеніе очень любитъ каменистую почву, цвѣтетъ весной, даетъ сѣмяна, которыми и разводится. До 15-ти лѣтняго возраста корень не употребляется для сборы смолы. По достиженіи корнемъ этого возраста, стебель послѣ цвѣтенія и созрѣванія сѣмянъ, срѣзывается. На этомъ срѣзѣ, черезъ нѣсколько времени (дня черезъ $1^1/_2$—2) выступаетъ сокъ матово-бѣлаго цвѣта, похожій на густыя сливки. Черезъ нѣсколько дней онъ буреетъ и твердѣетъ. Дней черезъ 12 онъ дѣлается матово-янтарнымъ и тогда снимается съ корня. Количество выступающаго на срѣзѣ корня сока не превышаетъ 1—$1^1/_2$ унціи. Затѣмъ—снова дѣлаютъ на этомъ корнѣ срѣзъ, на которомъ опять въ 12—15 дней выступаетъ извѣстное количество сока, который опять собирается. Подобную операцію надъ однимъ и тѣмъ же корнемъ продѣлываютъ нѣсколько разъ; въ благопріятное лѣто до 6—8 разъ. Нужно замѣтить, что послѣдующіе сборы сока становятся меньше и худшаго качества. Такимъ образомъ одинъ корень можетъ дать въ лѣто отъ $^1/_2$ до 1 фунта, а не полпуда (!), какъ сообщаютъ объ этомъ ан-

глійскіе авторы [1]). Если во время выпотѣванія сока выпадетъ дождь, то смола и самый корень портятся, и въ этотъ годъ съ него сокъ уже совсѣмъ не собирается. Корень, съ котораго собирали въ продолженіи лѣта сокъ, совсѣмъ не погибаетъ, а лѣтъ черезъ 10—12, снова отростаетъ и тогда опять можетъ быть употребленъ для сбора смолы [2]).

Я спрашивалъ у нѣкоторыхъ авганцевъ: пользуются ли они смолой этого корня съ терапевтическою цѣлію?—и получилъ утвердительный отвѣтъ. Но—когда и въ какихъ болѣзняхъ они употребляютъ его, я не могъ добиться толку. Теперь я думалъ о томъ, какъ бы мнѣ достать экземпляръ другаго, столько же интересовавшаго меня мѣстнаго растенія,—ревеня кабульскаго, о которомъ, съ такимъ восторгомъ отзывается Бёрнсъ [3]).

Однако сегодня опять 5 казаковъ заболѣли лихорадкой. А между тѣмъ о присутствіи здѣсь лихорадочной міазмы, повидомому, и рѣчи не можетъ быть: такъ высоко и такъ прохладно. Эти случаи заболѣванія должны быть, поэтому, отнесены къ рецидивамъ.

Изъ Сайгана мы отправились въ путь при 10° С. въ 5 часовъ утра. Это—невысокая температура для іюля мѣсяца.

Нѣсколько времени мы ѣхали на востокъ, вдоль рѣчки Сайганъ, перебрались по каменному мосту на правый ея берегъ и противъ селенія Сайганъ вступили въ ущелье, имѣющее южное направленіе. Прежде чѣмъ войти въ него, намъ пришлось перейти въ бродъ стремительный, но не глубокій ручей, текущій по ущелью. Далѣе къ югу ущелье расширяется и даетъ мѣсто тощимъ полямъ, узкой полосой тянущимся то по одну, то по другую сторону ручья. Здѣсь я увидалъ рядомъ съ пшеницею и ячмень, а еще далѣе—бобы. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, Богъ знаетъ для чего, ущелье перегорожено поперечными невысокими земляными валами. По нимъ вьются разныя вьюнковыя растенія. Вправо и влѣво нѣтъ-нѣтъ да и блеснетъ тонкая струйка воды, торопливо бѣгущая по каменистому ложу

---

[1]) У Григорьева—«Кабулистанъ и Кафиристанъ», стр. 965 (не опечатка ли это?).

[2]) Объ этомъ растеніи даютъ намъ первыя, по времени, свѣдѣнія, историкъ Алекс. Македонскаго. См. напр. у Арріана: Ἀνάβασις, кн. 3, гл. 28.

[3]) «Путеш. въ Бухару». Т. II, стр. 277.

оросительной канавы. Кругомъ—ни одного деревца, а вверху—темно-синее небо, обрамленное островерхими, причудливыми пиками и вышками стѣсняющихъ ущелье горъ, щеголяющихъ другъ передъ другомъ своимъ рѣзнымъ каменнымъ уборомъ. Здѣсь скалы представляютъ самое пестрое разнообразіе очертаній.

Намъ часто теперь приходилось идти по самому ложу ручья; поля кончились, скалы сдвинулись тѣснѣе; подъ ногами масса камней и обломковъ. Между ними замѣтны кристаллическія породы краснаго, сѣраго и розоваго цвѣта.

Но вотъ ущелье опять расширяется—и снова овладѣваютъ пространствомъ поля, засѣянныя здѣсь преимущественно бобами. Въ срединѣ небольшой лощины виднѣется неизбѣжный глиняный «замокъ», А недалеко отъ него стоятъ двѣ ивы и служатъ единственными представительницами здѣшней древесной растительности. Это селеніе называется Чинаръ-Сухтé (въ перев. на русск. языкъ—сожженный чинаръ). Меня заинтересовало названіе этого селенія. Я никакъ не предполагалъ, чтобъ чинары росли на такой большой высотѣ (около 8,000 ф.). Поэтому я обратился къ бамьянскому губернатору за объясненіемъ такого страннаго названія. Но начальникъ Бамьяна не могъ дать мнѣ никакого объясненія. Дебиръ же сказалъ, что онъ никогда не слыхалъ, чтобы здѣсь росли чинары, а что названіе дано «такъ».

Здѣсь мы имѣли небольшой отдыхъ, а Дебиръ оказался на этотъ разъ болѣе понятливымъ, чѣмъ вчера. Онъ сейчасъ же распорядился приготовить чай—и мы съ величайшимъ наслажденіемъ, понятнымъ только для путника, выпили по чашкѣ этого благодатнаго напитка. Къ чаю были поданы авганскія сдобныя лепешки, выпеченныя съ анисомъ.

Затѣмъ, другая половина сегодняшняго перехода была похожа на первую, какъ двѣ капли воды.

Мосинъ-ханъ, Миръ-баба и нѣкоторые другіе авганцы нѣсколько разъ пускали своихъ лошадей въ карьеръ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ущелье смѣнялось сочной, покрытою злаками, лощиною. Разъ я отсталъ, желая выкопать одно растеніе; мнѣ показалось, что я нашелъ корень «чукри», знаменитый авганскій ревень. Но я даромъ потратилъ время и трудъ; это было одно изъ самыхъ невинныхъ зонтич-

ныхъ растеній. Когда я отсталъ отъ посольской группы, то около дюжины авганцевъ, съ «бимъ-баши» во главѣ, остались возлѣ меня и не прежде оставили это мѣсто, пока я не тронулся въ путь.

Но вотъ, однако, холмы окаймляющіе ущелье постепенно стали принимать все болѣе и болѣе мягкія очертанія. Нѣтъ-нѣтъ да и появится шатрообразная песчаная вершина. Вскорѣ конусы и полуовалы совершенно замѣнили прежніе ники и гребни, отлогіе скаты—острые бока и разнообразныя колонады. Прекрасная трава-мурава поднимается по склонамъ горъ все выше и выше. Наконецъ мы вышли на обширную зеленую поляну. Это и есть Риги-Ноу (въ перев. на русск. языкъ—девять песковъ). Риги-Ноу—не селеніе и не укрѣпленіе, а просто урочище [1]). Почему оно называется «девять песковъ»—вѣроятно одинъ только Аллахъ вѣдаетъ. Правда, холмы, окружающіе поляну—песчанисты, но все же, во 1-хъ, ихъ не 9, а во 2-хъ, они хотя и составляютъ контрастъ съ зеленой поляной, но нисколько не уменьшаютъ, такъ сказать, жизненности, сочности ея.—Что же касается послѣдняго ея качества, то оно выражено даже черезъ чуръ. Подъ почвой находится очень много источниковъ, а вслѣдствіе этого вся луговина пропитана водой, точно губка.—Наши палатки были разбиты какъ разъ на поверхности этой губки. Мнѣ казалось, что мѣсто подъ палатки было выбрано неудобное. Поэтому я подалъ совѣтъ—во избѣжаніе вредныхъ послѣдствій—подвинуть палатки ближе къ холмамъ, на болѣе сухое мѣсто. Но начальникъ миссіи не счелъ удобнымъ исполнить мой совѣтъ.

Лаль-Магометъ-ханъ сталъ лагеремъ со своимъ штатомъ по другую сторону ручья, въ значительномъ отдаленіи отъ насъ. На немъ теперь лежала обязанность принять миссію и продовольствовать ее во все время нахожденія ея въ раіонѣ его губернаторства. Поэтому онъ постоянно былъ занятъ съ поставщиками разнаго рода продуктовъ и припасовъ, а его секретарь постоянно писалъ разныя росписки, которыя выдавались поставщикамъ продуктовъ; эти росписки зачитались потомъ въ счетъ податей.

---

[1]) Мессонъ говоритъ, что въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ этимъ урочищемъ находится селеніе.—Various journeys, vol II, p. 405.—Но я не замѣтилъ никакого селенія въ сосѣдствѣ съ нашей стоянкой.

Живописную картину представлялъ теперь нашъ лагерь, широко и далеко раскинувшійся по зеленой горной лощинѣ. Эта живописность, даже фантастичность картины особенно усилилась тогда, когда бѣлѣсоватый вечерній туманъ сталъ сгущаться въ ложбинахъ горъ и ущельяхъ, когда въ разныхъ мѣстахъ вспыхнули костры, освѣтившіе своимъ трепетнымъ, фантастическимъ свѣтомъ и группы островерхнихъ палатокъ, и сновавшихъ взадъ и впередъ людей, и задумчиво пожевывавшихъ свой ячмень лошадей, а на вершинахъ мягкихъ холмовъ еще догорало тихое сіяніе вечерней зари... Казалось, будто находишься въ какомъ-то сказочномъ, волшебномъ мірѣ. Но суровая дѣйствительность не замедлила разрушить мое очарованіе. Вотъ послышались возгласы авганскихъ часовыхъ, сигнальные оклики и отвѣты на нихъ: значитъ Мосинъ-ханъ началъ повѣрку караульныхъ по́стовъ. Вскорѣ эти возгласы послышались уже у самой нашей палатки. Дула ружей, освѣщенные красноватымъ свѣтомъ костра сверкнули въ воздухѣ, солдаты сдѣлали на караулъ — и Мосинъ-ханъ важно прошелъ къ намъ въ палатку. Казаки, какъ это вошло уже въ правило, сняли свои палатки и улеглись вокругъ посольской палатки на сыромъ и холодномъ лугу, подославъ подъ себя дырявыя кошмы и одѣвшись своими шинелями. Бѣдные! какъ же они продрогли за ночь, а особенно къ утру. T° въ 5 ч. утра была только 7, 6° C.

Обычный рожокъ поднялъ насъ на слѣдующее утро очень рано. Въ ущельѣ еще царила ночная тьма; звѣзды были еще въ своемъ зенитѣ и до разсвѣта, по моему предположенію, было нѣсколько часовъ. Точнѣе я не могъ опредѣлить время, такъ какъ часы мои почему-то остановились. Поднялись покрытые паромъ и влагой казаки, гогоча и кряхтя отъ холода. Поднялся и генералъ.

— Что это? Мосинъ-ханъ, кажется, съ ума сошелъ! сердито проговорилъ онъ. Вѣдь еще только 2 часа ночи. Скажите пожалуйста,—какъ же можно ѣхать въ такой темнотѣ? Ноги что-ли переломать у лошадей? Этакъ пожалуй и шею себѣ сломаешь... Нѣтъ, ужъ переусердствовалъ почтенный «маіоръ»!

Затѣмъ послѣдовалъ приказъ—снова ложиться спать, а вьюки, которые лаучи начали было торопливо навьючивать, снова сложить и ждать до разсвѣта. Между тѣмъ въ авганскомъ лагерѣ уже за-

гудѣли раскаты барабана—знакъ, что выступленіе началось. Вскорѣ появился Мосинъ-ханъ и удивился, увидя, что у насъ ничто не готово къ выступленію. На этотъ разъ онъ долженъ былъ удивиться еще болѣе, ибо генералъ въ первый еще разъ, со времени переправы черезъ Аму, прочелъ ему нотацію. Мосинъ-ханъ извинялся и оправдывался тѣмъ, что въ этотъ день предстоялъ путь очень длинный и трудный.

— Пянджъ сенгъ рахъ эстъ; бессьяръ котель даредъ [1]), смущенно повторялъ онъ.

Однако рѣшено было ждать до разсвѣта. Топографъ, котораго я имѣлъ неосторожность разбудить при звукѣ рожка, вскорѣ сталъ жаловаться на сильный холодъ, а вслѣдъ за тѣмъ почувствовалъ и формальный лихорадочный ознобъ; t° подъ мышкой у него достигала до 39,5° С.

Пелена тумана, слегка колыхаясь, медленно поднималась и таяла, первые лучи солнца зажгли верхушки холмовъ—когда мы выступили въ путь. «Натуралистъ» очень горевалъ, что вслѣдствіе болѣзни не могъ вести маршрутъ. Тогда я, полковникъ, Замаанбекъ и Малевинскій раздѣлили между собой дѣло веденія маршрута: одинъ узналъ названія урочищъ и мѣстечекъ, другой отмѣчалъ углы по буссоли, третій считалъ время ѣзды и т. д. Вскорѣ, однако, и я долженъ былъ отказаться отъ своей доли участія въ съемкѣ маршрута. Лихорадка сдѣлала и мнѣ визитъ. Я былъ очень доволенъ, что визитъ ея, на этотъ разъ, былъ очень умѣренный. Вслѣдъ затѣмъ фельдшеръ доложилъ мнѣ, что заболѣли 4 казака. Освидѣтельствовавъ ихъ, я нашелъ, что и они больны лихорадкой. Несомнѣнно, что послѣдній ночлегъ на болотистой почвѣ былъ причиной этихъ заболѣваній,—тѣмъ болѣе, что казаки на ночь были лишены своихъ палатокъ. Но и опять позволительно было усомниться въ непосредственномъ зараженіи міазматическимъ ядомъ; вѣдь абсолютная высота мѣстности достигаетъ 9 т. фут., t° днемъ не выше 22° С.; утромъ и ночью—и того ниже. Очевидно было, что я имѣлъ дѣло съ рецидивами лихорадки, которые вызваны были исключительно неблагопріятной, даже прямо вредной обстановкой, въ которой

[1]) »Дорога—5 санговъ, (т. е. 40 верстъ); на пути много переваловъ».

мы иногда имѣли несчастіе находиться. Что же касается казачьяго конвоя, то было удивительно, что онъ еще мало болѣлъ. Въ его положеніи можно было ожидать повальной болѣзненности, потому что 1) казаки были очень обременены караульной службой; каждую ночь дежурили трое казаковъ; 2) и тѣ казаки, которые не дежурили, не имѣли возможности отдохнуть ночью, какъ слѣдуетъ. Начальникъ миссіи разъ на всегда приказалъ имъ убирать на ночь свои палатки. Они должны были спать на открытомъ воздухѣ, расположившись вокругъ той палатки, въ которой ночевала миссія. Понятно, что сырость и ночной холодъ должны были сказаться на здоровьѣ казаковъ крайне неблагопріятнымъ образомъ. Я дѣлалъ было по этому поводу заявленія начальнику миссіи; я совѣтовалъ не лишать казаковъ палатокъ во время ночи. Но мои совѣты были признаны неудобоисполнимыми, а самъ я былъ обвиненъ, благодаря этимъ совѣтамъ, въ нарушеніи дисциплины...

На 5-й верстѣ отъ Ринги-Ноу, начинается подъемъ на перевалъ Акъ-Раббатъ (бѣлый караванъ-сарай въ перев. на русск. яз.).

Подъемъ на перевалъ тянется версты 4. Мѣстами онъ очень крутъ, но вездѣ хорошо разработанъ и доступенъ даже колеснымъ экипажамъ. Вотъ мы и на вершинѣ послѣдней грани, отдалявшей насъ отъ сказочнаго Бамьяна. И что за эффектная картина представляется вашему взору съ вершины этого перевала!

Внизу, прямо подъ ногами у насъ, разстилалась узкая зеленая долина, засѣянная разными злаками. Среди этой долины... вы уже догадываетесь, конечно, что это — неизбѣжный «замокъ». Затѣмъ далѣе дорога, змѣйкой вьющаяся по долинѣ, дѣлится на двѣ вѣтви: одна поворачиваетъ на лѣво, переходитъ черезъ ручей, вытекающій изъ южной подошвы Акъ-Раббатскаго пика, и начинаетъ снова взбираться на одинъ изъ отроговъ Акъ-Раббатской гряды горъ, перевалъ Пелу. Другая вѣтвь дороги, поворачиваетъ вправо и круто взбирается въ гору. Первая идетъ въ Бамьянъ, вторая—въ Гератъ, какъ это мнѣ сообщилъ словоохотливый Лаль-Магометъ-ханъ [1]).

---

[1]) Вѣроятно этой дорогою прошелъ въ 1506 (?) г. султанъ Баберъ изъ Герата въ Бамьянъ, а отсюда въ Кабулъ. Онъ былъ, кажется, единственный

Далѣе къ югу долинка замыкается цѣлымъ моремъ округленныхъ, съ весьма мягкими очертаніями, холмовъ, покрытыхъ прекрасными пастбищами. Воздушная дымка, точно прозрачная пелена, покрывала это море каменныхъ волнъ, среди которыхъ я замѣтилъ два-три «зàмка». Лаль-Магометъ-ханъ сообщилъ мнѣ, что это—селенія Гезарейцевъ.—Холмы подходятъ въ плотную къ гигантской цѣпи Кухи-Баба, острыя пики и гребни которой покрыты на нѣсколько тысячъ футъ въ вышину вѣчнымъ снѣгомъ. Безпрерывная горная гряда эта имѣетъ направленіе съ В.СВ. на З.ЮЗ. Восточный конецъ ея находится у Гильджатуя, а западный—теряется въ туманной дали.

Въ этой грядѣ значительно возвышается надъ общимъ уровнемъ горъ одна массивная группа Шайтанъ, эфектно вырѣзывающая на свѣтло-голубомъ фонѣ неба свои три ослѣпительно-бѣлыя вершины.

Я оглянулся назадъ и былъ пораженъ тѣмъ контрастомъ, который представился моему взору. Зеленая, веселая лощина, которую мы только что оставили, казалась пустыней, а за ней—непроницаемый туманъ скрывалъ отъ насъ мрачныя скалы горнаго барьера «Дешти-Гашакъ».

У зàмка Акъ-Раббатъ Дебиръ и на этотъ разъ угостилъ насъ чаемъ съ лепешками. Я положительно ничего не имѣю противъ того, чтобъ онъ усвоилъ себѣ этотъ пріемъ для постояннаго руководства.

Ячмень въ этой лощинѣ въ данное время еще едва выколосился. Высота Акъ-Раббатскаго перевала англійскими путешественниками опредѣляется различно: одни (Вудъ) даютъ ему высоту въ 11,000 ф., другіе (Бёрнсъ) въ 9,000 ф.

Не успѣли мы спуститься съ Акъ-Раббата, какъ пришлось снова взбираться на перевалъ Пелу, довольно короткій, но очень крутой, имѣющій, впрочемъ, довольно мягкій грунтъ земли. Затѣмъ изъ лощины—совершенно пустынной, хотя и имѣвшей тощія нивы—дорога опять дѣлится на двѣ вѣтви: одна идетъ прямо на югъ, ущельемъ, а другая направляется лѣвѣе, въ обходъ этого ущелья. Мы пошли по обходной дорогѣ, такъ какъ выпавшіе здѣсь не задолго до нашего проѣзда дожди сильно попортили дорогу, пролегающую ущельемъ. На-

---

до сихъ поръ полководецъ, прошедшій черезъ весь Гезареджатъ, въ зимнее время, съ войсками.

правившись по обходной дорогѣ, мы должны были опять подняться на перевалъ Чешма-и-Пелу, крутой, хотя и не высокій. А затѣмъ, въ продолженіи 2-хъ часовъ ѣзды, дорога тянулась по сильно холмистой мѣстности. Я не могу точно сосчитать, сколько разъ пришлось намъ подняться изъ овраговъ и спуститься съ бугровъ различной высоты въ ложбины. Знаю только, что я, мучимый лихорадкой, очень усталъ. Одинъ изъ заболѣвшихъ казаковъ, положительно не могъ ѣхать; на одномъ изъ бугровъ онъ упалъ и какъ пластъ лежалъ на землѣ, безъ всякаго движенія. При мнѣ всегда была фляжка коньяку, и я влилъ въ ротъ больному сразу 3—4 унціи этого «бальзама», дѣйствительно весьма «цѣлительнаго» въ дорогѣ. Черезъ нѣсколько минутъ послѣ этого блѣдныя щеки казака зааллѣли, глаза потеряли стеклянный блескъ, и вскорѣ онъ могъ, хотя и съ трудомъ, продолжать свой путь.

Тѣмъ временемъ генералъ, сидя на отличномъ «бѣгунѣ» Мосинъ-хана, который имѣлъ любезность въ трудныхъ мѣстахъ пути одолжать ему коня,—ѣхалъ быстро. Поэтому онъ уѣхалъ далеко впередъ, а мы, остальная часть миссіи, остались далеко назади, растянувшись по дорогѣ длиннымъ хвостомъ.—Вотъ и спускъ въ Бамьянское ущелье [1]). Вотъ и выходъ изъ него въ Бамьянскую долину. Здѣсь расположена первая группа пещеръ; развалины немногихъ домовъ разбросаны тутъ-же, рядомъ съ пещерами. Въ стѣнахъ развалинъ, выведенныхъ изъ глины, мѣстами довольно хорошо сохранились небольшія, чисто выштукатуренныя ниши. Нѣкоторые изъ этихъ полузрушенныхъ домовъ и прилегающихъ къ нимъ пещеръ—обитаемы. Черезъ полчаса ѣзды отсюда мы достигли до мѣста нашей дневной стоянки.

---

[1]) Тѣмъ путемъ, которымъ мы прошли отъ Акъ-Раббата до начала Бамьянской долины,—прошелъ въ 1832 г. Мессонъ, когда съ отрядомъ Хаджи-хана онъ ѣздилъ въ Сайганъ. На обратномъ-же пути изъ Сайгана въ Бамьянъ, онъ прошелъ Бамьянскимъ ущельемъ,—по той дорогѣ, которая отдѣляется отъ нашей, между перевалами Пелу и Чешма-Пелу. Смотр. Masson, Various journeys. vol. II, стр. 395—6 и 421—22. Которою изъ этихъ двухъ дорогъ проходили другіе англійскіе путешественники—трудно опредѣлить, такъ какъ описанія ихъ не довольно точны.

ГЛАВА VII.

Въ Бамьянской долинѣ.

Три дня въ Бамьянѣ.—Памятники древности: пещеры, развалины.—Бамьянскіе колоссы.—Мое путешествіе по пещерамъ и восхожденіе на голову одного изъ колоссовъ.—Описаніе колоссовъ.—Мѣстныя преданія о нихъ.—Зоххаково Городище.—Малый Иракскій перевалъ.—Географія Бамьянской долины; ея флора и фауна.—Краткая исторія Бамьяна съ древнѣйшихъ временъ до настоящаго.—Нѣсколько словъ о мѣстоположеніи древняго города Бамьяна.

Тѣнь небольшой тополевой рощицы, въ которой пріютились наши палатки, была какъ нельзя болѣе кстати. Понятно, что рощица сослужила намъ службу не въ смыслѣ защиты отъ высокой t° воздуха: по Бёрнсу высота этой долины болѣе 8,000 ф., слѣдовательно, о дневномъ зноѣ здѣсь не можетъ быть и рѣчи. Это предположеніе подтвердилось и на самомъ дѣлѣ. Температура, смѣренная мною въ тѣни палатки, въ 1 ч. дня 20-го іюля, дала 29° С—небольшую цифру, если вспомнить, что въ Туркестанѣ обычная дневная t° была около 40°. Нѣтъ, тѣнь рощицы сослужила свою службу въ другомъ отношеніи.—Близкое сосѣдство громаднаго снѣжнаго хребта Кух-и-Баба, невысокіе, мѣстами, очень пологіе холмы, обрамляющіе долину съ юга и сѣвера, обусловливаютъ здѣсь очень сильное свѣторазсѣяніе. Глазъ положительно ослѣпляется потоками свѣта, отражаемыми снѣжными громадами горъ. Въ долинѣ совсѣмъ нѣтъ преградъ, которыя задерживали бы эту массу отраженныхъ лучей, умѣряли бы силу ихъ дѣйствія. Тополевая рощица казалась почти единственной въ долинѣ. Понятно, что глазъ съ удовольствіемъ отдыхалъ на мягкой, матовой зелени ея листьевъ.

При въѣздѣ въ рощицу находится глиняная мазанка, на крышѣ

которой навалена цѣлая груда бараньихъ роговъ. Значитъ, мы были, въ данномъ случаѣ, гостями какого-то мусульманскаго святого. Святость мѣста узналась окончательно изъ того факта, что наши лошади, поставленныя было у самой мазанки, торопливо были переведены авганцами-прислужниками въ мѣста болѣе отдаленныя. Меня совершенно, впрочемъ, не интересовала эта могила, хотя бы и какого либо знаменитаго святаго. Я былъ болѣе занятъ опредѣленіемъ возраста патріарха нашей рощицы, гиганта—тополя. Судя по діаметру, ему можно дать лѣтъ 300, что и было подтверждено Дебиромъ и Лаль Магометъ-хановъ.—Одна изъ хорошихъ чертъ характера среднеазіатца-мусульманина—это уваженіе къ старымъ, большимъ деревьямъ. Всегда эти деревья остаются неприкосновенными и часто посвящаются святымъ, или надѣляются какою-либо легендою. Въ Средней Азіи не рѣдко можно услыхать имя Алія въ связи съ деревомъ, скалой, селеніемъ и т. п. Представьте же себѣ, что этотъ вездѣсущій Алій былъ по народному преданію и здѣсь, въ Бамьянской долинѣ [1]). Несомнѣнно, что Алій не могъ быть здѣсь, но народная легенда не стѣсняется пріурочивать всякое выдающееся мѣсто къ своему излюбленному герою.

Какъ бы то ни было, но вѣроятно уваженіе и любовь туземцевъ къ старымъ деревьямъ въ значительной степени обусловливается этими легендами и vice versa. Въ данномъ случаѣ легенда сослужила добрую службу: гигантское дерево осталось нетронутымъ и успѣло

---

[1]) Въ Бамьянскомъ ущельѣ (которымъ мы не проходили, кромѣ его восточнаго конца) находится скала, названная «Аджега»—драконъ, котораго здѣсь будто-бы убилъ Алій. Бёрнсъ разсказываетъ одно преданіе, сообщенное ему Личемъ, о подвигахъ Алія, имѣвшихъ мѣсто здѣсь же, въ Бамьянской долинѣ. Преданіе состоитъ въ томъ, что мусульманскій герой, подобно древнему Гераклу, долженъ былъ прослужить извѣстное время у мѣстнаго царя. Царь этотъ назывался Берберъ, а его столица помѣщалась въ Бамьянской долинѣ. Алій долженъ былъ совершить два слѣдующіе подвига: 1) построить на рѣкѣ плотину, надъ которой до него долго и безуспѣшно трудились 1000 рабовъ (тысяча по персидски хезаръ; но и строившіе плотину рабы назывались «хезаре»). Алій успѣшно выполнилъ эту работу, отрубивъ своимъ мечемъ (который по преданію достигалъ 70 саженъ длины) часть нависшей надъ рѣкой скалы. 2) Тѣмъ же мечемъ онъ убилъ ужаснаго дракона, опустошавшаго окрестности царскаго города. «Кабулъ» стр. 326.

выростить вокругъ себя молодое поколѣніе мягко-листныхъ, стройныхъ тополей, тѣни которыхъ мы были теперь очень рады.

Мало по малу всѣ отставшіе люди подобрались къ палаткамъ. Топографъ сильно утомился и выглядѣлъ сонным; 4 казака, какъ только доплелись до палатокъ, такъ и повалились на землю пластомъ. Неутомимый и никогда не унывающій М. былъ въ настоящее время занятъ очень серьезнымъ дѣломъ. Пользуясь случаемъ нашедшей на насъ паники по поводу заболѣванія лихорадкой сразу нѣсколькихъ человѣкъ, онъ убѣдилъ генерала отпереть свой погребъ.

Дѣйствительно, небольшіе пріемы алкогольныхъ напитковъ, при такой трудной дорогѣ, были положительно необходимы. Теперь, хозяйничая въ тюкѣ съ винами, М. былъ въ большимъ хлопотахъ и въ сильномъ затрудненіи. Ему нужно было выбрать между «горькой англійской» и «хиннымъ хересомъ». Впрочемъ онъ разрѣшилъ свое затрудненіе такимъ образомъ, что отложилъ въ сторону и то и другое, присовокупивъ къ нимъ, такъ сказать, по дорогѣ, еще и желтую бутылочку шартреза. Въ этотъ день мы, такимъ образомъ, значительно измѣнили нашъ обычный пищевой режимъ. Даже казаки удостоились, по приказанію генерала, отвѣдать сладкаго ликера п о л о ж к е.

Близость замѣчательныхъ памятниковъ древности этой возвышенной долины, обрывки сказаній объ этихъ памятникахъ, которые сейчасъ же сообщилъ намъ Дебиръ, историческія воспоминанія изъ недавняго прошлаго Бамьяна—обусловили въ этотъ день длинную задушевную бесѣду горсти русскихъ людей, заброшенныхъ, по прихоти случая, въ такія страны, о которыхъ прежде этого едва-ли кому изъ нихъ даже во снѣ снилось. Въ оживленной рѣчи нерѣдко слышались славныя имена немногихъ англійскихъ путешественниковъ, посѣтившихъ Бамьянъ. Муркрофтъ, Бёрнсъ, Мессонъ вставали въ воображеніи, какъ живые.

Нѣкоторымъ изъ насъ очень хотѣлось осмотрѣть всѣ мѣстныя достопримѣчательности: Гуль-Гуле, развалины котораго виднѣлись, на юго-востокѣ отъ нашихъ палатокъ, знаменитые колоссы Бамьяна, побродить по пещерамъ, высѣченнымъ въ скалахъ, о протяженіи которыхъ даетъ такое гиперболическое понятіе разсказъ Бёрнса и проч. [1]).

[1]) Бёрнсу туземцы разсказывали, что однажды мать отеряла въ пещерахъ своего ребенка, который заблудился и странствовалъ по нимъ цѣлые

Поэтому генералъ объявилъ, что здѣсь, въ Бамьянѣ, назначается дневка, и что на слѣдующій день мы отправимся осматривать всѣ мѣстныя достопримѣчательности.

Въ эту ночь казаки уже не были лишены своихъ палатокъ.

На слѣдующій день т. е. 21-го іюля у насъ былъ праздникъ, т. е. дневка. Дѣйствительно, была пора дать отдохнуть и людямъ и животнымъ. Многія изъ нашихъ лошадей намяли себѣ ноги; почти всѣ вьючныя лошади натерли себѣ спины и вообще сильно отощали. Самаго серьезнаго вниманія заслуживало состояніе ихъ копытъ. Постоянная ковка, вызванная частою потерею подковъ, по причинѣ каменистаго горнаго пути, непривычнаго для нашихъ степныхъ лошадей, сильно отозвалась на цѣлости рога копытъ.

У нѣкоторыхъ лошадей копыта, несмотря на смазку саломъ и мазью, сдѣлались совершенно непригодными для дальнѣйшей ковки: рогъ больше не держалъ гвоздей. Вотъ тутъ-то и пришлось намъ еще болѣе позавидовать нашимъ спутникамъ-авганцамъ, обладавшимъ лошадьми туземной горной породы—лошадьми, которыя не знаютъ, что такое подковы, да и не нуждаются въ нихъ. Ихъ копыта прочнѣе желѣза. A priori можно было-бы предположить быстрое стираніе незащищеннаго подковою копыта,—оно должно бы быть тонко и представлять узкій слой рога. На дѣлѣ же оказалось совсѣмъ иное. Копыто туземныхъ, горныхъ лошадей было снабжено толстымъ слоемъ упругаго рога, нижняя поверхность котораго имѣла видъ грубой мозолистой щетки. Явленіе это на первый взглядъ кажется довольно страннымъ; но я долженъ сказать, что существуютъ явленія въ жизни и другихъ животныхъ тканей, аналогичныя съ жизнію лошадиннаго копыта. Извѣстно напр. что суставной хрящъ только тогда хорошо функціонируетъ и развивается, когда онъ періодически, по возможности чаще, подвергается давленію и вообще механическимъ инсультамъ. Наоборотъ, если суставной хрящъ пользуется болѣе или менѣе продолжительнымъ покоемъ, то онъ атрофируется, питаніе его разстроивается. Тоже должно сказать и о копытѣ горнаго коня. Камни

---

12 лѣтъ, по прошествіи которыхъ онъ снова увидѣлъ свѣтъ. Борнсъ. Путешествіе въ Бухару. Т. 2 стр. 269.

сдѣлались для него привычной почвой, а постоянное давленіе на него—физіологическою потребностью.

Однако намъ пришлось снова заковать своихъ «степняковъ», такъ какъ безъ подковъ они совсѣмъ не могли продолжать путь. Для этой цѣли былъ позванъ кузнецъ, туземецъ. Когда онъ узналъ, что нужно подковать до 15 лошадей, то объявилъ, что такого большого количества желѣза онъ не имѣетъ. Дѣло дошло до вмѣшательства мѣстнаго губернатора,—и лошади были съ грѣхомъ пополамъ подкованы.

Прошло обѣденное время, мы всѣ ожидали, что вотъ-вотъ воспослѣдуетъ отъ генерала приглашеніе сѣсть на лошадей и отправиться осматривать знаменитую долину. Но проходитъ часъ, проходитъ другой, а желаннаго приглашенія все нѣтъ, какъ нѣтъ.

Между тѣмъ уговоръ былъ таковъ, что Дебиръ съ Лаль-Магометъ-ханомъ заѣдутъ за нами, а затѣмъ уже всѣ вмѣстѣ мы отправимся въ путь. Но ни Дебиръ, ни «испанецъ» не подавали о себѣ ни одной вѣсточки. Такъ какъ палатки ихъ находились невдалекѣ отъ нашихъ, то генералъ, въ сопровожденіи Мосинъ-хана, отправился къ Дебиру. Тамъ онъ пробылъ добрыхъ часа два. Когда, наконецъ, онъ возвратился, то объявилъ, что дѣлать осмотръ долины не стоитъ, а что завтра мы поѣдемъ мимо колоссовъ и, по пути, осмотримъ ихъ.

Впрочемъ генералъ обѣщалъ осмотрѣть все подробно на обратномъ пути. А между тѣмъ оригинальныя стѣны и башни развалинъ Гуль-Гулѣ, возвышавшіяся къ юго-востоку отъ насъ на отдѣльномъ, высокомъ холмѣ, безконечный рядъ пещеръ, тянущійся по обѣимъ скалистымъ окраинамъ долины,—такъ и подмывали мое любопытство. Взамѣнъ путешествія генералъ предложилъ осмотрѣть въ бинокль подъемъ на перевалъ Калу, довольно ясно виднѣвшійся отсюда на исполинской горбинѣ горнаго хребта, окаймлявшаго долину съ юго-востока.

Бѣловатая змѣйка тропинки хорошо различалась въ бинокль. Генералъ сообщилъ при этомъ, что мы пойдемъ не на этотъ перевалъ (Калу), а на другой, обходный—Иракскій перевалъ. Такъ и прошелъ весь день въ бездѣйствіи, тихо, совсѣмъ не по праздничному.

22 іюля. Опять въ путь! Налѣво опять потянулись пещеры, нагроможденныя, мѣстами, одна надъ другою въ нѣсколько этажей. Въ

нихъ иногда можно было замѣтить смуглое лицо ихъ робкаго обитателя, любопытство котораго не смѣло проявиться внѣ своихъ оконъ-дверей. Иногда въ третьемъ этажѣ пещеръ, на галлереѣ, виднѣлись склады фуража, главнымъ образомъ клевера.

Направо—поля спускались къ самой Бамьянской рѣчкѣ, шумно катящей свои мутныя воды. Изрѣдка на ея берегахъ виднѣлись за́мки—туземныя оригинальныя деревни.

Мы проѣхали мимо двухъ-трехъ тощихъ садовъ, въ которыхъ почти единственными представителями древесной растительности были тополь и дикая яблонь. Тянувшаяся по лѣвую сторону отъ насъ скала становилась постепенно все выше и выше. Этажи пещеръ дошли до пяти. Мы сдѣлали небольшой поворотъ налѣво—и глазамъ нашимъ представилось замѣчательное зрѣлище. Прямо передъ нами возвышался огромный колоссъ, Бамьянскій Истуканъ. Я думаю, что не я одинъ былъ въ это время, при видѣ этого гигантскаго памятника сѣдой старины, объятъ какимъ-то страннымъ чувствомъ. Много вѣковъ пронеслось надъ головой этого великана, а онъ также непоколебимо стоитъ и теперь, какъ и прежде. И люди и стихіи дѣлали свое разрушительное дѣло, но ни землетрясенія, ни пушечные выстрѣлы фанатиковъ-мусульманъ не уничтожили этого великана; эти соединенныя усилія только немного изуродовали его.

Я постараюсь описать его какъ можно подробнѣе.

Въ отвѣсной скалѣ, вышиной около 200 футовъ, высѣчена нишь, шириною около 10-ти саж.; углубленіе ея въ скалу равняется, приблизительно, 5—7 саженямъ. Скала состоитъ изъ конгломерата. Внутри ниши находится одинъ колоссъ, вышиной около 140 футовъ. Три поверхности колосса свободны: передняя и обѣ боковыя; задняя же не отдѣлена отъ скалы. Лицо колосса отсѣчено до нижней губы; уши сохранились; около шеи идетъ кирпичная ограда, въ видѣ галлереи. Грудь истукана широкая и плоская. Руки по локоть прижаты къ туловищу; далѣе онѣ отбиты. Ноги, ниже колѣнъ, изуродованы, по разсказамъ авганцевъ, пушечными выстрѣлами. Колоссъ одѣтъ въ плащъ, сдѣланный изъ штукатурки; плащъ очень хорошо сохранился въ верхней своей части. На мѣстахъ, гдѣ штукатурка обвалилась, замѣтны углубленія, какъ будто отъ бывшихъ здѣсь гвоздей, скреплявшихъ штукатурку.

БАМЬЯНСКІЕ ИДОЛЫ

Стѣны ниши также покрыты штукатуркой, вообще хорошо сохранившеюся. Сводообразная, верхняя часть ниши, именно—мѣсто надъ головой колосса,—покрыта фресками, изображающими человѣческія группы и отдѣльныя фигуры. Фигуры двухъ типовъ: цѣльныя и поясныя. Цѣльныя фигуры выражаютъ мужской типъ, поясныя—женскій. Лица—особенно поясныхъ изображеній—сдѣланы очень тонко, т. е. черты лица очень тонки, нѣжны; въ нихъ мало жизненности. Манерой письма онѣ сильно напоминаютъ китайскую живопись или, вѣрнѣе,—византійскую иконопись. Волосы на головѣ поясныхъ изображеній зачесаны на затылокъ и собраны въ пучекъ. Надъ нѣкоторыми фигурами находится нѣчто въ родѣ сіянія. Нужно, однако, замѣтить, что изображенія, хотя частію и представляютъ поразительную свѣжесть красокъ, но цѣльной картины не даютъ; цѣльныхъ изображеній осталось очень мало.

Между ногами колосса находится входъ въ обширную пещеру, покрытые копотью своды которой свидѣтельствовали о томъ, что она когда-то была обитаема. Но какъ она ни обширна, все же не можетъ вмѣстить въ себѣ половины полка, какъ говоритъ Бёрнсъ [1]). Въ стѣнѣ ниши, на различной высотѣ, пробиты сводчатыя окна. Въ этихъ мѣстахъ, какъ мнѣ говорили, вьется лѣстница, достигающая до головы колосса. Я изъявилъ желаніе подняться по ней на голову колосса, но долженъ былъ отказаться отъ исполненія своего желанія: лѣстница обвалилась и взойти по ней не было никакой возможности. Я былъ очень опечаленъ этимъ извѣстіемъ. Какъ! Быть у подножія величайшихъ памятниковъ древности и не подняться туда, гдѣ никто изъ европейцевъ не бывалъ. Да, вѣдь, это невыносимое наказаніе для туриста! Я желалъ подняться на колоссъ совсѣмъ не за тѣмъ, чтобы на камнѣ нацарапать свое имя, какъ это любятъ дѣлать туристы по призванію, а англичане въ особенности,—нѣтъ я хотѣлъ просто пережить нѣсколько новыхъ ощущеній, равныхъ которымъ мало можно найти. Что значитъ передъ этимъ восхожденіемъ—напримѣръ, восхожденіе на кельнскую колокольню или на куполъ Св. Петра въ Римѣ? даже на самый Везувій? Вѣдь эти tours de force можно продѣлать сколько угодно разъ и

[1]) Бернсъ. Путешествіе въ Бухару, т. 2-й, стр. 269.

когда вамъ угодно; здѣсь же представлялся единственный случай, который можетъ быть никогда болѣе не повторится въ моей жизни. Поэтому я выразилъ желаніе попытаться подняться хотя бы и по разрушенной лѣстницѣ, надѣясь при этомъ на всемогущее русское «авось». Однако попытаться мнѣ не было разрѣшено, но за то я былъ обрадованъ извѣстіемъ, что на другой колоссъ, расположенный восточнѣе, саженяхъ въ 200—300 отъ этого, можно будетъ взойти, такъ какъ тамъ лѣстницы уцѣлѣли.

Теперь мы снова сѣли на лошадей и отправились къ слѣдующему истукану. Пришлось проѣхать мимо двухъ или трехъ нишъ, также высѣченныхъ въ скалѣ, значительно меньшихъ размѣровъ, чѣмъ только что что осмотрѣнная нами. Двѣ изъ нихъ пусты (въ одной изъ нихъ только часть головы), а въ третьей находится довольно хорошо сохранившійся небольшой истуканъ.

Вскорѣ послѣ этого мы подъѣхали ко второму большому колоссу. Онъ нѣсколько меньше перваго, только что описаннаго мною, но во всемъ очень похожъ на него. Лицо также изуродовано, руки по локоть отбиты, но ноги цѣлы. Каменной ограды вокругъ шеи нѣтъ. Вышиной онъ около 120 футовъ.

Теперь мнѣ предстояло восхожденіе на голову колосса. Мосинъ-ханъ при этомъ обязательно предупредилъ меня, чтобъ я не становился на голову колосса, потому что, говорилъ онъ, «со всѣми, кто это дѣлалъ, становилось дурно и ими овладѣвалъ какой то непонятный ужасъ. Нѣкоторые даже подали внизъ и разбивались до смерти».

Бамьянскій губернаторъ выбралъ наиболѣе знающаго пещеры и ходъ на голову истукана авганца—и я, вмѣстѣ съ Н. О. Разговымъ, сопутствуемый нашимъ чичероне, отправился въ путь.

Сначала мы взяли правѣе нишъ нѣсколькими десятками саженъ, вошли въ одну изъ пещеръ, поднялись во 2-й этажъ по изсѣченной въ скалѣ лѣстницѣ и очутились на галлереѣ, выходящей фасомъ на долину. Прошедши по ней, мы снова углубились въ пещеры, имѣющія здѣсь квадратную форму, съ куполовидными потолками.

Пещеры носили слѣды пребыванія человѣка; здѣсь были различныя домашнія принадлежности, фуражъ и т. п., но людей мы не видали. Затѣмъ, по узкому переходу, имѣющему видъ лѣстницы, съ обвалившимися ступеньками, мы поднялись на галлерею 3-го этажа.

Отсюда, какъ съ птичьяго полета, передъ нами открылся обширный видъ на Бамьянскую долину. Внизу, у самыхъ ногъ нашихъ, стояла посольская группа, далѣе—виднѣлись поля, а за полосой полей сверкала стремительная Бамьянская рѣка; за рѣкой, на отдѣльномъ, довольно высокомъ холмѣ, виднѣлись развалины древняго города, называемаго теперь Гуль-Гулѐ. Наконецъ горизонтъ ограничивался сѣдыми великанами Кухи-Баба, покрытыми вѣчнымъ снѣгомъ. Нѣсколько узкихъ долинъ, орошаемыхъ мутными ручьями, спускались съ темныхъ боковъ исполинскихъ горъ.

Затѣмъ мы снова стали взбираться вверхъ. Теперь лѣстница повела насъ по лѣвой сторонѣ ниши, въ которую открывалось нѣсколько оконъ. Лѣстница сильно была попорчена; ступени во многихъ мѣстахъ совсѣмъ обвалились и она представляла крутой, скользкій скатъ. Одинъ невѣрный шагъ—и можно было скатиться внизъ, а то даже упасть въ окно ниши. Лѣстница шла спиралью.

Желаніе поскорѣе добраться до вершины было во мнѣ такъ сильно, что я, предшествуемый проводникомъ, быстро удалился отъ Н. О. Разгонова, и только крики послѣдняго: «докторъ, куда вы торопитесь? подождите!»—глухо долетавшіе до меня снизу, заставляли меня на время задерживать быстрые шаги. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ приходилось подниматься буквально на четверенькахъ—до того было сколько и круто. Наконецъ мы добрались до конца лѣстницы. Она вышла въ обширную комнату. Карнизы этой комнаты покрыты незатѣйливымъ фризомъ. Густой слой копоти покрываетъ полотокъ и стѣны. Эта копоть мѣшаетъ разсмотрѣть живописныя изображенія, по видимому такія же, какъ и на стѣнахъ ниши. Мѣстами эти изображенія изрублены сабельными ударами. Черезъ дверь этой комнаты мы прошли на галлерею, находящуюся позади головы колосса. Небольшое окно, открывавшееся съ галлереи прямо на голову, дало намъ возможность выдти на ея поверхность.

Поверхность головы представляетъ овальную площадку, съ діаметромъ въ $1^1/_2$ сажени. Затылокъ колосса сливается съ заднею стѣной ниши. Жуткое чувство овладѣло мною, когда, подойдя къ краю площадки я заглянулъ внизъ. Подо мной, далеко внизу, виднѣлись маленькія фигуры людей. Нѣкоторые изъ нихъ пробовали докинуть до насъ небольшіе камни, но безуспѣшно. Голоса же людей, стоявшихъ

внизу, прекрасно сохраняли свою силу; даже шепотъ отчетливо доносился до насъ. Здѣсь было очень удобно разсматривать изображенія головныхъ фигуръ, но, къ сожалѣнію, въ этой нишѣ фрески хуже сохранились. чѣмъ въ первой; сабельные порубы и слѣды пуль испещряли ихъ во всѣхъ направленіяхъ.

Черезъ нѣсколько минутъ мы снова уже были внизу. Я хотѣлъ было сойти съ колосса по другой лѣстницѣ, но получилъ отвѣтъ нашего чичероне, что она очень испорчена, и что по ней нѣтъ никакой возможности сойти внизъ. Самъ онъ не былъ на головѣ и все время стоялъ на верхней галлереѣ, позади головы. На мой вопросъ почему онъ не взойдетъ на голову, онъ отвѣчалъ, что «иногда шайтанъ (чортъ) дурно дѣлаетъ тѣмъ людямъ, кто осмѣлится постоять на головѣ Шахъ-Мама» [1]).

— Вотъ мы и осмотрѣли идолы, сказалъ генералъ, когда я съ полковникомъ спустился къ посольской группѣ, присѣвшей, въ ожиданіи нашего прихода, на камняхъ.

Но развалины древняго города Гуль-Гулѐ такъ и остались неосмотрѣнными. Все же я думаю, что не будетъ лишнимъ, если я дамъ здѣсь описаніе развалинъ Гуль-гулѐ такъ, какъ онѣ представлялись мнѣ издалека.

Развалины Гуль-Гулѐ находятся на южной сторонѣ долины, въ верстѣ, или самое большое—въ $1\frac{1}{2}$ верстахъ отъ бо́льшаго колосса. Онѣ находятся почти напротивъ группы колоссовъ, нѣсколько уклоняясь къ юго-западу, и занимаютъ отдѣльный холмъ, довольно высокій, опоясанный остатками стѣны. Отъ этой стѣны уцѣлѣли главнымъ образомъ угловыя башни. Можно замѣтить, что стѣна въ нѣсколько ярусовъ опоясывала холмъ, какъ бы этажами возвышаясь одна надъ другой. На вершинѣ холма виднѣлись разрушенныя зданія. Эта вершина представляется площадью усѣченной пирамиды и, на глазомѣръ, занимаетъ пространство около квадратной полуверсты. Съ западной стороны холмъ оканчивается крутымъ обрывомъ, надъ которымъ зданія повидимому наиболѣе хорошо сохранились.

Внизу подъ обрывомъ, въ узкой долинѣ, расположенной по логу

---

[1]) Шахъ-Мама—имя этого истукана, усвоенное туземцами и авганцами. чевидно, что это исковерканное слово „Шакьямуни“ (Будда).

горнаго ручья, замѣчаются также остатки зданій. Южная граница холма, по направленію къ снѣжному хребту Кухи-Баба, не видна даже съ высоты того колосса, на который я взбирался.

Объ этихъ колоссахъ и о Гуль-Гулѐ среди мѣстнаго населенія, а также и между авганами, не сохранилось почти никакихъ, болѣе или менѣе достовѣрныхъ, преданій. Они думаютъ, что колоссы изображаютъ царя и его жену и называютъ 1-й, большій колоссъ—царемъ Силь-Саль, а меньшій—его женою Шахъ-Мамá. Они предполагаютъ также, что эта царская чета жила въ глубокой древности.—Что это толкованіе произвольно и предположеніе не выдерживаетъ ни малѣйшей критики—слѣдуетъ уже изъ того, что оба колосса имѣютъ одинаковый видъ, и меньшій колоссъ нисколько не похожъ на женщину; грудь его совершенно плоская.

О Гуль-Гулѐ же говорятъ, что это былъ очень большой городъ, многолюдный, богатый, существовавшій въ очень отдаленныя времена, а разрушенъ былъ Чингизъ-Ханомъ, овладѣвшимъ имъ посредствомъ хитрости.

Такъ какъ городъ былъ снабженъ подземными водохранилищами, то могъ успѣшно выдерживать осаду Чингиза. Прямыя аттаки на городѣ, опоясанный тройной стѣной, всякій разъ кончались неудачей для осаждающихъ. Дѣло кончилось, однако, разрушеніемъ города, и вотъ какимъ образомъ. Дочь царя города Гуль-Гулѐ будто бы полюбила одного изъ сыновей Чингиза; въ порывѣ любви она открыла ему тайну водопроводовъ, прося его однако сохранить ея тайну.

Тѣмъ не менѣе Чингизъ успѣлъ узнать эту тайну, давъ обѣщаніе сыну—пощадить городъ. Но лишь только водопроводы были прерваны и городъ вслѣдствіе недостатка воды долженъ былъ сдаться—какъ Чингизъ, разъяренный долгимъ и упорнымъ сопротивленіемъ, разрушилъ его до основанія, а все населеніе совершенно истребилъ: не были пощажены даже младенцы во чревѣ матери.—Вотъ и все, что говоритъ намъ объ этихъ развалинахъ народное преданіе. Самое слово «Гуль-Гулѐ», означающее шумъ, крикъ,—будто бы потому дано развалинамъ города, что онъ, до разрушенія, былъ очень населенъ и дѣятельность кипѣла въ немъ ключемъ. Базарный шумъ «стономъ стоялъ» надъ городомъ.

Затѣмъ все по лѣвому берегу Бамьянской рѣчки, у самой подош-

вы обрывистой скалы. усѣянной пещерами, мы продолжали подвигаться къ востоку или вѣрнѣе къ В. С-В.

Огромные камни иногда совершенно преграждали намъ путь; тогда нужно было обходить ихъ зигзагами. Скоро пещеры кончились, долина постепенно дѣлалась уже, поля—меньше, а черезъ нѣсколько верстъ мы въѣхали въ довольно широкое ущелье Агенгеръ, обставленное съ южной стороны отвѣсной, высокой, скалистой стѣной изъ отвердѣлой глины, между тѣмъ какъ сѣверная сторона ущелья продолжала оставаться конгломератовой. Ущелье тянется съ версту, а затѣмъ постепенно расширяется въ долину Топчи, гдѣ пространствомъ снова завладѣваютъ поля, засѣянныя пшеницей, бобами, овсомъ и др. злаками, оттѣсняя камни къ самой подошвѣ скалъ. Вотъ виднѣется и «за́мокъ» Топчи, а въ нѣкоторомъ разстояніи отъ него бѣлѣютъ уже разбитыя палатки нашего лагеря.

За обѣдомъ былъ предложенъ генераломъ Столѣтовымъ тостъ за здоровье Государыни Императрицы, такъ какъ въ этотъ день было Ея тезоименитство. Дружное ура горсти русскихъ людей разнеслось, можетъ быть, впервые отъ сотворенія міра въ этой затерянной, уединенной долинкѣ—и драгоцѣнный даръ Шампаньи, вѣроятно, тоже еще въ первый разъ увидѣлъ эти пустынныя скалы. Въ этотъ моментъ вспоминалась далекая отчизна, родные, знакомые, все, что дорого сердцу и все это представлялось радостнымъ, ликующимъ, ибо этотъ день есть «праздниковъ праздникъ» на землѣ русской!

Заболѣвшіе казаки сегодня нѣсколько оправились; топографъ тоже чувствовалъ себя отлично; день прошелъ у насъ очень оживленно.

На слѣдующій день мы, по обыкновенію, рано оставили нашу стоянку и продолжали путь все далѣе на востокъ. Сдѣлавъ около 6-ти верстъ пути, мы поровнялись съ хорошо сохранившимися развалинами, Зоххаковымъ Городищемъ. Въ этомъ мѣстѣ мы перешли въ бродъ Бамьянскую рѣку, имѣющую здѣсь около 30-ти саженъ ширины и 2—4 фута глубины. Теченіе ея чрезвычайно быстро; ложе рѣки усѣяно большими и малыми камнями; вода очень мутна, бураго цвѣта. Вьючныхъ животныхъ было очень трудно переправить черезъ рѣку, особенно быковъ. Нѣсколько вьюковъ были подмочены. Мы вышли изъ рѣки подъ самой скалой, на которой высится Зоххa-

ково-Городище. Эта скала съ востока, также также какъ и съ сѣвера, со стороны Бамьянской рѣки,—отвѣсна. Съ восточной стороны она омывается Калуйской рѣчкой, протекающей по узкой Калуйской лощинѣ и впадающей подъ самымъ Зоххаковымъ Городищемъ въ Бамьянскую рѣку. Калуйская рѣчка около 15 саженъ шириной, 3 фута глубиной, и въ этотъ мѣстѣ обладаетъ положительно стремительной быстротой теченія.

Если бы мы направлялись на Калуйскій перевалъ, то должны бы идти по лѣвому берегу Калуйской рѣчки прямо на югъ, подъ скалой Зоххакова Городища. Но нашъ путь лежалъ чрезъ Иракскій перевалъ; поэтому мы перешли въ бродъ Калуйскую рѣчку и направились опять на востокъ. Поднявшись на противоположный, довольно возвышенный берегъ рѣчки, мы должны были на нѣкоторое время остановиться, ибо переправить вьючныхъ животныхъ черезъ двѣ быстрыя, горныя рѣки стоило не малаго труда и времени. Пользуясь этой остановкой мы осмотрѣли, опять таки издали,—развалины «Городища». Впрочемъ я и теперь попросилъ позволенія взобраться на скалу, но разрѣшенія не получилъ.

Развалины эти представляютъ двѣ отдѣльныя части; одна часть, на вершинѣ скалы, представляетъ кучку нагроможденныхъ зданій, между которыми можно сосчитать два-три хорошо сохранившихся небольшихъ, глиняныхъ (повидимому) купола. Нижняя часть развалинъ вплотную примыкаетъ къ восточному обрыву скалы, и со стороны Калуйской рѣчки ограждена стѣной, сложенной изъ камней, связанныхъ цементомъ и имѣющей въ вышину около 3-хъ саж. Стѣна вообще очень хорошо сохранилась и снабжена нѣсколькими башнями. Сопровождавшіе насъ авганцы разсказывали, что изъ этой части развалинъ есть ходъ въ верхнюю часть, высѣченный въ скалѣ, при чемъ показывали, какъ на часть его, на одинъ выстоящій въ видѣ балкона мысъ скалы, съ повиснувшимъ на немъ обрывкомъ стѣны.—Легенда разсказываетъ объ этомъ городѣ и его основателѣ, царѣ Зоххакѣ, слѣдующее: Зоххакъ былъ могучій богатырь, злой, безчеловѣчный, грубый. На каждомъ его плечѣ помѣщалась змѣя. Эти змѣи питались человѣческимъ мозгомъ, и для кормленія ихъ каждый день убивали двухъ человѣкъ. Вся окрестная страна стонала отъ такого тиранства. Наконецъ небо сжалилось надъ ней. Благочести-

вый царь персидскій, Феридунъ, черезъ ущелье Агенгеръ проникъ сюда и убилъ тирана [1]).

Потомъ, въ продолженіи нѣкотораго времени мы шли по высокому плато; затѣмъ спустились въ глубокій оврагъ, имѣющій направленіе съ сѣверо-запада на юго-востокъ и открывающійся, по всѣмъ вѣроятіямъ, въ долину Бамьянской рѣки. Этотъ оврагъ сухой, но весной, а равно и во время дождей, здѣсь, вѣроятно, сильно бушуетъ горный потокъ, что доказывается массой мелкой гальки, выстилающей дно оврага. Здѣсь нѣтъ караванной дороги. Мы шли все на юго-востокъ, вверхъ по оврагу, и черезъ 1/2 часа ѣзды достигли подножія малаго Иракскаго перевала. Подъемъ на него довольно удобный, идетъ зигзагообразно, по бокамъ горы. На самой его вершинѣ дорога идетъ по карнизу надъ обрывомъ въ нѣсколько десятковъ футъ высоты. Съ высоты этого перевала, абсолютная высота котораго по Гриффиту болѣе 9,000 ф., открывается обширный видъ на сѣверъ, въ сторону Бамьянской долины; какъ на ладони видны отсюда Зоххаково городище, вершины Акъ-Раббатскаго барьера, а на востокѣ—сплошная масса снѣжныхъ горъ Гинду-Куша. Южный горизонъ закрытъ никомъ Иракскаго перевала, но сѣверной сторонѣ котораго и лѣпится та тропинка, по которой мы шли. Спускъ съ перевала сейчасъ же привелъ насъ на высокое и довольно широкое горное плато; по нему мы ѣхали впродолженіи 3/4 часа, все въ восточномъ направленіи. Даже на такой высотѣ трава была уже выжжена солнцемъ, но выше этого плато, ближе къ остаткамъ тающаго снѣга, вѣнчающаго сосѣдніе пики,—бока горъ представлялись изумрудно-зелеными и были покрыты сочной и нѣжной травой. Плато съ восточной стороны рѣзко обрывается. По крутому спуску съ него мы достигли Иракской долины, гдѣ и была устроена наша стоянка.

Оглянемся же теперь на «свѣтлую Вами», только что оставленную нами позади; разсмотримъ ея настоящее и припомнимъ ея прошлое.

---

[1]) Burslem въ своей книгѣ также приводитъ одно очень интересное преданіе о Зоххакѣ, хотя и другаго характера. По его преданію Зоххакъ былъ простой разбойникъ изъ племени Гезаре, жившій во времена еще до нашествія на Авганистанъ Надиръ-Шаха. A peep into Toorkistan, стр. 202—208.

Бамьянская долина представляетъ собою длинную, узкую полосу плодородной земли, которая тянется вдоль Бамьянской рѣчки. Главное направленіе долины—съ запада на востокъ, хотя она и уклоняется, особенно у восточнаго ея конца, немного на сѣверо-востокъ. Начинаясь у самаго Бамьянскаго ущелья—вершина котораго находится у спуска съ Акъ-Раббатскаго перевала, а кончается у первой пещерной группы, —долина идетъ до ущелья Агенгеръ и на всемъ этомъ протяженіи почти одинаково широка, или вѣрнѣе—узка, такъ какъ ширина ея нигдѣ не превышаетъ 2-хъ верстъ. Въ длину она достигаетъ 20 верстъ. Съ обѣихъ сторонъ эта высокая долина ограничивается обрывистыми, а иногда—отвѣсными скалами. Сѣверный барьеръ имѣетъ видъ сплошнаго вала, рѣдко изорваннаго небольшими оврагами, по которымъ текутъ ручьи, впадающіе въ Бамьянскую рѣчку. Скалы сѣверной стороны болѣе дики и мрачны, чѣмъ скалы южной окраины долины. Далѣе къ сѣверу они продолжаются до самой Акъ-Раббатской гряды горъ, образуя слегка восхолмленное горное плато. Южная сторона долины не представляетъ такого постоянства. Ея скалистый, отливающій всѣми цвѣтами радуги, горный барьеръ во многихъ мѣстахъ представляетъ широкія прогалины, покрытыя зеленымъ ковромъ полей. Обыкновенно изъ этихъ прогалинъ вытекаютъ значительные ручьи, несущіе иногда очень окрашенныя воды. Такъ, напр. въ ущельѣ Сюрхъ-Дере, имѣющемъ меридіальное направленіе и находящемся недалеко отъ ущелья Агенгеръ, вода ручья насыщенно-краснаго цвѣта, и долго она, не смѣшиваясь съ водой Бамьянской рѣчки, идетъ въ общемъ руслѣ отдѣльной полосой. Южный, обрывистый берегъ долины тотчасъ же переходитъ въ передовыя поднятія Кухи-Баба, мягкаго волнистаго характера; не измѣняя своихъ очертаній, они подходятъ вплотную къ самой снѣжной грядѣ.

Почти по срединѣ долины, но чаще ближе къ ея южному берегу, протекаетъ мутная и шумная Аби-Бамьянъ — Бамьянская рѣка. Количество минеральныхъ осадковъ, которое она несетъ, громадно. Начало рѣчки находится на западной оконечности долины, еще въ Бамьянскомъ ущельѣ.—Почва долины представляетъ измельченныя горныя породы окружающихъ долину высотъ; нельзя не замѣтить въ ней особеннаго преобладанія глины и мелкой гальки.

Долина сплошь покрыта полями. Главные виды хлѣбовъ, засѣвае-

мыхъ здѣсь, суть: пшеница, ячмень, бобы, горохъ, и—что особенно замѣчательно—овесъ. Я нарочно употребилъ слово «замѣчательно». Нигдѣ въ Средней Азіи, гдѣ мнѣ приходилось быть до этого времени (въ Авганистанѣ, въ Бухарскихъ владѣніяхъ, въ русскомъ Туркестанѣ), я не встрѣчалъ посѣвовъ овса; здѣсь я ихъ встрѣтилъ только впервые.

Большіе посѣвы гороха и бобовъ также обратили на себя мое вниманіе. Замѣчу еще, что по дорогѣ черезъ Гинду-Кушъ отъ самой Аму до селенія Сухтэ-Чинаръ мы не встрѣчали нигдѣ ни бобовъ, ни гороха. Пшеница въ данное время (22-го іюля по старому стилю) только что дозрѣвала, ячмень поспѣлъ почти совсѣмъ; тоже можно сказать и объ овсѣ. Но этотъ злакъ здѣсь культивируется странно: 1) его косятъ, не давая ему хорошо созрѣть; 2) зерна не отмолачиваютъ и вообще не отдѣляютъ отъ соломы, а даютъ въ кормъ домашнему скоту овсяную ниву, какъ простое сѣно. Здѣсь сѣется также и клеверъ (люцерна).

Древесная растительность имѣетъ здѣсь мало своихъ представителей: тополь, ива, дикая яблонь—вотъ и всѣ. Хвойныхъ я здѣсь не замѣтилъ. Вообще древесная растительность здѣсь очень слаба; рѣдко можно увидать небольшія к у п ы поименованныхъ, неприхотливыхъ на почву и климатъ, деревьевъ.

Теперь я перехожу къ описанію того, чего здѣсь нѣтъ, но о чемъ много говорили и спорили: я имѣю въ виду «городъ Бамьянъ».

На всѣхъ картахъ крупнымъ или мелкимъ шрифтомъ обозначенъ городъ Бамьянъ. Это еще не удивительно. Извѣстно, что на карты наносятъ всѣ разспросныя свѣдѣнія, слѣдовательно—разъ кому нибудь разсказали, что тутъ-то находится городъ—ну и ставятъ его здѣсь. Но вотъ что уже заслуживаетъ полнаго удивленія. Новѣйшіе путешественники, даже такіе, какъ Бёрнсъ, тоже говорятъ о городѣ Бамьянѣ и наносятъ его на карту. Это совершеннѣйшая ошибка. Въ Бамьянской долинѣ въ настоящее время нѣтъ ни одного мѣста, которое можно было бы назвать городомъ. Существуютъ только развалины городовъ Гуль-гулэ и Зоххакова Городища. Все же остальное—или уже описанныя мною селенія, замки англійскихъ путешественниковъ, или группы пещеръ, высѣченныхъ въ скалахъ долины. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пещеры представляютъ довольно значительныя скученія,

какъ напр., у западнаго конца долины и у группы колоссовъ, но вообще онѣ тянутся почти по всей длинѣ долины. При взглядѣ на карту, мнѣ становится ясно, что именемъ города путешественники обозначили ту группу пещеръ, которая лежитъ у входа въ долину, у западнаго ея конца. Здѣсь же обозначенъ этотъ гипотетическій городъ и въ маршрутѣ русской миссіи, составленномъ г. Бендерскимъ. И такъ—города въ Бамьянской долинѣ въ настоящее время нѣтъ; пора перестать наносить его на картахъ.

Оригинальныя мѣстныя селенія разбросаны по всей долинѣ; ихъ числомъ около 15-ти.

Какъ велико населеніе долины, мнѣ не удалось узнать. Мѣстные жители—главнымъ образомъ гезарейцы, но есть и таджики; авганцы составляютъ здѣсь только пришлый, временный элементъ, въ качествѣ правителей, войскъ и т. п.

О животномъ царствѣ этой долины, я могу сказать очень мало. Лошади здѣшнія славятся своей неутомимостью; онѣ невелики ростомъ. Рогатый скотъ представляетъ ту характерную особенность, что быки обладаютъ довольно сильно выраженными горбами. Овцы и козы разводятся здѣсь, по разсказамъ авганцевъ, въ большомъ количествѣ. О хищныхъ звѣряхъ я не слыхалъ; птицъ не видалъ ни одной породы. Авганцы разсказывали, что въ одномъ изъ ручьевъ, впадающихъ съ юга въ Бамьянскую рѣчку, водится очень много форели [1]), но мы сами не видали ее.

Къ этому я прибавлю, что t° за три дня, которые мы провели въ этой исторической долинѣ, въ 1 часъ дня, въ тѣни, не превышала 31° С., а утромъ въ 8 ч. была не ниже 12° С.

Теперь я коснусь давно прошедшихъ дней этой долины,—и я думаю, что читатель извинитъ мнѣ это отступленіе отъ продолженія описанія путешествія миссіи.

Выше, когда шла рѣчь о древней Бактріанѣ, мы видѣли, что съ почвой ея связаны весьма важныя преданія, имѣющія своимъ пред-

---

[1]) О форели, водящейся въ рѣчкѣ, говоритъ также и Burslem, l. cit. стр. 37.

метомъ цѣлое человѣчество. Бамьянская долина въ этомъ отношеніи едва-ли уступитъ классической Бактріанѣ. Да и самый Бамьянъ своею древностью едва-ли уступитъ Балху. Мѣстныя преданія, приноровленныя къ отдѣльнымъ предметамъ этой долины, я привелъ уже выше; теперь я упомяну также и о тѣхъ, которыя, такъ сказать, вводятъ насъ въ исторію цѣлаго человѣчества. Это же, въ данномъ случаѣ, будетъ и введеніемъ въ исторію Бамьяна.

«Туземцы», говоритъ Вильфордъ, «смотрятъ на Баміанъ и на сосѣднія съ нимъ страны, какъ на мѣсто пребыванія прародителей рода человѣческаго какъ прежде, такъ и послѣ потопа» [1]). Буддійскія преданія также указываютъ на великую древность Бамьяна, приписывая построеніе его патріарху Симу [2]). Персидскіе авторы, въ свою очередь, тоже признаютъ за Бамьяномъ очень древнее происхожденіе; объ этомъ же говорятъ и преданія, связываемыя съ нѣкоторымъ развалинами, находящимися въ этой долинѣ (напр. Зоххаково Городище). О Бамьянѣ упоминается уже въ твореніи Зороастра, «Зендъ-Авестѣ» [3]). По Діодору Сицилійскому, Бамьянъ существовалъ еще ранѣе Нина, царя Ассирійскаго [4]). Но эти два извѣстія уже не принадлежатъ области преданій, а всецѣло—исторіи. Нужно однако замѣтить, что историческія свѣдѣнія о временахъ до Р. Х., какія мы имѣемъ въ настоящее время объ этой долинѣ, очень скудны.

Историки Александра Македонскаго, такъ прекрасно освѣтившіе условія жизни странъ по Оксу и Яксарту ничего не говорятъ объ этой предполагаемой колыбели человѣчества, Бамьянѣ. На основаніи тѣхъ скудныхъ свѣдѣній, какія достались намъ отъ историковъ Александра о его походахъ въ горахъ Кавказа, нѣтъ воз-

---

[1]) On mount Caucasus, Asiatic researches of the Society instituted in Bengal ect. vol VI, стр. 470.

[2]) Тамъ же стр. 463.

[3]) Zend—Avesta, ouvrage de Zoroastre, trad. par Anketil du Perron, т. 2 стр. 393. Paris 1771 г.

[4]) On Mount Caucasus стр. 470.—Впрочемъ Вильфордъ напрасно думаетъ видѣть въ этомъ ошибку великаго греческаго историка, который будто-бы смѣшалъ Бамьянъ съ Балхомъ. Желая провѣрить Вильфорда, я прочелъ Діодора Сицилійскаго и нашелъ, что онъ много и охотно говоритъ о Бактрахъ (Балхѣ) и—ни слова о Бамьянѣ.

можности даже составить болѣе или менѣе точный маршрутъ его пути черезъ Гинду-Кушъ.

Несомнѣнно однако, что Бамьянская долина должна была играть немаловажную роль въ ряду небольшихъ греческихъ государствъ, образовавшихся въ Бактріанѣ и Аріанѣ послѣ распаденія монархіи Александра. Такъ называемое Греко-Бактрійское государство одно время обнимало собою и Кабулистанъ и часть Индіи. Бамьянъ не могъ не войти въ составъ этого государства; но, тѣмъ не менѣе, положительныхъ свѣдѣній о томъ, что онъ изображалъ изъ себя въ данное время—нѣтъ какъ, нѣтъ.

Затѣмъ, въ 1-мъ вѣкѣ по Р. Х, мы находимъ названіе города Бамьяна у китайскаго писателя Бань-гу, въ его «Исторіи Старшихъ-Хань» [1]). Но во всякомъ случаѣ, точная исторія Бамьяна начинается только съ Сюань-Цаня. Онъ—первый по времени далъ намъ не только очень точное описаніе долины и ея памятниковъ, но и самое точное изъ всѣхъ, какія были сдѣланы послѣ него мусульманскими писателями. Точность его описанія настолько велика, что даже и англійскіе путешественники 2-ой четверти нынѣшняго столѣтія могли прибавить лишь очень немногое. Поэтому я позволю себѣ выписать здѣсь переводъ соотвѣтствующаго мѣста изъ описанія знаменитаго китайскаго на́ломника.

«Государство Фанъ-ян-на (Jan-yen-na, Bamian) простирается отъ востока къ западу на 2,000 ли [2]) и съ юга на сѣверъ на 300 ли. Оно находится посреди снѣговыхъ горъ. Жители помѣщаются въ небольшихъ городкахъ [3]), построенныхъ то на скатахъ горъ, то въ глубинѣ долинъ. Столица опирается о скаты двухъ противоположныхъ горъ и пересѣкаетъ долину. Въ длину она имѣетъ отъ 6 до 7 ли. Къ сѣверу она прислонена къ высокимъ и крутымъ скаламъ. Эта страна производитъ поздній ячмень; но цвѣтовъ и плодовъ здѣсь мало; она

---

[1]) Григорьевъ.—«Кабулистанъ и Кафиристанъ» стр. 986.

[2]) Ли—мѣра пути, какъ выше показано, равняющаяся ½ верст. Григорьевъ въ одномъ мѣстѣ своего труда исчисляетъ ее въ ½ версты, въ другомъ—менѣе ¼ версты. „Кабулистанъ и Кафиристанъ“ стр. 812 примѣч. 76, и стр. 817 примѣч. 90. Въ данномъ случаѣ удобнѣе принять величину ли, равную ¼; иначе размѣры государства Бамьянскаго выйдутъ несоразмѣрно великими.

[3]) „Замки“ англійскихъ путешественниковъ?

обладаетъ великолѣпными пастбищами, которыя въ состояніи прокормить большія стада овецъ и лошадей. Климатъ очень холодный. Нравы грубы и жестоки. Большая часть жителей носитъ одежду изъ шкуръ и шерсти; этотъ родъ одежды наиболѣе здѣсь подходящій по климату. Письмена, правительственные порядки и денежные знаки, обращающіеся въ торговлѣ,—суть тѣже, что и въ государствѣ Ту-хара (Tou-cho-lo); разговорный языкъ нѣсколько отличенъ, но въ чертахъ лица этихъ двухъ народовъ замѣчается большое сходство. Чистотою вѣры жители Бамьяна (Fan-yen-na) далеко превосходятъ своихъ сосѣдей. Здѣсь нѣтъ ни одного человѣка, который бы не благоговѣлъ передъ «Тремя Драгоцѣнностями» и не оказывалъ самаго глубокаго почитанія всѣмъ духамъ. Здѣсь существуетъ много десятковъ монастырей, въ которыхъ насчитываютъ нѣсколько тысячъ монаховъ, ордена Chouе-tch-ou-chi-pou, которые слѣдуютъ «petit Véhicule»[1]).

«На склонѣ горы, къ сѣверо-востоку отъ столицы, находится каменная статуя Будды, который представленъ стоящимъ. Статуя вышиной отъ 140 до 150 футовъ. Она имѣетъ блестяще-золотистый цвѣтъ; глазъ ослѣпляется при видѣ ея драгоцѣнныхъ украшеній.

«Къ востоку отъ этого мѣста расположенъ монастырь, который былъ построенъ первымъ царемъ этого государства.

«Къ востоку отъ монастыря возвышается латунная статуя Chi-kia-fo (Шакьямуни-Будды), изображеннаго тоже въ стоячемъ положеніи; высотою она около 100 футъ. Каждая часть ея была отлита отдѣльно; по соединеніи всѣхъ частей вмѣстѣ и образовалась цѣлая стоящая статуя Будды.

«Въ 12 или 13 ли къ востоку отъ города, въ монастырѣ можно видѣть лежащую статую Будды, погружающагося въ Нирвану; длина статуи около 1,000 футъ [2]).

«Каждый разъ, какъ царь празднуетъ торжественный день «Освобожденія», онъ приноситъ въ жертву все, начиная со своей жены и

---

[1]) Хинаянистская секта Буддистовъ. Григорьевъ,,Кабулистанъ и Кафиристанъ" стр. 988.

[2]) Мессонъ также упоминаетъ объ идолѣ, находящемся къ востоку отъ Гуль-Гулé, въ небольшой долинѣ, открывающейся съ юга въ Бамьянскую. Но величина этой статуи всего 50 фут. О тождествѣ Гуль-гулé съ кремлемъ древняго Бамьяна см. ниже, эту же главу.

дѣтей и кончая государственной казной. Когда казна вся роздана, то царь приноситъ въ жертву и себя самаго. Тогда власти страны приходятъ къ монахамъ и выкупаютъ царя. Такія благочестивыя дѣла составляютъ главное занятіе царя» [1]).

Не смотря, однако, на такое полное и точное описаніе знаменитой долины, все же нельзя не указать на нѣкоторыя неточности, неясности и даже пробѣлы въ трудѣ знаменитаго китайца.

Прежде всего нужно сказать о размѣрахъ территоріи Бамьянскаго царства. Судя по тѣмъ цифрамъ, которыя даетъ намъ Сюань-цань, именно, принимая протяженіе Бамьянскаго царства отъ запада къ востоку въ 500—1,000 верстъ,—на территоріи Бамьянскаго царства умѣстились бы также: на западѣ—царство Цзѣ-Чжи (Kie-tchi), а на востокѣ—нетолько царства Каписы и Кофена, но и Гандары. Между тѣмъ Сюань-Цань описываетъ эти царства, какъ совершенно отдѣльныя, самостоятельныя владѣнія.

Затѣмъ нельзя также обойти молчаніемъ заявленіе Сюань-Цаня о томъ, что вторая, меньшая статуя Будды, была вылита изъ латуни. Судя по мѣстоположенію этой статуи, какъ оно обозначено у китайскаго путешественника, это именно та статуя, на которую восходилъ я, съ полк. Разгоновымъ. Но эта статуя такая же каменная какъ и первая; я ее не только видѣлъ, но и осязалъ.

Что касается заявленій Сюань-Цаня, что большій колоссъ имѣетъ блестящій золотистый цвѣтъ, то въ настоящее время нѣтъ и слѣдовъ бывшей позолоты. Однако я долженъ замѣтить, что цвѣтъ штукатурки колосса желтый.

Замѣчательно также, что Сюань-Цань ни слова не говоритъ о живописныхъ изображеніяхъ, которыми покрыты своды нишъ. Точно также онъ не говоритъ ни слова и о меньшихъ статуяхъ, изсѣченныхъ въ другихъ трехъ нишахъ, о которыхъ я упоминалъ въ своемъ описаніи.

Что касается до третьей колоссальной статуи Будды, погружающагося въ Нирвану, то посольство не только не видѣло ея, но о ней мы ничего и не слыхали отъ знающихъ мѣстность туземцевъ.

---

[1]) Mémoires sur les contrées occidentales par Hiouen-Thsang, traduits par St. Yulien т. I, стр. 36—38.

Затѣмъ нельзя не обратить вниманія на то, что Сюань-Цанъ даетъ весьма важныя указанія относительно мѣста нахожденія современнаго ему и вѣроятно—древнѣйшаго города Баміана. Но объ этомъ я поговорю ниже.

Во времена Сюань-Цаня въ Бамьянѣ господствовалъ буддійскій религіозный культъ. Изъ того обстоятельства, что эта религія здѣсь, въ его время, такъ прочно установилась—что доказывается также и развитіемъ въ огромныхъ размѣрахъ монашества—ясно, что она была пропагандирована здѣсь за долго до его времени. Предполагаютъ, что первые зачатки Буддизма проникли сюда еще въ 3-мъ столѣтіи до Р. Х. [1]). Повидимому жители Бамьяна во времена Сюань-Цаня благоденствовали, если были въ состояніи содержать десятки монастырей и многія тысячи монаховъ, а могучіе памятники зодчества, которые уцѣлѣли и до сихъ поръ, говорятъ намъ также и то, что жителямъ не чужда была и довольно высокая степень образованности.

Тѣмъ не менѣе путешественникъ говоритъ, что нравы жителей грубы и жестоки. Въ тоже время онъ восхваляетъ ихъ религіозность. Противорѣчіе это если и можно объяснить, то развѣ только тѣмъ, что искони религіозное ханжество шло рука объ руку съ дикостью нравовъ.

Кромѣ извѣстій Сюань-Цаня о Бамьянѣ, мы имѣемъ также другія китайскія извѣстія о немъ, относящіяся къ тому же 7-му вѣку. Эти извѣстія заключаются въ «Исторіи Тханской Династіи». Тамъ говорится, что владѣніе Фань-янъ. лежащее при подошвѣ горъ Сыби-мо-лянь, въ сосѣдствѣ съ Ту-хо-ло, граничитъ съ владѣніями Гу-ши-гянь, Гибинь и Хе-да-ло-чжы. Климатъ имѣетъ холодный; люди живутъ въ пещерахъ, мѣстопребываніемъ владѣтелю служитъ городъ Ло-лань; большихъ городовъ въ странѣ считается до пяти; рѣка (орошающая страну) течетъ на сѣверъ, и впадаетъ въ рѣку У—ху (Oxus) [2]).

Изъ этого же источника мы узнаемъ, что въ 627 году государь владѣнія Фань-янъ отправилъ посла къ китайскому двору, а въ 658 году владѣніе это было уже переименовано въ губернаторство Китай-

---

[1]) «Кабулистанъ и Кафиристанъ», стр. 986.

[2]) Тамъ же стр. 989.

ской Имперіи, Сѣ-фынь. Теперь Бамьянскій государь сталъ именоваться только «Сѣфыньскимъ тутунемъ». Зависимость Бамьяна отъ Китайской Имперіи была повидимому полная: онъ платилъ китайскому правительству ежегодную дань [1]).

Черезъ сто лѣтъ послѣ этого, приблизительно, а можетъ быть и ранѣе, Бамьянъ увидѣлъ въ своихъ стѣнахъ толпы фанатическихъ послѣдователей Магомета. Несмотря на великую преданность религіи Будды со стороны туземныхъ князей, о чемъ намъ съ такою любовію сообщаетъ Сюань-Цань,—бамьянскіе владѣтели омусульманились кажется, ранѣе, чѣмъ другіе, сосѣдніе государи, напр. Кабульскіе. Арабскій писатель 10-го столѣтія Ахмедъ-ибнъ-Якуби, сообщаетъ намъ, что первымъ изъ владѣльцевъ Бамьянскихъ, принявшихъ исламъ, былъ Ширъ, именовавшійся «дикганомъ» (древній персидскій титулъ); онъ жилъ при калифѣ Мансурѣ (съ 755—774 г. по Р. Х.) [2]). Съ этихъ поръ Бамьянскіе цари, ci-devant «Сѣфыньскіе тутуни» Китайской Имперіи, сдѣлались вассалами Калифа Багдадскаго.

Въ 871 г. по Р. Х., Якубъ, сынъ Лейты, намѣстникъ Хорасана, покорившій Балхъ и Тохаристанъ, рѣшился поразить царя Кабульскаго въ самомъ сердцѣ его владѣній. При этомъ онъ направился Бамьянскимъ путемъ. Кабулъ былъ взятъ, а царь его попался въ плѣнъ къ мусульманамъ. Якубъ покорилъ также смежную съ Бамьяномъ Аррахозію, царя которой онъ убилъ, а жителей заставилъ принять исламъ [3]). Арабскій полководецъ возвратился въ свою столицу съ большой добычею, въ числѣ которой много было золотыхъ статуэтокъ индѣйскихъ боговъ. Часть этихъ статуэтокъ была взята завоевателемъ изъ храма въ Бамьянѣ [4]).

Вотъ что сообщаетъ намъ о самомъ Бамьянѣ тотъ же Ибнъ-Аби-Якубъ въ своемъ произведеніи Китабъ-аль-фихристъ:

«Въ Бамьянѣ находится храмъ, куда стекаются паломники изъ всѣхъ странъ Индіи. Въ храмѣ находится много золотыхъ идоловъ, украшенныхъ драгоцѣнными камнями. Именно изъ этого-то храма и

---

[1]) Тамъ же, стр. 989.
[2]) Кабулистанъ и Кафиристанъ, стр. 990.
[3]) Reinaud, «Mémoire sur l'Inde», стр. 209.
[4]) Тамъ же, стр. 289.

взялъ часть идоловъ Якубъ, сынъ Лейты, которые онъ и отослалъ въ Багдадъ, въ подарокъ Калифу».

Затѣмъ авторъ говоритъ о двухъ колоссальныхъ статуяхъ, изсѣченныхъ въ скалѣ, составляющей берегъ долины; статуи имѣютъ въ высоту 80 локтей. Индійцы, посѣщавшіе колоссы, приносили для нихъ благовонія и жертвы. Статуи можно видѣть съ большого разстоянія. Паломники, приближаясь къ нимъ, должны были опустить глаза въ землю еще за долго до того, какъ можно будетъ увидѣть идолы. Если случайно паломникъ увидитъ статуи, то онъ долженъ вернуться назадъ и начать хожденіе снова [1]).

Значитъ, не смотря на частыя вторженія мусульманъ въ эту священную, для индусовъ, долину, не смотря на то, что даже сами владѣтели Бамьянскіе уже измѣнили вѣрѣ своихъ предковъ и исповѣдывали исламъ—святыни Бамьянскія еще пользовались большимъ почетомъ въ глазахъ туземнаго населенія; да и мусульманскій режимъ, повидимому, пока былъ безсиленъ въ попыткахъ искоренить здѣсь буддизмъ. Болѣе того. Вотъ что мы читаемъ у того же арабскаго писателя.

«Въ этомъ мѣстѣ проливалось много крови; случалось видѣть, что до 50,000 человѣкъ приносили здѣсь свою жизнь въ жертву идоламъ» [2]).

Затѣмъ, въ 10-мъ столѣтіи, Бамьянъ игралъ, повидимому, выдающуюся политическую роль въ ряду сосѣднихъ полунезависимыхъ государствъ. Такъ, Ибнъ Хаукалъ въ числѣ странъ и городовъ, зависѣвшихъ отъ Бамьяна, называетъ и Кабулъ. Но вообще свѣдѣнія, которыя даютъ намъ о немъ арабскіе географы и путешественники, очень кратки, хотя и характеристичны.

«Бамьянъ—городъ, почти съ половину Балха», сообщаетъ намъ Ибнъ-Хаукалъ, «расположенный на холмѣ. Передъ этимъ холмомъ течетъ рѣка, катящая свои воды въ Гарджестанъ. Бамьянъ не имѣетъ ни садовъ, ни огородовъ; въ этомъ округѣ есть только одинъ городъ, расположенный на холмѣ» [3]).

---

[1]) Reinaud «Mémoire sur l'Inde», стр. 290.

[2]) Тамъ же стр. 290.

[3]) Oriental Geography of Ebn Haukal, p. 225.

У другаго арабскаго географа и путешественника, современника Ибнъ-Хаукала, Истахри, сказано о Бамьянѣ еще менѣе: «столица въ Бамьянѣ равняется почти половинѣ Балха и расположена на горѣ, передъ которой течетъ большая рѣка» [1]). Вотъ и все.

У позднѣйшихъ арабскихъ писателей свѣдѣнія о Бамьянѣ также очень неполны. Они почти слово въ слово повторяютъ то, что было сказано ранѣе ихъ, другими писателями. Такъ Эдризи, арабскій географъ половины 12-го столѣтія, ограничивается, при описаніи Бамьяна, слѣдующими немногими словами:

«Бамьянъ—городъ, величиною равный почти трети Балха; онъ расположенъ на вершинѣ горы Бамьянской; въ странѣ нѣтъ никакого другого города, расположеннаго на подобной высотѣ. Изъ Бамьянскихъ горъ вытекаютъ разныя рѣки и ручьи, которые впадаютъ въ рѣку Андерабъ. Городъ опоясанъ стѣнами, обладаетъ замкомъ, великою мечетью и обширнымъ предмѣстьемъ. Отъ Бамьяна зависятъ: Сигуркандъ, Сексвендъ, Кабулъ, Бохра, Карванъ и Горіа» [2]).

И при этомъ—ни одного слова о знаменитыхъ древностяхъ долины! Не много больше подробностей находится и у болѣе поздняго мусульманскаго писателя, Якута (начало XIII столѣтія). Но этотъ, по крайней мѣрѣ, хотя нѣсколькими словами упоминаетъ о знаменитыхъ Бамьянскихъ колоссахъ.

«Бамьянъ», говоритъ онъ,—«имя города и значительнаго округа расположеннаго между Балхомъ и Газною, въ горахъ; городъ не великъ, но онъ составляетъ главный пунктъ обширной территоріи. Десять дней пути раздѣляютъ его отъ Балха, и восемь—отъ Газны. Здѣсь можно видѣть зданіе удивительной высоты; оно поддерживается громадными колоннами и покрыто живописью, изображающею всѣ породы птицъ, созданныхъ богомъ. Внутри скалы находятся изсѣченные изъ нея два идола, простирающіеся отъ ея подошвы до самой вершины. Одинъ изъ нихъ называется «Красный идолъ», а другой—«Бѣлый идолъ». Въ цѣломъ мірѣ ничего нельзя видѣть подобнаго этимъ статуямъ» [3]).

---

[1]) Al-Estakhry, Liber climatum; aus dem arabischen übersetzt von Mordtmann. Hamburg 1845 г. стр. 120.

[2]) Géographie d'Edrisi, trad. de l'arabe en franç. par A. Jaubert, т. I, стр. 477.

[3]) Barbier de Meynard, Dictionnaire de la Perse, p. 80.

Нельзя не обратить вниманія на единогласное почти свидѣтельство арабскихъ и персидскихъ географовъ, что въ Бамьянскомъ округѣ находился только одинъ городъ, именно Баміанъ (Наміанъ Эдризи). Въ продолженіи нѣсколькихъ столѣтій онъ игралъ роль не только главнаго города своего округа, но даже такіе знаменитые города, какъ Кабулъ и Пенджгиръ, находились въ политической зависимости отъ него.

Это положеніе вещей, по свидѣтельству Эдризи, имѣло мѣсто даже и въ XII вѣкѣ. Нужно однако замѣтить, что арабскіе географы въ данномъ случаѣ противорѣчатъ сами себѣ, что и будетъ мною показано въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ, далѣе.

Мусульманскіе авторы, начиная съ Ибнъ-Хаукала, совсѣмъ не говорятъ о томъ, чтобы Бамьяномъ управлялъ отдѣльный, болѣе или менѣе независимый, царь—что имѣло здѣсь мѣсто до похода Якуба, сына Лейты.

Въ X вѣкѣ Бамьянъ находился подъ верховною властью повелителей Трансоксаніи, Саманидовъ. Позднѣе, съ паденіемъ дома Саманидовъ и возвышеніемъ Газневидской династіи, Бамьянъ составлялъ часть Газнійской монархіи. Въ XII же столѣтіи, именно въ то время, когда, по показанію Эдризи, отъ Бамьяна зависѣлъ даже Кабулъ, самъ Бамьянъ находился въ зависимости отъ князей Гоура, разрушившихъ Газнійскую монархію и на ея развалинахъ основавшихъ свое дикое царство.

Въ концѣ XII и въ началѣ XIII столѣтія Бамьянъ вошелъ въ составъ обширной, какъ то вдругъ изъ ничего образовавшейся, Харезмійской монархіи. Отъ Харезмскаго шаха Ала-эдъ-Дина, отнявшаго Бамьянъ у Гоуридовъ, дошла до насъ даже монета, съ обозначеніемъ, что была бита она въ Бамьянѣ [1]).

Но вотъ въ 1221 году надъ Бамьяномъ разразилась та же гроза, тотъ же все опустошавшій на своемъ пути смерчъ, что и надъ Хорасаномъ, что и надъ Маверанныхромъ. Этотъ смерчъ разразился въ видѣ нашествія Чингизъ-Хана. Незадолго передъ этимъ Чингизъ-Ханъ только что превратилъ въ груду развалинъ цвѣтущіе города Трансоксаніи и Хорасана. Преслѣдуя своего кровнаго врага, Харезмскаго

[1]) Григорьевъ, «Кабулистанъ и Кафиристанъ» стр. 990.

Шаха Джелалъ-эд-Дина (сына Ала-эд-Дина), Чингизъ-Ханъ осадилъ Бамьянъ. Нѣсколько разъ его атаки были отбиты, но, наконецъ, городъ все таки палъ. Въ этомъ сраженіи былъ убитъ внукъ Чингизъ-Хана, Мутуганъ (старшій сынъ Джагатай-Хана). Озлобленные этимъ монголы вырѣзали все населеніе города, не щадя ни пола ни возраста. Цитадель была срыта, а мѣсто было названо Му-балигъ, т. е. злой городъ [1]).

Съ этихъ поръ городъ Бамьянъ исчезъ съ лица земли; онъ уже никогда не могъ не только достигнуть прежняго процвѣтанія, но и вообще хотя бы сколько нибудь оправиться отъ своего раззоренія.

Затѣмъ Бамьянъ сдѣлался обычной станціей для среднеазіатскихъ завоевателей, на пути ихъ въ богатую Индію. Такъ Бамьянскою долиною слѣдовалъ Тамерланъ. Этою же долиною проходилъ султанъ Баберъ,—правда, не съ цѣлью завоеванія Индіи, и не изъ долины Аму онъ направлялся черезъ эту, пустынную теперь, долину. Нѣтъ, въ это время онъ былъ уже обладателемъ Кабула и Индіи. Баберъ въ это время возвращался со своими войсками изъ Герата въ Кабулъ. Это кажется единственный случай, что полководецъ прошелъ черезъ весь Гезареджатъ съ войсками, да еще въ зимнее время.

Абуль-Фазль, визирь Императора Индѣйскаго, Акбара, въ своемъ трудѣ Аинъ-Акбари (Владѣнія Акбара), даетъ намъ нѣкоторыя свѣдѣнія о Бамьянѣ. Бамьянская долина входила въ это время въ составъ имперіи Моголовъ, именно въ Кашмирскую субу. Вотъ въ какомъ положеніи находилась эта мѣстность во 2-й половинѣ 16-го столѣтія.

«Въ Туманѣ Зоххакъ-Бамьянъ», говоритъ авторъ, «находится замокъ Зоххака—памятникъ глубокой древности; онъ довольно хорошо сохранился, тогда какъ крѣпость Бамьянъ находится въ развалинахъ.

«Въ срединѣ этихъ горъ (Бамьянскихъ) находится 12,000 пещеръ, изсѣченныхъ въ скалахъ и украшенныхъ рѣзнымъ орнаментомъ. Эти пещеры называются Сумиджъ, и въ древнія времена служили зимними жилищами для здѣшнихъ жителей. Здѣсь находятся 3 удивительныхъ идола. Одинъ изъ нихъ представляетъ мужчину, 80 аршинъ въ высоту; другой, изображающій женщину—50 аршинъ высоты; третій, похожій на ребенка—15 аршинъ высоты.

---

[1]) Aboul Ghazi Behadour-Khan, Histoire des Mogols. т. II, p. 122.

«Въ одной изъ этихъ пещеръ, есть гробница, содержащая въ себѣ гробъ, а въ гробу есть человѣческое тѣло.

«Относительно этого тѣла даже и старѣйшій изъ жителей ничего не помнитъ, но оно пользуется большимъ уваженіемъ. Древніе люди несомнѣнно владѣли такими врачебными средствами, что если намазать ими мертвое тѣло, то оно потомъ, будучи погребено въ сухой почвѣ, не портится отъ времени; нѣтъ никакого сомнѣнія, что и въ данномъ случаѣ это тѣло было обработано подобнымъ же образомъ, хотя невѣжды и видятъ въ этомъ нѣчто чудесное» [1]).

Это еще въ первый, кажется, разъ упоминается имя замка Зоххака въ хроникахъ мусульманскихъ писателей. До сихъ поръ, какъ мы видѣли выше, о замкѣ Зоххака совсѣмъ не говорили ни арабскіе, ни персидскіе географы и путешественники.

Извѣстно далѣе, что Ауренгзебъ въ своемъ походѣ на Балхъ, проходилъ Бамьянскою долиной. По его приказанію въ большой колоссъ было сдѣлано нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ, которыми сильно разрушены обѣ ноги колосса.

Въ половинѣ прошлаго столѣтія Бамьянъ находился въ составѣ эфемерной монархіи Надиръ-Шаха, а послѣ него составилъ часть авганскаго государства, что продолжается и до сихъ поръ.

Знаменитая долина эта уже задолго до настоящаго времени привлекала къ себѣ вниманіе европейцевъ. Прежде чѣмъ кто либо изъ нихъ посѣтилъ ее, о ней много писалось на страницахъ европейскихъ и азіатскихъ журналовъ, при чемъ частію пользовались сообщеніями мусульманскихъ писателей, частію разспросными свѣдѣніями. Какъ на примѣръ подобныхъ работъ европейскихъ ученыхъ, нужно указать на статью Вильфорда, подъ заглавіемъ; «On mount Caucasus», помѣщенную въ 6-мъ томѣ англійскаго журнала «Asiatic researches».

Авторъ пользовался, между прочимъ, свѣдѣніями, доставленными ему мусульманскимъ путешественникомъ, по имени Ma'yan-Asod-Shah. На ряду съ нѣкоторыми, очень точными свѣдѣніями, мы встрѣчаемся въ его показаніяхъ и съ неимѣющими рѣшительно никакого основанія выдумками. Такъ, повторяя невѣрное извѣстіе Абуль-Фаз-

---

[1]) Ayeen Akbery, translat. by Francis Gladwin, vol. 2, p. 183. London 1800 г.

ля, что меньшій изъ двухъ колоссовъ изображаетъ женщину, онъ особенно упираетъ на это обстоятельство:

«одинъ колоссъ дѣйствительно представляетъ собою женщину, какъ по красотѣ и нѣжности чертъ, такъ и по выстоянію грудей» [1]).

Ничего этого на самомъ дѣлѣ нѣтъ: грудь втораго по величинѣ колосса также плоска, а вся его фигура также некрасива и не симметрична, какъ и у большаго колосса.

Тутъ же мы читаемъ, что разстояніе, раздѣляющее одинъ колоссъ отъ другаго, равно 40 шагамъ. И это показаніе тоже не вѣрно; разстояніе между обоими колоссами, равняется нѣсколькимъ стамъ саж. Затѣмъ Вильфордъ сообщаетъ, что оба колосса смотрятъ на востокъ, и утромъ, когда солнце восходитъ, они какъ будто улыбаются, вечеромъ же, при захожденіи солнца, они кажутся угрюмыми.—Я долженъ повторить, что лица колоссовъ совершенно разрушены, такъ что никоимъ образомъ не могутъ доставить того оптическаго впечатлѣнія, о которомъ говоритъ Вильфордъ, если бы они и были обращены на востокъ; но одинъ изъ нихъ обращенъ лицомъ на югъ, а другой—на юго-востокъ.

Такія ошибки, конечно возможны и, до нѣкоторой степени, извинительны, такъ какъ, свѣдѣнія, которыя послужили фундаментомъ для статьи—разспросныя, т. е. болѣе или менѣе сомнительныя. Иныя требованія можно предъявить къ европейскимъ авторамъ-очевидцамъ, писавшимъ объ этой долинѣ. Къ нимъ мы теперь и переходимъ.

Первыми европейцами, увидавшими знаменитыя древности Бамьяна, были Муркрофтъ и Требекъ, въ 1824 г. Записки этихъ несчастныхъ путешественниковъ, отысканныя д-ромъ Лордомъ и изданныя знаменитымъ санскритистомъ Вильсономъ спустя 16 лѣтъ послѣ ихъ смерти, даютъ намъ довольно подробныя свѣдѣнія о Бамьянѣ. Позднѣйшіе англійскіе путешественники очень немного могли прибавить къ описанію Муркрофта.—Нужно однако замѣтить, что кромѣ общей всѣмъ англійскимъ путешественникамъ неопредѣленности относительно того, что они разумѣютъ подъ гор. Бамьяномъ, у Муркрофта находятся и другія неточности, впрочемъ, не очень важныя. Такъ напр., къ такимъ неточностямъ можно отнести слѣдующія выраженія: «По

[1]) Asiatic researches, vol VI, p. 466.

лѣвую отъ насъ руку», говоритъ путешественникъ, «и прямо передъ нами возвышалась отвѣсная скала, въ которой находятся два знаменитые идола, и вся отвѣсная поверхность которой покрыта пещерами въ видѣ пчелинаго сота» [1]). Путешественникъ шелъ отъ ущелья Агенгеръ, т. е. подходилъ къ идоламъ съ востока, слѣдовательно онъ не могъ имѣть идоловъ съ лѣвой руки, такъ какъ скала отвѣсная, составляющая сѣверный берегъ долины и въ которой высѣчены колоссы, неминуемо должна была находиться у него съ правой стороны. Или напр: «далѣе—мы пересѣкли Бамьянскую рѣчку, которая, направляясь къ западу, соединяется съ рѣкой Калу» [2]). Здѣсь ошибка заключается въ томъ, что Бамьянская рѣчка течетъ не въ направленіи къ западу, а въ направленіи къ востоку.

Въ 1828 г. Бамьянской долиной проѣзжалъ, на пути изъ Персіи въ Индію, агентъ Англійскаго правительства, Стирлингъ. Но онъ вообще даетъ мало свѣдѣній о посѣщенной имъ странѣ.

Въ 1832 г. здѣсь проѣзжалъ трансильванецъ Гонигбергеръ, служившій медикомъ при дворѣ «Лагорскаго льва», Ренджитъ-Синга. Этотъ наоборотъ, ѣхалъ изъ Индіи въ Европу, направляясь черезъ Кабулъ, Бамьянъ и Бухару, и также ничего почти не повѣдалъ намъ о Бамьянѣ.

Но только Бёрнсъ открылъ собой новую эпоху для географіи Бамьяна. Наиболѣе подробныя описанія знаменитой долины были даны имъ первымъ. Хотя Муркрофтъ посѣтилъ ее и ранѣе Бёрнса, но описаніе его путешествій вышло гораздо позднѣе Бёрнсовыхъ «Travels into Bokhara», и честь перваго европейскаго географа бывшей когда то Мекки Буддизма, принадлежитъ Бёрнсу всецѣло. Я не буду приводить здѣсь всего описанія Бамьянской долины, которое находится въ книгѣ Бёрнса. Я ограничусь только указаніемъ на тѣ неточности и ошибки смѣлаго англійскаго путешественника, которыя я замѣтилъ.

Такъ, Бёрнсъ не опредѣляетъ, что онъ понимаетъ подъ словомъ Бамьянъ,—городъ-ли Гуль-Гуле, то ли мѣсто, гдѣ находятся колоссы и наибольшая масса пещеръ, или вообще всю долину? Одно мѣсто, по-

---

[1]) Moorkroft, Journey to Himalayen provinces, Kaboul, Bokhara ect. vol. II p. 386.

[2]) Тамъ же, vol. II p. 387.

видимому, заставляетъ насъ думать, что подъ словомъ Бамьянъ, онъ разумѣетъ ту группу пещеръ, которая находится около большаго колосса: «Пещеры вырыты по обѣимъ сторонамъ долины», говоритъ онъ, «но большая ихъ часть находится въ сѣверной сторонѣ, тамъ же гдѣ стоятъ и огромные идолы: онѣ всѣ вмѣстѣ составляютъ большой городъ» [1]). Но если эту группу пещеръ принять за городъ, тогда нужно будетъ назвать городомъ весь сѣверной берегъ долины, на всемъ почти 10-ти верстномъ протяженіи усѣянный пещерами, расположенными группами и отдѣльно.

Затѣмъ—Бёрнсъ говоритъ только о двухъ колоссахъ, и объ ихъ полѣ повторяетъ выдумки мусульманскихъ писателей, что именно одна статуя изображаетъ мужчину, а другая, меньшая—женщину. Выше я уже показалъ, что по наружному виду обоихъ колоссовъ объ ихъ полѣ судить невозможно; обѣ фигуры сдѣланы одинаково грубо и довольно несиметрично. «У колосса», говоритъ Бёрнсъ, широкія губы, уши длинныя и отвислыя, на головѣ, повидимому, была тіара» [2]). Я не замѣтилъ ни широкихъ губъ, ни длинныхъ и отвислыхъ ушей; что же касается тіары на головѣ, то въ настоящее время нѣтъ никакихъ данныхъ, чтобы сдѣлать это предположеніе. Не лишено интереса, по своей наивности, мнѣніе Бёрнса о происхожденіи этихъ колоссовъ: «Нѣтъ сомнѣнія», говоритъ онъ, «что Бамьянскіе идолы суть произведенія прихоти какого нибудь важнаго лица, жившаго въ этихъ пещерами изрытыхъ окрестностяхъ и желавшаго обезсмертить себя описанными нами колоссальными фигурами» [3]).

Вмѣстѣ съ Бёрнсомъ путешествовали д-ръ Джерардъ и кашмирецъ Моганъ Лаль. Первый изъ нихъ въ двухъ письмахъ съ дороги [4]), сообщаетъ о Бамьянѣ очень мало; онъ говоритъ, также только о двухъ идолахъ. Между тѣмъ Моганъ Лаль упоминаетъ и о третьемъ колоссѣ, меньшемъ первыхъ двухъ, при чемъ онъ называетъ всѣ статуи «прекрасными» [5]).

---

[1]) „Путешествіе въ Бухару", русск. перев. т. 2-ой стр. 268.
[2]) Тамъ же, стр. 271.
[3]) Тамъ же, т. 2-й, стр. 274.
[4]) Помѣщенныхъ въ Journal of the Asiatic Society of Bengal. vol II.
[5]) North of the village of Bamian runs a range of hills and in it stand

Въ томъ же 1832 г. Бамьянскую долину посѣтилъ наиболѣе обстоятельный изъ англійскихъ путешественниковъ 30-хъ годовъ по Авганистану, Мессонъ. Но и онъ, не смотря на то что путешествовалъ при наиболѣе удобной обстановкѣ, чѣмъ всѣ его предшественники и современники, свѣдѣній о Бамьянѣ даетъ намъ далеко не такъ много, какъ можно было бы ожидать. Онъ также какъ и Моганъ Лаль, говоритъ о трехъ большихъ колоссахъ. Кромѣ того, онъ сообщаетъ, что существуетъ и еще много пустыхъ нишъ, въ которыхъ нѣкогда находились идолы [1]).

Но изъ описанія Мессона также нельзя понять, что онъ разумѣетъ подъ словомъ Бамьянъ: скученіе-ли пещеръ у обоихъ колоссовъ, одну ли изъ деревень-замковъ, разбросанныхъ по рѣчкѣ, и одну изъ которыхъ Моганъ Лаль именуетъ именно Бамьяномъ,—или же что либо другое. Вотъ что объ этомъ мы читаемъ у Мессона:

«Оставивъ вправо отъ насъ замокъ Эмира Магомеда Таджика, мы достигли до мѣста, какъ разъ напротивъ лежащей въ развалинахъ цитадели Гуль-Гуле,—гдѣ въ холмахъ, на противуположной отъ Гуль-гуле сторонѣ, но не далеко отъ него, находится большое число пещеръ. Пройдя небольшое разстояніе, мы достигли Бамьяна, гдѣ и стали лагеремъ, напротивъ колоссальныхъ идоловъ» [2]).

Изъ приведеннаго мѣста описанія Мессона можно только предположить, что онъ называетъ Бамьяномъ одну изъ деревень, расположенныхъ поблизости отъ группы колоссовъ.

Затѣмъ этотъ путешественникъ довольно подробно описываетъ развалины Гуль-Гуле, и, на основаніи найденныхъ имъ остатковъ многочисленныхъ мечетей, заключаетъ, что Гуль-Гуле былъ прежде мусульманскимъ городомъ.

Въ продолженіи 40-го и 41-го гг. Бамьянская долина была посѣщена не только отдѣльными англійскими туристами, но и цѣлыми отрядами войскъ. Съ этого же времени и до 1878 г. въ Бамьянской долинѣ не было ни одного европейца. Въ 1878 г. историческая долина

---

three beautiful images.—Travels in the Penjab, Afghanistan ect. p. 86, London 1846 г.

[1]) Masson, Various journeys, vol. II p. 383.

[2]) Various journeys, vol. II p. 379.

впервые увидала на своей священной почвѣ «сѣверныхъ гостей»—русское посольство.

Я теперь могъ бы закончить свой исторической обзоръ этой долины, но мнѣ хотѣлось бы высказать нѣсколько соображеній по поводу мѣстоположенія древняго города Бамьяна. Если эти соображенія хотя до нѣкоторой степени разъяснятъ этотъ темный и очень спорный вопросъ, то цѣль моя была бы болѣе, чѣмъ достигнута.

Какъ намъ извѣстно, знаменитый берлинскій географъ, Риттеръ, былъ увѣренъ, что именно здѣсь, въ Бамьянской долинѣ, была основана Александромъ Македонскимъ—Александрія «Подкавказская» [1]), о которой намъ повѣствуютъ его историки. Но свѣдѣнія, какія намъ достались отъ древнихъ географовъ и историковъ Александра, такъ кратки и неточны, что самъ же Риттеръ затрудняется указать мѣсто нахожденія этого города въ означенной долинѣ [2]).

Нужно замѣтить, что, основываясь на тѣхъ источникахъ, которыми пользовался Риттеръ, нельзя утверждать даже и того, что Александрія была построена въ Бамьянской долинѣ. Вотъ что мы читаемъ, по этому поводу, у Арріана:

«Покоривши возмутившихся Арійцевъ, Александръ направился къ горѣ Кавказу, гдѣ основалъ городъ и назвалъ его Александріею; принеся здѣсь, по обычаю, жертву богамъ, онъ перешелъ черезъ Кавказъ» [3]).—И все. А вотъ что мы читаемъ о томъ же у Квинта Курція:

«Въ шестнадцать дней армія перевалила черезъ Кавказъ. Здѣсь находится скала въ окружности 10 стадій и 4 въ вышину, на которой, по разсказамъ древнихъ, былъ прикованъ Прометей. При подошвѣ этой горы выбрано было мѣсто для постройки города. Семь тысячъ престарѣлыхъ македонянъ и солдатъ, неспособныхъ къ дальнѣйшему походу, были оставлены въ новомъ городѣ. Поселенцы назвали его Александрію» [4]).

У Страбона объ этомъ городѣ сказано и того менѣе.

«Прозимовавши тамъ, (т. е. въ землѣ Паропамисадовъ), и осно-

---

[1]) Риттеръ, «Кабулистанъ и Кафиристанъ» пер. Григорьева, стр. 101.
[2]) Тамъ же стр. 114.
[3]) Ἀρριάνου Ἀνάβασις, кн. 3-я, гл. 28.
[4]) Quintus Curtius, lib. 7, cap. III.

вавши городъ, Александръ, имѣя надъ собою Индію, перешелъ черезъ горы въ Бактріану» [1]). Вотъ и все.

Читатель самъ видитъ, насколько основательно, на основаніи сообщенныхъ только что свѣдѣній, помѣщать «подкавказскую» Александрію въ Бамьянской долинѣ. Хотя мысль—пріурочить къ Бамьянскимъ колоссамъ преданія о прикованномъ къ скалѣ Прометеѣ и очень заманчива, но для этого нужно предварительно доказать, что колоссы Бамьянскіе существовали здѣсь еще до походовъ Александра Македонскаго, по крайней мѣрѣ, за нѣсколько столѣтій, а доказать это въ настоящее время невозможно. Правда, существующее преданіе относитъ время построенія этихъ колоссовъ болѣе чѣмъ за 1,000 л. до Р. Х. [2]), а преданія авганцевъ сообщавшихъ намъ, что Гуль-Гуле есть не что иное, какъ остатки города построеннаго Сикандеромъ-Зулькернейномъ (Алексан. Македонскимъ), также говорятъ о великой древности развалинъ въ долинѣ, но все это, конечно, не суть доказательства существованія здѣсь Александріи «подкавказской». Поэтому Бёрнсъ совершенно напрасно предполагаетъ найти здѣсь же этотъ городъ [3]).

Что касается вопроса о мѣстоположеніи буддійскаго Бамьяна,—Бамьяна временъ Сюань-Цаня, то мы здѣсь гораздо лучше обставлены со стороны топографическихъ показаній.

Судя по вышеприведенному тексту, Сюань-Цаня [4]) древній Бамьянъ долженъ находиться около развалинъ Гуль-Гуле, которыя составляютъ остатокъ кремля города. Этому, болѣе чѣмъ вѣроятному, предположенію не противорѣчатъ и показанія первыхъ мусульманскихъ писателей, въ одинъ голосъ повторявшихъ, что въ Баміанскомъ округѣ находился только одинъ городъ, и при этомъ, не упоминаютъ ни о какихъ развалинахъ, которыя находились бы въ сосѣдствѣ съ этимъ городомъ.

Между тѣмъ, вотъ что говоритъ, поэтому поводу В. В. Григорьевъ, авторъ такого капитальнаго труда, какъ его переводъ 2-ой главы 5-го т. Риттеровскаго Erdkunde:

---

[1]) Географія Страбона, пер. Мищенко, кн. 15 гл. 2, § 10.

[2]) См. у Моганъ Лаля, въ его книгѣ, ст. 87.

[3]) «Путешествіе въ Бухару», т. 2-й стр. 270.

[4]) См. выше эту главу, стр. 270.

«Въ Буддійскій періодъ и прежде, когда Гуль-гулы не существовало, именемъ Бамьяна назывался другой городъ, долженствовавшій находиться на мѣстѣ того городка, къ западу отъ Гуль-гуле, который нынѣ зовется Бамьяномъ, или нѣсколько южнѣе его; о такомъ мѣстоположеніи древнѣйшаго Бамьяна должно заключать изъ указаній Сюань-Цаня, что колоссальнѣйшая изъ статуй Шакьямуни Будды стояла, въ его время, къ сѣверо-востоку отъ столицы. Когда въ неизвѣстное время и по причинамъ намъ тоже неизвѣстнымъ, древній, первоначальный Бамьянъ подвергся разоренію, имя его перешло естественно на другой, новый городъ, который сталъ возникать по сосѣдству съ нимъ; а когда этотъ новый городъ (Гуль-гуле), тоже, въ свою очередь, былъ разрушенъ грознымъ Чингизомъ, имя Бамьяна перешло съ него опять на старое мѣсто, гдѣ возникло новѣйшее селеніе, нынѣ именемъ этимъ зовущееся» [1]).

Для того, чтобы рѣшить вопросъ о мѣстоположеніи древняго Бамьяна, необходимо сначала опредѣлить гдѣ находится современный намъ городъ Бамьянъ. Изъ моего описанія читатель видѣлъ, что въ настоящее время города Бамьяна нѣтъ, а есть нѣсколько деревень, разбросанныхъ въ разныхъ мѣстахъ по долинѣ. Очевидно, что, принявъ за городъ одну изъ этихъ деревень, мы къ рѣшенію вопроса не подойдемъ ни на шагъ. Если же принять за городъ Бамьянъ ту группу пещеръ, которую обозначаетъ этимъ именемъ Бёрнсъ, то показаніе Сюань-Цаня—что столица находится къ юго-западу отъ большаго колосса—прямо противорѣчитъ этому предположенію. Нужно еще и то принять во вниманіе, что буддійскіе монастыри—чѣмъ и слѣдуетъ считать группы пещеръ поблизости колоссовъ—никогда не строились вблизи городовъ. Слѣдовательно, уже вслѣдствіе этого одного обстоятельства, столица не могла помѣщаться въ пещерахъ, бокъ о бокъ, съ колоссами, а слѣдовательно и съ монастырями.

И такъ ссылка Григорьева на мѣстоположеніе новѣйшаго Бамьяна и отожествленіе его съ древнѣйшимъ Бамьяномъ, неудачна. Перенесеніе гор. Бамьяна съ одного мѣста на другое оказывается, такимъ образомъ, тоже недоказаннымъ.

Выше я сказалъ, что, по моему мнѣнію, Гуль-Гуле представляетъ

---

[1]) Григорьевъ, «Кабулистанъ и Кафиристанъ» ст. 991.

кремль того города, который описываетъ Сюань-Цань; Гуль-Гуле же служилъ цитаделью и «мусульманскаго» города, разрушеннаго Чингизъ-Ханомъ. Мнѣніе это опирается на слѣдующихъ данныхъ:

«Столица», говоритъ Сюань-Цань, «опирается о скаты двухъ противоположныхъ горъ и пересѣкаетъ долину; къ сѣверу она опирается о крутыя скалы. Въ длину она имѣетъ отъ шести до семи ли... Къ сѣверо-востоку отъ столицы, на склонѣ горы, находится каменная статуя Будды»...

Нужно замѣтить, что съ запада къ Гуль-Гуле примыкаютъ развалины, расположенныя въ долинѣ. Эти развалины вмѣстѣ съ Гуль-Гуле, какъ разъ и имѣютъ то отношеніе къ колоссамъ, какое даетъ своему городу Сюань-Цань. Затѣмъ, китайскій путешественникъ говоритъ, что «столица къ сѣверу опирается о крутыя скалы»... Это понятно, потому что къ сѣверу, пересѣкши долину, столица могла только доходить, опираться о скалы, такъ какъ онѣ здѣсь отвѣсны; между тѣмъ къ югу она могла не только доходить до холмовъ, но взобраться на нихъ, такъ какъ они здѣсь значительно положе сѣверныхъ.

Затѣмъ припомнимъ, что Мессонъ говоритъ объ одномъ колоссѣ, который находится къ востоку отъ Гуль-Гуле, въ особой долинѣ, выходящей въ долину Бамьянскую съ юга. Съ этимъ извѣстіемъ само собою напрашивается на сопоставленіе слѣдующее показаніе Сюань-Цаня.

«Въ 12 или 13 ли отъ города, къ востоку, въ монастырѣ, можно видѣть лежащую статую Будды, погружающагося въ Нирвану; длина статуи 1,000 фут.»

Если сравнить разстояніе развалинъ, находящихся къ западу отъ Гуль-Гуле до той долинки, къ востоку отъ Гуль-гуле, гдѣ Мессонъ видѣлъ статую въ 50 ф., съ разстояніемъ отъ столицы до монастыря, съ лежащей статуей Будды,—то нельзя не замѣтить почти полнаго соотношенія; 12 или 13 ли—это значитъ 3—4 версты, какъ разъ, то разстояніе, которое раздѣляетъ долину Мессона отъ поименованныхъ развалинъ. Если здѣсь есть, что несогласимое, то это—величина статуи. Мессонъ даетъ величину статуи въ 50 фут., а Сюань-Цань говоритъ о статуѣ въ 1,000 футовъ. Но очень можетъ быть, что цифра Сюань-Цаня просто искажена переписчикомъ. Остальное же все совершенно сходится.

ГЛАВА VIII.

Отъ Бамьяна до Кабула.

Иракская долина.—Подъемъ на Большой Иракскій перевалъ.—Соединительный узелъ между Гинду-Кушемъ и Кухи-Бабой.—Селеніе Харзаръ.—УкрѣпленіеГерденъ-Диваръ.—ПеревалъУннай.—Спускъ въ долинуКабульской рѣки.—Сэръ-Чешмэ.—Коти-Ашру.—Прибытіе Сердаря Абдулла-хана.—Послѣдній, на пути къ Кабулу, перевалъ, Сефидъ-Хакъ.—Культура верхней части долины Кабулъ-Дарьи.—Пріѣздъ Везира-Шахъ-Магометъ-хана.—День въ Каля-и-Казы.—Слоны.—Послѣдняя почта изъ Ташкента; телеграмма о закрытіи Берлинскаго Конгресса.—Торжественное шествіе русской миссіи на слонахъ и въѣздъ въ Кабулъ.—Пріемъ, сдѣланный миссіи со стороны Кабульскаго населенія.

Спустившись по очень крутой горной расщелинѣ въ Иракскую долину, мы ѣхали нѣкоторое время по западному краю ея, у самаго подножія горъ. Знойные лучи южнаго солнца могучимъ потокомъ заливали всю эту уютную долину, окруженную со всѣхъ сторонъ почти отвѣсными высокими скалами. Скалы здѣсь окрашены во всѣ цвѣта радуги и состоятъ преимущественно изъ отвердѣлой глины. Вершины сосѣднихъ горъ были покрыты снѣгомъ, хотя на восточной и сѣверной сторонахъ—значительно меньше, чѣмъ на остальныхъ. Вся долина представляетъ четырехугольную площадь, нѣсколько вытянутую въ меридіальномъ направленіи. Ширина ея не болѣе 1 версты, между тѣмъ какъ длина ея значительно болѣе, а къ югу она прямо переходитъ въ ущелье, ведущее на Большой Иракскій перевалъ. Къ сѣверу она, по всей вѣроятности, сообщается съ долиной Бамьянской рѣчки. Можно было также видѣть заливъ долины къ сѣверо-востоку; очень вѣроятно, что по этому-то заливу и шелъ Мессонъ въ 1832 г. [1]).

[1]) См. Masson. Various journeys. vol. II pag. 447—9.

По долинѣ зигзагообразно протекаетъ рѣчка, несущая довольно значительную массу воды. Она течетъ съ юга на сѣверъ и теряется изъ виду въ ущельѣ, на сѣверной окраинѣ долины. Несомнѣнно, что эта рѣчка впадаетъ въ Бамьянскую рѣку.

Судя по значительной абсолютной высотѣ долины (около 9.000 фут.) [1]), можно было думать, что здѣсь нѣтъ надобности въ искусственномъ орошеніи полей, какъ вслѣдствіе умѣренности лѣтнихъ жаровъ, такъ и по относительному обилію дождей, выпадающихъ лѣтомъ. Тѣмъ не менѣе, оросительные каналы прорѣзываютъ эту прекрасную долину въ разныхъ направленіяхъ. Близъ одного изъ нихъ, имѣвшаго болѣе одной сажени въ поперечникѣ, были расположены наши палатки.

Долина очень хорошо обработана; поля, засѣянныя пшеницей, занимаютъ большую часть ея площади. Однако и здѣсь много засѣвается бобовъ. Пшеница была уже совсѣмъ зрѣлая и, мѣстами, сжата. На это нельзя было не обратить вниманія. Въ Бамьянской долинѣ, абсолютная высота которой нѣсколько менѣе, чѣмъ Иракской,—пшеница въ данное время была еще незрѣлой, здѣсь же она, какъ я сказалъ, отчасти была уже сжата. Я думаю, что такая разница во времени созрѣванія хлѣбовъ зависитъ отъ того, что Бамьянская долина болѣе открыта, болѣе подвержена дѣйствію холодныхъ вѣтровъ, такъ какъ съ сѣвера она ограничивается только относительно невысокимъ горнымъ барьеромъ; Иракская же долина представляетъ защищенную со всѣхъ сторонъ, глубокую горную котловину; солнечные лучи, отражаясь отъ сосѣднихъ горъ и скалъ, собираются въ этой долинѣ, какъ въ фокусѣ и, такимъ образомъ, обусловливаютъ существованіе болѣе высокой средней температуры этой долины сравнительно съ Бамьянской. По долинѣ разсѣяно, въ разныхъ мѣстахъ, до 10-ти укрѣпленныхъ деревень, которыя здѣсь и я охотно назову за́мками, хотя бы и глиняными. Одинъ изъ такихъ за́мковъ находился отъ нашихъ палатокъ всего въ нѣсколькихъ саженяхъ. Температура, измѣренная здѣсь въ 1 часъ 30 минутъ пополудни, въ тѣни палатки, дала цифру въ 28,6° С.

Переходъ, сдѣланный нами сегодня, не великъ. Дебиръ увѣрялъ,

---

[1]) По Гриффиту.

что вся дорога, отъ зàмка Магомеда-Топчи до Иракской долины, составляетъ всего «панджъ курухъ», т. е. около 15 верстъ; но я въ этомъ сильно сомнѣваюсь. Пройдено все же не менѣе 20 верстъ.

Вечеромъ, одно, повидимому, очень неважное обстоятельство смутило благодушное настроеніе нашего маленькаго лагеря. Прямо на сѣверѣ отъ насъ, въ сѣдловинѣ, образованной двумя сосѣдними пиками, авганцы замѣтили небольшую группу всадниковъ. Тамъ, гдѣ были всадники, повидимому, не было никакой дороги, или тропинки, такъ что всадники, надо полагать, ѣхали цѣликомъ. Группа эта нѣкоторое время постояла, посмотрѣла на нашъ лагерь и скоро исчезла въ сосѣднихъ скалахъ.

Для миссіи это явленіе не имѣло ничего необычайнаго и, вѣроятно, мы не обратили бы на него никакого вниманія. Но не такъ посмотрѣли на это наши спутники-авганцы. Мосинъ-ханъ сдѣлался особенно серьезенъ. Онъ превратилъ свои кулаки въ зрительныя трубы и началъ пристально всматриваться въ подозрительную группу. Затѣмъ онъ рѣшилъ, что это г е з а р е, и что «надо держать ухо востро». Онъ тотчасъ же сдѣлалъ распоряженіе объ усиленіи обычнаго ночнаго караула. Палатки казаковъ на ночь опять были сняты, а сами казаки были расположены опять вокругъ посольской палатки.

Однако ночь прошла совершенно спокойно, и на слѣдующій день, часовъ въ 5 утра, мы начали восхожденіе на Большой Иракскій перевалъ.

Прежде всего намъ пришлось пройти полями долины, мимо небольшихъ, живописныхъ садовъ, пріятно оттѣнявшихъ глиняныя стѣны нѣкоторыхъ зáмковъ. На этомъ пути намъ пришлось нѣсколько разъ перейти ручей, шумно катящій свои свѣтлыя, искрящіяся воды. Къ югу, верстахъ въ двухъ отъ нашей стоянки, ущелье стало довольно тѣснымъ, а острыя ребра сланцевыхъ скалъ здѣсь поднимаются почти отвѣсно, преграждая доступъ солнечнымъ лучамъ въ узкое ущелье. Это, однако, не помѣшало изумрудно-зеленой травѣ-муравѣ выстлать своимъ мягкимъ ковромъ оба берега ручья. Слѣва, вдоль дороги, на протяженіи полуверсты, потянулись пещеры, не столь многочисленныя, какъ въ Бамьянской долинѣ, и не такъ хорошо изсѣченныя, какъ тамъ. Верстахъ въ 5—6 отъ нашей стоянки, слѣва же, открылось поперечно-идущее (къ востоку) ущелье, а по немъ вилась

тропинка. На мой вопросъ, куда ведетъ эта тропинка?—сопровождавшіе меня авганцы сказали, что она ведетъ на перевалъ Шибръ. Желая провѣрить ихъ, я спросилъ Мосинъ-хана и получилъ тотъ же отвѣтъ [1]). Затѣмъ намъ пришлось сдѣлать около 8-ми верстъ пути по нашему ущелью, послѣ чего мы достигли довольно широкой горной площадки. При входѣ на эту площадку видны остатки поперечно идущей стѣны, съ развалинами укрѣпленія въ срединѣ ея. На вопросъ, что это за развалины?—авганцы мнѣ отвѣтили, что это «кафиръ-кала», и что основана была эта кала въ глубокой древности—«когда еще кафиры владѣли этой землей», добавилъ одинъ длиннобородый, пожилой авганецъ. Затѣмъ опять пришлось идти по узкому ущелью, обставленному здѣсь щетинистыми шиферными скалами. Тропинка густо покрыта глыбами и камнями разнообразныхъ горныхъ породъ; рядомъ съ осколками шифера лежали кристаллическія породы; плиты сланца валялись тамъ и сямъ. Иногда по берегамъ ручья попадались желѣзистые ключи съ ржаво-желтыми миніатюрными руслами. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сильно чувствовался запахъ сѣро-водороднаго газа, а въ нѣкоторыхъ миніатюрныхъ кратерахъ, расположенныхъ по берегу ручья, виднѣлись постоянно выдѣляющіеся съ поверхности воды пузырьки этого газа, причемъ слышалось слабое клокотаніе. По временамъ тропинка лѣпилась по узкому карнизу, и въ это время жутко было слышать подъ копытомъ лошади хрясъ разбиваемыхъ шиферныхъ плитъ. Верстахъ въ 15-ти отъ нашей стоянки, вершины горъ приняли болѣе мягкія очертанія. По бокамъ ихъ спускались тощія поля, засѣянныя ячменемъ, который былъ еще совершенно зеленъ, хотя уже и выколосился. Къ этимъ полямъ иногда тянулись по крутымъ скатамъ холмовъ оросительныя канавы, выведенныя изъ ручья, текущаго по дну ущелья. Часто эти канавы поднимались на нѣсколько десятковъ футъ надъ уровнемъ ручья; поэтому приходилось вести ихъ къ полю на протяженіи нѣсколькихъ верстъ.

Верстахъ въ 20-ти отъ нашей ночной стоянки ущелье раздѣлилось на двѣ вѣтви: юго-восточную и юго-западную. Мы пошли по восточной и вскорѣ дошли до снѣжнаго заноса, занимавшаго ущелье на про-

---

[1]) Въ маршрутѣ г. Бендерскаго направленіе пути на Шибръ показано другое.

странствѣ нѣсколькихъ сотъ квадратныхъ саж. Снѣгъ былъ настолько твердъ, что не только верховыя, но и вьючныя наши лошади легко перешли по нему, нисколько не увязая.

Когда мы перешли черезъ эту снѣжную поляну, я смѣрялъ t° ручья (нѣсколько выше полосы снѣга) и нашелъ 8° С; t° воздуха, въ томъ же мѣстѣ, въ тѣни, была 13° С. Въ это время было около 8 часовъ утра. Пройдя около 2-хъ верстъ вверхъ по ущелью, мы снова достигли снѣжнаго поля, нѣсколько меньшихъ размѣровъ, чѣмъ предыдущее. Теперь начался очень крутой подъемъ на перевалъ, вершина котораго виднѣлась впереди и еще очень высоко. Лошадямъ данъ былъ отдыхъ. Во время этого отдыха одно семейство гезарейцевъ угощало насъ свѣжимъ овечьимъ сыромъ. Сыръ этотъ составляетъ, повидимому, очень питательное вещество, очень остраго вкуса. Вкусъ его до извѣстной степени похожъ на тотъ сыръ, который приготовляется нашими башкирами и киргизами, и извѣстенъ подъ именемъ «крута». Кочевье нашихъ случайныхъ хозяевъ-номадовъ состояло изъ нѣсколькихъ палатокъ и юртообразныхъ шалашей, покрытыхъ почернѣвшими отъ копоти и продыравившимися отъ ветхости кошмами. Изъ палатокъ выглядывало нѣсколько женскихъ и дѣтскихъ головокъ. Черты лица ихъ очень мало напоминали татарскій или монгольскій типъ. Черные волосы на головѣ, блестящіе черные глаза, слегка горбатый носъ и совсѣмъ не сильно выдающіяся скулы—вотъ главныя черты ихъ физіономій. Внѣ палатокъ стояли 2-3 взрослыхъ гезарейца и предлагали намъ сыръ и молоко. Кругомъ по горамъ бродили «атары» (стада) овецъ, а одно стадо виднѣлось почти на самой вершинѣ Иракскаго пика.

Собственно подъемъ на перевалъ имѣетъ въ длину около $1^{1}/_{2}$ верстъ, и чрезвычайно крутъ. Дорога, впрочемъ, довольно удобная; она довольна широка (отъ 1 до 2-хъ саж. въ ширину) и пролегаетъ по мягкому, глинистому грунту. Но зато неудобство ея состоитъ въ томъ, что она имѣетъ очень большой боковой уклонъ, такъ что колесные экипажи едва ли могутъ по ней ѣхать. Послѣднія двѣ версты пути мы прошли болѣе чѣмъ въ часъ времени. Черезъ каждые 10—20 шаговъ лошади останавливались и отдыхали, затѣмъ снова 20 шаговъ—и снова остановка, и такимъ образомъ подвигались мы до самой сѣдловины перевала. Вершины перевала мы достигли въ 10 часовъ

утра. По вычисленію Гриффита, высота этого перевала доходитъ до 13.000 фут. Слѣдовало бы, конечно, ожидать, что мы подвергнемся всѣмъ обычнымъ послѣдствіямъ разрѣженности воздуха, соотвѣтствующей той большой высотѣ, на которой мы теперь находились. Но почти никто изъ насъ не жаловался ни на одышку, ни на сердцебіеніе, не говоря уже о другихъ, болѣе рѣзкихъ симптомахъ, напр. кровотеченіяхъ изъ носа, ушей, обморокахъ и проч. Только казакъ Солодовниковъ, эмфизематикъ (страдающій воздушной опухолью легкихъ) сильно страдалъ; добравшись до вершины перевала, онъ пластомъ повалился на землю. Небольшое затрудненіе дыханія чувствовалъ и другой казакъ, изнуренный перемежающейся лихорадкой. Нужно, однако, замѣтить, что казаки шли на перевалъ пѣшкомъ, а если бы они поднялись на него на лошадяхъ, то я не знаю, были бы и у этихъ двухъ казаковъ тѣ проявленія горной болѣзни, о которыхъ я только что упомянулъ, или нѣтъ. Я считалъ у себя и у нѣкоторыхъ изъ членовъ миссіи число ударовъ пульса и нашелъ среднимъ счетомъ 84 удара въ 1′.

Съ вершины этого перевала открывается довольно поучительный видъ на окружающую мѣстность. Прежде всего можно было видѣть, что многіе горные пики значительно превышали его своею высотой. Ясно было, что какъ этотъ, такъ и лежащій западнѣе его, Хаджихакскій перевалъ,—лежатъ, собственно не въ Гинду-Кушѣ (въ смыслѣ «типа» горнаго хребта), а въ горномъ узлѣ, соединяющемъ Гинду-Кушъ, снѣжныя вершины котораго виднѣлись довольно далеко на востокѣ отсюда,—съ хребтомъ Кухи-Баба, совершенно отдѣльнымъ отъ Гинду-Куша (опять въ томъ же смыслѣ). Хребетъ Кухи-Баба начинается на 20—30 верстъ южнѣе перевала трехглавымъ снѣжнымъ пикомъ, находящимся въ тупомъ углѣ, между Аби-Гильджатуй,—рѣчкою начинающеюся изъ подножія Иракскаго перевала, и Хильмендомъ. Начавшись этимъ трехглавымъ пикомъ, хребетъ Кухи-Баба тянется непрерывной снѣжной цѣпью на З. Ю.З. Впрочемъ здѣсь нельзя прослѣдить направленія Кухи-Бабы на болѣе или менѣе значительномъ протяженіи, такъ какъ онъ скоро скрывается за снѣжнымъ пикомъ Калуйскаго перевала.

Мѣстность, гдѣ находится Иракскій перевалъ, имѣетъ сильно всхолмленный видъ. Холмы, пики, кряжи горъ—разбросаны на обширномъ пространствѣ, безъ всякаго порядка. Ущелья и узкія долины

изрѣзываютъ эту мѣстность во всѣхъ направленіяхъ. Нужно, однако, замѣтить, что вблизи перевала снѣжныхъ пиковъ очень мало; главныя массы снѣга виднѣются на востокѣ и юго-западѣ отъ него.

На вершинѣ перевала, дулъ сильный вѣтеръ. Volens-nolens пришлось сократить нашъ отдыхъ. T° дала здѣсь 20° C. въ тѣни. Спускъ съ перевала имѣетъ всѣ тѣ же удобства и неудобства, какъ и подъемъ на него. До гезарейской крѣпостцы Харзаръ отъ перевала считается около 6-ти верстъ разстоянія. Здѣсь былъ назначенъ нашъ ночлегъ. О пути отъ перевала до этой крѣпостцы, расположенной, по Гриффиту, на 11.000 фут., ничего особеннаго сказать нельзя; впрочемъ скажу, что онъ несравненно удобнѣе, чѣмъ путь по ту сторону перевала: ущелье шире, дорога мягче, камней меньше. По дорогѣ и на самомъ перевалѣ растетъ одна трава, похожая на нашу ёжу (dactylis glomerata), которая, по словамъ авганъ, обладаетъ сильно ядовитыми свойствами. Они тщательно наблюдаютъ, чтобы, во время проѣзда этою мѣстностью, лошади и верблюды не ѣли траву; трава эта, по ихъ словамъ, убиваетъ и тѣхъ и другихъ животныхъ, если они съѣдятъ даже небольшое количество ея. Но овцы ѣдятъ ее безнаказанно.

Около Кала-Харзаръ опять появились поля съ клеверомъ и и ячменемъ. Пшеницы здѣсь совсѣмъ не видно. Ячмень въ данное время только-что выколосился; клеверъ жнутъ только одинъ разъ въ лѣто. Здѣсь гезарейцы представляли больше сходныхъ чертъ лица съ монголами, чѣмъ тѣ, которыхъ мы встрѣтили по сѣверную сторону Большаго Иракскаго перевала.

Этимъ переваломъ до Русской миссіи, кажется, не проходилъ ни одинъ европеецъ [1]).

Сегодняшній переходъ порядочно таки утомилъ насъ. Поэтому

---

[1]) Денни, впрочемъ, перешелъ черезъ Иракскій перевалъ. Wood. Journey to the source of the Oxus. стр. LXVI. «The Irak pass was that, by which Brigadier Dennie crossed to Bamian in 1840 before fighting his action with Dost Mahommed on that famous site». Неизвѣстно, однако, которымъ Иракскимъ переваломъ онъ прошелъ: большимъ, или малымъ? Изъ Кабульской долины можно попасть въ Бамьянъ минуя Большой Иракскій перевалъ хотя и черезъ Малый Иракскій перевалъ; для этого нужно только взять направленіе на перевалъ Шибръ.

нисколько не должно казаться удивительнымъ, что, завидя палатки, всѣ мы инстинктивно начали погонять лошадей; вскорѣ тѣнь палатокъ пріютила насъ съ обычнымъ своимъ гостепріимствомъ. Совсѣмъ уже готовый завтракъ былъ какъ нельзя болѣе кстати. Уставшіе члены настойчиво требовали горизонтальнаго положенія, а нервы—сна. Почти всѣ мы и поспѣшили отдать должное природѣ. Но съ нашимъ «Натуралистомъ» случилось пренепріятнѣйшее въ пути приключеніе. Его вьюкъ съ постелью еще не прибылъ, и долго ему пришлось поджидать рогатое вьючное животное, которое везло его постель. Почему рогатое—я сейчасъ объясню. Дѣло въ томъ, что наши вьючныя лошади отъ безпрерывнаго труднаго пути положительнаго ослабѣли; значительная часть изъ нихъ побила себѣ спины и намяла бока, такъ что почти всѣ онѣ сдѣлались совсѣмъ неспособными къ дальнѣйшей работѣ. Авганцы,—предупредительности которыхъ нужно по справедливости отдать честь,—замѣтили это и организовали для насъ бычачій вьючный обозъ. Быки оказались отличными вьючными работниками, несмотря на то, что они вообще здѣсь не отличаются ростомъ. Горбы у нихъ весьма порядочно развиты; шерсть совершенно гладка, а ноги очень стройны и тонки. Быки отличаются очень добродушнымъ нравомъ, хотя они и не кастрированы [1]).

На слѣдующій день, дорога во все время перехода тянулась по берегу ручья. Верстахъ въ 3-4 отъ кала́ Харзаръ, вправо отъ насъ, вышла дорога съ Хаджихакскаго перевала, а вскорѣ послѣ этого, тоже вправо отъ дороги, въ нѣкоторомъ отъ нея разстояніи, показалась деревня Гильджатуй. Здѣсь къ ручью Аби-Харзаръ, присоединился ручей Аби-Гильджатуй. По сліяніи ихъ образуется довольно многоводная рѣчка, удержавшая послѣднее названіе. Къ югозападу отъ деревни Гильджатуй тянется довольно обширная горная равнина, которая къ югу заканчивается высокимъ пикомъ Кухи-Баба. Этотъ-то пикъ и видѣли мы съ Большаго Иракскаго перевала. Онъ покрытъ вѣчнымъ снѣгомъ и служитъ началомъ хребта Кухи-Баба.

---

[1]) Въ весьма отдаленныя отъ насъ времена въ горахъ Гинду-Куша быки играли роль вьючныхъ животныхъ также хорошо, какъ и теперь. Еще Аполлоній Тіанскій, путешествовавшій здѣсь въ половинѣ 1-го вѣка по Р. Х., сообщаетъ намъ, что способъ перевозки тяжестей на быкахъ былъ здѣсь обычный. См. Reinaud, «Mémoire sur l'Inde», стр. 84.

По всему вѣроятію на него-то и восходилъ Бёрслемъ [1]), а позднѣе его—леди Сэль.

На всемъ протяженіи пути отъ деревеньки Гильджатуй, до Герденъ-Дивара нѣтъ почти ни одного селенія. Путь пролегаетъ по дну глубокаго оврага, въ которомъ съ шумомъ и пѣной стремительно несется горная рѣчка, обдавая сосѣднія, черныя, какъ бы обожженныя, скалы милліономъ брызгъ. Нѣсколько разъ намъ приходилось переходить съ одного берега рѣки на другой, иногда по самому руслу, при чемъ вода достигала до колѣнъ лошадей. Иногда по берегу ручья тянулась гладко отполированная дорога, точно искуственно выведенный тротуаръ. Окружающія скалы—безжизненны, мертвы; здѣсь не видно даже и колючки: рѣдко-рѣдко блеснетъ на солнцѣ пурпурный, уже совсѣмъ высохшій въ это время, листъ «чукри». Этотъ «чукри», или «рауашъ» есть ничто иное, какъ ревень Бёрнса.

Почти на половинѣ разстоянія отъ Гильджатуя до Герденъ-Дивара находятся сильные желѣзистые источники, вырывающіеся изъ подъ шиферной скалы. Вода источниковъ содержитъ большое количество углекислаго газа. Вкусъ воды пріятный, слегка вяжущій, металлическій; t° воды 11,6° С. Около источниковъ, которые вырываются изъ земли 10—15 отверстіями, образовался невысокій овальный холмикъ ржаво-краснаго цвѣта, по всей вѣроятности вслѣдствіе осажденія окиси желѣза. Къ сожалѣнію, химическаго анализа нельзя было сдѣлать вслѣдствіе отсутствія необходимыхъ для этого реагентовъ. Въ шутку мы предложили назвать источникъ «авганскимъ Нарзаномъ». Объ этихъ источникахъ изъ всѣхъ англійскихъ путешественниковъ говоритъ только д-ръ Лордъ [2]).

Черезъ часъ ѣзды мы достигли рѣки Гильменда. Аби-Гильджатуй, по берегу котораго мы до сихъ поръ шли, впадаетъ въ Гильмендъ почти подъ прямымъ угломъ. Направленіе его теченія съ С. СВ. на Ю. ЮВ., между тѣмъ, какъ направленіе Гильменда съ С.В. на Ю.З. На мысу, образованномъ верхнимъ отрѣзкомъ Гильменда и Аби Гильджатуй, и была расположена наша стоянка. Палатки, на этотъ разъ,

---

[1]) Burslem. loc. cit. стр. 34.

[2]) Journal of the Asiatic Society of Bengal. vol. VII pag. 531. D-r. Lord's letter.

были поставлены на нарочно приготовленныхъ насыпяхъ, у самаго берега рѣки. Съ юга и запада отъ палатокъ была вода, съ сѣвера почти отвѣсныя скалы, а на востокѣ волновались зеленѣющія поля, засѣянныя ячменемъ и пшеницей.

На противоположномъ мысу, образованномъ нижнимъ отрѣзкомъ Гильменда и рѣчкой Аби-Гильджатуй, на высотѣ нѣсколькихъ сотъ футъ надъ уровнемъ рѣчки находится крѣпостца Герденъ-Диваръ, зубчатыя стѣны которой производятъ на путника довольно внушительное впечатлѣніе, особенно еще потому, что кругомъ—пустыня безмолвная, а если бы не поля кругомъ нашихъ палатокъ—то и безжизненная пустыня.—Крѣпостца занята небольшимъ авганскимъ гарнизономъ. Вода проведена въ нее по арыку изъ Аби-Гильджатуй; арыкъ этотъ, чтобы поднять воду на такую значительную высоту, на которой расположена крѣпостца, начатъ за нѣсколько верстъ выше крѣпости.

Оба берега рѣчки Гильджатуй соединены между собою деревяннымъ мостомъ, на столько однако ветхимъ и ненадежнымъ, что мы не рѣшились идти по немъ, а переправились черезъ рѣчку въ бродъ, несмотря на то, что ширина ея здѣсь не менѣе 20 саж., а быстрина теченія весьма значительна.

Рѣка Гильмендъ несетъ довольно значительную массу воды. Ширина ея здѣсь доходитъ отъ 30 до 50 саж., глубина отъ 3-хъ до 5-ти футъ. Черезъ рѣку переброшенъ деревянный, довольно прочный мостъ. Рѣка повидимому не очень загромождена камнями, хотя для судоходства, хотя бы даже сплавнаго, она едва-ли годится, по причинѣ большой быстроты теченія. Здѣсь, въ этой долинѣ, я не видѣлъ ни одного деревца; вообще нужно сказать, что данная мѣстность чрезвычайно пустынна. Абсолютная высота укр. Герденъ-Дивара, по англійскимъ даннымъ, достигаетъ 10,000 ф.

На слѣдующій день, 26 іюля, мы сдѣлали довольно длинный и очень утомительный переходъ. Изъ долины Гильменда мы перевалили въ долину Кабулъ-Дарьи.

Передши рѣку Гильмендъ по деревянному мосту, мы продолжали идти, на протяженіи около 2-хъ верстъ, по лѣвому ея берегу. Дорога пролегаетъ здѣсь по невысокому карнизу. Потомъ она круто поворачиваетъ на югъ и тянется нѣкоторое время узкимъ ущельемъ, по дну котораго течетъ грязный ручей. Прошедши такимъ образомъ около

3-хъ верстъ, мы опять выѣхали на открытую мѣстность, которая вскорѣ начала подниматься по направленію къ востоку. Небольшой подъемъ, довольно крутой спускъ—и мы опять очутились въ горной ложбинѣ. Дорога покрыта валунами и каменьями разной величины. По сторонамъ дороги иногда тянутся небольшія нивы, засѣянныя ячменемъ, пшеницей и горохомъ. По сторонамъ, въ отдаленіи, особенно къ югу, ближе къ горамъ, высоко вздымающимъ надъ окрестной горной террасой свои острые пики, покрытые уцѣлѣвшими еще клочками снѣга,—виднѣются типическія селенія-замки. Вскорѣ влѣво отъ насъ показалось одно довольно обширное селеніе. Это Юртъ. Вся прилегающая къ нему равнина называется по имени этого селенія. Юртъ славится въ своемъ округѣ лошадями, незнающими усталости, а также баранами. Впрочемъ, мѣстность вообще такъ бѣдна, что, право, не трудно здѣсь прославиться чѣмъ-либо. Въ другой, болѣе благодатной мѣстности тѣ же лошади и бараны, вѣроятно, не составили бы ничего особеннаго. Про гезарейцевъ, которые живутъ на этомъ высочайшемъ плато (около 11,000 ф.), говорятъ, что они чрезвычайно смѣлые разбойники.

Потомъ мѣстность опять начинаетъ подниматься въ восточномъ направленіи, представляя широкую покатость къ западу. Черезъ извѣстные промежутки она прерывается довольно глубокими и крутыми оврагами, обнаженные берега которыхъ показываютъ присутствіе здѣсь первозданныхъ горныхъ породъ. Подъемы и спуски въ нихъ очень скользки и, мѣстами, состоятъ какъ-бы изъ отшлифованныхъ гранитныхъ плитъ. По дну такихъ овраговъ, тянущихся съ юга на сѣверъ, по направленію къ рѣкѣ Гильмендъ обыкновенно текутъ ручьи. Но вотъ передъ нами послѣдняя балка—и крутой, но не длинный подъемъ приводитъ насъ на вершину Унайскаго перевала, высота котораго по Гриффиту болѣе 11,000 ф. Однако переваломъ слѣдуетъ назвать не только этотъ, весьма мало поднимающійся надъ окрестной террасой холмъ, но и все примыкающее къ нему плато. Такимъ образомъ Унайскій перевалъ представляетъ очень широкую горную террасу, изрѣзанную оврагами меридіальнаго направленія. Я потому такъ думаю опредѣлить этотъ перевалъ, что тотъ выступъ который и составляетъ такъ называемый перевалъ, лишь очень незначительно возвышается надъ окрестною

мѣстностью. Тѣмъ не менѣе, онъ составляетъ водораздѣлъ рѣкъ: Гильменда и Кабуль-Дарьи.

Затѣмъ начался спускъ въ Кабульскую долину. Сначала спускъ очень скользокъ и довольно кругъ. Но, тѣмъ не менѣе, здѣсь нѣтъ ни бездонныхъ пропастей по сторонамъ, ни тѣхъ карнизовъ, повиснувшихъ надъ пропастями, по которымъ будто-бы вьется тропинка, какъ объ этомъ разсказываетъ Бёрслемъ [1]). По дорогѣ, однако, попадаются камни и гранитныя глыбы, мѣстами почти совсѣмъ загромождающія ее. Мало по малу, ущелье начинаетъ раздаваться,—главнымъ образомъ, вправо. Вскорѣ появляются свѣтлые ручьи, а еще немного далѣе—уже начинаются поля.

Вправо долина, съ каждымъ шаговъ впередъ, раздается все шире и шире; вотъ показался первый садикъ, правда, небольшой и довольно чахлый. Тѣмъ не менѣе, глазъ съ любовію останавливается на его скудной листвѣ; вѣдь отъ самой Ираккой долины мы не видали ни одного деревца. Правая же сторона ущелья еще продолжаетъ на нѣкоторомъ протяженіи удерживать свой рѣзкій, скалистый характеръ.

Вотъ на встрѣчу намъ выѣхала группа конныхъ авганъ. Предводитель ихъ былъ одѣтъ въ какое-то странное, но очень эффектное одѣяніе зеленаго цвѣта. При приближеніи Кемнаба, Магометъ-Хассанъ-хана (онъ же Дебиръ), всадникъ сошелъ съ сѣдла и почтительно привѣтствовалъ его, а равно и миссію. Кемнабъ подалъ ему руку, а потомъ обнялъ его голову своими руками и долго, и радушно съ нимъ разговаривалъ. Послѣ этого авганецъ съ своею группою всадниковъ присоединился къ нашему конвою.

Вскорѣ затѣмъ мѣстность снова измѣнилась. Горы придвинулись другъ къ другу и образовали здѣсь дикое, но весьма живописное ущелье, дно котораго покрыто сплошь хрящевикомъ и галькой. Какъ рѣзко отдавался въ этомъ ущельѣ звукъ рожка, и какъ грохоталъ

---

[1]) Burslem. l. cit. pag. 25—26: „We soon entered the mouth of the pass, which was girt on either side by magnificent precipices; the road was narrow and slippery—of course without even an apology for a parapet—running along a natural ledge on the verge of a perpendicular cliff, and so sheer was the side, that from a horse's back you might sometimes have dropped a stone into the apparently bottomless ravine—bottomless, for the rays of a noonday sun have never broken the eternal darkness of the owful chasm beneath".

барабанъ, звукъ котораго стоголосое эхо усиливало до невѣроятной степени!

Мѣстность, по которой мы ѣхали, принимала все болѣе и болѣе романтическій характеръ. Гранитныя скалы ущелья живописно оттѣнялись густою зеленью роскошныхъ садовъ; стройный пирамидальный тополь высоко поднималъ свою зеленую вершину, споря въ высотѣ съ сосѣдними скалами. Мѣстами сквозь зеленую листву выглядывали золотистые абрикосы; а къ свѣтлымъ водамъ веселаго, вѣчножурчащаго ручья тихо склоняли свои зеленыя вѣтви прибрежныя ивы. Иногда, то по одну, то по другую сторону ущелья, на возвышеньи появлялся зàмокъ — здѣсь дѣйствительно заслуживающій это названіе.

Мы проѣхали нѣсколькими деревнями, пересѣкли нѣсколько полей, засѣянныхъ пшеницей, полные и крупные колосья которой уже совсѣмъ созрѣли; перешли нѣсколько разъ черезъ ручей въ бродъ и одинъ разъ по деревянному мосту — и пріѣхали на станцію Сэръ-Чешмэ.

Съ великимъ наслажденіемъ я бросился на коверъ, разостланный у самаго берега ручья Сэръ-Чешмэ. Этотъ-то Сэръ-Чешмэ и есть истокъ Кабульской рѣки (сэръ—начало и чешмэ—ручей, въ переводѣ на русскій языкъ).

На скалистомъ возвышенін, въ нѣсколькихъ десяткахъ саженъ отъ нашихъ палатокъ, собралась большая толпа мѣстныхъ жителей. Они сидѣли неподвижно впродолженіи нѣсколькихъ часовъ сряду, наблюдая невиданныхъ ими дотолѣ пришельцевъ и изрѣдка перебрасываясь другъ съ другомъ отрывочными замѣчаніями. Нѣсколько мальчугановъ съ ловкостью обезьянъ карабкались по утесамъ и скалистымъ выступамъ возвышенности, на которой торчалъ неизбѣжный «зáмокъ». Ворота этого зàмка, т. е. по просту—селенія, обнесеннаго невысокой глинобитной стѣной, часто отворялись и затворялись, пропуская черезъ себя людей, нагруженныхъ фуражемъ, приготовленнымъ для нашихъ лошадей. Очень вѣроятно, что и вообще все продовольствіе для насъ было доставлено этимъ селеніемъ. Миссія во все время пути по Авганистану ничего не платила за свое продовольствіе. Конечно, авганскіи власти, по общему для всѣхъ странъ и на-

родовъ обычаю гостепріимства, не допускали насъ платить за свое продовольствіе.

Сидѣвшій на возвышеніи и сновавшій въ воротахъ людъ очевидно не принадлежалъ къ авганской семьѣ. Эти бритыя, котлообразныя головы, эти широкія скулы, плоскіе носы и нѣсколько скошенные внутрь глаза «щелями»—сразу отводили имъ мѣсто въ ряду народовъ Монгольской расы. По разспросамъ оказалось, что это гезарейцы, которыхъ въ верховьяхъ Кабулъ-Дарьи живетъ довольно много. Говоръ ихъ напоминалъ татарскій, и корни словъ—джагатайскаго происхожденія. Какъ жаль, что ближе нельзя было познакомиться съ этимъ интереснымъ народомъ!—Въ войскахъ Шир-Али-хана много солдатъ было изъ гезарейцевъ, а его охранная гвардія почти исключительно состояла изъ нихъ.

Около 4-хъ часовъ пополудни, на вершинахъ горъ, расположенныхъ отъ насъ къ востоку, бѣловатыя облака смѣнились темными. Облака быстро выросли въ грозную темную тучу и, вслѣдъ затѣмъ, послышались глухіе раскаты грома. Туча шла по направленію къ нашимъ палаткамъ, и мы уже заранѣе предвкушали всю прелесть совсѣмъ нежелательной и не совсѣмъ-то пріятной дождевой души. На прочность палатки, при сколько нибудь значительномъ ливнѣ, нельзя было разсчитывать. Кромѣ того, палатки при сильномъ вѣтрѣ могли быть совсѣмъ сорваны съ мѣста. Подобная перспектива заставила всѣхъ насъ очень внимательно слѣдить за непрошенною гостьей, изорванные клочья одежды которой уже одѣли, повидимому, очень близкія къ намъ горныя вершины. Взвилась блестящая змѣйка молніи — и сильный громовой ударъ загрохоталъ по ущельямъ и углубленіямъ скалъ.—Однако наши опасенія были напрасны. Туча быстро пронеслась мимо насъ по сѣверной грядѣ горъ. На мѣстѣ нашей стоянки упало лишь нѣсколько капель дождя.—Это была первая гроза, встрѣченная нами въ горахъ Гинду-Куша.

Весь слѣдующій день намъ пришлось идти по прекрасно обработанной долинѣ Кабульской рѣки. Рано утромъ, по обыкновенію наскоро пропустивъ въ желудокъ чашку чая, мы всѣ уже были въ сѣдлахъ. Жаль было покидать такой прелестный, уютный уголокъ, какъ Сэр-Чешмэ, — тѣмъ болѣе, что дорога на первыхъ двухъ верстахъ укло-

нилась отъ рѣки вправо, и пришлось пройти эти двѣ версты по сплошной насыпи изъ гальки и остраго хрящевика.

Тяжело навьюченные бѣдные «степняки» наши увязали чуть не по щиколку въ этой смѣси, грозя испортить въ конецъ свои уставшія ноги. Однако, вслѣдъ за тѣмъ, дорога опять пошла по воздѣланной почвѣ, садами да полями. Иногда отвѣсныя скалы обоихъ горныхъ увaловъ снова сближались и тѣснили долину. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пришлось идти по невысокимъ, гранитнымъ карнизамъ. Раза три нужно было перейти съ одного берега рѣки на другой; въ этихъ мѣстахъ вездѣ были довольно сносные деревянные мосты. Они, однако, далеко уступали въ прочности и красотѣ постройки тѣмъ мостамъ, которые мы видѣли въ Авганскомъ Туркестанѣ. Тѣ мосты сдѣлали бы честь даже европейскимъ странамъ.—Вскорѣ по дорогѣ начали попадаться лужи воды—слѣды вчерашней грозы и ливня. Сады, мимо которыхъ намъ пришлось проходить, состояли главнымъ образомъ изъ тополевыхъ, абрикосовыхъ и ивовыхъ деревьевъ; изрѣдка попадались чинары. На поляхъ можно было видѣть кукурузные посѣвы; выколосившіяся шишки ея уже высоко поднимали свои головы, жадно ловя ласкающіе лучи солнца. Далѣе — къ деревьямъ присоединилось орѣховое дерево, а еще далѣе появилась и виноградная лоза.

Верстахъ въ 10-ти отъ нашей стоянки долина вдругъ сильно расширилась, главнымъ образомъ влѣво, на сѣверъ, образуя обширный придатокъ. Этотъ придатокъ повидимому составляетъ самостоятельную долину, орошаемую довольно многоводною рѣчкою, которая тутъ же и впадаетъ въ Кабулъ-Дарью.

Но и справа горы отодвинулись дальше и приняли болѣе округленныя очертанія. Чудную панораму представляли въ это время горы. Высочайшія вершины ихъ были одѣты непроницаемымъ бѣловатымъ туманомъ. По крутымъ бокамъ ихъ ползли полупрозрачныя, нѣжныя, эластическія облака, постоянно и причудливо мѣнявшія свои формы и очертанія. Еще ниже — зеленѣющіе горные луга уступали мѣсто полямъ, оросительныя канавки которыхъ тянулись по откосу правильными рядами, опоясывая горы въ нѣсколько ярусовъ, одни надъ другими. Купы деревьевъ, съ «замками» въ ихъ тѣни, казались отсюда, снизу, игрушечными домиками, разбросанными на изумрудной одеждѣ горныхъ великановъ. Къ самой рѣкѣ поля спускаются терра-

сами; каждое поле ограждено отъ размывовъ — какъ рѣки, такъ и горныхъ потоковъ—каменными оградами и дамбами. Здѣсь ни одинъ клочекъ земли, годный къ обработкѣ, не остается лежать даромъ, невоздѣланнымъ. Берегами рѣки, а также и ея миніатюрными островами завладѣли исключительно сады, похожіе здѣсь на лѣсъ. А надъ всѣмъ этимъ сіяло ясное, бирюзовое небо, глубокое какъ бездна, необъятное, какъ сама безконечность...

Генералъ сегодня, какъ и вчера, опять уѣхалъ впередъ. Я и полковникъ, на этотъ разъ, не отставали отъ него. Остальные члены съ казачьимъ конвоемъ остались назади, охраняемые все тѣмъ же неотесаннымъ, хотя и въ высшей степени исполнительнымъ, Мосинъ-ханомъ.

Въ нашей группѣ, какъ я уже сказалъ выше, ѣхалъ начальникъ гезарейцевъ Калуйскаго округа, Миръ-Баба. Его физіономія положительно приковывала къ себѣ мое вниманіе. Я часто посматривалъ на него съ любопытствомъ. Замѣтивъ мои любопытные взгляды, онъ началъ улыбаться, показывая два ряда здоровенныхъ и блестяще-бѣлыхъ зубовъ. Затѣмъ онъ началъ было разговаривать со мной, но его попытки къ разговору такъ и остались попытками: ни я его, ни онъ меня, конечно не понимали, а переводчиковъ въ нашей группѣ не было. Тогда пришлось обратиться къ общечеловѣческому, универсальному языку—мимикѣ. Онъ качалъ головой, болталъ и махалъ руками, ёрзалъ и подпрыгивалъ на своемъ сѣдлѣ, но все таки нашъ оригинальный разговоръ подвигался впередъ очень туго. Генералъ былъ такъ добръ, что, съ помощью Дебира, кое-что передалъ мнѣ изъ того, что желалъ сообщить потомокъ Чингиза. А онъ хотѣлъ мнѣ разсказать о дорогѣ, о долинахъ, которыя находятся въ окрестныхъ горахъ и, кажется, его словоохотливость этимъ бы не ограничилась, будь только возможность продолжать разговоръ далѣе.

Но вотъ и селеніе Жальризъ. Здѣсь долина опять съуживается. Дорога идетъ лѣвымъ берегомъ рѣки по всхолмленной мѣстности; холмы эти состоятъ изъ конгломерата.

Остальную половину пути до станціи Коти-Ашру мы проѣхали еще скорѣе, чѣмъ первую. Во время пути я не мало удивлялся тому обстоятельству что поля на большомъ пространствѣ засѣяны были бобами и горохомъ, наряду съ кукурузой и рисомъ. Я положительно не

могу объяснить такого пристрастія туземцевъ къ этимъ растеніямъ.

По дорогѣ на встрѣчу намъ попадались время отъ времени большіе караваны, направлявшіеся въ долину Аму-Дарьи, а главнымъ образомъ въ Бухару.

За нѣсколько верстъ до нашей стоянки Дебиръ предупредилъ насъ, что здѣсь будетъ встрѣчать посольство министръ двора эмира Ширъ-Али-хана, нарочно посланный для этого изъ Кабула. Черезъ нѣсколько минутъ ѣзды мы увидали, что у высокаго чинара, господствовавшаго надъ окрестной долиной, ожидалъ нашего прибытія самъ Сердарь, со свитой изъ нѣсколькихъ человѣкъ. Какъ только онъ завидѣлъ миссію, то сейчасъ же поѣхалъ къ намъ на встрѣчу. Это былъ высокій, крѣпкій старикъ, лѣтъ 70, убѣленный сѣдинами. Лицо его имѣло пріятное, открытое выраженіе; черные глаза умно и привѣтливо смотрѣли изъ подъ красивыхъ бровей. Орлиный носъ придавалъ его лицу выраженіе силы, энергіи. На грудь ниспадала не очень длинная, бѣлая какъ снѣгъ, борода. Онъ былъ одѣтъ въ платье европейскаго покроя и изъ европейскаго, повидимому, матеріала. Крѣпкую и еще стройную талію обхватывалъ узкій кожанный, съ золотымъ позументомъ, поясъ, на которомъ слѣва висѣла длинная кабульская шапка, а справа—револьверъ почтеннаго калибра. На головѣ его былъ авганскій національный уборъ—мѣховая, конусообразная, высокая шапка изъ черныхъ, очень мягкихъ каракульскихъ мерлушекъ. Онъ сидѣлъ на великолѣпномъ, очень рѣзвомъ, чистокровномъ жеребцѣ золотой масти. Сѣдло и уздечка съ мундштукомъ были несомнѣнно англійской работы. Имя этого сердаря—Абдулла-ханъ.

Обмѣнявшись первыми привѣтствіями, мы всѣ вмѣстѣ направились къ палаткамъ, куда насъ и ввелъ маститый Сердарь.

Онъ нѣсколько минутъ пробылъ въ нашемъ помѣщеніи, говорилъ о предстоящемъ намъ впереди пути, при чемъ сообщилъ, что на слѣдующей станціи насъ имѣетъ встрѣтить Везиръ Шахъ-Магометъ-ханъ, авганскій министръ иностранныхъ дѣлъ.

Въ это время былъ предложенъ чай, и Сердарь, откушавъ чаю, чинно простился съ миссіей, пожелавъ ей хорошаго отдыха послѣ утомительнаго пути и обѣщая зайти къ намъ вечеромъ.

Между тѣмъ небо снова покрылось облаками, а вершины сѣверной гряды горъ опять одѣлись влажными, темными облаками. Черезъ нѣ-

сколько времени зазвенѣли раскаты грома, заблистали тоненькія змѣйки молніи—и мы опять готовились принять воздушную баню.—Но и на этотъ разъ небо было благосклонно къ намъ: ливень разразился на западѣ, верстахъ въ 10-ти отъ нашихъ палатокъ. Впрочемъ, и на нашемъ мѣстѣ дождь былъ настолько силенъ, что хорошо смочилъ почву.

Мы теперь находились на сѣверной окраинѣ извѣстной своимъ плодородіемъ и воинственностью своего населенія долины Майданъ. У селенія Коти-Ашру долина достигаетъ 6—7 верстъ въ поперечникѣ, и, слѣдуя теченію рѣки Кабульской, задается на юго-востокъ, обходя при этомъ лежащій прямо на востокъ отъ селенія, послѣдній, на пути къ Кабулу, перевалъ Сефидъ-Хакъ (бѣлая земля, въ переводѣ съ персидскаго). Здѣсь сѣверные склоны Гинду-Куша (по отношенію къ этой долинѣ, на самомъ же дѣлѣ южные) сильно понижаются и далеко уступаютъ въ рѣзкости очертаній барьеру горъ, ограничивающему долину Майданъ съ юга. Эти послѣдніе почти отвѣсной стѣной вздымаются надъ живописной, зеленѣющей долиной; между тѣмъ на сѣверѣ, въ хребетъ горъ тамъ и сямъ врѣзываются узкія, горныя лощины, оттѣненныя садовыми рощицами и зелеными нивами полей. Долина Майданъ составляетъ какъ-бы одно громадное селеніе, разбросанное на протяженіи многихъ верстъ въ длину и ширину. Сады этой долины—настоящіе лѣса. Она считается едва ли не главной хлѣбной житницей Кабула. Населеніе здѣсь очень значительно и едва ли не достигаетъ 100,000 душъ. Здѣсь живетъ очень много авганъ, но есть также таджики и даже гезарейцы.

Вечеромъ, часовъ около 6-ти, снова пришелъ къ намъ Сердарь Абдулла-ханъ. Дебиръ, увидя, что я игралъ въ шахматы съ полковникомъ, предложилъ мнѣ сыграть съ нимъ партію. Я не отказался, хотя и могъ ожидать, что нашъ турниръ не будетъ строго локализованъ, и что окружающіе люди станутъ подсказывать Дебиру. Такъ оно и вышло на самомъ дѣлѣ. Черезъ нѣсколько ходовъ оказалось, что противъ меня играли уже трое, въ числѣ которыхъ былъ Мосинъ-ханъ и еще одинъ авганскій «кернель». Абдулла-ханъ внимательно слѣдилъ за игрой. Я, по обыкновенію, горячился, особенно при видѣ неровной борьбы,—дѣлалъ ошибочные ходы одинъ за другимъ и, наконецъ, получилъ матъ. Тогда маститый старикъ сказалъ, что этотъ матъ со-

всѣмъ не составляетъ для меня пораженія, но что, наоборотъ, подобная побѣда, одержанная тремя противниками надъ однимъ, въ сущности составляетъ пораженіе для выигравшихъ ее, «такъ какъ они», пояснилъ Сердарь, «потерпѣли, въ данный моментъ, пораженіе на почвѣ великодушія и гостепріимства».

Пріятно было смотрѣть на этого бодраго и сановитаго старика.

Разговоръ потомъ свернулъ на почву политическую. Сердарь выразилъ между прочимъ мысль, что настоящее время ему напоминаетъ конецъ 30-хъ годовъ, когда онъ же встрѣчалъ русскаго посла Виткевича, который во все время пребыванія въ Кабулѣ, жилъ въ его, Сердаря, домѣ.

— Еще тогда, говорилъ Сердарь,—было для насъ ясно, что только въ союзѣ съ Россіей можно достигнуть мирнаго развитія государства. Уже тогда эмиръ Достъ-Магометъ-ханъ въ одной Россіи видѣлъ оплотъ противъ всепоглощающаго захвата Англичанъ. Правда, Россія тогда не помогла намъ, но, вѣроятно, дѣйствительно не было возможности помочь намъ какимъ-бы то ни было способомъ. Впрочемъ тогда мы и одни съумѣли справиться съ нашими кровными врагами. Теперь же сынъ Достъ-Магомета, эмиръ Шир-Али-ханъ, приглашаетъ васъ къ себѣ въ Кабулъ, какъ дорогихъ гостей—вѣстниковъ мира и добра. Да дастъ Аллахъ, чтобъ наша дружба не имѣла никогда поводовъ къ сожалѣнію!

Такъ говорилъ этотъ энергичный старикъ—и лице его горѣло одушевленіемъ, а огненные глаза показывали, что его слова были сказаны отъ чистаго сердца и съ полною вѣрою. Онъ говорилъ еще въ продолженіи нѣкотораго времени на ту же тему. Потомъ ему былъ показанъ портретъ Достъ-Магометъ-хана, приложенный къ книгѣ Бёрнса «Кабулъ». Сердарь отозвался о портретѣ съ большой похвалой и сказалъ, что онъ очень похожъ на покойнаго эмира. Когда же ему сообщили, что книга эта написана извѣстнымъ Бёрнсомъ, политическимъ противникомъ Виткевича, то онъ сказалъ, что хорошо помнитъ и Бёрнса, «этого очень тщеславнаго и самолюбиваго человѣка».

— Виткевичъ былъ совершенная противоположность ему,—сказалъ Сердарь.

Около 7½ часовъ вечера, онъ, пожелавъ миссіи спокойной ночи, (шеби шума ба хаиръ) удалился въ свое помѣщеніе.

На слѣдующій день, 28 іюля, намъ пришлось перейти черезъ послѣдній перевалъ на пути къ Кабулу. Этотъ перевалъ называется Сефидъ-Хакъ. Станція, на которую мы пришли, называется Каля-и-Казы; отъ нея до Кабула всего 15 верстъ разстоянія.

Мы отправились въ путь, по обыкновенію, раннимъ утромъ. Дорога сначала шла на востокъ съ незначительнымъ уклономъ то къ сѣверу, то къ югу. Вскорѣ она совершенно вышла изъ культурной полосы долины и вступила въ слегка всхолмленную, мѣстами изрѣзанную горными ручьями, покрытую галькой и довольно крупными валунами, мѣстность. Приблизительно на 8-й верстѣ отъ нашей стоянки въ Коти-Ашру начался довольно крутой подъемъ на перевалъ. Подъемъ идетъ не очень узкою, но довольно скользкою тропой, выбитой въ известковыхъ породахъ. Весь подъемъ въ длину достигаетъ 2-хъ верстъ. Сѣдловина перевала состоитъ изъ гранита. Пластинки слюды, вкрапленныя въ плиты гранита, ослѣпительно блестѣли на солнцѣ. Спускъ съ перевала не менѣе крутъ и узокъ, чѣмъ и подъемъ.

Нѣкоторое время по спускѣ съ перевала, дорога все еще тянется по узкому ущелью, которое постепенно къ востоку расширяется и приводитъ въ долину Аргандильскую. На всемъ протяженіи пути черезъ перевалъ, мѣстность была совершенно пустынна. Нигдѣ не видно ни одного деревца, ни одного кустика.

Въ долинѣ Аргандильской растительность опять вступаетъ въ свои права. Долина очень хорошо культивирована. Она сплошь, во всю ея 5-ти верстную ширину (съ сѣвера на югъ), занята полями, среди которыхъ привѣтливо высматриваютъ селенія, окруженныя тѣнистыми рощицами. Густо-лиственныя купы садовъ очень пріятно разнообразятъ ландшафтъ.

Дорога нѣсколько разъ переходитъ вбродъ черезъ нѣсколько оросительныхъ канавъ и рѣчекъ; одна рѣчка имѣетъ до 10-ти саж. ширины съ двумя, тремя футами глубины. Чѣмъ далѣе къ востоку мы подвигались, тѣмъ долина все болѣе и болѣе расширялась; такъ что не далеко отъ Каля-и-Казы она достигла верстъ 10—15 въ ширину. Но здѣсь она уже не представляетъ той сплошной поверхности зеленѣющихъ полей и садовъ, какъ вначалѣ. Напротивъ, нѣкоторое

время намъ пришлось идти опять по совершенно безплодной мѣстности, заваленной огромными камнями, въ сосѣдствѣ съ высохшимъ русломъ рѣки, также загроможденнымъ каменьями, гравіемъ и галькой. Влѣво, верстахъ въ 6—7 отъ насъ, на сѣверо-востокѣ виднѣлась обширная, болѣе возвышенная, чѣмъ наша, долина,—вся покрытая садами. При видѣ этой долины Кемнабъ пришелъ въ восторгъ и, обращаясь ко мнѣ, проговорилъ: «зердалу, шафталу, миве бессьяръ, хейли хубъ деръ онджа»! (абрикосы, персики, разные плоды тамъ—прелесть что такое, и много).

— «Бессьяръ, хейли хубъ, докторъ-саибъ», нѣсколько разъ повторилъ онъ.

Я же про себя думалъ, что мнѣ было бы пріятнѣе самому увидѣть все это, чѣмъ слышать только одни отзывы, хотя и очерь восторженные.

Вотъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ насъ къ востоку показалась какая то странная группа всадниковъ. Между ними различались 3 фигуры какихъ-то громадныхъ животныхъ. Дебиръ сказалъ, что это «филянъ»—слоны, и что на одномъ изъ нихъ ѣдетъ, для встрѣчи миссіи, Везиръ-саибъ. Мы поѣхали быстрѣе—и разстояніе между нами и слонами быстро сократилось. Черезъ нѣсколько минутъ уже ясно можно было различить фигуру Визира, возсѣдавшаго на одномъ изъ слоновъ; вотъ уже всего нѣсколько десятковъ саженъ отдѣляетъ насъ отъ громадныхъ животныхъ, вотъ они встали: тотъ, который везъ Везира, сталъ на колѣна—и министръ-иностранныхъ дѣлъ Авганистана сошелъ на землю по лѣстницѣ.

— «Хошь амедитъ, хошь амедитъ, дженераль-саибъ»! (добро пожаловать генералъ-саибъ)—проговорилъ задушевнымъ тономъ Везиръ, обращаясь къ генералу и протянувъ ему правую руку. Вслѣдъ затѣмъ онъ заключилъ генерала въ объятья, прижимая къ груди. Онъ точно также привѣтствовалъ полковника и меня. Вскорѣ послѣ этого къ намъ подъѣхала и остальная часть миссіи.

Тогда нѣкоторые изъ насъ помѣстились на слонахъ, другіе же поѣхали верхомъ на лошадяхъ. Генералъ ѣхалъ на одномъ слонѣ съ Везиромъ. До Каля-и-Казы оставалось всего верстъ 5, и мы скоро были уже у нашихъ палатокъ.

К а л я - и - К а з ы—небольшой замокъ, съ разведенными при немъ

огородами и садомъ. Въ нѣкоторомъ отъ него разстояніи находится довольно высокій холмъ, совершенно открытый, а съ южной стороны обнесенный стѣною. На этомъ-то холмѣ и были расположены наши палатки. Невозможно было выбрать мѣстность для стоянки лучше этой. Во всѣ стороны открывался обширный видъ.

Горы здѣсь разступаются очень широко, равнина занимаетъ значительное пространство. На востокѣ тянется долина Чааръ-Дегъ, превосходно воздѣланная, сады которой казались съ нашего холма настоящимъ лѣсомъ. Эти сады-лѣса простирались до подножія двухъ пиковъ, или вѣрнѣе—двухъ высокихъ холмовъ, между которыми пролегаетъ дорога въ Кабулъ.

Кабулъ отстоитъ отсюда только на 15 верстъ и если его не было видно съ нашего холма, то лишь потому, что его заслонялъ отъ насъ именно тотъ холмъ, мимо котораго идетъ дорога въ Кабулъ, и на восточныхъ и сѣверныхъ склонахъ котораго и расположенъ самый городъ.

Выше и дальше этихъ двухъ холмовъ вздымались блѣдно-розовыя, засыпанныя снѣгомъ, вершины Гинду-Куша. Къ сѣверу долина упирается въ относительно не высокіе и округленные склоны горъ, которые, впрочемъ, вскорѣ рѣшительно поднимаютъ свои вершины. Къ западу виднѣется змѣйкой извивающаяся дорога, по которой мы только что прошли, а съ юга горизонтъ почти ничѣмъ не ограничивается; только очень далеко, сквозь туманную дымку виднѣлись невысокія горы. Ближе къ этимъ горамъ тянется дорога изъ Майдана въ Газни. Кабулъ-Дарья тоже протекаетъ значительно южнѣе Каля-и-Казы и, огибая съ запада южный холмъ, расположенный на восточной окраинѣ Чааръ-Дегской долины, и о которомъ я упомянулъ выше,—вступаетъ въ ущелье, протекая потомъ, на извѣстномъ пространствѣ, предмѣстьями города.

Слоны встали на колѣни у самыхъ нашихъ палатокъ, и мы сошли съ нихъ. Везиръ тотчасъ же ввелъ насъ въ наше помѣщеніе.

Я не буду теперь вдаваться въ характеристику перваго авганскаго сановника при эмирѣ Ширъ-Али. Я намѣренъ сдѣлать это послѣ. Теперь же я скажу только, что это былъ худощавый, высокаго роста человѣкъ, на которомъ платье (европейскаго покроя) висѣло какъ на вѣшалкѣ. Низкій лобъ и довольно мелкія черты лица его производили

на зрителя впечатлѣніе не совсѣмъ выгодное для него. Но черные глаза глядѣли открыто; тонъ рѣчи его былъ задушевный и дышалъ искренностью.

Везиръ пробылъ нѣсколько минутъ въ нашей палаткѣ и, пожелавъ хорошаго отдыха—«хубъ истераатъ керденъ»,—удалился къ себѣ.

Сегодня для послѣ-обѣденнаго дессерта изъ Кабула была прислана эмиромъ цѣлая масса всякихъ фруктовъ. Тутъ были вишни, абрикосы, алуча (родъ сливы), виноградъ разныхъ сортовъ, груши, яблоки [1]), персики, тутъ бѣлый и пурпуровый, арбузы, дыни разныхъ сортовъ, включая сюда и розовыя. Къ этому присоединялось нѣсколько сортовъ печеній, приготовленныхъ на кухнѣ эмира. Одинъ сортъ печенья, изъ битыхъ сливокъ, былъ присланъ родственниками Мосинъ-хана. Меня удивило не обиліе плодовъ, а то, что нѣкоторые изъ нихъ встрѣчались здѣсь рядомъ несмотря на то, что они поспѣвали въ различное время года. Такъ напр. абрикосы лежали вмѣстѣ съ персиками—явленіе для Ташкента совсѣмъ необыкновенное.

Малевинскій тотчасъ-же приготовилъ себѣ сѣмянъ отъ нѣкоторыхъ плодовъ, надѣясь сберечь ихъ для посѣвовъ въ Ташкентѣ.

Послѣ обѣда я, Малевинскій, Бендерскій и Замаанбекъ отправились смотрѣть слоновъ, которые помѣщены были здѣсь же, внизу холма. Ихъ всѣхъ здѣсь было 3; изъ нихъ двѣ самки и одинъ самецъ. Самцу было не болѣе 40 лѣтъ, а самкамъ—одной около 60, а другой 100. Ни у одного изъ слоновъ клыковъ не замѣчалось. Самецъ былъ скованъ по ногамъ, а самки нѣтъ. На мой вопросъ: зачѣмъ закованъ только одинъ самецъ?—вожатый отвѣтилъ, что «нужно только чтобъ самецъ не ушелъ, а самки всегда останутся при немъ, и одни, безъ самца, не сдѣлаютъ ни шагу». Самецъ былъ сравнительно не великъ, едва ли болѣе 10 футъ вышиною, но самки были значительно выше. Всѣ три слона были куплены эмиромъ въ Индіи. Кромѣ этихъ у эмира, какъ говорили вожаки, имѣлось еще болѣе 10 слоновъ, находившихся въ данное время въ Кабулѣ. При насъ вожаки вычистили и вымыли слоновъ, что стоило имъ не малаго труда, вслѣдствіе различ-

[1]) Яблоки я во все время пути по Авганистану встрѣтилъ только въ Кабулѣ.

ныхъ продѣлокъ ихъ громадныхъ шалуновъ. Для того чтобы вычистить слона вожакъ ставитъ его на колѣни, при чемъ онъ работаетъ щеткой какъ полотеръ. Послѣ этого, повидимому, дѣло вожака кончено. Онъ выливаетъ слону на его громадную спину послѣднее ведро воды и приказываетъ ему подняться на ноги. Слонъ исполняетъ приказанія безпрекословно. Но лишь только вожакъ хочетъ покрыть его попоной,—какъ гигантъ-школьникъ, забравъ хоботомъ пыли и земли, опрокидываетъ все это себѣ на спину. Теперь вожакъ снова долженъ ставить его на колѣни и снова разгуливать по его необъятной спинѣ, вооруженный щеткою въ одной рукѣ и ведромъ воды въ другой. Кончено дѣло, остается только покрыть его попоной—и снова, скрививъ свой огромный ротъ въ улыбку, слонъ продѣлываетъ ту же шалость. Тогда вожатый бьетъ его щеткой и приказываетъ ему поднять себя на спину. Хоботъ тотчасъ обвивается вокругъ таліи вожака—и вотъ онъ уже разгуливаетъ у слона на спинѣ, съ ожесточеніемъ работая щеткой.

Кончивъ работу, вожакъ грозитъ слону болѣе сильнымъ наказаніемъ, если тотъ осмѣлится опять продѣлать свою шалость. Но теперь шалость болѣе не повторяется; слонъ только комично покачиваетъ своею несоразмѣрною головой, да лѣниво двигаетъ своими ушами взадъ и впередъ, точно обмахиваясь вѣеромъ. Наконецъ слонъ одѣтъ въ попону и погружается въ пріятное созерцаніе того, какъ тутъ-же, на глазахъ его, ему готовится обѣдъ.

Обѣдъ этотъ состоитъ изъ смѣси хлѣбныхъ лепешекъ и масла, цѣлаго вороха свѣжей зелени и овощей. Слонъ ѣстъ много; его кормятъ два раза въ день; чистятъ три раза въ сутки. Содержаніе слона вмѣстѣ съ вожакомъ, при которомъ всегда есть и его помощникъ, обходится въ годъ отъ 5 до 8 тысячъ рупій [1]).

Для верховой ѣзды (если можно такъ выразиться) слонъ сѣдлается слѣдующимъ образомъ: на спину кладутся потники; на эти потники кладется попона. Сверхъ попоны укрѣпляется довольно обширная деревянная платформа. Она укрѣпляется веревками и цѣпями, подходящими подъ животъ слона. Кромѣ того ее поддерживаютъ

---

[1]) Номинальная цѣна рупіи (rupier) на наши деньги 60 к. по курсу же ея стоимость доходитъ до 80 к.

крѣпкіе захвостники и нагрудники. Поверхъ этой платформы, въ которую ввинчены 4 кольца, укрѣпляется за кольца корзина, сдѣланная изъ дерева. Снаружи корзина обита серебромъ или золотомъ, а снутри она выстлана шелковыми тюфяками и кашемировыми шалями. Поверхъ платформы опять постилается попона, болѣе или менѣе богатая, напримѣръ бархатная, парчевая и т. п. Въ корзинѣ можетъ весьма удобно помѣститься одинъ человѣкъ; онъ можетъ въ ней даже лежать, вытянувшись во весь ростъ. Двое въ ней могутъ весьма свободно сидѣть (по азіатски), а троимъ тамъ довольно уже тѣсно. Сбоку слона на веревкахъ привѣшена лѣстница, такъ какъ при восхожденіи на него, а равно и при спускѣ,—хотя слонъ и ставится на колѣни,—безъ лѣстницы обойтись нельзя.

Слонъ можетъ идти и очень тихимъ и очень быстрымъ шагомъ, отъ 5-ти до 10-ти верстъ въ часъ. Онъ можетъ идти также и рысью, но обыкновенно ѣздятъ на немъ шагомъ. Нѣкоторые слоны несутъ на себѣ всадника очень спокойно, безъ сотрясеній и толчковъ. Но нѣкоторые (преимущественно самки?) идутъ очень неровно, корзина дѣлаетъ большіе размахи впередъ и назадъ и ѣздокъ испытываетъ нѣчто въ родѣ морской качки. Эту качку можно, до нѣкоторой степени, сравнить съ качкой на одногорбомъ верблюдѣ. Продолжительное путешествіе на подобномъ слонѣ едва ли возможно, ибо черезъ нѣсколько часовъ ѣзды на немъ неминуемо должно появиться головокруженіе, боль въ мышцахъ затылка и спины, такъ какъ имъ приходится усиленно работать, при усиліи поддержать равновѣсіе туловища и головы.

Слонъ идетъ по командѣ вожатаго, который обыкновенно помѣщается на затылкѣ животнаго, на сѣдлѣ, устроенномъ особеннымъ образомъ. Безъ своего вожатаго слонъ не сдѣлаетъ ни шагу. Общераспространенное мнѣніе, что слонъ управляется съ помощію ударовъ по головѣ заостреннымъ молоткомъ—едва-ли вѣрно. Слонъ управляется словами: «впередъ», «назадъ», «направо», «налѣво», «скорѣе», «медленнѣе», «тише», «смирно» и т. д., все это передается слону словами и все это онъ отлично понимаетъ. Удары молоткомъ, да и то незаостреннымъ, практикуются вожакомъ только тогда, когда слонъ капризничаетъ, шалитъ или почему либо нехочетъ исполнить словесное приказаніе.

Слоны—не говоря уже объ Индіи,—даже въ Кабулѣ употребляются для различнаго рода работъ [1]). Слонъ, вполнѣ развившійся, можетъ нести на своей спинѣ тяжесть до 60 пудовъ, а вѣроятно—и еще болѣе. Объ умѣ и выносливости слоновъ разсказывается много анекдотовъ, которые приводить здѣсь излишне.

Вечеромъ миссія получила изъ Ташкента почту. Генер. Кауфманнъ, при письмѣ къ начальнику миссіи приложилъ коротенькую телеграмму, полученную имъ изъ Петербурга. Телеграмма гласила, что Берлинскій конгрессъ закончилъ свои засѣданія. Главныя статьи мирнаго договора, заключеннаго съ Турціей, возвѣщались въ телеграммѣ слѣдующія: образованіе вассальнаго княжества Болгаріи по Балканы; самостоятельность Сербіи и Черногоріи, при прежнихъ границахъ, и 400 милліоновъ рублей вознагражденія Россіи за военныя издержки. Ген. Кауфманнъ писалъ по поводу полученія этой телеграммы, что «если только телеграмма вѣрна, то она очень печальна». «Во всякомъ случаѣ», продолжалъ онъ, «конгрессъ закончилъ свои засѣданія», а потому совѣтовалъ начальнику миссіи въ переговорахъ съ авганскимъ правительствомъ воздерживаться отъ какихъ либо рѣшительныхъ мѣръ, обѣщаній и т. п., и вобще не заходить такъ далеко, какъ это можно было бы въ противномъ случаѣ, т. е. въ случаѣ, если-бы намъ угрожала война съ Англіей. Въ томъ же письмѣ нѣсколько строчекъ были написаны шиффромъ, которыя нач. миссіи рѣшилъ прочитать потомъ, только вдвоемъ съ полковникомъ Разгоновымъ.

Въ оживленной бесѣдѣ, которая возникла между членами миссіи по поводу прибытія почты, генералъ неоднократно повторялъ, что онъ очень радъ, что такія важныя извѣстія получены какъ разъ вовремя, наканунѣ вступленія миссіи въ столицу Авганистана. Это обстоятельство, т. е. полученіе послѣдней почты, конечно, было очень важно, такъ какъ при переговорахъ съ авганскимъ правительствомъ давало миссіи совершенно иную точку опоры.

Вечеромъ у меня начался сильнѣйшій пароксизмъ лихорадки. Онъ

---

[1]) Такъ, напримѣръ, они употреблялись для земляныхъ работъ въ Ширпурскомъ лагерѣ, расположенномъ на сѣверной окраинѣ Кабула. Они также перевозили орудія черезъ горы.

душилъ меня въ продолженіи цѣлой ночи. Сильная рвота поднималась нѣсколько разъ, несмотря на значительные пріемы наркотическихъ средствъ. Всю ночь я горѣлъ какъ въ огнѣ. А между тѣмъ завтра предстоялъ въѣздъ въ Кабулъ. Нужно было быть молодцомъ, надо было приготовиться, какъ слѣдуетъ, къ этому торжеству—и вотъ я лежалъ покрытый потомъ, съ растрескавшимися губами, изнуренный въ высшей степени...

Часовъ въ 7 утра 29 іюля нашъ лагерь сталъ подниматься на ноги. Все вокругъ загудѣло, зашумѣло. Всѣ собирались какъ то очень торжественно, точно приготовлялись къ священнодѣйствію. Вскорѣ явился Везиръ съ своею свитою. Около 8 часовъ утра мы тронулись въ путь.—Я чувствовалъ себя прескверно. Въ головѣ чувствовалась тупая свинцовая тяжесть, въ желудкѣ постоянно мутило и порывало къ рвотѣ. Ноги положительно отказывались служить мнѣ. Но дѣлать было нечего; надо было и мнѣ готовиться въ путь. Я кое-какъ одѣлся и взобрался на одного изъ слоновъ, полагая, что на немъ мнѣ будетъ удобнѣе ѣхать, чѣмъ на лошади. Я боялся упасть съ сѣдла вслѣдствіе слабости. Но за то когда началась «слоновая качка», то я едва выдержалъ. Нѣсколько разъ я рѣшался сойти со спины громаднаго животнаго, но все крѣпился, заставляя себя думать въ томъ направленіи, что «хотя плоть и немощна, но духъ долженъ быть бодрымъ». Какъ бы то ни было—черезъ нѣсколько времени я настолько обтерпѣлся, что спустя нѣкоторое время уже въ состояніи былъ слѣдить за тѣмъ, что совершалось вокругъ меня. А происходило вотъ что.

Самый порядокъ шествія былъ очень эффектенъ. Впереди, въ нѣсколькихъ десяткахъ саж. отъ насъ, ѣхалъ отрядъ блестящей авганской кавалеріи. Затѣмъ шли, одинъ за другимъ, наши слоны, замыкаемые казачьимъ конвоемъ. Позади конвоя снова шелъ отрядъ авганской кавалеріи. По обѣимъ сторонамъ всей кавалькады, шли двѣ длинныя шеренги гвардейцевъ эмира, бравыхъ солдатъ, высокаго роста. Они были одѣты въ ярко-красные мундиры.

Пройдя поля, мы вскорѣ вступили въ мѣстность, занятую тѣнистыми садами. Иногда виднѣлись плантаціи табаку и кукурузы. Пшеница здѣсь была уже сжата. Въ сторонѣ отъ дороги, въ нѣсколькихъ мѣстахъ видны были группы туземцевъ, молотившихъ пшеницу, только что убранную съ полей. Ее молотили при помощи быковъ и

лошадей, заставляя ихъ ходить по разложеннымъ на «току» снопамъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ возвышались конусы уже отмолоченной и провѣянной пшеницы, янтарныя зерна которой такъ и блестѣли на солнцѣ.

На 8-й верстѣ отъ станціи миссія была встрѣчена роднымъ братомъ эмира, Сердаремъ Хабибъ-Улла-ханомъ. Онъ пріѣхалъ изъ Кабула на громадномъ слонѣ сѣро-пепельнаго цвѣта. Этотъ слонъ обладалъ огромными вызолоченными клыками, верхушки которыхъ были спилены. Сердаря сопровождалъ отрядъ латниковъ, вооруженныхъ красивыми кабульскими шашками. На головѣ ихъ были блестящія металлическія каски съ цѣпочками, доходящими до нижней губы.

Лишь только поровнялся съ нами Хабибъ-Улла-ханъ, какъ сошелъ со слона для привѣтствія миссіи. Начальникъ миссіи тоже сошелъ со своего слона. Затѣмъ послѣдовало перемѣщеніе ѣдущихъ на слонахъ. Генералъ сѣлъ съ Сердаремъ на его слона; полковникъ пересѣлъ къ Везиру, а я—къ Кемнабу. Теперь мнѣ стало значительно удобнѣе ѣхать, такъ такъ этотъ слонъ шелъ очень спокойнымъ шагомъ.

Затѣмъ мы опять тронулись въ путь.

Теперь по сторонамъ дороги стали уже собираться большія толпы туземцевъ, желавшихъ посмотрѣть на пришлыхъ людей, хотя и «фиринджисовъ» [1]), но совсѣмъ другаго сорта. Эти «фиринджисы» были—«Урусы».

На 10-й верстѣ отъ Каля-и-Казы начинаются предмѣстья Кабула. Въ этомъ мѣстѣ приходится проходить ущельемъ, образованнымъ тѣми двумя холмами, о которыхъ я говорилъ уже выше.

Прежде ущелье это запиралось стѣной, сложенной изъ жженаго кирпича. Эта стѣна, отъ которой теперь сохранились только одни развалины, поднимается уступами на оба холма и тянется по ихъ вершинамъ къ югу и къ сѣверу. Я не знаю куда идетъ сѣверная часть стѣны и гдѣ оканчивается, но южная огибаетъ городъ съ запада, заходитъ на югъ и оканчивается въ верхнемъ Бала-Хиссарѣ [2]).

---

[1]) Т. е. европейцевъ.

[2]) Бала-Хиссаръ—цитадель Кабула.

Народу собиралось все больше и больше. Онъ образовалъ по обѣ стороны кортежа миссіи сплошныя живыя шпалеры. Сосѣднія скалы и выступы холмовъ, остатки разрушенныхъ стѣнъ—все было покрыто разнообразными типами жителей. Крыши домовъ, даже деревья, тянувшіяся по обѣ стороны дороги, были усѣяны любопытными. Тутъ виднѣлись и анганцы съ бронзовымъ цвѣтомъ кожи, съ сверкающими глазами и съ черными, какъ смоль, волосами; здѣсь же, въ толпѣ, замѣчалась и монгольская голова гезарейца съ узкими глазами, съ ушами «на отлетѣ».

За ущельемъ начался уже городъ Кабулъ. Мы теперь проходили по его сѣверо-западной окраинѣ. Пришлось идти по базарной улицѣ, очень узкой, но вымощенной камнемъ, хотя и очень плохо. Вообще отсюда начались улицы мощеныя. Далѣе началось шоссе, очень порядочное шоссе, обсаженное съ обѣихъ сторонъ деревьями, преимущественно тутомъ и ивой.

Черезъ нѣсколько времени мы пришли къ мосту черезъ рѣку Кабулъ-Дарью, текущую здѣсь съ юго-запада на сѣверо-востокъ. Мостъ былъ каменный, но находился въ очень плохомъ состояніи. Слоны пошли черезъ рѣку вбродъ. Глубина рѣки здѣсь не болѣе 3—4 футъ, при ширинѣ въ 20—30 саженъ. Слоны медленно перешли черезъ рѣку, продѣлывая разныя штуки своими хоботами, набирая воды и съ большой силой выбрасывая ее вонъ. Я поминутно ожидалъ, что вотъ-вотъ слонъ подниметъ свой хоботъ вверхъ и позабавитъ своихъ сѣдоковъ несовсѣмъ желательнымъ душемъ. Но вожатый слона зорко смотрѣлъ за нимъ и лишь только замѣчалъ, что слонъ набиралъ воды въ хоботъ, то начиналъ шептать ему что-то на ухо и великанъ-шалунъ тотчасъ же начиналъ хлопать ушами и, вслѣдъ затѣмъ, выбрасывалъ воду.

Вслѣдъ за переходомъ черезъ рѣку мы свернули съ дороги влѣво, на сѣверъ отъ города и вышли на обширное поле. Посреди этого поля стояли авганскія войска всѣхъ родовъ оружія. На обоихъ флангахъ выстроена была кавалерія, а въ центрѣ—пѣхота; по фронту войскъ была выстроена артиллерія. Количество войскъ, вѣроятно, было не болѣе одной дивизіи. Лишь только слоны наши поровнялись съ центромъ войскъ, какъ артиллерія начала салютъ; было сдѣлано 34 пушечныхъ выстрѣла. Послѣ этого заиграла музыка—и войска пошли

церемоніальнымъ маршемъ. Слоны снова вышли на шоссе и направились къ Бала-Хиссару, стѣны котораго бѣлѣлись не болѣе какъ въ верстѣ отъ насъ. Въ то же время масса народа, толпившаяся на шоссе, подняла крики, призывая на миссію благословеніе четырехъ Калифовъ (что соотвѣтствуетъ нашему привѣтственному ура!). Сопровождаемые кликами многотысячной толпы и подъ звуки музыки мы вступили въ ворота Бала-Хиссара. У воротъ цитадели насъ встрѣтила почетная стража, одѣтая въ оригинальный костюмъ, состоявшій изъ клѣтчатой, доходящей до колѣнъ юбки, башмаковъ и каски.

Послѣ недлиннаго перехода по довольно узкимъ, вымощеннымъ отчасти улицамъ, застроеннымъ двухъ-этажными домами, съ окнами, обращенными на улицу,—мы пріѣхали къ нашему помѣщенію. До нашего дома насъ сопровождала вся авганская знать, какая была здѣсь на лицо.

ГЛАВА IX.

Въ Кабулѣ.

Помѣщеніе миссіи въ Бала-Хиссарѣ.—Пріемъ миссіи эмиромъ Ширъ-Алиханомъ.—Народное празднество.—Подарки, присланныя Туркестанскимъ генералъ-губернаторомъ эмиру.—Эмиръ даритъ миссіи 11,000 рупій.—Жизнь миссіи въ Кабулѣ.—Англійскія газеты, получавшіяся эмиромъ.—Полученіе почты изъ Ташкента.—Болѣзнь и смерть наслѣднаго принца Абдулла-Джана.—Переговоры генерала Столѣтова съ авганскимъ правительствомъ.—Извѣстія о снаряженіи англійскаго посольства въ Кабулъ.—Отказъ эмира.—Домашній базаръ.

Слоны, на которыхъ мы ѣхали, остановились въ довольно узкомъ переулкѣ, у воротъ отведеннаго для миссіи дворца. Этотъ переулокъ отдѣлялъ нашъ дворецъ отъ помѣщенія эмира.

Широкія ворота, пробитыя въ довольно толстой и высокой глинобитной стѣнѣ, вели во внѣшній дворъ нашего помѣщенія, гдѣ находились зданія, занятыя туземной прислугой, назначенной въ распоряженіе миссіи, и туземной администраціей дворца. Отсюда менѣе широкія ворота вели уже собственно во дворецъ.—На первый взглядъ все зданіе походило на четырехугольный ящикъ, обнесенный съ двухъ сторонъ очень толстыми стѣнами, а съ остальныхъ двухъ сторонъ—застроенный двумя флигелями. Четырехугольникъ занималъ площадь въ нѣсколько сотъ квадратныхъ саженъ.

Мы прошли по тщательно выметенному и усыпанному пескомъ и мелкой галькой двору нашего дворца и поднялись на террасу, расположенную передъ сѣвернымъ флигелемъ. Терраса была выложена жженымъ кирпичемъ и занимала около $^1/_5$ части всей площади двора. Затѣмъ мы поднялись во 2-й этажъ сѣвернаго флигеля, гдѣ насъ ожидалъ уже сервированный завтракъ и чай. Кабульцы, повидимому,

очень любятъ плоды. Такъ, напр., даже и теперь, за завтракомъ, были поданы цѣлыя горы плодовъ. Я, однако, былъ совершенно равнодушенъ и къ завтраку, и къ окружающей обстановкѣ, и къ окружающимъ лицамъ. Лихорадочный жаръ давалъ мнѣ себя очень и очень чувствовать.—Между членами миссіи и авганскими сановниками завязался оживленный разговоръ, но я положительно не въ силахъ былъ слѣдить за нимъ. Мнѣ хотѣлось только, чтобы наши гости поскорѣе кончили свой оффиціальный визитъ, что дало бы мнѣ возможность сейчасъ же лечь въ постель. А тутъ еще Везиръ, добрый человѣкъ, обратился ко мнѣ со словами утѣшенія,—что моя лихорадка скоро-де пройдетъ, и что «доктору болѣть, кажется, не приходится?»

Однако, наши гости скоро откланялись и удалились. Везиръ пожелалъ узнать, когда миссія думаетъ представиться эмиру-саибу и при этомъ прибавилъ, что миссіи было бы хорошо съ дороги отдохнуть. Поэтому генералъ рѣшилъ, что миссія весь слѣдующій день будетъ отдыхать, «а на третій день, если будетъ угодно эмиру-саибу, то она представится ему».

Послѣ ухода нашихъ высокихъ гостей, мы всѣ поспѣшили устроиться въ нашемъ обширномъ помѣщеніи по домашнему.

Дворецъ, какъ я сказалъ уже, представлялъ почти квадратъ, двѣ стороны котораго, именно сѣверная и южная,—заняты зданіями. Наиболѣе обширное зданіе находится на сѣверной сторонѣ четырехугольника. Оно выстроено изъ необожженаго кирпича; наружная облицовка его сдѣлана изъ дерева. Зданіе имѣетъ четыре этажа. На уровнѣ третьяго этажа устроена обширная терраса, съ каменной баллюстрадой на пей. Въ разныхъ мѣстахъ по фасаду зданія устроены балкончики и вышки. Весь фасадъ зданія украшенъ рѣзьбой изъ дерева. Вообще, видъ зданія напоминаетъ наши до-петровскія боярскія хоромы-терема. Полной иллюзіи мѣшала только плоская крыша, да окна безъ стеколъ, закрывающіеся рѣзными деревянными ставнями. Впрочемъ, въ 3-мъ этажѣ, одна комната,—десертная, какъ мы ее потомъ прозвали, такъ какъ конфекты и плоды обыкновенно приносились сюда,—имѣла стеклянныя окна.

Въ зданіи было очень много комнатъ. Но мало было такихъ, которыя бы можно было назвать удобными, въ европейскомъ смыслѣ этого слова. Мебели было очень мало: нѣсколько креселъ незатѣйли-

вой работы, нѣсколько простыхъ стульевъ и столовъ, накрытыхъ скатертями—произведеніемъ англійскихъ фабрикъ; туземныя кровати съ веревочнымъ переплетомъ вмѣсто пружинъ, и ватными тюфяками вмѣсто волосяныхъ—вотъ и вся внутренняя обстановка дворца. Нигдѣ не замѣчалось ни одного зеркала. Комнаты—очень небольшія, рѣдко болѣе 4 — 5 саж. въ длину и 2 — 3 въ ширину. Полы комнатъ устланы то персидскими коврами, то простыми паласами, то узорчатыми толстыми и мягкими киргизскими кошмами. Въ нѣкоторыхъ комнатахъ поверхъ ковровъ былъ постланъ бѣлый коленкоръ, тоже произведеніе англійской мануфактуры. Потолки комнатъ были обыкновеннаго устройства въ Средней Азіи. Они были сдѣланы изъ камышевыхъ циновокъ, положенныхъ прямо на балки, а снизу были подбиты дешевымъ ситцемъ. Стѣны комнатъ довольно хорошо выштукатурены (впрочемъ, далеко не всѣхъ комнатъ), и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ снабжены простенькими скульптурными украшеніями изъ алебастра. Въ толщѣ стѣнъ устроены ниши, гдѣ стояли чайные сервизы, подсвѣчники и др. кабинетныя вещи. Въ подсвѣчникахъ были вправлены стеариновыя свѣчи англійской фабрикаціи.—Бѣгло осмотрѣвъ это зданіе, я отправился въ южный флигель.

Это былъ двухъ-этажный флигель. Устройство его было такое же, какъ и предъидущаго зданія. 2-й этажъ былъ устроенъ гораздо лучше, чѣмъ нижній. Комнаты здѣсь имѣли болѣе уютный видъ, чѣмъ въ первомъ (сѣверномъ) флигелѣ. Особенное преимущество этого зданія передъ первымъ состояло въ томъ, что окна его выходили не только во дворъ, но еще и на южную сторону, на улицу.

У самыхъ оконъ южнаго флигеля начинается обширная Кабульская равнина. Съ высоты втораго этажа этаго зданія открывается великолѣпный видъ на южныя и восточныя окрестности города. Равнина доступна для взора на протяженіи около 10 верстъ къ югу и и востоку, и замыкается на своихъ окраинахъ невысокими горами. Значительная часть ея занята полями и лугами, особенно ближайшая часть ея къ нашему помѣщенію. Въ верстѣ разстоянія отъ нашего дома находится обширное болото, занимающее пространство въ нѣсколько квадратныхъ верстъ. А дальше отъ нашего дворца, ближе къ горамъ, на различныхъ разстояніяхъ другъ отъ друга, виднѣются обширныя селенія утонувшія въ зелени своихъ садовъ. Къ востоку

отъ города селенія и сады начинаются значительно ближе къ городу, чѣмъ къ югу отъ него. А еще далѣе къ востоку, именно верстахъ въ 3-4 отъ города, виднѣлись бѣлыя палатки лагеря авганскихъ войскъ. Часто потомъ мы имѣли возможность слышать доносившіеся оттуда выстрѣлы изъ орудій. Здѣсь авганскія войска упражнялись въ прицѣльной стрѣльбѣ. Почти отъ самой стѣны нашего помѣщенія по равнинѣ радіально расходятся 3 дороги: одна на востокъ, одна на югъ и 3-я на юго-западъ. Эта послѣдняя проходитъ буквально подъ окнами южнаго флигеля, лѣпясь у подножія горъ, расположенныхъ западнѣе Бала-Хиссара, и, огибая ихъ съ юга, теряется изъ виду. Въ полутора верстахъ отъ нашего помѣщенія, среди луговъ равнины, у берега обширнаго болота, виднѣлся рядъ слоновъ. Здѣсь было расположено становище слоновъ эмира. Ихъ можно было насчитать до 11 особей. Потомъ мы привыкли видѣть, какъ часть ихъ, обыкновенно утромъ, куда-то уводилась и приводилась назадъ только вечеромъ. Остававшіеся же слоны регулярно 3 раза въ день вводились въ озеро и тамъ купались. Иногда слоновъ собиралось болѣе 11.

Я выбралъ себѣ комнату въ южномъ флигелѣ. Въ этомъ же флигелѣ помѣстились и нѣкоторые другіе члены миссіи. Генералъ же занялъ нѣсколько комнатъ во второмъ этажѣ сѣвернаго зданія. Казаки помѣщены были въ нижнемъ этажѣ южнаго зданія.

Вообще нашъ «дворецъ» если и не походилъ на тѣ восточные, полные роскоши и нѣги, дворцы, какіе описываются не только въ «Тысячѣ и одной ночи», но и у многихъ арабскихъ и персидскихъ писателей,—то все же выглядѣлъ очень приличнымъ, и, главное, довольно чистымъ. Особенно полъ двора блестѣлъ своимъ чистѣйшимъ пескомъ. Положительный диссонансъ съ этой чистотой составляла могила какого-то святого, какъ говорили, родственника эмира, пріютившаяся въ одномъ изъ угловъ двора. Двѣ—три грязныя тряпки, навѣшенныя на шесты, водруженныя на могилѣ, нахально выглядывали изъ-за ветхой, деревянной рѣшетки, ограничивавшей владѣнія святого покойника.—Рѣзко бросалось въ глаза также и полнѣйшее отсутствіе въ нашемъ помѣщеніи древесной растительности. Два—три персиковыхъ куста, вьющаяся виноградная лоза или вѣтвистый, шелковистный тутъ—очень бы скрасили всю картину внутренности нашего дворца, сгладили бы его рѣзкіе, суровые контуры, напоминав-

шіе скорѣе цитадель, чѣмъ дворецъ, и придали бы болѣе мягкости и, если ужь хотите, то и поэтичности. Струя воды, особенно въ видѣ хотя бы и очень простаго фонтана, доставила бы не только эстетическое удовольствіе, но и чисто физическое,—умѣряя полуденный зной, который давалъ себя порядочно таки чувствовать и здѣсь, раскаляя глиняныя стѣны нашего дворца-ящика. Но, на нѣтъ и суда нѣтъ, говоритъ одна изъ нашихъ мудрыхъ пословицъ. И то эмиръ, въ знакъ особеннаго уваженія къ миссіи, уступилъ для нея дворецъ, который былъ до этого времени занятъ его любимой женой и ея дворомъ. Но все же мы ожидали отъ дворца славившихся нѣкогда богатствомъ и пышностію эмировъ кабульскихъ совсѣмъ не этого. Мы думали увидѣть мраморъ, позолоту, яркія краски изразцовъ, лапись-лазурь, роскошные фонтаны, волшебные сады и т. п., а вмѣсто этого встрѣтили глину и мало стекла, ни одного деревца, ни струйки воды! За то небо было дѣйствительно превосходное,—лазурно-голубое, глубокое, безъ малѣйшей облачной тѣни на ясномъ челѣ его...

Туземные прислужники внесли въ мою комнату кровать и тотчасъ приготовили постель. Это была, какъ я уже сказалъ, обыкновенная, туземная очень широкая кровать. Рама кровати переплетена была веревками такимъ образомъ, что они образовали прочную мелкопетлистую сѣть. Но иногда вмѣсто веревокъ, туземцами употребляются для этой сѣти плоскія, полотняныя ленты различной ширины. Но всего лучше выходитъ сѣть изъ волосяныхъ веревокъ, такъ какъ она обладаетъ очень большою упругостью и дѣйствуетъ почти такъ же хорошо, какъ пружина.—На сѣтку изъ полотняныхъ лентъ положена была перина. На перину, наволочка которой была бархатная, вмѣсто простыни былъ постланъ кусокъ англійской кисеи, а поверхъ кисеи—ватное одѣяло, крытое атласомъ—произведеніемъ индѣйскихъ фабрикъ. Въ головахъ положена была круглая подушка, тоже съ бархатной наволокой и тоже покрытая кисейнымъ чехломъ.

Съ величайшимъ наслажденіемъ я бросился въ постель, надѣясь сладко отдохнуть. Но мое ожиданіе было напрасно. Къ внутреннему жару лихорадки присоединился еще и жаръ, такъ сказать, внѣшній. Перина и ватное одѣяло сейчасъ же дали себя почувствовать: мнѣ казалось, что я находился въ паровой банѣ—и густая испарина покрыла мое изнуренное тѣло.

Нѣсколько времени спустя, человѣкъ пришелъ звать меня къ обѣду, который былъ собранъ въ помѣщеніи начальника миссіи. Но я безполезно потратилъ время и только напрасно безпокоилъ себя: я даже и не прикоснулся ни къ одному блюду.

Между тѣмъ обѣдъ былъ сервированъ довольно порядочно. Столовое серебро, нарочно заготовленное эмиромъ для миссіи, было въ порядкѣ и въ достаточномъ количествѣ. Фарфоровая посуда и столовое бѣлье тоже не отсутствовали. Но на столѣ не было ни одного цвѣтка, ни листа зелени. Я такъ и остался въ недоумѣніи: зачѣмъ же торчали двѣ-три вазы въ одной изъ стѣнныхъ нишъ? Букетъ живыхъ цвѣтовъ былъ замѣненъ, благодаря распорядительности М., любезно принявшаго на себя обязанности кравчаго миссіи,—довольно жиденькимъ букетомъ винъ. На столѣ кромѣ обычныхъ «хинныхъ» винъ, виднѣлись и двѣ-три засмоленныя головки.

За обѣдомъ, въ которомъ, скажу мимоходомъ, вѣнцомъ кулинарнаго искусства туземныхъ поваровъ былъ удивительный шашлыкъ, представлявшій цѣльнаго барана, весьма нѣжно зажареннаго на вертѣлѣ,—разговоръ, естественно, имѣлъ своимъ предметомъ сегодняшнее событіе, именно въѣздъ миссіи въ Кабулъ.

— Какъ хотите, а это... чисто царская встрѣча, заключилъ генералъ, произнося эти слова почему-то почти шепотомъ.

За дессертомъ были отбиты засмоленныя головки. Первый тостъ былъ, конечно, за Государя; второй—за Россію, далекую, дорогую Россію. Да, хорошо вспоминается отчизна въ далекихъ, чужихъ краяхъ! Здѣсь забывается все нехорошее, все зло, какое кому либо изъ сыновъ ея пришлось испытать на ея священной почвѣ. Помнится только одно хорошее. И сладкое чувство наполняетъ тогда грудь человѣка... Дороги и хороши эти чувства и эти мгновенія! Они отводятъ человѣку его настоящее мѣсто въ средѣ всего живущаго. Они дѣлаютъ его, такъ сказать, болѣе человѣкомъ, чѣмъ когда либо...

30-е іюля было назначено днемъ отдыха миссіи послѣ слишкомъ 20 дневнаго, почти безостановочнаго пути. Но вышло иначе.

Около 12 часовъ этого дня, начальникъ миссіи, одѣвшись въ полную парадную форму, отправился на аудіенцію къ эмиру Ширъ-Алихану. Онъ поѣхалъ одинъ, даже безъ переводчиковъ, въ сопровожденіи только Везира и авганскаго конвоя, объявивъ остальнымъ чле-

намъ миссіи, что имъ незачѣмъ представляться эмиру, и что онъ представится одинъ.

Скоро, однако, генералъ возвратился и приказалъ всѣмъ намъ поскорѣе одѣться въ полную парадную форму. Онъ объявилъ, что эмиръ желаетъ видѣть всю миссію, въ полномъ составѣ. Я, несмотря на свою слабость, тоже одѣлся и вмѣстѣ съ прочими отправился въ путь.

Отъ нашего помѣщенія до дворца эмира было всего нѣсколько сотъ шаговъ пути. Его дворецъ отдѣлялся отъ нашего помѣщенія только узкимъ переулкомъ и нѣсколькими зданіями, назначенными подъ службы. Однако мы сѣли на лошадей и отправились верхомъ. Казаки были съ винтовками черезъ плечо, безъ чехловъ.

Выѣхавъ изъ воротъ нашего помѣщенія, мы сейчасъ же по узкому переулку повернули направо, на западъ, немного спустились по дорогѣ внизъ, имѣя слѣва отъ себя стѣну верхняго Бала-Хиссара, а съ права—службы нашего дворца,—и сейчасъ же остановились у воротъ помѣщенія эмира. Ворота были деревянныя, створчатыя; онѣ были вдѣланы въ высокую глинобитную стѣну.

У этихъ воротъ мы сошли съ лошадей и вступили въ садъ, начинавшійся сейчасъ же за воротами. Широкая, хорошо утрамбованная дорожка, обсаженная кустами барбариса, привела насъ къ небольшому зданію очень скромной архитектуры. Зданіе имѣло два этажа. Передъ зданіемъ—площадка съ каменнымъ резервуаромъ, наполненнымъ проточной водой. Но и здѣсь не было и слѣдовъ фонтана. Кругомъ этой площадки были разсажены тополя, чинары, грушевыя деревья, виноградныя лозы, но вообще садъ имѣлъ видъ довольно жалкій.

Передняя часть зданія была занята открытой террассой. На террасѣ, у самой балюстрады, рѣзной изъ камня, сидѣлъ эмиръ Авганистана, Ширъ-Али-ханъ.

Приложивъ руку къ головному убору, мы обошли слѣва бассейнъ, прошли мимо террасы, и слѣва же, по лѣстницѣ въ нѣсколько ступеней, взошли на террасу.

Лишь только мы взошли на террасу, какъ эмиръ всталъ съ своего довольно скромнаго кресла, сдѣлалъ два-три шага намъ на встрѣчу и подалъ руку начальнику миссіи. Въ это время остальные члены миссіи встали въ рядъ, приложивъ руки къ козырьку. Эмиръ отвѣтилъ

на привѣтствіе миссіи тоже поднятіемъ руки къ козырьку каски, которою была покрыта его голова.

Послѣ этого начальникъ миссіи поочередно представилъ эмиру всѣхъ членовъ. Во время представленія полковника Разгонова эмиръ выразилъ удовольствіе по поводу того, что видитъ полковника русскаго Царя и при томъ «мужа, убѣленнаго почтенными сѣдинами». — Вообще эмиръ, во время представленія ему миссіи, каждому члену что либо сказалъ: любезность, остроту, шутку, и вообще, говоря простымъ, но тѣмъ не менѣе очень выразительнымъ языкомъ, «за словомъ въ карманъ не лазилъ». Такъ напр., привѣтствуя г. Малевинскаго—«инглизи-терджимани» (переводчика англійскаго языка),— онъ спросилъ: «не принесъ ли англичанинъ и на этотъ разъ огня въ полѣ своего платья, чтобы запалить Авганистанъ»?

— Англичане, продолжалъ онъ,—иначе не вступаютъ на почву Авганистана, какъ держа въ правой рукѣ мечъ, а въ лѣвой—огонь.

Очевидно, что здѣсь эмиръ хотѣлъ сказать каламбуръ, пользуясь словомъ «инглизи» (англійскій), хорошо зная, что Малевинскій—русскій, а не англичанинъ.

Во время представленія членовъ миссіи эмиръ всѣмъ подавалъ руку и приглашалъ садиться.

Затѣмъ онъ съ полчаса разговаривалъ съ нами о разныхъ вещахъ.

Эмиръ Ширъ-Али-ханъ имѣлъ видъ пожилаго, но еще очень крѣпкаго человѣка, лѣтъ 50 слишкомъ. Его невысокая, коренастая фигура дышала силой и энергіей. Большіе, черные глаза проницательно смотрѣли изъ подъ густыхъ, слегка посѣдѣвшихъ бровей. Орлиный носъ заканчивалъ общее выраженіе лица, придавая ему характеръ твердости. Окладистая борода, съ легкой просѣдью, спускалась на грудь. Онъ говорилъ громкимъ, твердымъ, нѣсколько хрипѣвшимъ голосомъ. Послѣднее обстоятельство зависѣло отъ катарра горла, на который потомъ онъ и не преминулъ пожаловаться, прося моей помощи.

Металлическая каска, со страусовыми перьями въ шишакѣ, совсѣмъ не шла къ эмиру, закрывая его вообще не высокій лобъ: она придавала ему характеръ дикаря-повелителя, нарядившагося въ павлиныя перья. На немъ былъ мундиръ синяго цвѣта съ красной лентой черезъ правое плечо. Мундиръ былъ подхваченъ кушакомъ съ золотымъ позументомъ; на кушакѣ висѣла шашка, рукоятка которой,

богато украшенная золотой насѣчкой, очень изящной работы, говорила до извѣстной степени и о достоинствѣ самаго клинка. Рукоятка сабли была безъ темляка. На расшитой золотомъ и шолкомъ груди мундира не было ни одного ордена, или какого либо значка. Штаны на немъ были обыкновенные генеральскіе, съ красными лампасами.

Эмиръ много распрашивалъ начальника миссіи о Россіи; между прочимъ,—о числѣ ея жителей, числѣ войскъ, количествѣ государственныхъ доходовъ и т. п. Онъ спрашивалъ также о томъ, существуютъ ли въ Россіи желѣзныя дороги. Получивъ утвердительный отвѣтъ, онъ спросилъ, есть ли онѣ также и въ Туркестанскомъ краѣ? Вообще видно было, что эмиръ хотѣлъ какъ можно больше узнать о той странѣ, съ которой онъ хотѣлъ заключить союзъ дружбы.

Передъ террасой былъ выстроенъ нашъ казачій конвой, съ ружьями «на караулъ». Эмиръ разспрашивалъ о казакахъ, пожелалъ видѣть ружейные пріемы, что и было, къ его видимому удовольствію, исполнено казаками, по командѣ Назирова. Затѣмъ эмиръ захотѣлъ осмотрѣть ружье Бердана, и одинъ изъ авганскихъ «кернелей», стоявшихъ у балюстрады, внѣ террасы, сейчасъ же принесъ ружье. Эмиръ, безъ всякихъ объясненій, со стороны членовъ миссіи, самъ взвелъ и спустилъ курокъ винтовки, сказавъ, что конструкція ружья ему отчасти извѣстна. Затѣмъ онъ передалъ обратно винтовку и приказалъ принести свои скорострѣльныя ружья. Я не знаю, какой онѣ были системы, но помню, что полковникъ Разгоновъ высказался объ нихъ одобрительно. Затѣмъ эмиръ объяснилъ, что ружья эти дѣлаются въ Кабулѣ авганскими мастерами, и при томъ исключительно ручною работою. Никакихъ машинъ на кабульскомъ оружейномъ заводѣ нѣтъ.

Я не знаю, сколько-бы времени продолжалась такимъ образомъ наша бесѣда. Но вдругъ поднялся вѣтеръ, превратившійся потомъ въ положительный ураганъ.

Жалкіе, полувысохшіе чинары, печально распустившіе свои узловатыя вѣтви передъ самой террасой, застонали и затрещали подъ напоромъ вѣтра. Вскорѣ поднялся пыльный буранъ, завладѣвшій всѣмъ пространствомъ сада. Клубы пыли закружились и затанцевали по площадкѣ передъ террассой; вскорѣ они полетѣли и на террасу. Тогда эмиръ окончилъ аудіенцію.

Мы возвратились домой тѣмъ же порядкомъ, въ сопровожденіи Ве-

зира и Кемнаба. Нужно замѣтить, что во время нашей аудіенціи, изъ всѣхъ авганскихъ сановниковъ присутствовали только эти двое.— Пыльный буранъ усилился до такой степени, что въ нѣсколькихъ шагахъ нельзя было ничего различить. Вѣтеръ былъ при этомъ совершенно знойный. Только черезъ часъ пыльная мгла мало по малу разсѣялась и небо опять прояснилось.

Утромъ 31-го іюля я былъ разбуженъ глухимъ подземнымъ ударомъ и сотрясеніемъ всего зданія. Это случилось около 8-ми часовъ утра. Вскорѣ за первымъ ударомъ послѣдовалъ второй, еще болѣе сильный, чѣмъ первый. Зданіе потряслось до самаго основанія. Насколько велико было сотрясеніе—можно было заключить изъ того, что балки и стекла въ окнахъ затрещали, такъ что всѣ, находившіеся въ комнатахъ, въ страхѣ бросились было вонъ. Однако этимъ и закончилось землетрясеніе и болѣе не повторялось.

Везиръ разсказывалъ потомъ, что землетрясенія, не составляющія здѣсь ничего необыкновеннаго весной и въ началѣ лѣта, въ настоящее время года представляли рѣдкое и почти исключительное явленіе. Землетрясенія здѣсь вообще не сильны. Бываютъ однако, хотя и рѣдко, и очень сильныя землетрясенія, сопровождающіяся значительнымъ разрушеніемъ [1]).

Нѣкоторые изъ членовъ миссіи выразили было желаніе прогуляться по городу, но встрѣтили обычное veto со стороны начальника миссіи.

1-го Августа генералъ опять одинъ ѣздилъ къ эмиру. Его сопровождали только Везиръ и снова появившійся у насъ Мосинъ-ханъ. Въ продолженіи послѣднихъ трехъ дней Мосинъ-хана почти совсѣмъ не было видно у насъ. Кемнабъ тоже заходилъ очень рѣдко, да и то только на нѣсколько минутъ.

Вечеромъ этого дня городъ украсился иллюминаціей, которою мы любовались съ крыши южнаго флигеля. Кабульцы пускали ракеты, жгли бенгальскіе огни, въ нѣсколькихъ мѣстахъ виднѣлись огненные вензеля. На близь лежащихъ горахъ виднѣлись зажженые костры, разложенные на различныхъ разстояніяхъ другъ отъ друга.

---

[1]) Бёрнсъ также говоритъ о землетрясеніяхъ. При этомъ онъ ссылается и на заявленія Султана Бабера. „Кабулъ". Ч. 1-я стр. 229.—Masson также говоритъ о землетрясеніяхъ въ Кабулѣ: Various journeys, Vol. II. p. 229.

На блѣдномъ фонѣ ночного неба, освѣщаемаго только что выглянувшею изъ за горъ луною, картина иллюминаціи имѣла какой-то фантастическій характеръ. Иллюминація продолжалась около часу времени. Везиръ не преминулъ намъ объяснить, что иллюминація устроена народомъ по случаю прибытія русскаго посольства. Это объясненіе, конечно, было очень важно. Значитъ, народъ не только не былъ расположенъ враждебно къ русской миссіи, но еще и былъ очень радъ ея пріѣзду. Знаки своего уваженія къ ней онъ, на первый разъ, выказалъ довольно ярко. Для начала—это было совсѣмъ хорошо.

На слѣдующій день генералъ опять отправился къ эмиру. На этотъ разъ онъ пошелъ для того, чтобы преподнести эмиру подарки, посланные ему Туркестанскимъ генералъ-губернаторомъ. Эти подарки были, говоря откровенно, ниже всякой, даже очень снисходительной, критики. Они заключали въ себѣ слѣдующія вещи:

1) трость, вся обсыпанная бирюзой сплошь, какъ бы въ бирюзовомъ футлярѣ, съ гранатами у рукоятки.—Пусть не смущается читатель при словахъ: вся обсыпанная бирюзой. Бирюза эта мѣстная, такъ называемая «кокандская», очень низкаго достоинства. Работа трости тоже туземная, сартовская, далеко не изящная. Эта трость оцѣнена была въ Ташкентѣ въ 600 рублей;

2) бирюзовый же поясъ; вязь серебряная, застежки золотыя; оцѣненъ въ 400 рублей;

3) нѣсколько кусковъ парчи. Тючекъ съ этой парчей былъ развязанъ только въ Кабулѣ и поразилъ всѣхъ насъ своимъ содержаніемъ. Парча была весьма посредственная и далеко не могла выдержать сравненія съ индѣйской. Между тѣмъ покупавшій ее экзекуторъ Николаевъ говорилъ, что за нее заплочено по 50—100р. за аршинъ. Кромѣ того—парчи было очень ограниченное количество;

4) нѣсколько халатовъ парчевыхъ, бархатныхъ и—о, ужасъ!—суконныхъ, отороченныхъ позументомъ въ одинъ и два ряда. Тючекъ съ халатами тоже былъ полученъ отъ экзекутора и распакованъ только въ Кабулѣ.

Нечего и говорить, что содержаніе его не менѣе насъ изумило, чѣмъ и содержаніе предъидущаго тюка.—Посылать въ подарокъ эмиру, владѣтелю обширной страны, да еще, кромѣ того, человѣку бывавшему въ Индіи и знающему толкъ въ вещахъ—простые сукон-

ные халаты!—такіе халаты, какіе обыкновенно уѣздные начальники Туркестанскаго генералъ-губернаторства дарятъ сельскимъ аксакаламъ! Да, вѣдь, это я ужь не знаю на что похоже!...

Вотъ и всѣ подарки. Очевидно, что преподнести эмиру такіе подарки—со стороны посольства было не совсѣмъ удобно. Нужно было какъ нибудь устроиться, какъ нибудь поправить всю эту некрасивую исторію съ подарками.

Тогда начальникъ миссіи распорядился слѣдующимъ образомъ.—Онъ взялъ свои три лучшія лошади, подаренныя ему эмиромъ бухарскимъ; велѣлъ осѣдлать ихъ подаренными эмиромъ же эффектными бухарскими сѣдлами, съ парчевыми, поверхъ нихъ, попонами. Уздечки на лошадяхъ были бирюзовыя, съ коралловыми букетами на лбахъ.

Такимъ образъ вышелъ хотя и не очень цѣнный, но за то эффектный, бьющій въ глаза, подарокъ.

Затѣмъ генералъ взялъ лучшіе изъ своихъ халатовъ, подаренныхъ ему также эмиромъ бухарскимъ, въ Каршн. Тутъ были настоящіе парчевые, съ золотыми, кованными цвѣтами; были также и настоящіе кашемировые,—все подарки щедраго нашего владѣтельнаго сосѣда.

Послѣ этого къ подаркамъ были присоединены еще слѣдующія вещи: одно ружье Бердана, пѣхотное, съ примкнутымъ штыкомъ; 1 ружье Бердана же, кавалерійское; 1 охотничье ружье Ланкастера. Затѣмъ туда же былъ присоединенъ 1 револьверъ Смита и Вессона, 2-го образца. Все это оружіе принадлежало разнымъ членамъ миссіи. Ко всему этому еще присоединены были два серебряные сервиза—чайный и дессертный.

Такимъ образомъ составились подарки, правда, стоившіе не больше 4—5 тысячъ рублей, но за то довольно многочисленные. Хотя генералъ еще во время первой аудіенціи сказалъ эмиру, что наша земля обширна, и обильна, но бѣдна деньгами—тѣмъ не менѣе, все же слѣдовало бы послать эмиру болѣе цѣнные подарки. Понятно, что слѣдовало бы послать именно подарки, хотя бы и очень цѣнные, но никакъ не деньги. Это положеніе, думаю, нечего и объяснять и доказывать; оно понятно само собой.

На другой день послѣ этого, пришелъ въ наше помѣщеніе Везиръ,

во главѣ нѣсколькихъ человѣкъ, несшихъ на головахъ какіе-то подносы, накрытые парчевыми покрывалами. Онъ вошелъ въ нашу общую залу, гдѣ мы обыкновенно обѣдали, пили чай, собирались поболтать и т. п.,—и началъ слѣдующую рѣчь:

— Генералъ-сайбъ!—Эмиръ-сайбъ посылаетъ вамъ и всѣмъ, состоящимъ подъ вашимъ начальствомъ людямъ, отъ малыхъ до великихъ, отъ низкихъ до высокихъ, а равно и всѣмъ казакамъ, джигитамъ, прислугѣ...—свой поклонъ (салямъ гуфтъ). Вмѣстѣ со мной онъ прислалъ посламъ великаго государства эти малые подарки и проситъ не отказать—принять ихъ.

Послѣ этого онъ велѣлъ поставить подносы на полъ и снялъ съ нихъ покрывала. На подносахъ лежали 11 мѣшечковъ, повидимому, съ монетой.

Генералъ смущенно спросилъ: «что это?»

На этотъ вопросъ Везиръ отвѣтилъ, что тутъ, на подносахъ, находится 11,000 рупій авганскою монетой.

Тогда генералъ не замедлилъ заявить свой протестъ противъ такого подарка, говоря, что у насъ, русскихъ, не принято ни давать подарки деньгами, ни принимать таковые отъ кого-либо,—что подарокъ эмиръ-сайба, поэтому, принятъ быть не можетъ, а онъ, Везиръ, пусть выразитъ эмиру-сайбу признательность миссіи за его вниманіе къ ней.

Но Везиръ никакъ не могъ, повидимому, понять—почему не можетъ быть принятъ миссіею подобный подарокъ, а потому настаивалъ на своемъ.

— У насъ, говорилъ онъ,—если эмиръ-сайбъ кого любитъ и хочетъ его почтить, то дѣлаетъ ему подарокъ—деньгами, если у него въ данный моментъ есть деньги, или,—что однако рѣже,—разными вещами. Теперь же эмиръ-сайбъ ничѣмъ не можетъ отдарить миссію, кромѣ этой ничтожной суммы денегъ.

Генералъ продолжалъ отказываться, говоря, что у русскихъ нѣтъ обычая принимать подарокъ деньгами.

— Наконецъ, настаивалъ Везиръ,—англичане, когда эмиръ-сайбъ былъ у нихъ въ гостяхъ, въ Индіи, тоже дали подарокъ эмиру деньгами, или—главнымъ образомъ деньгами.

Но начальникъ миссіи продолжалъ упорно отказываться. Онъ

увѣрялъ, что въ Россіи на принятіе такого подарка посмотрятъ не хорошо, что миссіи никакихъ подарковъ не нужно и т. п.

Везиръ, однако, стоялъ на своемъ.

— То, что прислалъ эмиръ-сапбъ я даже не смѣю и назвать подаркомъ, говорилъ онъ.—Это есть ничто иное, какъ «плодовыя деньги». Кажется, и въ Европѣ существуетъ обычай давать иностраннымъ посламъ деньги на нѣкоторые расходы. Отчего же русское посольство не хочетъ взять денегъ отъ моего государя? А я знаю, что, отказавшись отъ принятія этой бездѣлицы [1]), вы очень огорчите эмира-сапба, и онъ, навѣрное, будетъ себя считать обиженнымъ.

Тогда начальникъ миссіи рѣшился, наконецъ, принять этотъ, совсѣмъ не желательный для насъ, подарокъ, и тутъ же выразилъ мысль—пожертвовать эти деньги въ пользу туземныхъ благотворительныхъ заведеній.—Я думаю, однако, что при исполненіи этого намѣренія генералъ встрѣтился бы съ не меньшими трудностями, чѣмъ и при совершенномъ отказѣ отъ принятія денегъ, ибо хотя въ Авганистанѣ существуютъ министерства, есть школы, почта, даже типографія, но никакихъ благотворительныхъ заведеній еще не завелось на этой дѣвственной (въ смыслѣ цивилизаціи) почвѣ.

Въ продолженіи нѣсколькихъ дней эти 11 мѣшечковъ лежали въ одной изъ стѣнныхъ нишъ, какъ бы въ пренебреженіи, но потомъ онѣ были все таки прибраны куда слѣдуетъ, а потомъ употреблены на дѣло, не имѣвшее ничего общаго съ благотворительностью.

Вскорѣ мы узнали, что эмиръ получаетъ изъ Индіи ежедневныя и еженедѣльныя англійскія газеты. Такъ какъ мы совсѣмъ не получали русскихъ газетъ, то это была единственная возможность узнать что дѣлается на свѣтѣ. Поэтому г. Малевинскій выразилъ генералу желаніе воспользоваться англійскими газетами, получаемыми эмиромъ. Генералъ передалъ это желаніе Везиру, и черезъ день-два мы получили нѣсколько №№ газеты, издававшейся въ городѣ Аллахъ-абадѣ. Эта газета имѣла заглавіе «The tribune of India». №№ газеты были отъ десятыхъ чиселъ іюля мѣсяца. Изъ этой газеты мы узнали, между прочимъ, о томъ, что англичане зорко слѣдили за путешествіемъ рус-

---

[1]) 11,000 рупій на наши деньги составляютъ по курсу отъ 8,000 до 9,000 рублей.

ской миссіи въ Кабулъ. Послѣднія извѣстія объ этомъ, помѣщенныя въ газетѣ, сообщали о переходѣ миссіи черезъ Аму-Дарью. Въ передовой статьѣ довольно легкомысленно высказывалась увѣренность, что русскимъ не удастся подвинуться далѣе Мазари-Шерифа, что эмиръ Ширъ-Али-ханъ не приметъ миссіи въ Кабулѣ и т. п. Въ газетѣ сообщалось также извѣстіе о смерти генералъ-губернатора авганскаго Туркестана, Сердаря Ширъ-Диль-хана, который названъ былъ «однимъ изъ самыхъ преданныхъ друзей и слугъ эмира».

Изъ этой же газеты мы узнали и о конвенціи, заключенной между Англіей и Турціей, результатомъ которой былъ захватъ англичанами, или, вѣрнѣе, лордомъ Биконсфильдомъ острова Кипра. О Берлинскомъ конгрессѣ въ газетѣ говорилось, какъ и слѣдовало, конечно, ожидать, какъ объ одномъ изъ самыхъ славныхъ дѣяній англійскаго премьера. Засѣданія конгресса были уже совсѣмъ закончены. О снаряженіи въ Авганистанъ своего посольства газета не обмолвилась ни однимъ словомъ.—Какъ на курьезъ, укажу на то, что въ газетѣ начальникъ русской миссіи былъ названъ генераломъ Абрамовымъ, губернаторомъ Самарканда. Нужно замѣтить, что генералъ Абрамовъ уже 2 года передъ поѣздкой миссіи оставилъ Самаркандъ, и управлялъ въ данное время Ферганской областью. Видѣть подобную ошибку, долгое время упорно повторяемую англійскою газетою довольно странно, такъ какъ точность англичанъ извѣстна, да и слѣдили они за миссіей очень пристально, шагъ за шагомъ.

Газеты недурно скрасили наше однообразное сидѣнье изо дня въ день, въ четырехъ стѣнахъ помѣщенія.

3-го августа я имѣлъ почти первую въ Кабулѣ медицинскую практику, очень важную, но увы!—и очень печальную.

Около 4-хъ часовъ пополудни начальникъ миссіи позвалъ меня къ себѣ и приказалъ мнѣ поскорѣе собраться въ путь. При этомъ онъ мнѣ объявилъ, что младшій сынъ эмира, его наслѣдный принцъ, Абдулла-Джанъ, внезапно и очень серьезно заболѣлъ. Вслѣдствіе этого эмиръ обратился къ начальнику миссіи за помощью врача миссіи,—и вотъ я теперь долженъ былъ отправиться къ заболѣвшему принцу.

Взявъ съ собой походную аптечку, обоихъ переводчиковъ и фельдшера, я отправился по назначенію.

Предполагая, что принцъ живетъ въ домѣ эмира, я не велѣлъ сѣдлать лошадей; поэтому мы отправились въ путь пѣшкомъ. Оказалось, однако, что принцъ жилъ въ другомъ домѣ, совершенно отдѣльномъ отъ помѣщенія его отца, находящемся почти въ центрѣ города. Такимъ образомъ мнѣ пришлось пройти городомъ по крайней мѣрѣ на протяженіи версты.

Сначала нашъ путь лежалъ черезъ садъ эмира. Изъ него мы прошли западными воротами и вышли совсѣмъ изъ нижняго Бала-Хиссара. За воротами находится обширная площадь, казавшаяся въ это время очень пустынною. Затѣмъ, съ площади, все въ западномъ направленіи, мы шли около $^1/_4$ часа по довольно многолюдной улицѣ, обсаженной по обѣимъ сторонамъ рѣдкими плодовыми деревьями. Здѣсь было много лавокъ, въ которыхъ толпилось много народа. Я не замѣтилъ ни одного хотя бы малѣйшаго признака недоброжелательства со стороны народа, ни одного косаго взгляда, брошеннаго на насъ, европейцевъ; на лицѣ всѣхъ жителей, встрѣчавшихся съ нами, было написано простое любопытство. Нѣкоторые изъ жителей отдавали по военному честь шедшему рядомъ со мною Везиру.

Затѣмъ мы остановились у воротъ, пробитыхъ въ глиняной стѣнѣ, запертыхъ изнутри. Везиръ постучалъ въ ворота, сказалъ нѣсколько словъ привратнику—и ворота отворились. Часть авганскаго конвоя, сопровождавшаго насъ, осталась на улицѣ, у воротъ, а остальная часть вошла вмѣстѣ съ нами во дворъ.

Дворъ представлялъ правильный небольшой четырехугольникъ, обнесенный со всѣхъ сторонъ стѣнами изъ битой глины. У стѣнъ я замѣтилъ нѣсколько, на глухо закрытыхъ покрывалами, паланкиновъ. Около этихъ паланкиновъ толпилась прислуга.—Мы прошли черезъ узкую калитку въ задней стѣнѣ двора и очутились на небольшой площадкѣ, съ которой каменная лѣстница привела насъ въ небольшой павильонъ; этотъ павильонъ, саженъ 7-ми въ длину и саженъ 5-ти въ ширину, былъ выстроенъ на высокомъ фундаментѣ. Онъ былъ снабженъ настоящими европейскими окнами, очень большими, со стеклами. Внутренность павильона, однако, далеко не соотвѣтствовала его наружности. Мебели не было и слѣда. Въ глубинѣ комнаты—такъ какъ павильонъ состоялъ только изъ одной комнаты — виднѣлась

группа людей, окружавшая кровать. На этой кровати лежалъ больной принцъ, которому я долженъ былъ оказать помощь.

Это былъ юноша 16-ти лѣтъ, какъ мнѣ сообщили окружавшіе его люди, но имѣвшій видъ еще почти ребенка, худощавый, слабый. Онъ лежалъ на постели, голову его поддерживалъ одинъ тучный, съ пытливымъ взглядомъ, человѣкъ, какъ оказалось потомъ, туземный придворный врачъ эмира, «ахунъ». Глаза больного были закрыты и онъ тяжело и шумно дышалъ и слабо стоналъ.

Прежде всего я обратился къ окружающимъ больнаго съ разспросами объ его болѣзни. На мои вопросы: «что съ больнымъ? давно ли онъ боленъ», и проч..—я получилъ въ отвѣтъ, что онъ боленъ уже 2 сутки, что заболѣлъ сердцебіеніемъ, находясь въ Кохистанѣ, что принца уже больнаго привезли изъ горъ въ Кабулъ, и дали ему нѣкоторыя средства и т. д. Послѣ этого я приступилъ къ объективному изслѣдованію больного.

Мое изслѣдованіе дало слѣдующіе результаты. Дыхательные шумы были нечисты, шумны, какъ бы жестки. Тоны сердца едва различались и сопровождались шумами. Толчекъ сердца былъ довольно силенъ и притомъ такого характера, который называютъ спеціальнымъ терминомъ: «диффузный». Пульсъ былъ очень слабъ, около 100 ударовъ въ 1′. Животъ былъ очень болѣзненъ при давленіи; даже не очень сильное давленіе вызывало у больнаго болѣзненные стоны; онъ сильно былъ вздутъ отъ метеоризма. Въ нижней части живота при перкуссіи замѣчался тупой тонъ. Больной находился въ безсознательномъ состояніи и иногда бредилъ. Температуру тѣла невозможно было измѣрить термометромъ, но на ощупь она была повышена.

Этихъ признаковъ для меня было достаточно, чтобы увидать, что центръ тяжести болѣзни былъ совсѣмъ не въ «сердцебіеніи», на которое указывали туземные врачи, какъ на главный симптомъ болѣзни,—а въ пораженіи полости живота. Очевидно было также, что не только слизистая оболочка кишекъ была заинтересована въ болѣзненномъ процессѣ, но въ высокой степени было вѣроятно, что и серозная не была нормальна, т. е. дѣло въ данномъ случаѣ шло о воспаленіи брюшины. Установивъ такой діагнозъ, я конечно сдѣлалъ все то, что вѣроятно сдѣлалъ бы и всякій врачъ на моемъ мѣстѣ. Внутрь я назначилъ препараты опія съ синильной кислотой; снаружи—ледъ. Кровопзлеченія

мѣстнаго нельзя было сдѣлать, такъ какъ піявокъ достать не было возможности.—Пробывъ около 2-хъ часовъ у постели больного, я долженъ былъ отправиться назадъ для доклада начальнику миссіи о положеніи больнаго. Къ концу моего визита принцу стало немного лучше. Возвращались тѣмъ же путемъ.

Пришедши домой, я объявилъ генералу Столѣтову о крайне опасномъ положеніи больнаго.

Около 7 часовъ вечера я опять долженъ былъ отправиться къ своему больному. Въ это время отъ него пришелъ посланный съ извѣстіемъ, что принцъ, успокоившійся было во время моего присутствія, опять сталъ себя чувствовать хуже.

Пріѣхавъ въ домъ принца (на этотъ разъ мы отправились уже верхомъ), я осмотрѣлъ рвоту больнаго, въ которой нашелъ совершенно непереваренные кусочки плодовъ, сѣмена и зерна. Когда я спросилъ, чѣмъ кормили больного, то получилъ отвѣтъ, что ему незадолго до моего прихода и безъ моего вѣдома дали абрикосоваго варенья.

Въ общемъ больной представлялъ почти такой же видъ, какъ и при первомъ посѣщеніи. Теперь я пробылъ здѣсь часовъ до 10. Принцъ повидимому опять успокоился, и я, имѣя приказаніе начальника посольства—не оставаться на ночь въ павильонѣ, долженъ былъ возвратиться въ помѣщеніе миссіи. Возвращеніе состоялось при факельномъ освѣщеніи, ибо въ Кабулѣ никакого уличнаго освѣщенія не существуетъ.—Несчастному принцу не суждено было видѣть утро слѣдующаго дня. Онъ умеръ почти на моихъ рукахъ, когда я въ третій разъ, въ 12 часовъ ночи, опять ѣздилъ къ нему.

На слѣдующій день генералъ опять былъ у эмира. Онъ выразилъ эмиру свое соболѣзнованіе по поводу его невозвратной потери. Несмотря на то, что Ширъ-Али-ханъ потерялъ своего наслѣдника, онъ оказался очень мужественнымъ и, по видимому, съ твердостью перенесъ это очень тяжкое для него несчастіе. «Ну, что же?—Богъ далъ—Богъ и взялъ»,—повторялъ онъ извѣстную библейскую фразу.

О похоронахъ принца мы ничего почти не слыхали, т. е. слышали только то, что онъ былъ похороненъ очень скромно, тихо, почти тайкомъ.

Послѣ этого событія проэктъ авгано-русской конвенціи былъ

измѣненъ въ тѣхъ пунктахъ, которые касались порядка авганскаго престолонаслѣдія. Вмѣсто параграфа: «императорское русское правительство признаетъ Абдулла-Джана наслѣдникомъ престола Авганскаго»—было написано, что русское правительство признаетъ наслѣдникомъ того, кого захочетъ объявить эмиръ Ширъ-Али-ханъ.

Вскорѣ послѣ этого эмиръ получилъ отъ англо-индійскаго правительства извѣщеніе о путешествіи англійскаго посольства въ Кабулъ. Англійскія власти просили эмира принять ихъ посольство «по обычаямъ гостепріимства, какъ это долженъ сдѣлать добрый сосѣдъ Индіи».

Извѣстіе это упало какъ снѣгъ на голову. Эмиръ, послѣ размолвки съ англичанами въ 1876 г., совсѣмъ не ожидалъ никакого посольства съ ихъ стороны. Понятно, что при данныхъ обстоятельствахъ онъ не желалъ принять посольство въ Кабулѣ, да и вообще не желалъ имѣть никакихъ сношеній съ англо-индійскими властями.—Отвѣтъ эмира извѣстенъ. Онъ однако отказалъ не прямо; предлогомъ для отказа послужилъ трауръ по сынѣ. Но англичане не поддались на эту удочку и продолжали энергично настаивать на пріемѣ своего посольства Кабулѣ.

Послѣ этого эмиръ прямо уже высказалъ невозможность принятія англійскаго посольства въ Кабулѣ [1]).

Пока генералъ Столѣтовъ договарился съ авганскимъ правительствомъ, остальные члены миссіи безвыходно сидѣли въ четырехъ стѣнахъ своего дворца и думали свои невеселыя думы. Ни шагу дальше воротъ своего четырехугольника! А между тѣмъ сидѣть было очень скучно; да и зачѣмъ нужно было сидѣть? Вѣдь насъ, русскихъ, авганцы—не только верховная власть, но и самый народъ—приняли очень хорошо. Слѣдовательно, намъ нечего было опасаться пресловутой ненависти авганъ къ европейцамъ, такъ прославленнаго англійскими писателями авганскаго фанатизма. Къ тому же англичане

---

[1]) Нужно однако, замѣтить, что эмиръ Ширъ-Али-ханъ прежде своего окончательнаго отвѣта на сообщеніе англо-индійскаго правительства обратился за совѣтомъ къ генералу Столѣтову, спрашивая—какъ ему поступить въ данномъ случаѣ. Генералъ Столѣтовъ посовѣтовалъ эмиру не принимать въ Кабулѣ англійскаго посольства.

въ данномъ случаѣ, говоря о ненависти авганъ къ «европейцамъ», умышленно, или неумышленно, впали въ простую грамматическую ошибку. Имъ нужно было говорить о ненависти авганъ къ «англичанамъ», а не «европейцамъ», ибо 1) англичане—не всѣ европейцы; 2) авганцы до прибытія русскаго посольства въ Кабулъ, другихъ европейцевъ, кромѣ англичанъ, не видали. Вольно же было англичанамъ, такъ сказать, воспитать въ авганцахъ чувство ненависти къ «фиринджисамъ» (европейцамъ-англичанамъ). Вѣдь показанія Эльфинстона, Бёрнса и нѣкоторыхъ другихъ англійскихъ авторовъ ясно говорятъ, что вначалѣ знакомства съ англичанами авганцы не питали къ нимъ никакого непріязненнаго чувства. Эта ненависть появилась только послѣ военнаго похода ставленника Англіи, эмира Шаха-Шуджи, въ 1838—9 гг.; а окончательно выросла эта ненависть послѣ катастрофы 1841 года, катастрофы, вызванной скороспѣлыми англійскими администраторами, начавшими распоряжаться Кабуломъ и авганскимъ государствомъ по своему произволу. Эта ненависть еще болѣе закрѣпилась въ авганцахъ безсмысленнымъ, неимѣющимъ никакого оправданія, реваншемъ 1842 г.—реваншемъ, въ которомъ англичане сравнялись—если только не превзошли—съ древними вандалами.

Причинъ возникновенія ненависти авганъ къ англичанамъ, какъ видитъ читатель, накопилось не мало. Не даромъ слово «инглизъ» (англичанинъ) стало у авганъ браннымъ, позорнымъ словомъ.

Прошлое русскихъ по отношенію къ авганцамъ совершенно иное. Здѣсь не было никакихъ кровавыхъ счетовъ. Русскіе были всегда въ почетѣ у авганъ. Даже русская церковь уважалась авганами, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ англичанинъ же, докторъ Джерардъ [1]). До сихъ поръ авганцы знали о русскихъ только одно хорошее; знали, что Россія—великое и славное государство, что русскій народъ великодушенъ, добръ и снисходителенъ даже къ побѣжденнымъ, иновѣрнымъ и иноплеменнымъ народамъ. Вѣдь русскій Туркестанъ слишкомъ близко находится отъ Авганистана, а благосостояніе покоренныхъ нами туземцевъ, упрочившееся со времени занятія ханствъ Россіей—слишкомъ явственно, чтобы это не бросалось въ глаза каж-

[1]) Journal of the Asiatic Society of Bengal. Vol. II.

дому среднеазіатцу, и чтобы объ этомъ не узнали во всѣхъ, даже самыхъ глухихъ захолустьяхъ Средней Азіи, а тѣмъ болѣе въ Авганистанѣ.

Ergo—не только ненависти, но даже и простаго нерасположенія авганцы не могли имѣть по отношенію къ намъ, русскимъ. Спрашивается теперь, зачѣмъ же нужно было сидѣть въ четырехъ стѣнахъ нашего дворца? подвергать себя добровольному заключенію?

Чтобы дать оправданіе этому сидѣнью, генералъ приводилъ слѣдующія причины.

— Эмиръ неоднократно говорилъ мнѣ, сообщалъ онъ, что «вѣроятно очень много англійскихъ шпіоновъ и агентовъ гнѣздится теперь въ Кабулѣ и вообще въ Авганистанѣ. Понятно, что для англичанъ было бы очень пріятно, если бы съ русскою миссіей произошелъ какой либо скандалъ. А на этотъ скандалъ всегда рѣшатся означенные шпіоны и агенты, которымъ англичане очень хорошо платятъ. Нанесенное этими агентами оскорбленіе русской миссіи набросило бы тѣнь на дружескія отношенія Россіи къ Авганистану; а я слишкомъ дорожу завязавшимися дружескими сношеніями съ Россіей». Вотъ поэтому-то онъ и совѣтовалъ миссіи быть, по отношенію къ населенію, какъ можно осторожнѣе.

Очень можетъ быть, что опасенія эмира были основательны. Я не буду вдаваться въ критику по поводу этихъ завѣреній, такъ какъ послѣдующія событія, изложенныя во 2-мъ томѣ моихъ записокъ, сами наведутъ читателя на надлежащую критику.

Между тѣмъ ко мнѣ начали обращаться за врачебною помощью туземные больные. Иногда происходили при этомъ порядочные курьезы со мной и съ моими пацiентами. Курьезы эти обусловливались отчасти моимъ недостаточнымъ еще знаніемъ туземнаго языка. Переводчики же миссіи дѣйствовали, въ данномъ случаѣ, нельзя сказать, чтобъ удовлетворительно. Предоставляю читателю судить объ этомъ по слѣдующему факту.—Разъ какъ то пришелъ ко мнѣ одинъ туземецъ. По разспросамъ больнаго, веденнымъ мною черезъ переводчика, оказалось, что онъ боленъ ревматизмомъ спинныхъ и поясничныхъ мышцъ. Я сейчасъ же сдѣлалъ распоряженіе, чтобы фельдшеръ намазалъ больныя части тѣла іодной настойкой. Фельдшеръ добросовѣстно испол-

нилъ свое дѣло. По окончаніи операціи, однако, разъяснилось, что не онъ, туземецъ, боленъ, а *его мать*, оставшаяся дома...

Случаи, когда здоровые приходили за совѣтами для своихъ больныхъ родственниковъ или знакомыхъ, находившихся дома, были не рѣдки. Понятно, что почти всѣ такіе больные остались безъ пособія, такъ какъ заочно лечить никакой врачъ, уважающій и себя и свою науку, не станетъ.

Я бы охотно въ этихъ случаяхъ отправился къ больнымъ на домъ, чтобы помочь имъ по мѣрѣ своего знанія и своихъ средствъ. Но политическое veto простиралось и на дѣла милосердія. — Мнѣ очень хотѣлось также осмотрѣть туземную аптеку, которая, какъ мнѣ передавали, довольно хорошо устроена и совсѣмъ не выглядитъ простой москотильной лавкой,—хотѣлось, но... я умолкаю.

Болѣзни, какія мнѣ довелось здѣсь наблюдать, были слѣдующія: лихорадки, ревматизмъ, катарры слизистыхъ оболочекъ, соединительной оболочки глаза, функціональныя нервныя болѣзни (невралгіи, одинъ случай эпилепсіи), кожныя болѣзни (экземы). Вообще же матеріалъ былъ не очень богатый. Большаго, впрочемъ, и собрать было некогда. Въ Кабулѣ я пробылъ всего 12 дней.

8-го августа, послѣ обѣда, начальникъ миссіи намъ объявилъ, что бы мы приготовились къ прогулкѣ въ сады эмира. Понятно, что предложеніе это было принято нами чуть не съ восторгомъ. Вѣдь это первая прогулка по Кабулу! Бёрнсъ и Мессонъ такъ хвалятъ сады эмира. Но сады эти расположены за городомъ. Значитъ, придется проѣхать черезъ весь городъ. Можетъ быть поѣдемъ базаромъ? Да это будетъ превосходно!

Впереди, однако, насъ ожидало горькое разочарованіе. Мы отправились пѣшкомъ. Кто былъ въ китель, кто въ сюртукѣ; генералъ былъ въ мундирѣ и при орденахъ. То обстоятельство, что мы отправлялись пѣшкомъ, само по себѣ уже являлось дурнымъ предзнаменованіемъ. Если наша прогулка имѣла своею цѣлью сады эмира, то надо было ѣхать верхомъ, такъ какъ разстояніе отъ Бала-Хиссара до садовъ довольно значительно.

Мы сдѣлали сотню другую шаговъ отъ нашего «дворца» и остановились передъ запертыми воротами уже знакомаго намъ помѣщенія эмира. Ворота сейчасъ же отворились и мы, съ Везиромъ во главѣ

и Мосинъ-ханомъ въ хвостѣ, вступили въ уже знакомый намъ чахлый садикъ, въ которомъ находился дворецъ Ширъ-Али-хана.

Мы остановились у бассейна; сюда тотчасъ же вынесли изъ покоевъ эмира нѣсколько креселъ и стульевъ. Прошло нѣсколько времени—и затѣмъ выяснилось, что далѣе этого садика мы никуда не пойдемъ, что это и есть прогулка въ сады эмира.

Везиръ вскорѣ собралъ чаю; на скатерти, постланной прямо на землѣ, появились фрукты и конфекты. Всѣ мы думали, что къ намъ выйдетъ эмиръ и проведетъ съ нами вечеръ; но эмиръ не удостоилъ насъ своимъ появленіемъ.

Вскорѣ у дессерта остались только Везиръ, да генералъ съ полковникомъ. Остальные члены разсѣялись по разнымъ угламъ незатѣйливаго сада.

Этотъ садъ блисталъ почти полнымъ отсутствіемъ плодовыхъ деревьевъ. Нѣсколько абрикосовыхъ, персиковыхъ, да грушевыхъ деревьевъ—вотъ и все. Къ этому нужно присоединить двѣ барбарисовыя аллеи и небольшой, полузасохшій виноградникъ. Виноградныя лозы видимо росли безъ всякаго ухода со стороны человѣка. Прежде этотъ виноградникъ былъ, вѣроятно, очень могучъ, ибо и теперь еще уцѣлѣли сухіе пни виноградныхъ лозъ до 1 фута въ діаметрѣ. Плодовъ на виноградныхъ лозахъ не было совсѣмъ. Персиковъ тоже не было, абрикосы плохіе, а груша, правда, была очень вкусна, но на деревьяхъ было очень мало плодовъ.—Мосинъ-ханъ объяснилъ намъ, что груша эта, называется «самаркандской», и здѣсь, въ Кабулѣ, считается лучшею [1]).

Затѣмъ въ саду росли два, три вида огородныхъ растеній, овощей; этимъ мы и исчерпаемъ все ботаническое содержимое сада. Изъ овощей здѣсь росли огурцы двухъ сортовъ, обыкновенные и гигантскіе, достигавшіе до $1^1/_2$ аршинъ въ длину, загнутые на подобіе спирали или кольца. Они, впрочемъ, и замѣчательны только своей величиной; вкусъ ихъ ниже всякой критики. Рядомъ съ огурцами росли дыни и арбузы, но они были здѣсь еще не зрѣлы. Значительная

[1]) Вотъ, что говоритъ о кабульскихъ грушахъ Бёрнсъ: «мы сѣли (въ Кабулѣ) подъ одно грушевое дерево, вывезенное изъ Самарканда и славящееся во всемъ здѣшнемъ краѣ...» „Путешествіе въ Бухару“ Т. II стр, 223.

часть земли была занята подъ посѣвы баклажановъ, овоща очень любимаго авганами и употребляемаго ими для маринадовъ. Безъ соуса изъ баклажанъ необходится почти ни одно блюдо жаркаго авганской кухни. Эти овощи въ данное время тоже еще были не зрѣлы.

Затѣмъ слѣдуетъ этнографическая часть описанія сада. Но тутъ я имѣю только единственный предметъ для описанія,—это аппаратъ, при помощи котораго производится орошеніе сада. Для читателя, знакомаго съ Средней Азіей или, покрайней мѣрѣ, со степями Россіи, я просто назову этотъ аппаратъ «чигири»—и это слово будетъ для него понятно безъ всякаго объясненія. Для читателя же совсѣмъ незнакомаго съ этимъ названіемъ, я опишу его настолько точно, насколько съумѣю.

Представьте себѣ безконечный ремень (или веревку), перекинутый черезъ валъ, или колесо,—обыкновенное колесо, которымъ у насъ выкачиваютъ воду изъ колодцевъ. Вотъ именно такая веревка была опущена въ довольно глубокій колодезь. Вмѣсто «бадій» или водочерпательныхъ ведеръ, какъ это дѣлается у насъ въ Россіи, къ веревкѣ прикрѣпленъ былъ цѣлый рядъ глиняныхъ кувшиновъ. Эти кувшины расположены другъ отъ друга на извѣстномъ разстояніи и прикрѣплены къ канату подъ извѣстнымъ угломъ. Въ колодцѣ эти кувшины наполняются водой и затѣмъ, наполненные, они выносятся посредствомъ вращенія колеса до высоты желоба, въ который кувшины и выливаютъ свою воду. Вода же выливается изъ нихъ потому, что въ то время какъ кувшины поднимутся нѣсколько выше уровня желоба, они переходятъ на другую сторону колеса, опрокидываются и начинаютъ спускаться обратно въ колодезь. Изъ желоба вода проводится въ оросительныя канавки и бассейны, и вообще куда нужно. Теперь прибавьте ко всему этому шестерню, которая вращаетъ колесо—вотъ и все устройство водокачальной машины. Шестерню приводилъ въ движеніе, съ помощью простаго рычага, оселъ. Старикъ-садовникъ, таджикъ, наблюдалъ за работой четвероногаго работника.

Часовъ около 7-ми вечера мы возвратились изъ сада въ свое помѣщеніе.

Въ этотъ же день мы получили почту изъ Ташкента. Генералъ Кауфманнъ между прочимъ сообщалъ генералу Столѣтову, что отъ военнаго министра получена телеграмма, въ которой туркестанскому

начальству предписывалось не дѣлать наступательныхъ движеній отрядами, собранными на Алаѣ, въ Джамѣ и въ Петро-Александровскѣ. Далѣе генералъ-губернаторъ сообщалъ, что ожидается приказъ о расформированіи отрядовъ и о возвращеніи частей войскъ на ихъ зимнія квартиры.

Относительно политическихъ событій въ Европѣ генералъ-губернаторъ писалъ, что имъ получена частная телеграмма, въ которой сообщается, что Батумъ на Берлинскомъ конгресѣ присужденъ Россіи, но за то Англія заняла островъ Кипръ [1]), Черногорія остается въ прежнихъ границахъ (?). О Болгаріи и Сербіи въ телеграммѣ ничего не говорилось. Далѣе генералъ-губернаторъ извинялся, что не послалъ съ почтой газетъ для миссіи, но по его словамъ это произошло отъ того, что и въ Ташкентѣ всѣ они сидѣли безъ газетъ, вслѣдствіе порчи почтоваго тракта на линіи Сыръ-Дарьи. Эта порча была обусловлена обычными лѣтними разливами этой рѣки.

На слѣдующій день нач. миссіи отправился къ эмиру въ сопровожденіи г. Малевинскаго. У эмира Малевинскій встрѣтилъ нѣкоего казія, Абдель-Кадера (который потомъ игралъ очень важную роль при дворѣ Ширъ-Али-хана). Этотъ казій, выходецъ изъ Пешавера, нѣсколько лѣтъ тому назадъ находился на службѣ остъ-индскаго правительства. Но потомъ онъ почему-то—этотъ темный вопросъ такъ и остался невыясненнымъ и впослѣдствіи—оставилъ англійскую службу и, подозрѣвая посягательство англичанъ на свою свободу, какъ онъ самъ говорилъ,—удалился изъ Индіи въ Кабулъ, и вотъ уже въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ жилъ при дворѣ эмира. Этотъ казій отлично говорилъ по англійски; онъ обыкновенно велъ англійскую корреспонденцію эмира, читалъ ему получаемыя въ Кабулѣ англійскія газеты и вообще, кажется, пользовался полнымъ довѣріемъ эмира.

Естественно, что Малевинскій и казій вдоволь наговорились на птичьемъ языкѣ островитянъ. Но тутъ произошли нѣкоторые курьезы, которые я считаю не лишнимъ передать. Разговоръ зашелъ, между прочимъ, о томъ—какіе народы живутъ въ Россіи вообще и въ киргизской степи въ частности? Малевинскій почему-то спросилъ генерала, какъ ему, Малевинскому, отвѣтить на вопросъ: кто живетъ по казалин-

[1]) Что мы знали уже изъ англо-индѣйскихъ газетъ.

скому почтовому тракту? Генералъ же, въ свою очередь, почему-то счелъ нужнымъ отвѣтить, что здѣсь живутъ только русскіе.—«Что же они христіане или нѣтъ», допрашивалъ казій?—Отвѣтъ, продиктованный опять генераломъ, былъ утвердительный. Эмиръ, получивъ такой отвѣтъ, удивился и снова черезъ казія спросилъ: давно-ли сдѣлались киргизы христіанами?—Тутъ на Малевинскаго, а также и на генерала нашло нѣкоторое смущеніе при подобномъ вопросѣ, ибо вѣдь, нѣтъ почти ни одного киргиза, принявшаго православіе, не говоря уже о томъ, что даже и православный киргизъ, все же остается киргизомъ, а не дѣлается моментально русскимъ. Я указываю на этотъ мелкій эпизодъ единственно потому, что впослѣдствіи читатель нѣсколько разъ встрѣтится съ подобными же qui pro quo, но имѣвшими несравненно болѣе важное значеніе, чѣмъ это.

Мнѣ, да и другимъ членамъ миссіи, очень хотѣлось ознакомиться съ предметами туземной торговли. Бёрнсъ съ такой похвалой отзывается о здѣшнихъ базарахъ, о вѣчно суетящейся на нихъ разношерстной толпѣ продавцевъ и покупателей [1]).

Онъ въ своей книгѣ «Кабулъ» даетъ подробный перечень товаровъ, ввозимыхъ въ Кабулъ изъ Индіи и изъ Россіи [2]). Интересно было провѣрить данныя Бёрнса. Не менѣе интересно было познакомиться и съ произведеніями индійской, а также и кашемирской мануфактуры. Знаменитыя кашемировыя шали здѣсь, какъ мы слышали, продавались по сравнительно дешевой цѣнѣ.

Конечно нельзя было отправиться съ этою цѣлію на базаръ, такъ какъ объ этомъ и рѣчи не могло быть по причинамъ, читателю уже извѣстнымъ. Зато Везиръ обѣщалъ устроить миніатюрный базаръ въ самомъ нашемъ дворцѣ.

9-го августа нѣсколько авганскихъ купцовъ принесли на дворъ нашего «глинянаго квадрата» кучи разнаго товара—и чрезъ нѣсколько минутъ устроился маленькій базаръ. Купцы были всѣ кровные авганцы. Съ ними пришли Везиръ и Кемнабъ, Магометъ-Хассанъ-ханъ.

Прежде всего купцы разложили на столахъ пачки кашемировыхъ

---

[1]) «Путешествіе въ Бухару»; стр. 215 и слѣдующая.

[2]) «Кабулъ», стр. 340.

шалей; ихъ было здѣсь нѣсколько сортовъ. Описывать ихъ мнѣ, думаю, не приходится, такъ какъ шали эти слишкомъ хорошо извѣстны европейцамъ, то подъ собственнымъ именемъ, то подъ именемъ «турецкихъ» шалей. Нѣкоторыя изъ нихъ были очень тонкаго рисунка, но все же особенно выдающихся между ними по тонкости ткани было мало. Такихъ баснословно тонкихъ шалей, которыя, по народной молвѣ, укладываются чуть-ли не въ наперстокъ, здѣсь, конечно, не было. Стоимость одной шали простиралась отъ 150 до 400 рупій.

Генералъ купилъ 6 шалей разнаго сорта.

Затѣмъ слѣдовали индійскія парчи и атласныя матеріи. Цѣнность ихъ колебалась отъ 5 до 50 рупій за аршинъ (переводя на нашу мѣру).—Генералъ купилъ нѣсколько кусковъ и этихъ матерій. Затѣмъ слѣдовали: индійская кисея, индійскія шалевыя чалмы, бархатъ (англійскій).—Генералъ купилъ нѣкоторое количество и этихъ матерій.—Послѣ этого купцы принесли туземныя, кабульскія произведенія: шубы, полушубки, туфли и др. мелочь. Шубы кабульскія заслуживаютъ полнаго вниманія. Онѣ сдѣланы изъ бараньихъ овчинъ. Дубка этихъ овчинъ весьма изящна и выдержитъ какую угодно критику. Мездра овчины до такой степени хорошо выдѣлана, что имѣетъ нѣжность перчаточной замши. Шерсть овчинъ прямая, длинная, шелковистая. По мездрѣ шелками расшиты очень затѣйливые узоры. Кромѣ того на ней нашиты фестоны изъ кожи, представляющіе цвѣты, фрукты и т. п. Покрой шубы—покрой средне-азіатскаго халата; рукава такъ длинны, что почти достигаютъ нижняго края шубы. Такая шуба стоитъ здѣсь отъ 25 до 40 рупій. Полушубки сдѣланы изъ тѣхъ же овчинъ, но только они значительно короче шубъ. Генералъ купилъ нѣсколько шубъ, а также и туфель, которыя, кстати сказать, богато расшиты золотомъ.

Послѣ этого въ комнаты, гдѣ былъ устроенъ этотъ импровизированный базаръ, внесены были принадлежности верховой ѣзды: сѣдла, уздечки, попоны. Сѣдла и уздечки всѣ были англійской работы. Стоимость сѣдла 120—175 рупій за штуку.

Вотъ, однако, и всѣ предметы нашего базара. За всѣ купленныя вещи генералъ заплатилъ довольно порядочную сумму денегъ. Нѣ-

сколько мѣшковъ съ рупіями, изъ числа 11 тысячъ, подаренныхъ эмиромъ, перешло въ жилистыя руки авганскихъ купцовъ.

Всѣ купленныя вещи предназначались, по заявленію генерала, для Ташкентскаго музея, въ качествѣ образцовъ торговли въ Авганистанѣ.

Миссія вскорѣ опять начала болѣть лихорадками. Особенно болѣли Замаанбекъ и Назировъ. Два казака тоже лежали пластомъ, съ 40° темпер. Пришлось опять усердно угощать хининомъ и больныхъ, и здоровыхъ. Генералъ, напримѣръ, завелъ для себя обычай принимать по 5 гранъ хинина въ водкѣ, передъ обѣдомъ и ужиномъ ежедневно.

ГЛАВА X.

Возвращеніе ген. Столѣтова изъ Кабула.

Неожиданный сюрпризъ.—Авганскій военный министръ.—Выѣздъ изъ Кабула.—Краткая исторія г. Кабула.—Двадцать дней пути отъ Кабула до Самарканда.—Снова на берегу Аму.—«Безъ вины виноватые».—Въ Шахрисябзѣ.—Послѣдняя ночь пути.—Прибытіе въ Самаркандъ перваго авганскаго посольства.—Пріемъ, оказанный ему въ Самаркандѣ и Ташкентѣ.—Отъѣздъ генерала Столѣтова въ Ливадію.—Остальная часть миссіи получаетъ приказаніе остаться въ Кабулѣ на неопредѣленное время.—Краткій общій взглядъ на Бамьянскій путь.—Цифры маршрута.

Отъѣздъ изъ Кабула начальника миссіи состоялся 11-го августа. Онъ былъ внезапенъ и потому нѣсколько страненъ. Еще наканунѣ этого дня я, да и всѣ другіе члены пос., ничего не знали объ этомъ отъѣздѣ и думали, что онъ состоится, какъ было предположено прежде, не раньше 18—20-го августа. А между тѣмъ это событіе случилось 11-го августа при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

10-го августа генералъ пришелъ отъ эмира съ Сердаремъ Довчаханомъ, военнымъ министромъ Авганистана. Этотъ Сердарь былъ человѣкъ громаднаго роста, съ суровыми чертами лица. Ему самое большее можно было дать лѣтъ 45, а его атлетическое тѣлосложеніе не оставляло и тѣни сомнѣнія въ его могучей силѣ и желѣзномъ здоровьѣ.

Когда онъ вошелъ въ пріемную комнату, которая обыкновенно служила сборнымъ пунктомъ всѣхъ членовъ миссіи, то слуга внесъ за нимъ кальянъ съ длиннѣйшимъ чубукомъ, завитымъ въ безконечное число колецъ. Самый кальянъ, впрочемъ, не былъ внесенъ, а оставленъ былъ въ сосѣдней комнатѣ, изъ которой и былъ протянутъ чубукъ. Это былъ настоящій турецкій кальянъ, еще впервые видѣн-

ный мною въ Авганистанѣ. Обыкновенно туземцы, какъ авганцы, такъ и узбеки, и таджики—употребляютъ кальянъ мѣстной, весьма несложной конструкціи. Тыквяный резервуаръ для воды, простая глиняная горѣлка, иногда съ желѣзною сѣткой, накладывающейся поверхъ табаку и углей, камышевый чубукъ въ 2—3 фута длины—вотъ и все устройство такого кальяна («чилима»).

Министръ просидѣлъ у насъ часа 2, и во все это время кальянъ почти постоянно посылалъ къ намъ изъ сосѣдней комнаты свои клокочущіе и хрипящіе звуки. Однако Сердарь изъ каждой порціи табаку, наложенной въ кальянъ, дѣлалъ одну, двѣ, затяжки, не болѣе; послѣ чего табакъ закладывался новый.

Когда министръ послѣ первыхъ привѣтствій заговорилъ о томъ, скоро ли генералъ Столѣтовъ вернется въ Кабулъ, и кого беретъ съ собой въ Ташкентъ, то мы, остальные члены миссіи, сначала ничего не понимали—такъ новъ для насъ былъ этотъ разговоръ. Обратившись ко мнѣ, министръ спросилъ:

— Ѣдетъ ли докторъ-сагибъ вмѣстѣ съ генераломъ, или остается въ Кабулѣ?

Я положительно не зналъ, что ему отвѣтить на этотъ вопросъ, и за меня отвѣтилъ самъ генералъ, сказавъ, что «это разъяснится потомъ».—Затѣмъ, обратившись къ полковнику и остальнымъ членамъ миссіи, министръ просилъ ихъ не скучать, обѣщалъ имъ отъ имени эмира разнообразныя развлеченія, поѣздки и прогулки по городу и окрестностямъ, смотры авганскихъ войскъ и проч. Мы сидѣли положительно столбами, неудомѣвая, что все это означаетъ.

Только по уходѣ Сердаря генералъ намъ объявилъ, что онъ экстренно ѣдетъ въ Ташкентъ, что онъ еще не рѣшилъ, кого возметъ съ собой и кого оставитъ въ Кабулѣ, что оставшаяся часть миссіи пробудетъ въ Кабулѣ недѣли двѣ или три, что онъ, генералъ Столѣтовъ, вынужденъ особенными обстоятельствами выѣхать изъ Кабула такъ экстренно и думаетъ совершить переѣздъ до Самарканда въ 12, или самое большее, въ 14 дней; ѣдетъ же онъ одинъ потому, что желаетъ выиграть во времени, такъ какъ вся миссія, со всѣми вьюками, ѣхать быстро не можетъ. Затѣмъ онъ объявилъ, что эмиръ независимо отъ нѣсколькихъ авганскихъ сановниковъ, которые ѣдутъ съ нимъ, генераломъ, намѣренъ снарядить большое посольство въ

Ташкентъ, что въ этомъ посольствѣ будетъ находиться даже «часть его самаго», какъ выразился эмиръ Ширъ-Али-ханъ, т. е. любимый его внукъ, сынъ Магометъ-Али-хана.

— Остальные члены миссіи остаются въ Кабулѣ единственно затѣмъ, продолжалъ генералъ,—чтобы подождать сформированія этого посольства, такъ какъ въ настоящее время оно не готово, да и вообще требуетъ извѣстнаго времени для своего снаряженія. Для встрѣчи этого посольства я, вѣроятно, выѣду изъ Ташкента на Аму-Дарью или въ Ташъ-Курганъ. Впрочемъ, это будетъ зависѣть отъ обстоятельствъ; можетъ быть и не выѣду.

Послѣ этого, пригласивъ съ собою полковника Разгонова, генералъ отправился въ отдѣльное помѣщеніе. Они тамъ бесѣдовали вдвоемъ около получаса времени. Затѣмъ полковникъ вышелъ и объявилъ мнѣ, что генералъ проситъ меня къ себѣ.

Когда я вошелъ въ комнату, то генералъ сначала спросилъ о моемъ здоровьѣ. Поблагодаривъ генерала за любезность, я объявилъ, что въ настоящее время, повидимому, совсѣмъ освободился отъ лихорадки и чувствую себя вполнѣ здоровымъ.

Затѣмъ генералъ спросилъ, могу ли я вынести такую экстренную поѣздку, если бы онъ взялъ меня съ собою въ Ташкентъ?

— Тутъ уже нельзя будетъ и думать о дневкахъ или отдыхахъ; нужно будетъ ѣхать каждый день верстъ по 60 или 70,—прибавилъ онъ.

Я отвѣчалъ, что не могу поручиться за то, что не заболѣю во время пути, хотя въ настоящее время и чувствую себя вполнѣ здоровымъ.

— А вы хотѣли бы отправиться въ Ташкентъ? спросилъ онъ.

Я отвѣчалъ, что въ Ташкентъ я не отказался бы поѣхать.

Послѣ этого генералъ, выразивъ опять опасеніе, какъ бы я не заболѣлъ въ дорогѣ, приказалъ мнѣ, однако, готовиться въ путь. Онъ предполагалъ, что мы выѣдемъ изъ Кабула въ тотъ же день, вечеромъ. Съ нами должны были отправиться 10 казаковъ и нѣсколько джигитовъ. Всѣ остальные члены миссіи оставались въ Кабулѣ.

Генералъ приказалъ мнѣ не брать съ собой ни вьюковъ, ни вообще другихъ какихъ-либо тяжестей. Поэтому всю свою движимость я оставилъ въ Кабулѣ, взявъ съ собой только немного бѣлья, да са-

мую необходимую одежду. Съ своимъ имуществомъ я оставилъ въ Кабулѣ также и своего деньщика.

Въ продолженіи этого дня Везиръ нѣсколько разъ приходилъ къ генералу съ порученіями отъ эмира и затѣмъ уходилъ обратно.

Къ вечеру, однако, мы не успѣли выѣхать изъ города. Но за то раннее утро слѣдующаго дня застало насъ уже внѣ стѣнъ Бала-Хиссара. Съ нами въ Ташкентъ ѣхали: Кемнабъ Магометъ-Хассанъ-ханъ; два авганскихъ кернеля (полковника), адъютантъ эмира, Гуламъ-Гайдеръ-ханъ и еще нѣсколько другихъ авганцевъ. Почти до половины пути между Кабуломъ и Каля-и-Казы насъ сопровождали военный министръ Довча-ханъ и Везиръ. Далѣе, до Аму насъ долженъ былъ сопровождать неизмѣнный и неустанный Мосинъ-ханъ.

И такъ—я опять въ дорогѣ; впереди опять путь, экстренный, трудный; позади—Кабулъ, этотъ завѣтный для насъ, русскихъ, городъ,—городъ, въ которомъ до пріѣзда настоящаго посольства было всего два-три русскихъ человѣка, за все время его существованія. Бросимъ же бѣглый взглядъ на историческую панораму этого города.

Кабулъ очень древній городъ. Древностью своею онъ не уступитъ Балху и Бамьяну, а можетъ быть и Вавилону, Ниневіи и другимъ городамъ древняго міра, давно уже исчезнувшимъ съ лица земли.

Съ именемъ этого города связаны сказанія и мифы древней Персіи и Сеистана. Такъ, преданіе гласитъ, что Кабулъ въ числѣ многихъ другихъ городовъ, былъ подвластенъ Рустему, и что мать этого сказочнаго иранскаго героя, красавица Рудабе, была дочерью кабульскаго царя Миграбъ-шаха, Таджика изъ колѣна Зоххака [1]). Здѣсь же, въ Кабулѣ, Рустемъ находитъ свой печальный конецъ, вслѣдствіе коварства мѣстнаго владѣтеля.

Греческая мифологія также не обошла этого города своимъ вниманіемъ. Городъ Никея, какъ назывался Кабулъ у грековъ, знаменитъ былъ вслѣдствіе того обстоятельства, что здѣсь Вакхъ одержалъ двойную побѣду: надъ нимфой Астакіею и надъ

---

[1]) «Кабулистанъ и Кафиристанъ», стр. 726.

индѣйцами. Вслѣдствіе этого городъ назывался также Астакіею въ первомъ случаѣ, и Индофономъ—во второмъ [1]).

Парсійскія и Индійскія сказанія также не оставили безъ вниманія этого города. Такъ въ Зендъ-Авестѣ говорится, что седьмая страна, созданная Ормуздомъ, была Ваэкерета [2]), а эта страна отожествляется съ нынѣшнимъ Кабулистаномъ [3]); слово же «Дужакъ» (жилище Дужаковъ) пріурочивается къ странѣ Зоххака, т. е. къ Кабулу [4]). Въ Ведахъ упоминается о рѣкѣ Kubha, т. е. о Кофенѣ Сюань-Цаня, нынѣшней Кабульской рѣкѣ [5]).

Исторія этого города до походовъ Александра Македонскаго—темна. Но и у историковъ Александра мы ничего почти не читаемъ о немъ; по крайней мѣрѣ имя «Кабулъ» у нихъ не встрѣчается. Можно только предполагать, что ихъ Никея соотвѣтствуетъ нынѣшнему Кабулу [6]).

Греческіе географы перваго столѣтія нашей эры называютъ Кабулъ то Кабурою, какъ напр., Птоломей, то Ортоспаною, какъ напр., Страбонъ: «..... потомъ другая дорога», читаемъ мы у послѣдняго, «идетъ (изъ Аріи въ Индію) прямо черезъ Бактріану въ Ортоспаны, перекрестка трехъ дорогъ изъ Бактріи у Паропамисадовъ» [7]).

Послѣ распаденія монархіи Александра, въ ряду образовавшихся въ центральной Азіи греческихъ государствъ Кабулъ, вѣроятно, игралъ не послѣднюю роль. Несомнѣнно, что онъ въ теченіи извѣстнаго времени находился въ зависимости отъ, такъ называемаго, Греко-Бактрійскаго царства. Трудно предполагать, чтобы владѣтели Бактріи въ своихъ походахъ на Индію миновали это «перепутье» (τρίοδος, какъ называется Кабулъ у Страбона)—и не захотѣли бы присоединить къ той «тысячѣ городовъ» [8]), которую они завоевали у Индѣйцевъ, и Кабулъ. Но въ продолженіи извѣстнаго времени Кабулистанъ пользо-

---

[1]) Cunningham. The ancient geography of India, стр. 36, London, 1871 г.

[2]) Zend-Avesta, trad. par Aketil du Perron. vol. I p. 267.

[3]) «Кабулистанъ и Кафиристанъ» стр. 726; Cunningham. l. cit.

[4]) «Кабулист. и Кафирист. стр. 726; также: Cunningham. «The ancient geography of India». стр. 38.

[5]) The ancient geography of India, стр. 37.

[6]) Cunningham, l. cit. стр. 36.

[7]) Географія Страбона, пер. Мищенка, кн. XV, гл. II, § 8.

[8]) Географія Страбона, кн. XV, гл. I. § 3.

вался совершенною самостоятельностію. Послѣднимъ греческимъ царемъ Кабула считается Гермей. Около 105 г. до Р. Хр. его царствомъ овладѣваетъ скифскій царь Кадфизъ [1]). Съ этихъ поръ Кабулъ сдѣлался столицею Индо-Скифскаго государства.

Еще гораздо ранѣе этого переворота въ Кабулистанъ проникло ученіе Будды. Но самымъ усерднымъ распространителемъ этого религіознаго ученія явился самый знаменитый и могущественный скифскій государь Кабула, Канишка, жившій въ началѣ перваго вѣка нашей эры [2]). Буддисты-паломники китайскіе, Фа-сянь и Сюань-Цань, не могутъ достаточно восхвалить усердіе этого царя къ буддизму.

Въ 1-мъ вѣкѣ по Р. Хр. о Кабулѣ упоминаютъ и китайскіе источники подъ именемъ Гао-фу [3]). Въ половинѣ 7-го столѣтія Кабулистанъ и гор. Кабулъ былъ посѣщенъ китайскимъ путешественникомъ Сюань-Цанемъ. Въ его время Кабулистанъ былъ раздѣленъ на множество небольшихъ самостоятельныхъ владѣній. Вся страна была переполнена буддійскими монастырями и топами (надгробными памятниками буддійскихъ святыхъ, особенно самого Будды). Съ этого времени страна считалась подвластною китайцамъ; подчиненіе это было, однако, только номинальное.

Въ концѣ 7-го столѣтія арабы въ своемъ завоевательномъ шествіи на востокъ проникли и въ Кабулистанъ. Абдуррахманъ, сынъ Самры, дошелъ до самаго Кабула и овладѣлъ этимъ городомъ послѣ мѣсячной осады. Кабульскій царь вызвалъ подкрѣпленія изъ Индіи и прогналъ мусульманъ назадъ. Тѣмъ не менѣе, онъ не могъ устоять противъ новой арабской арміи и долженъ былъ заключить миръ съ условіемъ—уплачивать мусульманамъ 1 милліонъ диремъ ежегодно [4]).

Въ 699 г. арабы снова вторглись въ Кабулистанъ, подъ предводительствомъ Абдуллаха, сына Абу-бекра. Но этотъ походъ окончился неудачей. Войска кабульскаго царя Рентеля окружили арабовъ и, доведя ихъ до крайности, вслѣдствіе голода, выпустили подъ условіемъ уплаты военной контрибуціи въ 700,000 диремовъ [5]).

---

[1]) «Кабулистанъ и Кафиристанъ». стр. 776.

[2]) Тамъ же стр. 788.

[3]) Тамъ же, стр. 783.

[4]) Reinaud, Mémoire sur l'Inde; p. 178.

[5]) Ayeen Akbery, vol. II, p. 184.

Но уже въ слѣдующемъ году (700) Абдуррахманъ, сынъ Ашефса, снова заставилъ кабульскаго раджу платить дань арабамъ. Окончательное покореніе Кабула приписывается Хоросанскому намѣстнику Якубу, сыну Лейты. Это произошло въ 871 г. по Р. Хр. [1]). Съ этого времени цари кабульскіе перенесли свою столицу къ востоку отъ Инда [2]).

По Альбируни, въ началѣ 10-го вѣка прекратилась тюркская (т. е. скифская) династія царей Кабулистана. Послѣдній владѣтель этой династіи, по имени Лактуземанъ, былъ свергнутъ съ престола своимъ визиремъ Калларомъ. Этотъ визирь и началъ собою новую династію раджей кабульскихъ, уже не тюркскаго, а индѣйскаго происхожденія. Тюркскіе цари Кабула исповѣдывали Буддизмъ, между тѣмъ какъ новая династія стала вводить въ странѣ Брахманизмъ [3]). Послѣднимъ царемъ Кабула изъ этой династіи былъ Джая-Пала, который обладалъ тономъ до 977 г., т. е. до того времени, когда Себуктегинъ образовалъ уже сильную Газнійскую монархію.

Арабскіе географы 10-го вѣка въ одинъ голосъ говорятъ о томъ, что Кабулъ въ то время процвѣталъ и оказывалъ большое вліяніе на сосѣднія страны. Арабы владѣли имъ скорѣе номинально, чѣмъ на самомъ дѣлѣ. Масса населенія оставалась еще «невѣрною». Истахри говоритъ, что «городъ (былъ) занятъ мусульманами; предмѣстья же—невѣрными индійцами» [4]). Но даже и не весь городъ былъ занятъ мусульманами, а только цитадель.—Ибнъ-Хаукалъ именно такъ и говоритъ: «замокъ находится въ рукахъ мусульманъ, городъ же принадлежитъ невѣрнымъ индійцамъ» [5]).

«Туземцы думаютъ», продолжаетъ онъ, «что царь ихъ не пользуется дѣйствительною властію до тѣхъ поръ, пока не будетъ признанъ въ Кабулѣ. А такъ какъ столица находится далеко отъ этого города, то цари, при каждой смѣнѣ царствованія, должны пріѣзжать въ Кабулъ, чтобы быть признанными въ этомъ достоинствѣ, и это

---

[1]) Mémoire sur l'Inde, p. 209.

[2]) Тамъ же, стр. 244—247.

[3]) Mémoire sur l'Inde, p. 210—11.

[4]) Al-Estakhry. Liber climatum, übersetzt von Mordtmann, стр. 120.

[5]) Oriental geography, translated by O eley p. 226.

дѣлается согласно обычаямъ, установленнымъ еще въ очень древнее время» [1]).

Кабулъ, по показанію того-же автора, былъ въ то время великимъ сборищемъ для индѣйскихъ купцовъ. «Онъ представляетъ собою перепутье» (на пути изъ Пенджаба въ Хоросанъ) [2]). «Если вѣрить купцамъ,—читаемъ мы у него далѣе,—то здѣсь каждый годъ продается индиго на 2 милліона динаровъ, сверхъ того, что оставляетъ у себя Альпъ-Тегинъ (только что, въ это время, обосновавшійся въ Газнѣ). Но судя потому что я видѣлъ своими глазами—эта торговля не такъ обширна, вслѣдствіе безпорядковъ, которые здѣсь произошли вслѣдъ за вторженіями Альпъ-Тегина, а также и вслѣдствіе недовѣрія, которое существуетъ между нимъ и сосѣдними владѣтелями» [3]).

Въ 979 году Кабулъ вошелъ въ составъ Газнійскаго государства. Газневидскіе султаны владѣли имъ до половины 12 вѣка, когда Гоуриды окончательно сокрушили Газну, давно, впрочемъ, уже обезсиленную частыми нападеніями сельджукскихъ турокъ.

Но еще и въ это время Кабулъ далеко не утратилъ своего значенія, какъ древней столицы. Моральное значеніе его для сосѣднихъ странъ подтверждается Едризи, арабскимъ писателемъ половины 12 столѣтія по Р. Хр.

«Кабулъ—одинъ изъ большихъ городовъ Индіи», говоритъ Эдризи, «онъ окруженъ стѣнами, внутри находится крѣпкая цитадель, а извнѣ—разныя предмѣстья. Цари пользуются вполнѣ своею властію только тогда, когда они будутъ признаны въ Кабулѣ. Если же они живутъ въ другомъ городѣ, то обязаны непремѣнно пріѣхать въ Кабулъ, чтобы быть облеченными царскою властію» [4]). Тоже самое онъ повторяетъ и въ другихъ мѣстахъ книги [5]).

Отъ князей Гоура Кабулъ перешелъ къ владѣтелямъ Харезма, (Хивы), а отъ этихъ послѣднихъ—къ монголамъ. Чингизъ-Ханъ былъ здѣсь въ 1221 г., преслѣдуя храбраго, но несчастнаго султана Джелалъ-уд-Дина.

---

[1]) «Mémoire sur l'Inde», p. 244—5.

[2]) Замѣчательно, какъ въ этомъ мѣстѣ арабскій авторъ повторяетъ, почти дословно, фразу о Кабулѣ Страбона (τρίοδος—перекрестъ 3-хъ дорогъ).

[3]) Тамъ же.

[4]) Géographie d'Edrisi vol II, p. 459.

[5]) Тамъ же, стр. 182.

Послѣ этого Кабулъ снизошелъ на степень обыкновенной деревушки. Вотъ что говоритъ о немъ едва-ли не величайшій арабскій путешественникъ Ибнъ-Батута, бывшій здѣсь въ первой половинѣ 14-го столѣтія.

«Мы отправились потомъ (изъ Газни) въ Кабулъ; прежде это былъ очень знаменитый городъ; теперь же это не болѣе какъ деревня, обитаемая племенемъ персидскаго происхожденія, которое называютъ Авганами» [1]).

Затѣмъ, въ 80-хъ годахъ 14-го столѣтія, другой монгольскій сокрушитель Азіи, Тамерланъ, былъ въ Кабулѣ также проходомъ въ Индію. Съ этого времени для Кабула улыбнулась пора возстановленія изъ праха. Тимуридъ Улугъ-Мирза, получившій въ свой удѣлъ Кабулъ, много заботился объ его благосостояніи. Султанъ Баберъ въ своихъ «Мемуарахъ» упоминаетъ о нѣкоторыхъ постройкахъ своего дяди, украсившихъ городъ.

Но несомнѣнно еще болѣе заботился о процвѣтаніи этого города самъ Баберъ Мирза, овладѣвшій имъ въ 1504 г. Баберъ, влюбленный въ городъ, воспѣвшій его въ стихахъ и въ прозѣ, восхвалившій его климатъ выше всѣхъ извѣстныхъ ему тогда странъ, жилъ въ Кабулѣ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ. Здѣсь онъ царственныя заботы перемѣшивалъ съ занятіями изящными искуствами и интимными пирушками въ шахъ-кабульскомъ замкѣ. Истый магометанинъ, онъ, тѣмъ не менѣе, вполнѣ цѣнилъ качество хорошаго кабульскаго вина. Конечно это его перу принадлежитъ извѣстное двустишіе:

«Пей вино въ Кабульскомъ замкѣ и немедли передавать чашу.

«Здѣсь все есть: горы и море (озеро), городъ и обширная долина» [2]),—

хотя онъ, вѣроятно изъ скромности, и приписываетъ это произведеніе муллѣ Магоммедъ Му-амман.

---

[1]) „Voyages d'Ibn Batoutah", trad. par Defrémery et D-r Sanguinetti, vol. III. p. 89.

[2]) Baber Mirza. Mémoires, traduits par Pavet de Courteille. Paris 1871 г. т. I, стр. 280.

Какъ бы то ни было, хотя «климатъ Кабула восхитителенъ и нѣтъ другой страны въ мірѣ, которая могла бы сравняться съ нимъ въ этомъ отношеніи» [1]), Баберъ оставилъ его, чтобы отправиться за новыми побѣдными лаврами въ Индію. 10-го мая 1526 года онъ провозгласилъ себя императоромъ Индіи и сдѣлался основателемъ династіи Великихъ Моголовъ. Извѣстно, что эта династія существовала до 1857 года.

Кабулъ составлялъ, послѣ этого, часть имперіи Моголовъ. Въ 1670 г., онъ думалъ было начать самостоятельное существованіе, отложился отъ имперіи Моголовъ, но ему оказалось не по силамъ бороться съ могущественнымъ императоромъ Ауренгзебомъ и въ 1675 г. онъ снова вошелъ въ число областей Индійской имперіи.

Въ 1738 году Кабулъ былъ разрушенъ Надиръ-Шахомъ, который по справедливости можетъ быть названъ правнукомъ Чингиза по ремеслу и призванію—опустошать огнемъ и мечемъ все, встрѣчавшееся ему на пути.

Приближалось однако время, когда Кабулъ долженъ былъ воспрянуть изъ праха и развалинъ.—Послѣ смерти Надиръ-Шаха (1747 год.) глава первенствующаго авганскаго племени Садоззаевъ, Ахмедъ-Шахъ, явился настоящимъ собирателемъ авганской земли. Основанная имъ Дуранійская монархія обнимала собою почти тѣже земли, какъ и монархія Махмуда Газневидскаго. Его владѣнія простирались отъ Мешеда до Джеганабада и Мультана, и отъ Мерва и Балха до Келата [2]).

Сынъ его, Тимуръ-Шахъ, унаслѣдовалъ отъ отца всѣ его владѣнія. Кабулъ при немъ былъ сдѣланъ столицею имперіи и украсился многими изящными общественными постройками.

Но недолго держалась единая авганская монархія. Уже въ самомъ началѣ 19-го столѣтія она распалась на части. Тѣмъ не менѣе, Кабулъ не потерялъ своего значенія. Напротивъ,—тотъ, кто завладѣвалъ имъ первый—считался правителемъ и всего Авганистана.

Въ 1826 году въ Кабулѣ утвердился Достъ-Магомедъ-ханъ, который впослѣдствіи опять соединилъ распавшіяся части авганскаго

[1]) Baber Mirza, l. cit. стр. 283.

[2]) Mir-Abdoul-Kerim Boukhari. Histoire de l'Asie centrale, traduite, publiée et annotée par Schefer. 1876 г. стр. 16—17.

государства. Однако восточныя провинціи такъ и остались въ рукахъ сейковъ, а отъ нихъ перешли къ англичанамъ. Въ 1863 году Достъ-Магометъ-ханъ, принявшій и усвоившій новый титулъ «эмира»,— померъ. Въ продолженіи 5-ти лѣтъ Кабулъ переходилъ изъ рукъ въ руки спорящихъ за власть партій. Три брата и одинъ племянникъ оспаривали другъ у друга власть: Афзаль-ханъ и Азимъ-ханъ, какъ старшіе братья Ширъ-Али-хана, не хотѣли ему подчиниться. Ихъ поддерживалъ талантливый сынъ Афзаль-хана, Абдуррахманъ-ханъ [1]).

Въ 1868 году въ Кабулѣ окончательно утвердился эмиръ Ширъ-Али-ханъ.

Если мы обратимся къ исторіи путешествій европейцевъ, въ разныя времена посѣтившихъ Кабулъ, то увидимъ, что до настоящаго столѣтія въ этомъ городѣ европейцевъ почти совсѣмъ не было. Едва ли не первыми, по времени, европейцами здѣсь были члены русскаго посольства, посланнаго при царѣ Алексѣѣ Михаиловичѣ въ Бухару, въ 1675 году. Глава этого посольства Василій Даудовъ изъ Бухары возвратился назадъ въ Москву. Но толмачъ посольства Махметъ Юсупъ Касимовъ и подъячій Иванъ Шапкинъ имѣли порученіе ѣхать съ грамотой и подарками къ Индѣйскому Шаху. Вотъ что доносилъ Касимовъ о своей поѣздкѣ и пребываніи въ гор. Кабулѣ.

«Во 183 годы пріѣхалъ онъ Маметъ въ индѣйскій городъ Кабылъ. И того де города воевода Мекреметъ-ханъ писалъ въ Ана-Батъ городъ [2]) къ воеводѣ Азей-хану о пріѣздѣ ево Маметевѣ, и чтобы онъ Азей-ханъ писалъ къ шахову величеству объ немъ Маметѣ объ указѣ. И Азей-ханъ де писалъ къ нему Мекреметъ-хану, что шахово величество съ великимъ государемъ въ дружбѣ и въ любительныхъ ссылкахъ быть не похотѣлъ и ево де Мемета Исупа къ себѣ отпустить не указалъ, для того, что изъ давнихъ лѣтъ Россійскаго государства къ шахову величеству пословъ и посланниковъ не бывало и нынѣ де быть не велѣлъ, и ѣхалъ бы онъ Маметъ Исупъ изъ того города вонъ назадъ.

«И Маметъ Исупъ того Кабыла города воеводѣ говорилъ многожды по наказу, что посланъ онъ отъ великаго государя къ Индѣйскому

---

[1]) Нынѣшній эмиръ Авганистана.

[2]) То есть Жеганъ-абадъ или Делги.

шаху съ ево государевою грамотою, о ихъ обоихъ государскихъ надобныхъ дѣлехъ съ любительны поминки, и чтобы онъ воевода къ шаху его отпустилъ. И стоялъ при томъ онъ Маметъ Исупъ и отговаривался по наказу. И воевода Мекреметъ Маметъ Исупу сказалъ: шахъ де ево къ себѣ пропустить не указалъ и государевой грамоты принять и впускать не изволилъ, для того что у него шаха издавна до прародителя ихъ до Темиръ-Аксака и до нынѣшняго времени отъ нѣколикихъ сотъ лѣтъ Россійскаго государства пословъ и посланниковъ въ Индѣйское государство не было, потому что Россійское государство съ Индѣйскимъ въ дальнемъ разстояніи и ссоръ никакихъ прежде сего не бывало и нынѣ нѣтъ; и знатно де великій государь къ Индѣйскому шаху присылаетъ посланниковъ для богатства, а не для какихъ дѣлъ иныхъ. Да и вѣра русская иная и имъ басурманамъ съ христіяны въ дружбѣ де быть неприлично, а въ прошломъ де во 167 годѣ приходилъ въ Индѣйскую землю русской посланникъ, Сенкою зовутъ, родиною Жидовинъ; и пришедъ въ индѣйской городъ Кабылъ билъ челомъ шаху, чтобы ево пожаловалъ въ службу и учинилъ начальнымъ человѣкомъ. И шахъ де ево пожаловалъ, въ службѣ ему у себя быть велѣлъ и учинилъ ево у пяти сотъ головою, и жалованіе де ему учинилъ большое. И буде онъ Маметъ Исупъ похочетъ служить шаху, и ево де шахъ также пожалуетъ; а что де онъ объявилъ у себя любительные отъ великаго государя къ шаху поминки, и шахъ де тѣ поминки торговымъ людямъ, которые бываютъ въ Персидѣ и на Руси, велитъ оцѣнить, и по цѣнѣ деньги ему Маметъ Исупу заплатитъ. А больше де того ему иного указу не будетъ.

«И Маметъ Исупъ говорилъ, что онъ государевъ вѣрноподданный и присланъ къ шаху о ихъ государскихъ общихъ надобныхъ дѣлѣхъ, а шаху служить не будетъ. А Сенка де Жидовинъ своровалъ, забылъ страхъ Божій и ево великаго государя милость, ему великому государю измѣнилъ, назвался посланникомъ, а онъ Сенька—торговаго человѣка Шемахинца садовникъ купленой человѣкъ, и пріѣхалъ изъ Астарахани для торговаго дѣла съ торговыми людьми въ Бухары, а изъ Бухаръ въ Индію, и назвался посланникомъ, и то онъ Сенька своровалъ, его великаго государя съ Индѣйскимъ шахомъ ссорилъ, и для того чаетъ шахъ, что будто и онъ Маметъ Исупъ также облы-

гается, а онъ де подлинно присланъ отъ великаго государя, а не облыжно.

«И какъ де онъ Маметъ былъ въ Кабылѣ и кабылской де воевода во все ево житье государеву казну и ево товаръ запечаталъ въ полатахъ, и оттого де великаго государя казнѣ многая учинилась посуха и заказъ былъ, что никому той казны и товаровъ не покупать. А какъ распечатали, и таможенный голова съ цѣловальники, оцѣня тое казну малою цѣною, побралъ къ себѣ и по той оцѣнкѣ прислалъ деньги и съ тѣхъ денегъ взялъ пошлину, а ево Маметъ Исупа, бранилъ, а говорилъ—привезъ де онъ къ шаху подарковъ немного и то самое обычное, у нихъ де и холопи такихъ худыхъ соболей не носятъ, потому что по вся годы торговые люди приводятъ къ нимъ соболи и юфти добрые, также и сукна и зеркала нѣмецкіе привозятъ къ нимъ изъ Нѣмецъ добрые и покупаютъ дешевою цѣною. Да и пріѣхалъ де онъ изъ такова далекаго государства малолютствомъ. И присланъ онъ Маметъ Исупъ изъ того Кабыла вонъ, не бывъ у шаха» [1]).

Въ январѣ 1677 г. Касимовъ былъ уже въ Москвѣ.

Но это не было первое посольство русское, снаряженное въ далекую «Индѣю». При царѣ же Алексѣѣ Михайловичѣ, за 28 лѣтъ еще до поѣздки Касимова въ Кабулъ, въ Индію было снаряжено русское посольство.

«У Россійскихъ государей», читаемъ мы у Мальгина [2]), «за дальнимъ разстояніемъ ссылокъ не было, а въ 1648 г. царь Алексѣй Михайловичъ съ Индѣйскимъ шахомъ для разсмотрѣнія государства его и торговыхъ промысловъ изволилъ было учинить ссылку, но въ то время не совершено потому, что у индѣйскаго царя Шагадора [3]) съ Кизильбашскимъ или Персидскимъ Шахомъ Аббасомъ (II) о городѣ Какшагарѣ [4]) была война» [5]).

---

[1]) Минаевъ, И. Свѣдѣнія о стран. по верхов. Аму-Дарьи, стр. 223—4—5.

[2]) Мальгинъ Тимофей. «Чиновникъ Россійскихъ государей». Спб. 1792 г.

[3]) То есть Шахъ Джегана.

[4]) То есть Кандахарѣ.

[5]) Грамота къ Индѣйскому шаху «по богословіи, полномъ царскомъ именованіи и титлѣ» имѣла слѣдующее заглавіе:

«Брату нашему великому государю, высокопрестольному Шахджеганову величеству, Индѣйскому и всея Восточные страны повелителю».

Такимъ образомъ сношенія Россіи съ Кабуломъ начались гораздо ранѣе, чѣмъ сношенія западно-европейскихъ государствъ. Въ то время, когда Европа знала Кабулъ только по слухамъ—въ этомъ городѣ уже были русскіе люди, русское посольство.

Въ 1783 году Кабульскою долиной проѣхалъ первый западно-европеецъ, Дж. Форстеръ.

Затѣмъ англійская миссія, съ Эльфинстономъ во главѣ, была въ Кабулѣ въ 1809 году.

Въ 1823 году Муркрофтъ провелъ въ Кабулѣ нѣсколько тревожныхъ дней.

Въ 1832 году извѣстный путешественникъ Бёрнсъ прибылъ сюда въ качествѣ агента остъ-индскаго правительства, привезъ эмиру Достъ-Магомету подарки и пользовался въ продолженіи нѣсколькихъ дней гостепріимствомъ эмира. Отсюда онъ предпринялъ свое путешествіе въ Бухару и черезъ Туркменію,—путешествіе, сдѣлавшее его имя столь же знаменитымъ среди европейцевъ, какъ и его позднѣйшая политическая и административная дѣятельность въ Кабулѣ—столь же ненавистнымъ для авганъ.

Затѣмъ, въ десять лѣтъ времени, съ 1832 по 1842 годъ, въ Кабулѣ было довольно много европейцевъ, преимущественно англичанъ.

41 и 42-й года нынѣшняго столѣтія были для Кабула особенно памятны по двумъ катастрофамъ: англійской и авганской. Причиною первой катастрофы, въ которой погибла 20-ти тысячная англійская армія, было національное чувство авганъ, любовь къ свободѣ, протестъ туземцевъ противъ всепоглощающаго захвата «краснаго мундира». Хурдъ-Кабульское ущелье имѣетъ тоже значеніе для авганъ, какъ и Саламинъ для древнихъ грековъ, то же, что для насъ, русскихъ, значитъ Москва 1812 года.

Напротивъ, вторая катастрофа, постигшая городъ Кабулъ, была дѣломъ дикой мести, дѣломъ, имѣвшимъ громкое названіе «возстановнія» будто бы «народной чести». Въ этомъ «возстановленіи» англичане сравнялись съ дикарями, которые руководятся въ своихъ дѣйствіяхъ единственно необузданными инстинктами. И надъ кѣмъ они произво-

---

Грамота была писана русскимъ письмомъ; шахово наименованіе писано все золотомъ.—«Чиновн. Росс. госуд.».

дили экзекуцію? Надъ войсками, которые разбили ихъ за годъ передъ тѣмъ въ Хурдъ-Кабульскомъ ущельѣ?—Нѣтъ, экзекуція была произведена надъ безоружнымъ и беззащитнымъ народомъ! нѣтъ, экзекуція была произведена надъ опустѣвшими зданіями и базарами! Городъ былъ разрушенъ, и побѣдители, гордые успѣшнымъ выполненіемъ *возстановленія военной чести Англіи*, поспѣшили убраться обратно за Индъ [1]). Дѣло, достойное Чингизъ-Хана, теперь приноситъ свои плоды. Англичанинъ, такъ кичащійся своею цивилизаціею, здѣсь, въ Авганистанѣ, глубоко презирается. Я уже говорилъ выше, что самое имя «инглизъ», англичанинъ—составляетъ здѣсь бранное слово.

Въ 1837—8-мъ годахъ здѣсь былъ опять русскій человѣкъ, поручикъ Виткевичъ.

Съ тѣхъ поръ (т. е. съ 1842 г.) до прибытія русской миссіи въ Кабулѣ не было не только ни одного русскаго человѣка, но и ни одного европейца.

Послѣ 20-ти-верстнаго перехода мы остановились для завтрака въ селеніи Кафиръ-Кала. Выѣздъ изъ Кабула былъ такъ поспѣшенъ, что даже Кемнабъ, снискавшій уваженіе миссіи своею распорядительностью,—на этотъ разъ ничего не могъ заготовить для надлежащаго отдыха. Однако, онъ все же быстро досталъ легкую закуску, ковры—и мы отлично отдохнули подъ открытымъ небомъ, въ тѣни тополей, среди зеленаго газона.

Вечеромъ этого дня мы достигли селенія Коти-Ашру, гдѣ и ночевали. Здѣсь явились уже и палатки, и съѣстные припасы въ достаточномъ количествѣ. Кемнабъ успѣлъ уже все дѣло устроить, какъ слѣдуетъ. Не успѣлъ онъ только собрать достаточнаго конвоя для нашего сопровожденія. Поэтому генералъ назначилъ на ночь два караульныхъ казачьихъ поста. Ефрейторъ, одинъ на 10 человѣкъ казаковъ, бывшихъ съ нами, долженъ былъ не спать всю ночь. Дѣлая

---

[1]) Событія 1879 и 1880 гг. имѣвшія мѣсто въ томъ же Кабулѣ, такъ похожи на событія 1841 и 1842 г., что нельзя достаточно не удивляться: тотъ же взрывъ народнаго негодованія противъ притѣснителей-англичанъ—и таже дикая месть надъ беззащитнымъ, мирнымъ населеніемъ Кабула со стороны англійскихъ войскъ.

это распоряженіе, генералъ спросилъ: не одинъ ли онъ, ефрейторъ, на весь конвой?—Получивъ утвердительный отвѣтъ, онъ сказалъ: «все-таки не спи ночью».

До наступленія ночи казаки наслаждались тѣнью своихъ палатокъ. Когда же темный покровъ ночи спустился на землю, то генералъ велѣлъ палатки казаковъ разобрать, а самимъ имъ лечь кругомъ той палатки, въ которой помѣщался онъ самъ, а равно и я.—Я не думаю, чтобы покровъ ночи былъ также удобопримѣнимъ и въ прозѣ жизни, какъ въ поэтическихъ вольностяхъ. Въ данномъ случаѣ покровъ ночи долженъ былъ сослужить для казаковъ роль покрова палатокъ. Ночь была очень свѣжая—и результаты подобнаго распоряженія не замедлили сказаться. На слѣдующій день два казака заболѣли ревматизмомъ.

12-го августа мы проѣхали разстояніе между Коти-Ашру и Юртомъ. Въ Сэръ-Чешмэ мы завтракали. Въ Юртѣ, или собственно по близости отъ него, мы ночевали. На ночь казаки опять были лишены своихъ палатокъ. Я предложилъ было генералу снабдить казаковъ кошмами для подстилки подъ себя, такъ какъ было и сыро и холодно,—и не лишать ихъ палатокъ на ночь. Но на этотъ совѣтъ генералъ посмотрѣлъ какъ на протестъ и нарушеніе дисциплины съ моей стороны,—и я долженъ былъ выслушать отъ него очень жесткій выговоръ.

Когда утромъ слѣдующаго дня я вышелъ изъ палатки, то увидалъ казаковъ, лежащихъ на голой землѣ, подложившихъ подъ голову сѣдла и закутавшихся въ свои неизмѣнныя сѣрыя шинели. Они были покрыты инеемъ: деревня Юрдъ, по опредѣленію Гауга находится на высотѣ 10.618 ф. надъ поверхностью моря.

13-го августа мы сдѣлали переходъ отъ Юрта до Ираккой долины, т. е. около 70 верстъ горнаго пути.

14-го мы были въ Бамьянѣ. Пріѣхали сюда довольно рано и далѣе не поѣхали, сдѣлавъ въ этотъ день только 30-ти верстный переходъ.

Здѣсь генералъ получилъ почту изъ Ташкента. Содержаніе ея осталось для меня неизвѣстнымъ.

Съ корреспонденціей былъ присланъ хининъ изъ Самаркандскаго госпитальнаго склада. Почту привезъ самаркандскій джигитъ. Онъ пріѣхалъ сюда изъ Самарканда въ 2 недѣли времени.

На слѣдующій день сдѣланъ былъ переходъ отъ Бамьяна до Сайгана. Еще заболѣло два казака и опять ревматизмомъ; одинъ изъ нихъ совсѣмъ не могъ двигать шеей.

Въ Сайганѣ заболѣлъ лихорадкой и самъ генералъ. Впрочемъ, пароксизмъ былъ довольно слабо выраженъ.

На слѣдующій день въ Кагмардѣ опять заболѣли два казака и одинъ джигитъ. На этотъ разъ даже желѣзное здоровье вахмистра не устояло противъ совокупныхъ неблагопріятныхъ условій, въ которыхъ находились казаки. Эти условія были столько же искусственны, сколько и естественны.

До сихъ поръ мы ѣхали все на тѣхъ же лошадяхъ, на которыхъ выѣхали изъ Кабула. Генералъ, однако, обѣщалъ намъ перемѣнныхъ лошадей, но не ранѣе Дуаба. До этого же мѣста мы должны были ѣхать на постоянныхъ лошадяхъ. Говоря мы—я разумѣю только себя и казаковъ, такъ какъ, къ услугамъ генерала всегда были готовы «ходунцы» Мосинъ-хана, которыми онъ и пользовался, когда хотѣлъ.—Что касается до меня, то я покуда не испытывалъ отъ этого никакого неудобства. Мой невзрачный «чиракчинецъ» имѣлъ стальныя ноги, былъ неутомимъ въ пути и обладалъ быстрой «ходой». Я могъ ѣхать тѣмъ же самымъ аллюромъ, какъ и генералъ. Но казаки были поистинѣ достойны сожалѣнія. Чтобы не отстать отъ генерала имъ постоянно приходилось пускать своихъ лошадей полурысью. Такую невыносимую тряску въ продолженіи ежедневнаго 50—70 верстнаго перехода могла вынести развѣ только желѣзная натура сына степей—уральскаго казака. Но къ этому неудобству присоединялось еще и другое, не меньшее.

Каждую ночь были устанавливаемы два караульныхъ казачьихъ поста. Хотя всѣхъ казаковъ было 10, но постовую службу несли только 6. Два казака, прислуживавшіе генералу, были освобождены отъ карауловъ. Вахмистръ также не дежурилъ. За то ефрейторъ обязанъ былъ, въ качествѣ разводящаго, всѣ ночи не спать!

Шестерымъ казакамъ, обязаннымъ нести постовую службу, тоже приходилось мало спать, ибо представьте себѣ три ночныхъ смѣны двухъ караульныхъ постовъ, раздѣленныхъ на 6 человѣкъ—и вы увидите, сколько времени для сна приходилось на долю каждаго казака.

Между тѣмъ, днемъ некогда было спать; рано утромъ, даже не позавтракавъ, мы садились въ сѣдла и, часто, только передъ наступленіемъ ночи пріѣзжали на станцію. Правда, въ серединѣ пути мы всегда останавливались на 1½—2 часа для завтрака.

Несмотря на повальную заболѣваемость, казаки все таки лишались на ночь своихъ палатокъ. Я не знаю, да и не могу себѣ даже представить, какъ эти больные, несчастные казаки несли караульную службу!..

Когда 17-го августа мы переходили черезъ Кара-Котельскій перевалъ, то больные казаки, взобравшись на вершину перевала, повалились въ изнеможеніи на землю. Вахмистръ слабо стоналъ и высказывалъ среди лихорадочнаго бреда желаніе «совсѣмъ остаться здѣсь, на вершинѣ перевала, гдѣ такъ пріятно прохладно». У него t° подъ мышкой достигала 41° С.

Къ ночи этого дня мы добрались до Дуаба. Здѣсь простился съ нами «испанецъ» Лаль-Магометъ-ханъ, бамьянскій губернаторъ. Генералъ подарилъ ему золотые часы и еще какую-то бездѣлушку.

Перемѣнныхъ лошадей намъ здѣсь генералъ не далъ. Еще заболѣли два казака.

18-го августа мы ночевали въ Хурремѣ. Не доѣзжая верстъ пяти до ночлега, мы встрѣтили опять джигита съ почтой изъ Ташкента. Были письма отъ г. Кауфмана и г. Иванова. Съ письмами были доставлены и газеты.

Въ Гейбекѣ генералъ купилъ нѣсколько лошадей для казаковъ.

Вечеромъ этого дня, когда новая луна золотымъ серпомъ прорѣзалась на лазурномъ небѣ, Кемнабъ, увидавши новую луну еще впервые, тотчасъ же взялъ шашку изъ рукъ стоявшаго по близости казака и прочелъ установленную кораномъ молитву. Потомъ онъ говорилъ объ этомъ событіи, какъ о добромъ предзнаменованіи.

— Во время этой молитвы, говорилъ Кемнабъ,—очень хорошо имѣть въ рукахъ мечъ друга. Это добрый знакъ.

20-го августа мы ночевали въ Ташъ-Курганѣ.

Въ этотъ день у насъ было нѣчто въ родѣ дневки. Генералъ закупалъ лошадей. За нѣкоторыхъ изъ нихъ были заплочены довольно крупныя деньги. Такъ одинъ жеребецъ, сѣрый въ яблокахъ, былъ купленъ за 1,200 рупій; бѣлая лошадь—за 700 рупій и т. д. За

всѣ лошади генералъ платилъ тѣми рупіями, которыя были подарены миссіи эмиромъ въ Кабулѣ.

Всѣ эти лошади, или по крайней мѣрѣ большая часть ихъ, предназначались генераломъ для какой-то иной цѣли, а не для снабженія насъ свѣжими животными, такъ какъ онѣ велись въ поводу. Такъ какъ мой «чиракчинецъ» сильно усталъ и едва не падалъ отъ слабости, а новой лошади я не могъ купить по неимѣнію денегъ, то генер. одолжилъ мнѣ здѣсь одну безногую клячу.

22-го августа мы пріѣхали въ Мазари-Шерифъ и помѣстились въ томъ же домѣ, какъ и въ іюнѣ мѣсяцѣ. Новый Лойнабъ, Хошь-Дильханъ, встрѣтилъ насъ передъ городомъ, съ частью войскъ. Салюта изъ орудій теперь не было сдѣлано.

Въ этотъ же день мы выѣхали изъ города по направленію къ Аму-Дарьѣ. Передъ отъѣздомъ генералъ подарилъ Лойнабу золотые часы, револьверъ и еще какую-то мелочь.

На этотъ разъ мы взяли направленіе не на Чушкà-Гюзаръ, а на Патта-Гюзаръ. Этотъ путь нѣсколько короче перваго; но за то онъ пустыннѣе. На всемъ его 80-верстномъ протяженіи нѣтъ ни одного селенія, ни одного клочка обработанной земли. Почти на половинѣ пути отъ Мазари-Шерифа до Аму, но ближе къ первому, находятся обширныя развалины древняго города. Эти развалины носятъ названіе: Сіагырдъ.

Изъ Мазари-Шерифа мы выѣхали часовъ въ 5 дня. На этотъ разъ мы проѣхали городомъ по главнымъ и наиболѣе людным улицамъ. Нѣкоторая часть пути пролегала черезъ крытыя аркады базара. Влѣво остались изумрудно-зеленые купола Мазара, а направо—фортъ, защищающій восточные подступы къ городу.

Едва кончился городъ и узкая полоса прилегающихъ къ нему полей, какъ мы въѣхали въ безотрадную, голую степь, которая завладѣла всѣмъ пространствомъ.—Чѣмъ далѣе мы подвигались на сѣверъ, тѣмъ песку становилось все больше и больше. По такой мѣстности мы ѣхали въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ. Багрово-красный дискъ солнца, совершенно безъ лучей, какъ бы съ обрѣзанными краями, уже давно исчезъ за горизонтомъ, а мы продолжали свой монотонный путь далѣе. Здѣсь смеркается быстро. Поэтому черезъ нѣсколько минутъ послѣ захóда солнца, мы очутились во мракѣ. Не-

ясные силуэты тощихъ саксауловыхъ кустовъ въ вечерней мглѣ принимали гигантскіе размѣры; рѣдкая травка колючка казалась лѣсомъ... Всякій звукъ гулко раздавался въ неподвижномъ ночномъ воздухѣ и принималъ особенную, степную рѣзкость.

Генералъ ѣхалъ все время молча. Мосинъ-хана не было съ нами; онъ остался зачѣмъ то въ городѣ (Мазарѣ). Вотъ впереди послышались голоса—и нѣсколько конныхъ фигуръ вдругъ выглянули изъ мрака и облака пыли, поднимаемой лошадьми.

— Эй, адамъ! закричалъ имъ генералъ,—та Сіагырдъ инъ рахъ эстъ? (Эй, человѣкъ, это ли дорога на Сіагырдъ?).

«Гэ!» послышалось въ отвѣтъ.

— Та—гэ! Менъ шума пурсанъ микунемъ; чера гуфтъ э! (къ чему говорите такъ; я васъ толкомъ спрашиваю).

«Инъ рахъ эстъ!» (эта дорога) послышалось изъ мглистаго пространства.

— Чендъ курухъ эстъ эзинджа та Сіагырдъ? продолжалъ допрашивать генералъ (сколько курухъ отсюда до Сіагырда).

«Нэздикъ эстъ!» (близко) послышались голоса уже откуда-то очень издалека.

— Нэздикъ эстъ!? перебилъ генералъ,—та мэнъ пурсанъ микунемъ: чендъ курухъ? екь курухъ нэздикъ эстъ, панджъ курухъ нэздикъ эстъ. Растъ гуфтидъ! (близко!—да я васъ спрашиваю—сколько куруховъ?—вѣдь одинъ курухъ—близко и пять куруховъ—тоже близко. Говорите правду!).

Но, на этотъ разъ уже не донеслось до насъ никакого отвѣта.

Я не знаю, какъ это случилось, что Кемнабъ со своими спутниками отдѣлился отъ насъ и уѣхалъ впередъ. Раджабъ-Али, нашъ караванъ-баши, остался съ вьюками назади и тоже не былъ съ нами. Мы ѣхали теперь одни, не зная дороги. Пришлось идти впередъ наудачу.

Вскорѣ, однако, изъ мрака выступили огненные языки разложенныхъ на мѣстѣ ночлега костровъ. Еще нѣсколько минутъ—и мы были уже возлѣ палатокъ.

На слѣдующій день утромъ меня разбудилъ какой-то монотонный, довольно сердитый говоръ. Открывъ глаза, я увидалъ Мосинъ-хана, сидящаго на корточкахъ у постели генерала. Генералъ сидѣлъ на по-

стели и былъ одѣтъ въ теплый халатъ, въ шелковую ермолку и туфли, и что-то строго говорилъ Мосинъ-хану. Этотъ послѣдній какъ будто слабо оправдывался. Благодаря маленькому лексикону извѣстныхъ мнѣ персидскихъ фразъ и словъ я могъ понять, что Мосинъ-ханъ обвинялся генераломъ въ небрежности по службѣ, именно въ томъ, что наканунѣ онъ «по лѣности» остался въ городѣ и не сопровождалъ насъ въ пути, благодаря чему мы чуть было не заблудились.

— Эмиръ-санбъ поручилъ тебѣ сопровождать меня, говорилъ генералъ, а ты—такъ то исполняешь службу и порученіе эмира! На гаремъ ты промѣнялъ службу. А еще мужчина и офицеръ!—укорялъ генералъ Мосинъ-хана.—Я могу написать объ этомъ въ Кабулъ и тебѣ будетъ плохо!

— Генералъ-санбъ!—пробовалъ оправдываться Мосинъ-ханъ. Вы службу мою знаете. Вы знаете также и то, что я почти безотлучно находился при васъ впродолженіи двухъ мѣсяцевъ. Два мѣсяца я не видалъ своего дома и своей семьи. Развѣ не могли за это время накопиться дѣла, требующія моего распоряженія? Ну, вотъ для исполненія этихъ-то необходимыхъ дѣлъ я и остался дома, а не ради моихъ женъ.

— Благодаря мнѣ ты сдѣлался большимъ человѣкомъ, продолжалъ генералъ,—благодаря мнѣ тебя узналъ эмиръ-санбъ и далъ тебѣ это важное порученіе сопровождать меня, а ты такъ-то исполняешь свои обязанности?

— Что же особеннаго вы сдѣлали для меня, возражалъ Мосинъ-ханъ.—Какой-же я сталъ большой человѣкъ? Прежде я былъ дитэномъ, не видавъ васъ, и теперь я тотъ же дитэнъ. Кромѣ хлопотъ вы мнѣ ничего недоставили. Конечно, если вы напишите въ Кабулъ эмиру-санбу о моей будто-бы неисправности, то я пострадаю. Но тогда вы поступите не справедливо.

Однако тонъ, которымъ говорилъ генералъ, постепенно смягчался и разговоръ окончился довольно дружелюбно.

Утромъ этого дня снова была получена почта. Нѣсколько писемъ были адресованы членамъ миссіи, оставшимся въ Кабулѣ. Были также и газеты. То и другое было въ этотъ же день отослано въ Кабулъ. Въ письмѣ къ начальнику миссіи генералъ Кауфманъ сооб-

щалъ, что войска, собравшіяся было въ Джамѣ, давно уже разошлись на свои постоянныя квартиры.

Часовъ въ 12 дня мы отправились далѣе. На мѣстѣ ночлега, вокругъ палатокъ было разбросано нѣсколько запущенныхъ, обвалившихся караванъ-сараевъ; это были жалкіе остатки древняго, обширнаго города. Узкій протокъ воды, проведенный сюда за много верстъ изъ Балхской рѣки, прорѣзывалъ груды развалинъ и опустѣвшихъ домовъ. Въ одномъ мѣстѣ; по берегу ручья лѣпилось нѣсколько тощихъ плодовыхъ деревьевъ, съ запыленной, какъ бы покрытой коростами, листвой.—Когда мы проѣзжали развалинами, нѣсколько загорѣлыхъ, толстокожихъ узбекскихъ физіономій выглядывали изъ одного куполообразнаго зданія, боязливо озираясь на авганскій конвой.

Груды жженаго кирпича виднѣлись всюду, покрывая землю на пространствѣ нѣсколькихъ десятинъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ туземцы устроили добычу кирпича, который и возятъ отсюда въ Мазари-Шерифъ, сбывая его тамъ для построекъ. Среди этихъ грудъ кирпича, мусора и щебня возвышаются остатки глинобитныхъ зданій. Нѣкоторыя изъ нихъ довольно хорошо сохранились, даже штукатурка зданій уцѣлѣла. Въ стѣнахъ понадѣланы ниши. Два-три плохихъ кула возвышаются надъ остатками, повидимому, обширныхъ зданій. Однако я нигдѣ здѣсь не замѣтилъ ни одного изразца, ни одной надписи. Остатки глинобитныхъ зданій принадлежатъ, вѣроятно, болѣе позднимъ, по времени, постройкамъ, чѣмъ развалины изъ жженаго кирпича.

По обыкновенію я обратился къ Кемнабу съ разными вопросами объ этихъ развалинахъ, но только и получилъ въ отвѣтъ, что мѣсто это называется Сіагырдъ и, что «прежде, въ очень давнія времена, здѣсь жили каффиры».

— Впрочемъ, прибавилъ онъ, говорятъ, что въ прежнее время Сіагырдъ былъ однимъ изъ пригородовъ великаго Балха [1]).

---

[1]) Едвали не первыя, по времени, свѣдѣнія объ этомъ мѣстечкѣ мы получаемъ отъ Ибнъ-Хаукала (въ 10-мъ в. по Р. Хр.), въ его «Oriental Geography», стр. 223.

Проѣхавъ развалинами, мы опять углубились въ песчаную пустыню. Впрочемъ, на первыхъ 5 верстахъ пути дорога еще довольно твердая, идти лошадямъ довольно легко. Вскорѣ мы подошли къ мулушкѣ (надгробное зданіе кочевниковъ), увѣнчанной, по обыкновенію, плохимъ глинянымъ куполомъ. Нижняя часть зданія засыпана пескомъ.

Верстахъ въ двухъ за этой мулушкой начались невысокіе песчаные барханы (холмы). Чѣмъ болѣе мы подвигались впередъ, тѣмъ выше и выше становились барханы. Дорога пошла по сыпучему песку и ноги лошадей вязли выше щиколки. Мѣстами барханы разступались, образуя котловину съ твердымъ дномъ, покрытымъ бѣловатымъ налетомъ соли. Солнечный зной во время этого перехода былъ очень силенъ. Мы вздохнули свободнѣе только тогда, когда съ сѣвера сталъ доходить до насъ холодный токъ воздуха: значитъ, Аму близко. Тѣмъ, не менѣе намъ пришлось еще около часу перебираться черезъ песчаныя волны «океана-пустыни» и только послѣ этого мы увидали на сѣверномъ горизонтѣ темно-синюю ленту Аму-Дарьи.

Солнце уже садилось, когда мы подошли къ береговымъ зарослямъ. Въ этомъ мѣстѣ по берегу рѣки тянется настоящій лѣсокъ изъ приземистыхъ уродливыхъ тополей (мѣстное названіе—паттà) и ивы. Группы деревьевъ чередуются съ высокими камышевыми зарослями, а эти послѣднія—съ лугами. Мѣстами колючка своими острыми шипами цѣплялась за платье путниковъ, а вершины камыша хлестали всадниковъ по глазамъ.

Между тѣмъ темнѣло все болѣе и болѣе. Какъ-то опять случилось, что мы ѣхали безъ проводниковъ. Кемнабъ не зналъ дороги къ переправѣ черезъ Аму. Раджабъ-Али уѣхалъ теперь съ вьюками впередъ. Мы ѣхали опять на угадъ, по тропинкѣ, извивающейся то лѣсомъ, то лугами. Непріятный, терпкій, міазматическій запахъ такъ и билъ въ носъ. Милліоны комаровъ и мошекъ роями носились по лугамъ, наполняя воздухъ своимъ монотоннымъ жужжаніемъ.

Вотъ мы прошли по жиденькому мостику, переброшенному черезъ оросительную канаву, дрыгающему своими перекладинами подъ ногами лошадей; перешли въ бродъ два, три болотца—и вышли на берегъ рѣки. Но переправы здѣсь не было. Рѣка тихая, но быстрая,

здѣсь была не шире 100 саженъ; очевидно было, что это не было главное русло рѣки, а одинъ изъ ея протоковъ; тотъ берегъ, что виднѣлся напротивъ насъ, вѣроятно принадлежалъ одному изъ острововъ, которыми такъ богато русло Аму.

Мы поѣхали вдоль берега, внизъ потеченію; ѣхали съ $^1/_2$ часа. Вскорѣ тропинка совсѣмъ исчезла. Куда ѣхать? Гдѣ дорога на переправу?

— Раджабъ-Али! крикнулъ геренералъ.

«Али-ли-ли»—отвѣтило береговое эхо.

— Кемнабъ-сайбъ, куджа миресемъ? спросилъ генералъ у Кемнаба (куда намъ ѣхать г. Кемнабъ?).

— Нэ миданемъ (не знаю) дженараль-сайбъ — былъ отвѣтъ Кемнаба.

— Раджабъ-Али!!! крикнуло мѣсколько авганцевъ во всю мощь своихъ легкихъ.

«А-а-абъ!-ли-ли-ли!» опять отвѣчало эхо.

Очевидно было, что такимъ образомъ нельзя было добиться никакого толку. Поэтому рѣшено было вернуться назадъ, на то мѣсто, гдѣ дорога вступаетъ изъ песковъ въ полосу прибрежныхъ зарослей.

Здѣсь, на образовавшейся среди тополевой рощицы площадкѣ, усѣлись мы на голой землѣ и стали ждать. На берегъ рѣки было послано нѣсколько авганцевъ для розысканія Раджабъ-Али и переправы.—Между тѣмъ мракъ сгущался все болѣе и болѣе. Развели костры. По сторонамъ возвышалось нѣсколько деревьевъ съ сухими вѣтвями. Авганцы подожгли ихъ и устроили настоящую иллюминацію.

Но вотъ въ сферу озареннаго свѣтомъ костровъ пространства въѣхали двѣ конныя фигуры. Это были узбеки.

Генералъ сейчасъ-же сталъ ихъ разспрашивать: не видали-ли они «юкларъ, бархана ба Раджибъ-Али»: (вьюковъ съ Раджабъ-Али).—Узбеки, попавъ нечаянно въ средину такой большой группы вооруженныхъ людей, ослѣпленные свѣтомъ костровъ, кажется, порядочно струсили. Они стояли выпуча глаза и не могли произнести ни одного слова.

Генералъ повторилъ свой вопросъ, и на этотъ разъ уже сердитымъ тономъ.

Узбеки еще болѣе струсили и торопливо начали увѣрять, что они ничего не знаютъ, ни «юкларъ», ни Раджабъ-Али, что никогда не видали его и не знаютъ даже—существуетъ ли такой человѣкъ на свѣтѣ, что даже и отъ своихъ сосѣдей и знакомыхъ они никогда ничего о немъ не слыхали.

Генералъ, слушая этотъ вздоръ, начиналъ терять терпѣніе.

— Что вы за вздоръ говорите? (Въ гнѣвѣ онъ уже говорилъ по русски, а казакъ Солодовниковъ переводилъ узбекамъ по татарски). Я васъ спрашиваю, не видали-ли вы на переправѣ вьюковъ и Раджабъ-Али, а вы говорите, что никогда не видали этого человѣка и даже не слыхали о немъ.—Гдѣ дорога на переправу?

Узбеки, кажется, просто съ ума сошли отъ страха. Они безсвязно лепетали, что и переправы никакой не знаютъ и не слыхали!..

— Вы смѣяться что-ли надо мной хотите,—все болѣе и болѣе возвышалъ свой голосъ генералъ. Я васъ выучу. Казаки! взять ихъ, связать и не отпускать до тѣхъ поръ, пока не скажутъ, гдѣ переправа и гдѣ вьюки...

Узбековъ схватили и связали.

Къ счастью для нихъ, въ это время съ переправы пріѣхалъ одинъ изъ авганцевъ, который и доложилъ, что дорога найдена, а Раджабъ-Али съ вьюками давно уже ожидаетъ насъ на берегу Аму.

Узбековъ развязали и отпустили.

Когда мы пріѣхали на берегъ, то все было для насъ уже приготовлено: юрты, постели, чай, ужинъ,—и Раджабъ-Али съ сіяющимъ лицомъ готовился донести генералу, что все обстоитъ благополучно и все устроено какъ слѣдуетъ, но встрѣтился съ грознымъ взглядомъ генерала и, вмѣсто похвалы, получилъ строгій выговоръ...

Широкая рѣка тихо дремала. Гладкое зеркало ея, точно расплавленная стеклянная масса, не было испещрено ни одной струйкой рѣчной зыби. Въ воздухѣ не чувствовалось ни малѣйшаго дуновенія вѣтра; полупрозрачная дымка тумана сплошной пеленой окутывала и великую рѣку, и ея прибрежныя заводи, отѣненныя камышевыми зарослями, и нашъ маленькій станъ, уже отходящій ко сну послѣ утомительнаго дневнаго пути. Небесный сводъ глядѣлся въ тихія и быстрыя воды рѣки, но вѣроятно ничего не видѣлъ въ нихъ. Только яр-

кія звѣзды, блещущія южнымъ, лучистымъ свѣтомъ, прорѣзывали туманъ, слабо отражаясь въ зеркалѣ воды.

Здѣсь было очень сыро. Юрты и палатки были смочены росой, точно послѣ дождя. Чувствовался довольно сильный холодъ.

На слѣдующій день, 24-го августа, мы переправились на бухарскій берегъ Аму. Гостепріимные бухарцы встрѣтили насъ съ обычною любезностью и дружелюбіемъ. Возлѣ нашихъ юртъ сейчасъ же появились цѣлыя груды разныхъ плодовъ и овощей. Я отдалъ порядочную долю вниманія ширабадскимъ дынямъ: онѣ превосходны и несравненно лучше тѣхъ, которыя мнѣ довелось ѣсть въ Авганистанѣ.

На другой день мы пріѣхали въ Ширъ-абадъ. Бека ширабадскаго не было на этотъ разъ въ городѣ, что меня до извѣстной степени обрадовало. Значитъ онъ былъ настолько здоровъ, что могъ уже совершать болѣе или менѣе отдаленныя экскурсіи. Его сыновья, встрѣтившіе насъ, говорили, что отецъ ихъ теперь совсѣмъ здоровъ. Незадолго до нашего прибытія онъ уѣхалъ въ Кара-тагскіе горы, чтобы подавить вспыхнувшее тамъ волненіе.

Въ этотъ же день мы выѣхали изъ Ширъ-абада и ночевали въ деревнѣ Ляйляканъ.

27-го августа мы ночевали въ Кара-Ховалѣ. Это мѣстечко находится уже на дорогѣ къ Шаару. Дорога эта отдѣляется отъ ширабадско-каршинскаго тракта немного сѣвернѣе «Желѣзныхъ воротъ», не доходя нѣсколькихъ верстъ до перевала Акъ-Раббатъ.

Отъ Серъ-аба до Кара-Ховаля около 50-ти верстъ пути. Дорога все время переходитъ съ одного ряда холмовъ на другой, изъ одной лощины переваливаетъ въ другую. Пришлось перейти черезъ 2—3 невысокіе перевала. Вся мѣстность, по которой мы теперь ѣхали, безотрадно гола, безжизненна; это—каменная, всхолмленная пустыня. Только одинъ разъ на протяженіи всего перехода мы встрѣтили нѣсколько деревьевъ горной арчи. Селеніе Кара-Ховаль лежитъ въ глубокой лощинѣ, обрамленной съ сѣвера и юга известковыми скалами. Мелкій ручей протекаетъ по этой лощинѣ и доставляетъ жителямъ насыщенную солями извести воду. Ручей этотъ называется Кичи-Уру-Дарья. Здѣсь персики были, въ данное время, еще незрѣлы.

На слѣдующій день, все по такой же пустынной, всхолмленной мѣстности мы прошли около 60-ти верстъ и ночевали въ укрѣпленіи Яръ-Тюбе.

Въ Яръ-Тюбе насъ встрѣтили посланные отъ эмира бухарскаго, находившагося въ это время въ Шаарѣ. Здѣсь же было получено генер. Столѣтовымъ письмо отъ губернатора Самарканда, генерала Иванова. Генер. между прочимъ извѣщалъ насъ, что для авганскаго посольства готовится въ Самаркандѣ торжественная встрѣча и, что въ Джамъ высланы для насъ экипажи. Поэтому ген. Ивановъ просилъ ген. Столѣтова назначить день, въ который долженъ былъ состояться въѣздъ авганскаго посольства въ Самаркандъ.

Такъ какъ мы теперь ѣхали по направленію на Шааръ-Самаркандъ, то Джамъ оставался совсѣмъ въ сторонѣ отъ нашего пути. Поэтому ген. Столѣтовъ и извѣстилъ губернатора Самарканда, что авганское посольство поѣдетъ не на Джамъ, а на Кара-Тюбинскій перевалъ. О днѣ же въѣзда онъ обѣщалъ увѣдомить своевременно.

Яръ-Тюбе находится уже въ степной мѣстности. Горы отстоятъ отъ него на 5—8 верстъ къ востоку. Мѣстечко это слабо орошено, но все таки довольно богато растительностью. Въ саду, гдѣ устроенъ былъ нашъ ночлегъ, росли великолѣпные карагачи.

Склоны ближайшихъ горныхъ холмовъ, а также и степное пространство кругомъ укрѣпленія Яръ-Тюбе, заняты были посѣвами хлѣбовъ, преимущественно пшеницы. Хлѣбъ произрасталъ здѣсь отчасти безъ искуственнаго орошенія. Въ данное время здѣсь была пора жатвы, и кучки сложенныхъ сноповъ пестрили однообразную, ровную поверхность степи. Здѣсь я въ первый разъ увидѣлъ, что сжатый хлѣбъ туземцы вяжутъ въ снопы. Въ Авганистанѣ, равно какъ и въ русскомъ Туркестанѣ, сжатый хлѣбъ не вяжутъ въ снопы; на выжатомъ мѣстѣ сейчасъ же устраиваютъ «токъ» и здѣсь же обмолачиваютъ сжатую ниву.

29-го августа мы пріѣхали въ Шааръ. Бухарцы устроили намъ такую же пышную встрѣчу, какъ и при въѣздѣ въ Карши, въ іюнѣ мѣсяцѣ. Изъ знакомыхъ уже мнѣ бухарцевъ я замѣтилъ здѣсь мирахура-Рахметъ-Уллу, Удайчи и нѣкоторыхъ другихъ лицъ.

Шааръ не совсѣмъ вѣрное названіе города. Туземцы называютъ его Шехръ-Себзъ. Это названіе правильнѣе уже потому, что означаетъ не просто «городъ» (шааръ), но еще и «зеленый городъ».—Дѣйствительно, растительность здѣсь великолѣпная. Городъ буквально утопаетъ въ густыхъ садахъ. Сады тянутся на далекое пространство и за городъ,

во всѣ стороны. Здѣсь большое изобиліе воды, доставляемой рѣками Кашка-Дарья и Акъ-Дарья, которыя раздѣляются на множество протоковъ и ручьевъ.

На разстояніи нѣсколькихъ верстъ намъ пришлось ѣхать предмѣстьями. Потомъ черезъ ворота, пробитыя въ очень толстой глинобитной стѣнѣ, мы въѣхали въ самый городъ.

Помѣщеніе, отведенное намъ бухарцами, не лишено было, на этотъ разъ, извѣстной доли комфорта и, даже — поэтичности.—Двѣ веранды окружали небольшой цвѣтникъ, состоявшій изъ простыхъ, но довольно благоуханныхъ цвѣтовъ. Рядомъ съ цвѣтникомъ находился чистый, усѣянный пескомъ, дворикъ. Съ одной стороны, онъ былъ окаймленъ персиковыми, тутовыми и абрикосовыми деревьями, которыя протягивали свои длинныя, гибкія вѣтви даже на веранду. По срединѣ сѣверной веранды протекалъ арыкъ (протокъ воды) аршина въ два ширины и $^3/_4$ арш. глубины. Прохладой и нѣгой вѣяло отъ этого помѣщенія.

На верандѣ былъ сервированъ завтракъ; нѣсколько столовъ было уставлено многочисленными блюдами закусокъ и заѣдокъ. Масса всевозможныхъ плодовъ пріятно щекотала возбужденный 40 верстною поѣздкою аппетитъ. На столахъ среди плодовъ поставлено было также нѣсколько горшковъ съ цвѣтами, между которыми, особенно выдѣлялась своими розово-пурпуровыми цвѣтами фуксія.

Въ числѣ разнаго рода плодовъ виднѣлся замѣчательно крупный виноградъ. Я нисколько не преувеличу, если скажу, что ягоды его достигаютъ величины грецкаго орѣха. Хотя пора абрикосовъ здѣсь уже давно прошла, но, тѣмъ не менѣе, на столѣ красовались прелестные матово-желтые, съ розовымъ румянцемъ, сочные, нѣжные плоды. Пурпурно-бокіе персики аппетитно выглядывали изъ зеленыхъ листьевъ, которыми они были переложены.

Едва мы успѣли стряхнуть съ себя дорожную пыль, какъ въ наше помѣщеніе вошелъ бекъ Шаарскій, Алимъ-Бегъ-перваначи. Съ нимъ пришелъ и мирахуръ.—Трескучая рѣчь послѣдняго лилась обильной струей, безъ перерыва, въ продолженіи почти часа времени. Онъ долго и съ чувствомъ разсказывалъ о болѣзни и смерти г. Вейнберга, незадолго до этого времени умершаго въ Ташкентѣ, отъ тифа.

— Вейнбергъ-тюря! а-а! ульды!.. (померъ). Какой былъ хорошій человѣкъ! Ахъ, какъ жалко! Какой былъ здоровый—и вдругъ померъ!—лепеталъ мирахуръ на татарско-персидско-русскомъ жаргонѣ.

Можно было думать, что онъ искренно сожалѣлъ о смерти г. Вейнберга. Дѣло въ томъ, что г. Вейнбергъ былъ долгое время управляющимъ дипломатическою частью при Туркестанскомъ генералъ-губернаторѣ; онъ много разъ былъ въ Бухарѣ, часто переписывался съ туземными властями и былъ хорошо знакомъ съ Рахметуллой мирахуромъ.

Нужно замѣтить вообще, что г. Вейнбергъ пользовался очень хорошею репутаціей у туземцевъ, какъ русскаго Туркестана, такъ и независимыхъ ханствъ. Его мѣстная политическая дѣятельность была весьма почтенна.

— Выучился-ли докторъ-тюря по таджикски?—обратился ко мнѣ словоохотливый мирахуръ.

Я отвѣтилъ, что «таджики нэ миданемъ, ама фарси кемъ-кемъ мигуэмъ» (т. е. по таджикски не знаю, но по персидски кое-что смыслю).

Мирахуръ засмѣялся.

— Таджики не знаешь, а персидски знаешь,—перебилъ онъ меня по русски, усмѣхаясь во всю свою широкую физіономію.

Я въ то время не понялъ этой усмѣшки; но потомъ узналъ, что мирахуръ имѣлъ полное основаніе посмѣяться надо мной.

Дѣло въ томъ, что таджики—потомки древнихъ персовъ, аборигеновъ страны; таджикскій языкъ—тотъ же персидскій, только испорченный до извѣстной степени вставочными тюркскими словами. Значитъ, я говорилъ по меньшей мѣрѣ несообразность, утверждая, что понимаю персидскій языкъ, но не знаю таджикскаго,—что и привело мирахура въ насмѣшливое настроеніе.

Бекъ шаарскій—чистокровный узбекъ—держалъ себя съ важностью, говорилъ мало и тихо. Сановитость его проглядывала въ каждой складкѣ его парчеваго халата, въ каждомъ изгибѣ огромной, бѣлой, съ золотыми блестками, чалмы.

Бухарскіе сановники ушли отъ насъ уже вечеромъ.

Вечеромъ того же дня изъ канавки, протекающей посреднѣ веранды, вышла змѣя и скрылась въ цвѣтникѣ. Ее здѣсь сейчасъ же

розыскали и убили. Она оказалась, однако, невиннымъ домашнимъ ужомъ.

Когда совсѣмъ стемнѣло, то пришли артисты домашняго театра эмира бухарскаго, выражаясь возвышеннымъ слогомъ; попросту же—плясуны-мальчики, которые иногда, во время танцевъ, одѣваются въ женскую одежду. Они называются на мѣстномъ языкѣ «бача».— Эмиръ, въ знакъ своего особеннаго расположенія къ гостямъ, прислалъ этихъ плясуновъ для нашего увеселенія. Всѣхъ мальчиковъ было трое. Старшему изъ нихъ было 13 лѣтъ, а младшему 10.

Тотчасъ же дворъ былъ устланъ коврами, и артисты подъ звуки бубновъ и флейтъ начали выдѣлывать разныя «па» и «колѣна». Затѣмъ танцуя, они начали въ тоже время пѣть. Но ни танцы, ни пѣніе не представляли ничего особеннаго: были прыжки вмѣсто танцевъ и усиленныя выкрикиванія высокихъ нотъ—вмѣсто пѣнія. Предметъ пѣсень мнѣ остался неизвѣстенъ. Пѣвцамъ и танцорамъ много помогала въ дѣлѣ произведенія эффекта на зрителей нѣсколько фантастическая обстановка сцены. Дворъ и веранды были освѣщены разноцвѣтными фонарями, подвѣшенными къ древеснымъ вѣтвямъ. Темное, глубокое небо, дополняло это освѣщеніе своими яркими звѣздами. Десятки головъ любопытныхъ туземцевъ, виднѣлись на крышахъ сосѣднихъ зданій и на заборахъ и созерцали любимое ими зрѣлище.

Потомъ на сцену выступилъ кукольный театръ съ неизмѣннымъ «петрушкой» во главѣ, тѣмъ же самымъ петрушкой, какой и у насъ, въ Россіи, составляетъ непремѣнную принадлежность всѣхъ деревенскихъ и городскихъ праздниковъ-ярмарокъ.

Во время исполненія танцевъ я подошелъ къ авганскимъ посламъ и спросилъ, какъ они находятъ артистовъ и танцы?

— У насъ нѣтъ мужчинъ-плясуновъ! отвѣтилъ мнѣ Кемнабъ. Это не дѣло мужчины. У насъ танцуютъ «марджи»—m a d a m e, добавилъ онъ на ломанномъ французско-англійскомъ жаргонѣ.—Эти плясуны—дрянь сравнительно съ нашими танцовщицами,—продолжалъ онъ далѣе, и въ знакъ одобренія послѣднихъ прищелкнулъ языкомъ и прищурилъ глаза, описавъ въ воздухѣ выразительный жестъ рукою.

Я едва дождался конца «кукольной комедіи». Сонъ сильно клонилъ меня на одну изъ тѣхъ широкихъ туземныхъ кроватей, обильно

снабженныхъ ватными тюфяками, которыя были разставлены у стѣнъ веранды. Въ постель я легъ не раздѣваясь.

Въ этотъ день исполнилось ровно восемнадцать сутокъ съ тѣхъ поръ какъ я не снималъ съ себя платья, даже верхняго пальто. Какъ надѣлъ я платье въ Кабулѣ, при выѣздѣ изъ города,—такъ и ѣхалъ въ немъ во все время пути, спалъ, обѣдалъ. Я рѣшилъ не раздѣваться во время всего пути, отъ Кабула до Самарканда, изъ опасенія какъ нибудь простудиться,—что не было бы особенно трудно. Стоило только снять пальто послѣ утомительнаго, 70-ти верстнаго перехода, когда кожа была влажна, разгорячена, а весь организмъ утомленъ—и сквозной вѣтеръ могъ весьма легко меня продуть и обусловить заболѣваніе ревматизмомъ, а то и лихорадкой. Теперь же, при данномъ режимѣ, я одинъ изъ всѣхъ, возвращавшихся изъ Кабула людей, избѣгъ непріятныхъ гостей—лихорадки и ревматизма. Но за то кожа моя начинала сильно ныть и зудѣть; она настоятельно требовала русской бани. Я старался успокоить это непріятное ощущеніе воображеніемъ, какъ я по прибытіи въ Самаркандъ, знатно выкупаюсь и выпарюсь. А теперь продолжалъ терпѣть.

Утромъ 30-го августа генералъ имѣлъ аудіенцію у эмира. Онъ ѣздилъ къ эмиру одинъ. Авганское посольство также ѣздило съ визитомъ къ эмиру, но нѣсколько позже генерала, отдѣльно отъ него.

Часа въ 2 этого же дня мы выѣхали изъ Шаара по направленію къ Кара-тюбинскому перевалу.

Около 4-хъ часовъ дня мы пріѣхали въ дер. Койнаръ, гдѣ сдѣлана была небольшая остановка.

Длинныя тѣни отъ сосѣднихъ пиковъ уже покрыли мракомъ и ущелья и впадины горъ; косые лучи заходящаго солнца золотили сады и поля деревни и играли розовыми тонами на снѣжныхъ поляхъ горныхъ громадъ Хазретъ-Султана,—когда наша кавалькада оставила пріютившійся въ ущельѣ кишлакъ.

Путь пролегалъ по берегу ручья, загроможденнаго, мѣстами, глыбами разноцвѣтнаго мрамора. Нѣсколько поворотовъ на право, нѣсколько зигзаговъ на лѣво—и мы достигли подошвы подъема на крутой Кара-Тюбинскій перевалъ. Вверху, тамъ на недосягаемой высотѣ, горные пики еще блестѣли, всѣ объятые огненными лучами уже совсѣмъ заходящаго солнца, а внизу мракъ все болѣе и болѣе

сгущался. Уже не стало видно веселой струйки воды проворно извивавшейся между валунами, загромождавшими ложе потока; только шумъ водопадовъ и каскадовъ говорилъ о его близости.

Дорога стала зигзагообразно подниматься въ гору; она вздымается здѣсь, такъ сказать, этажами—одинъ надъ другимъ. По сторонамъ, справа и слѣва, чередовались между собою отвѣсныя скалы и крутые откосы, которые въ темнотѣ казались бездонными, зіяющими пропастями. Вслѣдъ затѣмъ дорога пошла уже по тропинкѣ, искусственно пробитой въ оплечьѣ скалистаго холма.

Генералъ сошелъ въ этомъ мѣстѣ съ лошади и пошелъ пѣшкомъ, поддерживаемый подъ руки двумя казаками.

Вотъ и вершина перевала. Здѣсь, говорятъ, есть огромный камень, принесенный сюда изъ долины все тѣмъ же богатыремъ, любимцемъ и главнымъ героемъ среднеазіатскихъ былинъ и легендъ,—Аліемъ. Говорятъ, что на камнѣ остался отпечатокъ 5 пальцевъ его руки. Но, можетъ быть, вслѣдствіе темноты ночи я ничего подобнаго не замѣтилъ. Скоро, впрочемъ, полнолицая луна поднялась надъ острыми гребнями горъ, озаряя своимъ мягкимъ свѣтомъ и горы, и долы; но въ глубокихъ ущельяхъ все-таки царила тьма.

— Раджабъ-Али! скоро-ли будетъ деревня Кара-Тюбе? раздался голосъ генерала, когда мы, спустившись съ перевала, уже въ продолженіи получаса ѣхали по горной лощинѣ.

— Езъ инджа та Кара-тепе нимъ-саатъ рахъ эстъ, генералъ-саибъ (отсюда до деревни полчаса ѣзды), отвѣчалъ нашъ неутомимый караванъ-баши.

Ѣдемъ полчаса, ѣдемъ даже часъ, а деревни все нѣтъ, какъ нѣтъ.

— Раджабъ-Али! да мы уже проѣхали, по моему счету, цѣлый часъ, сердито произноситъ генералъ. Скоро-ли деревня?

— Имъ-саатъ, генералъ-саибъ (сейчасъ).

И еще съ добрый часъ времени мы продолжали ѣхать, покуда вдали не мелькнули огни.

Вотъ и ночлегъ. Въ обширномъ густомъ саду, съ вѣковыми карагачами, было разбито нѣсколько палатокъ и юртъ. На столахъ сервирована была закуска; дессертъ, на этотъ разъ, дополнялся нѣсколь-

кими бутылками вина. Со времени нашего отъѣзда изъ Кабула на столѣ у насъ появилось вино еще въ первый разъ.

Наливъ стаканы виномъ, генералъ провозгласилъ тотъ за здоровье Государя Императора, ибо въ этотъ день было 30-е число августа, день Его тезоименитства.

Между тѣмъ съ Кемнабомъ приключилась внезапная болѣзнь. Интересно было то, что какъ внезапно она появилась, такъ внезапно же она и оставила его.—Пріѣхавъ на мѣсто ночлега, онъ сталъ жаловаться на боль въ животѣ и общую слабость. Я его освидѣтельствовалъ и не нашелъ ничего ненормальнаго.—Генералъ оказался догадливѣе меня. Онъ позвалъ Кемнаба къ себѣ въ палатку и посовѣтовалъ ему выпить вина. Кемнабъ сначала отказывался отъ вина, ссылаясь на предписанія корана; но онъ заявлялъ свой протестъ такимъ тономъ, что генералъ еще болѣе сталъ настаивать на своемъ предложеніи. Послѣ того какъ Кемнабъ выпилъ нѣсколько стакановъ вина, я уже не слыхалъ отъ него ни одной жалобы на свою болѣзнь.

31-го августа мы пріѣхали въ Самаркандъ.

Авганскому посольству была устроена пышная встрѣча. Посольство слѣдовало тѣми улицами, на которыхъ расположены наиболѣе знаменитые памятники славнаго прошлаго Самарканда, памятники эпохи Тимуридовъ. Затѣмъ, при въѣздѣ посольства въ русскій городъ, артиллерія гарнизона салютовала 30-тью выстрѣлами изъ пушекъ. Войска, расположенныя по баталіонно на прекрасномъ «абрамовскомъ бульварѣ», могучимъ «ура»! отвѣчали на привѣтствіе генерала Столѣтова. Затѣмъ посольство остановилось у дома генерала Иванова, а войска въ это время проходили передъ нимъ церемоніальнымъ маршемъ. Послѣ завтрака, предложеннаго авганскому посольству въ домѣ генерала Иванова, оно помѣстилось въ богатомъ саду Самаркандскаго отдѣла. Черезъ нѣсколько дней посольство выѣхало изъ Самарканда въ Ташкентъ.

6-го сентября авганское посольство представлялось Туркестанскому генералъ-губернатору, генералъ-адъютанту ф. Кауфманну.

Аудіэнція была обставлена весьма парадно.

10 сентября генералъ Столѣтовъ выѣхалъ изъ Ташкента въ Ливадію для доклада по дѣламъ миссіи верховному правительству.

Часть миссіи, оставшаяся въ Кабулѣ, получила Высочайшее повелѣніе оставаться тамъ впредь до новаго распоряженія.

Ташкентъ на нашихъ авганскихъ гостей произвелъ довольно сильное впечатлѣніе. Но особенно понравились имъ наши войска и ихъ вооруженіе. Однако наши мѣдныя скорострѣльныя 9-ти фунтовыя пушки ихъ не удовлетворили. Спеціально для нихъ были устроены маневры ташкентскаго гарнизона, причемъ войска были созваны «по тревогѣ».

Оглянемся же теперь на только что пройденный нами Бамьянскій, такъ называемый «царскій путь» черезъ Гинду-Кушъ.

Прежде всего я долженъ сказать, что предыдущее названіе «Бамьянскій путь черезъ Гинду-Кушъ»—не совсѣмъ вѣрно.

Бамьянскій путь идетъ уже не черезъ главную цѣпь Гинду-Куша, а черезъ развѣтвленія его. Но утверждать, какъ это дѣлаетъ, напр., Кённингэмъ, что Бамьянскій путь не только не пересѣкаетъ Гинду-Куша, но даже о б х о д и т ъ его [1])—очевидно, значитъ, вдаваться въ узкую односторонность. Западнѣе Хавакскаго прохода стройная, типичная цѣпь Гинду-Куша вдругъ распадается на нѣсколько почти параллельныхъ хребтовъ, отдавая ихъ преимущественно къ сѣверу. Хребты эти систематически чередуются съ долинами, послѣдовательно понижаясь отъ центра, отъ главной, такъ сказать, «становой жилы» всей системы, Гинду-Куша, къ периферіи. Въ томъ мѣстѣ этой системы, гдѣ пролегаетъ Бамьянскій путь, смѣна хребтовъ и долинъ имѣетъ террасовидный характеръ. Такъ мы видимъ, что Т а ш ъ-К у р г а н ъ, находящійся у начала Бамьянскаго пути, у крайняго сѣвернаго барьера Гинду-Куша, имѣетъ высоту надъ уровнемъ моря всего въ 1180 ф. [2]). Гейбекъ, отстоящій отъ Ташъ-Кургана на 66 верстъ къ югу, находится уже на 4,000 ф. Между Хурремомъ и равниной Руи находится первый, на пути къ Бамьяну, перевалъ, достигающій 7 т. футъ. Затѣмъ мѣстность постепенно поднимается и за Д у а б о м ъ мы имѣетъ первый довольно солидный перевалъ К и з ы л ъ-К о т е л ь. На-

[1]) «The ancient geography of India», стр. 25.

[2]) Высота показана какъ на картѣ, приложенной къ книгѣ полк. Костенко, „Туркестанскій Край". 1880 г.

чиная отсюда и замѣчается особенная рѣзкость террасообразнаго поднятія разсматриваемой нами горной системы. За этимъ переваломъ (около 9,000 ф.) мы имѣемъ долину приблизительно въ 7,000 ф. высоты, а за ней опять перевалъ Кара-Котель въ 10,500 ф. Долина Кагмардъ (около 6,000 ф.) чередуется съ переваломъ Дешти-Гашакъ въ 9,000 ф. (по Бёрслему). Слѣдующая долина Сайганъ имѣетъ около 7,000 ф. абсолютной высоты, а Ак-раббатскій перевалъ, отдѣляющій эту долину отъ Бамьянской, достигаетъ 11,000 ф. Бамьянская долина и ея вѣтви—Калуйская и Ираксая, расположенныя у подножія снѣжной цѣпи, Кухи-Баба, возвышаются отъ 8,000 до 10,000 ф. За этими долинами слѣдуютъ самые высокіе перевалы на этомъ пути.

Этихъ переваловъ 3 группы (а можетъ быть и болѣе?): самая восточная заключаетъ въ себѣ только одинъ перевалъ Шиберту, черезъ который прошелъ съ войсками, 3½ столѣтія тому назадъ, султанъ Баберъ, возвращавшійся изъ зимней хезарейской экспедиціи [1]); 2-я группа и вмѣстѣ съ тѣмъ средняя, Ираксая,—заключаетъ въ себѣ два перевала: Малый и Большой Иракскій перевалы (первый 9,000 ф., второй 13,000 ф.); 3-я группа—Калуйская, также имѣетъ два перевала: Калуйскій въ 13,000 ф. и Хаджихакскій 12,400 ф. Двѣ послѣднія группы переваловъ ведутъ въ долину рѣки Гильменда, имѣющей высоту у Герденъ-Дивара не менѣе 9,000 ф. Всѣ три группы переваловъ расположены въ горномъ узлѣ, связующемъ типическую цѣпь Гинду-Куша съ его западнымъ, также типическимъ продолженіемъ—Кухи-Бабой.

Затѣмъ перевалъ Уннай снова поднимаетъ насъ изъ долины Гильменда до 11,000 ф. слишкомъ.—Долина рѣки Кабульской, куда мы спускаемся съ послѣдняго перевала, понижаясь у Джальриза до 7,000 футъ, снова приводитъ насъ къ перевалу Сефидъ-Хакъ, высотой въ 8,000 ф. Этотъ перевалъ уже послѣдній на пути къ Кабулу.

Я думаю, что изъ приведенныхъ цифръ читатель вполнѣ убѣдился въ террасообразномъ характерѣ системы Гинду-куша въ разсматриваемомъ нами направленіи.

---

[1]) Mémoires de Baber, l. cit. стр. 441 и слѣдующія.

Такимъ образомъ мы видимъ, что на пути къ Кабулу черезъ Бамьянъ находится 10 перевалов, а не 6, какъ это сообщаетъ Бёрнсъ и другіе англійскіе путешественники.

Несмотря на значительное поднятіе перевалов Ираскаго, Калуйскаго и Хаджихакскаго, они не покрыты вѣчнымъ снѣгомъ. Только въ декабрѣ, январѣ, февралѣ и, иногда, мартѣ мѣсяцѣ, они сплошь покрыты снѣгомъ. Но это наблюоается не всегда, какъ увидитъ читатель это во 2-мъ томѣ моихъ записокъ.

При разсмотрѣніи перевалов Гинду-Куша является самъ собой вопросъ, и при томъ вопросъ первостепенной важности,—объ удобопроходимости ихъ.

Что касается перевалов Бамьянскаго пути, то большинство изъ нихъ въ этомъ отношеніи, не представляетъ особенныхъ затрудненій. Но нѣкоторые изъ нихъ очень неудобны. Въ текстѣ этой книги, въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ читатель видѣлъ—въ чемъ заключаются эти неудобства [1]). Самыми неудобными перевалами нужно считать Дешти-Гашакъ (т. е. собственно Денданъ-Шикенскій подъемъ на него) и Кара-Котель (собственно спускъ съ него въ долину Мадеръ).

Горы въ тѣхъ мѣстахъ, въ которыхъ они прорѣзываются Бамьянскимъ путемъ, совершенно безлѣсны: нигдѣ нѣтъ ни деревца, ни кустика, выросшаго естественнымъ путемъ. Только тощіе альпійскіе луга покрываютъ скаты горъ, да и они въ іюлѣ и августѣ мѣс. совсѣмъ выгораютъ.

Въ горныхъ лощинахъ путешественникъ, наоборотъ, видитъ передъ собой роскошную картину растительности. Но эта растительность вся выращена и всхолена искусственно. руками человѣка. Однако и здѣсь роскошная растительность держится извѣстныхъ, строго

---

[1]) Я съ удивленіемъ прочиталъ у Костенко, въ его книгѣ „Туркестанскій Край", слѣдующее показаніе по поводу удобопроходимости перевалов Бамьянскаго пути: «по словамъ начальника возвращавшейся миссіи, генерала Разгонова, вообще весь бамьянскій трактъ отъ Ташъ-Кургана до Кабула, серьезныхъ препятствій для движенія не только вьючнаго, но даже и колеснаго, не представляетъ». Костенко. «Туркестанскій Край», т. II. стр, 189.

Мнѣ лично во время путешествія миссіи по Авганистану приходилось слышать отъ генерала Разгонова о степени удобопроходимости перевалов—совсѣмъ другое мнѣніе.

опредѣленныхъ рамокъ. Выше 7,000 ф. растительность представляется, главнымъ образомъ, злаками. Деревьевъ здѣсь очень мало. Въ Бамьянской долинѣ, напр., только ива, тополь, да дикая яблонь представляютъ древесный отдѣлъ растительнаго царства. За то мы видимъ, что ячмень успѣшно произрастаетъ даже на 11,000 футовъ высоты.

Въ заключеніе я приведу названіе станцій, въ порядкѣ ихъ расположенія отъ Аму-Дарьи до Кабула, съ обозначеніемъ между ними разстояній въ верстахъ. За исходный пунктъ я принимаю селеніе Патта-Гюзаръ, какъ мѣсто наиболѣе удобное для переправы черезъ Аму-Дарью, въ разсматриваемомъ мною районѣ.

	Версты.
Патта-Гюзаръ, небольшое селеніе на правомъ берегу Аму, населено туркменами	—
Сіагырдъ, нѣсколько караванъ-сараевъ, обширныя развалины; здѣсь живетъ нѣсколько узбекскихъ семействъ. Воды мало, корму нѣтъ. Голая песчаная пустыня кругомъ.	50
Мазари-Шерифъ, городъ, имѣющій до 20 тыс. населенія, резиденція лойнаба Чааръ-вилайэта	30
Гури-Маръ, мѣстечко съ укрѣпленной казармой, занятой авганскими войсками. Воды вдоволь. Продовольствія мало [1])	16
Наибъ-абадъ, обширное селеніе, съ слабой растительностью, заселено узбеками. Воды достаточно, но она плоха. Корму немного	21
Ташъ-Курганъ, городъ, имѣющій до 30 тыс. жителей—узбековъ и таджиковъ. Крѣпость занята нѣсколькими баталіонами авганскихъ войскъ	25
Саядъ, горное селеніе, въ которомъ живутъ таджики по преимуществу. Кормъ есть. Рѣка Хулумъ	15
Бадесіабъ, селеніе, имѣющее достаточно корму, широкій оросительный каналъ	26

[1]) Отъ Мазари-Шерифа до Кабула разстоянія между станціями показаны какъ въ маршрутѣ г. Бендерскаго.

Гейбекъ, обширное селеніе съ узбекско-таджикскимъ населеніемъ. Корму изобильно. Рѣка Хулумъ 25

Саръ-багъ, большое селеніе; много садовъ и опустѣвшихъ домовъ. Корму довольно. Рѣка Хулумъ 30

Хурремъ, населенъ таджиками и узбеками. Всего достаточно; рѣка Хулумъ. 13

Руи, урочище. Пастбищная горная равнина; есть посѣвы разныхъ злаковъ; въ нѣсколькихъ верстахъ есть двѣ деревни. Рѣка Хулумъ. 25

Дуабъ, небольшое селеніе; жители таджики. Корму мало. Истоки рѣки Хулумъ. 27

Мадеръ, небольшое селеніе. Кормъ есть. Ручей Мадеръ. . 26

Шишъ-бурчъ, прекрасная долина со многими укрѣпленными деревнями. Корму изобильно. Рѣка Кагмардъ. . . . 26

Сайганъ, обширное селеніе, расположенное въ плодородной долинѣ; жители узбеки, но есть и таджики; рѣчка Сайганъ 24

Риги-ноу, урочище; селеній по близости почти нѣтъ. Вода есть (ручьи), но корму нѣтъ 22

Бамьянъ, мѣсто нашей стоянки—небольшая тополевая роща. По долинѣ разбросано много укрѣпленныхъ деревень; масса пещеръ. Корму вдоволь. Рѣка Бамьянъ 34

Магомедъ-топчи, укрѣпленная деревня (замокъ). Кормъ есть. Рѣка Бамьянъ. 18

Иракская долина, въ которой находится много укрѣпленныхъ деревень. Кормъ есть. Иракская рѣчка . . . 16

Кала-харзаръ, укрѣпленіе. Корму очень мало; ручей Аби-Харзаръ 35

Герденъ-диваръ, укрѣпленіе. Корму мало; рѣка Гильмендъ. 21

Сэръ-чешмэ, селеніе, занятое отчасти гезарейцами, отчасти авганами. Корму достаточно. Истоки рѣки Кабульской 36

Коти-ашру, большое селеніе, расположенное на обширной Майданской долинѣ. Всего вдоволь. 30

Каля-и-казы, небольшое укрѣпленное селеніе. Всего вдоволь; арыкъ 26

Кабулъ, столица Авганистана, имѣетъ до 60 тысячъ жителей; на рѣкѣ того же имени. Къ сѣверу отъ него находится большое озеро. 15

Итого отъ Патта-Гюзара на Аму-Дарьѣ до Кабула. . 632

Конецъ перваго тома.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ

I-го тома.

СТРАНИЦА	СТРОКА	НАПЕЧАТАНО	ДОЛЖНО БЫТЬ
6	14 снизу	дверей.	двери.
7	13 »	лошадей,	лошадей
8	4 »	они	онѣ
16	8 »	окозо	около
24	2 сверху	Чпракчи.	Чиракчи.
46	11 »	рядоиъ	рядомъ
49	18 »	полкя.	полка.
—	8 снизу	путешественнила,	путешественника,
54	8 сверху	Высокал	Высокая
—	10 »	проѣхами,	проѣхали,
64	3 снизу	своа	свои
73	20 сверху	чрезчайно	чрезвычайно
83	1 примѣч.	ве нашелъ	не нашелъ
106	12 сверху	наконунѣ,	наканунѣ,
112	8 снизу	По этому	Поэтому
163	1-е примѣч.	переселепіе	переселеніе
178	1-е примѣч.	Perce	Perse
182	11 сверху	Vehicul	Véhicule
183	3 примѣч.	Perce,	Perse,
193	3 примѣч.	centrale	Centrale
208	5 сверху	рѣки.	рѣки,
212	20 »	послѣдніе	послѣднія
224	11 снизу	нѣкоторохъ	нѣкоторомъ
225	19 »	поной,	поляной,
228	10 сверху	нѣсколько	нѣсколько
234	8 снизу	каменноту	каменному
250	3 »	полузрушенныхъ	полуразрушенныхъ
254	6 »	суставпой	суставной
259	16 »	сколько	скользко
260	1-е примѣч.	чевидно,	очевидно,
268	4-е примѣч.	съ Балхомъ	съ Балхомъ.

СТРАНИЦА	СТРОКА	НАПЕЧАТАНО	ДОЛЖНО БЫТЬ
271	1-е примѣч.	St. Yulien	St. Julien
272	10 снизу	Фань-янъ.	Фань-янъ,
277	9 сверху	прежняго	прежняго
282	3 снизу	отдѣльнымн	отдѣльными
291	16 »	монгольслій	монгольскій
296	5 сверху	На противопожномъ	На противоположномъ
299	16 »	деревянноту	деревянному
301	3 »	деревьеевъ,	деревьевъ,
354	2-е примѣч.	centrale,	Centrale,
367	14 сверху	холодний	холодный
380	7 »	наблюоается	наблюдается